

Август Форель Половой вопрос

«Август Форель. Половой вопрос»: Книгоиздательство «EOS»; 1909

Аннотация

Второе, исправленное и дополненное издание. С.-Петербург, 1909. Книгоиздательство «EOS».

Естественно-научное, психологическое, гигиеническое и социологическое исследование для образованных.

Как ученый, Форель составил себе имя не только работами по психиатрии и нервным болезням, но и поразительно тонкими наблюдениями над общественной жизнью муравьев и пчел. Как врач, Форель известен своим удивительно гуманным отношением к самым «извращенным» больным и своей редкой способностью лечить их путем гипноза и психического внушения. Как общественный деятель, Форель выделяется как фанатический борец с алкоголизмом и в «Половом вопросе» устанавливает связь между алкоголизмом и ненормальностями половой жизни.

Форель защищает гражданский или государственный брак, между тем его книга полна фактами, доказывающими, что нет ничего более непримиримого, чем любовь и принуждение. Постоянство любви, неразрывность заключенного союза представляется идеалом человеческого счастья, но прийти к нему можно лишь путем полной свободы без всякого обязательства перед государством или церковью.

Исследование касается многих вопросов семьи и брака: ревности, «полового лицемерия», пользования противозачаточными средствами в смысле улучшения человеческого рода. Некоторые страницы книги, несомненно, будут «шокировать» читателей: у Фореля нет ни капли лицемерия, он говорит все до конца.

Август Форель

Половой вопрос

Половой вопрос относится к таким вопросам, при рассмотрении которых очень легко сойти с правильного пути. Возбуждая по природе своей человеческие страсти и человеческое

любопытство, он, в связи со своим содержанием, дает широкий простор для всякого рода злоупотреблений им. Сочетаясь с религией, моралью, искусством, политикой, правом и медициной или же попавши в распоряжение торговли и стремления к наживе, он в каждом отдельном случае освещается односторонне и тенденциозно. Мы, например, находим его в таком изложении:

1. Эротическом и порнографическом, чтобы, систематически раздражая естественное стремление, забирать у других деньги. Следствием такой денежной алчности являются торговля девушками, сводничество, проституция и порнографическая литература.

2. Целью выражения своего собственного эротизма, который таким путем находит себе удовлетворение.

Оба этих мотива в большей или меньшей степени связаны со следующими родами рассмотрения предмета:

3. Род религиозно-метафизический, в экстазо-эротическом или же аскетическом проявлении мистики.

4. Род политическо-социальный, исторически демонстрирующий проявление во всем своем бесстыдстве, под воздействием алчности и эротизма, права сильного, т. е. права мужчины относительно женщины. Начинают, однако, к счастью, последовательно признавать равноправие женщины.

5. Род специально-юридический, проявляющийся в виде параграфов закона, предназначенных для регулирования права обоих полов и их потомства в отношении полового общения и его результатов. Повсюду в этих законах просвечивают как право сильного, так и мистические и варварские обычаи.

6. Врачебное трактование полового вопроса делится, с одной стороны, на научное исследование половой физиологии и патологии, а с другой — на лечение половых некормальностей и болезней и гигиену половой жизни. На первом отражается недостаточное психологическое образование врачей, лечению же нередко слишком вредит избыток уважения к юристам, богословам и традиции. Чтобы врачебное отношение к делу не сходило с прямого пути, необходимо рассматривать половой вопрос с психологической, физиологической, анатомической и патологической сторон. Сюда же должно присовокупить исследование развития (эмбриологии) и эволюции (филогении) полового стремления и половых органов.

7. Род этнографический и исторический отличается чрезвычайно поучительностью не только в качестве описания действительных половых отношений во всемирной истории, но и многократных заблуждений человека. Этот род, однако, тоже страдает нередко отсутствием объективности и поверхностностью, находясь нередко под непосредственным субъективным воздействием двух вышеупомянутых фактов. Но и он успел сделать уже крупные успехи.

8. Искусства чаще уделяют внимание половому вопросу, ибо роль полового чувства и страсти во всех сферах искусства является доминирующей. Это же может быть сказано и относительно беллетристики. Искусство и беллетристика насквозь проникнуты и одухотворены половым вопросом, но нередко, к сожалению, им же и извращены, и, главным образом, тогда, когда на первый план выступают алчность и эротизм. Искусство и литература, конечно, реагируют на какое угодно восприятие людьми полового вопроса в хорошем и в дурном.

9. Этический или моральный род отношения к половому вопросу также должен быть здесь приведен. Ему, к сожалению, нередко свойственно вырождение в морализующую фразеологию, или же мистический аскетизм, граничащий с ханжеством, или же в противоположную этике реакцию. Здесь мы имеем дело с чрезвычайно существенной стороной вопроса, которая должна сочетаться с его социально-гигиенической стороной. Слишком возвышенные стремления на почве этики, не выходя из пределов исключительной строгости, часто не достигают цели. Но эта серьезная область является основною.

10. Очень важна роль полового вопроса и в педагогике, но его нередко здесь воспринимают превратно.

Во всех приведенных видах исследования полового вопроса в большинстве случаев очень важным является личное эротическое чувство автора, который с трудом от него может отделаться, но в интересах научной самокритики необходимо, конечно, приложить все усилия к тому, чтобы оставаться справедливым, нейтральным и объективным.

Насколько важным представляется половой вопрос для человечества, счастье и правильное развитие которого в будущем в значительной мере обусловлены наилучшим его разрешением! Делая попытку разобраться в этом щекотливом вопросе, я буду стараться, по возможности, миновать черствость и эротизм, а также не прибегать к компилятивности и тяжеловесности изложения, свойственной ученым трудам. Я опираюсь в своих взглядах на различные исследования во всевозможных областях, а также на обширный личный опыт в изучении патологических случаев и нормальной половой жизни здоровых людей. Но в области этнографии, являющейся для меня совершенно чуждой, я придерживался капитального труда Вестермарка, резюмируя его положения. В изложении половой психопатологии я придерживался, главным образом, Краффт-Эбинга.

Необычайная сложность полового вопроса не разрешает найти для него такое же простое решение, как вопрос об алкоголе. Решение последнего сводится к краткой формуле: «долой алкоголь в качестве напитка!» точно так же, как вопрос об уничтожении крепостного права — к формуле «долой рабство!» Алкоголь, рабство, пытки представляют собой лишь искусственные наросты, гнетущие человечество и подлежащие простому удалению. Это и будет сопряжено с пользой для человечества, ибо они к человеческой природе не относятся. А между тем половой вопрос касается непосредственно корней жизни, во многих пунктах своих совпадает с общечеловеческим и заслуживает совершенно иного к себе отношения. Но в настоящее время он стоит на ложных, опасных и вредоносных путях, с которых его следует во что бы то ни стало свести и направить в более приспособленный фарватер, при помощи плотин и соответствующей канализации. Основное положение полового вопроса сводится к следующему: Всякая половая функция и половая любовь у человека, равно как и у всякого живущего существа, имеют своею важнейшею целью продолжение рода. Ее поэтому и следует рассматривать с точек зрения естественно-научной, психофизиологической и социологической. Эти попытки и производились уже, но главным образом в ученых трудах или же односторонне. Человечество в интересах своего счастья должно поэтому желать, чтобы его размножение сопровождалось прогрессивным возрастанием всех его физических и психических (духовных) качеств как в смысле силы и физического здоровья, так и относительно характера, рассудка, воли, творческой фантазии, любви к труду, жизнерадостности и социального чувства солидарности. В зависимости от этого, все попытки к решению полового вопроса должны иметь целью перспективы и счастье нашего потомства.

В интересах наилучшей разработки полового вопроса, необходимо совершенно отрешиться от индивидуальных соображений. Но вследствие свойственной человечеству слабости и близорукости, проявляющихся в этой области наиболее интенсивно, необходимо иметь все время в виду вышеприведенное общее положение, принимая в соображение и непосредственное счастье и выгоду, обуславливаемые человеческими индивидуальными слабостями, ибо в противном случае можно впасть в утопизм. Такое соединение усугубляет трудность решения задачи, благодаря чему и приходится вполне отрешиться от предрассудков и ложного стыда. Мы постараемся это сделать.

Половой вопрос с высшей точки зрения является столь же эстетичным, сколько и этичным; столь же красивым, сколько и хорошим. И только грязь и низость, обуславливаемые грубыми эгоистическими вожделениями, глупостью и невежеством, в сочетании с эротическим любопытством, мистическим суеверием и ненормальной мозговой деятельностью, являются постыдными и оскорбляющими.

Мы разделим нашу тему на 19 глав.

Главы I до VII обсуждают естественную историю, историю и психологию половой жизни: глава VIII — ее патологию, а главы IX до XVII — ее социологическую сторону, в смысле отношения к различным сферам общественной человеческой деятельности.

Глава I

Размножение живых существ. История зародыша

Деление; девственное зарождение; конъюнкция; мнема; развитие; половые различия; кастрация; гермафродитизм; наследственность;

бластофтория.

Законом, общим для всего органического мира, является своего рода кругооборот, совершаемый каждым живым существом, носящий название отдельной или индивидуальной жизни и завершающийся смертью, т. е. разрушением значительной части соответствующего индивидуального живого существа, которое вслед затем снова распадается в безжизненную материю. Только маленькие частицы его, в лице зародышевых клеток, продолжают жизнь при определенных условиях.

Микроскопически малая клетка известна нам, со времени Шванна, в качестве простейшей элементарной формы, способной к обнаружению жизни, а у низших известных нам организмов она составляет и все отдельное существо. Без сомнения, клетка представляет собою нечто высокоорганизованное. Она состоит из бесконечно малых разнообразных и разноцветных элементов, составляющих так называемую протоплазму, или вещество клетки. Однако, эти бесконечно малые элементы еще совершенно неизвестны. В них должно искать ту переходную ступень от безжизненной материи к самой жизни, которую предполагали найти в самой протоплазме, когда ее сложное строение не было еще известно. Этот неразрешенный вопрос не будет здесь занимать нас. Для каждой данной жизни клетка выливается в постоянную элементарную форму. Ее составляют клеточная протоплазма и внедренное в нее ядро, вещество которого называется нуклеоплазмой. Ядро — это наиболее важная часть клетки, управляющая, так сказать, ее жизнью.

Размножение низших одноклеточных существ совершается путем деления, равно как и размножение отдельных клеток высших многоклеточных живых существ. Каждая клетка происходит от другой клетки. Вместе с ядром своим клетка посередине перетягивается и таким путем распадается на две клетки, снова увеличивающиеся, благодаря всасыванию питательных соков из окружающей среды. Смерть или разрушение отдельной клетки, конечно, знаменует собою и смерть всего индивидуума, который большей частью, однако, успел уже размножиться. Но и здесь мы сталкиваемся уже с своеобразным проявлением конъюнкции, или конъюгации, т. е. такого рода явлением, когда одна клетка внедряется в другую, и такое слияние обуславливает собою возникновение более крепких и более способных к размножению клеток. Это явление, которое мы наблюдаем у всех живых существ, а также и у людей, дает нам основание сделать вывод, что продолжение жизни возможно лишь в том случае, когда два различных элемента, пребывающих под неодинаковыми влияниями, время от времени сливаются друг с другом. При воспрепятствовании этому или предоставлении определенным живым существам непрерывного размножения лишь делением или почкованием (см. ниже), неизбежно последует вырождение и ослабление, заканчивающееся в результате вымиранием всего поколения.

Нам необходимо разъяснить здесь новейшие научные исследования интимных процессов деления клетки, в той мере, в какой они уже изучены, так как вполне очевидно тесное сродство между процессами деления и процессами оплодотворения. Ядро обыкновенной клетки имеет вид более или менее круглого пузырька внутри ее. Благодаря тщательно выработанным в последнее время способам окрашивания, обнаружено, что ядро заключает в себе многочисленные ядровые тельца, причем оболочка или кожица ядра соединена с чрезвычайно тонкой сеточкой, проходящей через все содержимое ядра. Сочное вещество ядра сосредоточено в сплетениях этой ткани, способной особенно энергично впитывать в себя красящие вещества и называемой вследствие этого хроматином. Процесс деления такого рода высших клеток, заключающих ядро, был назван митозом. Начинается он с ядра. В протоплазме, близко от ядра образуется тельце, называемое центрозомой (центральным тельцем). При начавшемся в клетке процессе деления стягиваются прежде всего сплетения хроматина, а центрозома делится на две половины. В следующий за этим момент части хроматина собираются в извилистые нити (хромозомы), число которых видоизменяется у различных живых существ, но постоянно для одного и того же растительного или животного вида. Одновременно центрозома расходится по обеим сторонам ядра. Вслед за этим происходит укорачивание и утолщение хромозом, при совершенном растворении ядра клетки, исчезновении его кожицы и смешении содержимого с протоплазмой клетки. Хромозомы затем выстраиваются, как прусские солдаты, в наибольшем поперечнике клетки, оставляя центрозома по одной на каждой стороне. Но теперь каждая

хромосома расчленяется на две параллельные половины, почти равные по величине. Как это непосредственно видно, обе центрозоны обведены лучистыми линиями. Из них некоторые удлиняются по направлению к хромосомам, прикрепляются к ним и притягивают к своей центрозома каждую половину уже раздвоившейся хромозомы. Таким путем около каждой хромозомы сосредотачивается столько хромозом, сколько создала их первоначально клетка — мать. Одновременно клетка увеличивается в ширину, и протоплазма ее приобретает по загнутому рубцу на обоих концах наблюдавшейся уже нами центральной линии хромозом. Снова собирается жидкость ядра вокруг каждой из хромозомных групп; лучи, окружавшие центрозоны, пропадают, и происходит деление клетки между обеими группами хромозом, чему соответствует образование в протоплазме простенка, разъединяющего клетки. Хромозомы вслед за этим вновь распускаются в первоначальную хроматиновую сеть ядра, и каждая совершенно отделившаяся теперь половина снова располагает ядром и центрозомай, точно так же как и клетка — мать.

Размножения клеток в вышеописанном виде наблюдаются во всем животном и растительном мире. У простейших известных нам существ (одноклеточных) деление представляет собой единственный вид размножения (хотя у некоторых клеток, как у бактерий, внутренние процессы еще слабо освещены). Деление клеток сложных организмов высших растений и животных, происходит таким же образом, причем в период эмбрионального, а часто и позднейшего роста образуются отдельные органы тела. Этим достаточно ясно констатируется внутреннее сродство между всеми живыми существами. При этом процессе всего удивительнее, так сказать, математическое деление хромозом на две равные части. Здесь преследуется, очевидно, равномерное распределение хромозомного вещества по всему организму. Мы об этом еще потолкуем.

Чем выше представители данных живых существ на лестнице растительного и животного мира, тем более сложными становятся, как известно, отдельные существа, ибо они происходят уже не из одной клеточки, но из достаточного количества клеток, соединившихся в одно целое и, в зависимости от цели, для которой они приспособляются, получивших всевозможные формы и химические свойства. Таким образом, у растений образуются листья, цветы, почки, ветки, стебли, кора и пр., а у животных — кожа, кишечник, железы, кровь, мускулы, нервы, мозг, органы чувств и т. д. Но, независимо от высокой сложности различных организмов, мы у некоторых из них нередко обнаруживаем способность размножаться делением, а еще чаще почкованием. У известных животных и растений группы клеток разрастаются в так называемую почку, отделяющуюся впоследствии от организма и образующую новое живое существо (полипы, лук). Из отводка, таким образом, можно вырастить дерево. Неоплодотворенные муравьи и пчелы, например, могут, как известно, класть яйца, из которых, путем так называемого девственного зарождения (партеногенезис), развиваются живые и нормально сложенные потомки. Но такое потомство обречено на вырождение и гибель, если бесполое размножение почкованием или путем девственной зарождения имеет место на протяжении значительного числа поколений. Воспроизведения без конъюнкции не бывает вовсе у высших животных, как у позвоночных и у человека, и, следовательно, здесь не может быть места и партеногенезису. Однако, вместе с тем научные исследования подтверждает нам, что долговечная жизнь обуславливается половым размножением или конъюнкцией. В чем же суть этой конъюнкции?

Должно прежде всего заметить, что, независимо от сложности индивидуума, размножающегося половым способом, всегда имеются налицо орган или ткань, которых однотипные клетки предопределены для размножения вида или, точнее, для конъюнкции. Такой орган носит название половой железы, а клетки его, выделенные из тела при определенных условиях конъюнкции (а в некоторые случаи временно и без нее), обладают свойством так размножаться, что почти в той же форме (родовой тип) снова воспроизводят индивидуум, которому обязаны своим происхождением. Поэтому, по Вейсману, можно допустить, с точки зрения философии, что клетки эти продолжают жизнь своих предшественников, причем, благодаря смерти, произошло на самом деле разрушение только той части индивидуума, которая приспособлена была для специальных его отправлений, и в этом же смысле использована. Каждый индивидуум продолжает жить в своем потомке.

Половая или зародышевая клетка, до превращения в многоклеточный индивидуум, расчленяется на множество так называемых эмбриональных клеток, дальнейшее дифференцирование которых дает начало всевозможным органам тела. Переход зародышей клетки в законченный индивидуум называют эмбриональным периодом. Особь за этот период претерпевает весьма удивительные изменения в форме. В известных случаях, более того, организуется определенное кажущееся законченным живое существо, обладающее собственной формой, своеобразною жизнью, и после нескольких лет превращающееся в результате в окончательную половую форму. Таким образом, из яйца бабочки развивается раньше гусеница, за ней куколка, а потом и бабочка. К эмбриональному периоду и относятся первые два превращения. Каждое животное в эмбриональном периоде до известных пределов переживает превращения форм, приближающихся в большей или меньшей степени к формам его предков; так, гусеница напоминает червя, предка насекомых и т. д. (основной биогенетический закон Геккеля). Здесь не место для зоологических изысканий, и я довольствуюсь этими указаниями.

Перейдем к конъюнкции. У многоклеточных животных в индивидуальном ли одном и том же теле, или же иногда у различных индивидуумов, образуются в различных зародышевых железах обе группы зародышевых клеток — мужские и женские. Оставив пока все относящееся к растениям, чтобы не осложнять темы, будем касаться исключительно животных. При образовании обоего рода зародышевых желез в одном и том же теле животное называют гермафродитом. При образования же этих желез в двух различных индивидуумах животные носят название раздельнополых. Улитки, например, относятся к гермафродитам. Есть, однако, простейшие многоклеточные животные, обыкновенно размножающиеся путем почкования и лишь в исключительных случаях вступающие в конъюнкцию. Но этих животных по отдаленности их от человека, мы оставим в стороне. Мужские зародышевые клетки у всех высших животных (равно как и у гермафродитов) отличаются своею подвижностью. Протоплазма их способна сжиматься, формы же, в зависимости от вида, весьма разнообразны. У человека и млекопитающих они напоминают бесконечно малых головастиков, обладающих таким же подвижным хвостиком, как у головастиков в прудах. Что касается женских зародышевых клеток, то они, наоборот, будучи значительно больше мужских, обыкновенно неподвижны. Конъюнкция состоит в том, что тем или иным механическим путем, — а пути эти в природе дают бесконечное разнообразие, — мужская зародышевая клетка, так называемый сперматозоид, или семенная нить, благодаря своей подвижности, достигает женской зародышевой клетки — яйца, в протоплазму которой и внедряется. В этот момент свертывается поверхность яйца, благодаря чему становится невозможным проникновение туда вновь прибывающих сперматозоидов.

Яйцо, в качестве женской зародышевой клетки, и сперматозоид, как мужская зародышевая клетка, состоят оба из протоплазмы и ядра. Но при наличности у семенной клетки весьма малого ядра и небольшого количества протоплазмы, яйцо, наоборот, располагает большим ядром и бесконечно большим количеством протоплазмы. Протоплазма эта у некоторых особей чрезвычайно разрастается, обуславливая единственный пищевой запас в период долгой эмбриональной жизни, как, например, в яйцах птиц. Ван-Бенеден и О. Гертвиг впервые разъяснили процессы конъюнкции.

Мы видели, что процесс конъюнкции, или конъюгации, начинается уже у существ одноклеточных. Там он одновременно с размножением не совпадает. Процесс представляет лишь усиление отдельных индивидуумов, в различных случаях происходя различно.

Одноклеточное животное может просто прикасаться к другому. Вслед за этим каждое из двух ядер расчленяется на две половины. В месте соприкосновения происходит слияние протоплазмы обеих клеток, причем одна из половин ядра одной клетки с противоположной стороны переходит во вторую клетку, половина же ядра второй клетки переходит в первую. Происходит новое разъединение клеток, каждая же из обмененных половин ядер сливается с оставшейся половиной ядра той клетки, в которую она перешла. Начинается новое размножение клетки путем деления таким же образом, как это было указано выше.

В ином случае клетки после сближения сливаются, причем ядра их прилегают друг к другу. Дальнейшее деление получившейся из двух, новообразовавшейся одной клетки, происходит таким образом, что по половине ядра обеих первоначальных клеток распределяется

между обеими ближайшими клетками-дочерьми. Таким путем получается тот же конечный результат.

У высших же животных, зародышевые клетки которых делятся на мужские и женские, процесс конъюнкции происходит несколько иначе. Только в редких случаях у этих животных возможно размножение женских клеток или яиц без конъюнкции, через партеногенезис, с целью воспроизведения нового существа. Содержа весьма малое количество хроматина, а то и вовсе лишённые центрозоны, они гибнут, если нет налицо конъюнкции. Мужская семенная клетка, отличающаяся подвижностью, малыми размерами и бедная протоплазмой, благодаря движениям своего хвостика, подплывает к женской яйцевой клетке. В момент ее касания и проникновения в женскую клетку происходит свертывание, как это уже было приведено. Благодаря свертыванию образуется так называемая желточная кожица, препятствующая проникновению следующей семенной клетки. Хвост, заключающий в себе протоплазму, вскоре исчезнет, как исполнивший свои функции, а перед его головкой появляется центрозома, которая вместе с небольшим запасом протоплазмы была внесена им в протоплазму яйца; вокруг же центрозоны, как и при делении клетки, появляются лучи. Вокруг хроматина сперматозоида в это время определенно обозначается жидкость ядра, проникающая из протоплазмы яйца. Само ядро яйца остается, между тем, неподвижным и без изменения. Ядро же семенной клетки, наоборот, быстро увеличивается. Оно начинает делиться на хромозомы, которых, однако, пока еще лишь половина того числа, которое заключается в клетке данного животного вида. Увеличение живой ткани происходит на счет желтка: она, можно сказать, пожирает желток. Одновременно происходит разделение центрозоны на две половины, медленно передвигающиеся по направлению к периферии яйца таким же образом, как мы это видели в делящейся клетке. При этом начинается деление хроматина хромозомы сперматозоида, и, при увеличивающемся все более и более ядре, хроматин принимает сетчатое строение. Рост ядра семенной клетки прекращается лишь по достижении им величины и вида ядра яйца. Обе центрозоны за это время отодвигались по обе стороны от средней линии, разделяющей оба ядра. Деятельность ядра яйца начинается только теперь и при этом одновременно с деятельностью семенного ядра. Но раньше оно удаляет часть своего хроматина в форме так называемого полярного тельца; при этом в нем так же, как и в семенном ядре, остается вдвое меньше хроматина, чем в остальных клетках такого же животного вида. Семенные и яйцевые ядра начинают в это время стягивать свой хроматин, образуя хромозомы. Хромозомы располагаются по средней линии равномерно, так же как и при делении клетки, вслед за тем расчлениваются на две половины в длину, причем протягиваемыми к ним лучевыми нитями они оттягиваются вправо и влево. В зависимости от роста ядра семенной клетки живое вещество его получает такую же силу, как и вещество клетки яйца. Оба ядра являются друг относительно друга вполне равноправными (символ социального равноправия обоих полов). Более глубокое значение этого обстоятельства заключается в том, что при делении конъюгированных ядер в дальнейшем течении процесса на две клетки, в каждой клетке концентрируется столько же приблизительно мужского, сколько и женского вещества. Мы не желали сказать «ровно столько же», ибо в потомстве влияние мужское и женское распределяются далеко не одинаково. Последнее по Земону (см. ниже), объясняется чередующимися экфориями в мнемических дихотомиях. Но, в виду деления клетки в последующем течении эмбриональной жизни по той же схеме, можно сделать заключение, что каждая клетка будущего организма ребенка или, по крайней мере, каждое ядро его приобретает приблизительно около половины материнской и половины отцовской субстанции или энергии.

В вышеприведенном процессе и кроется тайна наследственности. Энергии унаследования таят в растущих и делящихся хромозомах всю свою первоначальную силу и первоначальное качество, между тем как вещество желтка, пожираемое хромозомами и химизмом жизненного процесса превращаемое в их собственное живое вещество, вполне лишается своей специфической, пластической жизненной энергии, точно так же, как энергия пищи, съедаемой нами, взрослыми, не отражается на качественной природе нашего органического строения. Какое угодно количество съеденных бифштексов не внедрит в нас свойств быка. Таким образом, сколько бы ни съедено было ядром семенной клетки желтковой протоплазмы, оно остается при своих первоначальных унаследованных отцовских свойствах и энергии, быть

может, только умноженных и усиленных. В среднем, дитя получает столько же свойств от своего отца, сколько и от своей матери. «Испуг» беременных женщин не более, как суеверие. Вещество ядра зародышевых клеток является, стало-быть, носителем наследственных свойств или энергии данного вида. Считаясь с однородностью процессов внутри клетки при делении и конъюнкции, мы можем заключить, что и остальные клетки тела, не располагающие соответствующими условиями для самостоятельного воспроизведения индивидуума, обладают все-таки энергиями своего вида. Рассматриваемый процесс скрывает в себе, очевидно, один из глубоких законов жизни, раскрыть который предстоит только будущему.

Находим необходимым представить здесь сжатое изложение основных идей нового произведения Рихарда Земона, — произведения, создающего эпоху (*Die Mneme als erhaltendes Prinzip im Wechsel des organischen Geschehens*. Leipzig 1908, 2Aufl. bei Wilhelm Engelmann). В этом произведении блестяще подтверждается теория Дарвина, причем просто и ясно дается объяснение того, что чрезвычайно трудно было уяснить только подбором, а именно: морфологических и физиологических усложнений организмов в течение ряда поколений.

Основываясь на гениальной идее Эвальда Геринга, сводящейся к тому, что инстинкт, так сказать, ничто иное, как память вида, Земон, ссылаясь на важнейшие факты морфологической, биологической и психологической науки, утверждает, что здесь мы имеем дело не только с аналогией, но и более или менее глубоким тождеством в органической деятельности. Стремясь не пользоваться психологической терминологией, он, на основании тщательно проверенного определения «раздражение», создает небольшой ряд новых выражений для обычных общих понятий.

Термином «раздражение» обозначает он такого рода энергическое воздействие на организм, которое в раздраженном веществе живого организма обуславливает ряд сложных изменений. Таким путем изменившееся состояние тела, продолжающееся столько же времени, сколько длится само раздражение, он называет «состоянием возбуждения». Организм до воздействия раздражения находится в первичном (относительно раздражения) индифферентном состоянии, а после этого воздействия во вторичном.

Если раздраженное вещество живого организма и по прекращении действия раздражения продолжает обнаруживать длящееся изменение, то Земон этому действию дает название энграфического. Непосредственно изменению он дает название энграмм, а сумму наследственных и индивидуально приобретенных энграмм живого существа называет он его мнемой. Под экфорией понимает он повторное вызывание всего состояния возбуждения, одновременно (синхронного) с предшествовавшим комплексом раздражения, — вызывание, обусловленное лишь частью соответственного раздражения, или же ослабленным общим раздражением.

Энграмма, таким образом, может быть воспроизведена целиком или же воссоздана повторением части первоначального, обусловившего ее комплекса раздражений. В молодую, например, неопытную собаку мальчики бросают камнями. На собаку в этом случае действуют две группы раздражений, из которых а — оптическое (нагибающиеся и кидающие камнями мальчики), б — болевое (от попавших в нее камней). Оба эти раздражения энграфически отражаются на ее мозге, так как не реагирующая до этого собака при виде нагибающегося человека отныне будет убегать и визжать, если кто-либо нагнется и хотя бы для вида бросит камень. Осязательная энграмма б, таким путем, экфорируется одним только повторением ассоциированного с нею предшествовавшего раздражения а. Таким же образом, достаточно изображения одного только дерева, принадлежащего данному ландшафту, чтобы, в силу ассоциации, экфорировать и весь ландшафт.

Энграмма может быть воссоздана и ослабленным повторением первоначального обусловившего ее раздражения, а то и каким-нибудь сходным ослабленным раздражением. Фотография, как мы знаем, в состоянии воскресить воспоминание о знакомой личности. Известный сорт маиса (куриный маис), давно уже ввезенный в Норвегию, в течение многих поколений в длинные летние дни подвергаясь действию солнца, приобрел способность созреть значительно раньше. Будучи перенесен вслед за этим в Центральную Европу, он на первых порах не утратил этой способности, не взирая на то, что стал вновь подвергаться влиянию более коротких дней (Шюбелер). Ряд подобных примеров приводится Земонам; они

подтверждают, что энграммы, повторявшиеся и накапливавшиеся долгий ряд поколений, дают в результате экфорию.

Энграммы могут совместно (пространственно) ассоциироваться; тогда существуют совместные энграммные комплексы, — из них, например, получающиеся через зрение. Но они ассоциируются и последовательно, что имеет место особенно при посредстве слуха и в онтогении. Сущность различия между совместно и последовательно ассоциированными энграммами в том, что совместные связаны обоюдно — равносильно, в то время как последовательные — полярно — неравносильно. При последовательности а и b, а действует на b значительно сильнее, чем b на а (обратное действие, очевидно, слабее). Когда я произношу, например, «умечоп» вместо «почему», то спрашиваемый не сразу определяет, что «умечоп» представляет собою «почему», прочитанное с конца. Часто происходит при следовании энграмм, что две или более сходные энграммы в большей или меньшей степени равносильно ассоциируются с предшествовавшими. Земон такие случаи называет дихотомией, трихотомией и т.д. Но в виду того, что две последовательные энграммы не экфорируются одновременно предшествующей, то происходит, по терминологии Земона, чередующаяся экфория, или экфория одной из последовательно ассоциированных энграмм. Здесь наблюдается, что от более частого повторения одной ветви последняя экфорируется чаще другой, что мы видим, например, в стихе в стихотворениях, имеющих две вариации, как известные стихи Гете.

Ueber allen Gipfeln ist Ruh, in allen —

Вариант 1: Waldern horest du kemen Rauch

Вариант 2: Wipfeln spurest du kaum einen Rauch.

Такого рода чередующиеся экфории занимают весьма видное место в законах онтогении и наследственности (см. далее), в то время как чаще повторявшаяся и более сильная ветвь энграммы экфорируется, остальные части остаются почти или вовсе необнаружившимися. При более же благоприятных условиях, например, в следующем поколении, они могут экфорироваться.

В дальнейшем Земон показывает, что так называемые процессы регенерации у взрослых животных представляют собою то же самое, что и подобные им процессы у зародышей, например, как воспроизведения целого зародыша из половины зародышевой клетки путем опыта. При обыденных условиях это же напоминает открытая недавно полиэмбриония некоторых насекомых (см. ниже). Вторичная дегенерация и Гудденовская вторичная атрофия нервной системы при воздействии на зародышевую ткань, прибавим мы, совпадают с отрицательной стороной таких же явлений (см. Форель. «Einige hirnanatomische Betrachtungen und Ergebnisse», Archiv für Psychiatrie und Nervenkrankheiten, Januar 1887).

Термины «энграмма» и «экфория» психологически (интроспективно) соответствуют определенным процессам ассоциации и воспоминания. Энграммы, стало быть, экфорируются. Соответственно каждому такому процессу происходит совпадение всего мнемического возбуждения (энграммы) с синхронным состоянием возбуждения, обусловленным новым раздражением; по Земону, такое совпадение называется гомофонией. Если же возникает разногласие между новым действием раздражения и мнемическим возбуждением, то гомофонию стремятся возобновить: интроспективно — деятельность внимания, онтогенетически — процесс регенерации, а филогенетически — приспособляемость.

Земон утверждает, основываясь на убедительных фактах, что предварительно действия раздражения относительно локализованы в месте их наступления (первичная собственная область), вслед за чем распространяются или дают себя чувствовать во всем организме (но не в одной только нервной системе, ибо они действуют, например, и у растений). Энграфия, таким образом, хотя бы и в значительной степени ослабленная, может достигнуть, наконец, и зародышевых клеток. Энграфические влияния весьма слабого характера, по Земону, достигают экфории лишь после бесчисленных повторений (филогенетически — после бесчисленных поколений). Возможность очень медленного унаследования приобретенных свойств, после длинного ряда поколений, находит себе объяснение в мнемическом принципе, причем должно считаться с основательностью фактов, указанных Вейсманом. Необходимо иметь в виду, что влияние скрещиваний (конъюгации), а также подбора, обнаруживается, натурально, в смысле изменения, значительно быстрее и интенсивнее, чем индивидуально унаследованные

мнемические энграммы. Ими, как видно, и объясняются мутации де-Фриза.

Большую роль играет последовательное проведение Земонам вышеприведенных понятий в морфологии, биологии и психологии, а также велико значение вытекающих отсюда новых перспектив. Работа мкемы проявляется помощью воздействия внешнего мира, причем энграмма способствует сохранению и выгодному комбинированию, в то время как подбор устраняет все, в недостаточной степени приспособленное. Настоящий строительный материал организмов, стало-быть, дают раздражения внешнего мира. Благодаря Земону, я, признаться, стал в ряды сторонников этого могущего, наконец, быть приемлемым объяснения наследственности приобретенных свойств. Взамен всевозможных туманных неизвестных, мы встречаемся на этот раз лишь с одним — с сущностью мнемической энграммы.

Найти корни мнемической энграммы в физических и химических законах — это задача будущего.

Отсылаю читателя к самому Земону, ибо не представляется возможным в нескольких положениях резюмировать труд в 386 страниц весьма убористой печати, изобилующий фактами и доказательствами.

Каждая клетка тела у растений, как мы знаем, носит в себе, так сказать, все наследственные энергии вида (отводки, прививка и пр.). Энергии же у тех клеток, которые не в состоянии давать зародыш, остаются к развитию неспособными. Такого рода непроявляющиеся энергии не могут иметь никакого практического значения. Каждая клетка тела, как и каждая зародышевая клетка, может в этом значении быть названа гермафродитной, ибо она в себе заключает недифференцированные энергии обоих полов. В этом случае семенная клетка является носителем как мужских, так и женских предков мужчины, яйцевая же клетка носит энергии мужских и женских предков женщины. Самец и самка представляют из себя лишь соотносительно дифференцированных носителей одного из обоих родов зародышевых, необходимых для конъюнкции, клеток. Должно не упускать из виду, что зародышевые клетки сами первоначально в половом смысле не дифференцированы в зародыше (гермафродитны) и становятся мужскими или женскими лишь в определенный период онтогенеза. Дальнейшие подробности по атому предмету я считаю излишними.

В случае развития женской клетки без помощи оплодотворения (девственным зарождением), что наблюдается у пчел, рост ядра происходит так же, как и рост вышеприведенных конъюгированных ядер, точнее, как при митозе. Здесь уместно принять во внимание, что способом искусственного расчленения яйцевой клетки достигнута уже возможность получения двух полных животных (экспериментальная бластотомия), а также (Бовери) зародыша из одной протоплазмы яйцевой клетки, без наличия женского ядра, но при участии лишь сперматозоида. Процессы деления в одной только протоплазме яйца подвергались наблюдению Циглера.

Должно обратить также внимание на специфическую полиэмбрионию известных насекомых-паразитов (перепончатокрылых, как энциртус и др.). Яйца их, по Маршалю, по достижении известного роста, разъединяются на большое количество вторичных яиц, причем каждое из них делается сперва эмбрионом, а потом и насекомым. Такое же деление достигалось и встряхиванием яиц известных пород морских животных, причем каждое яйцо делилось на несколько яиц, а потом и на столько же эмбрионов. Яйцо энциртуса, разделившееся на несколько яиц, дает всех животных одного пола.

Видоизменения формы до превращения конъюгированных клеток в человека нас в данном случае не будут задерживать, так как это относится уже к эмбриологии, как истории развития в более обширном значении этого слова. Оставляя большие подробности для главы III, мы приведем здесь лишь основные положения.

В яичниках женщины заключается достаточное количество яйцевых клеток (хотя и весьма малое сравнительно с обилием сперматозоидов в тестикулах); из них некоторые в определенное время разрастаются, будучи окружены пузырьком с просвечивающей жидкостью — Графов пузырек. К периоду менструации созревает одно или два яйца в Графовых пузырьках какого-либо из яичников и выталкивается наружу. В этом и состоит процесс овуляции или выхождения яйца. Оставшийся пустым пузырек зарубцовывается и носит название желтого тела. Вытолкнутое яйцо проникает в маточную трубу в расширенном ее отверстии,

открывающемся непосредственно в брюшную полость. По другим предположениям брюшное отверстие, прилегающее к яичнику, само при помощи мускульных сокращений всасывает вытолкнутое яйцо; утверждают также, что проведение яйца в маточную трубу обуславливается одним только движением мерцательных клеток эпителия маточной трубы. Во всяком случае, очутившись в маточной трубе, яйцо, медленно двигаясь по тончайшему каналу, попадает в полость матки. Можно предполагать, что оплодотворение происходит в брюшном отверстии маточной трубы или в ее продолжении. В виду движения яиц по направлению вниз, а сперматозоидов вверх, возникает масса попутных мест для оплодотворения. Оплодотворившись, яйцо прикрепляется к слизистой оболочке маточной полости, которая взбухает, отделяясь, точно плева, и обертывая яйцо. Последнее и удерживается в этой области в продолжение первых месяцев, продолжая увеличиваться и отростками прикрепляясь к маточной стенке.

Размеры матки не превышают небольшого куриного яйца, с удлинением книзу, называемым шейкой, которая в виде соска выдвигается во влагалище. Шейку и называют вагинальной, или влагалищной частью матки, которая, в свою очередь, продолжается в шейке и влагалищной части, раскрываясь во влагалище у нерожавших круглым отверстием, носящим название маточного зева. Стенки матки составляет толстая и гладкая мускулатура. Разрывы, вызванные родами, обуславливают зазубрины в маточном зеве. Отверстие мужского члена во время акта оплодотворения приходится как раз против маточного зева, в интересах облегчения проникновения сперматозоидов в матку.

Одновременно с ростом зародыша у носящих яйца животных происходит увеличение яичного желтка и оболочек яйца, причем путем просачивания отнимается нужное количество питания из материнских соков. У зародышей же, связанных с материнским телом вплоть до рождения (млекопитающие), почти никогда не происходит образования желтка из протоплазмы яйца. Одновременно с ростом зародыша происходит и увеличение матки, причем зародыш укрепился в одном месте клеточной стенки яйца (бластодерма), имея форму сморщенного комочка с головочкой и хвостовым придатком. От стенки отделяется пузырь (амнион) и появляется в передней части пуповинный пузырь, важный для птиц в интересах кровообращения, но не играющий роли у человека. Кровообращение у человека происходит через аллантаис, видоизменяющийся в пуповину и соединяющийся с зародышем через стенку, его кишечника. Пуповина к этому времени представляет собою толстое блинообразное тело, образовавшееся на стенках матки и заключающее в себе все увеличивающиеся и разбухающие кровеносные сосуды (плацента, или детское место). Кровеносные сосуды зародыша имеют непосредственное соприкосновение с кровеносными сосудами матки, увеличившейся в своих размерах, и, таким образом, путем просачивания происходит питание зародыша. Беременность продолжается, как известно, если считать с момента конъюнкции до родов, около девяти месяцев, и по истечении этого периода зародыш в состоянии уже жить отдельно от матери. Родовой акт заключается в том, что зародыш насильно выталкивается, причем вместе с ним выносятся наружу и пуповина с плацентой. Освободившаяся матка начинает вслед за этим сокращаться и в конце-концов принимает свои первоначальные размеры. Теперь зародыш, превратившийся в ребенка, быстро теряет приток новой пищи и кислорода из крови матери, так как он не соединен уже с ее кровообращением. Ребенку необходимо тотчас же по появлении на свет втянуть в себя воздух, так как его переполненная углекислотой кровь становится синей и ему грозит удушье. Этот акт ребенка, являясь впервые самостоятельным, на почве нервного рефлекса сопровождается и первым криком новорожденного. Во избежание голодной смерти, ему необходимо сейчас же подкрепиться и едой, для чего приходится сосать молоко. Ставшая теперь излишней пуповина сморщивается, плацента же зарывается в землю (у некоторых животных плацента съедается самкой). Можно сказать, что между новорожденным ребенком и зародышевым его предродовым состоянием нет иной разницы, кроме появляющегося дыхания и связанного с ним крика. Первые дни младенческого возраста новорожденного можно поэтому считать продолжением его зародышевого существования. Нет надобности распространяться здесь об известных стадиях последовательного развития ребенка с первых дней появления его на свет до достижения зрелого возраста. Здесь остановимся лишь на том, что в определенный период эмбриональной жизни, и, во всяком случае, очень рано известные группы клеток,

которые являются половыми, начинают уже намечать пол ребенка. Будучи в самом начале вполне индифферентными, т. е. ни мужскими, ни женскими, они начинают скоро дифференцироваться, превращаясь в мужскую половую железу или, в другом случае, в женскую. Таким образом, дифференциация обуславливает будущий пол ребенка, а в зависимости от него происходит соответствующее развитие всего тела, со свойственными для каждого пола отличиями (наружные половые органы и борода у мужчины, молочные железы у женщины и проч.).

Процесс удаления половых желез называют кастрацией, а лиц, подвергающихся этой операции — кастратами; так называемые «евнухи» подвергаются еще и операции удаления penis'a. Если произвести кастрацию у ребенка, то все дальнейшее его развитие организма значительно изменяется, причем у индивидуумов мужского пола в большей степени, чем у представительницы женского. У мужского индивидуума тело становится худощавым, голос сохраняет детский тембр, не становясь густым; что же касается свойственных его полу половых отличий, то у взрослого они очень слабо или вовсе не развиваются. Между кастрированными быками и жеребцами, волами и меринами — настолько большое внешнее различие, что оно сразу заметно. Что касается женских индивидуумов, то они после кастрации обыкновенно тучнеют, у евнухов-мужчин борода не растет или растет очень слабо, голос высокий, фистулой; они более женственны по характеру и расположены к интригам. Вообще же нервность и склонность к вырождению составляют отличительную черту кастратов обоих полов. Не следует, однако, отсюда выводить, что кастрация дает кастрированным мужчинам женские свойства; здесь можно говорить лишь о некотором сродстве. Таким образом, вола ни в каком случае нельзя считать коровой, а евнуха — женщиной. Эти свойства, повторяем, представляют собою лишь результат удаления непосредственно половой железы, а именно: тестикул у мужчины и яичников у женщины. Такого следствия не наблюдается при поранении наружных или внутренних половых органов. На основании новейших наблюдений, есть основание предположить, что прививка половой железы в какой-нибудь другой части тела в состоянии приостановить образование свойств кастратов.

Все эти казавшиеся доселе необъяснимыми последствия кастрации легко находят себе освещение в энграмии мнемических энергий (см. выше: Земон). Наследственные энергии обоих полов заключаются в половых железах, не успевших еще дифференцироваться в зародыше. Благодаря экфории одного из этих полов, соответственно определяются половые свойства всего организма, причем экфория половых свойств противоположного пола уничтожается. Экфория свойств половых клеток данного пола прекратилась, благодаря кастрации, и не может быть места для преобладания экфории соответствующих свойств. Таким образом, создается нечто вроде нейтрального недифференцированного положения в экфориях наследственных половых признаков, принадлежащих обоим полам.

Никакого, однако, существенного внешнего изменения не наблюдается у взрослых, подвергнутых удалению половых желез. Иногда даже не происходит прекращения половых функций, хотя, конечно, в этом случае, не может быть и речи об оплодотворении. Способность к совершению полового акта сохраняется у мужчин, кастрированных взрослыми, но вместо семени у них происходит изливание сока побочных желез, как предстательной и пр. Что касается женщины, подвергшейся кастрации, то *libido sexualis* (об этом дальше) у нее сохраняется, и даже довольно долгое время имеют место менструации. Но, как было уже упомянуто, кастрацию обыкновенно сопровождают ожирение, расстройство нервов и вообще более или менее заметные перемены в характере. Эти вторичные последствия кастрации у ребенка и взрослого не находят себе пока еще достаточного объяснения, если не считать некоторых не заслуживающих внимания гипотез.

Обращаясь к упомянутым половым различиям коррелятивного свойства, мы видим, что они непостоянны для различного вида животных, и в то время как у одних они выражены весьма слабо, у других они могут быть очень значительны. Самец и самка у ласточек, например, почти не отличаются друг от друга по внешнему виду, между тем как петух и курица, павлин и пава, олень и лань в большой степени отличаются друг от друга. У человека уже наружность носит на себе следы половых различий, которые, распространяясь на все части тела, могут, стало-быть, распространяться и на духовные свойства человека. Что касается

некоторых низших животных, то различие у них между самцом и самкой бывает иногда очень значительное. Так, у муравьев самец настолько отличается внешним своим видом от самки, что их можно было бы причислить к различным семействам насекомых. Глаза у них, форма головы, цвет и вообще все тело представляет собою столько различий, что при явлении у них патологического гермафродитизма, т. е., когда их половые железы у одной и той же особи развились одновременно, мужские и женские, можно на любом небольшом участке тела вполне явственно проследить соответственные коррелятивные свойства, принадлежащие каждому из них. У муравьев, например, можно наблюдать гермафродитов, у которых имеются одновременно у одной особи как мужская, так и женская половина тела, друг от друга отделенные средней линией. При этом, справа, например, огромный глаз, которому слева соответствует совсем маленький, 13 членов у правого щупальца и 12 или 11 у левого, и т. д. Что касается духовных свойств, то они и в этом случае обуславливаются влиянием наследственной мнемы соответствующей, мужской или женской, части гермафродитных половых органов на экфорию головного мозга, и, в зависимости от этого, могут быть то мужскими, то женскими. Наблюдаются, однако, случаи, когда у некоторых из таких гермафродитов голова женская, в то время как задняя часть мужская; при этом духовные свойства будут женские. Я имел случай видеть таких гермафродитов, у которых имеет место перекрестный гермафродитизм на грудях: спереди правая часть мужская, левая — женская, сзади же правая — женская, а левая — мужская. Но больше того. Муравьи, живущие обществом, выделяют филогенетически (постепенным изменением видов) третий пол, являющийся потомком самки: рабочего муравья, иногда же и четвертый: солдата. Эти муравьи лишены крыльев, но зато они обладают сильно развитыми головой и мозгом; половые же органы их, оставаясь женскими, недоразвиты. Большой мозг у муравья развит весьма мало, находясь почти в зачаточном состоянии, но у самки он развит значительно больше, особенно же у рабочего и у солдата. Эти паразитические животные выделяют из своей среды еще и патологических гермафродитов, уродливых не только между самками и самцами, но и между самцами и рабочими, причем не только коррелятивные свойства резко выражены у них на разных частях тел, но они представляют собою смешанный полумужской, полуженский половой тип. У одного гермафродита задняя часть тела и половые органы были почти совсем мужские, но инстинкт, свойственный рабочим его вида, был у него особенно развит, благодаря развитым «рабочим» голове и мозгу. Даже нормальная матка лишена таких инстинктивных свойств! Этот факт я привожу лишь в качестве материала, так как нередко делаются поспешные, малообоснованные выводы, в то время как обширная область исследованного и неизвестного требует большой осторожности.

Мы видели, что существуют животные, физиологически, т. е. нормально гермафродитные, ибо у них имеются налицо нормальные женские и мужские половые железы, причем одни, как ленточные глисты, сами себя оплодотворяют, другие же оплодотворяются перекрестно, как улитки. У этих последних при совокуплении каждое животное в одно и то же время играет то женскую, то мужскую роль.

Что касается позвоночных и человека, то у них гермафродитизм всегда ненормален, причем у человека он очень редко вполне выражен, встречаясь чаще в неполной форме, сводящейся к наружным и преимущественно коррелятивным половым признакам.

Вполне ошибочно безапелляционно признавать атавизмом упомянутые в главе VIII промежуточные сексуальные ступени человека (гомосексуалисты, женоподобные мужчины и мужеподобные женщины), исходя лишь из того, что «улитки и глисты гермафродиты», или что «оба вида половых желез еще недифференцированы в первичном эмбриональном состоянии». В действительности же это дифференцирование имеет место очень рано, и все позвоночные отличаются строго выраженным полом. В виду этого, все так называемые сексуальные промежуточные ступени у человека принадлежат к патологии зачатия, а часто обусловлены аномальностями, хотя бы последние и не были так значительны. Филогения позвоночных вообще не допускает никаких сексуальных промежуточных стадий в области атавистических норм. Это достаточно ясно доказано в произведении Гиршфельда: «Die Schiiler des geisteskranken Weiningers».

Наследственность. На основании всего вышеприведенного, можно вполне определенно заключить, что всякое живое существо в грубых чертах (видовых признаках) представляет

собой тождественное повторение всей жизни родителей (последних предков), а также одновременно и продолжение их частицы. Онтогенетический цикл развития индивидуума в каждой отдельной жизни находит себе отражение. Необходимо при этом твердо иметь в виду три основных факта.

1. Каждый индивидуум в основных своих чертах являет собою копию своих родителей или же прямых предков, — естественно, со всей наличностью вышеупомянутых половых различий и тех индивидуальных вариаций, которые обусловлены различными сочетаниями наследственных мнемических энергий в конъюгированных клетках, иными словами, неодинаковыми или последовательно действующими экфориями наследственных энграмм как отца, так и матери.

2. Нет индивидуума, вполне похожего на другой.

3. Можно считать общим положением, что индивидуум имеет наибольшее сходство с прямыми и ближайшими своими предками и родственниками, причем, чем они отдаленнее, тем больше он от них отличается.

Мы убедимся из дальнейшего в непреложном факте наличности племенного родства между всевозможными группами, видами и разновидностью животных, причем уже в настоящий момент имеется возможность сказать, что вышеприведенный третий закон находит себе подтверждение и в более обширном его толковании. Ибо имеется сходство между родственными видами и разновидностями: животных; при отдалении же друг от друга родов, семейств и классов, сходство между ними уменьшается, и в тем большей степени, чем дальше они друг от друга. Словам сходство и различие мы придаем здесь более глубокое и общее значение. Мы не даем значения сходства в смысле наследственности внешним аналогиям или совпадениям, так называемым явлениям конвергенции. С точки зрения естественно-научной, мы не принимаем поэтому сходными, в смысле близкой родственности, летучую мышь и птицу, кита и рыбу. Есть, конечно, сходство между плавниками кита и рыбы, но они, правильнее, гомологичны, иными словами, родственно-соответственны передним и задним конечностям какого-либо другого млекопитающего, содержа и соответственные кости.

Если мы сосредоточимся только на человеке и непосредственных следствиях зачатия, то убедимся в том, что хотя и имеется большое сходство между братом и сестрой, но все же один от другого в большей или меньшей степени отличается. Если присмотреться к многодетным семьям, можно заметить, что при большем сходстве между родителями и большей однородности их происхождения, будет и большее сходство между братьями и сестрами, в то время как скрещивание различных человеческих рас дает потомство, отдельные члены которого мало похожи друг на друга.

При более внимательном исследовании мы убедимся в том, что нет простого повторения или равномерного смешения признаков родителей в признаках каждого из детей, но имеется налицо разнородное смешение признаков различных предков. Встречаются дети, чрезвычайно похожие на деда со стороны отца, на двоюродную тетку или прабабку со стороны матери. Такое явление обозначаем термином атавизм. В то время как одни дети более похожи на отца, другие — на мать, третьи представляют собой как бы среднее сходство с обоими родителями.

Мы можем видеть, при очень внимательном наблюдении, еще более удивительные вещи. Бывают случаи, когда в детстве ребенок был весьма похож на отца, но, выросши, стал более похожим на мать, — наблюдается, конечно, и обратное. Может иметь место такое явление, когда свойства предков развиваются более или менее быстро в более позднем возрасте. Понятно, и об этом не должно распространяться, что проявление признаков бороды возможно только тогда, когда борода начинает расти, но и в этом случае вполне высказывается наследственное предрасположение. Все наследуется — вплоть до неуловимым нюансов душевного состояния, интеллигентности, воли, вплоть до самых мелких подробностей в ногтях, волосах, очертаниях костей и пр. Но представляется весьма трудным разобраться в том разнообразном смешении свойств предков, которое неизбежно при наследственной передаче. Наследственные предрасположения обуславливаются энергией конъюгированных зародышей в продолжение всей жизни, вплоть до смерти. Нередко наблюдается обнаружение стариками на склоне лет каких-либо особенностей, в которых легко признать стимулы наследственности, ибо какой-нибудь предок или какие-нибудь предки подвержены были в старости таким же

особенностям.

Земону удалось непреложно подтвердить, что возможно какое угодно разнообразное сочетание, но ни в каком случае не смешение наследственных энграмм или энергий. С его точки зрения вышеприведенные факты находят себе наиболее правильное объяснение. Согласно опытам ботаника Менделя, в растениях можно наблюдать некоторую последовательность в наследственных экфориях продуктов родителей, которые друг от друга сильно уклоняются. Возможно полное исчезновение некоторых свойств родителей для данного поколения, но тем рельефнее проявление этих свойств у последующего поколения. Мы встречаемся, таким образом, с целым рядом явлений, законы которых для нас еще очень неясны. Будущим изысканиям предстоит определить их.

Можно сказать, что каждый индивидуум наследует в среднем в такой же мере от отца, сколько и со стороны матери, не считаясь с тем, что отцовские свойства были переданы ему лишь через посредство весьма маленького семенного ядра, в то время как влияние матери могло сказаться значительно интенсивнее, благодаря более крупному яйцу и, кроме того, доставлению питания во весь период эмбрионального состояния зародыша. Можно отсюда заключить, что в наследственной передаче яйцом материнских свойств участвует лишь та частица ядра, которая конъюгировалась с мужским ядром, причем остальное содержимое служило лишь продуктом питания. Из этого факта вытекает чрезвычайная важность конъюнкции и содержимого конъюгированных ядер — так называемой нуклеоплазмы, с ее весьма важным хроматином. Согласно новейшим исследованиям, как мы уже упоминали, возможно, правда, возникновение процесса дробления в протоплазме и в случае удаления ядра (Циглер). Но вышеприведенные основные факты ничего не теряют в своей ценности при возможности такого сомнительного исключения, ибо факты эти имеют в виду лишь нормальные случаи, относящиеся к человеку, причем, на основании такого исключения, остается предположить, что поглощение конъюгированными ядрами плазмы яйца вовсе не имело места. Девственное зарождение в истории наших животных предков является чрезвычайно интересным, но те же причины делают его безразличным в глазах человека.

Сопоставляя в итоге вышеуказанные факты, плоды наблюдений, отличающиеся как простотой, так и неоспоримостью, мы будем в состоянии объяснить их себе не иначе, как такого рода предположением.

Зародышевые клетки, явившиеся следствием деления в зародыше первоначально определенного полового начала, в мужской, равно как и в женской половой железе, чрезвычайно различаются между собой качественно, содержа в своих унаследованных от всевозможных предков атомах весьма неравномерно распределенные энергии. В одной из желез, например, заключается больше отцовских энергий, в другой — материнских, при этом, содержащие большее количество отцовских энергий, в свою очередь, больше заимствовали от деда с отцовской стороны или, наоборот, от бабушки с отцовской же стороны и т. д. до бесконечности, когда эта связь становится в дальнейшем неуловимой, растворившись в последующих свойствах индивидуума. То же самое может быть сказано в этом же смысле о зародышевых клетках женских и мужских. Таким образом, при конъюнкции свойства ребенка в дальнейшем обусловятся той смесью свойств предков, которою обладали оплодотворенное ядро яйца и оплодотворивший его сперматозоид. Этим, однако, не все еще исчерпывается. Оба ядра, независимо от своих одинаковых размеров, при конъюнкции располагают, очевидно, неодинаковой силой. Впоследствии в зародыше и сложившемся человеке и преобладают энергии какого-либо ядра. В зависимости от этого, человек в будущем и обнаруживает больше сходства то с отцовскими предками, то с предками со стороны матери.

Но и этим еще не все сказано, так как возможно заимствование различными органами тела от тех или иных частей воспроизводящих зародышей и притом не в одинаковой степени. Возможно поэтому унаследование носа от отца, глаз от матери, нрава от бабушки с отцовской стороны, склада же ума от деда со стороны матери, причем неизбежны, разумеется, всевозможные вариации и оттенки, так как мы все это представили в грубых и схематичных чертах. У меня самого можно наблюдать неодинаковыми обе половины лица, причем с одной стороны весьма сильно сходство с материнскими предками, а с другой в меньшей степени сказывается сходство с предками со стороны отца, — на photographиях в профилях это заметно

довольно отчетливо.

В каждой зародышевой клетке заключается вся наследственная мнема ее предков со стороны обоих родителей, причем обе клетки, соединившиеся в конъюнкции, заключают в себе достаточно полно мнему предков с каждой стороны. Мы указывали уже на образующиеся в дальнейшем экфории, обнаруживающие, по закону Менделя, такие свойства, которые раньше не проявлялись на протяжении одного или нескольких поколений. Этот весьма интересный факт впервые обратил на себя внимание Дарвина, — факт, показывающий, что атавизм можно рассматривать, как следствие скрещивания разновидностей. Известны некоторые породы кур, не высиживающих цыплят. Если две такие разновидности a и b скрестить, то можно получить очень хороших наседок. Если допустить, по Земону, что каждая из разновидностей, не высиживающих цыплят, обладает наследственной мнемой a своего вида в меньшей степени, чем мнемой разновидностей b и c той же невысиживающей породы, то $a[b$ и $a[c$. Но, скрестив петуха b с курицей c , мы в результате получим $b+c+a+a$. Мы видим, что b и c взаимно уравновешиваются, в то время как a повторяется дважды, отсюда a и сильнее b и c , взятых порознь, и вместо них обособливает экфорию. Вследствие этого плод такого скрещивания вновь располагает способностью к высиживанию.

Более или менее аналогичные явления при скрещивании разновидностей сих видом привлекли к себе внимание де-Фриза, который и назвал их вициновариациями. Конъюнкция, как можно вывести из вышеизложенного, обуславливает всевозможные сочетания и вариации, через которые закон наследственности проходит красной нитью.

Согласно предположениям знаменитого исследователя наследственности и зоолога Вейсмана, в хроматине (особым образом окрашивающем веществе протоплазмы) каждой зародышевой клетки заключается достаточное количество частиц, из которых каждая в состоянии развиться в самостоятельный детский организм. Таким частицам дает он название «ид». В каждой иде заключается, в качестве ближайших ее составляющих, «детерминанты», которые потенциально дают отдельные части тела. В каждой иде заключаются как мужские, так и женские детерминанты. Неопределенное еще раздражение обуславливает у раздельнополых животных иногда только мужские, иногда только женские детерминанты. В случае же каких-либо ненормальностей, уклонений или вообще неправильных вариаций раздражения — следствием являются так называемые уродливые гермафродиты. Нормально гермафродитные животные (улитки) располагают естественно одним только видом половых детерминант, полиморфные же животные (муравьи) обладают столькими, сколько полиморфных форм имеет их вид. Впрочем, до настоящего времени высказанное Вейсманом предположение остается пока еще в области гипотез, а факты эти находят себе лучшее объяснение по мнемическому закону Земона.

Приходилось неоднократно встречаться с утверждениями, что в продолжение ряда поколений происходит истощение крупных дарований, вслед за которым наблюдается неожиданное рождение новых выдающихся качеств из рядов посредственности. Считаюсь с тем, что действительно наблюдается иногда появление ничтожных потомков у знаменитых людей и что выдающиеся люди иногда выходят из среды народа, — можно было бы на первых порах и согласиться с вышеприведенными утверждениями. Но ведь необходимо считаться с тем, что подавляющая масса посредственности имеет своих представителей в народе миллионами, в то время как выдающиеся люди насчитываются в нем лишь сотнями, — и если принять во внимание неравенство чисел в этом расчете, то мы увидим всю его логическую нелепость, разумеется, исходя из закона наследственности. В интересах правильного расчета, необходимо было бы определить количество талантливых людей, выделенных несколькими сотнями наиболее выдающихся семей, и число талантов, вышедших из миллионов остального народа, — а результаты сравнить в процентном отношении. Однако, и тогда необходимо было бы принять во внимание условия воспитания. Это обстоятельство, впрочем, утрачивает постепенно свое значение для тех стран, где обучение является бесплатным и обязательным. Вместе с тем имеется обыкновение упускать из виду влияние женской линии. Ведь глупая женщина в состоянии понизить качество потомства даровитого своего мужа, — и наоборот. В своем труде «Histoire de la science et des savants» Альфонс де-Кандоль неоспоримо доказал, что от потомства способных и талантливых людей рождается гораздо больше людей выдающихся,

чем от потомства незначительных людей, — этим он свел на-нет все вышеприведенные поверхностные мнения. И, действительно, является непонятным, почему именно духовные способности должны служить исключением из общего закона наследственности. Поводом к заблуждениям служит также противоположность между отцом-гением и его детьми, находящимися под влиянием предков со стороны матери. В зависимости от такой противоположности, общественное мнение невольно умаляет способности таких детей. И в этой области наши взгляды становятся проясненными, благодаря теории мнемы, причем на сцену выступает новый фактор, а именно: экфория мозговых энграмм, накопившихся в наследственной мнеме предков.

Наследственность приобретенных особенностей. В то время, как Дарвин и Геккель считались с возможностью наследственной передачи в течение жизни приобретенных всеми частями тела особенностей (а не одними только зародышевыми железами), и, стало-быть, и мозгом, — Вейсман признавал способными к наследственной передаче одних только особенностей, изменяющих нуклеоплазму зародышевых клеток (протоплазму ядра). Отсюда подлежат исключению явления бластофтории, которые впервые были поняты Вейсманом, не давшим им, однако, названия, и о которых будем сейчас говорить.

Мы встречаемся, с одной стороны, с удивительными результатами кастрации, упомянутыми выше, а с другой — наблюдаем почти невероятное относительное постоянство в наследственных особенностях вида. Свыше 3600 лет (составляющих около 108 поколений) мальчики у евреев подвергаются обрезанию. Но тем не менее, если в настоящее время крещеный еврей не подвергает обрезанию своих детей мальчиков, то рост крайней плоти у его мужского потомства нисколько не изменяется сравнительно с ростом ее 3600 лет тому назад, хотя крайняя плоть, отсутствуя с самого рождения индивидуума, в период 108 поколений не оказывала никакого влияния на его зародышевые клетки. Если бы наследственная мнema вида находилась в непосредственной зависимости от энграфии внешнего вида, то вполне понятно, что в нынешнем еврейские мальчики появлялись бы на свет без крайней плоти, или же она, по меньшей мере, была бы атрофирована.

Вейсман и основывался на бесчисленном множестве подобного рода фактов в естественной истории, совершенно не признавая наследственной передачи таких особенностей, которые приобретены были органами незародышевыми. Эволюцию же живых существ он представлял себе, как следствие комбинаций, обусловленных конъюнкциями, или скрещиваниями, а также естественного подбора. Он даже преувеличил «всемогущество» подбора. Дарвин считался уже с трудностью этого вопроса. Не находя соответствующего разъяснения для подобного рода фактов, он предложил свою гипотезу пангенезиса, в силу которой отделяющиеся от всех частей тела частички увлекаются кровью, которою и доставляются в зародышевые клетки. Таким образом, могут подлежать передаче даже такие особенности головного мозга, которые были усвоены в течение жизни. Впрочем, столь же смелость, сколь и малая обоснованность этой гипотезы побудили самого Дарвина скоро сознать это:

«Действие привычек иногда наследуется. Но следует считать ошибочным предположение, что значительная часть инстинктов усвоена благодаря привычке, а впоследствии передана путем наследственности» (Darwin, *Origin of Species*, 6. Ed., p. 206). Он же: «Более сложные инстинкты в значительном количестве усвоены и, повидимому, иным вовсе путем, в зависимости от естественного подбора вариации простых инстинктивных действий и пр.» (*Descent of Man*. 2 Ed., Ch. 3).

Обратимся теперь к фактам.

Новорожденный китайченок, перевезенный в Германию и получивший здесь воспитание, научится говорить по-немецки, не проявляя никаких особых способностей к усвоению или пониманию китайского наречия. Такого рода точно установленный факт, казалось бы, весь в пользу теории Вейсмана и, во всяком случае, не допускает наследственности приобретенного языка. Но вместе с тем трудно объяснить себе, какими путями в известный период времени эволюционно развилась вся колоссальная сложность головного мозга и его отправлений, если не предположить, что подобного рода особенности, усваиваемые и повторяемые целым рядом поколений, постепенно накапливались и образовывались в зародышевой плазме в виде так

называемых наследственных задатков. Наш головной мозг, вне сомнения, и вещественно, и функционально сделал большие успехи с тех пор, как наши предки недалеко ушли от гориллы, питекантропоса и даже пещерного человека начала четвертичной эпохи. Можно ли уяснить себе это последовательно усложняющееся строение мозга одним только подбором, устраняющим все негодное, и скрещиваниями, не способными, в зависимости лишь от самих себя, повысить средние ценности. Неизбежно предположение об участии какой-то неизвестной нам силы, которая констатирована уже де-Фризом в явлениях мутаций.

По де-Фризу. некоторые вариации возникают неожиданно, неизвестно в силу каких обстоятельств, но проявляют больше стойкости, чем всякие другие, обязанные своим происхождением лишь скрещиванию и подбору. Что касается меня, то я склонен объяснить все многочисленные противоречия, которыми страдает теория наследственности, явлениями мнемы, открытие которых принадлежит Герингу и Земону. Энграфия своим необнаруживаемым, но из поколения в поколение повторяемым влиянием способствует последовательному, хотя и скрытому переносу на зародышевые клетки раздражений внешнего мира. И действие ее могло бы сказаться достаточно быстро, если бы, как например, у растений, все клетки исполняли бы зародышевые функции. Если же влияние энграмм воспринимается лишь определенным органом, в данном случае нервной системой, причем действие их на зародышевые клетки отдаленно и не непосредственно, то процесс перенесения такого рода экфория в наследственную мнему будет весьма замедленным. Таким образом, недостаточно было, повидимому, 108-ми поколений, на протяжении которых крайняя плоть подвергалась обрезанию, для подлежащей отрицательной экфории мнемической энграфни. А между тем влияние конъюнкции и подбора чрезвычайно быстро и энергично, уже на протяжении нескольких поколений, сказывается на потомстве, что и привлекает наше внимание и, что особенно важно, способствует возможности производить непосредственные опыты. Однако, влияние положительных энграфий представляется более энергичным, чем влияние отрицательных. По-моему, мутации представляют собою экфории старых накопленных, но не проявившихся энграфий.

Длительные изменения видовых особенностей бабочек достигнуты были Меррифилдом и Штандфуссом, подвергавшими гусениц и куколки их продолжительному действию значительного холода или значительного тепла. Штандфусс и Фишер в результате доказали, что получившиеся разновидности вида, после подобным образом произведенных опытов сохраняются даже и в случае прекращения непосредственного действия измененной температуры, например, холода. Действие холода отражалось здесь, разумеется, как непосредственно на зародышевых клетках, так и на всем теле. И все ж этим подтверждается наследственность приобретенных особенностей.

Опыты Шовен над аксолотлом отличаются еще большей убедительностью, так как мы ищем здесь дело с приобретенными особенностями, существование которых обусловлено соответствующей средой (вода или воздух), причем отпадает предположение о том, что у зародышевых клеток особенности эти (легкие или жабры, плавательные перепонки или их отсутствие) своей наличностью непосредственно обязаны воде или воздуху. Не находя возможным распространяться здесь еще по этому вопросу, мы отсылаем интересующихся к труду Земона. Нам, разумеется, остается неизвестной, как мы уже говорили, сама природа мнемической энграфии, и неизвестность эта будет продолжаться до тех пор, пока мы не будем в состоянии создать живое существо из безжизненной материи. Но достаточно считаться с одним только этим неизвестным, чтобы, как говорит Земон, найти объяснение для всего остального, благодаря законам явлений, обусловленных этим неизвестным. Это есть уже важный шаг вперед для уяснения законов, коренящихся в основе жизни.

Бластофтория. Я разумею под бластофторией (повреждением зародыша) такого рода явление, которому также можно было бы дать название ложной наследственности, — иными словами, результаты всяких непосредственных неестественных и враждебных влияний на протоплазму зародышевых клеток, причем наследственные ее детерминанты подвергаются губительным изменениям. Действие бластофтории, стало-быть, отражается на зародышах, еще не конъюгированных, при содействии их носителей, и кладет этим начало так называемому наследственному вырождению, или дегенерации, независимо от природы последних, между тем

как наследственность сама по себе повторяет лишь экфорию наследственной мнемы предков с различными энграфическими прибавлениями.

Являясь посторонним прививком, бластофтория расстраивает наследственную мнему, а одновременно и ту или иную часть ее экфорий на протяжении всей дальнейшей жизни рассматриваемого индивидуума. Таким образом, мы не встречаемся здесь с повторением у потомков наследственных энергий их предков, а с патологическим расстройством. Но запас зародышевых клеток зародыша, получившего повреждение в одной или же в обеих родоначальных клетках, ровно как и остальные клетки тела, — находится под влиянием патологической причины, умножившейся вследствие деления клеток. Понятно, поэтому, какими путями происходит перенесение на потомство обыкновенной наследственностью такого патологического расстройства, которое введено было в наследственную мнему при содействии конъюгированной бластофторически поврежденной зародышевой клетки. Таким образом, бластофтория закладывает первый зародыш, — можно было бы смело сказать, свое кукушкино яйцо, — в большую часть наследственных патологических вырождений.

Алкогольное отравление дает нам наиболее типичный и чаще наблюдаемый пример бластофтории. Семенные тельца или яйца алкоголика, равно как и остальные его ткани, страдают от токсического влияния алкоголя на его протоплазму.

Это отравление зародышей дает в результате то, что дети, например, явившиеся следствием их конъюнкции, становятся идиотами, эпилептиками, карликами, психопатами, рахитиками и т. д. Здесь поэтому унаследованы не алкоголизм и не запой. Разумеется, при наличности страсти к употреблению алкоголя в качестве наследственной склонности, эта страсть может быть передана в зависимости от общей наследственности, но не последнее обстоятельство служит причиной алкоголического вырождения расы. Оно обуславливается только бластофторией. Но, заболев слабоумием или эпилепсией, вследствие алкоголизма отца, человек может передать эти усвоенные болезни своему потомству даже и в том случае, если бы он сам не употреблял никогда алкогольных напитков. Хромозомы семенных телец и яйца, давших половину его существа, носили в себе патологические разрушения, вызванные в их наследственной мнеме, благодаря алкоголизму отца или матери. Эти разрушения и были переданы всей наличности зародышевых клеток, равно как и всем прочим клеткам организма слабоумного или эпилептика, который уже со своей стороны передает их своему потомству. По Еейсману, его наследственные детерминанты пребывают патологически измененными. Всякого рода отравления в состоянии служить причиной таких бластофторических вырождений, если эти отравления видоизменяют протоплазму зародышевых клеток, причем вырождение является тогда бичом целого ряда поколений.

Из опытов над алкоголизованными животными (Годж, Комбемель, Марилье, Лайтинен) подтвердилось бластофторическое вырождение их потомства. Я указал здесь на классические опыты Лайтикея (1. «Ueber den Einfluss des Alkohols auf die Empfindlichkeit des tierischen Körpers für Infektionsstoffe»; Jena, Gustav Fischer, 1900, и 2. Ueber die Einwirkung der kleinsten Alkoholmengen auf die Widerstandsfähigkeit des tierischen Organismus mit besonderer Berücksichtigung der Nachkommenschaft; Zeitschrift für Hygiene und Infektionskrankheiten, 1907, Bd. 58).

В последних опытах (над 600 животными) Лайтинен показал непосредственное воздействие такой маленькой дозы, как 0, 1 грамма алкоголя ежедневно на килограмм животного, — на гемолитическую энергию крови (соответственно едва 2/3 стакана вина ежедневно взрослому в 70 килограмм). Данные статистики о прародителях идиотов, эпилептиков, душевно-больных (J. Koller. Beitrag zur Erblichkeitsstatistik der Geisteskranken (im Vergleich mit den Gesunden) im Kanton Zurich. Archiv für Psychiatrie. 1895. S. 268 n. ff bis 294; Dr. Otto Diem. Die psycho-neurotische erbliche Belastung der Geistesgesunden und Geisteskranken, Archiv für Rassen und Gesellschaftsbiologie, 1905 2 Heft, März, April etc.) и о потомстве пьяниц, собранные Демме (Demme, siehe Forel: die Trinksitten, Schriftstelle des Alkoholgegnerbundes, Basel.) и другими, а также данные статистики по Бунге о неспособности к кормлению (Bunge. Prof. Dr. G. von. Die zunehmende Unfähigkeit der Frauen ihre Kinder zu stillen. Die Ursachen dieser Unfähigkeit, die Mittel zur Verhütung, Ein Vortrag 6, durch statist. Material vermehrte Auflage, 1908, 45 S., Verlag von E. Reinhardt in München, Preis M. 80.) — служат подтверждением наличности

алкоголистической бластофтории у человека.

На развитии зародыша могут, кроме бластофтории, отразиться и другие нарушения. Нами приведены были уже опыты Меррифильда и Штандфусса в связи с влиянием холода на гусениц и куколки бабочек. Эти влияния и наследственность их последствий, хотя и не совсем патологического характера, достаточно сходственны с явлениями бластофтории.

Образование уродливого и патологического потомства может быть обусловлено также и чисто механическими расстройками в развитии эмбриона. Васманн обнаружил образование уродливых индивидуумов у муравьев, являющееся следствием своего рода гостеприимства, оказываемого ими некоторым жукам. Жуки эти вместе со своими личинками воспитываются в муравейнике, и муравьи особенно охотно слизывают сок, выделяющийся на железистых волосках жуков. Многие конституциональные болезни и врожденные аномалии у человека обусловлены такими заболеваниями родителей, которые так или иначе затронули зародышевые клетки или же уже образовавшийся зародыш. Вслед за прекращением бластофторических влияний у пребывающего в нормальных условиях потомства обнаруживается явная тенденция к освобождению себя, на протяжении нескольких поколений, от бластофторических энграмм и восстановлению прежнего состояния, ибо сила мнемы прародителей неизменно стремится к восстановлению гомофонии. Однако, в этой отрасли нам недостает еще соответствующего количества фактов. Гомофония будет обусловлена здесь нормальным равновесием разнообразных типических свойств вида.

Глава II

Эволюция или происхождение (родословная) живых существ

Нам надлежит обсудить здесь этот вопрос, ибо в последнее время создалась невероятная путаница, благодаря смешению гипотез с фактами, между тем как мы желаем воздвигнуть наши предположения не на гипотезах, а на твердо обоснованных фактах. Мы будем, однако, стараться быть по возможности краткими.

Принято тесно связывать учение о происхождении с именем Дарвина, в виду того, что он впервые принял меры для всеобщего его признания. Но на самом деле учение это значительно старше, и раньше других было предложено Ламарком, больше чем сто лет тому назад. В учении о происхождении сказано коротко и просто, что виды растений и животных не созданы в отдельности из ничего или из бездушного праха богом, а все они, включая сюда и человека, объединены глубоким и всеобъемлющим родством происхождения, последовательно развиваясь одни из других, причем простейшие живые существа в дальнейшем давали все более и более сложные. Этот краеугольный камень, каким является учение о происхождении, в настоящее время уже не может быть поколеблен. В связи с мощной живой струей, какую Дарвин влил в естественные науки, учение это исчерпывающе подтверждено невероятным количеством подавляющих фактов. В основных чертах выяснено уже, благодаря сравнительной анатомии и сравнительной географии растений и животных со сравнительной историей их развития, а также детальному ознакомлению с обильным количеством вновь обнаруженных растительных и животных форм, что истинное родство происхождения живых существ (филогения) не может подлежать никаким спорам. Усердное изучение вопроса открыло бесконечное количество разновидностей и рас или подвидов. Изучение окаменелостей или ископаемых остатков исчезнувших видов растений и животных служило сильным пособием в том же направлении, хотя и в меньших размерах, вследствие того, что слишком много недостающих промежуточных остатков. Однако, мы не только считаемся в настоящее время с несомненною родственностью различных видов живых существ между собою, но нам предоставляется возможность углубиться значительно дальше, составить себе представление о степени их родственности и определить, каким именно группам животных обязаны своим происхождением те или иные вновь возникшие группы. Представляется доступным иногда установить относительную эпоху разделения фауны и флоры двух материков, причем определяется последовательное развитие у каждой из них в отдельности различных, хотя и тесно-родственных форм. Специалист в настоящее время, в пределах одной и той же области,

быстро ориентируется в том, какие животные и растения относятся к более отдаленной, дифференцировавшейся географически ранее фауне и флоре, и какие из них обосновались здесь позднее. Упоминание вышеизложенного предназначено лишь для тех, кто не уяснил себе еще беспорядочности в настоящее время факта эволюции, так как они смешивают факты с частными гипотезами о факторах, имеющих значение при видоизменении форм.

Мы рассуждали о наследственности. Она принимает совершенно иное выражение в свете учения о происхождении, сравнительно с представлением об отдельном созидании видов. Геккель, в лице своего «основного биогенетического закона», представил миру, как мы видели, основное положение, которое, не будучи в праве претендовать на безусловную истинность, имеет, однако, за собою относительную верность и правильность и, во всяком случае, в состоянии служить руководящею красною нитью в истории происхождения живых существ. Онтогенез (история эмбрионального развития живых существ) постоянно представляет собою старое суммарное повторение филогении, или «истории происхождения»; это следует понимать так, что в зародышевом существовании мы в сокращенном ходе развития проходим все стадии видоизменения, некогда пройденные нашими животными предками. На самом деле, это, разумеется, обстоит далеко не так, ибо известная доля особенностей предков в зародыше исчезла без следа, в то время как иные зародыши, преимущественно свободно живущие, наделены своеобразными жизненными потребностями, обусловившими появление на свет специальных, им одним свойственных органов. Мы упоминали уже о гусеницах бабочек с их специфическими и родовыми особенностями, как рожки, волосяные пучки и мн. др. Несмотря на это, следы животных предков являются, без всякого сомнения, у многочисленных зародышей в различных стадиях зародышевого состояния. Нельзя сомневаться, например, в происхождении насекомых от червей, полное же сходство насекомых, в их личиночной стадии, с червями установлено непреложно. Не подлежит сомнению, что современные киты, обладающие роговыми пластинками вместо зубов, обязаны своим происхождением другим располагавшим зубами китовым породам, а эти последние происходили от имевших зубы млекопитающих. Мы, действительно, и находим настоящие зубы у зародыша кита, но он ими пользоваться не в состоянии, и зубы эти выпадают в эмбриональном периоде. Те же кости обнаруживаем мы в плавниках кита, что и в конечностях млекопитающих или ногах и крыльях птиц. Отсюда безошибочно определяем те видоизменения, которые находят себе освещение в происхождении, доступном исследованию нашему в мельчайших подробностях. Некоторые муравьи, которых непосредственное родство с муравьями-рабовладельцами определенно установлено, несмотря на превращение их в паразитообразные другие виды, обнаруживают и ныне не только вполне оборудованные для грабежа верхние челюсти, но совершенно определенные и очень рельефно выраженные проявления инстинкта похищения рабов, между тем как практическое применение этой инстинкта чуждо уже им на протяжении тысячелетий. Вышеприведенными примерами вполне наглядно иллюстрируется то положение, что живому существу свойственно унаследовать как свой внешний вид и отправления, так и духовные особенности не только от непосредственных своих предков, одного с ним вида, но и от бесконечно-отдаленных, от всего рода, семейства, класса и т. д. Наша копчиковая кость представляет собою ничто иное, как остаток звериного хвоста, нами унаследованный; в такой же мере унаследованы нами от животных наших предков и вспыльчивость, ревность, половой инстинкт, боязливость, хитрость. Наиболее древние наследственные признаки интенсивнее и сохраняются, пока они еще не вышли из употребления, но и при обнаруженной ненужности их и бесполезности они проявляют изумительную живучесть в качестве весьма стойких рудиментов (червеобразный отросток слепой кишки или шишкообразная железа головного мозга), пока в результате не исчезнут. Такие рудименты проявляют тенденцию в зародыше держаться еще продолжительнее (зубы у зародыша кита). Так, известен род муравьев (*Anergates*), у которых взрослые самцы, в противоположность самцам других родов, не имеют крыльев. Но все же куколка самца располагает еще зачатками крыльев.

Дарвина на его гипотезу естественного подбора в борьбе за существование навело специальное изучение искусственного подбора, применяемого садоводами и скотоводами по отношению к культурным растениям и домашним животным. В этой гипотезе он думал найти объяснение происхождения всякого в мире живого существа. Эта гипотеза носит название

дарвинизма в узком значении этого слова. Однако, всему учению о происхождении присвоили название дарвинизма, что послужило причиной безграничной смуты в умах, которую тенденциозно учили и еще будут учитывать предвзятость и предрассудки в борьбе с учением о происхождении видов. Приверженцы религиозного, так называемого союза Кеплера, стараются доказать в своих докладах с высоты ораторской трибуны, что дарвинизм находится на смертном одре, причем публика вводится в заблуждение тенденциозными сообщениями о последних минутах теории происхождения.

Должно, однако, считаться, как с неопровержимо установленными фактами, и с борьбой за существование, и с естественным подбором. Для обнаружения этого необходимо только добросовестное наблюдение природы. В природе все стремится проглотить друг друга или, по крайней мере, грызется друг с другом, и это наблюдается как у растений, так и у животных, причем животные, не считая, конечно воздуха и воды, находят себе пропитание исключительно в пожирании растений и других животных. Вполне понятно и естественно, что наименее приспособленные при этом гибнут, выживают же наиболее вооруженные для борьбы, — и трудно себе представить, как могли новые влияния настолько ослепить нынешних противников Дарвина, что факты эти перестали для них быть ясными. Но зато всегда была гипотетичной и таковою навсегда останется теория происхождения путем естественного подбора всех животных и растительных форм.

Мы не будем здесь возвращаться к мутациям де-Фриза и мнеме Земона, о которых мы уже говорили. Идеи Геринга, расширенные и разработанные Земоном, дали нам исчерпывающее освещение фактов. Благодаря энграфии, возбуждающейся в организме под воздействием внешних раздражений, последовательно подготавливается и создается все усложняющееся строение живого существа, причем функции естественного подбора сводятся к урегулированию и направлению этой работы мнем, а также к устранению всего малоприспособленного или же подчинению его данным условиям.

По де-Фризу, явившиеся следствием искусственного и естественного подбора разновидности не отличаются устойчивостью, в то время как неожиданные мутации значительно долговечнее. Но мы уже убзднлсь в том, что и мутации представляют собою ничто иное, как позднюю экфорию накоплавшейся за долгий период времени скрытой энграммы у прародителей.

Но и разновидности, явившиеся следствием подбора, в свою очередь, основаны на экфориях, однако, более скорых, обусловленных повторявшимися в определенном направлении конъюгациями. Плате и другие все же нашли, что такого рода высшего порядка разновидности, основательно приспособившиеся, все более и более укрепляются и становятся устойчивее. Отсюда вытекает отсутствие противоречия между основными фактами, так как все находят себе объяснение в сочетаниях наследственной мнемической энграфии с естественным подбором.

Сверх вышеуказанного, все более и более подтверждается, на основании новейших исследований, что отнюдь не имело места равномерное и последовательное видоизменение живых существ, как полагал Дарвлн, но что на самом деле сравнительно быстрее видоизменения чередовались с периодами большего или меньшего застоя, и применительно не только к общему состоянию, но и к отдельным формам. Можно в настоящее время даже утверждать, что живущие виды выделяют и такие, которые совершенно неподвижны, не подвергаясь никаким дальнейшим видоизменениям, но обнаруживая скорее тенденцию к вымиранию, в то время как другие в значительной степени изменчивы. Перемещение в новую обстановку (например, на новый материк) обуславливает сравнительно быстрое изменение вида. Энграфия, таким образом, тем скорее изменяет живые существа, чем быстрее она сама подвергается изменению. При переселении же какого-нибудь вида на другой материк изменяется не только энграфия, но и факторы естественного подбора (Вагнер). Вместе с тем становится все более и более ясным, что мировая фауна и флора в их настоящем не склонны к образованию все новых и новых форм, ибо фауна и флора третичной эпохл отличались большим богатством. Кроме того, мы можем установить, что в настоящее время царство животных и растений в большей степени подвержено вымиранию, чем обогащению новыми видами.

Нам, конечно, еще неизвестно, каким образом возникла жизнь, — во всяком случае, в

форме, бесконечно более малой и более простой, чем клетка. Но она бесспорно нарождалась не в одном месте и не из одного индивидуума, а в различных местах и через посредство многих индивидуумов. Поэтому родословное дерево ее должно быть полифилетично и не может быть монофилетично. Но относительное единообразие единичных существ с достаточной ясностью указывает на то, что во многих местах жизнь при одинаковых условиях зародилась и совершенно единообразно. Этим и объясняется кажущаяся вероятность монофилетического происхождения.

Если мы пожелаем из истории происхождения человечества выделить факты, наиболее существенные при разрешении интересующего нас вопроса, то остановимся на следующих:

1. Учение о происхождении видов непоколебимо.

2. На первый взгляд выдвигается кажущееся разнообразие в факторах эволюции: естественный подбор, мутации, климатические, физические, химические и прочие условия. Но, как мы в этом уже убедились, все они могут быть сведены к основному положению энграфии и уравновешению естественным подбором. Мы, конечно, не осведомлены еще относительно самой природы энграфии внешних раздражений применительно к живой субстанции. Если удастся когда-нибудь определить законы жизни через посредство законов так называемой мертвой природы, мы очутимся лицом к лицу с единой огромной монистически метафизической загадкой, состоящей в стремлении мировой энергии к бесконечному дифференцированию в частичных ее проявлениях и к образованию все новых, более сложных форм, так называемых магазинов энергии. Нам остается только считаться с тем, что органические виды под влиянием энграфии и естественного подбора в состоянии существенно изменяться в ту или иную форму, — лучшую или худшую, — причем улучшение обуславливается благоприятными влияниями и конъюнкциями, ухудшение же — дурным подбором и неблагоприятными энграфиями; иногда же виды вырождаются благодаря бластофтории. Сочетание из дурного подбора и бластофторических влияний представляет собою наибольшую и близкую опасность, зловеще угрожающую человечеству, и противовесом ей может явиться лишь осмысленная половая жизнь.

3. Родство видов по их происхождению распространяется в такой же мере и на духовные (психические) их особенности, как на остальные, причем первые определяют собою внутреннюю сторону мозговой жизни, мозг же в числе прочих органов следует законам природы.

4. В зависимости от вышеприведенных положений история происхождения и естественный подбор имеют столь же важное значение для полового вопроса, как и правильно усвоенная наследственность, ибо зародыши, явившиеся следствием совершения полового акта, служа интересам размножения, представляют из себя носителей грядущих поколений и судеб их и одновременно заключают в себе потенции или энергии минувших поколений. Однако, возможно влияние на них в хорошую или дурную сторону культурного человечества, в зависимости от воздействия его или же невмешательства. Но, в связи с разнообразными предрассудками, в наших школах почти или совершенно замалчиваются новейшие исследования о происхождении животных и, между прочим, и человека, вследствие чего человечество в массе своей остается в абсолютном неведении, не приучаясь к естественно-научному мышлению. Неудивительно поэтому, что многие вещи, совершенно простые и определенные в представлении естествоиспытателя или врача, кажутся массе совершенно чуждыми. Поэтому я и считаю необходимым несколько подробнее остановиться на следующем пункте.

Так называемые исторические времена, под которыми мы разумеем период от истории древнего Египта и ассирийцев до наших времен, кажущиеся нам чрезвычайно долгими, являют собою с точки зрения естественно-исторической весьма кратковременный промежуток. Поэтому следует признать весьма близкую с нами родственность вышеприведенных древних народов с точки зрения естественно-научной, разумеется, в той степени, в какой они были близки к нашей современной европейской расе. Отделяющие нас от них всего 150 поколений и даже пара сотен поколений, отделяющая их от прямых предков, которые, в свою очередь, были прямыми предками и наших прародителей (живших одновременно с древними ассирийцами и пр.), — такие поколения считаются еще относительно молодыми, с точки зрения

этнологической истории человечества (и, пожалуй, относительно современными). Если мы одновременно примем во внимание, особенно со дня открытия Америки, обнаруженные нами, европейцами, живущие и по настоящее время дикие племена Америки, Азии, Африки и Австралии, то убедимся в том, что в большинстве случаев они значительно разнятся от нас и наших предков и, во всяком случае, больше, чем мы от предков, живших около 4000 лет тому назад, и даже от ассирийян. Наблюдались среди них расы, как пигмеи Стэнли (Акка), ведды, а также австралийцы и негры, которые настолько глубоко отличаются строением тела от наших европейских рас и видов, что их можно считать лишь в отдаленном с нами родстве.

Нет, разумеется, ничего замысловатее, чем путаница человеческих рас. Но следует считать вполне определенным, что дикие расы и народности, с которыми у нас столь мало сходства, и даже расы, кажущиеся более близкими, как монголы и малайцы, на самом деле, находятся по отношению к нам в более отдаленном родстве, чем древние ассирийяне. И объясняется это тем, что между нами и предками как нашими, так и современных нам диких племен, насчитываются многие тысячи поколений, потомки которых и живут еще в различных частях света. «Обособленное дальнейшее развитие» такого рода разнообразных и разноценных человеческих рас, в связи с различными условиями существования и развития на разных материках, под разными широтами, находило себе объяснение в отсутствии средств сообщения, причем жизнь этих рас немногим отличалась от существования человекообразных обезьян. Даже сравнительно высокие культуры древности развивались в тесной области, так как, благодаря отсутствию соответствующего оружия и неприспособленности средств сообщения, пробраться очень далеко не представлялось возможности. Таким образом, распространение современной культуры по лицу всей земли при помощи компаса, огнестрельного оружия и пара — представляет собою событие, имевшее место всего лишь около 400 лет тому назад. Оно поставило вверх ногами естественную историю развития всего человечества, сравнительно с тем, какие пути она выбирала до сих пор, ибо, при столкновении низших рас с культурными, первые не в состоянии оказать равного противодействия, и гибель их неизбежна.

Поэтому и наблюдается, что дикие расы, развившиеся индивидуально в продолжение тысячелетий и, может быть, даже сотен тысячелетий, сумевшие обеспечить себе существование на определенных местах, на некоторых островах и в некоторых странах в настоящее время быстро и без остатка исчезают, уступая место более сильным в борьбе и в духовном отношении более развитым культурным расам.

Благодаря геологии, извлечены на свет божий из недр земли ископаемые остатки человека (неандертальские люди, черепа Спи, а также другие остатки человека, достигающие почти третичной эпохи), причем установлено, что они занимали еще более низкую ступень развития и значительно ближе приближались к обезьянам, чем самые низшие из существующих еще в настоящее время человеческих рас. Родство их, вполне естественно, находилось еще в большем отдалении, относясь к древнейшим, доисторическим или геологическим временам. Если удастся обнаружить еще такую находку, как *Pithecantropes erectus*, сделанную Дюбуа на острове Яве, то наука будет в состоянии найти еще более отдаленную родственную связь нашу с нынешними остатками значительно более древних предков, а именно с антропоморфными обезьянами (антропоидами).

Раньше, чем завершить эту главу, необходимо коснуться еще вопроса о помесях. Влияние на плодовитость и потомство близкой или отдаленной степени родства производителей представляет собою довольно обширное поле исследования, подробности которого не могут быть здесь всесторонне рассмотрены. Мы уже убедились в том, что всеобщность конъюнкции базируется на обязательности обмена, обуславливающего усиление рода. Вредные результаты поэтому дает постоянно практикуемое кровосмешение, равно как и постоянное девственное зарождение или чистое размножение путем деления или почкования. Все вышеприведенные способы размножения обуславливают, в конце-концов, постепенное ослабление и вырождение рассматриваемого рода. Кровосмешение понимается как продолжительное спаривание весьма близких родственников (дети с родителями, братья с сестрами и проч.). Конъюнкция двух зародышей от брата и сестры, особенно же, например, от отца и дочери, само собой разумеется, очень близко граничит, в смысле смешения зародышевых энергий, с девственным зарождением. Отвращение к кровосмешению, как мы это увидим из дальнейшего, свойственно почти всем

народам. Естественный подбор у животных также ведет к устранению продуктов сильного кровосмешения. Подтверждается, однако, что спаривание между отдаленными видами не дает совершенно потомства. Что касается близко родственных видов, то хотя они и дают помеси, но отличающиеся большей частью бесплодием или же ограниченной плодовитостью, причем тип этот чаще недолговечен и возвращается к одному из родоначальных видов.

Благодаря недавним открытиям, удалось установить, что, одновременно с обнаруженной неспособностью двух данных животных производить помеси, наблюдается ядовитость крови одного из них для другого. Удалось, по крайней мере, по настоящее время выяснить, что получение помесей вполне возможно, если впрыскивание крови одного вида в жилы другого не представляет для последнего опасности. Здесь может быть приведено также удивительное обстоятельство, сводящееся к тому, что кровь высших пород обезьян (например, оранг-утанга и других антропоидных обезьян) не ядовита для человека, несмотря на то, что, по внешности, человек и обезьяна принадлежат к различным видам. Этим и объясняется, что все существующие человеческие расы способны рожать помеси, не дающие в результате бесплодия. Однако, без риска ошибиться, представляется возможным утверждать, что человеческие расы, находящиеся друг от друга в значительном отдалении, дают вообще помеси более плохого качества, не обеспечивающие в будущем появления достаточно удовлетворительных смешанных рас. Мы не располагаем еще, нужно сознаться, достаточным количеством наблюдений над низшими породами людей (пигмеи, стэнли, ведды на Цейлоне), в связи с этим вопросом. Уже мулаты (следствие помеси негров с белыми) представляют собою довольно плохую расу, весьма слабую и мало жизнеспособную, в то время как метисы (следствие помеси индейцев с белыми) значительно более жизнеспособны, более стойки и лучше.

Хорошее в этом вопросе лежит в середине. Самыми благоприятными являются, без сомнения, соединения между соседними подрасами или разновидностями и вообще между центрами одной и той же подрасы, не очень близко родственными. В однородности расы заключается преимущество в том смысле, что обеспечивается более прочное и характерное развитие ее особенности, но эта однородность имеет одновременно и свои недостатки. Если, благодаря правильному подбору и устранению главных причин бластофтории, когда-нибудь удастся обеспечить более здоровое качество зародыша, то в отдаленном будущем, может быть, кровосмешение и не будет столь опасным, если, разумеется, оно не будет так далеко заходить. Мы оставляем еще открытым этот вопрос.

Глава III

Естественно-исторические условия и механизм человеческого совокупления. Беременность. Коррелятивные половые признаки.

Не представляется возможным уразуметь глубокий смысл и пышную цель совершения полового акта без ознакомления с изложенными ранее процессами конъюнкции и человеческого происхождения.

Конъюнкция обуславливается сближением двух клеток, а, стало-быть, движением, в меньшей мере, одной из них. В случаях низших форм совокупления совершенно достаточно этого движения клетки, и обычно оно сосредоточено на одной из пары соединяющихся клеток, которая и носит тогда название мужской. Благодаря этому движению, она становится активной частью, которая отыскивает пассивную часть. Мы видим у высших растений, что цветочная пыльца, или цветень, т. е. мужские клетки, переносятся при содействии ветра или насекомых на рыльце, откуда и попадает, благодаря механическому процессу притяжения, на неоплодотворенные еще яйцевые клетки (семя растений) и с ними соединяется. Эти же процессы наблюдаем мы и у низших животных видов. У более же сложных животных индивидуумов, состоящих из многочисленных клеток, дифференцированных в органы и движущихся свободно, мы можем заметить уже в истории их происхождения другой процесс активного движения, а именно — движение носителя мужских зародышевых клеток к носителю женских, что обуславливается движением и всего индивидуума. Благодаря этому и получаются

коррелятивные половые различия у индивидуумов, содержащих мужские зародышевые клетки, и у таких же, заключающих женские клетки. Такие два один за другим следующие процесса движения, преследующих в результате конъюнкции, обуславливают возникновение двух систем различия между живыми существами, в зависимости от их пола:

1. Различие между зародышевыми клетками, причем женская крупнее, богаче протоплазмой (желтком) и неподвижна, мужская же (сперматозоон) меньше и располагает двигательным аппаратом.

2. Различие между половыми индивидуумами и коррелятивными их отличиями, самца и самки, и при этом первый является активной, нападающей частью, а вторая — пассивной, или страдательной.

Полный или взаимный гермафродитизм занимает между ними промежуточное место. Каждый индивидуум в этом случае заключает в себе оба рода половых клеток и вместе с тем мужские и женские органы совоплощения. Здесь оба индивидуума являются однородными, оплодотворяясь сами или взаимно оплодотворяя друг друга двойной конъюнкцией, и при этом мужской орган одного индивидуума проникает в женский орган другого; это наблюдается у улиток. Здесь, натурально, нет речи о каких-либо коррелятивных половых признаках, причем каждый индивидуум является одновременно активным и пассивным.

У раздельнополых животных два рода индивидуумов, мужской и женский, отличаются всегда друг от друга прежде всего половыми органами, но чаще носят на себе следы еще и других различий — телесных и духовных. Это объясняется тем, что различием половых органов и половых функций обуславливаются различия и других органов тела, следствием которых являются неодинаковые инстинкты, неодинаковый характер, выражающиеся различным развитием головного мозга. Как мы в этом уже убедились, некоторые общественные животные, как муравьи, термиты и др., благодаря известным общественным функциям, выделяют из себя еще и третью и даже четвертую форму индивидуумов (полиморфизм). Здесь, однако, не половой функцией, а разделением труда обуславливается дифференцирование индивидуумов одного и того же вида.

Половое различие у человека послужило причиной образования двух форм индивидуумов, мало отличающихся друг от друга, причем каждый индивидуум представляет из себя носителя зародышевых клеток одного рода. В механизме совершения полового акта мужчина является активной стороной, а женщина — пассивной. Здесь должно заметить, что в животном царстве высшая или индивидуальная форма половой деятельности, захватывая собою уже не одну только клетку, а весь индивидуум, по необходимости сложнее и направляется центральной нервной системой. Таким образом, процесс оплодотворения и последствия его обуславливаются участием и других органов тела, особенно же центральных органов рефлективных движений, инстинкта и высшей пластической душевной деятельности. Такое простое соображение наводит нас на мысль о животном происхождении сложного характера половой любви у человека. К этому же, в связи с самой сущностью явления, активная мужская сторона прежде всего имеет целью доставление сперматозоидов в то место, где они могут достигнуть яйцевых клеток. Активная деятельность этим и исчерпывается. Что же касается женской пассивной стороны у высших животных, то с момента зачатия или конъюнкции только и начинается процесс размножения. Не у всех животных, однако, дело обстоит одинаково. Рыбы, например, представляют собою животных раздельнополых. Но самка, большею частью, оставляет на произвол судьбы где-нибудь в воде свои неоплодотворенные яйца (икру), на которые позднее самец выбрасывает свои семенные клетки (молоки). С самкой он, стало-быть, как индивидуум, не совоплощается, а оплодотворяет лишь яйца указанным порядком. В этом случае совершенно не представляется надобности в половой любви, которой и не наблюдается, особенно, если принять во внимание, что вновь народившееся потомство с первого момента своего существования делается самостоятельным. Здесь возможны и отступления, среди которых наиболее забавными являются нравы у тех рыб, самцы которых сами выводят потомство, сохраняя в полости своего рта оплодотворенные яйца.

Мы значительно уклонились бы, если бы пожелали дать хотя бы и поверхностное представление об основных водоизменениях половых отношений только у одних позвоночных. В подавляющем большинстве случаев у самца имеется выступающий наружу орган совершения

полового акта, у самки же, наоборот, влагалищеобразное углубление представляет собою место для проникновения туда этого органа. При участии какого-нибудь механизма семенные тельца выбрасываются поблизости с созревшим яйцом женского органа зародышевых клеток, и оплодотворение может считаться достигнутым. При посредстве своих жгутиков, подвижностью имеющих сходство с головастиками, семенные тельца и достигают яиц, вытолкнутых из яичника.

Способы дальнейшего развития оплодотворенных яиц отличаются исключительным разнообразием. В некоторых случаях они, как таковые, откладываются самкой. Тогда развитие зародыша происходит вне тела самки, как у насекомых, улиток, рыб, амфибий, пресмыкающихся и птиц. Но даже низшим млекопитающим свойственен орган-матка, обуславливающий возможность более продолжительного пребывания зародыша в теле женской особи. Орган этот имеет в иных случаях несовершенные еще формы, будучи представлен особым рода брюшной сумкой, в которой самка вынашивает свое эмбриональное потомство вплоть до полного его развития и предоставления ему возможности самостоятельной жизни (сумчатые). У млекопитающих высшего порядка матка представляет уже собою нечто более совершенное, в виде специального хранилища, расположенного по средней линии живота между яичниками и половым отверстием, и дающего матери возможность скрывать внутри своего тела детенышей в продолжение всего эмбрионального периода. Матка у многих млекопитающих заключает в себе одновременно нескольких детенышей, у человека же она вмещает чаще только одного, а в более редких случаях двух, трех или более. Значительно преобладающая роль самки над ролью самца в процессе размножения млекопитающих становится, в связи с вышеизложенным, вполне понятной. Но половые функции самки не исчерпываются в большинстве случаев тем, что она кладет яйца или родит достаточно развитое потомство. Она питает продолжительное время детенышей выделениями из молочных желез, как мы видим это у млекопитающих, или кормит пищей, доставаемой извне, как, например, у птиц, или же последовательно обоими способами (как у кошек).

У многих животных в выкармливании детенышей принимает участие и самец. Мы еще об этом будем говорить. Этими сложными фактами мы желаем здесь иллюстрировать то основное положение, что совершение полового акта является лишь звеном в великой цепи размножения. Мы остановимся теперь над механизмом этого акта у человека.

Экономичность природы сказывается даже и в применении к высшим ее творениям, как мы это видим в соединении мочевого канала у человека с его половым органом. Мужские семенные железы представляют собою яйцевидные тестикулы (с придатком), семенные каналы которых заключают в себе и непрерывно вновь производят неисчислимые тысячи семенных телец или сперматозоидов. Семенные тельца, по достижении ими зрелости, сосредотачиваются в конце выносящего протока желез в специальном приемнике, носящем название семенного пузырька, и здесь густой массой плавают в слизистой жидкости со специфическим запахом. Выносящий проток ведет из расположенных выше, под мочевым пузырем, семенных пузырьков в нижнюю часть брюшной области и открывается в мочевой канал под и перед мочевым пузырем. Расположенные здесь другие железы, из них преимущественно так называемая предстательная железа, примешивают к вытекающей жидкости свои выделения. Правый семенной проток соединяется с левым перед выходом в канал. На месте выхода протока в мочевом канале образуется бугорок, носящий название куликовой головки. Мужской мочевой канал отсюда тянется снаружи живота в виде своеобразного придатка, носящего название penis'a, или мужского детородного члена. Обыкновенное предназначение его лишь для извержения мочи. Он слабо свешивается вниз, заканчиваясь округленным вздутием, головкой, имеющей в конце своем отверстие мочевого канала, которое вместе с тем является и половым отверстием.

Наиболее удивительным во всей этой организации является механизм так называемой эрекции, состоящей в том, что penis, или мужской член, в зависимости от известных нервных раздражений приобретает способность удлиняться, утолщаться и одновременно становится стойким и твердым. Достигается это благодаря трем пещеристым телам, образующим главную массу члена. Одно из этих тел проходит по нижней стороне полового члена, посредине, окружает мочевой канал и дает расширенный конец члена, образуя упомянутую нами головку;

два остальных тела расположены справа, и слева сверху, проведены почти прямо, имея полуцилиндрическую форму. Все три тела представляют собою кровеносные сосуды, с многочисленными пазухами и лопастьями, почти пустыми в обычном состоянии, чем и обуславливается вялое свешивание члена. В связи с нервными раздражениями, действием механизма, о котором мы здесь не будем распространяться, благодаря ослаблению сосудов от нервных толчков и задерживаний, вызывается сосредоточивание крови в полостях пещеристых тел, настолько переполняющихся кровью, что эти три тела образуют твердые и негнущиеся массы. Этим и обуславливается сильное увеличение объема члена, причем, благодаря отвердению, создается возможность проникновения его во влагалище женщины. Одновременным действием этого же механизма пещеристых тел куликовая головка занимает во время отвердения penis'a такое положение, что ею замыкается отверстие, ведущее из мочевого пузыря, и открывается к периферической части мочевого канала устье соединенного семенного протока. Будучи приведен в такое состояние, половой орган готов для исполнения своих функций. Но для извержения семени необходимы еще дальнейшие повторные раздражения. Извержение зависит от раздражения особого мускула, который сжимает семенные пузырьки и после повторных сжиманий выбрасывает наружу семенную жидкость через мочевой канал. Вслед за этим прекращается сосредоточивание крови в пещеристых телах, благодаря чему вновь наступает слабое состояние penis'a.

Мы, таким образом, убеждаемся в довольно большой сложности этого аппарата, приводящегося в движение разнохарактерными нервными раздражениями. Понятно, что в связи с всевозможными нервными расстройствами функции эти могут и легко нарушиться. Мы должны здесь упомянуть, что возможно в одинаковой степени прямое возбуждение нервных центров эрекции и извержение семени — через посредство головного мозга, и косвенное — путем раздражения кожи.

Периферическими нервами, возбуждающими извне мужское половое раздражение, являются нервы головки, имеющей весьма нежную кожу — слизистую оболочку, защищаемую от всяких внешних влияний, давления и трения длинной кожной складкой, называемой крайней плотью. Бывают случаи, когда вследствие своей крайней узости складка не в состоянии обтянуть головку, вследствие чего складка представляет собою тогда лишь пазуху, служащую местом для скопления грязи. Эта ненормальность удаляется обрезанием, или удалением крайней плоти, что исполняется на почве религиозных требований. Но производство этой операции можно было бы рекомендовать и не-евреям, из соображений гигиенического свойства.

Возможность вызвать искусственно отвердение члена, а также извержение семени путем механического раздражения головки подтверждается вредной и часто практикуемой привычкой у мальчиков — рукоблудия, или онанизма.

Мы убедились уже из вышеизложенного в том, что происхождение зародышевой железы обуславливает один и тот же орган зародыша, причем если он становится мужским, то будут развиваться яички, или тестикулы, опускающиеся каждая соответственно с ее стороны через паховой проход в мошонку. Если же зародыш стал женским, то он остается в брюшной полости, давая яичники.

Органы, описанные в главе II, представляют собою внутреннюю и наиболее существенную часть женских половых органов. Мочевой канал женщины совершенно отдельный и значительно короче и шире мужского. У наружного конца своего он переходит в пещеристое тело, носящее название клитора и соответствующее филогенетически мужскому члену, особенно же его головке. Клитор так же снабжен весьма чувствительными нервами, предназначенными для полового раздражения. Отверстие женского мочевого канала расположено впереди, ниже лобковой кости (os pubis), в том же пункте, где начинается половой член у мужчины. Отсюда по обе стороны средней линии идут кзади по паре продолговатых складок (срамные). Из них подушкообразные, покрытые кожей, носящие название наружных или больших срамных губ, и под ними внутренние или малые срамные губы, покрытые нежной слизистой оболочкой. Между внутренними срамными губами расположена женская половая щель, которой вместе со срамными губами присвоено название вульвы. Она отделяется от отверстия мочевого канала и ведет во внутренний канал, называемый влагалищем, или вагиной.

Длина влагалища около 10 — 12 сантиметров; заканчивается оно слепым концом кверху, обхватывая вдающуюся в него влагалищную часть матки. У девушек, не совершавших еще полового акта, вход во влагалище в большей или меньшей степени закрыт, благодаря имеющейся здесь нежной поперечной пленке, носящей название девственной плевы, или гимена, и располагающей узеньким отверстием наружу; при первом же совершении полового акта пленка эта прорывается, что нередко сопровождается болевым ощущением и легким кровотечением. Стенки узкого девственного влагалища снабжены поперечными складками, обуславливающими относительную шероховатость их. Остатки девственной плевы, которая разорвана была при первом совершении полового акта (дефлорация), складываются в так называемые миртовые рубчики у входа во влагалище.

Мы упоминали уже в первой главе о видоизменениях яйца до того момента, когда оно становится зародышем, а впоследствии и ребенком. Мы изложим здесь процесс выталкивания яйца и оплодотворения его, в связи с превращениями матки. Мы упомянули уже о периодическом созревании, каждые четыре недели, яйца или двух (редко более), выталкиваемых в маточные трубы. Пройдя по этим трубам, благодаря движениям мерцательных клеток, яйца попадают в полость матки и, оплодотворившись, прикрепляются к разбухающей вокруг них стенке. У женщины созреванию и выталкиванию яйца сопутствует такой же процесс, каким у мужчины сопровождается эрекция. Слизистая оболочка полости матки изобилует сосудами, кровеносные же сосуды ее могут расширяться очень сильно от скопления крови. Но вследствие чрезвычайной тонкости слизистой оболочки, мы наблюдаем здесь иной результат, чем у мужчины: прилившаяся кровь просачивается наружу, обуславливая так называемую «менструацию», или «регулы». Цель менструации следует видеть в том, что производится подготовка слизистой оболочки матки, путем замены старой оболочки новой, чтобы к ней могло прикрепиться оплодотворенное яйцо. В менструациях, продолжающихся обыкновенно от трех до четырех дней, происходят иногда большие или меньшие неправильности. Менструация, как наблюдается, не всегда обуславливается овуляцией, или выталкиванием яйца. Эти процессы могут протекать и независимо друг от друга, так как менструация представляет собою продукт нервного раздражения и может быть как вызвана, так и задержана, например, благодаря внушению. У женщин, никогда не менструировавших, возможны, однако, как созревание яйца, так и оплодотворение и беременность. В обыкновенных же случаях, на почве центральных нервных рефлексов, происходит совпадение (ассоциация) по времени обоих этих процессов, причем предварительно происходит менструация, а вслед за этим яйцо медленно выкальзывает вниз. У млекопитающих животных отделение слизистой оболочки в период течи не сопровождается менструацией, но все же происходит сосредоточение крови, не завершающееся, однако, кровотечением.

Совершение полового акта происходит таким образом. При наличности необходимого духовного и чувственного раздражения у мужчины и прекращения обычного сопротивления со стороны женщины, или же если она сама склоняется к совершению полового акта, мужчина вводит свой эрегированный, т. е. утолщенный и отвердевший половой член во влагалище женщины. При этом может меняться положение, и мужчина может быть на женщине или под нею; последнее имеет место, когда женщина слаба. У женщин в последней степени беременности необходимо особо тщательное соблюдение осторожности, во избежание повреждения плода. Благодаря ритмическим движениям обоих участвующих в акте, но преимущественно мужчины, происходит ускорение и усиление приятного полового возбуждения, вызываемого трением обоих раздраженных мест — слизистой оболочки у одной и кожи у другого. Раздражение это постепенно доводится до высшего ощущения наслаждения, причем чувство это, беря свое начало, главным образом, у головки клитора, распространяется на всю нервную систему и на все тело и, наконец, достигнув высшего напряжения (*orgasmus venericus*), завершается описанным уже нами процессом извержения семени. Женщина располагает несколькими местами раздражения; сюда относятся соски груди, область половой щели и даже нижняя часть матки. К раздражимым частям у мужчины, кроме головки, принадлежит область заднего прохода. Головка наиболее раздута в наивысший момент эрекции, находясь в это время прямо перед зевом матки или нижним отверстием маточной полости. Извержение семени, таким образом, и происходит непосредственно против маточного

зева. Извержение у мужчины сопровождается успокоением и ослаблением.

Такого же рода процесс наблюдается и у женщин, причем происходит напряжение и набухание клитора, и от него, равно как и от других подвергшихся раздражению мест, распространяются, благодаря легкому слизистому трению, те же ощущения, какие мы раньше описывали у мужчины. Повторение трения, в связи с ассоциированными нервными раздражениями, обуславливает обильные выделения некоторых влагалищных желез (Бартолиновы железы), благодаря чему происходит увлажнение половой щели. Чувство, охватывающее мужчину в момент высшего ощущения наслаждения, испытывается в такой же мере и женщиной, совпадая и у нее с моментами высшего напряжения. Вслед за совершением акта все у обоих быстро прекращается, сменяясь чувством слабости, пресыщения и желанием уснуть.

Достойна удивления та противоположность психологических действий, которые имеют место вслед за совершением полового акта, в связи со старым инстинктивным нервным автоматизмом. Одновременно с возникновением влечения к совершению акта, особенно привлекательным является все, что имеет общего с телом другого пола, например, запах (в особенности запах половых органов), прикосновения, движения, взгляды, — причем все это доводит до экстаза чувственное желание, заглушает все остальное и представляется чуть ли не единственной целью существования. Но сейчас же вслед за совершением полового акта, все это бесследно улетучивается, как сновиденье. Все, что за минуту перед тем представляло собою предмет самых пылких вожделений, не только теперь безразлично и тягостно, но и нередко служит источником легкого отвращения, причем сюда относятся ощущения как обонятельные и вкусовые, так и нередко осязательные и зрительные. Под *libido sexualis* разумеют половое влечение полов друг к другу, имеющее исключительно чувственный характер. Это чувство колоссально меняется в зависимости от человека.

Маточный зев при женском оргазме производит притягивающие и всасывающие движения по направлению к мужской головке, как это утверждают Ферди и другие. Независимо от того, имеет ли это действительно место или нет, можно с уверенностью сказать, что при деторождении женский оргазм не является необходимым условием. Плодовитость холодных женщин, не ощущающих никакого чувства сладострастия, нисколько не меньше плодовитости других, склонных к сильному оргазму, и поэтому, даже при полной пассивности матки, наличие сперматозоидов вполне обеспечивает благоприятный результат.

Сладострастие во время совершения полового акта находит себе пищу в ласках, соприкосновении различных частей тела, а также обонятельных и зрительных ощущениях. Вследствие чрезвычайного различия в половом отношении человеческих индивидуумов, может часто иметь место несовпадение, причем как у мужчины, так и у женщины (у женщин реже) происходит более раннее наступление оргазма, препятствующее наступлению его у противоположной стороны. В таких случаях обыкновенно пострадавшей стороной является женщина, ибо при своей активности мужчина достигнет удовлетворения и после наступления оргазма у женщины, разумеется, если ему не будет оказано активное сопротивление, — в противоположном же случае ничего нельзя сделать без искусственных мер. Наблюдается также, что *libido* чаще и сильнее ощущается одной стороной, вследствие чего обе обыкновенно страдают, но и в этом случае женщине приходится труднее, так как мужчине доступно получение удовлетворения и с холодной женщиной. В связи с приличиями, людям недоступно узнавать друг друга в этом отношении до брака, что обуславливает очень часто печальные разочарования, разлад и нередко развод. Об этом, впрочем, в главе XIV (Гигиена брака).

Мы должны рассматривать сладострастные ощущения лишь как средство, которое природа создала, способом подбора и других элементов эволюции, в интересах представления размножения вида наиболее привлекательным для полов. Но эти ощущения не имеют значения для деторождения. Можно получить ребенка, если при помощи шприца впрыснуть мужское семя в матку. К этому совпадение *orgasmus venericus* у обоих полов можно считать скорее исключением. А между тем, проникновение семени в матку является главным условием оплодотворения. Этого-то и трудно достигнуть впрыскиванием, в то время как сперматозоиды, благодаря своим плавательным движениям, пробираются в маточную полость, маточные трубы, а иногда даже в брюшную полость. Мы указывали уже на встречное стремление яйца вниз и

сперматозоидов вверх. Но природа, как мы это видели уже в главе I, предусмотрела возможность одновременного оплодотворения яйца несколькими сперматозоидами.

Беременность. Увеличение матки в период беременности происходит в чрезвычайных размерах. Она увеличивается до объема человеческой головы, причем разрастается ее полость и значительно усиливаются мускулы стенок, которым предстоит в будущем вытолкнуть ребенка.

С беременностью тесно связаны и другие вслед идущие явления, как роды, послеродовой период и кормление грудью. В качестве коррелятивного явления, особенно интересной представляется внезапно возникающая после родов деятельность молочных желез, предназначенная для питания ребенка. Если мы примем в соображение все эти сложные, долго длящиеся и отражающиеся на всем организме женщины явления, то легко убедимся в том, насколько половая жизнь является более существенной для женщины, чем для мужчины, и насколько тесно связана эта жизнь с собственным ее существованием. Разумеется, необходима наличность особенно сильного стремления к женщине у мужчины для того, чтобы он исполнил свою активную роль при совершении полового акта, но в размножении вида этой функцией и ограничивается непосредственное его участие.

Однако, в тот момент, когда одновременно с оплодотворяющим совершением полового акта закончилась деятельность мужчины в интересах размножения, у женщины с этого момента и начинается только ее деятельность. В кратком обзоре естественно-научного процесса беременности. до наступления родов, данным нами в главе I, мы дали недостаточно сведений, которые здесь и дополним, считаясь с громадным значением этого процесса в жизни женщины. Развитие человеческого зародыша, как мы уже указывали, происходит в течение 9 месяцев в увеличивающейся одновременно матке, причем из яйцевой клетки, размером в булавочную головку, он превращается в новорожденного ребенка. Женщина беременна редко больше, чем одним ребенком (двойни не особенно часты, а тройни и четверни очень редки), но возни и страданий она имеет больше, чем самка любого животного. Объясняется это не только ненормальным и односторонним изнеживанием женщин в зависимости от нашей культуры, но и непомерным развитием головного человеческого мозга. Голова человеческого зародыша отличается непропорциональной величиной, по той причине, что в головном мозге его, как это показали мы с Г. Шиллером в наших совместных работах в 1889 году, заключаются уже при рождении все клетки ганглий (нервные клетки и главные волокна), которыми он будет обладать всю свою жизнь. Вследствие такого огромного развития мозга, правда, еще не функционирующего, но уже в достаточной степени подготовленного, череп приобретает большие размеры. Материнская кровь и уходит на питание этих мозга и черепа, но кроме того, при родах череп должен пройти через таз, что и представляет наиболее опасный момент для матери в период родов. Роды, в случае рождения мальчика, поэтому и значительно труднее, так как у мальчиков, в среднем, мозг, а стало-быть и череп, объемистее, чем у девочки.

Половые органы женщины во время беременности сильно изменяются в интересах предоставления возможности осуществить все эти процессы. Они делаются крупнее и сочнее, особенно же матка, которая чрезвычайно увеличивается. Будучи размерами меньше куриного яйца и обладая незначительной полостью, она постепенно разрастается в массу, объемом превышающую мужскую голову. В утолщенных стенках ее в многочисленном количестве вновь появляются гладкие мускулы и кровеносные сосуды, имеющие непосредственное соприкосновение с кровеносной системой зародыша, главным образом, в детском месте (placenta; см. также главу I). После второго месяца беременности начинает вырастать из живота зародыша орган (аллантаис), который устанавливает связь между кровообращением зародыша и детским местом, содействуя вместе с тем образованию последнего. Кровеносные сосуды зародыша близко соприкасаются в детском месте с кровеносными сосудами матери, причем это делается через столь тонкие стенки, что происходит просачивание питательных соков материнской крови непосредственно в венозную кровь зародыша. Таким образом и происходит питание выросшего маленького существа, питавшегося до сих пор содержимым желтка при помощи эндосмоса пленки яйца. Матери предоставляется возможность вести обыкновенную человеческую жизнь до тех пор еще, пока эти чрезвычайной важности процессы совершаются в организме маленького существа, пока происходит распределение (дифференцирование) вещества обеих конъюгированных зародышевых клеток на обилие всевозможных и сложных

зачатков органов тела, когда одни клетки образуют кожу и органы чувств, иные из них кишечный канал, мускулы, кровеносные сосуды и, наконец (отставшие от группы кожных клеток), головной и спинной мозг и нервы. В этом периоде, однако, неизбежны у женщины и некоторые расстройства, являющиеся отзвуком происходящих внутри ее организма видоизменений. Станным является то обстоятельство, что наибольшее количество неприятностей выпадает на долю женщины в начале беременности, когда последняя наружно еще почти незаметна. Ощущаются расстройства, особенно на нервной почве, выражающиеся расстройством мозговых функций и чувств, сопровождающиеся рвотами, весьма упорными и продолжительными, а также обнаружением всевозможных диковинных желаний и ощущений, которые обуславливаются изменением в составе крови, нарушением правильного питания организма и т. д. Все тело матери должно соответственно приспособиться к развитию ребенка в матке. Хотя в последние месяцы беременности, благодаря увеличению размеров матки, а вследствие этого и живота, женщина становится особенно неуклюжей, но к этому периоду процесс приспособления уже завершился, все менее и менее сопровождаясь болевыми ощущениями. Вполне понятное прекращение менструаций во время беременности служит для женщины лишь источником приятного сознания. Что касается полового влечения, *libido sexualis*, то оно видоизменяется в обширных границах, причем уменьшается у одних женщин, остается почти без изменения у других и в более редких случаях усиливается у третьих. С состоянием беременности связаны еще и другие расстройства, как варикозные расширения вен, обусловленные давлением матки на кровеносные сосуды ног, и проч. Но мы на этом не будем останавливаться.

Однако, все эти неприятные чувства перевешиваются той светлой радостью, тем нетерпеливым ожиданием ребенка, которые переживает обыкновенно нормальная женщина. В гордом и счастливом сознании того, что она дает жизнь новому человеческому существу, в надежде, что она будет лелеять его на своих коленях и кормить своею грудью, нормальная женщина готова безропотно перенести все тягости и мучения беременности и родов. Роды, правда, иногда отличаются и причинением страданий, ибо даже и в связи с подготовительными действиями заботливой природы, сводящимися к разрыхлению газа, расширению устья матки, а также влагалища и наружного отверстия, все же крупная голова человеческого ребенка с трудом проходит через эти сравнительно узкие отверстия. Здесь на помощь приходят энергические сокращения маточных мускулов. Однако, не всегда они в состоянии справиться с этим. Тогда приходится прибегнуть к искусственным приемам, вроде закладывания акушерских щипцов и проч. И очень часто происходят разрывы устья матки, влагалища или промежности (кожи между отверстием во влагалище и задним проходом), обуславливая тяжкие расстройства, как опущение матки, — расстройства, нередко остающиеся на всю жизнь.

При благополучном же рождении ребенка, когда перевязана пуповина и удалено детское место, внезапно и, можно сказать, грубо происходит разъединение в отношениях питания между ребенком и матерью. Получая до сего момента при помощи детского места и пуповины из крови матери необходимые для него питательные соки и кислород, он поставлен теперь в необходимость самостоятельно есть и дышать. Легкие, бывшие до сего времени бездеятельными, развивают соответственные функции. Появившееся ощущение голода, благодаря прекращению притока питания из материнской крови, разрешается сосательными движениями, являющимися следствием нервных рефлексов. Между тем, за это время в чрезвычайных размерах происходит сжимание и уменьшение опустевшей матки, продолжающееся всего несколько дней. Избыток производившейся материнским организмом крови, предназначенный для питания зародыша, способствует теперь образованию достаточного количества молока в грудных железах, размеры которых увеличились еще в период беременности. Мать получает инстинктивное стремление к кормлению ребенка, который в свою очередь, ощущает инстинктивное же стремление к сосанию. Матка достигает своих прежних размеров около 4 до 6 недель после родов, но кормление грудью продолжается, например, у дикарей от года до двух и более.

Нечего и распространяться о том, насколько способность к кормлению и выделению молока уменьшилась у современных культурных женщин. Причины такого печального явления, как это статистически мотивировано Бунге, следует искать в увеличении потребления

культурным человеком алкогольных напитков, причем это явление представляет собою лишь одно из бластофорических последствий наследственного алкоголизма. Только будущее в состоянии будет выяснить, представляется ли счастьем для человека возможность сохранения жизни детей путем искусственного питания коровьим молоком, особенно прибегая к соклетовскому аппарату. Но можно считать с тем, что далеко не в интересах вида сохранение вырождения и его культивирование, вследствие чего желательны лишь возвращение к естественным нормам и к натуре, прибегая с этой целью к общественному воздержанию от употребления алкогольных напитков.

Ложный стыд, с которым связаны для женщины беременность и роды, и даже насмешки, которыми иногда сопровождают беременную женщину, являются, без сомнения, одним из наиболее печальных признаков нашего вырождения, может быть, даже разложения культурных нравов человечества. Скрывание беременности и особенно связанный с этим состоянием стыд ни в каком случае не должны быть свойственны женщине, которая, наоборот, должна была бы испытывать чувство гордости и, во всяком случае, с большим основанием, чем хвастающие своим мундиром офицеры. Сознание того, что создается человечество, носит в себе больше элементов чести, чем символы разрушения. Эга истина должна войти глубоко в сознание женщины, которая перестанет скрывать свою беременность, стыдиться ее и которая в борьбе за освобождение своего пола, проникнутая сознанием необъятности своего общественного положения, высоко поднимет знамя грядущего потомства! Половая роль женщины под этим углом зрения приобретает особенно священное значение, и уважающий себя человек не может уже спокойно сталкиваться с социальными злоупотреблениями, благодаря которым обесценились и унизились эти возвышенные отправления женщины под давлением тысячелетнего рабства. Чрезвычайно большое значение имеет гигиена беременности, а также родов и периода после них. Изнеживающее баловство и ничегонеделание, разумеется, ее не исчерпывают, но возмутительными являются невозможные отношения к представительницам нуждающихся классов населения, которые в этом состоянии носят на себе бремя тяжелых работ и к тому еще переносят дурное обращение, не зная никакого ухода. Во имя элементарной человечности необходимы социально-гигиенические реформы в этой области.

В связи с ролью вышеприведенных процессов для женщины, связываемой с ребенком на долгие годы, легко объясняется и соответственное приспособление всей психики ее к состоянию материнства. Несмотря на отделение ребенка в момент родов от материнского тела, он на долгие годы не только в продолжение кормления, но и значительно позже этого остается связанным с матерью. Известна привязанность маленьких деток к матери, которая с удовольствием слушает крики своего ребенка, в то время как отца они только раздражают. При следовании беременности с нормальными промежутками в год или два года, все же нормальной женщине приходится быть неразрывно связанной со своим потомством, причем в хорошей семье связь эта никогда не исчезает. Эти носящие особый отпечаток узы, при нормальном положении вещей, остаются навсегда незыблемыми между матерью и детьми, между тем как лишь при благоприятных условиях отец становится другом своего подрастающего потомства. Эти факты, отличающиеся естественностью, могли бы уже проникнуть в сознание отцов, которые предпочитают упорно придерживаться искусственно-культивируемой авторитета одряхлевшего и противоестественного патриархата. Основательность приведенного нами естественного порядка подтверждается лишь наличием достаточного количества патологических, выродившихся матерей.

Коррелятивные половые признаки (см. выше, применительно к животному царству) у человека хорошо известны. Мужчина отличается, в среднем, более высоким ростом, большей шириною в плечах и сложен крепче; вообще же весь скелет его шире, но таз уже, чем у женщины.

По достижении мужчиной зрелости, в возрасте от 16 до 20 лет, у него появляется растительность на лице и нижней части живота, над лобковой костью, — второй признак свойственен впрочем, обоим полам. Одновременно происходит значительное увеличение тестикул и всех наружных половых частей. Половая железа и наружные половые части до сего времени оставались как бы в полуэмбриональном состоянии. Наблюдается, однако, что механизм эрекции начинает действовать уже у маленьких мальчиков, не сопровождаясь,

однако, при нормальных условиях ни ощущением сладострастия, ни истечением из желез. Мужчине свойственны также — что заслуживает удивления — некоторые зачатки женских коррелятивных половых признаков, например, маленькие соски на груди и проч., лишенные, однако, молочной, способной к отделению молока, железы. Замечается, что каждой отдельной части наружных половых органов у одного пола соответствует филогенетически такая же часть у другого, что может быть объяснено видоизменением зачатка, бывшего первоначально одинаковым. Таким образом, соответственно мужскому члену имеется у женщины клитор; одновременно с мошонкой у мужчины — наружные срамные губы у женщины и т. д. Такие зачатки могут получить значительно большее развитие в некоторых случаях, обуславливая уродливый гермафродитизм (глава I). Встречаются, например, бородатые женщины или же женщины с большим клитором, — и, параллельно безбородые мужчины, или же с маленькими половыми органами и женским строением тела. Это обстоятельство следует приписать менее сильному дифференцированию зародышевого полового зачатка, хотя имеется налицо принадлежность к одному полу зародышевых клеток (не считая скрыто-гермафродитных). Только коррелятивным признакам свойственен при этом переход к другому полу. Здесь можно привести и изменение голоса у мужчины в связи с наступающей зрелостью, — ломку голоса, который делается гуще. Это коррелятивное явление может быть отнесено отчасти на счет явлений нервной системы, которые будут в дальнейшем изложены.

Женское тело отличается меньшими размерам, более нежным строением и располагает более слабыми костями, более широким тазом, более узкою грудью и более изящными формами. При обычных условиях, нет признаков бороды на лице, но имеется такая же растительность вокруг половых органов, как и у мужчины. Женское тело имеет большую склонность к отложению жира. Не имеет места ломка голоса. С наступлением половой зрелости происходит развитие молочных желез, принимающих форму груди с крупными сосцами, предназначенными для кормления ребенка. Половая зрелость у женщины наступает раньше, чем у мужчины. Одновременно с ее наступлением происходит увеличение внутренних и внешних половых частей, сопровождающееся начавшимися менструациями и созреванием яиц. Духовные коррелятивные половые признаки, однако, являются значительно более важными, чем признака телесные. Есть большая разница между психологией мужчины и женщины. По этому вопросу имеется не мало книжного материала, отличающегося, впрочем, нередко большей дозой сентиментальности, чем объективности. Женоненавистники, как Шопенгауэр, склонны к принижению женщины, сравнительно с мужчиной, в психическом отношении, но одновременно происходит восторженное преувеличение достоинств женщины в устах ее друзей. Можно наблюдать теперь такие же противоположные мнения о мужчинах и в устах различных писательниц, в зависимости от дружеского или же враждебного отношения последних к мужчине. Но наиболее удивительным среди современного потока мнений о психике женщины является открытие физиологического слабоумия женщины, сделанное П. И. Мебиусом. Необходима наличность значительных размеров женоненавистничества, чтобы в физиологию, как область нормального, вводить патологическое понятие слабоумия. На самом же деле, каковы размеры индивидуальных различий в психическом отношении, предпочтительно физиологическому, что проведение средней линии является весьма затруднительным. Наблюдаются примеры бородатых женщин, обладающих сложением атлета, но вместе с тем мы видим нежно сложенных мужчин, а также почти лишенных растительности на лице. В такой же степени можно считаться и с наличностью женщин мужского склада и, наоборот, женственных мужчин. Представители как одного, так и другого пола выдвигают из своей среды достаточное количество глупцов, но никакой рассудительный человек не будет отрицать превосходства и в чисто интеллектуальном смысле умной женщины над глупым мужчиной. Но, независимо от такого рода препятствий, я сделаю попытку определить на основании моих наблюдений, равно как и исходя из фактов психической деятельности обоих полов, те основные пункты, которые обуславливают психическое различие между обоими полами в их общем и целом.

Необходимо прежде всего твердо установить, что головной мозг мужчин нашей расы (глава VI, 1) весит, согласно различным статистическим данным произведенных взвешиваний, в среднем 1350 — 1353 грамма, головной же мозг женщины 1200 — 1225 граммов. Однако

абсолютный вес составляет немного, ибо у крупных животных на мозговое вещество приходится большое количество нервных элементов, благодаря большому числу элементов телесных. В интересах обнаружения истинного веса, необходимо иметь в виду вес большого мозга отдельно от веса всей остальной центральной нервной системы, и с этой целью из получившегося общего веса снять вес малого мозга, четверохолмия, среднего и промежуточного мозга, варолиева моста, продолговатого и спинного мозга, которые представляют, без сомнения, низшие части, филогенетически более древние (унаследованные от более отдаленных предков). Сравнительно с размерами большого мозга, у большинства млекопитающих относительная величина этих частей значительно больше, причем они больше, чем большой мозг, соответствуют величине тела. Отсюда, если предположить приблизительно одинаковое умственное развитие, то, сравнительно с размерами большого мозга, у крупных животных все вышеуказанные части (спинной мозг, малый мозг и так называемые стволовые ганглии) больше, чем у мелких. Прибегнув к разрезу Мейнерта, я при вскрытиях отдельно взвешивал значительное количество человеческих мозгов (разумеется, без спинного мозга), и пришел, в среднем, к следующим результатам:

Большой мозг: мужчины — 1060 г. (78, 5%), женщины — 955 г. (77, 9%)

Остальные центры (без спинного мозга): мужчины — 290 г. (21, 5%), женщины — 270 г. (22, 1%)

Отсюда видно, что вес малого мозга и стволовых ганглий у мужчины, относительно веса большого мозга, несколько меньше, чем у женщины.

Из этих цифр нельзя еще делать больших заключений, но из них следует, что в среднем, даже сравнительно с размерами тела, большой мозг женщины несколько меньше мужского. Наблюдались, однако, мозги женщин, превосходившие размерами мужские, и независимо от этого следует иметь в виду, что не представляется возможности производить качественную оценку деятельности какого-либо органа, особенно же мозга, лишь в связи с относительной или абсолютной его величиной. Встречались люди выдающиеся, но располагавшие сравнительно малым мозгом — и рядом большие глупцы имели довольно большие мозги. Нельзя упускать из виду чрезвычайную важность качественной способности нервных элементов (нейронов) к определенной деятельности, особенно же к работе вообще, т. е. их способность к работе, энергии и воле.

Является интересным установить в дальнейшем отношение лобной части к остальному большому мозгу. Это имеет значение, в виду того соображения, что лобная доля, без сомнения, является местом главного сосредоточения умственной деятельности. Мейнерт определил, что вес лобной доли мужчины превосходит не только абсолютно, но и относительно, если сравнить с весом остальной части большого мозга, вес той же лобной части женщины. Это нашло себе подтверждение в исследованиях Мерсье, который с этой целью сопоставил прежние данные с доставленным мною материалом (вскрытия мозга в лечебнице Бурггельцли). В среднем, вес одного лишь большого мозга (изолированного от основного и малого) у мужчины составляет 1019 граммов (лобная доля 428, остальной большой мозг 591), у женщины же 930 граммов (лобная доля 384, остальной большой мозг 546. Здесь средние цифры веса большого мозга несколько меньше вышеприведенных, ибо приходилось иметь дело с некоторым количеством атрофированных мозгов душевно-больных. Но соотношение между мужчинами и женщинами, благодаря этому, не изменяется потому, что исключены были отсюда все случаи прогрессивного паралича).

Таким образом, вес остального большого мозга превышет вес лобной доли у мужчины на 163 грамма и у женщины на 162 г. Если мы это получим в процентах, то лобная доля у мужчины составит 42% всего большого мозга, в то время как у женщины 41, 3%. Здесь нет большой разницы, но многочисленными взвешиваниями она должна считаться установленной правильно.

Существенное различие между психикой женщины и мужчины заключается во всех их духовных половых проявлениях, т. е. таких проявлениях, которые находят себе отражение в большом мозгу. Мы коснемся их в ближайших главах, ибо имеется теснейшая связь между ними и всей нашей темой. Здесь же мы заинтересованы лишь коррелятивными различиями.

Считаясь с основными положениями психологии в общих ее чертах, мы могли бы вывести

следующее. Мужчина, с точки зрения чисто интеллектуальной, в среднем, значительно превосходит женщину, благодаря своей творческой фантазии, дару сообразительности, изобретательности и своим глубоким критическим способностям. Старались долгое время утверждать, что женщинам не представлялось случая обнаружить свой интеллект, — однако такое утверждение, в связи с современной эмансипацией женщины, все больше и больше теряет под ногами почву и тем менее оно обосновано уже ряд столетий в отношении художественного творчества, так как в этой сфере женщине давно уже предоставлена самая широкая дорога. Продолжать же настаивать на том, что интеллектуальные способности женщин могли бы в значительной степени улучшиться при свободной деятельности на протяжении нескольких поколений (не благодаря ли естественному подбору? или в зависимости от наследственной передачи приобретенных свойств?), — это равносильно тому же, что и сознаться в незнакомстве с основами наследственности и историей развития (см. главу II). Пребывавшие доселе в цепях психические свойства женщины, вполне естественно, в состоянии достигнуть полного расцвета и развития, если права ее уравниваются с правами мужчины и если предоставлена будет полная свобода ее общественной деятельности, — однако, для всего этого достаточно воспитание одного поколения. Но нельзя говорить о возникновении в периоде нескольких поколений всего того, чего не заключалось в зародышевых зачатках на продолжении тысяч и миллионов лет; нужно допускать в видовых, а, стало-быть, и половых признаках гораздо больше постоянства, чем это кажется легкомысленным болтунам. Эти признаки не должны быть смешиваемы с продуктами воспитания индивидуального свойства, не могущими быть унаследованными в качестве приобретенных за всю индивидуальную жизнь мозговых привычек.

Что касается способностей женщины усваивать и воспринимать в сфере интеллектуальной, а также усвоенной воспроизводить, то эти способности в общем не уступают мужским. Женщины с этой стороны проявляют более уравновешенный средний уровень, например во время занятий в высших школах, где мне представлялась полная возможность часто наблюдать их в Цюрихе. Дар воспроизведения у способных мужчин выражается интенсивнее, но и наиболее тупой мужчина проявляет свою тупость в большей степени, чем женщина с такими же крайностями способностей. Сомневаюсь, чтобы в области интеллектуальной можно было бы что-нибудь еще к этому прибавить. Это подтверждается, между прочим, в области искусств, причем наблюдается в общем посредственность женщин в самостоятельном творчестве, лишенном даже в талантливых творениях самобытности; женщины едва ли когда-нибудь пробивали новые пути. В искусствах же воспроизводительных, в качестве виртуозов, женщины не уступают мужчинам. Они здесь с блеском проявляют те свои преимущества, о которых мы сейчас будем говорить. В виде исключения можно, разумеется, допустить и наличие таких женщин, которые одарены творческой самобытностью, обнаруживая способность к самостоятельному творчеству. Джон Стюарт Милль совершенно правильно приводит еще одну способность женщины интуитивно ориентироваться в общей истине, руководясь лишь собственными индивидуальными наблюдениями, и применять эту истину к конкретному случаю, схватывая ее быстрым и просветленным взором, свободным от влияния отвлеченного теоретизирования. Это представляет собою бессознательное и интуитивное мнение женщины.

В сферах чувства есть большое различие между обоими полами, но тут не может быть и речи о безусловном превосходстве одного пола над другим. Они оба отличаются страстностью, причем каждый из них в своем роде, но страсти мужчины отличаются грубостью и недолговечностью; их можно считать выше в той мере, в какой они ассоциированы, с более оригинальными и комбинированными интеллектуальными перспективами, но в отношении тонкости оттенков они ниже. Чувство впечатлительности у женщины значительно нежнее, сдержаннее, и в этическом и, эстетическом смысле деликатнее нюансировано; оно также и продолжительнее, по крайней мере в среднем выводе, хотя объекты этого чувства часто довольно мелки и обыденны. Когда первый встречный мужчина желает похвастать в этом же смысле, то, хотя и бессознательно, стремится отождествить себя с высшими корифеями, с великими гениями поэзии и искусства, упуская в своем самодовольстве из виду то несметное количество тупиц и идиотов чувства, которыми переполнен его пол. Это вполне обосновано

подобного рода людям и ставится на вид. У женщины способность ориентироваться (интеллект) находится в большей зависимости от неустойчивого чувства консерватизма, чем у мужчины. Но зато женщина усваивает по наитию очень точно как высшие гениальные произведения выдающихся мужчин, так и этическую их ценность, вдохновляется ими и, в зависимости от этого, она в состоянии дать им более справедливую оценку, чем заурядный мужчина, со свойственными ему самомнением и софизмами. В области чувства оба пола являются удивительным дополнением друг другу, причем мужчине свойственны более возвышенные стремления и перспективы, женщина же, в противовес его бурным порывам, старается их умерять, придать им соответствующий такт, смягчить тон, приспособив оттенки его к данным условиям. Такое взаимодействие при условии счастливого брака в состоянии и должно обеспечить наиболее возможную гармонию чувств.

Но в области воли, по-моему, превосходство женщины над мужчиной, в среднем, вне сомнения. В одной этой психологической области — и только в этой — ее торжество велико и будет все больше и больше. Но это обстоятельство обыкновенно остается без внимания, так как только мужчина до сего времени держал скипетр неограниченного, по крайней мере, внешнего владычества, — и вследствие этого человечеством управляли только сильные волей мужчины, между тем как сильные волей женщины угнетались законом и грубой силой. При внимательном, однако, наблюдении народа можно убедиться в том, что мускульно более сильному мужчине роль властелина в семье принадлежит лишь по внешнему виду. Ему свойственно хвастать своею мощью в значительно большей степени, чем он в состоянии ее использовать, так как он не располагает для этого достаточной выдержкой, упорством и эластичностью воли, составляющими ее действительную силу и вполне свойственными женщине. И здесь неизбежно следует иметь в виду лишь общее правило, так как, разумеется, не мало слабовольных и среди женщин. Слабовольные, однако, предаются проституции и гибнут. Этим, может быть, и объясняется столь благосклонное отношение естественного подбора к действительной силе женской воли. При своей импульсивности и необдуманности в волевых проявлениях, мужчина одновременно отличается неустойчивостью и податливостью при необходимости упорного осуществления. Таким образом, в виде следствия получается то обстоятельство, что в семье мужчина обыкновенно служит источником идей и импульсов, женщина же, со свойственным ей тонким чутьем, помощью инстинкта отбирает дурное от хорошего и, борясь с первым, стремится осуществить второе. Это объясняется не качественным ее над ним превосходством, а лишь большей способностью владеть собою, что и обнаруживает у нее избыток силы воли. *Se que femme eut, Dieu le veut* — говорят французы. Поэтому общество должно расширить горизонт женского ума предоставлением ей свободы, равноправия и лучшего воспитания. Тогда воля его завоеует себе те высшие социальные идеалы, которые человек хотя и открыл, но их не в состоянии достигнуть.

Унижение одного пола насчет другого должно считать столь же ненормальным, сколько и несправедливым. При отсутствии у позвоночных девственного зарождения, наблюдающегося лишь у низших животных, ясной становится одинаковая необходимость обоих полов не только в интересах размножения вида, но и для какой угодно производительной работы: оба эквивалентны и относятся друг к другу, как две половины одного целого, из которых невозможно было бы существование одной без наличности другой. Успехи одной половины служат условием успеха другой, и об этом пора уже больше не спорить. И если бы свершилось такое чудо, в силу которого мужская и женская половина современного человечества, в их настоящем состоянии, были бы в состоянии и вынуждены размножаться отдельно, без связи с другой, то неизбежно произошло бы вырождение мужчин, благодаря их слабоволию и чувственным страстям, и вырождение женщин, не способных к самостоятельному повышению своего духовного уровня при помощи творческих идей и одержимых тяготением к мелочности и рутине.

Здесь не место касаться многочисленных психологических особенностей женщины, обусловленных ее материнством, а также тех особенностей мужчины, которые истекают из его физического превосходства и положения охранителя семьи, — этим непосредственным следствием половых различий будет дальше предоставлено место. Мы не будем здесь касаться и не играющих роли коррелятивных отличий, достаточно уже выясненных и могущих быть

выясненными, во всяком случае, при посредстве вышеприведенных, как непосредственно половых различий. Они могут быть всегда подвергнуты наблюдению как в мужской кампании во время выпивки, так и в обществе женщин, проводящих свой досуг за чашкою кофе. Женщина, например, в среднем, отличается большею хитростью и стыдливостью, мужчина же грубостью и циничностью и т. д. Мне желательно было бы еще упомянуть, что, благодаря положительным опытам, произведенным в ферейнах, в которых на одинаковых правах участвуют представители обоих полов, не нашло себе оправдания мнение о пресловутой склонности женщин к сплетням: и сплетни часто обязаны своим возникновением не в меньшей мере мужчинам, чем женщинам.

Глава IV Половое стремление

Из ознакомления с содержанием трех предыдущих глав мы придем к философскому заключению, что размножение базируется главным образом лишь на свойственном всему живущему стремлении расти до беспредельности. Как деление, так и половое размножение находят себе объяснение в тех пространственных и временных границах, которые неизбежно предуказаны для роста отдельного индивидуума. Таким образом, продолжение жизни существ обеспечивается размножением: индивидуум умирает, но находит продолжение в своем потомстве. Нам неизвестна та причина, в силу которой скрещивание индивидуумов необходимо в конъюнкции; мы можем лишь в связи с этим создавать гипотезы, но необходимость ее истекает из ознакомления с природой.

И мы сейчас же убеждаемся в могущественности закона притяжения, в применении его, уже самого возникновения жизни, к целям размножения. Он обуславливает прежде всего, при конъюнкции одноклеточных живых существ, проникновение одной клетки в другую. При этом происходит слияние их вещества и растворение одного в другом. Производится группировка молекул обоих ядер в одно целое, благодаря чему индивидуум обнаруживает стремление к новому, более интенсивному росту. У многоклеточных животных, размножение которых происходит почкованием, а также у растений, молодая почка таким же образом поглощает жизненные соки старого ствола, в интересах обеспечения жизни новому стволу; мужские же половые клетки, или цветень, оплодотворяя женскую половую клетку, стремятся рассеять жизнедеятельные зародыши по лицу всей земли. Этот же порядок наблюдается и у животных-колоний, представляющих собою различных сросшихся животных (парамеры, метамеры), как ленточные глисты, кораллы и проч., пока центральная нервная система не объединяет в нужных размерах единичные метамеры (первоначальных животных). Многоклеточные индивидуумы у высших животных, хотя и состоящие уже из многочисленных сросшихся животных, организуются в подвижные единицы при посредстве великого жизненного двигателя — нервной системы, являющейся объединяющим элементом и превращающей живой организм впервые в действительного индивидуума. Но и центральная нервная система, в качестве объединяющего элемента существования, одухотворенного всей сложностью своих воздействий на жизнь и носящего название высшего животного индивидуума, — и она лишена смысла без наличности стремления к размножению. Вслед за исчезновением гермафродитизма, когда отдельный индивидуум является носителем одного только рода половых клеток, гибель индивидуума была бы неизбежна, если бы у центральной нервной системы не обнаружилось бы этого стремления, ибо без активного движения всего индивидуума мужские зародышевые клетки лишены были бы возможности добраться до женских клеток. В связи с этим наблюдается то поразительное явление, что вся нервная система обнаруживает стремление к росту и размножению, т. е. вся духовная жизнь индивидуума, его высшее жизненное единство. Нервная система индивидуума, достигшего половой зрелости, проникается мощностью стремления и побуждения, причем его влечет к противоположному полу. Забота и радость сохранения своего "я" на миг совершенно растворяются в этом влечении. Стремление к размножению все преодолевает. И лишь одна радость, одно влечение, один позыв соединения с вождленным существом противоположного пола, желание объятий и

слияния с ним в одно целое, — все это господствует нераздельно. Словно весь индивидуум представляет теперь из себя сплошную половую клетку, в такой степени безгранично стремление насладиться слиянием с другим индивидуумом. Стремление к размножению и победоносная уверенность великолепно изображена Гете в «Западно-Восточном Диване», книга 8 (Зулейка): «Встреча».

"Und mit eiligen Bestreben,
Sucht sich, was sich angehort,
Und zu ungemess'nem Leben
Ist Gefühl und Blick gekehrt.
Sei's ergreifen, sei es raffen.
Wenn es nur sech fasst und halt!
Allah braucht nicht mehr zu schaffen,
Wir erschaffen seine Welt!"

(«И в торопливом стремлении разыскивается, что кому принадлежит, и чувство и взор устремлены к необъятной жизни. Хватай и присваивай все, что дается! Аллах не должен больше творить, ибо мы создаем его мир!»)

При одном беглом взгляде на окружающую нас природу мы сейчас же убедимся в наличности повсюду этого страстного стремления, этого позыва одного пола к другому. У щебечущих птиц, у млекопитающих в период течки, у жужжащих насекомых самец упорно и настойчиво, не считаясь вовсе с опасностями для его собственной жизни, стремится к самке и, пуская в ход то хитрость, то натиск, стремится удовлетворить свое желание. Вожделение у самки часто не менее интенсивно. Но она обыкновенно прибегает к кокетству, оказывает притворно сопротивление, убегает и делает попытку уклониться. При большей стремительности, проворности и ловкости самца, самка, в свою очередь, проявляет и больше этого притворного сопротивления и кокетливой игры. Достаточно проследить любовную игру бабочек и птиц, чтобы убедиться в том, во сколько труда и усилий обходится иногда самцу достижение цели его стремления. Но при неповоротливости или неловкости самца самка чаще сама готова идти навстречу, не оказывая, во всяком случае, сопротивления, как это наблюдается, например, у муравьев, самцы которых бескрылы, самки же располагают крыльями. Все завершается в конечном результате тесным и блаженным соединением тел и душ в момент совокупления.

В применении к некоторым животным природа чрезвычайно расточительна в средствах, обеспечивающих ей достижение великой цели размножения через посредство полового влечения. С невероятными усилиями выводятся сотни крепких и крупных самцов в пчелином улье, и как только единственная матка в каждом рассматриваемом случае (для одного роя) пускается в брачный полет, все самцы целым роем устремляются за нею в безумную погоню. Единственный, разумеется, сильнейший, настигает ее. В опьянении совершения полового акта он оставляет все свои половые части в теле матки и гибнет. Остальные же самцы, за дальнейшей бесполезностью, осенью уничтожаются пчелами-работницами. В такой же мере достоин удивления брачный период у бабочек породы «бомбисид». Великолепный «ночной павлиний глаз» в продолжение долгих месяцев и даже лет живет на деревьях в виде гусеницы, или же спит на коре, на стене в виде куколки. И вот вылетела бабочка в виде красиво-окрашенного самца, но обладающего пищеварительным каналом лишь в зачаточном состоянии. Предстоящая ему кратковременная жизнь не нуждается в питании, так как она всецело посвящена любви. Самка где-нибудь уже поджидает поблизости. Снабженный чрезвычайно чувствительными к запаху самки перистыми усиками, самец, как только окрепли его разноцветные крылышки, устремляется в бешеный полет по лесам и лугам, энергично разыскивая самку. Соперничество многочисленных конкурентов и здесь неизбежно. Подоспевший первым счастливец кидается к возлюбленной и здесь достигает венца своего счастья в трепете наслаждения и объятий. Оставшись без сил, самец скоро гибнет, или же, правильнее, тихо расстается с жизнью, им целиком уже использованной. Его соперников постигает та же участь, хотя они растеряли свои силы в одном только полете, не достигнув

вожделенной цели. Самка же тотчас устремляется на поиски растений, которые в будущем обескечат ее потомству, являющемуся плодом ее мгновенного любовного упоения, продолжительное существование, в качестве гусениц. Найдя подходящее место, она откладывает несметное количество оплодотворенных яиц и также умирает, являя собою как бы пустой сосуд, выполнивший уже все свои жизненные функции. Эта картина образно изображена французским естествоиспытателем Фабром и его «*Souvenirs Entomologiques*», который обосновал ее весьма убедительными опытами. Произведенные мною и другими наблюдения в этом же направлении вполне совпадают с этими выводами. Все самцы у муравьев также гибнут вслед за бешеной брачной погоней и проявлением иступленной любви в большинстве случаев полиандрической. Но самка у муравьев располагает особым рода хранилищем, способным вместить семя значительного количества самцов, причем она на протяжении целого ряда лет оплодотворяет свои яйца одно за другим, являясь, стало-быть, долговременной матерью целой колонии муравьев.

Вся любовь у низших животных находит себе выражение во взрыве полового стремления. Вслед за исполнением функций любовь прекращается. Только высшие животные расположены к продолжительной склонности. Но и им, а также человеку, как это каждодневно наблюдается, свойственно мгновенное опьянение всех чувств и всей души, благодаря половому стремлению. Человек, как будто мановением волшебного жезла, мгновенно предается любовному, скорее половому пылу, причем весь мир кажется для него сосредоточенным в этом стремлении, возлюбленный или возлюбленная принимают божественную окраску, и сглаживаются для него все шероховатости, все изъяны действительности. Радости каждого мига любви служат для него источником чувств, которые ему кажутся неисчерпаемыми. И он клянется, нашептывая уверения, которым не суждено осуществиться, он полон веры в вечное счастье. Благодаря обоюдному самообману, жизнь превращается в райскую фата-моргану. То, что является самым обыденным, а иногда и самым противным, становится, как мы это видели, предметом страстного вождедения... Но вслед за удовлетворением является сознание пресыщения. Занавес падает — и наступает относительное успокоение и отрезвление, в меньшей мере, для данного момента.

В таком общем виде, хотя и в немногих чертах, представляется картина полового стремления, диктуемого во всей живой природе инстинктом размножения. Мы займемся здесь более близким анализом этого стремления.

Природные стремления представляют из себя инстинкты, глубоко унаследованные, возникновение которых следует искать в отдаленной истории наших животных предков. Стремление к питанию является главным условием сохранения индивидуума, в то время как половое стремление есть главное условие сохранения вида, поскольку размножение производится при посредстве раздельнополых индивидуумов. Каждое стремление принадлежит двигательной стороне деятельности нервов; это нечто, внутри заключающееся, заставляющее, действовать. Таким образом, стремлению принадлежит обуславливающее его чувство или ряд чувств и в такой же мере определенные чувственные раздражения, дающие толчок определенным же чувствам, а при их посредстве и влечению. Я, например, лично доказал, что запах падали непосредственно вызывает у мясной мухи инстинкт кладки яиц. И если эти обонятельные органы (усики) у этой мухи отрезать, то она перестанет класть яйца, даже если очутится на самой приятной для нее падали. При других же наиболее серьезных повреждениях ее органов или же удалении одного только из ее обонятельных органов, таких последствий не наблюдалось.

Отсюда можно заключить, что механизм инстинктов — простейшей природы, причем его вмещают подчиненные мозговые центры, в качестве носителей низших инстинктов. Иерсен доказал, что кузнечик способен к совершению полового акта и по удалении у него головного мозга, пока происходит достижение требуемым чувственным раздражением его нервных половых центров.

Представляется возможность, стало-быть, утверждать, что механизм влечений относится к глубоко унаследованным филогенетически автоматизмам, состоящим, при всей сложности, из изолированных во времени координированных рефлексивных движений, следующих друг за другом. Однако, им далеко не свойственна пластичность сознательных, находящихся лишь в

зависимости от головного мозга, произвольных функций. Они не в состоянии приспособиться к новым, неожиданно возникшим обстоятельствам и при перерыве обусловившей их цели прекращают свои действия. Можно на этом основании допустить, что инстинкты или стремления идут рука об руку с бессознательным внутренним созерцанием (под-сознание), которое, в качестве такового, не в состоянии соединиться с нашим над-сознанием (обыкновенным сознанием в состоянии бодрствования).

Однако, чувства и побуждения, интенсивно возрастая и пересиливая сопротивление со стороны нервных центров, доходят до головного мозга в синтетической (объединенной) форме и здесь входят в состав над-сознания, которое, таким образом, находится под значительным влиянием. Эти чувства здесь сливаются со всеми элементами того, что носит у нас название «души» в собственном значении этого понятия (душа большого мозга), т. е. с чувством, интеллектом и волей.

Рассматриваемое с этой точки зрения половое стремление становится всего легче понятным. Половая любовь и все к ней относящееся представляет собою, в качестве таковой, элемент души большого мозга, но базируется на вторичном отражении животного полового стремления, отвлекающего нас в данный момент. Нужно здесь прибавить, что возбужденные в большом мозгу половым стремлениями половые представления, здесь же получившие соответствующую переработку, и в связи с другими представлениями, сами, в свою очередь, способны в большей или меньшей степени воздействовать на половое стремление, действуя усиливающе или создавая препятствия, привлекая или отталкивая и вообще качественно его видоизменяя. *Libido sexualis*, как половое сладострастие, упомянутое нами в предшествующей главе, представляет собою способ для обнаружения у человека полового стремления.

I. Половое стремление мужчины. У мужчины, который представляет собою активную сторону в совершении полового акта, значительно сильнее вначале прямое половое вожделение, т. е. стремление к соитию. Развитие этого стремления у него тоже самопроизвольно, ибо функции его в совершении полового акта представляют наиболее важную часть его половой деятельности. Оно мощно вторгается в его душевную жизнь, в которой играет, однако, меньшую роль, чем в жизни женщины. Наблюдается преждевременное проявление полового стремления у мальчиков, что чаще обусловливается дурными примерами и носит противоестественный характер. Развитие его у различных лиц протекает чрезвычайно различно. Мы будем об этом еще говорить в главе о половой патологии. Не будем касаться здесь противоестественных и аномальных проявлений полового стремления, считаясь лишь с самопроизвольной и нормальной формой явления. В зависимости от своих индивидуальных особенностей, ранее или позже, мальчик начинает обращать внимание на свои вначале чисто рефлективные (непроизвольные) эрекции. При раннем развитии и предрасположении к размышлению, человек еще до пробуждения половых стремлений заинтересовывается половыми различиями, но лишь с пробуждением их его внимание сильнее приковывается, так как до этого его в такой же степени занимали эти различия, как и разница между прямым и изогнутым носом. Человек не обращает внимания на то, что не входит в сферу его прямых интересов, и этим и объясняются те непонятные для других равнодушие и неосведомленность в подобного рода вещах, которые свойственны мужчинам с поздно или очень слабо развитым половым стремлением. С другой же стороны, мужчине равнодушному кажется пошлым и отвратительным тот половой интерес, который свойственен мужчине, легко возбудимому в половом отношении. Если имело место раннее и сильное проявление полового инстинкта, то ненасытное любопытство возбуждается созерцанием совершения полового акта у животных и даже насекомых и мух, причем происходит вполне правильная оценка этого акта и делаются соответственные выводы и сравнения с ощущаемым половым стремлением. Но один вид женского пола при естественных условиях действует еще более интенсивно. Здесь мы сталкиваемся с удивительным явлением. Возбуждение мальчика обусловливается всем тем необыкновенным, которое представляется в женском поле; такое влияние имеют созерцание закрытых при обыкновенных условиях частей ее тела, привлекающие взор одежды и украшения, своеобразные ароматы и вообще вид таких женщин, которые обыкновенно ему редко встречаются. Этим и объясняется весьма малое или даже совершенно отсутствующее влияние в половом смысле братьев и сестер друг на друга; возбуждающим элементом могут

явиться лишь какие-нибудь ненормальные отношения или же вообще аномалии. У диких, ходящих нагиими племен, по этим же соображениям, мальчики совершенно не возбуждаются находящимися при обычных условиях в их обществе нагими девушками, но скорее обращают внимание на таких девушек, которые бросаются в глаза, благодаря каким-нибудь своим украшениям. Магометанин возбуждается в половом смысле, когда он видит открытое лицо женщины, европеец же, когда он увидел ее открытые ноги, и это находит себе объяснение в том, что у первых женщины закрывают лицо, а у вторых — свои ноги и т. д. Такие различия, разумеется, следует считать лишь относительными. Женщина, не старая, вообще действует возбуждающе, если половое стремление достаточно сильно и не было удовлетворено.

Мы должны принять здесь во внимание другой пункт, являющийся более важным и представляющий собою обычную норму; в силу этого пункта, возбуждающе действуют на мужчину вид и здоровое состояние женщины. Ее формы, здоровые и цветущие, нормальные запахи, естественный голос, нормальная и здоровая кожа, — все это прельщает нормальное половое стремление, между тем как нездоровье женщины и ее дряблость, сомнительные запахи и т. п. имеют в половом смысле отталкивающее влияние.

Все имеющее отношение непосредственно к половым органам, созерцание их, запах и прикосновение имеют возбуждающее действие; конечно, это происходит вследствие того, что, как мы уже упоминали, в обыкновенном состоянии все это скрыто от чужого взора; это же касается и груди. Эротический мужчина вообще испытывает непреодолимое влечение к женским половым органам, о которых думает постоянно.

В эротике запах и осязание играют чрезвычайно выдающуюся роль. Специфические запахи половых органов действуют особенно эротически, т. е. возбуждая половое стремление. У мужчины специальными эротическими пунктами осязания являются головка, менее часто задний проход, грудные соски и рот. Соответствующее место (например, головка) может при случае не обнаружить эротической чувствительности, обуславливающей сладострастие, или же проявить ее особенно сильно, или же и вовсе ее потерять, хотя обыкновенно чувство осязания и осталось нормальным.

Первые половые ощущения носят совершенно неопределенный характер; они полубессознательны вначале, причем испытывается какое-то смутное влечение к женщине, обаяние которой очень велико. Таким образом, мальчик в состоянии, например, избрать объектом своей влюбленности симпатичное женское лицо, пышную грудь, красивые глаза, воспоминание о которых обуславливает у него эрекции и непередаваемое словами чувство страстного томления, не ищущее еще пока выхода, как у опытных людей, в совершении полового акта, но продолжающее пребывать в какой-то неопределенности, однако, вполне чувственного характера. Оно долго пребывает без удовлетворения, не выходя из пределов желая, влечения и того же томления. Фантазия услужливо создает, в зависимости от индивидуальности и под влиянием этого стремления, всевозможные образы и видения. Сновидения не остаются без влияния со стороны этих причин полового влечения, обуславливающих, в свою очередь, эрекции и во сне. У мальчика начинают сосредоточиваться чувственные ощущения в половых частях и, главным образом, в головке, а также и в соседних областях, — и невольно начинает зарождаться смутное представление о женских половых частях, которые раньше его совершенно не занимали. У первобытных народов, а также и у животных этот период и совпадает с первыми попытками к совершению полового акта, которые в результате и достигают цели, — у человека, конечно, совершение брака совпадает с наступлением половой зрелости. Но культура создает обычно известного рода препятствия к браку, и при наличии сильного полового влечения неизбежно является на помощь проституция или же какие-либо иные способы неестественного удовлетворения этого влечения. Половое раздражение во сне, действуя более энергично, чем в бодрствующем состоянии индивидуума, вызывая обычно эрекцию, завершается истечением семени, носящим название поллюции и являющимся непосредственным следствием эротических сновидений. Во сне представляются ласкающие и прижимающиеся к спящему женские фигуры, причем он совершает с ними половой акт, более или менее близкий к действительности. Известно, что сновидениям свойственны интенсивность и качество обманчивых восприятий. Возбуждение, являющееся следствием неудовлетворенного *libido sexualis*, может быть и в состоянии

бодрствования индивидуума настолько сильным, что мальчику приходится прибегнуть к механическому раздражению члена путем трения, что связано для него с ощущениями сладострастия. Но случайно, быть может, сделав это открытие, мальчик повторяет его и, в результате, достигает истечения семени. Отсюда и возникновение весьма вредной привычки к онанизму или мастурбации, действующей угнетающе на душу и изнуряюще на тело, ибо повторения обуславливают все большую неодолимость раздражения, и нет тех внешних общественных преград, которые в состоянии были бы сдерживающе влиять на такого рода удовлетворение; ничья воля, кроме собственной, не может действовать в этом направлении. Мы вернемся еще к этому вопросу и специально к вопросу об онанизме в главе о патологии (VIII).

Под аутоэротизмом Гавелок Эллис понимает самостоятельно возникающее половое возбуждение, независимо от какого-либо чувственного побуждения со стороны другого лица. Непосредственное возникновение аутоэротизма в чистом виде не поддается пока еще точному определению, так как здесь чаще участвуют памятные представления о виденном индивидууме противоположного или же своего пола, ассоциированные с зрелищем собственных половых отличий. Во всяком случае, у детей онанистическое раздражение может, вне сомнения, иметь место без стремления к другому лицу. Блох туда же причисляет, в более широком смысле, то, что он назвал «половыми эквивалентами», т. е. идеал человеческого или специально индивидуализированного чувства преданности, как возмещение эротизма.

Не должно отрицать того, что сосредоточение семенной жидкости в семенных пузырьках у мужчины действует возбуждающе на *libido sexualis*, которое временно исчезает вслед за ее истечением. Однако, мы скоро убедимся в том, что роль у мужчины этого органически-механического возбудителя, имевшего отношение лишь к первобытным потребностям, в настоящее время весьма незначительна. Это становится понятным в связи с тем соображением, что возможность совершения полового акта у всех животных, прибегающих для полового общения к совокуплению, обуславливается не одним только накоплением спермы (семени), но и возможностью достижения самки. Таким образом, необходимо то или иное чувственное восприятие последней для возбуждения указанного процесса.

Физиономия отражает в себе *libido sexualis* точно так же, как и всякое другое желание. Под физиономией мы разумеем отражение мозговой деятельности (мыслей, чувств, заключений) на мускулах по помощи двигательных нервов и центров. Лицо не представляет ее целиком, так как оно выражает движения души в отражении их на мускулатуре всего тела; поэтому можно говорить о физиономии живота, рук и даже ног, однако, в выражении глаз и движениях мускулов лица она, разумеется, выражается наиболее рельефно. О половом возбуждении можно судить по взглядам, соответствующему выражению лица и движения в присутствии противоположного пола. Необходимо считаться с той или иной способностью человека обнаруживать или скрывать свои мысли и чувства при посредстве мимики, поэтому наружность не всегда будет служить верным отражением внутреннего мира личности. К тому же половые влечения, обыкновенно сдерживаемые, могут, в связи с другими отражениями душевного состояния, дать совершенно иной отпечаток, и поэтому сладострастным не всегда является тот, кого таким по внешности считают.

Для нормального среднего юноши, умственно и особенно физически работающего, не прибегающего ни к каким искусственным возбуждающим средствам и, главное, избегающего наркотиков, как алкоголь, ослабляющих волю и разум, — нельзя считать невыполнимым половое воздержание. В более зрелом возрасте, между 18 и 20 годами, воздержание облегчается, благодаря ночным поллюциям, сопровождающимся соответствующими сновидениями и, во всяком случае, не отражающимся на здоровье. Такое состояние не является вполне естественным для слишком большого промежутка времени, особенно при отсутствии перспективы на то, что оно скоро будет прекращено. Однако, все искусственные преждевременные раздражения полового влечения являются следствием влияния культуры. *Libido sexualis*, как мы уже упоминали, индивидуально весьма разнообразно, но можно сказать, что оно колеблется между нулем и таким состоянием непрерывного полового возбуждения, которое носит название сатириазиса. Под половой потенцией разумеется способность к совершению полового акта. Здесь имеются в виду прежде всего сильные и совершенно твердые эрекции, а также достаточно частые и обильные извержения семени. Импотенция, или

неспособность к совершению полового акта, представляет собою случай патологический и сводится к отсутствию эрекции или к ее полноте. Можно, хотя и не всегда, наблюдать совпадение потенции и *libido*, причем возможна наличность сильной потенции одновременно с незначительным *libido* и, еще чаще, весьма интенсивного *libido*, сопровождающегося импотенцией. В последнем случае мы имеем дело с явлением патологическим. Нет возможности, разумеется, установить те точные границы, по ту сторону которых начинается патология, ибо разные лица обладают индивидуальной потенцией.

Libido и потенция у мужчины, в среднем, наиболее интенсивно проявляется в возрасте между 20 и 40 годами, особенно же — 25 и 35. Наблюдается иногда полнейшее спокойствие в половом отношении у молодых людей в возрасте от 18 до 20 лет, у которых еще не было истечения семени. Но одновременно с этим мальчики в возрасте от 12 до 16 вполне зрелы как относительно *libido*, так и потенции у тех народностей, которые раньше созревают в половом смысле. Для нашей арийской расы такое явление, наблюдаемое в возрасте раньше 14 лет, должно объяснить патологически преждевременной зрелостью. Нередко можно считать признаком силы и здоровья организма более позднее наступление *libido* и потенции. Постепенное ослабевание потенции начинается уже с 40 лет и угасает лишь к 70 годам, иногда, впрочем, и раньше. Но наблюдались случаи и 80-летних старцев, обладавших потенцией. Уменьшение *libido* также идет рука об руку, при нормальных условиях, с увеличением возраста, но *libido* может длиться значительно больше потенции, особенно, будучи обусловленным искусственными раздражениями.

Необходимо иметь в виду два рода потенции — способность к совершению полового акта и способность к оплодотворению. Из них возможно вполне самостоятельное существование первой способности без второй, ибо даже при совершенном прекращении зародышевыми железами своих функций остальные железы (особенно же предстательная) будут поддерживать своими выделениями *orgasmus wenericus*, разумеется, если только сохранились еще эрекции. Но, с другой стороны, у импотента могли быть вполне жизнеспособные и здоровые сперматозоиды. В последнем случае оплодотворение возможно при содействии шприца.

Колебание размеров силы *libido* и потенции может быть установлено из того, что нередко мужчины, которые по несколько раз в день и на протяжении целого ряда лет совершают половой акт. Наблюдается такая интенсивность полового раздражения и вожделения, когда они возобновляются чрезвычайно малыми промежутками времени (в 15 — 20 минут) после истечения семени. Не очень редкими должно считать и такие случаи, как это бывает в домах терпимости и вне их, когда мужчина совершает половой акт от 10 до 20 раз в ночь; такие случаи следует отнести к патологическим ненормальностям. Я лично знаю случай, когда акт повторялся до 30 раз. Я пользовал раз 65-летнюю крестьянку, с изборожденным морщинами лицом, которая жаловалась мне на непрекратившиеся *libido* и потенцию у ее мужа, 73 лет. Он требовал совершения полового акта ежедневно в 3 часа утра, перед уходом на работу, но не удовлетворяясь этим, вечером повторял акт перед сном и довольно часто днем, после обеда. Но мне приходилось наблюдать и людей, вполне здоровых и в самом цветущем возрасте, которые считали для себя излишеством совершение полового акта раз в месяц или еще реже. Специалист по половым болезням посвятил меня в историю с одним богатым господином, который на протяжении 5 лет имел половые сношения почти с 2000 всевозможных женщин. Этот сатир, разумеется, болел сифилисом и всевозможными гонорреями, которые, вполне понятно, широко таким способом распространял. Практический Лютер предложил в виде нормы для брака совершение полового акта от 2 до 3 раз в неделю, конечно, во время расцвета силы у мужчины. И должен сознаться, что это правило, в среднем, нашло себе подтверждение в расспросах моих и наблюдениях, и норма эта ближе к той, к которой приспособилось человечество за все время своего существования. Было бы, однако, неправильно и несправедливо, если бы супруги считались с этой нормой, как с незыблемым правилом, ибо вполне возможно и большее воздержание для нормального мужчины, которое, в свою очередь, становится уже обязательным, если заболевает жена или когда у нее протекает менструация или период после родов. Продолжительность беременности применительно к рассматриваемому вопросу несколько осложняет дело. Необходима исключительная осторожность, но и при нормальном течении беременности нет необходимости, я думаю, в полном воздержании.

Мужскому половому стремлению свойственно одно фатальное обстоятельство, которое находит себе объяснение в указанной уже нами привлекательности всего необычного и безразличности к обычному. У нас есть потребность в разнообразии, которая, может быть, и служит источником полигамии, а также и проституции и аналогичных явлений. *Variatio delectat*. Женщина, в среднем, скорее предрасположена к моногамии, чем мужчина. А между тем, влечение мужчины теряет в силе, благодаря дрящейся привычке в сношениях с одной и той же женщиной, и, как это наблюдается у многих мужчин, если не у всех, тем больше их интенсивность по отношению к другим женщинам. Нравственное чувство стремится воздействовать на это влечение, и в этом же направлении действуют благородство характера, чувство долга и врожденная семейственность, — но ни в коем случае нельзя отрицать наличность такого влечения. В этом обстоятельстве я следует искать и корни необузданного разврата и взрыва недостойных чувств, часто ведущих к трагическим результатам. Об этом, впрочем, дальше.

Здесь необходимо принять во внимание бесконечное индивидуальное различие, независимо от патологической точки зрения, тех обстоятельств, которые обуславливают *libido sexualis*. На первом плане в этом случае влияние полных, здоровых, цветущих и в половом смысле вполне зрелых женщин, а также созерцание тех частей тела их, которые обычно скрыты от постороннего взора, и, главным образом, половых частей и груди. Известную роль играют и известные запахи. Но индивидуально возможно возбуждающее воздействие и голоса, и выражение лица, покроя платья, а также других особенностей. Некоторые мужчины возбуждаются, наоборот, при виде худощавых и бескровных женщин. В то время как известные свойства обуславливают возбуждаемость у одного мужчины, — на другого они не имеют никакого ровно влияния: волосы, например, и их цвет, определенные запахи, покрой платья, черты и склад лица, различие в форме груди, и пр. Очень часто наблюдается возбуждающее влияние тех особенностей, которых недоставало женщинам, принадлежавшим когда-то мужчине. Контрасты также служат источником взаимной привлекательности, причем худощавые обнаруживают тенденцию влюбляться в полных, длинноносые — в коротконосых и т. д. Здесь, однако, не может быть места резюмирующему правилу. Наблюдается, нередко, половое влечение очень молодых людей к слишком зрелым женщинам и, наоборот, пожилых мужчин к весьма молодым женщинам и даже к девочкам. Половая патология в этих различиях и находит себе исходные пункты. И, вместе с тем, как много мужчин, вполне спокойных и уравновешенных, имеющих склонность только к моногамии, не ищущих разнообразия, т. е. не помышляющих о чужих женщинах, кроме своей жены. Половое стремление, как это следует иметь в виду, усиливается в зависимости от обильного питания и праздного времяпрепровождения, предрасполагающих к полигамии, в то время как труд, особенно физический, действует всегда умеряюще.

Libido находится в большой и непосредственной зависимости от умственных и духовных особенностей. Таким образом, расхолаживающе на мужчину действуют обнаруженные женщиной сварливость, холодность, нерасположение, между тем как страстное желание, проявленное женщиной, ее *libido*, любовные и нежные отношения питают *libido* мужчины. Считаясь с рассматриваемым в настоящей главе лишь животным инстинктом, необходимо указать, что обнаруженное женщиной *libido* возбуждает и усиливает мужское *libido*, значительно повышая ощущение наслаждения у мужчины в момент совершения полового акта. Наблюдаются, однако, в противовес этому общему правилу, и яркие противоположности, когда *libido* мужчины усиливается лишь благодаря холодности и нерасположенности женщины, причем обнаруженное женщиной *libido* отталкивающе влияет на него. В этом смысле возможны тончайшие нюансы. Мужчина, активный в половом общении, разумеется, ищет встретить со стороны женщины любовь и взаимность, однако, на него, нормально чувствующего, отталкивающе действуют проявленные женщиной цинизм и вызывающее поведение, отсутствие природной сдержанности, благородства и деликатности. Нормальная женщина обладает в этом смысле инстинктивным чутьем, диктующим ей те поступки и отношения, которые не будут оскорблять мужского чувства.

Под психической импотенцией, о которой подробнее в отделе патологии (глава VIII, § III, 2), мы разумеем результат энергичного задерживающего воздействия представлений, которые

нарушили автоматические функции полового стремления. Не всегда патологический характер имеет моментальная психическая импотенция. Может случиться, что при совершении полового акта, среди различных ощущений сладострастия, вожделения и определенных любовных представлений, мысль прорежет вдруг какое-нибудь новое представление, связанное со смешной стороной положения, или выражением недовольства со стороны женщины, или чем-нибудь иным неприятным, могущим прервать цепь ощущений и влечений к совершению акта, — тогда мгновенно исчезают сладострастные ощущения вместе с *libido sexualis* и прекращается эрекция у мужчины. Восстановление этой цепи сознательным велением воли невозможно, а помочь делу могут лишь представления, имеющие тесную связь с *libido sexualis*.

Наша культура, однако, не только разрушающе повлияла на естественный поядок половых отношений, извратив их своими грубыми нравами, но и искусственно дала им патологическое направление. Дело приняло такой оборот, что явно ненормальные отношения носят названия вполне нормальных понятий, как будто все это в порядке вещей. Точно так же, как и в алкоголизме, идет речь о патологическом опьянении, словно это опьянение и не выходило бы из рамок нормального; есть люди, пресерьезно уверяющие, что благодаря проституции, доставляется мужчинам возможность нормального совершения полового акта. Может ли быть внесено в нормы половой жизни приобретенное за деньги право совершения полового акта с продажной женщиной, ничего при этом не ощущающей и старающейся лишь путем искусственных приемов раздражать своих клиентов, наделяя их еще к тому венерическими болезнями! Человеческая культура не остановилась перед тем, чтобы взрастить половое стремление в качестве искусственного наслаждения, не считаясь вовсе с целями природы, — и в этом смысле обнаружила большую изобретательность на всевозможные средства, преследующие лишь усиление и видоизменение *libido*. Можно утешаться лишь тем, что человеческая культура во все эпохи преследовала те же цели, и в этом отношении мы ничуть не превосходим своих предков и не уступаем им. Но выработанные нами способы отличаются зато большей утонченностью и разнообразием, чем у варварских народов или даже чем у предков, живших во времена более простые. Деятельным сотрудником в деле эротических возбуждений, — скажем откровеннее, союзником порнографии, является наше современное искусство. Происходит весьма откровенное поощрение и восхваление самых невероятных средств эротического возбуждения, под личиной искусства, с выражением негодования по адресу всякого инакомыслящего.

Новейшие способы художественного воспроизведения, значительно усовершенствованные, в связи с фотографией, облегчение тайных сношений, благодаря улучшившимся путям сообщения, а также художественная промышленность, введенная в наш жизненный обиход в качестве роскоши, комфорт жилищ и кроватей и пр. и пр., — все это находится в распоряжении эротической похоти. Проституция, или приобретение прав на совершение полового акта за деньги, дала уже пышные разветвления, глубоко проникающие в область патологического. Короче, искусственное культивирование *libido sexualis* мужчины можно рассматривать в настоящее время, как высшую школу порока. Влияние получивших громадное распространение художественно исполненных и вместе с тем верных действительности эротических изображений, без сомнения, более раздражающе действует на половое стремление, чем те грубые и неважные изображения «доброе старое время», распространение которых не выходило из пределов небольшого количества музеев и коллекций богатых людей.

А между тем вожделение, вне всякого сомнения, усиливается, благодаря часто повторяемому искусственному раздражению, обусловливаемому заманчивым изображением подробностей полового вожделения во всевозможных их видах. Известно общее правило физиологии нервной системы, в силу которого упражнение обуславливает увеличение и усиление всякой нервной деятельности. Таким образом, привычка много и хорошо есть дает в результате обжорство; привычка к нарядному туалету и холодным обмываниям превращается в потребность; физическая деятельность делает необходимым движение и действует укрепляюще на мускулатуру; постоянные упражнения в какой-нибудь области вызывают к ней любовь и обуславливают виртуозность в данной отрасли; постоянное сосредоточение мыслей на какой-нибудь болезни делает то, что ее начинают подозревать в самом себе; часто исполняемый

мотив насвистывается и напеваётся потом совершенно бессознательно. В силу того же, бездеятельность служит причиной ослабления раздражений в соответствующей области. Если ощущения и впечатления находятся в пренебрежении, то они ослабляются, равно как и сама потребность в них. Бездеятельность обуславливает инертность, благодаря создавшимся сопротивлениям в головном мозгу, и при наличии инертности возобновление деятельности становится затруднительным. Этот закон вполне применим и относительно *libido sexualis*, что вполне понятно, причем воздержанием ослабляется влечение, благодаря же частым упражнениям оно лишь усиливается. Точно также, как и пустой желудок в инстинкте питания, так и здесь переполненный семенной пузырек, как мы уже об этом говорили, старается оказать противодействие, опираясь также на силу врожденного стремления, закону упражнения или закону тренировки нервной системы. В интересах правильного уяснения этого вопроса, необходимо противопоставление этих двух сил, враждебных друг другу, и которые мы наблюдаем, например, в потребности еды или сна. Потребность в пище может быть очень большой, причем ею обуславливается сохранение жизни, но французская поговорка «*L'appetit vient en mangeant*» остается при этом вполне верной. Благодаря чревоугодию, как мы уже упоминали и как это всем известно, развивается ожорство и получают в результате подагра и ожирение. К разряду таких же явлений, но в смысле обратном, можно отнести и сонливость, так как достаточный сон обеспечивает, без сомнения, здоровье и правильные функции мозга, но ведь возможно привитие и увеличенной потребности во сне. Этот вопрос имеет чрезвычайно большое принципиальное значение применительно к половому влечению. В этом случае возможно применение известного закона умеренности: *abusus non tollit usum* (злоупотреблением не исключается употребление). Ошибочно было приписано Цицерону одним английским комментатором следующее положение: «В истинной умеренности заключается неограниченное господство разума над страстями и всеми дурными побуждениями сердца. Она знаменует собою воздержание от всего плохого, которое не совсем безвредно по своему характеру». В этом определении очень много хорошего, хотя оно и не цicerоновское. Потребление алкоголя исключается, благодаря этому определению, как противного естеству и вместе с тем обладающего ядовитыми свойствами, но нормальное удовлетворение полового влечения, нормально приспособленного к соответствующим потребностям вида, отнюдь не противопоказывается, ибо, в зависимости от обстоятельств, оно может быть хорошим или скверным, невинным или пагубным. Но указание для каждого отдельного случая соответствующей меры и выбор объекта представляют собою нечто в высшей степени щекотливое и трудное. Разведение морали не дает здесь никаких результатов.

Я могу утверждать, опираясь на многочисленные наблюдения людей, прибегавшим к моим советам по этому поводу, что всякий мужчина, при добросовестном самоконтролировании, в подавляющем большинстве случаев будет сам в состоянии разобраться в искусственно-раздраженном половом стремлении и в естественной потребности. Есть, разумеется, большое различие между тем состоянием, когда мужчина борется с половым вожделением, не будучи в состоянии его нормально и законно удовлетворить, — и таким положением вещей, при котором имеется налицо лишь искусственное разжигание желаний, на почве стремления к наслаждению, обусловленного, между прочим, и праздною жизнью. Имея здесь в виду лишь нормального человека, мы должны считаться и с наличием патологических натур, находящихся под влиянием полового влечения, как своего рода навязчивой идеи. Половое влечение не трудно локализовать в пределах умеренности, если прибегнуть к постоянной серьезной работе, стараясь не соприкасаться со всякого рода возбуждающими элементами.

Мы ссылались уже на порнографическое искусство, являющееся одним из деятельных средств искусственного разжигания *libido*. Люди, с более низменными задатками, поддаются влиянию грубого, антихудожественного творчества и всякого рода изделий, рассчитанных, в интересах наживы, на разжигание полового стремления. В алчном стремлении к наживе и следует искать источник зла. Главной ареной деятельности социального грабежа и являются алчная эксплуатация полового стремления и тяготения к спиртным напиткам.

Кроме порнографических изображений, главными средствами искусственного раздражения полового влечения являются:

— порнографические романы, искусственно раздражающие половую страсть и прибегающие в этих видах к заманчивому изложению подробностей и иллюстрациям, конкурирующим с указанными выше изображениями, с целью привлечения публики;

— алкоголь, парализующий рассудок и нравственные проявления воли и, вместе с тем, усиливающий грубую импульсивность и *libido sexualis*. Человек под его воздействием обнаруживает «предприимчивость» и сам отдается в лапы сводничества или проституции.

Но прежде всего необходимо иметь в виду весь арсенал современной системы проституции (см. главу X, 3).

Но и другие причины, независимо от жажды наживы, служат так или иначе источником искусственного раздражения полового стремления. Порнографические картинки или какой-нибудь взрослый развратник сделали то, что школьник вовлекся в онанизм, а он уже, в свою очередь, знакомит своих товарищей с этим пороком. Некоторые испорченные в половом отношении женщины соблазняют мальчиков школьного возраста, совершая с ними половой акт, и, таким образом, преждевременно вызывая у них проявление полового стремления.

В связи с подобного рода привычками, искусственным путем действующими раздражающе на половую страсть, у мужчин, в качестве вторичного явления, обнаруживается вредное удальство, не ведущее ни к каким хорошим результатам. Точно так же, как школьник спешит сейчас же вслед за своей конфирмацией ткнуть себе в зубы сигару, хотя вкус ее ему еще довольно противен, — чтобы показать, что он уже далеко не маленький, — так и подросток, не теряя времени, проституируется, ибо в противном случае его не будут «считать настоящим мужчиной». Такая бессмыслица находит себе пищу еще и в опасении, благодаря неопытности или стыдливости, подвергнуться насмешкам. Детальное и своевременное ознакомление с половым вопросом при посредстве человека близкого и авторитетного, уступает место преждевременной осведомленности в половом вопросе, почерпнутой из наихудшего источника и дающей самые печальные последствия.

Все это не только обуславливает искусственное взвинчивание *libido sexualis*, которому дается ложное и противоестественное направление, но и происходит отравление молодежи, обреченной на верную гибель, благодаря целому рою венерических болезней (не говоря уже об алкоголизме). Последнее относится уже к патологии.

Мы упоминали здесь о школьной молодежи. Но еще хуже обстоит с пролетарским подрастающим поколением, которое, в зависимости от нужды и скученности, находится в наиболее неблагоприятных условиях. Молодежь, благодаря беспорядочному смещению полов, нередко бывает свидетелем совершения полового акта родителей, а иногда и просто воспитывается специально в корыстных целях разврата.

Можно удивляться отсутствию еще худших последствий, являющихся следствием таких исключительно половых раздражений *libido sexualis*. Экспессами, конечно, часто обуславливаются разложение семьи и брака, импотенция и другие расстройства половой деятельности. Но непосредственный вред для здоровья от венерических болезней, а с другой стороны — от алкоголизма, должно сознаться, значительно больше тех последствий, которые дают искусственные раздражения и усиления *libido sexualis*, но в связи с последними происходит частое отравление душевной жизни и общественной этики.

Благодаря искусственному половому раздражению у мужчин под непосредственным воздействием проституции и всего, с нею связанного, наблюдается возникновение половой ненасытности, с трудом регулируемой впоследствии в браке верной и идеализированной любовью к одной женщине и на всю жизнь. Иногда приходится сталкиваться с мнением, что бывшие повесы и завсегдатаи домов терпимости, особенно удачно избегнувшие заражения венерическими болезнями, дают в результате примерных и верных мужей и отцов семейства. Но близкое знакомство с закулисной стороной жизни такого рода браков разубедит очень скоро всякого, так как счастье здесь весьма и весьма условно. Так же, как не отучиться кошке от ловли мышей, так и не отделаться такому мужчине от тех усвоенных привычек, которые дало ему общество проституток с часто практиковавшимся унижением половых отношений. Можно допустить, в виде редкого исключения, такое воздействие истинной любви, которое в состоянии будет вступить в единоборство с влияниями испытанного уже соблазна, в особенности при наличии у мужчины хорошего наследственного предрасположения. Но все

же пережитые эксцессы не могут не оставить своих следов, и временно заглушенные, не преминут проявить себя впоследствии, когда мужчине удовлетворение одним только супружеским общением начнет казаться тягостным и недостаточным. С другой стороны, в самом браке создается уже привычка к половым сношениям, благодаря которой мужчина начинает прибегать к внебрачным половым отношениям.

Должно отделить, однако, раздражения, обуславливаемые у мужчины его *libido sexualis*, и, между прочим, благодаря его полигамическим стремлениям, от того искусственного и аномального раздражения полового влечения, сущность которого была раньше приведена. Благодаря физическим и нравственным особенностям, а также и другим преимуществам данной женщины, половая страсть может совершенно покинуть прежний объект, чтобы с особой интенсивностью направить всю свою энергию на новый. Здесь происходит полное смешение между элементами *libido* и элементами высших форм любви, что может дать в результате сложную драму, как основание для сенсационного романа. Из таких, впрочем, романов в действительной жизни и состоит большинство сенсационных любовных похождения. Патологическая наследственность в подобного рода случаях занимает, без сомнения, не последнее место, и мы должны заключить, что «браки по страсти» (не касаясь браков по любви, которые заключены были спокойно и разумно, после долгого знакомства и знания друг друга), — такие браки не отличаются всегда уже большею прочностью, чем даже браки по расчету, ибо патологическим натурам, как известно, часто свойственно бросаться из одной крайности в другую. Здесь может произойти бурное и ужасающее проявление *libido sexualis*. Оно приводит нередко к зловещим аффектам, убийству и самоубийству. *Libido sexualis* отражается с поразительной силой на людях с неглубоким умом и неустойчивыми взглядами на вещи, причем любовь у них может быстро смениться ненавистью и, наоборот, сознание справедливости — беспричинною мстительностью, честность — предрасположением ко лжи и интриганству. Такое *libido*, проносясь ураганом над душевным миром данной неустойчивой личности, теряет уже свои обыденные свойства, и дает иногда те же результаты, что и опьянение или помешательство. Проявляясь даже в относительно легкой форме, это *libido* делает, например, то, что муж тогда лишь способен на половое общение с женою, когда он мысленно представляет себе вместо последней в своих любовных объятиях предмет своей новой страсти (см. «Wahlverwandschaften» Гете, Мюссе и других). Это явление остановило здесь именно наше внимание, хотя его можно было отнести к следующей главе. Но мы имели в виду ту отчаянную борьбу, которая часто имеет место между *libido sexualis* и проявлением высшей любви. Муж, например, может быть привязан к своей жене всем своим сердцем, уважать ее, любить и боготворить, но внешний вид ее и тесное общение с ней не дают ему чувственных ощущений, не обуславливая ни *libido*, ни эрекции, тогда как какая-нибудь сирена, стоящая несравненно ниже его жены во всех отношениях, возбуждает с исключительной силой его чувственность, несмотря на отсутствие к последней не только любви, но и уважения. Вполне резко выраженная форма такого рода явления не очень часто встречается в жизни, но мы сталкиваемся здесь с непримиримым противоречием *libido sexualis*, с одной стороны, и проявлением высшей любви — с другой. Мужчина не в состоянии совладать с половым влечением к сирене, которую, однако, он ни в каком случае не назвал бы своей женой и не согласился бы иметь от нее детей, так как чувства любви к ней не питает, а даже презирает ее. Такие положения, редко наблюдающиеся во всей своей резкости, имеют часто место у большинства мужчин в значительно слабейшей степени. В этом случае *libido* должно быть рассматриваемо, как древний животный инстинкт, на который привлекающее действуют чувственный взор, соответствующие манеры и пышные формы соблазнительницы, между тем как в лучшей, духовно высшей части души глубокое чувство привязанности и верной любви, в связи с представлениями о верности, признательности и сродстве душ, энергично борются с проявлением животной силы. Можно было бы, в самом деле, говорить о наличности «двух душ в одной груди» (в одной центральной нервной системе), отдельных друг от друга и оказывающих одна другой противодействие. Амур больше не в ладу с самим собой. Отсюда мы исключаем, конечно, такие случаи, когда новое любовное увлечение совершенно отталкивает мужчину от его прежнего объекта любви (или жены) как в душевном смысле, так и в области чувства.

Стремление к совершению полового акта не исчерпывает целиком полового стремления мужчины. Довольно часто это чувство сопровождается, у него и влечением к получению потомства, — влечением, которое выражено у него весьма смутно и, во всяком случае, значительно слабее полового влечения. В инстинкте родительской любви оно занимает известное место в качестве сознательной мысли, но и в животном инстинкте, в самом влечении, оно, к сожалению, играет определенную роль. Не останавливаясь пока на этом, мы впоследствии убедимся в том, что это влечение, в качестве такового, играет несчастную роль в связи с современными культурными условиями.

II. Половое стремление женщины. Если мы коснемся существенного различия между женщиной и мужчиной применительно к половому акту, то здесь должно будет принять в соображение не только пассивную ее роль в совершении акта, но и отсутствие у нее процесса истечения семени. Но, с другой стороны, имеют место и большие аналогии. Сюда могут быть отнесены отвердение (эрекция) клитора и обусловливаемое этим сладострастное ощущение, выделение Бартолиновых желез, могущие быть уподобленными мужской эякуляции, и наконец, *orgasmus venericus*, который, будучи налицо, нисколько не уступает такому же мужскому, нередко и превосходя его. У женщины, правда, нет такого процесса, который мог бы быть соответственно уподоблен перепополнению семенных пузырьков у мужчины. Но при продолжительном воздержании у женщины происходит как бы накопление сладострастного влечения и в ее центральной нервной системе. Мне приходилось говорить с одной простой женщиной, которая, по ее словам, каждые две недели испытывала потребность в совокуплении. И если она в этот период не имела почему-либо мужа, то простейшим образом обращалась к содействию кого-либо другого. Психическая подкладка такого явления, может быть, и лишена совсем женственности, но такого рода *libido* нельзя считать ненормальным.

Здесь необходимо добавить, что многие женщины, которые достигают оргазма только благодаря трению клитора, при его неспособности, часто не получают никакого удовлетворения от совершения полового акта. Многие из них поэтому получают предрасположение к лесбийской любви или онанизму, если они только чувственны по своей природе. Но, благодаря прикосанию к всевозможным частям ее тела, груди, лицу и коже, женщина эротически возбуждается, и у многих сладострастие обусловливается введением какого-либо предмета во влагалище.

Что касается крайних проявлений полового вожделения или стремления у женщины, то они у нее больше, чем у мужчины. Стремление реже может возникнуть у нее самостоятельно, но во время совершения полового акта пробуждается ощущение сладострастия. Не всякой женщине свойственно *libido sexualis*, и при отсутствии последнего, что наблюдается не так уже редко, половой акт не только не доставляет женщине никакого удовольствия, но, будучи в некоторых случаях для нее безразличен, может быть иногда связан и с неприятными, противными ощущениями. Мужское чувство никак не может примириться с той противоположностью в женском характере, в силу которой женщина, совершенно равнодушная в половом смысле, отличается тем не менее большой склонностью к кокетству, привлекательностью и испытывает потребность в любви и ласке! Такое положение вещей нередко ведет к досадным недоразумениям. Объясняется это, между прочим, тем, что половое чувство женщины, в нормальном своем проявлении, значительно менее направлено непосредственно на половой акт и связанные с ним сладострастные ощущения, чем на последствия этого акта, играющие столь важную роль во всей ее дальнейшей жизни. На женщину, а особенно на девушку, мужские половые части совершенно не действуют привлекающе. Под влиянием страстной симпатии, внушенной мужчиной, девушка охвачена желанием лишь иметь от него ребенка, «принадлежать ему» (иногда рабски), причем она требует ласки, флирта, бесконечной любви, жизненной опоры. В этом, хотя на первых порах и смутно, проявляется потребность в своей собственной семье, в ощущении материнского счастья, — и одновременно мелькают перед умственным взором поэтически-рыцарские идеалы, — а чувственность, не сосредоточившаяся еще на половых органах и не требующая еще совершения полового акта, как бы разлита по всему телу. Таким образом, состояние полового возбуждения у женщины не заключено в тесных рамках половых органов. Грудные соски, например, могут быть названы эрогенным местом, так как поглаживание их действует

возбуждающе. Необходимо считаться с чрезвычайным значением для женщины состояния беременности, кормления и вообще всей совокупности ее материнских обязанностей и отправлений, чтобы легко понять всю сложность и взаимодействие чувств у женщины, которые так мало совпадают с чувством мужчины. Меньшие объем и сила ее тела вполне естественно побуждают ее стремиться к надежной опоре, между тем как в совершении полового акта она играет пассивную роль. Этим и объясняется нормальное влечение молодой девушки к смелому, крепкому, предприимчивому и умственно стоящему выше ее мужчине, которого она всегда готова ставить выше себя, и под защитой которого она не будет опасаться за свою судьбу. В то время, как на дикарку привлекательно действует мускульная сила, дочь культуры предпочитает умственное превосходство. Но женщины находятся вообще еще под влиянием своих инстинктов и привычек — и в значительно большей степени, чем мужчины. Успех мужчины на заре человеческого существования основывается на храбрости и отваге. И в настоящее время смелость и отважность дон-жуана дает ему много шансов преимущественно перед другими в глазах девушки, несмотря на наличность у него какого угодно числа других отрицательных качеств. И, наоборот, робость и беспомощность действуют на женщину отталкивающе. Современная женщина, однако, находит все большее и большее удовлетворение в умственном превосходстве мужчины, который при наличности соответственных духовных качеств, действует на ее *libido* возбуждающе. Нужно отметить, что влияние на женщину чисто физической красоты мужчины, к которой она вообще равнодушна, не является очень значительным. Не раз приходится удивляться выбору женщины, влюбившейся в безобразного, старого, а иногда и прямо уродливого мужчину. Из дальнейшего мы убедимся в том (глава VI, § 8), что нормальная женщина отличается значительно большей разборчивостью при выборе предмета своей любви. И, во всяком случае, не со всяким встречным мужчиной она согласится на совершение полового акта, — в полную противоположность мужчине, который в любую минуту готов испытывать сладострастные ощущения при виде любой здоровой, молодой женщины. Этим, может быть, и объясняется большее ее постоянство, а также и то обстоятельство, что ей редко свойственно чувствовать половое влечение одновременно к нескольким мужчинам, кроме того, к которому она питает любовное чувство.

Нормальное половое чувство женщины включает в себе наряду с инстинктом деторождения, более развитым у нее, чем у мужчины, также и потребность в том, чтобы пассивно отдаться, безропотно пребывать в положении подчиненной, обязанной. Мы будем по этому вопросу говорить еще в главе V, а также в главе VIII (мазохизм).

Женской чувственности свойственна еще одна исключительная особенность, уживающаяся у нее рядом с нормальными чувствами, но имеющая бесспорно патологический характер, который соответственно у мужчины представляет собою резкое отклонение от нормального состояния. Мы говорим здесь о *libido* по отношению к своему же полу, обуславливающее так называемую гомосексуальную любовь. Влияние мужчины на мужчину, при нормальных условиях, в половом отношении только отталкивающее, и только патологическим субъектам может быть свойственно половое влечение друг к другу. Женщина же в своем ощущении потребности в ласке чисто чувственного характера, — потребности, которая имеет под собою, очевидно, бессознательное половое чувство или же, в меньшей мере, его филогенетические последствия, — не ограничивает себя только мужчиной, а с легким сердцем (без всякой подкладки патологического извращения) ищет в этом смысле удовлетворения у других женщин, а также маленьких детей и даже животных. Известно, например, что нормальные девушки очень любят спать на одной постели, целоваться и ласкать друг друга, в то время как нормальные мужчины этого совершенно не любят. Чувственная ласка у мужчины обязательно обуславливается *libido sexualis*, у женщин же далеко не всегда. Мы видели уже, в каком антогонизме между собою могут быть у мужчины высшая любовь и половое стремление, причем мозг его, очевидно, включает при таких условиях два различно ощущающих индивидуума. Мы видели, наконец, что, оставаясь любящим мужем, мужчина в состоянии удовлетворять свои чувственные стремления при посредстве публичных женщин. Но женщина почти никогда не подвержена такому разъединению, для нее, безусловно, неестественному. Высшую любовь значительно труднее отделить у нее от полового стремления.

В вышеприведенном следует искать причину удивительного непостоянства чувств *libido sexualis* и оргазма у женщины. Эти последние не обнаруживаются без любви у женщины, нормально чувствующей. Если женщина любит одного мужчину и совершенно равнодушна к другому, то при совершении полового акта с первым она будет ощущать в высшей степени интенсивное *libido*, в то время как при совершении полового акта с другим она будет почти всегда или в большинстве случаев оставаться холодной и безразличной. Мы можем себе теперь объяснить, почему проститутка последнего разбора, имевшая сношения за вознаграждение с бесчисленным количеством клиентов и никакого ощущения при этом не испытывавшая, всегда располагает любовником-сутенером, для которого единственно и предназначена вся ее любовь, и сладострастные ощущения, и которому она разрешает эксплуатировать себя самым возмутительным образом.

Все, чего нормальная женщина требует от мужчины, сводится, главным образом, к любви и нежности, надежной опоре в жизни и известным рыцарски-возвышенным чувствам к детям. Она с готовностью и, во всяком случае, без особого труда скорее отрешится от сладострастных ощущений полового акта, чем от своих основных требований. Равнодушие мужа особенно возмущающе действует на женщину, каковы, например, отношения к жене, как к экономке. Высказываются предположения, что чувственность женщины, в среднем, больше чувственности мужчины; есть голоса за то, что на деле все происходит как раз наоборот. Но оба противоположные мнения не отличаются верностью, ибо чувственность женщины своеобразна и не поддается сравнению.

Таким образом, нам представляется возможность объяснять особенности полового стремления у женщины тою огромною ролью, какую играют половые отправления во всей ее жизни, а также, с другой стороны, предназначенной ей пассивностью и индивидуальными свойствами ее души.

Вышеизложенным оправдывается и резко выраженное у женщины кокетство, желание нравиться и инстинктивная страсть к нарядам, украшениям и стремление во что бы то ни стало увлечь мужчину наружностью, взором, соответствующими движениями, грациозностью и т. д. Женский половой инстинкт в этом случае, очевидно, вполне налицо, но этим отнюдь не подтверждается непосредственное стремление женщины к половому общению.

Мы здесь имели, главным образом, в виду чувства и ощущения девушки, в девственном ее состоянии. Но супружеская жизнь и вообще половое общение может в значительной степени видоизменить положение вещей. Можно, с одной стороны, констатировать наличие изрядной категории женщин, которым всю жизнь совершенно чуждо было ощущение сладострастия в половом общении, но женщины, у которых половой акт сопровождается ощущением сладострастия, привыкают к нему и начинают ощущать в нем все увеличивающуюся потребность. Таким образом, в продолжительном браке может произойти видоизменение взаимоотношений супругов настолько, что жена будет требовать полового общения чаще, чем муж. Легко понять, почему вдовы так скоро спешат снова замуж, ибо у них привычка создала потребность в известного рода ощущениях, между тем как мужчина особенно охотно идет навстречу половому вожделению женщины, если она обнаружила его более или менее заметно. Вдова находится под влиянием двух противоположных чувств, старающихся, каждое в свою очередь, покорить себе всецело ее сознание. С одной стороны, в качестве сдерживающего начала, на нее старается воздействовать женская верность, постоянство к любви, обоготворение, т. е. культ умершего мужа. А с другой — властно диктует свои желания привычка к восторгам половой любви. В зависимости от интеллектуальных данных, побеждает то одно, то другое сочетание чувств, причем такая внутренняя борьба обнаруживает, в среднем, более возвышенные чувства и более интенсивную волю у женщины по отношению к ее половому стремлению, чем у мужчины. Всего этого, конечно, не будет, если не имеется налицо половой потребности, ибо тогда о борьбе уже не может быть и речи, а диктовать те или иные поступки будут лишь определенные соображения, основанные на велениях рассудка.

С наступлением климактерического периода (прекращение менструаций), половая потребность у женщины, а также ощущение сладострастия могут продолжать быть ей свойственными, причем при нормальных условиях они регулируются возрастом. Здесь нужно отметить то ненормальное явление, что, не представляя никакой привлекательности в половом

смысле для мужчины, многие старухи, однако, нередко испытывают еще большее *libido sexualis*, чем молодые женщины.

Мы уже показали, что половое стремление у женщин отличается еще большими индивидуальными различиями, чем у мужчин. Наблюдаются женщины, весьма легко возбудимые в половом смысле и, испытывая уже с ранних лет сильное *libido*, предающиеся онанизму или вешающиеся на шею мужчинам. Такие женщины обладают несомненным предрасположением к полнгамии, хотя половое стремление у женщины более склонно к моногамии, чем у мужчины. Такое интенсивное женское половое влечение, достигшее крайних пределов, значительно более патологического характера, чем такое же у мужчины, и носит название нимфомании. Такие индивидуумы выделяются всеми классами общества, и половая ненасытность их изумительна. Есть между ними такие, которые в состоянии совершать половой акт чуть ли не круглые сутки, предоставляя себе лишь самые незначительные перерывы для отдыха и еды, причем они меньше, чем мужчины, подвержены истощению, ибо оргазм у них не сопровождается истечением семени.

При известной щепетильности и стыдливости женщины в половом отношении, она очень скоро и без остатка теряет эти свойства, коль скоро предалась разврату. В качестве благоприятствующих этому причин мы можем назвать свойственную женщине рутину, способность подвергаться внушению, последовательность воли женской психологии, а также рабское подчинение моде. В проституции мы видим этому печальное подтверждение (см. глазу X, 3).

Хотя мы должны утверждать (глава X, 3), что половые эксцессы женщин являются в большинстве случаев следствием врожденного наследственного предрасположения, иногда же и сильного *libido*, но необходимо считаться с тем, что, вследствие чрезвычайного воздействия половых отношений на мозг женщины, ей гораздо труднее, чем мужчине, вернуться на путь порядочности, раз она уже в качестве проститутки или каким-либо иным способом приобщилась к открытому разврату. Она могла быть при этом первоначально и вовсе непорочной. У мужчины гораздо легче уединить половое стремление из целей совокупности его интеллектуальных и душевных свойств, так как это стремление, при всей своей интенсивности, отличается и кратковременностью, занимая мало места в его душевной жизни. Различие между обоими полами обязательно должно быть поэтому принято во внимание в интересах составления правильного мнения о половом вопросе в социальном отношении. Равноправие может и должно быть предоставлено обоим полам, но это никогда не сделает совершенно одинаковою их природы.

История и этнография дают нам неопровержимые доказательства того, что во все времена, равно как и у первобытных, диких народов, людям свойственны были замысловатые приспособления для возбуждения полового влечения (см., например, O. Stoll, *Das Geschlechtsleben in der Volkerpsychologie*, Leipzig, Weit и Co., 1908. Havelock Ellis, *Geschlechtstrieb und Schamgefühl*, 1901). Эротические женщины всех эпох, например, располагали искусственными мужскими членами. Прodelывались всевозможные операции над половыми органами мужчины и женщины, в интересах усиления полового раздражения у обоих полов, и ничего не было забыто в этом смысле. Поэтому не следует слишком строго осуждать современные половые выступления, и в сравнении с «добрым старым временем» не смотреть на них как на признаки вырождения или декаданса. Они основаны на других причинах. Но зато не следует также смешивать варварские выступления первобытных племен в их разгульной жизни с нашим патологическим вырождением. Одному болгарину, который рассказывал мне героические похождения болгарских разбойничьих наездников во времена турецкого владычества, я сказал лет 17 тому назад: «Ваши бандиты были бы у нас членами правительства». Он ответил, смеясь: «О, да! В нашем парламенте заседает бывший бандит». В более культурной стране преступники большей частью патологические дегенераты, но это не относится к варварам, ибо мотивы к преступлению у тех и других совершенно различны. Также обстоит и с половым развращением. У диких племен они большей частью грубые развратники, причем источники следует искать в стремлении к разнообразию, нужде и проч., — у культурных же народов испорченность является следствием патологического наследственного вырождения. (Уклонения инстинкта, см. главу VIII).

III. Флирт. В английском словаре мы находим, что слово «флирт» означает кокетство, заигрывание, шаловливость, ухаживание и пр. Но это английское слово вошло в обиход совершенно под иным значением, и на всех языках под ним разумеется целый ряд понятий, не совпадающих с представлением о кокетстве. Кокетство, как таковое, свойственно только женщине и не имеет поэтому никакого отношения к половому стремлению, лишь косвенно психически его отражая, о чем подробнее позже. В настоящее же время понятие о флирте имеет непосредственное отношение к половому влечению, которое и отражает в проявлении его у обоих полов в той или иной форме. Короче, флирт имеет в виду все проявления полового стремления, имеющие целью ответное стремление, однако, без совершения самого акта. Он может быть сознательным и бессознательным. Не представляя собою психического свойства, он ничего общего не имеет и с *libido*, так как можно скрывать *libido* так, что никто и не догадается о его наличности, или же можно наружно его обнаружить, в то время как на самом деле его не ощущаешь. Под флиртом мы будем разумеать всякое действие, имеющее целью обнаружить собственный эротизм, а также возбудить его в другом или других. Кокетки часто флиртуют, что объясняется их природой. Есть хорошее старое и популярное слово для обычно практикуемого «флирта», а именно: «поощрение».

Флирт может взять свое начало от чуть вызывающего влюбленного взгляда, притворно-неумышленного прикосновения и через поцелуи, ласки и объятия — дойти до непристойных прикосновений и раздражений, которые не доведены только до известного крайнего предела. При этом происходит незаметная смена нюансов; в зависимости же от индивидуальных свойств флиртующих, могут получиться то медленные и осторожные, то быстрые и весьма интенсивные раздражения полового стремления. Может случиться, вследствие различной восприимчивости различных индивидуумов, что один довольно равнодушен к такому действию, которое на другого имеет весьма сильное влияние. Результатом флирта, благодаря этому, может явиться, хотя бы и без полового акта или даже приближения к нему, *orgasmus venericus*. У мужчины это возможно чаще, чем у женщины. Женщина может вызвать эякуляцию у мужчины легким трением платья об его эрегированный член, во время эротического сладострастного танца. Горячие ласки, хотя и не сопровождающиеся обнажениями или прикосновениями к половым органам, в свою очередь, могут вызвать истечение семени у мужчины. Женщина в этом случае поставлена в лучшие условия, но при достаточной возбудимости и она может при интимных ласках вызвать у себя чувство оргазма, прибегая для этого к сжатию и трению ног (особый род онанизма).

Во флирте поцелуй — и специально поцелуй в рот — играет огромную роль. Слизистая оболочка кожи эротична, и рот в этом случае всего доступнее. Переход в эротической игре от рукопожатия к поцелую в рот, по крайней мере для женщины, гораздо труднее, чем переход от поцелуя в рот к совокуплению, хотя поцелуи сами по себе и не чреватые никакими последствиями.

Флирт в обыкновенном своем проявлении так далеко не заходит: он удовлетворяется чувством зрения и осязания. Большое значение имеет здесь взгляд, так как при его помощи многое может быть сказано без слов, производя вместе с тем достаточно сильное и нужное впечатление. Рукопожатие, обыкновенное приближение, движение без видимого умысла, прикосновение рукою к платью или к коже, определенные приемы — все это относится к флирту. В тех случаях, когда люди сидят близко или тесно друг к другу (в вагонах железных дорог, за тесно усаженным столом и проч.), надавливание колена или ноги имеет в флирте свое определенное значение.

В первые моменты этот немой язык отличается такой осторожностью и невинностью, что нет ни повода, ни основания приписать нападающей стороне какое-либо нарушение благонравия. Но опытный глаз всегда сумеет отличить малейший оттенок сочувствия и поощрения, который придает больше смелости, при установившемся, чаще безмолвном же, соглашении, так как дальнейшее развитие игры и выяснение взаимности отнюдь не нуждаются в подкреплении словами. Вообще же словесные объяснения преимущественно избегаются, так как частичное раздражение половых ощущений успешно достигается и вышеописанными приемами.

Видоизменение флирта обуславливается тем или иным состоянием воспитанности, а

также и темпераментом участвующих лиц. Флирт выражается в грубой форме где-нибудь в пивной, в которой прислуживающие девушки любезничают с посетителями, причем алкогольный наркотизм в достаточной степени благоприятствует проявлениям флирта в наиболее недостойных формах его. Ласки, обусловленные воздействием алкоголя, отличаются преимущественно неуклюжестью, грубостью, что в большинстве случаев и наблюдается по праздникам в местах собраний людей. Но даже более воспитанные, под влиянием алкоголя, не склонны к такого рода флирту, который можно назвать безусловно благородным. По поводу алкоголизма в вагонах железных дорог и общественных помещениях можно было бы написать целое сочинение.

Однако, у людей с высшим умственным развитием флирт выливается в формы достаточно приличные, часто сложные и не лишенные некоторой грациозности.

Имеется налицо еще один вид флирта, который находит себе выражение не при посредстве зрения и осязания, а при помощи языка. Эротическую остроту считают непристойной. Такие обороты речи и двусмысленности, которые преследуют эротическое воздействие, влияют в такой же степени раздражающе, как и притрагивания и соответствующие взгляды. Они, конечно, варьируются, в зависимости от той или иной степени развития участвующих во флирте лиц, будучи то грубоватыми и невоздержанными, то тонкими, остроумными и более или менее тактичными.

Следует здесь считаться с чуткостью и тактом, составляющими врожденные особенности женщины. Поэтому недостаточно прилично рассчитанные и проявленные приемы флирта будут действовать на эротизм женщины лишь расхолаживающе, не обуславливая успеха, ибо женщина, благосклонно относясь вообще к флирту, признает лишь его приличную форму, проявляющуюся известного рода галантностью и изяществом.

Женщина может все выслушать, но смотря по тому, в какой форме это будет сказано. Мне лично известны ученые медички, допуская беседы на весьма рискованные темы, но возмущившиеся поступком своего профессора, который позволил себе некоторые вольные остроты. Правда, эти остроты отличались аляповатостью и, рассчитаны были на оскорбление чувства приличия. Но ухо медика могло слушать их вполне равнодушно. Мои коллеги-женщины, отличавшиеся здравым смыслом, вполне согласились со мною, когда я высказался в этом смысле, подчеркивая их чисто-женское, обнаружившееся в этом случае, противодействие. Иногда и на нас, мужчин, вообще не отличающихся, как известно, особой щепетильностью, неприятно действует непривычное проявление женского эротизма.

Мы приходим здесь, в зависимости от вышесказанного, к обсуждению различий между флиртом мужчины и женщины, проявлению его активно у представителей обоих полов. Что касается женщины, то ее эротические чувства только в такой форме и могут найти выражение, однако, не без достаточной сдержанности с ее стороны. У женщины поэтому активный флирт, чрезвычайно разработанный, является чуть ли не своего рода искусством. Можно лишь угадывать ее эротизм, ибо всякий недостаточно тактичный вызов ее действует на мужчину отталкивающе, в то же время отражаясь неблагоприятно на репутации самой флиртующей. При наличности у нее какой-нибудь эротической страсти, она не вправе забывать свою пассивную роль. Но независимо от этого, ей стоит мало труда воздействовать на чувственность мужчины, хотя это далеко еще не значит, что искусственные способы помогут ей окончательно его околпачить. Таким образом, осторожность и некоторая искусность являются необходимыми условиями женского флирта, что, впрочем, и облегчается особенностями ее эротизма и всей организации. Столько натиска и храбрости, во всяком случае, мужчине не свойственно. Что касается остального, то мы опираемся на сказанное уже нами о половых различиях, а также и на то, о чем в дальнейшем будем рассуждать.

Формы флирта могли бы занять целые фолианты, ибо наличность его является переменным условием какого-нибудь полового притязания, независимо от конечных целей последнего. Официально обрученные выливают его в правовую, даже с обязательным характером форму. Заигрывания кельнерш в пивных являются также как бы безмолвно узаконенными. В салонах же он не лишен чрезвычайной утонченности, почти независимо от того, предоставлены ли ему строго ограниченные рамки, или же он может пойти как угодно далеко, как у древних греческих гетер. Более грубая форма флирта, с ярко просвечивающей

чувственностью, имеет место у парней и девок, проявляясь не в таком виде, как у людей умственно-развитых, и, главным образом, прибегающих для осуществления своих целей к соответствующим оборотам речи. Об этом мы уже говорили в предыдущем. Флирт является господствующим и незаменимым, — во всех своих формах, в светских кругах, среди досуга наших современных богачей, во всех общественных учреждениях и всевозможных местах скопления публики, как курортах, игорных залах, модных санаториях и проч. В местах сосредоточения людей, занятых скучной и монотонной работой, как на фабриках и мастерских, флирт процветает весьма энергично. Флирт и вовсе заменяет у многих половое общение и чувство любви. Масса созданий питается им, как одним из способов искусственного раздражения, ибо они неспособны уже к какому-либо сильному полезному действию.

Флирт, таким образом, можно считать нормальным явлением, имеющим свое право на существование, поскольку он содействует общению между обоими полами, но должен считаться патологическим показателем вырождения, если представляет собою культивированную самоцель, или флирт, не идущий далее флирта.

Глава V

Сексуальная любовь и прочие проявления полового влечения в духовной жизни человека

Механизм влечения, как мы видели, находится в зависимости от унаследованных от животных древних инстинктов и сосредоточен во второстепенных мозговых центрах. Но даже сравнительно низшим животным свойственны нервные реакции, которые должно считать обратными действиями полового инстинкта, наследственно глубоко фиксированными. Из этих инстинктов ревность является наиболее удивительной; в качестве чувства недовольства и гнева, проявляемого индивидуумом, если на объект его полового влечения посягает другой индивидуум того же пола. Ревность находит себе основание и в инстинктах другого рода, как в инстинкте питания, в честолюбии и др. Она сопровождает половое влечение в качестве типичного признака, обуславливая нередко отчаянные схватки чаще между самцами, но иногда и между самками. Страсть эта, нося глубоко филогенетический характер, находится в тесной близости к инстинкту, и в этом смысле могла бы подлежать обсуждению в предыдущей главе. Но мы уделили ей место в настоящей главе (несколько ниже), ибо обсуждение ее, в зависимости от остальных проявлений полового влечения, наиболее удобно, считаясь с тем, что она пребывает преимущественно в психической области. Повторения, вследствие этого, будут избегнуты.

Половое влечение, подвергнувшееся переработке со стороны головного мозга, как органа души, носит название любви в более тесном значении этого слова. Зависимость между этими явлениями становится наиболее понятной, если принять во внимание главу II. Настоящую главу откроет у нас краткое изложение филогении чувств симпатии или альтруистических чувств, иначе социальных, — что мы и будем делать в форме отрывков, ибо нас могло бы далеко увлечь изложение, более распространенное.

Низшие животные, без наличности половых индивидуумов, находятся под непосредственным владычеством эгоизма. Каждый индивидуум съедает столько, сколько в состоянии, и все его жизненные функции исчерпываются этим и дальнейшим делением или почкованием. Такой принцип остается в силе еще и при возникновении размножения помощью раздельных самцов и самок. В этом смысле типичными являются пауки, у которых совершение полового акта особенно рискованно для самцов, ибо, будучи недостаточно осторожными или осмотрительными, они съедаются самкой, — и это может иметь место как до, так и после совершения акта. Однако, у тех же пауков можно видеть у самки некоторую способность к самопожертвованию, проявляемую ею по отношению к детенышам до того момента, когда не произошло еще вылупление последних из яйца. Чувства симпатии, являющиеся следствием полового соединения индивидуумов, в большей или меньшей степени свойственны почти всему животному миру, как мы успели в этом убедиться, причем наблюдаются как склонность самца к самке, так и симпатии — чаще самки и реже самца — к потомству. Такие чувства могут

усиливаться, завершаясь долговременной любовью между полами, иногда и долголетней супружеской верностью, как у птиц и проч. Взаимоотношения между половую любовью и остальными чувствами симпатии, т. е. между половую любовью и любовью в более широком значения этого слова, становятся здесь очевидными. Но каждое чувство симпатии, возникшее между двумя индивидуумами, — считая чувства симпатии чувствами удовольствия, — имеет и противоположное себе чувство, т. е. неудовольствие, обусловливаемое смертью предмета любви, его болезнью или же тем, что он уведен другим. Такое чувство выливается в грусть, переходящую впоследствии и в продолжительную тоску. Если умирает у обезьян или у некоторых попугаев один из супругов, то другой часто отказывается от пищи и умирает, не будучи в состоянии перенести свою скорбь и печаль. Такое же чувство свойственно обезьяне и в том случае, если она лишается своих детенышей. Но при обнаружении причины грозящего или же причиненного уже горя, при появлении врага, собирающегося похитить супруга или детеныша, мгновенно вспыхивает сложное чувство гнева и бешенства, направленных против вызвавшего неудовольствие. В качестве одной из определенных форм этого гнева, мы и должны рассматривать ревность. Аффект гнева и стремительные его враждебные проявления представляют собою лишь противодействие в ответ на покушение свести на нет аффекты удовольствия. Интенсивность аффекта гнева увеличивается, разумеется, сообразно с возможностью проявления насильственных действий, слабым же и мирным творениям свойственны преимущественно страх и печаль. Одновременно мы можем видеть отраженное, ассоциативное возбуждение в хищном животном, а также и человеке, своего рода сладострастного гнева при виде добычи, хотя бы лишенной защиты.

Чувство симпатии в последующей стадии дает чувство долга или совесть. В зависимости от чувства любви и симпатии у любящего, последний склонен к определенным уступкам, преследующим интересы любимого существа. Мать в силу этого кормит ребенка, ухаживает за ним, заботится о его постели, в то время как отец приискивает пищу как для матери, так и для детей, защищая семью от посягания врага. Необходимы, разумеется, затрата труда, энергии, борьба с препятствиями в связи со всеми функциями, имеющими конечной целью не удовлетворение собственных интересов, а предоставление известных удобств любимому одному существу или нескольким. Здесь обнаруживаем мы, стало-быть, единоборство между чувством симпатии, с одной стороны, и с другой с эгоизмом, как нежеланием производить такие хлопотливые и неприятные действия. Столкновение между этими противоположными сочетаниями чувств обуславливает возникновение третьего сложного чувства, которое и будет чувством долга или совестью. При преобладании чувства симпатии и исполнении всех обязанностей по отношению к потомству и супругу, появляется доставляющее удовольствие чувство исполненного долга. В противном же случае неизбежны угрызения совести или чувство неудовольствия, благодаря неудовлетворению чувства симпатии. Последнее принимает в головном мозгу форму недовольства самим собою, превращаясь в чувство раскаяния. Не будь такого чувства у животных, им не свойственно было бы тогда и исполнение обязанности. Кошка тогда, вместо защиты своих детей, скорее покинула бы место опасности, или же пожирала бы сама добычу, вместо того, чтобы отдавать ее детенышам, и т. д. Мы видим, стало — быть, вполне ясно выраженную наличность элементов человеческого социального чувства у многих животных.

Мы переходим уже к следующей ступени, если не временно только существующая семья обуславливает эти чувства симпатии, а брачное единение на всю жизнь, как это наблюдается у большинства птиц и обезьян. Расширение этих чувств может иметь место в смысле распространения семейного единения на приличное количество индивидуумов, объединяющихся в интересах защиты, как ласточки и бобры, или же в еще больших размерах, в виде тесно сгруппированных обществ социальных животных, как пчелы и муравьи. Здесь чувства симпатии и долга находят применение по отношению ко всем остальным членам общества, а ревность и гнев предназначены для животных, не относящихся к данному обществу. Только сильные могут отрицать отражение в нашей душе тех поразительных фактов, которые дает нам знакомство с психологией или биологией животного мира. Сила чувства симпатии и долга в такой же мере, как и супружеская любовь и верность, свойственны некоторым животным в значительно большей степени, чем многим людям. Это наблюдается у

иных обезьян и попугаев. Что касается общественных насекомых, как муравьи и пчелы, при созданной ими тончайше расчлененной и инстинктивно основательно организованной общине, то индивидуальное чувство симпатии совершенно ступшевывается у них перед социальным чувством долга. Чувства любви у муравья или пчелы направлены, так сказать, на всю совокупность товарищей. За отдельную особь они не пожертвуют собою, но лишь за целое: на индивидуум у них, на самом деле, можно смотреть, как бы на занимающий в обществе место под таким-то номером, — и если у них «один за всех», то обратное «все за одного» ни в каком случае не имеет места. Размеры симпатии по отношению к отдельному члену или классу в улье у пчел определяются той или иной полезностью его для улья. Мы видим, как рабочие пчелы жертвуют своей жизнью за царицу, переносят ради нее голод, но без всякого сожаления убивают осенью трутней, сделавшихся для улья бесполезными.

Из всего этого многое заключается и в мощном и сложном головном мозгу человека, но с большими индивидуальными видоизменениями. Чувства симпатии и долга у человека в своем развитии носят, главным образом, семейный характер или, иными словами, интенсивность этих чувств в достаточно сильной степени проявляется по отношению к прямым участникам половой жизни, супругу или супруге и потомству, что вообще имеет место и у млекопитающих. Если же мы коснемся чувств симпатии, имеющих объектом более значительное общество, понимая последнее в смысле всей родни, общины, говорящих на одном языке, нации — то эти чувства будут гораздо слабее, и природное отсутствие прирожденности их может быть возмещено воспитанием и привычкой. Всеобщее человеческое чувство, долженствующее в каждом человеке видеть брата и соплеменника, а также и связанные с ним чувства социального долга, еще в весьма слабой степени развиты. Можно ли было ожидать других результатов, считаясь с тем, что тысячи, а может быть и миллионы лет, представители этого вида раздроблены на мелкие группы и народности, всегда враждующие друг с другом? Чувство человечности и представление о единстве человеческого рода настолько было чуждо — и таковым осталось и по настоящее время во взаимной ненависти как примитивных, так и современных диких племен, — что они не ограничивались только порабощением и убийствами, но также истязали побежденных, подвергали мучительным пыткам, а то и съедали, что, впрочем, во всем этом объеме имеет место кое-где и теперь. Индивидуальное чувство симпатии может, однако, в зависимости от привычки и благодаря совместной жизни, распространяться и на членов других рас и народов, если это касается особенно представителей противоположного пола. При этом, например, победители и плененные после совместной жизни, начинают дружить, вступают между собою в брак и т. д. Но, в противоположность вышесказанному, наблюдаются случаи, когда не только у одного и того же рода, но в тесном семейном кругу обнаруживаются несогласие и антипатии. Усиливаясь, они могут завершиться и убийством родителей, детоубийством, братоубийством и т. д.

Мы приходим к многочисленным поучительным сравнениям из наблюдений инстинктивной общественной жизни муравьев. Помощью привычки после многочисленных схваток и убийств, можно достигнуть заключения прочных союзов между прежними врагами, даже различными видами, — не считаясь с проявлением исключительной взаимной ненависти между различными муравьиными колониями. И в первое время функционирования такого союза, как это наблюдается, долго еще имеют место враждебные столкновения между отдельными индивидуумами, причем замечается, что преследованию, дурному обращению, а иногда и замучиванию на смерть подвергаются единичные представители слабейшей колонии со стороны единичных же представителей сильнейшей. Но очень редко можно видеть проявление ненависти и вражды между индивидуумами одной и той же колонии муравьев.

Нет основания сомневаться, опираясь на вышеизложенное и принимая во внимание многочисленные естественно-исторические исследования, что чувство полового побуждения представляет собою первоначальный источник почти всех, если не всех, дальнейших чувств симпатии и долга в среде животных индивидуумов. Эти чувства, одновременно с возникновением определенных рядов представлений, преследующих общественные цели, отпали от полового побуждения и видоизменились в чувство дружбы; однако, замечается еще более или менее крепкая, более или менее сознательная связь некоторых из них с половым чувством. Приняв в соображение этот краткий обзор происхождения любви и ее производных,

мы в состоянии будем определить силу воздействия половой жизни на всю эволюцию человеческой души. Современное значение этого воздействия необходимо не подвергать и переоценке. Не только чувства симпатии и антипатии, и довольно сильные, а также гнев и ревность, но и сострадание, в качестве скорби, обусловленной страданиями любимых существ, чувств долга, готовность принести себя в жертву, — все это в достаточной степени свойственно и маленьким детям, которым чужды еще как половая впечатлительность, так и половые побуждения. Индивидуум, стало-быть, способен к проявлению производных от чувства полового влечения значительно раньше появления половой впечатлительности. Конечно, производные эти находятся под влиянием этой впечатлительности и сливаются с другими производными половой жизни в случаях отсутствия полового побуждения. Известна наличность женщин, в половом смысле совершенно безразличных, но в супружестве очень верных и любящих и располагающих весьма развитым инстинктивным чувством семейственности. Впрочем, у женщины очень часто жертва на почве любви представляет собою замену половой любви, даже ее отклонение. У многих женщин сексуальная холодность основана лишь на отстранении любви (принудительный брак с нелюбимым человеком), устремляющейся в другую область. Материнское чувство представляет собою чувство симпатии (производную полового чувства), причем оно в рассматриваемом случае непосредственно направляется на потомство (продукты половой жизни). Вся колоссальная сложность духовных особенностей человека, сопряженных с чувством любви, вытекает из вышесказанного. Происходит соединение индивидуальных особенностей задатков полового влечения с индивидуальными задатками возвышенных обнаружений чувства, интеллекта и воли, что обуславливает наличность всевозможных индивидуальных комбинаций, которым мы могли бы присвоить название созвездий. У человека, независимо от этого, имеет место смешение унаследованных индивидуальных задатков с разнообразными и многочисленными опытами и воспоминаниями в различных сферах, накопленными в мозгу за всю жизнь (воспитание или приспособление), причем, в случае необходимости, он ставит в зависимости от них свои единичные предположения или поступки.

Мужчина, например, может считаться образцом нравственности по той простой причине, что в данном случае он совершенно лишен полового влечения. И одновременно у другого, при наличности весьма сильного ненормального полового влечения, может обнаружиться доброта, верность долгу, способность к самопожертвованию, что, в свою очередь, обуславливает возникновение внутренней непосильной борьбы, из которой он выходит нередко побежденным. Третьему же свойственно умеренное половое влечение, но при наличности у него достаточного чувства долга и сильной воли, он будет бороться со своим влечением; слабая же воля или же нравственные недостатки сделают его жертвой ближайшего соблазна. Возможно как тесное соединение, так и полное разъединение любви и полового влечения у индивидуума. Женщине, в половом смысле безразличной, ничто не мешает быть отличной матерью, равно как и страстная женщина может обнаружить симптомы плохой матери, — но может произойти все это и наоборот.

Сексуальная любовь. Под этим понятием следует понимать проявление высшей и искренней любви, направленной от одного пола к другому, но не основанной лишь на одной дружбе, а исходящей непосредственно из полового влечения. Распространяться об этом равносильно ношению воды в океан, ибо 3/4 беллетристики посвящено описаниям любви. Не может быть сомнений в том, что нормальному человеку свойственна большая потребность в любви. Можно сказать, что главным условием человеческого счастья и главной целью существования человека является половая жизнь со всеми ее проявлениями в душевных областях. Необходимо, однако, считаться с односторонним и нередко совершенно извращенным изложением и пониманием этого вопроса.

Любовь, очевидно, обуславливается в обыкновенных случаях *libido sexualis*. Здесь повторяется знаменитая история стрел Амура. Объектом влюбляемости могут служить взор, лицо, грудь, звонкий металлический голос и проч. Но связь между *libido* и любовью является чрезвычайно сложной и деликатной. У мужчины, как мы это уже констатировали, возможна довольно часто наличность *libido* и независимо от любви, или же любви без *libido*, — у женщины же наблюдается более редкая отделимость этих двух, друг друга взаимно

дополняющих элементов, причем *libido* без любви может быть ей свойственно особенно редко. Нельзя, однако, говорить о тождественности этих двух явлений, что станет вполне ясным даже для грубого эгоиста, мечтающего лишь об удовольствиях, сколько угодно сладострастного, но не очень уж ограниченного. Любовь может быть предшественницей *libido*, — и это обстоятельство нередко обуславливает собою в результате наиболее счастливые половые взаимоотношения. Возможна исключительная взаимная симпатия двух характеров, главным образом, духовная и развивавшаяся предварительно не на чувственной почве. Ее развитие будет продолжаться таким же образом, если существование ее, например, началось еще в детском возрасте. В нашем обществе можно наблюдать массу половых союзов или браков, лишенных малейших следов любви и основанных лишь на сухих расчетах или удобствах. Предполагается, что в будущем произойдет скрепление и упрочение брачных уз на почве нормального *libido sexualis* и долгой привычки. Крайность в чувствах не свойственна вообще нормальному человеку, и поэтому вышеприведенное предположение и находит себе в большинстве случаев осуществление, благодаря последовательному привыканию и взаимоприспособлению, не всегда, впрочем, одинаково удачному, в зависимости от того неизвестного, что представлял или мог представить собою послебрачный период. Случаи крайние и даже патологические, равно как и исключения, составляют пищу сенсационных романов на любовной подкладке, хотя бы в некотором приближении и верных действительности, а между тем в среднем буржуазном браке они не находят для себя достаточно пикантности и интереса. Нас же занимают здесь не исключения и не условности, свойственные романам, а естественные и действительные чувства любви в таком виде, в каком они имеют место в жизни. Мы можем, ссылаясь на предыдущее, найти для половой любви следующую пару слагаемых: 1) наличного *libido sexualis*, 2) чувств симпатии, развившихся в истории рода из первичного *libido* наших животных предшественников, но освободившихся уже в настоящем от этой зависимости. Имеют место еще чувства симпатии, являющиеся промежуточными между ними, возникнув еще ранее в жизни индивидума, обязанные своим происхождением *libido sexualis* и направленные на индивидум другого пола. Эти чувства обнаруживаются снова, как следствия воспоминания, оказывая большую поддержку самой любви. Но необходимо считаться со взаимодействием различных чувств, возникающих одно из другого. Служа источником симпатии, *libido*, в свою очередь, является порождением симпатии и может, наоборот, исчезнуть при обнаружении обратно действующих обстоятельств.

Мы приведем здесь закон чувств симпатии, правда, достаточно известный, но весьма редко принимаемый в соображение. Человеку свойственно не питать большого чувства любви по отношению к тому или тем существам, которые оказывали ему много добра, но в то же время его чувства любви в чрезвычайной степени направлены на тех, во имя которых он жертвовал собою, или которых он сам облагодетельствовал. Отношение родителей к детям и примеры из супружеской жизни красноречиво иллюстрирует эту мысль. При ярко выраженном обожании в супружеской жизни со стороны одного из супругов по отношению к другому, этот другой очень скоро свыкается с создавшимся положением вещей, считает его вполне нормальным и дает взамен меньше той любви, какую он проявил бы по отношению к избалованному своему детищу. Зато последнее, в свою очередь любовь принимает за должное, обнаруживая в достаточных размерах и неблагодарность, и равнодушие к ласке. В жизни такие взаимоотношения являются преобладающими, служа серьезным препятствием для взаимности в любви. Даже мертвые предметы вызывают такие же чувства. Мы любим сад, дом, произведения, которые стоили нам многих трудов, и ставим ни во что самые красивые и бесценные, но легко доставшиеся нам предметы. Удивительна привязанность ребенка к безобразной игрушке, которую ему, однако, удалось самому смастерить, — рядом с пренебрежением, высказываемым им дорогим предметам, как внешнему проявлению родительской любви. Мудрость, впрочем, давно уже установила, что проявление истинной, высшей любви возможно не только в согласии, но и в отказе, причем необходимо близкое участие разума. Здесь не будет, разумеется, первобытной любви, но элементы разума просветят и облагородят ее.

Мужьям, однако, нередко свойственно принимать вышеприведенную истину в том значении, что строгость в обращении с женами избавит последних от избалованности. Не

приходится тратить много энергии, чтобы доказать ложность такого заключения. Любовь для своего совершенства обязательно должна быть взаимной, но для того, чтобы оставаться в таких пределах, она требует и взаимности воспитания в браке: прежде всего строгость по отношению к самому себе и отсутствие слабости к другому. Принимая постоянно все меры для обеспечения блага другого, каждый такой работой укрепляет и развивает в себе самом чувства симпатии. Успех обуславливается участием обеих сторон в этой частной работе, в противном случае любовь, введенная в заблуждение чувственностью, может за короткий период исчезнуть или же замениться ненавистью. Считаясь с наличием недостатков у другого, следует не только смотреть на них равнодушно, но и привыкать их любить, с тем, чтобы проявление любви послужило к их исправлению, а не наоборот, проявление слабости — к их процветанию.

Углубимся несколько дальше и проверим правильность французской пословицы: *L'amour est l'egoïsme à deux* (любовь — это эгоизм вдвоем). Взаимная любовь друг к другу у данной пары может сопровождаться эгоистической ненавистью, направленной на весь остальной мир. Однако, и качество самой любви не остается без влияния такой ненависти. Такое вырождение любви должно быть наказано, в связи с большей или меньшей свойственной в настоящее время человечеству солидарностью. Идеал любви может быть определен следующим образом: под влиянием полового влечения и гармонии характеров, мужчина и женщина объединяются в союз, влияя друг на друга в смысле поощрения к социальной работе в интересах всего человечества и сводя это, в качестве исходного пункта всего остального, к воспитанию самых близких им существ, а именно, детей. Любовь, принимаемая в таком смысле, облагораживается и лишается всех своих мелочных деталей, которые и являются главными виновниками того, что портятся нередко самые лучшие любовные отношения. Ревность и другие вредные мелкие страсти, являющиеся часто следствием филогенетических любовных особенностей, быстро исчезают под влиянием дружной социальной работы двух личностей, объединенных взаимной привязанностью, посвятивших друг другу свои заботы и вместе с тем действующих друг на друга в смысле поощрения к кропотливой и постоянной работе в интересах внешнего мира. В этом случае любовь все более и более граничит с идеалом. Почва ускользает из-под такого эгоизма вдвоем при таких обстоятельствах, хотя он мог бы при других условиях дать пышные ростки, в чем мы убедимся из дальнейшего.

Наблюдения установили неопровержимо, что любовь питается и усиливается благодаря половым отношениям в брачной жизни, особенно в зрелом возрасте, несмотря на то, что представляют из себя лишь часть любовного цемента. Мне приходилось неоднократно наблюдать, что ослабление взаимной привязанности и любви и замена их ничем неустранимым равнодушием имели место, благодаря временному прекращению половых сношений между супругами, хотя это и было предуказано вполне добросовестно врачом, на основании болезненных явлений. Такие последствия врачебных предписаний не должны никогда упускаться из виду, и только исключительная необходимость может их продиктовать.

Общим положением является то соображение, что истинная и высшая любовь может быть только длящейся, и нельзя судить о степени любовного чувства по тому вихрю полового вождения, который внезапно проявляется у человека по отношению к другому, которого он до сих пор совершенно не знал. Здравый смысл, без сомнения, совершенно устраняется под натиском этого вихря, и в то время, как затушевываются все недостатки, происходит одновременно окрашивание всего радужными красками, причем «влюбленный» или влюбленные теряют способность видеть что-либо и даже друг от друга скрывают действительную сущность другого, — мы здесь имеем в виду искренность чувства с обеих сторон, не основанного на чувственности или на холодных эгоистических соображениях. Прояснение, рука об руку с настоящей любовью, наступает лишь после медового месяца брака и в отношениях вне брака, когда миновал первый порыв полового вождения, которое продолжает казаться ненасытным. Но порыв этот может смениться и равнодушием или неприязнью, а иногда таким в той или иной степени устойчивым приспособлением, которое представляет собою сочетание всех трех этих проявлений. Должно поэтому всегда видеть некоторую опасность во внезапной влюбленности, и продолжительный союз с перспективой счастья может явиться лишь следствием достаточно долгого и основательного ознакомления друг с другом заинтересованных сторон до половых сношений. Здесь, разумеется, остается еще

много места для непредусмотренного, так как, с одной стороны, не представляется возможности узнать в совершенстве человека, а с другой — потому, что, в зависимости от духовных изменений или болезненного состояния, человек может душевно видоизмениться к худшему.

Мы укажем здесь на ряд психических явлений, в большей или меньшей степени связанных с половой любовью. Вышеуказанные обстоятельства показывают, что эти явления в меньшей степени свойственны мужчинам, чем женщинам.

а) Психические проявления половой любви у мужчины. Вполне нормальным является для мужчины, когда его повышенное экспансивное настроение обуславливается наличностью у него половой потенции, причем чувство импотенции и даже уменьшившейся потенции влияет на него удручающе, между тем как неиспорченная женщина совершенно не реагирует на это обстоятельство в такой сильной степени, как это свойственно думать мужчинам. Только мужскому самолюбию и воображению свойственно раздувать это значение. Мужская смелость очень нравится женщине, и размеры ее возрастают в половых сношениях, в зависимости от практического опыта и рутины. Привычки проституции, в свою очередь, делают то, что женская психология остается для мужчины областью неизвестного. На проститутку вообще следует смотреть, как на автомат, приспособленных к мужскому эротизму. И если мужчина предполагает найти в них сексуальную психологию женщины, то найдет лишь свое собственное отражение.

На свойственной мужчине смелости основываются его притязания, ухаживание и вообще приемы, которые можно видеть уже у птиц и млекопитающих и даже у низших животных. Чтобы обеспечить себе симпатии самки, самец старается привлечь ее внимание. На этом и основана яркая окраска бабочек и птиц, пение, желание показать свое искусство и силу. Притязания иногда сопровождаются звуками мольбы, если нет основания рассчитывать на легкий успех. Мы видим, что дикари-мужчины в большей степени украшают себя и татуируют, чем их женщины (см. главу VI). Шаблонные приемы ухаживания не будут занимать здесь места, ибо они играют более видную роль во всех литературных произведениях всех оттенков, — мы считаем лишним их касаться. Но при высшей культуре мужчина, в свою очередь, становится объектом ухаживания со стороны женщины, которая в этом отношении успела уже определить мужчину известными искусственными приемами. Необходимо считаться с тем психологически важным фактом, что, в связи с утончающейся духовной сложностью, человечество и в этом случае успело изобрести новые способы пленения. Изящная молодая дамочка, конечно, не удовлетворится уже безыскусными и угловатыми приемами ухаживания наивного молодого человека, так как атмосфера салона перевоспитала ее, а соответственная беллетристика дала ее мыслям иное направление. Пожилые повесы и дон-жуаны, ознакомившиеся на практике с психологией современной женщины, ей значительно приятнее, благодаря своему опыту и искусству.

Нормальное половое чувство мужчины находит себе отражение, в связи с предыдущим, в инстинкте размножения. Мужчина, без всякого сомнения, старался бы, быть может и бессознательно, иметь половые сношения с наибольшим количеством женщин, производя на свет божий наибольшее количество детей, если бы это только не сопряжено было для него с какими-либо препятствиями и последствиями. Доступность удовлетворения этого инстинкта питает его мужское достоинство в чрезвычайной степени, ибо оно дает ему возможность думать о широком размножении его "я", о мощи и правах своих по отношению к женщинам и детям. Поэтому богатые люди у народов, живущих в полигамии, стремятся иметь в своем распоряжении возможно большее количество женщин.

Совершение полового акта, не преследующее никаких целей, как мы это видим в проституции, питает лишь одно *libido*, в самом недостойном его проявлении, причем не может быть места для удовлетворения всех высших проявлений полового влечения. Мы знаем воздействие счастливого брака, которому основанием послужила любовь, а не какие-либо практические соображения. Такой брак действует перерождающе на молодого человека, извлекает его из когтей пессимизма и из женоненавистника превращает в поклонника женщин. Это соображение часто вызывает улыбку на устах так называемых «трезвых» или «отрезвившихся» людей, которые, укоризненно покачивая головой, склонны приписать такое

перерождение лишь мгновенному опьяняющему влиянию любви. Это, правда, и может иметь место, но не в том случае, если мы имеем дело с любовью, не лишенной благородства, одухотворенной взаимным пониманием и почитанием. Время, наоборот, действует укрепляюще на такую любовь, и медовый месяц серебряной свадьбы, по своему внутреннему содержанию и сопровождающему его сознанию счастья, гораздо интереснее, чем первый медовый месяц вслед за действительной свадьбой. Отсюда следует, что возможным представляется оптимизм, как следствие полового общения в браке, покоящийся на истинной любви и на естественном исполнении жизненной цели. Сюда, в качестве составного элемента, неизбежно должна входить и совместная трудовая деятельность обоих супругов, — о чем никогда не устану говорить. Эта совместная деятельность может иметь место в одинаковых областях (два художника, врач и женщина-врач, крестьянин и крестьянка); это очень красиво. Но области могут быть и совершенно различны, так как каждый выбирает свою специальность по своему усмотрению. И, во всяком случае, останется еще достаточно общих пунктов соприкосновения. Но ни в каком виде рабское подчинение — с одной стороны, и владычество — с другой.

Худшим проявлением, доставшимся нам наследственно от наших предков и глубоко в нас укоренившимся, или, правильнее выражаясь, контрастной реакцией, следует считать ревность. Известная немецкая поговорка гласит, несколько не преувеличивая: «Eifersucht ist eine Leidenschaft, die mit Eifer sucht, was Leidenschaft» (игра слов, непередаваемая на русском языке. Значение поговорки: ревность — это страсть, которая ищет ревностно всего, что доставляет страдания). Ревность представляет собою животное наследие, наследие варварства, — и это мне желательно было бы поставить на вид всем тем героям, которые берут под свою защиту ревность, прикрываясь щитом «поруганной чести» и возводя ее на пьедестал. Пусть женщина имеет в десять раз больше шансов получить себе мужа неверного, чем страдающего ревностью. Ревность с филогенетической точки зрения, основываясь на борьбе за обладание женщиной, черпает свое происхождение в тех временах, когда грубая сила играла доминирующую роль, причем на сцену выступала лишь та или иная степень ловкости или проявленной мощи. Овладев же объектом своей борьбы, самец принимал естественно все меры к тому, чтобы кто-нибудь ее у него не отнял. На этой почве неизбежны были ожесточенные столкновения, и уже приближение соперника или одно предположение о готовящемся с его стороны покушении вызвали чувство скорби, перемежающееся с бешенством и злостью. Мужская ревность в развитии человеческого брака ознаменована такими проявлениями, которые можно было бы считать невероятными. Здесь можно привести, например, железные пояса с замком, которые находятся еще и в настоящее время в археологических хранилищах и в которые заковывали средневековые рыцари своих жен перед отправлением в поход, чтобы удовлетворить свою ревность. У некоторых диких племен женщина подвергается тяжким наказаниям, иногда даже и смертной казни, не только за нарушение верности в браке, но и за беседу лишь с посторонним мужчиной или за большую или меньшую к нему близость. Брачная жизнь, благодаря ревности, превращается в ад. Гранича с болезненным состоянием и в значительной степени с умопомрачением, она, повидимому, представляет собою известную градацию, в смысле душевного заболевания, которая обуславливается аналогично и алкоголизмом. Жизнь женщины при таких обстоятельствах превращается в пытку. В виде непосредственных результатов этого безобразного и страшного недуга являются постоянные подозрения и связанные с ними оскорбления, дерзости, брань, угрозы, а иногда и побои, завершающиеся нередко и убийством, в зависимости от различных обстоятельств, сопровождающих проявление ревности. В более скромных размерах эта страсть тоже представляется невыносимой, ибо достаточно сопряженной с ней злобы и отсутствия доверия к личности, чтобы свести на-нет какое угодно чувство любви. Иногда говорят о возможности, так называемой, законной ревности. Но нельзя допустить наличия таковой, считаясь с ревностью исключительно лишь как с атавистическим пережитком и патологическим явлением, основанным на грубой животной ограниченности. Понятны меры, осторожно и без шума принимаемые мужем, заподозрившим свою жену в неверности, в интересах выяснения своих предположений. Однако, какое имеет сюда отношение ревность? При несправедливости его догадок, жена будет лишь, разумеется, оскорблена в лучших своих чувствах. Но в случае, если его предположения оправдались, то здесь возможны лишь два решения: могло иметь место увлечение с ее стороны посторонним

мужчиной, причем создавшееся положение вещей причиняет ей самой глубокие страдания и побуждает исправиться, — в этом случае прощение напрашивается само собой. Но ее любовь, с другой стороны, могла совершенно исчезнуть, или же она обнаружила все свойства недостойной обманщицы, — в последнем случае не имеет смысла ревность, а единственным исходом является развод. Человеку, однако, не свойственно управлять своими чувствами в мощном их проявлении, ревнивый же от природы, т. е. находящейся под воздействием унаследованных особенностей, страдает неизлечимостью и вносит отраву как в свою собственную жизнь, так и в жизнь супруга. Для таких людей брак не создан. Мы знаем, какую огромную роль играет ревность в психопатических лечебницах, во всевозможных судебных процессах и в литературе, так как она обуславливает наибольшее количество несчастных и трагических случаев в жизни человеческой. Искоренение ревности из человеческого мозга, если это только возможно, потребует непрерывной работы воспитания и подбора. При снисходительном отношении к половым увлечениям мужа или жены, принято говорить о супругах, что они отличаются «недостаточной ревностью». Может действительно иметь место такая снисходительность на почве циничного безразличия или же в связи с денежными соображениями. Но здесь приходится уже констатировать отнюдь не отсутствие ревности, а пробел в нравственном чувстве. Но такая снисходительность, основанная на разумной любви, должна заслуживать лишь уважения и поощрения. Мне хочется обратить внимание всех героев-приверженцев ревности на следующий случай.

Человек интеллигентный, пользующийся всеобщим уважением, имеющий в счастливом браке пятерых подростков, имел случай познакомиться с подругой своей жены, вдовою, в свою очередь, интеллигентной, наделенной умом и пользующейся уважением. Встречи и беседы с нею послужили причиной сердечной привязанности, не замедлившей перейти в горячую взаимную влюбленность. Допущенная ими интимная близость могла бы им быть поставлена в вину, хотя отношения их, благодаря устойчивости вдовы, не успели перешагнуть известных пределов. И они не нашли ничего более благоразумного, как во всем чистосердечно признаться его жене, которая, отбросив недостойную ревность, приняла горячее участие в судьбе этих несчастных. Благодаря искренности всех трех участвовавших в этой щекотливой истории лиц, все постепенно снова вошло в свою норму, причем можно было бы ожидать благоприятного результата и в том случае, если бы вдова согласилась на полное половое общение, так как любящая жена не остановилась бы ни перед чем, чтобы создать спокойствие. Мы можем смотреть на такой случай человеческого общения с несчастной любовью, когда избегнут был скандал и сохранены были, по крайней мере, с внешней стороны, хорошие отношения, как на более правильное решение задачи в высшем нравственном смысле, чем при помощи дуэли, вспышек ревности, развода и всех отсюда вытекающих последствий. Мне известны также многочисленные случаи, когда мужья, в свою очередь, были снисходительными по отношению к своим увлекшимся и даже изменившим женам, причем всегда можно было считаться с хорошими результатами. Конечно, мы не желаем этим сказать, что мужу надлежит спокойно переносить обман, нечестный поступок и т. д.

Укажем здесь еще на психическое проявление мужского полового инстинкта, половое хвастовство, развивающееся у мужчины, как результат повышенного самолюбия, в связи с его половой потенцией. Мы и здесь имеем дело, как видно, с пережитком животной наследственности, что мы можем наблюдать, по аналогии у петуха, павлина и вообще живущих в полигамии и богато украшенных самцов. Здесь мы можем предположить некоторое сходство в источниках с ревностью, хотя и более невинного характера. Мужчина, в связи с этим чувством, не отличающийся своим высоким нравственным обликом (должен заметить, что только интеллектуально недоразвитые мужчины, лишённые эротического ума, особенно охотно проявляют свое чувство превосходства и деспотизм по отношению к женщине), гордится своими половыми подвигами и старается их даже раздуть. Большим успехом, однако, пользуется не неотесанный и некультурный хвастун, а тот, кто с деланным равнодушием говорит о своих необыкновенных похождениях, как будто не придавая им никакого значения. Женщины чрезвычайно равнодушны к такого рода опытным в половых деяниях энергичным дон-жуанам, которые во всем остальном могли проявить себя с самой неинтересной стороны. Инстинкт подсказал им наличие слабости у женщины, подверженной действию гипноза,

обаянию мужской внешности, мундира, усов, отчаянного поступка. Потеряв голову, женщина в таких случаях попадает на удочку, отдавшись какому-нибудь рыцарю сомнительной марки, отдавшись без всякого участия воли, рассудка, лишь в зависимости от достаточного количества у него соответствующей самоуверенности. Однако, и мужчине приходится нередко считаться с дурными для него самими последствиями его полового хвастовства, толкающего его на путь эксцессов, значительно превосходящих его натуральную потребность. Является желание отличиться перед себе равными и даже перед лицом проституток, которые целиком поглощены одним только половым вздором. Мне вспоминается типичный в этом смысле случай во время моего пребывания в Париже, когда я кончал там курс наук.

В кругу молодого студенчества громкой известностью пользовался один удалый малый, благодаря его исключительной потенции. Мне об этом передавали, так как я его лично знал. В интересах ознакомления меня с нравами латинского квартала, вызвавшими во мне, между прочим, одно лишь чувство отвращения, меня повели в какой-то грязный кабачок, где собирались подонки проституции. Эти несчастные отличались от публичных женщин той особенностью, что каждая из них имела в своем распоряжении какого-нибудь студента, с которым сожительствовала в течение незначительного периода времени и с которым у нее создались известного рода приятельские отношения, не претендовавшие, конечно, на какую-нибудь чистоплотность. За столиками в этом кабачке самцы и самки говорили все время о самых непристойных вещах, причем половые органы и половое общение в этих беседах являлись все время доминирующими. Я был представлен одним из знакомых, в качестве приятеля и соотечественника того самого героя, уехавшего недавно из Парижа, который успел себя так зарекомендовать своими половыми успехами. Одно лишь произнесение его имени сопровождалось таким шумом, как будто упомянуто было имя какого-нибудь крупного деятеля, причем в качестве знакомого этой известности я стал предметом специального уважения в окружающей среде. Мне все было чрезвычайно омерзительно и, чтобы положить конец этому выражению восторга, я резко оборвал их, что вызвало замечание одной из женщин, производивших впечатление сравнительно большей интеллигентности: «Мужчины по своей глупости себе представляют, что мы интересуемся ими самими! Но нас интересуют лишь ваши деньги!» Этой, по крайней мере, нельзя было отказать в беспристрастии и откровенности.

Молодые люди, отличающиеся застенчивостью и более благородным образом мышления, благодаря такому половому хвастовству, а также в зависимости от их собственного полового влечения, увлекаются на путь проституции, причем побежденными оказываются в обыкновенных случаях их лучшие побуждения, голос разума и чувство нравственности. На помощь приходит также одурманивание алкоголем. Вот те пути, которые ведут к загрязнению половой жизни мужчины, и здесь следует искать основание социального вырождения общества.

Возбужденное состояние полового влечения мы называем эротизмом. Основываясь лишь на животной чувственности, без зависимости от нравственных и умственных интересов, он дает соответственные отражения и в душе, которые можно было бы назвать «порнографическим духом». Представления такого рода людей во всех своих формах сосредоточены лишь в сфере эротизма, непосредственно отражающегося на их чувствах и мышлении: какие угодно безразличные вещи вызывают в их мозгу представление о двусмысленных, преимущественно половых отношениях. В женщине они видят только способ для получения полового наслаждения, причем ее душа находит себе отражение в мозговых центрах такого сатира в качестве отвратительной и недостойной карикатуры, противной всякому нормальному и уважающему себя человеку. Благодаря мужскому эротизму с его грубыми чувственными проявлениями, создалась целая серия женщин, соответствующих его идеалу, причем всякий жуир считает долгом признавать таких женщин представительницами вполне нормального типа, отказываясь видеть в них лишь болезненное порождение созданного им самим извращения. С высоты своего мужского величия он позволяет себе третировать такую женщину, не считаясь с тем, что ему лишь и обязана она своим образом мыслей, и что современной женщине свойственно в половом отношении становиться такою, какою ее делает мужчина. Такого рода порнографические субъекты наполняют свою жизнь исключительно думами и беседами на тему о совершении полового акта, его частоте и видоизменениях, тех или иных размерах и формах половых частей, об удовольствии, доставляемом при награждении

рогами других мужчин, о склонности к уродливостям патологического свойства, о тонкости половых наслаждений. При этом создается какое-то особое стремление превзойти друг друга в этой области, обнаружить исключительную виртуозность, которая в этом смысле уступает лишь действительно пустоте и невежеству, проявляемым ими во всяких прочих областях. Эти разговоры считаются особенно излюбленными в среде вояжирующих торговых представителей и купцов, военных, студентов, которые посвящают им дни и ночи. Во время одной из моих поездок по Средиземному морю, продолжавшейся двое суток, я почти не мог вырваться из сферы окружавших меня со всех сторон исключительно такого рода разговоров. Здоровое представление об истинной любви и естественных благородных свойствах женской души в подавляющем большинстве случаев совершенно чуждо многим мужчинам, благодаря системе проституции, жизни на содержании и вообще современному вырождению, ютящемуся под прикрытием христианской культуры и моногамии. И этот порнографический образ мыслей составляет отличительный признак мужчин этой распутной среды, не только «наполняющей города», но и успешно, к несчастью, охватывающей и деревню. Такие мужчины знают лишь карикатуру на женщину. Я неоднократно выслушивал признания многих из них, что представление о любви и женщине, в лучшем значении этого слова, казалось им невозможным, без связи с религиозным поучением. Из этих мужчин можно выбрать еще таких, которые в порочной, но еще не окончательно испорченной душе своей сохранили иные отношения к своей родной матери и к сестре. Но на последних они смотрят, как на существа не от мира сего, как на полубожества, не встречающиеся больше на земном пространстве. И не могут они обнять своим умом того обстоятельства, что своим взглядом на вещи они прежде всего затаптывают в грязь и своих близких вместе с остальными женщинами, считаясь с той порнографической оценкой и тем пессимизмом, которыми у них сопровождается представление о женщине. Такие воззрения всего чаще обращали мое внимание во Франции.

Более благородные круги общества найдут, пожалуй, представленную мною картину пристрастной, так как порядочным и чистым натурам свойственно в этом случае вести себя, как страус: они с чувством презрения отворачивают голову от порнографической грязи, стараясь инстинктивно обойти ее. Но это несколько не устраивает дела, ибо факты продолжают оставаться лишь фактами. Мы должны только считаться с тем обстоятельством, что половое влечение ни в каком случае не может быть отождествляемо с пороком, точно так же, как и половое равнодушие вовсе не совпадает с добродетелью. Необходима, однако, большая сила воли для умения противостоять, при чувственном предрасположении, всем соблазнам, посягающим со всех сторон на нашу чувственность, — неудивительно поэтому, что много мужчин, по натуре своей вполне хороших, падает в результате жертвой. Что касается холодных натур, то они в этом смысле чувствуют себя значительно лучше: они даже склонны окружать себя ореолом добропорядочности, не затрудняясь в сиянии ее лучей скрывать свойственные им иные недостатки и слабости.

Человеческая душа обладает лицемерием, как свойством, глубоко засевшим в самых недрах ее. Уверения человека в том, что ему никогда не приходилось лицемерить, безусловно лживы, в такой же мере, как и желание утверждать, что он никогда не лгал. Но в половой сфере роль лицемерия является исключительной. Правда, никакая иная область не представляет столько раздолья для лжи. Известно, с каким легким сердцем обманывают и морочат своих жен такие мужья, которые во всех иных случаях жизни представляют из себя образцы честности и порядочности. Лицемерие в любви столь обычно, что о нем можно и не распространяться. Однако, и здесь исключается излишняя требовательность, так как возможно считаться с некоторыми смягчающими обстоятельствами.

Во-первых, должно быть принято во внимание воспламеняющееся эротическое чувство, действующее ослепляюще на человека, в этот момент готового верить в свои клятвы и уверения в вечной любви и преданности, которые он расточает предмету своего увлечения, нередко видя в действительности в последнем те неземные достоинства, которые ему щедро приписывает. Половое возбуждение обуславливает ряд иллюзий, которые мерещатся двум оболыщенным друг другом существам, под влиянием экстаза, но, может быть, уже на другой день эти существа будут с той же энергией осыпать друг друга бранью. Незнакомый с этими противоположностями с трудом поверит в возможность их. Но наше утверждение найдет себе

поддержку в лице судебного деятеля и всякого человека, знакомившегося с такими судебными процессами, которые явились следствием прекращения любовной связи или расстройтва помолвки, и читающего письма сторон в различные периоды возникновения, продолжения и ликвидации любви. Письма влюбленных говорят о взаимном боготворении, о вечной верности и любви, причем они невероятнейшим образом обманывают, очевидно, искренно, друг друга, не стесняясь в самых неумеренных выражениях. Но вот другие письма, написанные ими же, быть может, спустя несколько дней, — и вы с изумлением останавливаетесь перед бранью и низкой клеветой, удивляясь столь быстро наступившему отрезвлению, успевшему дать пламенной страсти и всем вызванным ею представлениям совершенно противоположное направление. Благодаря повторяемости такого рода явлений, представляется возможным быстро признать в них психологический закон любовной иллюзии с сопровождающей ее обратной реакцией.

Во-вторых, лицемерию свойственна и своя хорошая сторона. По выражению одного мыслителя, «лицемерие представляет собою уступку добродетели со стороны порока». В неприкрытом виде человеческие мысли отличаются нередко такой пошлостью и неприглядностью, что им может только принести пользу некоторая прикрашенность, и лицемерие, поскольку оно продиктовано стыдливостью или доброжелательством, может быть, и заслуживает того восхваления, которое находим мы у Марка Твена в его сатире: «Об упадке искусства лжи».

Наконец, в половых отношениях лицемерие является прямым следствием деспотизма и варварства приличий и даже законов. Таким образом, определенные формы и обычаи, возникшие из права сильного, обусловленные суеверием и иными догмами, в лице лицемерия встречают справедливый протест со стороны природы.

Я не думаю, разумеется, придавать половому лицемерию те отвратительные свойства лицемерия, которые, между прочим, косвенно служат для эксплуатации половых отношений; сюда, например, можно отнести обнаруживаемую пылкую любовь, имеющую целью лишь овладеть сердцем богатой невесты. Мы говорим здесь лишь о лицемерии, как следствии полового влечения или любви.

Необходимо рассматривать половое лицемерие именно и исключительно лишь с этой точки зрения, причем является особенно необходимым подчеркнуть его хорошую сторону, так как его влияние в брачной жизни сказывается в смысле воспитания в себе возвышенных чувств, что достигается возможным преувеличением или подчеркиванием преимуществ супруга (супруги) в интересах их наибольшего проявления. Неприятная правда, слишком часто повторяемая, может весьма печально отразиться на любви, нередко и вовсе убивая ее, но если заняться творчеством в области созидания возможно лучших качеств, приписываемых противоположной стороне, то в конце-концов упрочивается убеждение в действительной их наличности, и их будут стараться осуществлять, поскольку это будет доступно, или же, по крайней мере, «добиваться их, чтобы обладать ими» (Гете). Наиболее неприглядной формой лицемерия является та, которая основана на материальных расчетах или грубом *libido*, без участия любви, или даже на приличиях или требованиях религии. Желание скрыть не только от других, но и от самого себя неблагородные чувства, подавление своих недостойных наклонностей и страстей, внушение самому себе прекрасных качеств, — причем здесь является целью укрепление предмета любви в благородных и добрых чувствах его, — все это относится к области лицемерия доброкачественного. Такого рода лицемерие следует рассматривать, как побочное следствие чувства альтруизма, при наличности которого подмечаются те или иные недостатки, выражения антипатии и злобы, и делается попытка помощью притворного выражения симпатии сделать обнаруженное незаметным. Возможно в конце-концов исправление таким способом и собственных недостатков, а также внушение себе соответствующих чувств. Преувеличение и однородность, разумеется, могут здесь лишь повредить делу, обуславливая бессмысленное самоослепление и возможность избаловать любимую особу.

Психические проявления полового чувства находятся под большим влиянием индивидуальности влюбленного, — и это само собой понятно. «Любящий» эгоист проявляет и наивно эгоистическую любовь. Он несколько не жалеет красивых слов и выражений, но для

него вполне естественно представлять себя непосредственным сосредоточением любви и забот, причем его собственные обязанности по отношению к любимому существу он сводит до минимума. Сентенции и правила жизни не перестают сходить с его уст, но он в такой же степени много требует, как мало дает, и, всего хуже, совершенно не сознавая этого. Любовь альтруиста и вообще человека доброго представляет яркую противоположность. Любовь различно проявляется у натур спокойных или экспансивных, глупых и умных, интеллигентных и неинтеллигентных. Значение воли в этом случае очень велико, ибо любовь находится под влиянием как слабости и импульсивности, так и всякого другого проявления воли. Большое постоянство и большая последовательность женской любви и объясняется, между прочим, превосходством воли у женщин. Как было уже упомянуто, едва ли можно допустить существование такой психической области, которая была бы изолирована от влияния любви и которая, в свою очередь, не воздействовала бы сама на любовь. Умственные занятия находятся в зависимости от любви, причем счастливое ее проявление содействует этим занятиям, а несчастная любовь им вредит. Можно пойти еще дальше и утверждать, что влияние личных любовных переживаний сказывается и на умах ученых, так называемых, героев разума, которые не перестают говорить о евоей объективности. Мнимо-чистые умозрения человека не могут освободиться от незаметного вторжения в их область тех или иных чувств, влияние которых больше, чем это принято думать. Это прежде всего относится к людям чувствительным, представляющим собою обоюдоострые мечи в любви. Их чувственные реакции и меняющиеся настроения, благодаря своей интенсивности, толкают их от одной крайности к другой, причем на смену восторгу быстро является смертельное уныние, в свою очередь уступающее место бешенству и гневу! Эти порывы могут иметь место рядом со слабою волей и ограниченным умом, что является особенно печальным; отсюда обыкновенно и источник безобразных сцен, непостоянства в любви, а иногда и преступлений, обусловленных страстью. Если сюда будет применена и ревность, то чаще имеет место в результате убийство любимого человека и самоубийство. Здесь можно было бы предполагать влияние эгоистического инстинкта, что иногда наблюдается, но этого нельзя говорить применительно ко всем случаям. Основания мстительности или ревности не являются необходимыми в случаях трагических развязок, если имеется налицо страстное отчаяние. Импульсивные проявления, не поддаваясь никакому анализу, могут явиться следствием обыкновенного бушевания страстей в таких головах. Вслед за такими трагедиями убийства и самоубийства, если самоубийство почему-либо не удалось, нередко виновник несчастья таким образом объясняет свой поступок: «Я был в таком отчаянии и так волновался, что лишь смерть могла служить лучшим для нас обоих исходом» и т. д.

Жеманство (*pruderie*) и чувство стыда. Мы видели уже (глава IV), что чувство стыда следует приписать страху и робости перед всем, что непривычно и ново. У детей это проявляется особенно сильно, причем все, чего они не видели у своих сверстников, возбуждает у них чувство стыда. Мужское половое чувство стыда таким же образом основывается на боязни и робости перед всем, для него непривычным; это проявляется в отношении к женщине неуклюжестью, застенчивостью, скрывающими довольно просвечивающий эротизм. Половые чувства усердно скрываются людьми застенчивыми и стыдливými перед другими мужчинами. Причина, обуславливающая чувство стыда, является почти безразличной для психологии стыда, причем стыдятся иногда не только весьма разнообразных, но и совершенно противоположных вещей. Одному молодому человеку стыдно показаться эротичным, в то время как другой стыдится обнаружить себя не в достаточной степени эротичным, — все это обуславливается» разумеется, взглядом на вещи, господствующим в окружающей среде. Как заметил это вполне справедливо Гавелок Эллис, социальное чувство стыда основано на опасении возбудить отвращение в других. Обычай обнажать и скрывать ту или иную часть тела определяет собою реакцию чувств стыда, причем нагому дикарю также свойственно стыдиться одежды, как и нам наготы. Обычай такого рода быстро усваиваются. Таким образом, английская мисс, которая не позволит себе в Англии, из чувства стыда, увидеть обнаженную на пару сантиметров ногу или руку, быстро свыкается с окружающими ее под тропиками совершенно голыми неграми. В связи с преувеличенной стыдливостью, имеет место проявление чопорного жеманства, дающего также неинтересные результаты, хотя и менее вредные, чем последствия порнографического душевного склада. Стыдливость в такой мере свойственна

некоторым молодым мужчинам, что их пугает и волнует одна только мысль о всем, что касается пола. Половые отношения представляются им, в связи с эротическими явлениями, в виде чего-то чудовищного и причиняющего им глубокие страдания. Ища выход в онанизме, они страшно боятся и его, рисуя себе последствия этого порока в самых ужасных красках, считая себя навеки погибшими, но, благодаря той же стыдливости и боязни, опасаясь выложить перед кем-нибудь душевное свое состояние. Страдания этих несчастных граничат нередко с безумием отчаяния, но и обращение к кому-либо редко обеспечивает им искомое облегчение, так как одни считают долгом их легкомысленно вышучивать, а другие, по своей глупости, напускают на них еще больше страха. Половая стыдливость на такой почве принимает болезненный характер, входя в общее психопатологическое состояние половой сферы.

Под жеманством мы разумеем половое чувство стыда в его кодифицированном и догматизированном виде, причем в основе его уже лежит ложь, так как объект его не выходит из пределов условностей, и нет такой рациональной причины, в силу которой человек должен был бы стыдиться любой части своего организма. Мы можем тогда лишь говорить о естественном и обоснованном чувстве стыда, когда ему приходится считаться с известными мотивами нечистоплотного свойства или же посягательством на нравственные устои.

Психические проявления любви в духовном мире мужчины, с ее отрицательной стороны, можно всего лучше проследить, когда мужчина холост. Состояние холостячества, разумеется, в наше время не совпадает с половым воздержанием, но в обыкновенных случаях оно знаменует собою отречение от половой любви. Можно, пожалуй, сказать, что имеются двух категорий холостяки — целомудренные и нецеломудренные. Обе эти категории, однако, ближе друг к другу психологически, чем к женатому и вообще семейному человеку. В среднем, для холостяков не столь ощутителен жизненный пробел, как для старой девы. Но этот пробел, без сомнения, имеется налицо. Холостяку является необходимым чем-нибудь, во что бы то ни стало, вознаградить себя за отсутствие у него любви и семьи. Мужчине, правда, в этом отношении значительно легче, чем женщине, так как он может отвлечься, например, умственным трудом или другою какою-нибудь жизненной целью. Чисто инстинктивные чувства его, в свою очередь, находят себе относительное удовлетворение в обзаведении собаками, кошками, попугаями, в воспоминаниях о пережитом, в страсти к устройству коллекций, в усыновлении приемных, в осуществлении своих любимых привычек и проч. Ему свойственно в большинстве случаев подпасть под башмак какой-нибудь старой и злой экономки; если же таковой не окажется, то как хозяйство, так и его собственная персона находятся в запустении. В других случаях он впадает в мелочную и придирчивую педантичность. Холостяк вообще отличается пессимизмом и ворчливостью и подвержен капризам и причудам. Его странности и оригинальности вошли в поговорку. Эгоизм его пользуется широким простором, в то время как альтруизм не встречает в нем самой никакой поддержки. Холостяк не очень редко подвержен половым ненормальностям, которые скрыты у него под личиной целомудрия, причем им мало-по-малу усваиваются неестественная стыдливость и жеманство, если его мысли не отвлечены в сторону какой-нибудь трудовой деятельности. По отношению к женщинам, он может быть то ненормально нелюдимым, то, наоборот, проникнутым исключительным уважением, граничащим с культом. Здесь, конечно, нет и речи о тех холостяках, одинокая жизнь которых и целомудрие обусловлены этическими соображениями высшего порядка, посвятивших свои годы самоотречению и труду. Но и таким личностям ничто человеческое не чуждо — и склонности, свойственные вообще холостяцкому миру, не чуждые разумеется, и им. Мы должны придти к заключению, что сознание неполноты жизни не покидает даже лучшего холостяка, причем в зависимости от этого страдает не только его чувство, ну и весь психический склад ума. Если бы налицо были одни только такие качества холостяков, как их пессимизм и эгоизм, то в этом случае социальное господство неженатых людей подлежало бы энергичному опротестованию. Нечеломудренному холостяку свойственен обыкновенно в большей или меньшей степени порнографический поток мыслей, причем женщина неизбежно представляется его умственному взору с самой скверной своей стороны. Он быстрыми шагами приближается к женоненавистничеству, с легким сердцем приписывая всем женщинам те недостатки, которые ему удалось подметить в ограниченном кругу встречавшихся ему женщин. Это мы видели и при обсуждении мужского эротизма (см.,

например, у Шопенгауэра).

б) Психические проявления сексуальной любви у женщины. Уже в вышеизложенном мы проводили параллель между половой любовью мужчины и женщины. В качестве особенности, присущей лишь женской любви, является та роль, какую играет эта любовь в ее мозговых центрах. Любовь для женщины в значительно большей степени является целью всего ее существования, чем для мужчины, и ее нельзя назвать женщиной в нормальном значении этого слова без наличия у нее любви.

Все, что было уже сказано о жизни холостяка, в еще более значительной степени должно быть отнесено и к жизни женщины, оставшейся в девушках. Недостающая половая любовь у женщины должна обязательно найти себе какую-нибудь компенсацию, в противном случае женщина быстро утратит свою женственность и будет представлять из себя психическую ненормальную, выбитую из колеи и никому не нужную эгоистку. А между тем женщина, благодаря свойственному ей самопожертвованию, выдержке и умению приближаться к намеченной цели, скорее, чем мужчина, могла бы найти себе удовлетворение в жизни, вне половой любви. Но многие женщины, к сожалению, еще не усвоили себе этого взгляда. Если достаточно талантливые женщины отдадут себя общественной деятельности, работе в интересах ближнего, искусству, литературе, а при более скромных данных уходу за страждущими или иной аналогичной работе, то при эксплуатации хотя бы той громадной энергии, которую они затрачивают непроизводительно на разный вздор, — они могли бы завоевать себе наиболее приличное место во всех указанных сферах общественной деятельности и обеспечили бы себе то удовлетворение, которое весьма исчерпывающе заменило бы им отсутствие счастья в половой любви. Должно отметить глубокую несправедливость по отношению к женщинам в этом случае. Уже в достаточной степени выяснились те прекрасные надежды, которые можно возлагать на женщину, проявившую себя в эмансипационном женском движении с самой лучшей стороны. Но в остальном старая дева не только ни в чем не уступит, в среднем, старому холостяку, но иными странностями и чудачеством, пожалуй, его еще и превзойдет. Создание чего-либо самостоятельного не всегда ей доступно, благодаря определенной организации ее мышления, и психическое существо ее падает жертвой, при отсутствии ее женской любви. Ее душа в результате целиком уходит в заботы о ее болонке, кошке, о личном драгоценном "я", о хозяйстве и о той или иной фантазии или странности, ею усвоенной. Впечатление, производимое такою особою, вполне естественно, самое печальное и смешное, между тем как они заслуживают лишь сожаления, как плоды древа жизни, засохшие без всякого смысла. Многим незамужним женщинам нередко удается всю свою половую любовь заменить любовью, лишенною каких-либо половых элементов и направленною по отношению к какому-нибудь родственнику или другу, независимо от его пола. Психическое состояние женщины в этом случае, без сомнения, выигрывает, причем пробел в жизни становится менее чувствительным. Однако, это не может служить еще полным удовлетворением. В качестве вспомогательного способа, за неимением лучшего, такая любовь все же отражается на кругозоре женщины, суживая его горизонт и обуславливая весьма ограниченный круг понятий оставшейся в старых девах женщины. И едва не стало любимого существа, как наступает быстрый конец всему. Печаль, уныние и пессимизм властно забирается в душу одинокой, которая в таких случаях находит себе иногда утешение в религиозном фанатизме. Религия служит обетованной землей и для иных категорий, оставшихся по ту сторону семейной жизни, и даже для многих женщин вообще. Мы определили здесь необходимость идеальной любви, но отнюдь не эгоизма вдвоем. Какая судьба, действительно, постигнет одного из любящих после смерти другого, если жизнь их не выходила из узких пределов исключительно личных взаимоотношений? Оставшемуся в живых единственным уделом является неутолимая печаль, ибо любовь его до сего времени не относилась ни к какому иному человеческому существу, не соприкасалась ни с какой областью гуманности и обще человечесности. Если в особенности в живых осталась жена, то, в качестве вдовы, она явит собою достойное сожаления существо, которое будет находиться почти в таком же положении, хотя и в ином проявлении, как и старая дева, потерявшая объект своей особой привязанности. Очевидно, не только муж, но и жена нуждается в общественной деятельности.

Мы еще раз считаем возможным подчеркнуть то обстоятельство, что *libido sexualis*,

вообще, у женщины нормальной, в особенности у девушки, находится под — непосредственным влиянием высшей психической любви. В любви девушки мы, в качестве составляющих элементов, найдем сочетание из мечтательного увлечения мужскою смелостью и силою его, с одной стороны, и жаждою любви и ласк — с другой, готовности во внешнем выказать подчинение — и внутреннего владычества через посредство любви. Пассивная роль женщины обуславливает исключительное экзальтированное состояние, которое достигает пределов экстаза и не считается уже с велениями ни рассудка, ни воли. Полюбив мужчину или отдавшись влиянию его гипноза, увлеченная его смелостью или иными импонирующими ей качествами, она падает в его объятия, следует за ним безотчетно и обнаруживает готовность на все, не считаясь ни с какими сдерживающими началами. Любовь мужчины, отличаясь большей интенсивностью и безудержностью, не одурманивает ему в такой степени голову, как та же любовь — женщине. Должно поэтому приписать большую силу чувству женщины, хотя ее роль и остается пассивной. Наши современные ухаживатели понимают женщину лишь с самой грубой стороны, на что давно уже следовало бы обратить внимание. Они близоруко видят проявление эротизма в том чистосердечном увлечении девушки, которая, любя, отдается их страстному зову, и в этом они склонны обнаружить лишь стремление у нее к совершению полового акта. А между тем при первом соединении совершенно не может быть и речи об этом в подавляющем большинстве случаев. Необходимо иметь в виду, что для девушки оно на первых порах сопряжено с большими или меньшими болевыми ощущениями и вообще не представляется для нее особенно заманчивым, иногда же и прямо кажется ей отвратительным. Наблюдаются неоднократно случаи, когда девушка, отлично считаясь со всеми последствиями своей слабости или даже став уже раз жертвой своей любви, все же готова уступить желанию мужчины, даже не испытывая при этом и тени наслаждения, а только для доставления радости полюбившему ее, для удовлетворения желания того, кто сумел быть с ней достаточно ласковым. Мужчине, погрязшему в чувственности и эгоизме, весьма трудно представить себе такого рода стоицизм, такое пренебрежение интересами своего "я". Он смотрит на проявление женского чувства с точки зрения своей собственной чувственности и легко таким способом оправдывает свой поступок. Фауст и Гретхен в «Фаусте» Гете дают нам яркое изображение такого отношения:

Seh ich dich, bester Mann, nur an,
Weiss nicht, was mich nach deinem Wilien treibt
Ich habe schon so viel fur dich getan,
Das mir zu tun fast nichts mehr ubrig bleibt!

(Едва тебя, мой милый, вижу я,
Как вся к тебе летит душа моя,
И сколько уж тебе я отдала,
Что больше дать уж, право б, не могла!)

Вникнув в эти отношения, можно дать достойную оценку той низости, которою проникнуты наши общественные взгляды во всем их проявлении, применительно к жизни женщины. При наличности у мужчин другого представления о женщине, они не соблазняли бы девушек столь легкомысленно, с тем, чтобы, надругавшись над ними, оставить их на произвол судьбы. Яркая несправедливость наших нравов и господствующих в этой области законов удержала бы их, быть может, от ряда необдуманных поступков. Здесь мы имеем дело, конечно, с настоящей любовью, а не с таким случаем, когда женщина, недостойная от природы или же получившая соответствующее воспитание в руках мужчин, занимается денежной эксплуатацией любовного чувства. Здесь же мы не будем касаться и эротизма у женщин, который многим, без сомнения, свойственен, особенно женщинам, вкусившим уже от опыта половой любви. Но можно утверждать, что имеется достаточное количество женщин, охотно изменяющих своим мужьям, имеющим дело с дон-жуанами и все же не только не испытывавших никакого *libido sexualis*, но даже и *orgasmus venericus*. Они отдают себя на позор, теряют свое

состояние, лишаются уважения людей и собственной семьи и при этом самоотверженно продолжают любить тех людей, которые находят для себя приятным издеваться над ними. И, оставшись покинутыми, несчастными, падшими женщинами, они ведь, в сущности, представляют собою лишь жертвы своего слабоволия, продукт недобросовестного внушения со стороны мужчины — и при наличии другого влияния, они могли бы быть честными и примерными женами. В среде этих женщин, как это ни невероятно, можно встретить много весьма талантливых и одаренных свыше. Их поступки принято объяснять недостатком нравственного чувства. Но это не всегда обосновано. Есть не мало таких женщин, которые в других случаях жизни сохраняют верность долгу, отличаются самоотверженностью, энергией, даже героизмом. Однако, и эти женщины поддаются влиянию мужчины и даже не в состоянии себе объяснить, какими способами можно было бы оказать противодействие. Они ничего не видят предосудительного в том, чтобы отдаться любимому мужчине душою и телом, причем для этого они не всегда ждут длительного общения, продолжительного ознакомления, — а вслед за первым поцелуем предоставляют себя, целиком в распоряжение влюбленного. Они не уясняют себе разницы, не в состоянии разбираться в пределах. И женщины добродетельные считают долгом еще больше презирать именно таких чистосердечных и любящих; что же касается мужчин, то последние, вдоволь надругавшись над своими жертвами, тут же с легким сердцем лягают их своим ослиным копытом.

Такие случаи повторяются значительно чаще, чем принято думать, и дают правильное, хотя и одностороннее, представление об общем явлении любовной страсти у женщины. Серьезным женщинам, с идейным направлением и рассудительным, свойственна, разумеется, иная и, во всяком случае, более разумная любовь. Но указанные особенности все же присущи женщине при обнаружении ею страстной влюбленности, причем эти особенности могут оставаться скрытыми и замаскированными.

Смелость и подвиги в духе средневекового рыцарства не служат единственными средствами для покорения женского сердца. Значительную роль могут играть и такие внешние достоинства, как красота, красивая фигура, хотя последние данные не занимают такого места у женщины, какое аналогично они, в смысле внешности, занимают у мужчины, в его любви к женщине. На страсть женщины легко влияют также и духовные преимущества, как ум, нравственные подвиги. Более значительное влияние на женщину оказывает внешний успех мужчин, как артистов, певцов, писателей, офицеров, причем на первом плане стоит всегда «знаменитость». Физическая сила и вообще внешние достоинства действуют, главным образом, на женщин некультурных или недалеких. Мистический элемент в этом смысле тоже занимает не последнее место. Таким образом, имеет место увлечение проповедниками, духовными, а также религиозными фантазерами, не исключая и лицемеров.

Чистая любовь целомудренной молодой девушки, в сравнении с распутной жизнью подавляющего большинства молодежи мужского пола цинично-порнографического, нами уже описанного образца, — представляет собою весьма прискорбную противоположность. Гюи-де-Мопассану в его романе «Une vie» удалось дать в высшей степени правдивое и потрясающее подтверждение вышесказанного. Я сам неоднократно наталкивался на такие случаи, когда, благодаря совершенному незнакомству девушки с половыми отношениями и в то же время грубой и развратной чувственности молодого мужа, не только пресекалась любовь ее в самом разгаре, сменившись глубоким отвращением, но и обуславливала чуть ли не умопомешательство молодой женщины. Нельзя считать особенно редкими такие психозы, которые являются прямым следствием потрясения от разочарования, постигшего молодую в брачную ночь. Иногда, однако, суровая действительность готовит такие сюрпризы, как цинизм мужа, имеющего отвратительный взгляд на половые отношения и вообще на любовь, причем такое открытие действует на молодую женщину, может быть, еще тяжелее, чем внезапное прояснение, обусловленное реальностью полового общения, которая должна была заменить ее духовную и чистую страсть. Душа женщины вся изнывает тогда под влиянием борьбы с погибшими иллюзиями и разбитыми мечтами. Но за дурными привычками мужа и его необдуманно выходящими может скрываться действительная любовь, которая в конце-концов победит сердце жены и установит соответствующее равновесие. Однако, этот цинизм и привычка к грязи могли пустить такие глубокие корни, что никакое воздействие не окажется

уже достигающим цели, и тогда наступает конец любви женщины, которая отныне будет лишь терпящей, поскольку это возможно, стороной. При достаточно невысокой организации у женщины, она быстро подпадает под влияние мужа, который ее, таким образом, низводит до себя. Может, разумеется, случиться и так, что все обрывается, и разрыв становится неизбежным. Последовательные разочарования молодой девушки, столь же мало опытной, сколько и сентиментальной, получившей в мужа развратного эгоиста, получили яркое и правдивое изображение в вышеприведенном романе Мопассана. Здесь встает перед нами страница жизни, загубленной после длинной цепи невыносимых мучений. Романы Мопассана в чрезвычайной степени свойственно сочетание правды жизни с тончайшей психологией. Они могут быть рекомендованы в виде иллюстрации к настоящей главе, т. е. к истории сексуальной жизни и любви.

У женщины имеется потребность не столько обнаруживать подчиненность, сколько чувствовать постоянное превосходство над собою своего возлюбленного, — и это обстоятельство обуславливает целый ряд исключительных отражений любви в духовном мире женщины. Полное счастье женщины невысказимо без возможности уважать мужа, даже благоговеть перед ним, причем он должен представлять собою воплощение какого-нибудь идеала: для некоторых — физической силы, для других — ума, бескорыстия и прочее. Муж неизбежно очутится под башмаком у жены, если нет налицо вышеуказанных качеств, и, во всяком случае, она скоро станет к нему равнодушной, безразличной, и он даже станет ей неприятным. Если же его в это время постигнет какое-нибудь несчастье или болезнь, то жена, под влиянием сострадания, выйдет из состояния апатии и возьмет на себя роль добросовестной няньки. Элементов счастья довольно мало в таком браке, где муж под башмаком, ибо жене не может прийти по вкусу обнаружившаяся бесхарактерность мужа. Ее тщеславие и властолюбие будут, быть может, удовлетворены, но она не будет иметь душевного спокойствия; последствия нередко дают неверность жены в подобного рода случаях. Не найдя истинной любви в таком браке, женщина, беспринципная, находит себе вознаграждение в лице какого-нибудь дон-жуана. При сильном характере и более слабом половом влечении, такая жена быстро усваивает приемы злобной и воинствующей Ксантиппы, представляя собою раздражительное и грозное существо, сменившее любовь свою на ненависть и ревность и удовлетворяющееся лишь при мучении других. Интересна психология таких женщин; в большинстве случаев они сами не сознают своей злости. Постигшее их разочарование и вызванное им ожесточение делают то, что весь мир представляется им в черных красках, причем они во всем видят лишь его отрицательные стороны. Все, что они видят, заслуживает их порицания и брани, и если их самих постигнет какое-либо несчастье, то они смакуют его, как бы радуясь тому, что их мрачные предсказания получили осуществление. Здесь, без сомнения, одним из действительных факторов является и наследственность, причем различные несчастные совпадения могут лишь в большей или меньшей степени содействовать.

Вполне естественно, что в супружеской жизни рано ли или поздно обнаруживаются недостатки тою или иного супруга, неизбежно в том или ином виде свойственные каждому человеку. Но любовь может вполне процветать, если жена будет иметь возможность считаться с каким-нибудь хорошим свойством мужа, возводимым ею в идеал, а муж будет уверен в прочном чувстве преданности и любви своей жены. При этом и муж и жена должны соответственно делить совместный и добросовестный труд.

Проявление женской любви всего лучше можно проследить применительно к рождению детей, и к самим детям. Таковую женщину, которая не желает иметь детей, следует считать противоестественным существом; мужчина же, не считающийся с естественной потребностью жены в детях, не заслужил ее привязанности. Под влиянием эгоизма, у мужа могут возникнуть ненормально-ревнивые ощущения на почве любви жены к детям, хотя может иметь место и большая любовь к детям со стороны отца, чем со стороны их матери. Однако, такими исключениями общее правило лишь подтверждается. Любовь обоих родителей к своему потомству представляет собою наиболее возвышенное и вместе с тем естественное проявление любви. Шероховатости в отношениях супружеской четы быстро сглаживаются под влиянием любви ее к детям, а половая любовь облагораживается. Женщина занимает здесь наиболее видное место. Беременность в последовательном ее развитии несказанно радует женщину.

Мгновенно вслед за перенесенными страшными родовыми болями она с радостью улыбается уже первому крику вновь появившегося на свет ребенка. Так называемая слепая безумная любовь матери становится вполне понятной и законной в отношении к новорожденному дитяти, ибо здесь жизненно-необходимым является тщательный, непрерывный уход. Радость, ощущаемая молодой матерью при уходе ее за младенцем, едва ли может быть с чем-нибудь сравнима по своим размерам в глубине, но и в то же время едва ли можно найти что-либо безобразнее поручения этого ухода другим, без наличности какой-либо веской причины. Разумеется, здравый смысл должен быть на первом плане, и неразумное баловство отнюдь не должно простираться более значительное время. В воспитании ребенка строго научный элемент является наиболее существенным, так как только благодаря ему не произойдет рокового вырождения материнского чувства в слепую любовь со всеми ее последствиями. Можно приветствовать те огромные успехи, которые успела в этом смысле сделать современная наука. Однако, свойственные многим женщинам эгоизм, безразличие, приверженность к старине и стремление к наслаждениям не дают матерям заняться усвоением, а потом и применением завоеваний науки в деле воспитания детей, которые поэтому и бросаются на попечение наемных рук. Можно не отрицать пользы няни, соответственно подготовленной и являющейся деятельной помощницей для неопытной молодой матери, но мать в дальнейшем обязана сама исполнять функции преданной няни, так как в этом заключается часть ее предназначения в жизни и, во всяком случае, в этом крупная доля женского счастья. Правильное воспитание потомства у бедняков задерживается и сводится нередко к нулю, благодаря нужде и неподготовленности матери, а нередко и в зависимости от ее легкомыслия и безразличия.

Таким образом, в материнской любви мы видим наиболее интенсивное проявление половой любви женщины. Здесь, однако, очень близко прилегают границы слепой материнской любви, поощряющей недостатки ребенка, не обращающей на них внимания или легкомысленно их прощающей, что не только непосредственно вредно для ребенка, но и таит в себе источник крупных разочарований в будущем. Наследственные предрасположения характера отрицательного свойства имеют и в этом случае большое значение. Должно считаться и с другими причинами, обуславливающими слепую любовь. Сюда относятся, между прочим, богатые средства, ограниченное умственное развитие, жизнь без всякой деятельности, малое количество детей. Чтобы бороться с подобного рода любовью женщине необходимо избрать себе продуктивный труд и непрерывно воспитывать свою волю, характер и ум, иными словами, она должна нравственно перевоспитать себя на почве самообладания и твердого исполнения долга. Физическая деятельность, взятая отдельно при оставшихся ограниченности умственного кругозора, слабости, суеверии и капризах, не обеспечит благоприятных результатов.

Мы можем проследить мощь женщины в половой любви не в одной только ее многосторонности и привязанности к мужу и детям, в деликатности и такте, свойственных ее чувству, благодаря которым она является светлым гением семьи. Эта мощь ее проявляется еще в настойчивости и живучести ее любовного чувства. Мы констатировали уже наличность большей силы воли у женщины, чем у мужчины. Но в области любовного чувства это преимущество женщины сказывается особенно ярко. На женщине в большинстве случаев базируется вся семья. Женщина в народе является началом оберегающим, несущей на себе все заботы, старающейся свести на-нет все недоразумения, которые создаются, благодаря слабости, бесхарактерности и припадкам отчаяния у мужчины. Неоднократны случаи покидания отцами семьи, проматывания ими состояния и заработков, потери службы, в то время как энергичная женщина, оставаясь полуголодной, не теряет терпения и надежды, принимает все меры для удержания семьи от крушения и спасения, по крайней мере, обломков. В аналогичных случаях, при легкомыслии или порочности жены, иногда и муж берет на себя функции охранителя семейного очага, но такие исключения, весьма редкие, подтверждают лишь общие выводы. Выводы же эти сводятся к тому, что при отсутствии у женщины такого рода естественных устоев, в любви происходит распад или полная гибель семьи, ибо у мужчины нет налицо тех свойств, которые в состоянии были бы действовать сдерживающе в этом смысле. Мы можем поэтому с уверенностью сказать, что предоставление широкого простора господствующему в настоящее время взгляду на вещи, в силу которого женщины стремятся к наслаждениям и к сокращению количества детей, — это граничит с социальным вырождением количественного и

качественного характера, возведенным в систему. Необходимо бороться с такого рода направлением, как с социальной болезнью.

Психика женщины бедна интеллектуальной фантазией и самобытной способностью ко всякого рода сочетаниям, но она располагает практической интуитивной способностью к усвоению, а также фантазией чувства. И этой последней, впрочем, не свойственна творческая самобытность, которая уступает, более или менее сознательно или бессознательно, подражанию мужскому созиданию. Но женщина может гордиться своим тонким эстетическим и этическим чутьем, природным тактом, свойственной ей потребностью опоэтизировать мелочи будней, — и все это, вместе взятое, делает ее солнцем для семьи, ярким светилом, в лучах которого беспечно ютятся муж и дети, иногда и не подозревая, с какими усилиями сопряжено было для матери вызвать к жизни хотя бы один из этих лучей, обуславливающих расцвет согласия и благополучия.

Ей, конечно, свойственны недостатки. Мы говорили уже о слепой, неразумной любви. Но наиболее важный пробел в женском характере — это ее интеллектуальная поверхностность, равнодушие к мелочам, неспособность воспринимать слишком сложные жизненные сплетения и, что особенно важно, капризничанье и рутинность. В этом и заключается обратная сторона женской воли, выражающаяся в упрямстве, причем намечаются ею лишь цели воспроизводительные. Женщина является консервативным элементом в семье, благодаря большему, чем у мужчины, преобладанию над разумом ее чувств, основанных на более упорной выдержке, а также благодаря тому, что чувства человеческой души являются консервативным элементом. В женщине поэтому и находят себе активную поддержку всякие окаменелые формы и привычки, мода и предрассудки, а также и мистицизм. Тут нельзя говорить о большей склонности к мистицизму у женщины, чем у мужчины. Но при наличности мистицизма и свойстве его обещать разочарованным чувствам несбыточное восстановление утрат — всегда найдется достаточное количество разочарованных женщин, которые предадутся религиозному экстазу и, судорожно ухватившись за мираж счастья, будут мечтать о вознаграждении себя после смерти за лишения, понесенные при жизни. Можно указать еще на свойственные женщине пробелы в логичности мышления, а также упрямство, страсть к мелочишкам, нарядам и проч. Но все это представляет собою лишь отдельные проявления указанного нами уже коренного недостатка ее психики. Однако, тут нельзя пройти равнодушно мимо той социальной зависимости, которая обуславливается применяемыми к женщине законом и воспитанием и которая, может быть, и служит причиной наличности психического недостатка. Высказывались опасения, что прогресс пострадал бы от предоставления женщине избирательных прав, если считаться с вышеприведенными недостатками. Но при этом совершенно упускалось из виду, что в сущности и при настоящем положении вещей избирательное право мужчин в подавляющем большинстве случаев приводится в исполнение, хотя и косвенно и бессознательно, их женами. Если же уровень будет повышен, образование усилено и дано равноправие, то, я полагаю, это будет лишь содействовать прогрессу и, в свою очередь, повлияет благотворно и на мужчину, который в настоящее время, в связи со своим тираническим самовластием, находится на пути к деморализации. Считаюсь, с другой стороны, со свойством женщины увлекаться развитыми в умственном отношении мужчинами, которым она стремится подражать, мы будем уверены в том, что она будет деятельно способствовать проведению в жизнь их намерений. Получив все граждански[^] права, усвоив свободное миросозерцание и получивши высшее образование, они будут применять на деле свою одухотворенную настойчивость, применительно к социальному прогрессу, и раз навсегда уйдут от реакционного мистицизма. Можно утверждать это на основании неопровержимых доказательств.

В цикле других проявлений женской любви мы видим много аналогий с проявлениями мужской любви.

Ревность у женщины, в общем, проявляется несколько слабее, чем у мужчины. Ее выражение не столь грубо, лишено деспотизма, но изобилует резкими сценами, обуславливает постоянную раздраженность, придирки и колкости, размененную на мелочи, злобу, мучения и коварные выпады. Супружеская жизнь отравляется ею в такой же мере, как и при мужской ревности, причем действие ее против супружеской неверности, разумеется, совершенно лишено

смысла. Крайний взрыв страсти у ревнующего мужчины завершается стрельбою в виновников, убийством их, женщина же может пустить в ход ногти, яд и кинжал. Дикарка откусывает, в припадке ревности, своей сопернице нос и т. д., в Париже же и других культурных местностях лицо разлучницы стараются изуродовать путем обливания серной кислотой.

Любовные представления женщины, обусловленные *libido sexualis*, находятся под влиянием вышеуказанных женских свойств. Такие же специальные женские свойства сопутствуют и лицемерию.

В связи с пассивною ролью женщины, ее половое домогательство, как мы это видели во флирте, ограничивается только стыдливою формой. Рискаю прослыть неженственной, лишеной скромности и нравственных начал, она не возьмет на себя в любви инициативы. Поэтому и притворство ее должно быть очень искусным. Однако, оно не граничит со лживостью, ибо носит в себе все элементы искренности и инстинктивности. В силу свойственной женщине потребности любви и деторождения, она неизбежно должна стараться казаться мужчине интереснее, желаннее, предоставляя угадывать ее чувство, благодаря ее мимолетным взглядам, томным вздохам, мимике и пр. Однако, нормальная женщина таит в себе за ширмой этой невинной игры, целый аккорд тончайших чувств, идеальных стремлений, а также и настойчивость в их осуществлении, — и, во всяком случае, здесь больше искренности, чем в домогательстве мужчины, отличающемся бесстыдной откровенностью. Под красивыми фразами мужчины, обнаруживающего свою влюбленность, скрываются очень часто в недостаточной степени чистые и эгоистические расчеты, между тем, как любовная игра девушки чаще отличается совершенной невинностью. Нельзя отрицать наличности и среди женщин обилия таких, которые отличаются лживостью, притворством и жеманством, положенными в основу ловко рассчитанной любовной игры.

Половую хвастливость, которую мы отметили у мужчин, можно встретить лишь в таком же проявлении у торгующих собою женщин или мессалин. У женщины это чувство заменяется кокетством и желанием нравиться. Что касается тщеславных женщин, то они, при наличности соответствующих данных, не удовлетворяются увлечением мужчин, но стараются возбуждать зависть и среди окружающих женщин, затмевать их своей наружностью и всякими другими данными. Кокетливые женщины в этом искусстве доходят до невероятной виртуозности, сосредоточивая все свои мысли, всю свою душу и все свои способности на роскошных туалетах, на тончайших деталях наряда, пудре, притираниях и иных способах, имеющих конечною целью усовершенствование и увеличение обаяния. Эти заботы в своей мелочности и глупости являются, однако, характерными для женской слабости. Описывать приемы кокетства женщины — это значит носить воду в море. Но, побывав на вечерах, приемах, в театрах и отдавшись внимательному изучению женщины в этой атмосфере, можно будет легко последить оттенки и видоизменения этих особенностей женщины как в ее туалетах, так и во взоре и выражении лица. Некоторым свойственно полное безвкушие, благодаря различным блескам и украшениям, рассчитанным на то, чтобы произвести эффект, но лишь напоминаящим карикатуру. Можно было бы сюда отнести и бессмысленное обыкновение раскрашивать лицо, волосы, бровы, губы. Преследуемая при этом цель казаться моложе и красивее отличается явной нелепостью и очень недалеко ушла от татуировки дикарок, которые, кроме того, прибегают еще к кольцам в носу и на ногах, поясам вокруг бедер и иным украшениям, усердно, впрочем, повторяемым и нашей культурной женщиной — в виде серег, браслетов, коле и проч. Во всем этом непосредственное проявление полового инстинкта, желание произвести впечатление на мужчину. Гомосексуалисты-мужчины или урнинги (см. главу VIII) склонны к таким же украшениям, что свойственно, впрочем, и нормальным в половом отношении так называемым «пшютам».

Нормальная природа женщины не признает порнографического душевного склада, хотя ей эротизм не чужд. Продажные женщины здесь не принимаются в соображение, так как им это искусственно прививается; однако, стыдливость им тоже свойственна в некоторой степени. Отсюда нельзя вывести, что сильно выраженный эротизм женщины не в состоянии перейти в порнографическое ощущение, причем женщина обнаружит, например, желание обнажить свои половые органы или схватить мужские и т. д. Эти отступления происходят лишь на чисто патологической почве. Только строго интимные отношения в состоянии обнаружить

натуральный женский эротизм, ничего общего не имеющий с тем, который явился искусственно созданным мужчиной в его же интересах. Но и в строгой интимности природная женская стыдливость вносит элемент умеренности и эстетизма. Мужские цинизм и бесстыдство противны натуре нормальной женщины и вызывают у нее презрение. Но эротические изображения и описания, облеченные в этическую форму, доставляют женщине удовольствие. Изощренные эротические искусства в этом смысле и опасны для обоих полов, но в большей степени для женщины, легко поддающейся воздействию идеализированной эротики (см. Мопассан — «*Se cochon de Morin*»).

С женскою стыдливостью и жеманством обстоит совершенно иначе. Их происхождение следует искать прежде всего в отвращении женщины ко всему порнографическому, а также свойственной ей слабости к обычаям и предрассудкам. Условные приличия и усвоенные привычки обуславливают тот испуг и сильное волнение, которым сопровождает женщина обнажение кем-нибудь части тела, но это может найти объяснение и во врожденном каком-нибудь недостатке или отсутствии полового чувства. Особенно женщина инстинктивно стыдится всего, что противно. Поэтому старая женщина больше стыдится разоблачиться, чем молодая. По этой же причине девушки стыдятся показывать свои половые части, когда они почему-либо нечисты, или когда они менструируют (Ломброзо). В Англии, например, благодаря исключительным размерам культивируемого здесь жеманства, английская женщина усваивает такие ненормальные ощущения, которые доставляют ей не мало страданий; при этом жеманству, доведенному до крайних пределов, свойственно перейти в противоположное ему и неприятное лицемерие. Непосредственность женщины в этом случае падает первою жертвой. Жеманная женщина стыдится самых обыкновенных вещей и отравляет себе собственное существование, Соответствующим воспитанием можно детям внушить жеманство, можно их от него и отучить. Если тщательно их изолировать от других, стараться прикрывать все части их тела, а также давать бессмысленные наставления и подогнанные примеры, то это будет содействовать наибольшему внедрению жеманства. Но совместные купанья детей, частые внушения, что ничего нет и не может быть стыдного в человеческом организме и его отдельных нормальных частях, что все в человеке естественно, — такие меры ведет к уничтожению жеманства. Разумеется, параллельно с этим необходимы своевременные и солидные пояснения половых отношений, долженствующие заменить практикуемую обыкновенно благочестивую ложь и двусмысленность. С другой стороны, женщине, как справедливо заметил Гавелок Эллис, свойственно инстинктивное чувство стыда, в качестве естественной защиты, необходимой всем самкам для филогенетического отстранения слишком бурного или несвоевременного натиска со стороны самца.

Глава о любви воистину бесконечна, но она усложняется еще ее отношением к половому влечению.

Мы рассмотрим еще некоторые проявления полового влечения, которые свойственны представителям обоих полов (и принимают у каждого соответственную окраску).

в) Фетишизм и антифетишизм. «Под фетишем понимают предмет или его часть, или же лишь свойства его, которые в связи с каким-нибудь общим представлением или лицом, обусловившим живое чувство или серьезный интерес, очаровывает в своем роде или производит сильное впечатление, не совпадающее с самым внешним знаком (символический фетиш) и выливающееся в особые индивидуальные формы» (Краффт-Эбинг). Под фетишизмом же разумеется поклонение фетишу, граничащее с фанатизмом, причем явление это особенно значительную роль играет во многих религиях (реликвии, амулеты и пр.). Бине, Краффт-Эбинг и другие под эротическим фетишизмом понимают то обаяние, которое определенные предметы или части тела производят на половое чувство человека или на его любовь, благодаря тому, что представление о данном предмете сочетается с представлением эротического характера об определенном лице или определенном, имевшем место половом возбуждении. Как для мужчины, так и для женщины такими фетишами могут стать не только части туалета, волосы, определенные запахи, но даже и части тела, как рука или нога любимого существа. К фетишам иногда принадлежат различные духовные свойства, как выражение лица, взор и проч. Эротическими фетишами для мужчины являются женские волосы, руки, ноги, некоторые части одежды и проч.

В любви, в нормальном ее проявлении, фетиш раздражает ассоциативно, вызывая представление о любимом человеке и часто служа возбудителем *libido sexualis*. В патологических случаях (см. дальше главу VIII) фетиш является самостоятельным объектом полового стремления, мало общего имеющего с любовью. Наблюдаются случаи, когда, наоборот, разные предметы, запахи, выражения, манеры, даже звуки голоса и т. д. действуют парализующе на эротизм, нередко внушая отвращение мужчине к женщине и женщине к мужчине. Эти предметы по своему влиянию называют антифетишами.

Все вышесказанное в достаточной степени объясняет то обстоятельство, что естественная любовь основана на весьма сложном синтезе, на натуральной симфонии чувств и представлений, которые сочетаются из различных тонов, как это правильно заметил Людвиг-Брюн (по Краффт-Эбингу).

г) Любовь и религия. Известна крупная роль любви и эротизма в религии, причем многие производные религиозного чувства находятся в тесном соприкосновении с производными полового побуждения. Краффт-Эбинг справедливо заметил, что религиозный экстаз близко совпадает с любовным экстазом и часто утешает или замещает отвергнутую или обманутую несчастную или же просто отсутствующую любовь. У душевно-больных замечается поразительное сочетание религии с эротизмом. Происхождение некоторых религиозных обычаев, чаще имеющих подкладку жестокости, также следует искать в эротизме, перенесенном в религию. Как любовь, так и религия граничит с областью мистики, не выходя из мечтаний о вечном блаженстве (Краффт-Эбинг). Обе формы экстаза на этом основании и смешиваются в народных религиях. По Краффт-Эбингу, имеющая место в некоторых религиях жестокость, проявляемая жертвой, и та же жестокость в патологических случаях полового свойства, выражаемая садическим сладострастием (обусловленным страданиями других), — находит себе одинаковое объяснение в видоизменении чувства блаженства в свою противоположность. Заключительные слова его при этом следующие:

«Мы можем поэтому дать следующую формулу для обнаруженного родства между религией, сладострастием и жестокостью. В состоянии религиозного, равно как и полового аффекта, в высшем их развитии, проявляется известное количественное и качественное соответствие возбуждения, причем эти состояния могут в определенных случаях друг друга заменять. При патологических условиях как одно, так и другое состояние могут принять форму жестокости» (см., впрочем, главу VIII, Половая патология, и особенно главу XII).

Примеры из жизни Иллюстрации к главам IV и V

1. Нормальный в половом смысле человек, не лишенный нормального эгоизма и в молодые годы прибегавший довольно осторожно к посредству проституции, обручился — и, как он думал, по любви — с девушкой хорошего происхождения, отличавшейся некоторою нервностью. Она, в свою очередь, общительная и жизнерадостная, обнаруживала также сильную влюбленность. Но сейчас же вслед за свадьбой обоим постигло жестокое разочарование. Процесс полового общения произвел на молодую женщину впечатление чего-то оскорбительного, грубого, посягающего на лучшие ее чувства. Муж, конечно, не остался довольным таким оборотом дела, но призвал на помощь всю свою рассудительность, решив примириться и, во всяком случае, потеряв уже значительную долю той любви, которая и до этого не очень крепко сидела в его сердце. Все же разочарования остались скрытыми в тайниках души, и создались более или менее сносные отношения, причем жена соглашается на совершение полового акта, который сопровождается у нее неизменной холодностью. Однако, появляются дети. Но у жены не обнаруживается ни хозяйственных способностей, ни умения воспитывать детей. Поглощенный работой и не будучи в состоянии взять на себя функции воспитания, он прибегает к помощи наемных услуг, но не в состоянии скрывать своего недовольства, хотя и старается это, по возможности, делать. Жена, конечно, хорошо сознает свое положение, вызванное по ее же вине, не находит причины изъяслять недовольства, удручена и, между прочим, ревнует. Не внося, как жена, никакого уравнивающего

элемента в семью, она тяготится своим положением и удручающе действует на мужа. Таким образом, два порядочных человека находятся в тисках несчастного брака. Муж с внешней стороны вполне прав, и, занимая приличное общественное положение, нуждается в подруге жизни, которая заботилась бы о его душевном покое. Не будучи в силах себя сдерживать, он настолько неосторожно ставит ей все это на вид, что в результате неизбежным является развод.

2. Молодой человек, светски воспитанный, отличающийся смелостью и остроумием, весь находящийся под указкой внешних приличий и мнения общества, что ему, однако, не помешало вырасти среди болота проституции, — на женщину, с высоты своего положения, взирающий с презрением — влюбляется в воспитанную, серьезную, искреннюю, энергичную девушку-идеалистку. Обручение, свадьба, медовый месяц промелькнули незаметно — и молодая женщина, вполне нормальная и в половом отношении не холодная, стала замечать, что любовь мужа основана, главным образом, на чувственности. Вмещая в себе цинизм одновременно с ревностью, он посвящал ее в грязь половых отношений, совершенно не считаясь с ее женскими идеалами. Получив правильное воспитание, молодая девушка ничего предосудительного не видела в том, что выходила иногда из дому одна, беседовала со знакомыми мужчинами и т. д. Но муж находил в этом достаточно основания, чтобы ее ревновать — и со своей специальной точки зрения, так как, по его словам, жена могла бы и обзавестись любовником, но скрывать это от посторонних, чтобы себя не скомпрометировать. Эти взгляды глубоко оскорбляли как ее лично, так и ее представления о нравственности. Несмотря на то, что у них родились дети, взаимная неприязнь, явившаяся следствием его цинизма и ревности, все возрастала. Он начал находить жену неинтересной, не умеющей себя держать, укорял ее при всяком случае и, между прочим, сам чуть не внес сифилис в дом. К счастью, жена успела своевременно уйти от него, добившись развода. Выйдя вторично замуж за человека положительного и идеалиста, женщина эта и по настоящее время живет безмятежно и счастливо, вполне наслаждаясь супружеской жизнью.

3. Солидный и уравновешенный молодой человек, с сильным половым влечением, до брака не имевший половых сношений, сочетался с умной и воспитанной молодой девушкой с хорошим и спокойным характером. При всей своей любви и привязанности к мужу, она в половом отношении совершенно холодна, и совершение полового акта, не дающее никакого удовлетворения, она считает грязным и отвратительным прибавлением к любви. Но ласки доставляют ей удовольствие. Брак этот, на почве ее искренней душевной любви к мужу, имеет в себе все элементы счастья.

4. Молодой человек, отличающийся сладострастием, развившийся в половом, смысле значительно ранее нормы и насчитывающий на своем веку массу любовных историй, женился по любви. Будучи, очевидно, полигамически настроен, он имеет со своей милой женою весьма счастливую семейную жизнь, что не мешает ему, однако, изменять жене с другими женщинами. Впрочем, он немедленно же кается в грехах своих, заслуживает прощения у жены — с тем, чтобы при первом удобном случае изменять ей снова и снова. За заболевшей женою он ухаживает любовно и самоотверженно.

В подобного рода случаях, которые повторяются не очень редко, жена в бездетном браке усыновляет внебрачное потомство своего мужа. Такой поступок свойственен лишь благородной натуре и имеет весьма благоприятные последствия в смысле примирения между супругами, обяывая известным образом признательного мужа. Бывают случаи, когда муж, в свою очередь, принимает на себя заботы о внебрачных детях жены.

5. Человек с добрым характером, неуклюжий, с неправильно развитыми половыми органами, сочетается браком с девушкой, у которой девственная плева оказалась слишком плотной. В связи с уродливостью его полового органа, попытки к совершению полового акта не дают никаких результатов. И лишь спустя два года после женитьбы, врач случайно констатирует отступления в строении органов, которые, однако, остаются совершенно незамеченными для жены и нисколько не отражаются на семейном счастье супругов.

6. Чтобы избегнуть перспективы засидеться в старых девах, вполне порядочная девушка спешит выйти замуж за человека простоватого, лишенного такта, безразличного, оказавшегося впоследствии импотентным. Он, в конце-концов, после нескольких безрезультатных попыток, отказывается совершенно от полового общения и выказывает по отношению к жене полное

равнодушие. Это причиняет ей большие страдания, обусловливаемые не удовлетворенным *libido*, а тем, что у нее не будет детей. Все принятые ею меры ни к чему не приводят, и она глубоко отчаивается.

7. У одного молодого человека, прекрасно сложенного, образованного, талантливого и достаточно нравственного, уже с юных лет отсутствует почему-то половое влечение. Во сне у него иногда бывают истечения семени, но они не сопровождаются страстным волнением, а замечаются им лишь после того, как он просыпается. Эротического возбуждения у него вообще никогда не бывало. Половые отношения его совершенно не интересуют, несмотря на его зрелый возраст, а литература по этому вопросу, которую ему приходилось когда-либо читать, осталась для него непонятной. Я говорил с ним по этому поводу, и он производил впечатление слепого, которому силятся объяснить цвета красок. Брак представлялся ему в виде умственного и душевного союза, причем дети, по его мнению, являлись сами собою. Можно себе представить, какое создалось положение вещей, когда он женился. Его жена, достаточно образованная и вместе с тем не в меру стыдливая, довольно скоро определила недостаток мужа, которого не уставала упрекать, так как страстно желала иметь детей. Молодой человек начал понемногу убеждаться в неправильности составленного им мнения относительно сущности брачной жизни, но никакие указания, объяснения и даже лечение внушением не улучшили его состояния, не вызвав у него и тени полового влечения. Он был чрезвычайно предупредителен по отношению к жене, ласков с нею и нежен, но не был в состоянии дать ей чувственную страсть. Безгранично страдая, лишенная ласки и тепла, молодая женщина, однако, не сочла возможным прибегнуть к разводу, так как не желала огласки. В случаях отсутствия *libido*, подобных вышеописанному, эрекция происходит лишь во время сна, механически, так что совершение полового акта делается фактически невозможным.

8. Еще один господин, достаточно, хотя и односторонне образованный, самоуверенный, полный чудачеств, не обнаруживает никакого *libido sexualis*, хотя имеет ночные поллюции, сопровождающиеся слабыми эротическими видениями. Брак в его глазах является тем же, что и в предыдущем случае, причем он не считается даже с возможностью сердечной привязанности и симпатии в браке. Он тоже женился на образованной девушке, в противоположность ему очень страстной и далеко равнодушной в половом смысле. Его холодные отношения к жене чрезвычайно оскорбляли ее и доставляли страдания. Ей советовали с ним разойтись, но она не соглашалась и, между прочим, обратилась ко мне за советом. Муж ее не преминул явиться ко мне и, получив от меня соответствующий выговор за безобразные отношения к жене, с этого момента стал обращаться с ней чрезвычайно ласково и предупредительно, чем отклонил в дальнейшем мысль о разводе. Но половые отношения продолжали оставаться в прежнем своем положении и, к сожалению, я больше не был в состоянии следить за дальнейшим развитием этого случая.

9. Весьма солидный и положительный молодой человек, обладая нормальным *libido*, старался избегать внебрачных половых отношений, не знал онанизма, и лишь во сне у него бывали поллюции, которые сопровождались эротическими сновидениями, но не полным сладострастным ощущением. Женившись по любви на симпатичной по характеру девушке, он не мог с ней иметь половых сношений, так как у нее, как это потом обнаружилось, была очень крепкая девственная плева и, кроме того, чрезвычайно развита была подвздошная кость, благодаря чему одна лишь попытка к совершению акта причиняла ей боль и вызывала судороги. Молодая женщина страстно желала иметь детей, но совершение полового акта так и оставалось для них запретным плодом, так как, кроме описанной ненормальности в ее половых частях, эрекции у мужа не всегда были полные и редко сопровождались истечением семени. Было применено к мужу лечение гипнозом, жена же подвергалась оперативному лечению, после чего в результате произошло совокупление, завершившееся беременностью. Длившаяся таким образом около полутора лет импотентность мужа, который, однако, обладал *libido*, не отразилась на его семейном счастье и их взаимной любви. Этот случай наводит на мысль о том, что продолжительные истечения семени во сне обращаются в своего рода привычку, благодаря которой может наступить в большей или меньшей степени импотенция наяву. Эти случаи, впрочем, относятся к более редким.

10. У молодого человека, отличавшегося слабоумием, тестикулы были атрофированы от

рождения, в зависимости от так называемой крипторхии, причем развитие его шло, как и у евнуха, без всякого полового влечения и наличности коррелятивных половых признаков. Тетушки, желая во что бы то ни стало сделать его мужчиной, поженили его на здоровой девушке, которая, не отличаясь кристальной невинностью, стала изыскивать все способы для возбуждения у мужа эрекции. Однако, ее усилия не увенчались успехом, между тем, как приемы жены производили на мужа отвратительное впечатление, и он называл их грубыми и свинскими. Его начало это преследовать и во сне и он заболел сомнамбулизмом, не переставая выкрикивать во сне: «свинья Катя» (Катя — имя его жены). Жена скоро, разумеется, нашла себе утешение в лице одного здорового мужчины, с которым не переставала третировать своего бедного мужа, как дурачка. Озлобленный муж сделал попытку отравить изменницу, но был изблещен и отправлен на каторгу. Этот случай можно назвать судебным убийством. Я энергично протестовал, но сомнамбулизма не признали и не нашли также признаков слабоумия.

11. В качестве потомка чрезвычайно эротической семьи, молодой человек начал предаваться онанизму уже с ранних лет, заменив его скоро половыми сношениями, которые, благодаря своему сатириазису, он доводил до невероятных излишеств. В результате, благодаря такому распутству, он физически истощился и отупел рассудком, не будучи в состоянии ни работать, ни взять себя в руки. Лечение внушением сразу поставило его на ноги и дало благоприятные результаты. Молодой человек впоследствии женился по любви, имел потомство и наслаждался семейным счастьем.

12. Очень добрый и славный человек сочетался браком с девушкой, вполне его достойною, и жил с нею в счастливом браке несколько лет, имея несколько детей. Но, благодаря какому-то расстройству з здоровья жены, врач запретил ей половые сношения. Супруги вынуждены были спать на разных половинах, и сердечность их прежних отношений как-то сама собой исчезла, так что они не могли даже впоследствии снова по-прежнему иметь половые сношения. Муж, в зависимости от этого, несмотря на свои строго-нравственные принципы, стал понемногу изменять своей жене в обществе проституток. Брак, может быть, и теперь носит еще внешнюю печать счастья, но в душе супруги давно уже друг с другом не имеют ничего общего.

13. Половые излишества как в браке, так и вне его, отлично уживаются, как замечено, с набожностью. Есть немало людей религиозных и богомольных, которым не чужды исключительные половые излишества. Что касается католического духовенства, то в его среде можно найти много холодных натур, которым нередко свойственны извращения полового чувства, но оно включает среди себя не мало людей и сладострастных. Большинство из его представителей предается половым страстям в том или ином скрытом виде, но хранящие упорно обет целомудрия испытывают, без сомнения, большие страдания.

14. Необыкновенное половое влечение свойственно иногда молодым девушкам чуть ли не с ранних лет. Они предаются усиленно онанизму и приходят в возбужденное состояние при одном только виде мужчины. Я знал такую девушку, которая, под влиянием тяжелого наследственного предрасположения в области полового влечения (ее мать и бабушка содержали дома терпимости, будучи сами мессалинами), приставала на улице ко всем мальчикам чуть ли не с 14 лет и быстро попала в ряды проституток. Другая девушка, с виду вполне скромная, но в высшей степени эротичная и предававшаяся онанизму, влюбилась в женатого человека, к которому искренно привязалась, не желая расставаться с ним ни в каком случае. Пришлось принять меры к насильному их разлучению; однако, впоследствии она все-таки сумела укротить свои страстные порывы.

15. Торговец-еврей, отличавшийся цветущим здоровьем, взял себе в жены девушку-еврейку, вполне для него подходящую, и прижил с нею уже человек десять детей. Жена его, отличавшаяся, по внешнему виду, скромностью, действительно представляла собою отличную мать, трудолюбивую и любвеобильную. Но муж ее мне сознавался, что он не в силах удовлетворять ее половые потребности, благодаря ее ненасытности. Брак этот в других отношениях был вполне счастливый.

16. Если женщина сладострастна сверх нормы и возбудимость ее граничит с нимфоманией, — она неизбежно впадает в полиандрию, превосходя своими половыми потребностями какого угодно мужчину. Мы, по газетам, имели уже случай проследить

нашумевшую по всему миру историю с бывшей принцессой Шамэ. Но это не единичный случай, а аналогичные ему представляет нам в большом количестве история. Под влиянием страсти женщина перестает считаться с некоторыми ей, как женщине, свойственными особенностями, причем чувство стыда и сдержанность совершенно исчезают по отношению к предмету ее вожделения. Она, не задумываясь, уничтожает все препятствия на пути к достижению удовлетворения, несмотря на то, что в обыденной жизни она отличается многими нравственными достоинствами. Патологическая подкладка такого рода случаев вне всякого сомнения.

17. У мужчин довольно часто имеет место сатириазис, причем масса мужей является воистину мучителями своих жен, которых они заставляют быть готовыми к их услугам чуть ли не в любой момент, не считаясь даже с периодом менструаций. Мы упоминали уже про 70-тилетнего старика — крестьянина. Супружеская неверность в таких случаях является обыденным следствием. Цинизм мужа может дойти до таких пределов, что извращенный инстинкт мужа толкает его на половые сношения с продажными женщинами, со служанками и, наконец, с его собственными детьми, — и все это в присутствии его собственной жены. Женщины, в зависимости от их характера, различным образом воспринимают такого рода извращения со стороны своих мужей. Из них одни смиренны и покорны судьбе, мирятся с тяжелым крестом, выпавшим на их долю, причем, главным образом, имеют в виду интересы своих детей, зато другие покидают мужа или разводятся с ним. Нередки на этой почве и самоубийства. К несчастью, нет тех разумных и, по крайней мере, законных мер, при помощи которых женщина могла бы отстоять в этом случае свое достоинство. С одной стороны, физическое превосходство мужчины открывает ему арену произвола в отношении его незащищенной жены, а с другой — закон тоже на стороне мужа, благодаря известному правилу общности супружеского имущества.

Было бы целесообразно, если бы можно было содействовать тому, чтобы соединились в браке как страдающие сатириазисом, с одной стороны, так и нимфоманки, с другой. Они были бы в состоянии удовлетворить друг друга. Но для потомства такая удвоенная половая страсть сопряжена была бы с самыми дурными последствиями.

18. Самочувствие жены, имеющей ревнивого мужа, не ушло, может быть, слишком далеко от самочувствия женщины в предыдущем примере. Она воистину несчастна, если он видит измену с ее стороны супружескому долгу в каждой ее невинной беседе с посторонним мужчиной, в письме ее, уходе из дому и пр. Мы об этом подробнее говорили уже в своем месте.

19. Благодаря ухаживанию 60-тилетнего старика, женатого и отличающегося развратностью, молодая красивая девушка поддается внушению со стороны этого господина, которым и увлекается. Он старается воздействовать на нее всеми возможными способами, между прочим, при помощи эротической литературы и проч. В результате она без ума от старика и, не отдавая себе отчета, начинает систематически обманывать окружающих, компрометируя себя и своих родных и создавая атмосферу лжи, в которой сама захлебывается. Материальные соображения здесь не имеют места, так как у нее имеется состояние, между тем как он лишен средств. Будучи уверена в отсутствии у подобного рода связи какой-либо будущности, она все же не в состоянии противостоять соблазну и покидает родительский дом, чтобы бежать с ее совратителем и погубить навеки свою жизнь. Таким образом, не всегда верны пословицы, гласящие, что девушки издеваются лишь над стариками, будучи заинтересованы в их материальных средствах. Жизнь преподносит, как видим, обратные сюрпризы.

20. Взаимная пылкая любовь между страстной и своевольной девушкой, с одной стороны, и талантливым слабовольным, хотя и упрямым идеалистом-юношей — с другой. Будучи страстным по своей природе, юноша, однако, сохранил целомудрие до брака. Но вслед за любовным упоением, довольно непродолжительным, возникают размолвки среди поженившихся, благодаря раздражительности и противоречию жены — и мечтательности, неустойчивости и непрактичности мужа. Примирения, главным образом, по инициативе чуткого мужа, имеют место в связи с половыми сношениями, которыми держится еще их любовь. Но после четвертого ребенка жена не желает больше беременности, между тем как муж не признает, исходя из моральных соображений, никаких предохранительных от зачатия мер.

Прекращается на этой почве половое общение, а вместе с этим гаснет и сама любовь. Внебрачным сношениям, правда, здесь нет места, благодаря соблюдению внешних приличий. По этой же причине не прибегают они и к разводу.

21. Человек интеллигентный, отличающийся жизнерадостностью и чувственностью, не чуждый эгоизма, взял в жены хорошую, серьезную женщину, сильно к нему привязавшуюся и давшую ему несколько человек детей. Но спустя несколько времени, жена стала ему в тягость. Он никогда не чувствовал к ней высшей, идеальной любви, в чувственном же отношении она совершенно перестала его интересовать. Он добился развода, благодаря занимаемому им высокому положению, и взял себе в жены женщину чувственную, вполне отвечавшую его вкусам.

При аналогичных обстоятельствах жена сама нашла развод наиболее разумным исходом из создавшегося положения вещей. Здесь, правда, имела место даже горячая любовь, но несходство характеров было слишком большое, причем мужу в большей степени была свойственна мечтательность, чем эгоизм.

22. Молодая светская дама, столь же хорошенькая, сколько и кокетливая, вышла замуж за ученого, отличавшегося как некрасивыми чертами лица, так и вообще неуклюжестью. И в один прекрасный день она покинула дом мужа вместе с его лакеем, в которого влюбилась.

23. Мы отдельно рассмотрим здесь психологическую реакцию супружеской стороны, оказавшейся виновной в нарушении брачных устоев. Она обуславливается состоянием эгоистичности или альтруизма, свойственных тому из супругов, который оказался неверным. Наблюдая и тот, и другой случай, я видел, что при измене со стороны мужа, отличающегося добротой и нравственностью, его отношения к жене принимают еще более приятный характер, причем он делается к ней более внимательным, приносит подарки и охотно прощает маленькие свойственные ей недостатки. Когда предмет его нового увлечения перестает уже его интересовать, он, в свою очередь, тщательно оберегает ее репутацию, обеспечивает ее будущее, старается даже удачно выдать ее замуж и т. д. Дети, явившиеся благодаря такой внебрачной связи, составляют предмет его неусыпных забот. С другой стороны, женщина замужняя, влюбившаяся в другого мужчину, при наличии вышеуказанных качеств характера, также старается принять все меры, чтобы обеспечить благоприятные результаты в своей супружеской жизни. Любовь, конечно, сильнее захватывает личность женщины, но она старается не уступать домоганиям своего искусителя, делает попытки женить его на другой и т. д. Но при фактической измене с ее стороны могут иметь место различные проявления ея женской натуры. При этом, если она по природе своей склонна к моногамии, то половые отношения ее к мужу резко изменяются к худшему, и в душе ее ничего больше нет для мужа, кроме разве сострадания. Она в этом случае энергично заботится о разводе, даже не успевши дойти еще до фактической измены мужу. Но при склонности к полиандрии она окажет одинаковое почти сладострастие как в половом общении с мужем, так и с возлюбленным, на что, конечно, нормальная женщина окажется совершенно неспособной.

Совсем иначе происходит в отношениях к жене со стороны эгоистичного мужа, изменившего супружеской верности. Он начинает обнаруживать скупость, нетерпимость и придирчивость по отношению к обманутой женщине, которая часто только по изменившемуся с ней обхождению начинает догадываться об истинном положении вещей. Однако, моногамия мужчины тут не при чем, так как у мужчины она составляет почти всегда исключение. Люди в этом смысле представляют собою большие странности. Есть женщины, которые, несмотря на такое нанесенное им оскорбление, продолжают любить мужа, но одновременно другая женщина не простит мужу малейшего отвлечения в сторону, несмотря на то, что ее самое муж продолжает лелеять и носить на руках. Нельзя почти указать границ, сдерживающих грубость иного мужа по отношению к его жене, влюбленного в другую женщину. Здесь имеет место не только злобная враждебность, преследование, презрение, но и нередко насилия, завершающееся убийством; мы это можем проследить по судебной хронике. Такие же отношения к своим мужьям свойственны и эгоистичным женщинам, которые успели обзавестись возлюбленными. Отношения эти, конечно, не могут носить такого тяжелого характера, благодаря иному положению женщины, с точки зрения права и в связи с их слабой организацией. Однако, женщина вся проявляется тогда в мелких своих колкостях, нападках и жестоко смакуемых

неприятностях. Главным оружием женщины в этих случаях является коварство, орудием же убийства является яд. Чтобы заставить мужа развестись, она нередко покидает его. В этих обычных проявлениях, разумеется, не мало всяких переходов и видоизменений. Легко объясняется, что *libido sexualis* у мужчины, влюбившегося в другую женщину, охладевает по отношению к его собственной жене, которая теряет тогда в его глазах прежнюю соблазнительность и привлекательность. Но при наличии у него нравственного чувства, он сохраняет свою любовь к жене и чувствует себя перед ней виноватым, стараясь лучшими к ней отношениями смягчить свой поступок. Чтобы облегчить себе половые сношения с женою, он прибегает к представлению себе в этот момент наиболее ярко нового предмета своей страсти, благодаря чему даже внезапная импотенция может замениться у него значительной потенцией. Пассивность роли женщины облегчает ей ее положение при аналогичных обстоятельствах.

24. Я хочу здесь привести еще один характерный случай, представляющий собой яркий протест женской души против уродливых проявлений нашей цивилизации, с ее фальшивой моногамией. Простая женщина заболела какою-то внутренней болезнью, благодаря чему муж ее вступил в связь с другой женщиной. Соседка их, при встрече, стала укорять неверного мужа. Но жена его, услышав с верхней площадки их разговор, с криком набросилась на непрошенную посредницу: «Это не твое дело! Я сама предложила ему это сделать, так как не в состоянии его удовлетворить».

25. Интеллигентный господин с тяжелой наследственностью, благодаря многочисленным душевным болезням в его роду, отличающийся симпатичною внешностью, но крайне безнравственный, лживый и испорченный (нравственные дефекты), при сильной половой возбудимости испытывал почти одинаковое влечение как к мужчинам, так и к женщинам, с которыми одинаково позволял себе половые излишества. Женившись на хорошей женщине, он, с большими промежутками, заболел три раза душевным расстройством, но выздоравливал и прижил с женою двух сыновей и одну дочь. В здоровом состоянии он не оставлял своей подозрительной деятельности, не брезгал даже подделыванием векселей и всячески избегал честного труда, которого почти никогда не знал. Относясь довольно сносно к жене, он искал также случая заниматься и педерастией, причем неоднократно за это, равно как и за всевозможные плутни, попадал на скамью подсудимых. Он пользовался неоднократно моим лечением в психиатрической лечебнице. Его несчастная жена не находила слов для описания мне своего несчастного положения, но черпала надежду в его любви к ней, в которую она наивно верила, а также жила для своих троих детей, которых всячески оберегала и тщательно воспитывала. Но едва дети стали подрастать, она к ужасу своему, начала замечать, что мечтам ее не суждено осуществиться. Сын и дочь оказались слабоумными и не способными во всех отношениях, и ее утешал лишь второй сын, который, при некоторой несомненной ненормальности душевного склада, отличался, однако, многочисленными положительными данными. Он отбыл в Швейцарию, где и нашел себе место. Но однажды (когда отец его находился в психиатрической больнице на испытании снова из-за подделки векселя и педерастии, причем был признан здоровым) мать в страшном отчаянии прибежала ко мне и предъявила письмо, полученное ею от сына, которое было адресовано отцу, но вскрыто матерью. «Презренный отец, — писал он, — в момент получения тобою этого письма меня уже не будет в живых. Но я должен препроводить тебе это проклятие раньше, чем умереть. Ты опозорил нашу семью, ты своею мошенническою деятельностью послужил причиной гибели нашей матери и твоих детей. Зачем тебе нужно было родить меня? К моему ужасу, я давно уже стал ощущать в себе твои порочные наклонности, с которыми я боролся, но чувствовал, что моих усилий противостоять им хватит не надолго. Я не устоял бы, я это чувствовал, но не желал стать таким же преступником, как ты, — и сегодня ночью повешусь. Но до этого я проклинаю тебя!» Несчастный привел в исполнение свое намерение, и можно себе представить отчаяние матери. Что касается отца, то, когда я ознакомил его с содержанием этого письма, он усмехнулся и неопределенно пожал плечами.

26. Молодой человек захотел сделать своей любовницей девушку, в которую влюбился. Но она энергично сопротивлялась и уехала в Богемию на службу; однако, он последовал за нею и здесь также не давал ей покоя. Оставшись недовольной полученным местом, она собиралась уехать, но тут неутомимый ухаживатель предложил ей выгодное место в Германии. Он

объяснил ей, что нашел для нее в одном германском городке приличную комнату, где она сможет устроиться и зарабатывать прилично в качестве модистки. Когда она устроилась, по его предложению, на новом месте, он вдруг явился к ней поздно ночью и тут обнаружилось, что она попала к нему в комнату. На ее угрозы он, в свою очередь, отвечал угрозами, и девушка вынуждена была стать его любовницей. Заметив, спустя некоторое время, признаки беременности у соблазненной им девушки, молодой человек стал уверять ее, что у нее несомненная чахотка, и отправил ее под этим предлогом на родину, чтобы от нее скорее избавиться. У нее был выкидыш, после чего она несколько раз неудачно покушалась на самоубийство. Я как-то встретил ее у знакомых. Она искренно клялась и твердо высказывала уверенность в том, что никогда больше не сойдется с мужчиной до брака. Но ведь не приходится давать веры каким угодно клятвам этих бесхарактерных, безвольных, легковверных и влюбчивых творений, которые живут так безотчетно!

27. Я тогда же имел случай встретиться с другой девушкой Б., отличавшейся счастливой наружностью и с внешней стороны очень приличной. Она весьма интимно относилась к одному симпатичному старику, моему знакомому, О. Возвращаясь со мной вместе домой, он посвятил меня в подробности, касавшиеся жизни этой девушки.

Мать ее, Е., была в то время вдовой и одно время до замужества была невестой О... но они разошлись. Вдова имела двух дочерей, Б. и С., причем старшая, родившаяся до брака, была обязана своим происхождением какому-то проходивцу, не ударившему для нее палец о палец. О. сжалился над девушкой и оставил ее у себя до конфирмации. Но, перекочевав в другой город, г-жа Е., вопреки своему обещанию, отобрала восьмилетнюю дочь Б. у г-на О. На новом месте жительства она открыла негласный дом терпимости, где девушкам сдавались отдельные комнаты. Дом этот, между прочим, посещали высшие представители местного общества. Дочери Е. росли среди безумных оргий, в атмосфере проституции, к которой, в конце-концов, преступная мать решила приобщить и своих дочерей. Но старшая Б. решительно против этого протестовала и убежала к своему покровителю, г-ну О., который немедленно пристроил ее в одном из обществ защиты девушек. Возник судебный процесс, который Е. едва не выиграла, благодаря деятельному содействию известного адвоката Х., бывшего одним из завсегдатаев ее увеселительного учреждения. Но г. О. сумел доказать правду несчастной девушки, которую суд оправдал. Г-н О. просил о назначении для девушки опекуна из общины, но выяснилось, что года два тому назад при аналогичных условиях бургомистр превратил опекаемую девушку в свою собственную любовницу! Девушке Б. пришлось избрать ремесло портнихи, чтобы обеспечить себе средства к существованию.

Во время нашей встречи мы увидели экипаж, в котором проезжала веселая, хотя и очень подозрительная компания из молодых людей обоего пола. Одна из сидевших в экипаже, эффектно разряженная девица, любезно поклонилась Б., как своей старой знакомой. Эта девица, как оказалось, жила в увеселительном доме Е., и за одну ночь приняла однажды 30 мужчин сряду.

Можно себе отсюда представить, какие примеры приходилось наблюдать с самых ранних лет несчастной девушке Б. Что касается ее младшей сестры С, то, не будучи в состоянии противостоять увещаниям матери, она уже 17-ти лет отроду вступила в ряды проституток. По словам О., можно было утверждать, что Б. ведет себя безукоризненно в половом отношении, но он прибавил, что ей, очевидно, не чужда клептомания, так как она однажды стащила пару колец у господина, который ей их ранее показал, причем она впоследствии не в состоянии была объяснить себе этот поступок.

28. Г-н М. обременен наследственно (отец душевно-больной; один дядя слабоумный, а другой психопат). Он талантлив, но импульсивен, вполне целомудрен и до брака имел лишь во сне поллюции и эрекции с сладострастными сновидениями, однако, с оттенком садизма. В молодости он возбуждался эротически нормально при виде девочек-подростков, но еще более аномально, благодаря чтению соответствующей литературы.

Женился он по любви, по влечению сердца, без участия эротизма. Но в браке у него не обнаружилось никакого полового влечения. Эрекции его были очень слабые, не позволявшие совершать половой акт. За шестимесячный период со дня свадьбы у него было несколько поллюций во сне. Жена его была вполне нормальна.

Его начали лечить гипнотизмом. Первые два внушения имели еще весьма слабые результаты. После третьего внушения он имел уже возможность держать свой член около двух минут во влагалище в эрегированном состоянии. Однако, он при этом не испытывал никакого сладострастия и не произошло излияния семени. Он получил еще два внушения, обусловившие у него эрекцию в течение четверти часа. После седьмого внушения он два раза подряд имел половое сношение с семяизлиянием, но без сладострастия и даже с незначительным ощущением боли. Еще два внушения окончательно ввели в норму его половые сношения, которые сопровождались уже оргазмом и сладострастием. Его перестали лечить после десятого внушения, и в настоящее время он счастливый отец и вполне нормален.

В другом вполне аналогичном случае, при таком же целомудрии до свадьбы, у г-на Н. бывали поллюции наяву. У него появилась легкая фимоза. В продолжение года совершение полового акта в браке ему не удавалось, благодаря неполной эрекции. Это угнетающе влияло на его самочувствие и на его любовь. Благодаря гипнозу (в продолжение двух недель), эрекции у него значительно усилились и, наконец, он обнаружил способность к половому общению. Фимоза была мною удалена и обнаружилось, что в этом случае головка была совершенно нечувствительна в сладострастном отношении. Семя было нормально.

29. Свободомыслящий образованный господин вступил в любовную связь с такою же молодой девушкой А. без каких-либо обязательств. Но вслед за этим он влюбился в другую набожную католичку В., вследствие чего расстался с прежней возлюбленной. Однако, несмотря на взаимную любовь, она не могла сойтись из-за разных взглядов на религиозные вопросы. Он снова вернулся к А., вступил с ней вторично в связь, благодаря чему А. забеременела. Но он не мог расстаться и с В., так же, как и В. не желала его покинуть. Он снова отдался последней и, несмотря на споры, думал вступить с нею в брак. Но в это время он узнал о том, что А. забеременела. В таком отчаянном положении он обратился ко мне за советом, признавая, со своей стороны, лишь самоубийство, как единственно возможный исход из своего положения.

Я поспешил обдать его холодным душем. Самоубийство, с моей точки зрения, было бы лишь трусостью и малодушием. Брак с В. был бы глупым выходом из положения и не дал бы счастливых результатов. Разумеется, ему остается только искупить свою вину перед А. и, вступив с нею в брак, узаконить своего ребенка. Во всяком случае, впоследствии можно будет спокойнее смотреть на вещи. Он выразил полную готовность следовать моим указаниям, но А. энергично протестовала против этого и пожелала принести себя в жертву.

Этот случай весьма типичен для слепой близорукости и жестокости человеческих страстей.

30. Молодой человек, обладающий красивою внешностью, но порочный с головы до ног, добродушный и ленивый, бывший раньше алкоголиком, потом переставший пить, сделал себе профессию из того, что соблазнял женщин и эксплуатировал их. У него была, между прочим, метресса, от которой он имел ребенка. Одна женщина, не имевшая детей и бывшая замужем за очень славным мужем, влюбилась в него беззаветно и отдала ему все, что имела. Она терпеливо переносила от него самое дикое обхождение, рассталась ради него со своим мужем и бегала за ним, несмотря на то, что он причинял ей невыразимые страдания. Она оплатила все его долги, поддерживала его же метрессу и ребенка и дошла до того, что осталась без гроша денег. Хотя она узнала о том, что он сифилитик, — она все же готова была выйти за него замуж. Но он в виде награды угрожал ей револьвером. Несчастную женщину едва удалось вылечить, причем брошенный ею муж готов был снова вернуться к ней.

Такой случай кажется неправдоподобным, но он, без сомнения, имел место при наличности такой слепой любви, проявленной женщиной.

31. И. Л., 26 лет отроду, двупольный, по Гиршфельду, и, кроме того, садист. Еще в молодости он возбуждался, когда в его присутствии секли мальчиков по мягким частям. Его могли также эротически возбудить девушки, которых слегка били. Однако, мужской пол действовал на него в этом смысле сильнее. Он впоследствии не упускал случая совершать нормально половой акт. Но он часто прибегал к педерастии, причем его больше всего возбуждали мальчики в возрасте от 8 до 17 лет. Едва они становились старше, они больше не оказывали на него никакого действия. Он посетил меня в этом состоянии, желая овладеть своими извращенными страстями, чтобы повести в дальнейшем нормальную жизнь.

Его брат К. Л. (несколько моложе) находился в таком же состоянии. Еще в детстве он страдал головными болями и был очень нервен, а благодаря невралгии освобожден был от воинской повинности. Он был гомосексуалистом и на него возбуждающе действовали мальчики в возрасте от 11 до 17 лет, причем эротическое возбуждение являлось у него после того, как он мальчика бил. К онанизму он никогда склонен не был. С проститутками он имел дело всего лишь раз пять. С мужчинами ему больше удавалось.

Другое брат был душевно-больной. Два двоюродных брата со стороны матери — гомосексуалисты. Отец был чудаковат и оригинален, мать нервная.

Я, разумеется, в этом случае весьма энергично предостерегал от воспитания детей. Здесь мы, без сомнения, имели дело с интенсивным невропатологическим семейным предрасположением, которое выражалось ненормальными проявлениями половой жизни. Мы видели, что аномальности были в одинаковой мере свойственны обоим братьям. Но это бывает не всегда. Иногда замечаются сочетания всевозможных извращений.

Можно было бы привести еще массу примеров и, во всяком случае, мы не претендовали даже на исчерпывающий перечень главных типов. Мы имеем здесь дело с выхваченными из жизни психологическими картинками, на которые мы будем ссылаться в дальнейшем изложении. Здесь приводились чаще обычные случаи, так как более редкие и сенсационные из них принадлежат патологии.

Глава VI

Этнология, происхождение и история человеческой половой жизни до брака

Самым важным, как мы видели, при изучении полового вопроса является умение оставаться в пределах объективности, избегая также сентиментального многословия, как эротизма. Но в истории половой жизни эти разновидности играют чрезвычайно большую роль, между тем как наиболее надежным материалом для составления мнения о человеческих половых отношениях может служить история, покоящаяся на естественно-научной объективности. Дикие племена настоящего времени, без сомнения, сходственно ближе к примитивным племенам, чем дети культуры; к тому же исследования наших дней отличаются большей достоверностью, чем те неполные, необоснованные, а то и легендарные данные, которые предоставила в наше распоряжение примитивная история наших прародителей.

Однако Эдуард Вестермарк, лондонский профессор, в лице своей «Истории человеческого брака», дал нам капитальный труд, богатый не только обилием материала, но и здравым критическим суждением. Здесь мы дадим несколько кратких выводов этого ученого, хотя области наших исследований не совсем совпадают. Вестермарк вполне основательно настаивает на необходимости обилия материала, которое может уберечь от неправильных заключений. Он считает необходимым также предостерегать от обыкновенно практикуемой ошибки принимать за примитивные обычаи наших предков те из обычаев, которые свойственны современным диким племенам.

Чтобы выяснить бесконечную роль эротики в жизни различных народов, могу указать на объемистый труд профессора Отто Штоль: «Das Geschlechtsleben in der Volkerpsychologie». Leipzig, Veit et Gomp., 1908. Штоль описывает половые нравы современных и прежних человеческих рас, в связи с историей и этнологией.

1. Вес головного мозга в зависимости от расы и пола.

Я прежде всего ссылаюсь на главу III (коррелятивные половые признаки). Бебель («Женщина», 1883 г.) взял на себя труд доказать, что женщины первобытных народностей отличались такою же силою, как и мужчины, причем мозг их, по величине, не уступал мозгу мужчины. Свой взгляд он подкрепляет тем обстоятельством, что у низших диких племен разница в весе мозгов мужчины и женщины немногим отличается от такой же разницы у

культурных народностей. Однако, этот взгляд в корне ошибочен. Во-первых, мы констатируем значительную разницу в весе всего тела, а также, в частности, и мозга, в пользу самца, уже у гориллы, оранг-утанга и др. Во-вторых, предлагаемая таблица, любезно доставленная мне моим другом, проф. д-ром Рудольфом Мартином в Цюрихе, выдающимся и добросовестным антропологом, показывает, что в этом отношении не существует значительной разницы между дикими и культурными народами. Повсюду эта разница емкостей мужского и женского черепов исчисляется приблизительно в 150 грамм. Правда, приходится иметь дело с ограниченным количеством нормально развитых мозгов, особенно у диких народов, чтобы иметь право делать какие-либо практические взвешивания. Приходится поэтому удовлетворяться лишь такими измерениями емкости черепа, которые, не представляя собою безусловной истины, все же дают приблизительно правильную меру для сравнения. Можно, по проф. Мартину, принять, что мозг заполняет 87% всей емкости черепа. Само собою разумеется, что найденные числовые данные являются правильными лишь по отношению к нормальным и здоровым мозгам: при патологических сморщиваниях головного мозга потери мозгового вещества, по объему, восполняются соответствующим количеством серозной жидкости. К тому же различные авторы различно производят эти измерения. Нижеприведенная таблица средней емкости черепа основана, согласно указаниям проф. Мартина, на числовых данных, безусловно заслуживающих доверия:

— —

Средняя емкость черепа некоторых народностей У мужч. У женщ. Разница

— —

Культурные народы

Баденцы (48 м. и 28 ж. черепов) 1513 1330 183

Баварцы (100 м. и 100 ж. черепов) 1503 1335 168 (11, 2%)

Средние народы

Малайцы (28 м. и 2 ж. черепа) 1414 1223 191

Айно (87 м. и 64 ж. черепа) 1462 1308 354

Низшая раса

Ведды (22 м. и 10 ж. черепов) 1277 1139 138 (10, 8%)

— —

Из этой таблицы ясно, что эта разница у представителей обоих полов почти для всех народностей одинакова. Чем значительнее абсолютные числовые данные, тем больше — вполне понятно — и абсолютная разница (не относительная), а также пределы вариаций. Абсолютная разница в емкости женского и мужского черепа у баварца (168) и у ведда (138) очень значительна, в процентах же (11, 2 и 10, 8) не велика. В виду этого, в виде нивелирующего положения, мы можем установить следующие подразделения:

— —

Средняя емкость черепов, в зависимости от разнообразия человеческих пород:

У мужчин У женщин

— —

Аристоцефалы (высшие мозги).....свыше 1450 г. свыше 1300 г.

Эйцефалы (средние мозги).....1300 — 1450 1150 — 1300

Олигоцефалы (малые, слабые мозги).....до 1300 до 1150

— —

Проф. Мартин присовокупляет, что при всех его исследованиях, произведенных им у первобытных народов Малакки, он сталкивался с такой же большой во всех отношениях половой разницей, как у народов Европы.

Вообще же не может быть и речи о том, что дифференцирование полов через культуру и

филогению все более и более усиливается.

2. Происхождение брака.

Говоря о человеческом первобытном браке, в интересах справедливости, мы должны остановиться на сравнение этого брака с таковым же у существующих в настоящее время ближайшим образом родственных нам животных — человекообразных обезьян.

Брак, если здесь только возможно применение этого слова, у большей части млекопитающих кратковременен, органичиваясь лишь периодом одного деторождения. После же совершения полового акта самец не интересуется судьбою своей самки, хотя в редких случаях создает ей защиту.

Что касается человекообразных обезьян (оранг-утангов, шимпанзе, горилл и гиббонов), то, поскольку доступно было следить за их нравами в условиях естественного состояния, у них обнаружены моногамический брак и жизнь семей. Защита самки и ее потомства находятся в руках самца. Здесь можно констатировать и супружеское постоянство, так как такая пара имеет детенышей различного возраста, и верность супругов, таким образом, продолжается больше, чем это нужно для того, чтобы родить и вырастить детеныша. В то время, когда самка с детенышами находится в своем гнезде на дереве, самец, расположившись у подножия дерева, готов отразить всякую грозящую его семье опасность.

Вестермарк полагает, что брак именно в такой форме свойственен был первобытному человеку. Семья, в составе которой находятся отец, мать и дети, представляет, собою общую организацию, независимо от того, основана ли она на моногамии, полигамии или полиандрии. В то время как женщина берет на себя непосредственные заботы о семье, мужчина является их защитником. Здесь, может быть, у мужа и не имеет места забота о благополучии его семьи, так как его всего больше интересует удовлетворение его половой потребности и оберегание своей гордости, но польза, приносимая им семье, проявляется еще и в другом виде, а именно: он строит тот или иной вид жилища, старается добыть пищу (охота и проч.), оказывает противодействие врагам и т. д.

Судя по сохранившимся народным преданиям, брак когда-то не был свойственен людям, причем у них господствовала общность мужей и жен, установление же брака приписывалось королевской или божественной власти. Хотя это предположение находит себе поддержку и в лице некоторых современных авторов, но оно совершенно необосновано и целиком опровергнуто Вестермарком, который в этом случае располагает колоссальным фактическим материалом.

Законом, общим для всех дикарей, является обязанность мужа, состоящая в необходимости кормить семью. Это последнее находит себе подтверждение и в том факте, что при полигамии муж может иметь в своем распоряжении не больше такого количества жен, которое он в состоянии содержать. В интересах обнаружения своей способности их кормить, мужчина должен совершить известные подвиги и подвергнуться определенным испытаниям. Доставка пропитания семье, носящее характер обязанности, остается иногда на мужчине и после того, как расторгнут был брак, причем эта обязанность может перейти и на наследников. Как мы это видим в сех случаях, когда брат должен взять себе в жены вдову умершего брата. Содержание семьи, вкоренившееся в виде обязанности, очевидно наследственно перешло от тех млекопитающих, у которых брачный союз продолжается дольше, чем удовлетворение полового влечения. Эта обязанность филогенетически свойственна нашей природе, и мы убедимся из дальнейшего в том, что и в настоящее время мы не можем манкировать ею безнаказанно (см. главу XII).

В чем сущность брака? Вестермак таким образом широко определяет это понятие:

Союз между мужчинами и женщинами, длящийся больший или меньший период, но, во всяком случае, дольше акта зачатия и, в меньшей мере, до после появления на свет ребенка. В связи с этим, брак может быть моногамным, полигамным, полиандрическим и групповым, в отдельных случаях органичиваясь определенным сроком. Следует считать поэтому правильным брак, основанный на моногамии, у птиц и высших обезьян.

Брак у тех животных, которым свойственен известный период течки, не основывается уже на одном только половом инстинкте, как на эгоистическом эротизме, ибо в таком случае он прекратился бы вместе с прекращением течки. Отсюда можно заключить, что, в зависимости от естественного подбора и мнемы, должны были из полового инстинкта развиваться общественные или альтруистические инстинкты, — в интересах сохранения вида и выражаясь в охране потомства. Эти инстинкты представляют собою средство (не единственное) для сохранения вида. Семья, таким образом, являет собою основу брака. У многих народов брак по этому тогда только и считается осуществившимся, когда имеется налицо уже, по крайней мере, один ребенок. Когда брак базируется на праве покупки жены, оговаривается возвращение женою полученной за нее суммы в том случае, когда не явилось ребенка. У некоторых же дикарей брачное торжество совершается лишь после появления на свет первого ребенка. Половые сношения отличаются полною свободой на Борнео и в Бирме, но уже наступившая беременность равносильна брачному обязательству.

У человека нет специального периода течки, и брак имеет в этом смысле свое специальное значение, между тем как у животных, в интересах целесообразного приспособления, течка появляется с таким расчетом, чтобы потомство рождалось в самое богатое пищей время года. Но у человека половое возбуждение постоянно.

3. Древность установления брака

То обстоятельство, что высшим обезьянам свойственно рождение одного беспомощного детеныша, с дрящимся периодом детства, и положило основание браку. По Каутскому, дети первобытных людей принадлежали всему племени. Но этот взгляд ошибочен, и можно скорее предположить, что семья или собрание нескольких семей положили основу социальному сообществу. Семья у первобытного человека занимала наиболее важное место, составляя как мы ядро общества. Человекообразные обезьяны отделяли уже из себя семью, но племени у них еще нет. Питекантропос и ему подобные существа подчинялись, вероятно, этой же последовательности. Можно убедиться в том, что наиболее грубые дикари, недалеко ушедшие от плотоядных млекопитающих, стремятся жить изолированными семьями, а не племенами. Сюда относятся, между прочим, лесные ведды с о. Цейлона, племена Огненной Земли и западной Австралии, бушмены, эскимосы и дикие бразильские индейцы. Им при таких условиях легче находить пропитание. Пещерные люди, без сомнения, исходили из тех же соображений. Таким образом, можно предположить, что первобытные люди вели охотничью и семейную жизнь. Стадная жизнь мало-по-малу обуславливалась все развивающеюся изобретательностью, благодаря которой источники добывания пищи (капкан, земледелие) сделались более разнообразными и обильными. Таким образом, у человека социальная жизнь шла вслед за культурой, и нужно считать ошибочным мнение Леббока, который допускает существование племен еще до первых зачатков культуры. На основании строго проверенных доказательств, Вестермарк таким образом резюмирует этот вопрос:

1. Не было такого периода, когда семейная жизнь заменялась бы жизнью племени.
2. Брак унаследован нами от предков, которые подобны были нынешним человекообразным обезьянам.
3. Хотя отец не в такой степени и не столь продолжительно был связан с детьми, как мать, но он всегда брал на себя защиту семьи.

4. Критика теории промискуитета.

Некоторые социологи, и в том числе Леббок, Бахофен, Мак Леннан, Бастиан, Жиро Телон, Вилькенс и другие, были того мнения, что в первобытном состоянии человечества ему свойственен был промискуитет (беспорядочное смешение полов). Это мнение следует считать весьма ошибочным, особенно, если, по Вестермарку, под браком разуметь также и временный брак, полигамию и полиандрию, — ибо разнообразные беспорядочные половые общения,

упоминаемые вышеприведенными авторами, даже у наиболее распушенных туземцев Таити, сводятся к таким формам. Файзон, благодаря своей догматической теории применительно к южно-австралийцам, усложнил дело, причем он допускает наличность промискуитета у этого племени, хотя вместе с тем констатирует, что промискуитет в настоящее время у них уже не наблюдается. По Керру, более основательно изучившему эти племена, им свойственна моногамия. Выводы Бастиана, Вилькенса и др., касающиеся племен с Огненной Земли и других, отличаются такую же неправильностью. Общность жен вовсе не свойственна ни одному негритянскому племени Африки, мужчины же здесь, наоборот, отличаются ревностью. И вообще такого рода явление скорее имеет место не у первобытных племен, а у таких, которых так или иначе коснулась культура. Таким образом, не имеют никакого представления о чести и ревности мужчины буддийских бутиев. В моногамии живут дикие ведды. Их поговорка гласит: только смерть в состоянии отлучить жену от мужа.

Мы знаем лишь единственный и наиболее действительный вид промискуитета, под которым мы должны понимать проституцию культурных народов, часто насаждаемую ими, в интересах удовлетворения своего сладострастия, и в среде диких народностей. Из этих народностей многим свойственна безусловная моногамия, причем не только соблазнитель у них, но и внебрачное потомство вместе с матерями караются смертью. Нет возможности, однако, дать месту общему правилу, так как и некоторым народностям свойственна половая распущенность до брака, другим же — после него.

Но общим фактом безусловно следует считать то обстоятельство, что своею развращенностью дикие народности обязаны преимущественно культурным народам, самые испорченные представители которых устремляются в дикие страны и здесь прививают туземцам пороки и развращенность. Дикари усваивают основы грубейшей проституции лишь благодаря тому, что белые колонисты присваивают себе их жен. Ввоз спиртных напитков, деятельно способствующих насаждению разврата и расшатыванию нравственных основ, принадлежит также инициативе белых. У некоторых арабских племен практикуется такой вид проституции, эксплуатирующей европейские нравы, в силу которого их молодые девушки в европейских домах терпимости накапливают себе достаточно приличные средства, чтобы вернуться снова домой и здесь выйти замуж за соплеменника. Это можно наблюдать еще у некоторых других народов.

Замечательно, как на это указывает и Вестермарк, что количество внебрачных рождений и успехи проституции шли рука об руку с успехами цивилизации. При этом город сравнительно с деревней идет значительно дальше в этом смысле. Основываясь на этих, почти всюду наблюдаемых фактах, можно убедиться в том, насколько неправильно считать промискуитет примитивной формой. Скорее его должно рассматривать, как гнилой продукт цивилизации или полудивилизации. Несомненная целомудренность примитивных нравов почти всегда падала жертвой культуры. Рост проституции в Европе идет параллельно падению брака, который должно считать естественной и примитивной формой.

Но некоторым народам, как это подчеркивает и Вестермарк, свойственна свобода половых сношений как до, так и после брака. Но эти же народы, по Вестермарку, обыкновенно весьма осторожно выбирают, что обуславливает прочность связей. Вестермарк приводит, в качестве примера, тунгасов Индии, которым свойственна свобода полового общения до брака, обыкновенно и являющегося следствием этого общения. Но в то же время этот народ презирает проституцию. Однако, Вестермарк не прав, отождествляя промискуитет с проституцией, так как в понятие о последней входит и торговля собственным телом, что далеко не всегда свойственно промискуитету. Но всегда представляется возможным возражать против мнения о примитивном промискуитете у диких племен, так как, даже при наличности полной свободы в половом смысле у обоих полов, моногамическое предрасположение женщины и ревность обоих полов дает почти всегда брак в результате. Промискуитет, в чистой форме, мог бы иметь место в том случае, если бы он представлял собою род обязательства, принятого на себя по предварительному уговору, как, например, в колонии Онеида, в Нью-Йорке, где свободные половые сношения были вменены в обязанность всем участникам.

В Шотландии до эпохи реформации имел место обычай, носивший название «hand fasting», согласно которому молодому человеку предоставлялось выбирать себе на ярмарке

подругу на целый год. По истечении этого срока, оба снова становились свободными и, по желанию, могли соединиться в браке или расстаться. Леббок приводит также известные обычаи (служение фаллусу), господствовавшие в Греции и Индии и обязывавшие молодых девушек отдаваться каждому встречному. Здесь, однако, мы также имеем дело не с примитивными народностями, а с эротизмом культурных народов. У некоторых диких племен принято угощать гостей дочерьми или служанками, а иногда и собственными женами. Известно существование так называемого «*jus primaе noctis*» (право первой ночи), составляющего привилегию королей или жрецов, причем им принадлежало право полового общения с каждой новобрачной в первую же ночь после свадьбы и до того, как своими правами воспользовался муж. Мы здесь, разумеется, сталкиваемся лишь с варварскими обычаями, практиковавшимися также и европейскими дворянами и помещиками в эпоху крепостного права по отношению к крестьянству, но нельзя говорить в этом случае о промискуитете, как это кажется Леббоку, а лишь об осуществлении путем насилия прав наиболее сильного.

В некоторых странах уважением пользовались любовницы и наложницы, но и в этом нельзя еще видеть промискуитета. Теорию промискуитета пытался обосновать Морган ссылкой на некоторые слова из лексикона дикарей, но это было весьма ошибочно, так как неясности языка этих примитивных народностей легко ввели его в заблуждение. Констатированное им признание родства делает такого рода утверждение абсурдом. Бахофен еще в шестидесятых годах обнаружил, что в древности детям часто давались имена по материнской линии, и хотя это верно, быть может, для одной половины, но в другой половине (при этом у самых диких племен) преобладала отцовская линия. Материнское право (матриархат) дает основание Мак-Леннану предположить существование промискуитета, но и это далеко не обосновано. Достаточно прямого наблюдения, чтобы констатировать материнство, между тем, как для определения отцовства должно быть сделано заключение. Все народы, конечно, «открывали» участие отца в деторождении, причем некоторые склонны были его преувеличивать, считать сверхъестественным и т. д. У некоторых народов, согласно обычаю, отец ложился после рождения ребенка в постель и постился. Вестермарк дает более простое объяснение обозначению родства по материнской линии, которое сводится к более близким отношениям между потомством и матерью. При разрыве между отцом и матерью, дети, и особенно не выросшие еще, остаются при матери. Это само собою разумеется в случаях кратковременных браков с обменом жен и при полигамии; что же касается народов, живущих в моногамии, то названия даются по отцовской линии. Естественным должно считать названия по линии матери и в тех случаях, когда главенствует, согласно обычаю, дядя, причем женщина до тех пор остается в семье, пока у нее не родится ребенок. Если все потомство в семье японца состоит только из дочерей, то муж старшей дочери перенимает ее фамилию. Имя играет большую роль у дикарей. Если наследование звания и состояния идет по женской линии, то и дети наследуют фамилию матери. Здесь мы, невидимому, имеем дело с достаточно сложными взаимоотношениями.

По Г. Мэну, проституция вместе с промискуитетом обуславливает бесплодие и гибель. При полиандрии, отличающейся исключительной своеобразностью, как например, в Тибете, одна жена принадлежит нескольким братьям, из которых, однако дома живет только один. На Канарских островах пять веков тому назад каждая женщина имела троих мужей, причем каждому посвящала поочередно по одному месяцу. Тот же из этих мужей, чья очередь наступала в ближайший месяц, заботился о пропитании своей жены, а также и остальных двух мужей. Возникновение полиандрии объясняется недостатком в женщинах, причем по существу своему она противна самым первобытным народам.

Ревность мужчины имела место во все времена и у всех народов, что, в свою очередь, исключает возможность существования промискуитета. Лишь при отсутствии ревности допустима полиандрия, которая наглядно отражается на процветании племени и обуславливает ею вырождение и вымирание. И, наоборот, должно констатировать особенно интенсивную ревность у дикарей, которые лишают жизни изменницу вместе с ее возлюбленным, иногда откусывают ей в наказание нос и т. д. Требование целомудрия невесты также берет начало в ревности. На почве религиозных представлений (загробная жизнь) женщине, по смерти ее мужа, вменяется в обязанность последовать за ним или же отдать себя на всевозможные

истязания. В редких случаях допускается вторичный брак женщины, никем, однако, не одобряемый.

Не следует упускать из виду господствующего у дикарей взгляда на женщину, как на собственность мужа. Поэтому не должно называть промискуитетом тот случай, когда муж угощает своею женою гостя, ибо тут имеет место лишь своего рода дар гостеприимства или угощения. Такие народности совершенно иначе чувствуют, чем это свойственно нам.

Самые сильные (старшие) мужчины в ордах присваивали себе наиболее молодых и красивых женщин, не обнаруживая никакого желая делить их со слабейшими.

Столь же детским является предположение, что первобытные люди жили в промискуитете, на том основании, что им чужды были всякие индивидуальные отношения, причем они руководились лишь инстинктом и не имели представления о современном браке. Оранг-утанги, живущие в моногамии, не имеют понятия о современном браке, и инстинкты наиболее свойственны им, чем первобытному человеку. Но индивидуальные отношения и ревность составляют отличие всех высших животных, и тем более нет поэтому основания считать первобытного человека лишенным этих свойств.

Выдающийся этнолог, проф. О. Штоль, мой друг, вполне соглашается с Вестермарком во взгляде на учение о промискуитете.

Как видно, в данном случае идет лишь речь о тех или иных способах определения, причем мы видим, что Вестермак под браком понимает любовное общение, особенно взаимный обмен женами (см. «Продолжительность брака»), другие же принимают это за промискуитет, мы же, в свою очередь, присоединяемся к тому мнению, что во все эпохи человеческой культуры промискуитет и проституция сопутствовали браку. Мы смотрим на это, однако, отнюдь не как на первобытное состояние, но как на вторичное проявление вырождения, ибо все говорит именно за это, а не в пользу гипотезы о примитивном промискуитете.

5. Брак и безбрачие. Сватание.

В животном мире мы встречаем только у некоторых птиц по смерти супруга (у самки, и то редко) добровольное половое воздержание. У дикарей каждый индивидуум женится, для женщины же безбрачие или состояние вдовства уподобляется смерти. Неженатый или незамужняя заслуживают у них презрения, причем на них смотрят, как на колдуна или ведьму; дикарь совершенно не считает человека холостого мужчиной. Дикари, в зависимости от такого взгляда, значительно раньше вступают в брак, чем это принято у культурных народов, причем иногда даже раньше, чем можно было бы ожидать оплодотворения (гренландцы). У некоторых индийцев браки совершаются иногда на 9-м или 10-м году жизни мужчины, более же часто между 9-ю и 12-ю годами. Некоторые цивилизованные народы, также относятся нетерпимо к безбрачному состоянию, и поэтому венчают души людей, которые, умерши молодыми, не успели еще пожениться. У греков взималась известная плата с безбрачных, которые у римлян облагались значительным налогом. Безбрачие сопровождает периоды упадка нравов. У древних германцев не было безбрачия, хотя в брак вступали они довольно поздно.

Нередко недоступная покупная цена жены являлась причиной безбрачия, наблюдаемого у бедных людей, но при достаточном трудолюбии, каждый молодой человек приобретает себе жену. Как более редкое явление, можно видеть безбрачие в ранние эпохи развития человечества, в настоящее же время дикари, благодаря проституции и полигамии, лишаются своих женщин.

Условия цивилизации, особенно в культурных центрах, отнюдь не благоприятствуют совершению браков, причем брачный возраст здесь значительно выше. Женщин, однако, в Европе больше, чем мужчин. Количество браков у нас понижается, в зависимости от отсутствия средств и плохих заработков. А между тем для дикаря женщина с ее потомством представляют собою источник благосостояния, ибо являются трудолюбивым и в то же время нетребовательным элементом. Сюда в этом же смысле можно отнести и крестьян. Зато женщина буржуазной среды поглощает много средств, и дорого обходится воспитание потомства. В смысле отсрочивания брака действуют продолжительность образования,

профессиональная подготовка, воинская повинность, — и, стало-быть, безбрачие является как бы вынужденным в самый расцвет половых сил и половых инстинктивных запросов. Возраст вступающих в брак для обоих полов увеличивается пропорционально усилению культуры. Притягательная сила брака также теряет свою прелесть, благодаря утонченности наслаждений, а также извращенности, которые сопутствуют высокой культуре.

Помимо этого, культура, как указывает не без основания нью-йоркский журнал «The Nation», значительно повышает идеальные требования, вследствие чего усложняются запросы, затрудняется взаимное приспособление, и мужчине труднее становится найти для себя подходящую подругу жизни. Здесь нужно считаться с тем, что писатели не упускают случая представить в виде нормальных типов психопатов с извращенными чувствами и страстями, в то время как люди нормальные, но кажущиеся им скучными и прозаичными, оставляются ими без всякого внимания. Им не приходится, правда, долго искать образцов в нашем современном обществе, получающем соответствующее воспитание и действительно обильно представленном психопатами. Однако, этим последним не следует уделять исключительного внимания, так как не мало еще очень талантливых и культурных людей, вполне уравновешенных и могущих приспособиться в браке, при вполне нормальной требовательности. И все же вступление в брак значительно тормозится вышеупомянутыми идеальными требованиями, так что вопрос об уменьшении или увеличении количества браков в будущем Вестермарком вполне резонно оставляется открытым.

Половые отношения в представлении некоторых дикарей являются воплощением чего-то нечистого и возбуждающего стыдливость, и на этих основах и покоится религиозное безбрачие. Целомудренные девушки, как весталки у римлян, считались священными. Таким образом, святою и чистою считается мать Будды, который зачат сверхъестественно. Буддийскому монаху воспрещается иметь какие бы то ни было половые сношения, «даже с животными». Китайские священники безбрачны.

Представление о нечистоте брака было не чуждо и евреям, особенно ессеям, а это обстоятельство отразилось и на христианстве. Это мы видим, например, у Павла, который безбрачие ставил выше брака. Окончательное подавление чувственности в глазах отцов церкви считалось наивысшей и святою добродетелью, причем они полагали, что богом осуществлено было бы размножение людей, независимо от половых сношении, если бы не произошло грехопадения Адама. Такие люди были бы бессмертны. На земле все полно брака, на небесах же — девственного блаженства (Иеремия). На этих основах зиждется и безбрачие духовенства, которое, кроме того, повышает достоинство церкви, так как благодаря этому, исключаются какие бы то ни было семейные интересы в жизненном обиходе священника.

Вестермарк склонен приписывать представление о нечистоте полового общения инстинктивному отвращению к половым сношениям между представителями одной и той же семьи. Вне пределов семьи половое общение носит характер нечистоты, посягающей на справедливость и впоследствии переносимой на брак за пределами семьи. Это представление не является всеобщим. Объяснение Вестермарка здесь меня не удовлетворяет. Одежда, вслед за ревностью, сделала то, что половые сношения у человека стали тайными, между четырех глаз. Людям же свойственно видеть во всем тайном обязательно элемент греховности и нечистоты. Я думаю, что в этом и следует искать наиболее естественное объяснение вышеприведенному обстоятельству.

Самец является активной стороной, равно как и у человека, а стало-быть, и добывающейся. Но все же существуют народы (парагвайцы, мокисы, гаросы), у которых предложение исходит со стороны женщины. Общеизвестны столкновения самцов за обладание самкой (олени, петухи и друг.). Наблюдается род единоборства у индийцев, причем побежденный награждает победителя своей женой. Такой же характер носили и состязания за обладание женщиной у греков (женихи Пенелопы). Еще в минувшем столетии то же можно было наблюдать и у ирландцев. Самка у дикарей и у птиц, вместе с тем, любит, чтобы ее домогались не путем состязания, а ухаживанием. Имеют место, наоборот, и состязания женщин у некоторых диких племен из-за обладания мужчиной. Но все же разнообразное проявление кокетства составляет обыденную форму женского домогания.

Женщина в большинстве случаев, по крайней мере, один раз отклоняет домогательство

мужчины. Впрочем, мы отсылаем к главе IV, 3 — Флирт.

6. Средства для привлечения.

Тщеславие издревле свойственно людям. Самые дикие и грубые народности питают слабость к нарядам. Привлекающими средствами у них служит татуировка, кольца, продетые в губы, нос и уши, браслеты на руках и ногах, разрисовывание и проч. Сантальская женщина имеет иногда на себе до 30 фунтов украшений. В целях украшения, не останавливаются перед такими бессмысленными поступками, как выбивание себе зубов. Здесь играют роль и религиозные соображения, которые должно считать на втором плане, так как половое стремление нравиться, равно как и тщеславие, являются здесь основной причиной. В стремлении нравиться следует искать и привычку одеваться, наряжаться в тех странах, где условия климатические этого не требуют. Религиозные обычаи обязаны были здесь своим возникновением половому инстинкту, и лишь впоследствии, на почве мистицизма, объединились собственно с религией.

Татуировка может быть не только безобразной, но и довольно художественной. Мужчины диких племен, как замечено, отличаются большим кокетством и более сильной страстью к нарядам, чем их женщины. Здесь прибитое положение женщины не является причиной, так как раскрашивание и татуировка менее свойственны более свободным женщинам этих племен, чем тем из них, которые исполняют обязанности рабынь. Объяснение можно найти в том, что у дикарей мужчине больше угрожает риск остаться безбрачным, чем женщине, вследствие чего он и изыскивает способы нравиться. Наряды мужа больше занимают женщину у дикарей, чем их собственные, причем мужчина старается считаться со вкусом женщины. Украшением дикаря большей частью являются военные трофеи. Обратное наблюдается у культурных народов, где свобода выбора гораздо шире предоставлена мужчине и где много женщин остается за бортом. Поэтому меры привлечения изыскиваются здесь уже женщинами, украшающими себя, чтобы иметь наибольшее количество шансов понравиться.

В чем искать причину стыдливости у человека, применительно к половым органам? Животным это совершенно не свойственно. По утверждению психолога Бунда, стыдливость составляет отличительный признак человеческого рода. Однако, это не подтверждается, так как многие народы этого чувства вовсе не знают, причем иные закрывают другие части тела, оставляя половые органы открытыми, у иных же народностей мужчины или женщины ходят совершенно голыми. Появление одежды следует приписать желанию нравиться или же изысканию защиты от холода. У племени массаев мужчины стыдятся прикрывать свой penis, а показывание его считают даже приличным. Стыдливости также не следует приписывать употребление поясов и других аналогичных принадлежностей одежды женщиной-дикаркой, так как и здесь имеются лишь в виду средства для украшения и привлечения. Вполне естественной и не обуславливающей ни эротизма ни чувства стыда является нагота в тех местностях, где все ходят голыми; наряжение же половых частей, как у мужчин, так и у женщин, служило лишь интересам привлечения. Должно признать, что коротенькие просвечивающие юбочки балерин более непристойны, чем нагота дикарки. Покров, по меткому выражению одного естествоиспытателя, вызывает больше соблазна, чем обнажение. Сноу утверждает, что чувственность меньше возбуждается от общения с голыми дикарями, чем в обществе наших полуодетых светских дам. Рид заявляет, что «нагота является наиболее нравственной и всего менее возбуждающей страсть». Конечно, если мы имеем дело уже с нею, как с обычаем.

Делались попытки, при посредстве благочестивых людей внушить дикарям стыдливость, приучив их также и к ношению одежды, но результаты получились совершенно обратные, так как с точки зрения дикаря безнравственно и бесстыдно закрывать половые органы. У одной дикой девушки Уоллес видел юбку, которую ее обладательница так же стыдилась одевать при других, как стыдится наша женщина разоблачаться в присутствии посторонних.

Как только укоренилась привычка к одежде, возбуждающе начинает действовать нагота, и одновременно с обычаем одеваться возникает чувство стыдливости, особенно свойственное пожилой женщине. В этом случае не только больше практиковавшаяся привычка, но и сознание

увядших прелестей толкает скрывать свое тело от постороннего взора; здесь можно, впрочем, видеть и следы инстинктивного женского чувства эстетики.

Во время оргий, пиров и празднеств, которые устраиваются дикарями, они иногда натягивают на себя предметы одежды, чаще закрывают передниками половые части, что имеет целью, главным образом, возбуждение мужчин. И если мужчина-дикарь признает еще некоторое слабое подобие одежды, то дикая женщина в подавляющем большинстве случаев ходит совершенно нагою.

Но с течением времени все тело стали закрывать одеждой, и обнаженное тело, наоборот, стало действовать возбуждающе. Обнажение приняло характер бесстыдства, что мы и замечаем, например, у китайцев, никогда не обнажающих своих ног, у магометанок, не открывающих лица, и друг. Есть дикари, которым стыдно показывать даже кончики пальцев.

Обрезание у евреев (отрезание у мальчиков крайней плоти), а также у полинезийцев, австралийцев и др., искусственное вытягивание срамных губ, практикуемое готтентотками, малайками и дикарями Северной Америки, — во всем этом Вестермарк видит способы для возбуждения противоположного пола, для привлечения и раздражения его полового инстинкта. Со временем это вошло уже в религиозный обычай, а практические евреи воспользовались применением обрезания в интересах чисто гигиенических.

Таким образом, всякое уклонение от обычая служит причиной для возбуждения стыдливости, — причем такое объяснение годится не только для специально полового, а и для всякого другого стыда. Поступки товарищей, брата или сестры являются для ребенка образцовыми, и ему стыдно делать иначе. Но для всякого стыда и всякой стыдливости какого угодно происхождения имеются свои определенные объекты. Можно было наблюдать искренний хохот дикарок, которым они встречали голых спутников Ливингстона, когда последние отворачивались из чувства стыда. Непривычное нарушение какого-либо укрепившегося обычая и обуславливает, таким образом, чувство стыда. Поэтому непривычное, из ряда вон выходящее, поведение одного пола (особенно женщин) и служит причиной возбуждения в другом полового вожделения.

7. Свобода выбора.

Женщины у дикарей часто лишены права распоряжаться собою по своему усмотрению, хотя это наблюдается не у всех. Не должно удивлять такое положение вещей, если принять в соображение, что женщина является предметом купли-продажи. Эскимосы уже при самом рождении девочки предназначают ее для какого-нибудь мальчика, бушмены же и ашантии оказываются в этом случае еще предусмотрительнее и обручают дитя еще в утробе матери на тот случай, что может родиться девочка. Воля матери и родственников с ее стороны в обручении девушки является решающей.

В некоторых случаях требуется уже и согласие женщины при решении вопроса о браке, так как в противном случае брак может считаться недействительным. Это наблюдается преимущественно у племен Америки, причем жена исчезает со своим любовником, муж же теряет ее навсегда. У некоторых народов такое похищение мало-по-малу вошло в узаконенный обычай. Когда я путешествовал по Болгарии в 1891 году, мой спутник-болгарин говорил мне, что у них крестьянин выплачивает отцу невесты от 200 до 300 франков. Если же отец слишком запрашивает, то невеста умыкается и лишается невинности, благодаря чему брак беспрепятственно уже совершается, причем отцу ничего не достается. Есть народы, у которых женщине предоставлено самой выбирать себе из ряда мужчин жениха, и желание ее исполняется беспрекословно. Этот обычай имеет место у минагасского племени с о. Целебеса. При этом жениху вменяется в обязанность внести сумму лишь в половинном размере. Брак у туарегов и других носит те же следы.

Вестермарк резюмирует, основываясь на вышеизложенном, что женщины в примитивном состоянии человечества располагали большей свободой выбора, чем впоследствии, причем брак по покупке представлял собою более позднюю промежуточную стадию. С осложнением жизни и приобретением женским трудом большей ценности, стала производиться продажа

отцами своих дочерей. В настоящее время происходит аналогичная продажа дикарями своих жен белым для проституции. Но в то отдаленное время, когда не было еще никакого намека на культуру, когда не было ни денег, ни труда в том значении, какое мы теперь ему придаем, когда каждый индивидуум содержал себя лишь одной борьбой — отец не имел основания, ни даже возможности отдавать свою лочь в невольницы за вознаграждение, как аналогично не сделает этого, например, в настоящее время оранг-утанг или горилла. Похищение или такого рода брак, когда женщины против их собственной воли становились женами, как захваченные в плен на войне, ничего общего не имеет с умыканием, или таким браком, который заключался с одобрения девушки.

У дикарей безраздельно принадлежат отцу также и мальчики, причем он может их не только продавать, но даже и убивать. Но возмужалость сына сводит это право на-нет, и юноше предоставляется свободный выбор жены, независимо от участия родителей. У многих патриархальных народов (индийцев, азиатов) отцу принадлежит все имущество и вся огромная власть, возрастающая вместе с почетом, тем более, чем старше становится этот глава семьи. Дети и внуки с их женами и всем потомством едят за общим столом и пр., причем брак любого из его потомков совершается не иначе, как с одобрения главы семьи. На этой почве и проявляется весьма дурное и развращающее влияние патриархата, так как патриархат обыкновенно применяет свою власть лишь в угоду своим собственным интересам, предоставляя своих старых жен в распоряжение своих детей и отнимая молодых у последних для себя. Так, японская девушка, независимо от ее нравственной чистоты, беспрекословно, по приказанию своего отца, отправляется в публичный дом, чтобы на всю жизнь остаться там проституткой. Такой патриарх распоряжается жизнью и смертью своего потомства (также и мужского). В этом следует искать и возникновение культа предков. В настоящее время в России мы сталкиваемся с таким же безнравственными последствиями, где в крестьянстве в подавляющем большинстве случаев свекор находится в половом общении со своими снохами. Таким образом, глава семьи при патриархате, принимая чуть ли не божественные поклонения, делается суровым тираном ее. В романских странах на этой почве еще по настоящее время господствует закон, в силу которого мужчина или женщина, даже достигшие уже 30-летнего возраста, должны все-таки формально заручиться разрешением отца на вступление в брак. В интересах осуществления своего желания, они посылают отцу так называемое «*sommations respectueuses*».

Таким образом, во всем, что касается свободы выбора, наиболее примитивные народы в большей или меньшей степени приближаются к господствующим в настоящее время у нас взглядам. Их от нас отделяло варварское заблуждение, длившееся довольно долго и заключавшееся как в браке при помощи покупки, так и в патриархальной автократии. Переходная стадия культуры насчитывает не мало подобного рода заблуждений. Мы упомянем здесь из них лишь пытку, систему рабства, а также употребление наркотических средств и особенно алкоголя, ставшее в настоящее время всеобщим.

8. Половой подбор.

Здесь мы имеем в виду взаимный выбор друг друга самцов и самок, в интересах совершения полового акта. У позвоночных животных выбирает чаще самка, так как самец обнаруживает склонность спариваться почти с любой из самок, что нельзя сказать о самке. Это же можно предположить и у примитивных людей, в тот отдаленный период, когда им свойственна еще была течка, ибо половой инстинкт отличался тогда значительно большей интенсивностью. Но и в настоящее время, в среднем, наша женщина отличается большей разборчивостью и строгостью, чем мужчина. При гибридизации уже самец был той активной стороной, которая восстала против инстинкта вида. Рабыням свойственно часто покидать своих свободных мужей, но рабы почти никогда не оставляют своих свободных жен. Разборчивость женщины можно проследить и у всех диких племен. У метисов чаще отец принадлежит к высшей расе, чем мать, так как белая женщина очень редко сочетается браком с негром. И у нас девушка образованная не выйдет замуж за необразованного человека, между тем как обратное

весьма часто наблюдается.

У дикарей симпатиями женщины пользуется наиболее сильный, наиболее ловкий, пылкий и предприимчивый мужчина. «Герои» всегда властвуют в сердцах женщин, которые готовы отдать им свою судьбу. У некоторых диких племен на о. Борнео наивысшим идеалом для женщины является мужчина, сразивший максимальное количество врагов и собравший наибольшее количество их голов. Естественный подбор в такого рода чертах находит себе вполне оправдание, так как получаются потомки наиболее сильные и наиболее способные к защите.

На мужчину также впечатление производит женщина здоровая, стройная. Греческое искусство с образами Эроса и Афродиты и обязано этому здоровому представлению, так как прообраз этой богини олицетворял собою и любовь, и красоту.

Представление о красоте весьма относительно. Наши длинные носы возбуждают смех в австралийце, а индо-китаец сравнивает наши белые зубы с зубами собаки, а розовые щеки с цветами картофеля. Женщины одного дикого племени перетягивают ноги под коленами, чтобы придать им вид одутловато-распухших. Это, по их мнению, очень красиво. Изуродованные ноги и выдающиеся скулы приводят в восхищение китайца. Понятие о красоте у каждой расы отвечает идеальному типу этой расы для каждого пола. Обобщая, можно сказать, что для мужчины мускулы характеризуют красоту, для женщины же — полнота, чем и объясняется пристрастие некоторых к толстым и тучным женщинам. Уродливо-отвислые груди готтенток, закидываемые ими на спину во время кормления, а также их искусственно-растянутые срамные губы составляют идеал красоты для готтентота.

Можно поэтому собрать весьма незначительное количество общих признаков красоты, причем на первом плане будут идеальный тип расы и здоровье, как для одного, так и для другого пола, а также для женщины — полнота и гибкость, для мужчины же — сила и ловкость. Что же касается всего остального, то оно колеблется в разнообразных пределах и обуславливается расой, местными обычаями, взглядами и пр. Таким образом, местная точка зрения создает оценку тому или иному виду татуировки, бороды и волос, своеобразно видоизмененным носам, черепу, ногам и т. д. Расовые особенности при этом становятся объектом культа. Таким образом, грудь красавицы у европейца сравнивается с белым снегом, а у темножелтого малайца — с золотом. Туземцы с Короманделя своих богов и детей изображают черными, а чертей, наоборот, белыми.

Взаимоотношение между половой любовью и красотой не базируется на эстетике, представляющей собою бескорыстное чувство, между тем как половая любовь отличается своекорыстностью, в качестве примитивного инстинкта. Мы можем здесь скорее видеть инстинктивное требование здоровья при половой любви, хотя обнаруживаем много заблуждений в нравах. Мы объясняем инстинктивное стремление к расовому идеальному типу тем обстоятельством, что те или иные от него отклонения носят характер патологический, вследствие чего половой подбор старается отделаться от них.

Дикари также не свободны от власти моды, которая, однако, не столь изменчива у них, как это имеет место у нас, и во всяком случае, те или иные видоизменения их нарядов находятся в тесной зависимости от их обычаев и нравов.

Расовый тип находится под большим влиянием и климата, причем мы можем наблюдать соответствие расы данному климату. Таким образом, кожа европейца под тропиками темнеет, между тем как у негра и индийца кожа на севере светлеет. Здесь, на цветах, несомненно влияние индивидуальной и наследственной энграфии, что особенно подтверждается опытами д-ра Каммерера на биологической испытательной станции в Вене.

9. Закон подобия. Помеси.

Каждому виду свойственно такое же инстинктивное отвращение к спариванию с другим видом, как и к яду. Поэтому очень редки естественные помеси, и только у растений и домашних животных их можно наблюдать значительно чаще. На плодовитости, без сомнения, отражается спаривание помесей в смысле ее уменьшения. (Р. Земон в «Die Mneme» весьма правильно видит

причину бесплодия помесей в том смятении, которое обуславливается чрезвычайным количеством всевозможных наследственных энграмм в гармонии индивидуальной мнемы. Если же разновидность производителей не очень велика, то восстановление гармонии не представляется столь затруднительным, причем различия могут действовать весьма возбуждающе на развитие).

В связи с этим инстинкт к такого рода бесплодным спариваниям постепенно исчезает. Вслед за инстинктами идут обыкновенно и моральные представления, и, таким образом, впоследствии стали смотреть на содомию (спаривание с животными), как на преступный поступок. Это извращение может явиться или следствием изолированности какого-либо пола, или же носит характер патологический. Но и между различными расами и разными животными существует в этом смысле антипатия, как это наблюдается, например, у разных пород овец и лошадей, у белых и негров или индийцев и т. д. Америке свойственны помеси в большом количестве, а в Мексике к ним принадлежат почти две трети всего населения.

По утверждению Брока, весьма незначительную плодовитость дают человеческие помеси, получившиеся от скрещивания весьма отдаленных рас (например, между англичанами и неграми или австралийцами). Вестермарк не соглашается с общим мнением, хотя, в свою очередь, признает, что на протяжении нескольких поколений возможно ослабление таких смешанных рас. Малой плодовитостью, как это установлено, отличаются, в среднем, и браки между евреями и европейцами. Все это подлежит еще выяснению. Следует, однако, констатировать, что мулаты, являющиеся помесью негров с белыми, вырождаются, нежизнеспособны, в особенности, если они не возвращаются, снова к какой-нибудь из своих первоначальных рас. Но метисы или ладино, являющиеся помесью индийцев с белыми в Центральной и Южной Америке, отличаются, очевидно, жизнеспособностью, хотя качественный уровень их невысок.

10. Запрещение брака между родственниками.

Отвращение к половому общению между близкими родственниками, за редкими изъятиями, свойственно почти всем народам и носит название «кровосмешения». Половая связь между матерью и сыном является в этом случае особенно отвратительной. Но половая связь между родителями и детьми, а также между братьями и сестрами имеет место у племени каниагмутов, тиннегов и чиненов. Брак между братьями и сестрами наблюдается и у других народов, но всюду большей частью порицается. Ведды находят вполне естественным брак между старшим братом и младшей сестрой, но не признают, наоборот, брака между младшим братом и старшей сестрой, а также между племянником и тетей. Это, впрочем, объясняется тем, что брак между молодым мужчиной и старой женщиной, с их точки зрения, ненормален. Браки между братьями и сестрами, не единоутробными, имели место у персов, египтян, сирийцев, афинян и древних евреев, но браки между дядями и племянницами (реже между тетками и племянниками) в одних случаях разрешались, а в других возбранялись. Исключая Испанию и Россию, во всей Европе разрешаются браки между двоюродными. Встречаются дикари, у которых браки между родственниками не разрешаются до третьей степени. Иногда воспрещаются браки между членами одного племени (клана), в родстве между собою и вовсе не состоящими. Такой порядок носит название экзогамного брака и наблюдается у австралийцев, допускающих браки только между отдаленными кланами. Мы об этом еще будем говорить. Констатируем, таким образом, что преобладающий контингент диких племен еще шире, чем мы смотрим на кровосмешение. Чем объяснить это?

Этот вопрос послужил причиной многочисленных споров, причем раньше утверждали, что брак между родственниками нарушает божий завет, противен врожденной стыдливости, вносит путаницу в представление о родстве и т. д. В настоящее время стараются найти в этом вред для потомства. Но из народоведения мы убеждаемся в совершенной необоснованности этих мнений.

Мак-Леннан, с другой стороны, доказал, что многим народам, вместо экзогамии, свойственна, наоборот, эндогамия, в силу которой запрещается брак с представителями чужих

племен.

Спенсер вместе с Мак-Леннаном изыскивали всевозможные способы для объяснения этого обстоятельства. Но Вестермарк, я думаю, и здесь попал в самую точку, ссылаясь на следующие факты.

Мы видели уже, что все необычное возбуждает, а обычное притупляет у мужчины половое стремление. В этом смысле отталкивающе действует между мужчиной и женщиной не близкое их родство, а совместная жизнь в продолжение целого ряда лет. Можно на этом же основании наблюдать отсутствие полового стремления между приемными братьями и сестрой, а иногда между близкими друзьями детства. Но, с другой стороны, братья и сестры, а также и другие близкие родственники, жившие по каким-либо причинам далеко и изолированно один от другого, при встрече могут сильно влюбиться друг в друга. Нельзя поэтому говорить о врожденной антипатии к половому общению между родственниками потому только, что они находятся в родстве, а следует искать простое объяснение в том, что такие мужчины и женщины с ранних лет живут под одной кровлей, особенно же кровные родственники. Отсюда мы можем вывести объяснение и для экзогамии, считаясь с тем, что члены одного и того же клана всегда соприкасаются между собою. Мы, на самом деле, замечаем наиболее суровые законы, направленные против кровосмешения, у тех родов, которые отличаются малочисленностью, не превосходящей 30 — 50 человек. При большей же обособленности этих семей, такого рода запретов не наблюдается. Что касается эндогамии, то у маоров, например, признающих эндогамию, имеются свои соображения имущественного свойства, в силу которых брак между родственниками является желательным, причем деревни их находятся далеко друг от друга.

Эндогамия и родственные браки, стало-быть, будут иметь место там, где отсутствует родовой быт и нет знакомства между родственниками или, по крайней мере, имеется весьма малое общение. В зависимости от совместной жизни таких родственных элементов, возникло запрещение брака не только между родственниками, но и между членами рода. В этом же следует видеть причину запрещения брака и между свояками, приемными братьями и сестрами и т. д. Эндогамии не наблюдается у народов, общественная жизнь которых вылилась в мелкие и тесные общины.

Нужно видеть натуральную причину кровосмешения между живущими вместе родственниками, главным образом, в недостатке женщин в семьях, жизнь которых носит замкнутый и уединенный характер. Его можно наблюдать, равно как и содомию, у пастухов в изолированных альпийских местностях, а также у психопатологически выродившихся людей, но в данном случае оно должно быть рассматриваемо как результат психопатологических стремлений и представлений.

Спаривание между близкими родственниками у таких животных, которые живут в одиночку и семьи которых быстро расчлняются (кошки), происходит очень часто.

Каков же взгляд на это в общем со стороны естественно-исторической науки? Однородность вида производителей, как мы в этом убедились, является необходимым условием производства хорошего потомства, — это подтверждается ничтожной жизнеспособностью и совершенным бесплодием таких помесей, которые обязаны своим происхождением скрещиванию отдаленных рас или подвидов. Но и продолжительное скрещивание между родственниками имеет также свои неблагоприятные последствия. При родственном скрещивании, продолжающемся целый ряд поколений, число мертворождений может возрасти до 25%, между тем как обычно оно не превышает 8%. Вредные последствия родственного скрещивания можно приписать также накоплению в потомстве патологических недостатков. Но Вестермарк признает, что чрезвычайно трудно проследить действительный вред скрещивания между родственниками у человека (кровосмешение). Это и понятно, ибо родственное скрещивание у животных, вред которого мы доказали, продолжается целый ряд поколений и имеет место между родителями, детьми, братьями и сестрами, — у людей же этого не может быть. Можно целый ряд годов размножать как животных, так и растения с помощью самооплодотворения, причем никаких вредных результатов не последует. Кровосмешение в наиболее резкой форме свойственно было персам и египтянам, на которых, это, однако, почти не отражалось. По отзывам скотоводов, достаточно одной только капли неродственной крови,

чтобы устранить вредные последствия кровосмешения, у людей же таких капель всегда найдется достаточно, при каком угодно сильном кровосмешении. Птоломеи всегда брали в жены сестер, племянниц или двоюродных сестер, но это нисколько не отражалось ни на их долговечности, ни плодovitости. Родственное скрещивание свойственно цейлонским веддам и в довольно значительной степени, причем они не выделяют из своей среды большого количества душевно-больных, но отличаются малорослостью, слабой плодovitостью и склонностью к вымиранию.

Возможность браков между двоюродными очень усердно обсуждалась в Европе, причем принимались все меры, чтобы доказать их вредную сторону. Но если отнестись к этому вопросу без предубеждения, то можно видеть, что лишь продолжительное родственное скрещивание дает отрицательные результаты, так как происходит скопление различных патологических пороков, свойственных данной фамилии, как душевные болезни, болезнь крови и т. д. Однако, такие же последствия обнаружит и брак между душевно-больными, сифилитиками и проч., хотя бы они принадлежали к семьям, ничего общего друг с другом не имеющим. Здесь, таким образом, не родственное скрещивание, обыкновенно редко встречающееся у людей, служит источником зла, а лишь продолжающееся размножение патологических зародышей. Статистика применительно к душевным болезням и показала, что браки между двоюродными ни в каком случае не обуславливают увеличения рождения душевно-больных.

Вестермарк все же, очевидно, считаясь с господствующим мнением, допускает в определенных размерах наличность инстинктивного отвращения к браку между близкими родственниками. Можно было бы присоединиться к его мнению, если бы нашему обществу действительно свойственно было такое родственное скрещивание, какое наблюдается у некоторых животных. Ибо упорное и долго длящееся родственное скрещивание и дает вредные для вида результаты. Но у нас, наоборот, есть основание утверждать что встречающиеся браки между родственниками являются исключением, и в этом смысле, не представляя никакой равно опасности, должны быть рассматриваемы лишь как пережиток предрассудка. Должно скорее принимать меры против рождения детей субъектами патологическими и против бластофтории. Следует считаться с тем, что действительные формы кровосмешения, в виде полового общения между родителями и детьми или братом и сестрой, имеет место лишь у выродившихся психопатов. Происходит, таким образом, смешение причины (душевной аномальности) со следствием.

Вестермарком же указывается еще один пример, могущий считаться типичным. Жители общины Батс (3300 душ) заключают браки только между собою уже бесконечное количество лет. А между тем у них не замечается никаких симптомов вырождения или ухудшения их здоровья.

Мы видели уже инстинктивно привлекательное действие противоположностей в любви, и обратное влияние слишком большого сходства. По словам Бернардена де Сен-Пьер, «любовь есть продукт противоположностей, обилие которых усиливает ее». По Шопенгауэру же: «один пол имеет обыкновение требовать от другого такого одностороннего свойства, которое противоположно его собственным свойствам; таким образом, мужчина наиболее мужественный будет, в свою очередь, искать себе наиболее женственную женщину, в то время как слабый и малорослый ищет соединиться с пышно развитой и представительной женщиной; курносые питают слабость к длинноносым; высокие и худощавые прельщаются крепкосложенной женщиной, — и все эти обстоятельства обуславливают наибольшую плодovitость». Если считаться с наличностью такого рода инстинкта, то родственное скрещивание будет исчезать само собою, так как каждому полу свойственно инстинктивное стремление к противоположностям, ослабляемым родственным скрещиванием.

11. Чувство и расчет в половом подборе.

Половая любовь возбуждается под влиянием молодости, красоты, здоровья, наряда и флирта. Однако здесь играют роль еще и второстепенные чувства, как, например, поклонение, радость обладания, уважение, сострадание, самоудовлетворение и пр. Достаточно важным, но,

разумеется, не необходимым условием в половой связи является привязанность. Любовь к детям на низших ступенях человеческого развития, как это обнаружено, более интенсивна, чем сама половая любовь. Можно даже констатировать совершенное отсутствие любви между мужчиной и женщиной у некоторых диких народов, причем здесь имеет место лишь взаимный договор, имеющий конечную целью получение потомства рядом с удовлетворением животного полового стремления. Но одновременно у этих же народов наблюдается исключительная нежность родителей по отношению к потомству. В то время как мужу предоставляется наказывать жену, последней физическое наказание ребенка вменяется в преступление. Индейцы Сев. Америки, например, не имеют никакого представления о любви к женщине, в то время как другим народам, наоборот, свойственна самоотверженная и нежная любовь, обуславливающая нередко самоубийство мужа, тоскующего после смерти любимой жены (туареги, ниам-ниам, обитатели Новой Каледонии и Тонга). Время и долгое супружеское единение действуют укрепляюще на любовь, которая находит также пищу в общей привязанности к потомству.

Культура содействовала усилению взаимной привязанности между супругами точно так же, как благоприятствовала и возникновению альтруизма. Деликатность и тонкость любви, практикуемая современными нам высококультурными народами, совершенно неизвестны были не только большинству диких первобытных народов, но даже и многим древним культурным нациям. Наказывание жены в Китае представляет собою одно из условий хорошего тона, и только бедняку приходится деликатничать со своею женою, из опасения, что ему придется тратиться на приобретение другой. В представлении араба любовь вполне отождествляется с половым влечением, и греки недалеко ушли от такого же воззрения. Благодаря влиянию культуры, в цивилизованной Европе все больше достигается уравнивание прав женщины, причем естественно видоизменяются и отношения мужа к жене, на которую он смотрит уже не как на рабыню, а как на спутницу жизни. Симпатия создается и зиждется на общих интересах и воззрениях, чувствах, культуре, содействующих укреплению привязанности. Одновременно происходит возникновение и противодействие, так как противоположности обуславливаются любовью, но здесь исключается такого рода противоположность, которая не уживается с чувством симпатии. Привязанность не может быть очень сильной при слишком заметной разнице в возрасте, ибо интересы и стремления неизбежно в этом случае не будут совпадать. Любовь находит себе пищу также в одинаковом уровне образования и социального положения. Почти всегда можно проследить лишь чувственный характер любви человека высшего круга к девушке, например, крестьянского происхождения или же, наоборот, человека из народа к даме более или менее высокопоставленной. Браки с представителями иной расы или религии также в большинстве случаев избегаются.

Нет основания, как это раньше принято было думать, видеть безусловные противоположности эндогамии и экзогамии. У народов, живущих в экзогамии, всегда имеется определенный предел, дальше которого идти нельзя, ибо брак с другою расою встречает и у них нередко запрет. Инстинкт этнической обособленности в таких размерах свойственен, например, арабам, что бедуинка, с легким сердцем отдающаяся за вознаграждение турку или европейцу, считала бы для себя сочетание законным браком с тем или другим — позором на всю жизнь. В среде одного и того же народа может возникнуть кастовая или классовая эндогамия, как это мы видим, например, в сословии дворян. В Риме патриций не имел права сочетаться браком с плебейкой. Религиозная эндогамия свойственна евреям.

Дети укрепляют брак. В Швейцарии на бездетные браки приходится около двух пятых всего количества разводов, между тем как на общее количество браков здесь насчитывается лишь одна пятая часть браков бездетных.

При заключении брака расчет может смертельно подействовать на силу чувства. Мы живем под знаком мамоны, и в зависимости от этого при вступлении в брак, в интересах чисто материальных, совершенно не считаемся или считаемся весьма поверхностно с силою, красотой, трудоспособностью, талантом и даже здоровьем. Это весьма прискорбное явление представляет собою лишь новое издание брака по покупке, — только в ином, скрытом виде.

12. Умыкание и брак по покупке.

В различных частях света происходило умыкание жен, повидимому, имевшее раньше наибольшее распространение, о чем можно судить по сохранившимся об-рядностям в брачной церемонии. Похищению могли подвергаться и женщины одного и того же племени, но чаще они покупались.

Одной из подробностей брачной церемонии является представляемое искусственно умыкание жен, которые мы можем наблюдать у некоторых индийских племен; при этом невеста, согласно обычаю, должна оказывать сопротивление. Спенсер полагает, что умыкание зиждется на притворной или же действительной склонности женщины обнаруживать недоступность, а Мак-Леннан видит в этом проявление экзогамии. Однако, умыкание свойственно и народам, живущим в эндогамии. По Вестермарку, умыкание находит себе оправдание в том естественном отвращении, которое испытывается по отношению к перекрестным бракам в одном и том же ограниченном кругу. Дикарь, не имеющий выкупа, не может достать себе жены, в то же время он испытывает инстинктивное отвращение к женщинам, с которыми встречался с детства, на почве предубеждения против родственного брака, усиливаемого враждою к какому-нибудь соседнему племени. И он решается похитить женщину. Но ни в какую эпоху умыкание не представляло собою всеобщего распространения, и браки являлись, главным образом, продуктом взаимного соглашения.

Покупка шла вслед за умыканием, являясь следующей переходною ступенью, как следствие расширившейся меновой торговли и введенных ею меновых знаков. Началось с обменных браков (обмен женщины на сестру или дочь), как это имеет место, например, в Австралии. Вслед за этим отец невесты получал выкуп физической работой, которую могли исполнять несколько претендентов. Цена невесты зависела от ее красоты, здоровья и общественного положения (родовитости). Цена девственности была, обыкновенно, выше, чем вдовы или нецеломудренной девушки. Соответственно оценивалась и работоспособность приобретаемой женщины. Цена жены в Британской Колумбии колебалась между 20 и 40 фунтами стерлингов, а в Орегоне женщина могла быть выменена на попону, кожаное платье и проч. Кафры за женщину давали от 5 до 30 коров, в зависимости от ее достоинства. При отдаче даром женщины, родители ее имели право на ее потомство. Только у низших рас в настоящее время практикуется покупка и обмен женщин, но это было свойственно и цивилизованным народам, причем пережитки еще и у нас сохранили свое отражение.

Однако, не следует считать умыкание и покупку женщины явлением, имевшим когда-либо всеобщее распространение. В Индии и Африке немало таких народов, как, например, индийские падамы, которые покупку невесты считают позорной.

Но нужно иметь в виду то обстоятельство, что в брачных церемониях, когда брак совершался по покупке, сохраняется символически прежняя форма брака, в виде умыкания, точно также, как и в дальнейшем развитии брака, когда покупка жены заменилась другими, высшими формами, в тех свадебных церемониях, сопровождающих брак, сохраняется, однако, воспоминание о том периоде, когда жена служила предметом покупки.

13. Нисхождение брака по покупке. Приданое.

Положение женщины начинает улучшаться, в зависимости от роста культуры и вместе с ней усилия альтруизма. В Индии, Китае, Греции, Риме, Германии условия культурного развития свели на-нет обычай покупки жен. Взамен умыкания женщины, на сцену выступили свадебные подарки невесте, замененные впоследствии, наоборот, даром, преподносимым ею жениху. Этот переход на первых порах маскировался обычаем, в силу которого жених делал подарки родителям невесты, к которой, однако, эти подарки и должны были обязательно перейти. Таким образом, возвращалась жениху у некоторых народов и та плата, которую он внес за невесту, причем этот обычай, вероятно, впоследствии и послужил основанием для практикующейся системы приданого.

Согласно римским обычаям, приданое всецело принадлежало мужу. Наше брачное право покоится на таких же основаниях, и муж имеет право распоряжаться имуществом жены,

составлявшим ее приданое, но имущество это продолжает оставаться ее собственностью.

Супружеские несогласия, как, например, у мексиканцев или магометан, делают то, что имущество в браке остается раздельным, вследствие чего жена расставшаяся с мужем, получает обратно по описи внесенное ею имущество.

Современная Европа усвоила особый род, могущего быть так названным обратного брака по покупке, введенного успешно впервые во Францию, но имевшего место еще в древней Греции. В силу этой формы брака, девушке за соответствующее приданое покупается, так сказать, муж. Вестермарк в этой главе говорит следующее: «Девушка, в настоящее время не располагающая особой личной привлекательностью, может остаться в старых девах. При современных общественных условиях, когда моногамия является, обязательной, взрослых женщин насчитывается больше, чем взрослых мужчин, мужчины же обнаруживают тенденцию не вступать в брак, а замужня женщина предается праздному существованию, — в таком обществе женщине неизбежно все труднее и труднее становится выходить замуж». Мы прибавили бы сюда: «в обществе, находящемся под неограниченным владычеством мамоны», — и тогда картина будет вполне отражать в себе действительную современную любовь.

14. Свадебные обряды и церемонии.

Первобытные народы не знают свадебных церемоний и обыкновенно увозят жену или приобретают ее за плату, по предварительному соглашению. Свадебные обряды обязаны своим происхождением тем пережиткам, которые, в свою очередь, сложились из символического воспроизведения форм бракосочетания, существовавших до этого и замененных новыми формами. В случае признания брака правильным, он сопровождался пирами, попойками и некоторыми религиозными церемониями. Современные свадебные обряды обязаны таким же источникам. Мы не знаем обрядностей при совершении брака в дохристианскую эпоху. До 1563 г. (Триентский собор) бракосочетание не должно было обязательно сопровождаться освящением религией. Лютер стоял за введение гражданского брака, но его современники не разделяли его мнения. Гражданский брак в указанной форме впервые установлен французской революцией, но он давно уже практиковался перуанцами, никарагуанцами и другими индийцами. В зависимости от точки зрения того или иного народа, различные браки считаются конкубинатом, например, заключенные без приданого, или же без сопровождения установленной церемонии, без покупки, или же между различными сословиями, и т. д.

15. Формы брака.

Не считая гермафродитных улиток, обладающих половыми органами обоих полов, причем каждое животное одновременно играет по отношению к другому как роль самца, так и самки, — мы замечаем у раздельнополых животных следующие пять брачных форм:

1. Моногамия (временная или постоянная), или брак, которым сочетается по одному индивидууму каждого пола, как это мы видим, например, у большинства птиц, некоторых млекопитающих и у значительного количества человеческих рас.

2. Полигиния или полигамия в тесном значении, т. е. сочетание в браке одного самца с несколькими самками. Эта форма имеет место у рогатого скота, оленей, кур и других животных, а также и у людей, как у народов ислама, негров, секты мормонов и др.

3. Полиандрия, представляющая собою брак одной самки с несколькими самцами. У муравьев полиандрия тесно граничит с промискуитетом, причем каждая самка оплодотворяется несколькими самцами. Ревность самца, свойственная большинству высших животных, не допускает этой формы. И если полиандрия, как мы это уже видели, и свойственна некоторым народностям, то вообще люди мало ее знают.

4. Групповой брак, или сочетание нескольких, но одних и тех же самцов с несколькими одними и теми же самками. Такая форма брака, являющаяся вообще очень редкою,

применяется одним диким племенем (тоды). Не установлено — свойственна ли такая форма брака и каким-нибудь животным.

5. Промискуитет, к которому сводится беспорядочное половое общение между какими угодно самцами и первыми попавшимися самками. Эта форма свойственна многим животным, но, главным, образом низшим, половой инстинкт которых у самца не обуславливает также заботы и о самке и о ее потомстве. Эту форму должно считать наиболее совершенно проявившейся, когда не только самец, но и самка после кладки яиц сбрасывает с себя заботу о своем потомстве. Самке у многих животных все же свойственно единственное только спаривание, предшествующее каждой кладке яиц или беременности. Таким образом, промискуитет в своей чистой форме у животных встречается значительно реже, чем это принято думать. И только у человека промискуитет, в лице проституции, достигает полного своего расцвета и в таком виде может считаться наиболее чистой формой. Однако, известно разрушительное действие проституции на сохранение вида, являющееся главной и единственной целью полового общения. Это же наблюдается и у онеидов (см. раньше: «Критика теории промискуитета»), у которых весьма ограниченное потомство.

Большинство древних народов придерживалось полигамии, которая являлась узаконенной формой, но и в настоящее время она свойственна многим диким племенам, а также и некоторым цивилизованным народам, в различных видоизменениях. Мужчина Мексики, Перу, Японии и Китая располагает, одновременно с одной законной женой, и несколькими наложницами, потомство которых так же законно, как и дети жены. Полигамия была свойственна и древним евреям, вплоть до древних веков, причем царь Соломон располагал 700 жен и 300 наложниц; евреи же мусульманских стран и в настоящее время живут в полигамии. Коран разрешает магометанину иметь четырех жен и при этом неограниченное количество наложниц. Последние лишаются лишь, согласно установлению, покровительства родного отца, приобретая все права, которые предоставлены и легальным женам. Полигамия свойственна индусам и персам. Римляне жили в строгой моногамии, но имели наложниц.

Положение многоженства в Европе было неустойчиво, причем оно разрешалось или же только терпелось. Блаженный Августин не осуждал полигамии. Ландграф Филипп Гессенский получил разрешение от Лютера взять себе двух жен и, кроме того, в Германии, в виду большой убыли, благодаря войнам, населения, разрешено было после Вестфальского мира повсеместно двоеженство. Фавориток современных правителей следует рассматривать, как пережитки полигамии. Мнение Христа о многоженстве неизвестно, поэтому Лютер ничего против полигамии не имел. Мормоны же сделали ее одним из основных пунктов своей религии. Негритянский король в Лоанго побил рекорд полигамии у правителей и военачальников, так как у него, как говорят, 7000 жен. У предводителя племени Фиджи может быть от 20 до 100 жен.

Моногамия свойственна андаманам, никобарам, туарегам, веддам, ирокезам, виандотам и даже некоторым австралийским племенам. Полигамия составляет в этих случаях лишь привилегию вождей. Но даже у народов, живущих в полигамии, бедные классы населения чаще моногамны. Очень мало можно насчитать народов, мужчины которых все имеют по несколько жен. 95% последователей ислама в Индии живут в моногамии, а в Персии почти 98%. Можно установить в качестве общего правила, что полигамия составляет почти повсюду удел военачальников, правителей и вообще богатых классов.

Однако, некоторую склонность к моногамии можно видеть и у народов, живущих в полигамии. Это выражается тем, что обыкновенно первая жена имеет наибольшее преимущество, сравнительно с другими, и, кроме того, муж чаще вступает в половое общение с одной какой-нибудь или же немногими из своих жен. У некоторых полигамных народов мужу вменяются в обязанность периодические сношения со своими женами в установленные сроки, колеблющиеся между несколькими днями и несколькими месяцами. Бывают, наоборот, случаи, когда некоторые жены в полигамном браке остаются на деле невинными, так как муж с ними не имел сношений. Есть много народов, у которых муж берет себе вторую жену, после того, как первая уже состарилась, и моногамия, таким образом, выливается в бигамию.

Полиандрия была свойственна сингалезам вплоть до времени покорения их англичанами, причем каждые 7 мужчин располагали одной общей женой. Полиандрия еще более

распространена в Тибете. И в полиандрии мы можем отметить явление, о котором говорили в полигамии, а именно: женщина может иметь и сверхкомплектных, не главных мужей, что и указывает на склонность к моногамии.

У тодов встречается групповой брак, причем все братья живут в качестве супругов с женою старшего брата, однако, и сестры жены поддерживают половую связь со всеми зятьями. После проституции такая форма наиболее близко приближается к промискуитету, но все же групповой брак представляет лишь весьма ограниченную его разновидность.

Можно в результате сказать, что фактически моногамия является наиболее распространенною формою брака. Мы считаемся здесь со следующими соображениями.

Относительная численность мужчин и женщин. Рациональность моногамии часто защищается в связи с тем утверждением, что мужчин приблизительно столько же, сколько женщин. Однако, это не подтверждается, ибо может иметь место преобладание в одном месте мужчин, в другом — женщин, обыкновенно же больше женщин. У племени «pez perces» в Орегоне на 700 мужчин приходилось 1185 женщин. Число женщин у пункасов и других народов вдвое и даже втрое больше количества мужчин. Один мужчина в Коче Гамба приходится на 5 женщин. Но есть народы, у которых мужчин, наоборот, больше, чем женщин, как в Австралии, Тасмании и на Таити; в последней на одну женщину приходится 5 мужчин. В Кашемире трое мужчин приходится на одну женщину. Число женщин у негров относится к числу мужчин, как 3:1, в обыкновенных же случаях, как 1, 5:1.

Число рождений мальчиков в Европе превышает, в среднем, число рождений девочек, но к возрасту между 15-ю и 20-ю годами числа эти уравниваются, а после указанного возраста начинает превышать число женщин. Это объясняется вообще большею смертностью мужчин, обусловливаемою войнами, занятиями, сопряженными с опасностью, а также большим употреблением мужчинами алкоголя. Есгь дикие народы, у которых в войне принимают непосредственное участие и женщины (дагомейские амазонки), причем спиртные напитки употребляют оба пола, или же не употребляет ни тот, ни другой, — таким путем и происходит уравнение в численности. В случаях чрезвычайного преобладания числа мужчин над числом женщин в данной стране, причину следует искать в уничтожении потомства женского рода или же в непосильном труде, навязываемом здесь женщине. Число рождающихся мальчиков у сингалезов действительно больше числа девочек, в Малой же Азии рождению одного мальчика соответствует рождение двух девочек, а в Аравии на одного мальчика приходится по 4 девочки. Выражение араба: «Аллах послал нам больше женщин, чем мужчин, поэтому ясно, что полигамия есть божий закон».

Мы уделим здесь немного места вопросу о причинах развития различных полов. Этот вопрос обсуждался неоднократно и всесторонне, вызывал многочисленное количество предположений и подвергался исследованию при помощи опытов, но должно сознаться, что достоверного пока ничего еще научно не удалось установить. Путем непосредственного опыта не удавалось еще ни разу, по заранее намеченному плану, предопределить рождение того или иного пола, самца или самки, у животных. Одно время много шуму наделала теория о перекармливании, дающем самок, и недокармливании или голодании, будто бы дающем самцов, но хотя это в редких случаях у животных и наблюдается, но все же теория не может быть признана непоколебимой. Необоснованным осталось предположение и о роли в этом смысле естественного подбора, заботящегося о рождении пола с имеющимся у него недостатком. Высказывалось предположение, что сильное скрещивание действует благоприятствующе на рождение женским, браки же между родственниками дают избыток мужского потомства. И действительно, смешанные расы, согласно наблюдениям, дают избыток женских рождений сравнительно с рождением у народов, допускающих браки между родственниками. Избыток мужских рождений имеет также место у народов, живущих в полиандрии. Но все же впредь до получения научно обоснованных опытных данных этот вопрос приходится оставить открытым. Есть основание надеяться, что уже в ближайшем будущем наука будет располагать новыми интересными в этом смысле данными.

Но преобладающая рождаемость того или иного пола не обуславливает брачных нравов у данного народа. Таким образом, полиандрия может как раз иметь место у таких народностей, у которых наблюдается избыток женской рождаемости, или же при господствующей полигамии

могут рождаться в большем количестве мужчины. Но все же можно предположить, что с такого рода естественным влиянием должно считаться. Иногда, независимо от избытка женской рождаемости, полигамия может явиться также и следствием религиозных предписаний (мормоны, магометане). Полиандрия является иногда следствием не родственных браков, а бедности. Полигамию мы можем объяснить также и необходимостью полового воздержания мужчин в период менструации у женщин, предписываемого иногда религией, а также в продолжение всей беременности и даже кормления, длящегося у дикарей от двух до четырех лет. В Сиерра-Леоне возобновление половых сношений с женою раньше, чем ребенок научится ходить, считается чуть ли не преступлением.

Гигиена женщины безусловно выигрывает от этого обычая, но основа его не зиждется на санитарных началах, а обязан он своим происхождением религиозным предписаниям и суеверию (идее о колдовстве и проч.), причем женщина в менструальный период, а также во время беременности и кормления, считается в представлении многих дикарей нечистой, находящейся в распоряжении злых демонов. Такие причины, в сочетании с тем обстоятельством, что на женщину у многих дикарей вваливается вся черная работа, старят быстро женщину и обуславливают полигамию. Трудно себе даже представить, как быстро стареют женщины у дикарей. Возраст в расцвете их сил продолжается приблизительно от 13 до 20 лет со дня рождения. На 25-м году жизни женщина дикаря уже старуха, бесплодна и действительно в дальнейшем по внешнему виду напоминает собою ведьму. Здесь влияние рано начавшейся половой жизни усугубляется последствиями непосильного труда и чрезвычайно продолжительного кормления.

Полигамия обуславливается также стремлением мужчины к разнообразию. У негров Анголы господствует обычай взаимного обмена женами, причем они заявляют, что нет возможности постоянно пользоваться одним и тем же блюдом. Сюда же относится и стремление иметь побольше детей, быть богатым и окруженным почетом. Бесплодие женщин также является в том же смысле одним из обуславливающих полигамию мотивов. Есть народы, у которых полигамия только и разрешается при бесплодии жены, или же если она рождает одних только девочек, что грозит прекращению мужской линии.

Дикарки, например, индианки, отличаются вообще меньшей плодовитостью, чем женщины цивилизованных стран, что можно объяснить, главным образом, их воздержанием за период долгого кормления в течение 3-х или 4-х лет. Это усугубляется еще и чрезвычайною детскою смертностью. Таким образом, применительно к такого рода случаям полигамию следует рассматривать, как оружие в целях завоевания размножения, и во всяком случае, как естественный закон, в особенности у народов Африки. Дикарь центральной Африки имеет в своем распоряжении сотни жен, так как они работают на него, как рабыни, содержат его. Женщина является и здесь рабочим элементом, причем богатство, власть и общественное положение определяется количеством женщины данного индивидуума. Полигамия находит себе последователей преимущественно в земледельческих странах, где ценность женского труда очень велика, обуславливая источник богатства. Кочевые же племена, по своей бедности, не являются приверженцами полигамии. Таким образом, вопрос о полигамии тесно сплетается с вопросом о пропитании. Дагомский король располагает тысячами жен, высшие классы — сотнями, средние — десятками, бедным же солдатам не достается ни одной жены.

В семьях, основанных на полигамии, редко наблюдается ревность и соперничество между женами. В экваториальной Африке муж соглашается на полигамию лишь под влиянием своей же жены, которая называет его скрягою, если он готов удовлетвориться только одной подругою жизни. По сообщению Ливингстона, женщинам племени макалоло не нравилась жизнь в Англии с ее моногамией, так как, по их мнению, всякий уважающий себя человек обязан обнаружить свои богатства, имея достаточное количество жен (Отвлеченные нравственные понятия о добре и зле чужды многим дикарям. Они поэтому отождествляют добро с богатством и силой, а зло — с бедностью и слабостью). На следующих приобретаемых жен должно смотреть, как на рабынь, ревность которых властно сдерживается авторитетом их господина. Все же можно проследить и развитие ревности у некоторых народов, живущих в полигамии. Старые жены, промененные на молодых, предаются самоубийству, убивая также своих детей и, в случае надобности, мстят при посредстве отравления. В хижине дикарей Огненной Земли

часто происходят отчаянные схватки среди живущих там нескольких жен; женщины с острова Фиджи откусывают сопернице нос, о чем мы уже упоминали. Раздоры и проявления ревности мы можем проследить также у мусульман, индусов, абиссинцев, зулусов, гавассов. У последних само понятие полигамии определяется словом «гафу», означающим в переводе «противника».

Чтобы не давать повода для ревности, муж предоставляет у некоторых племен каждой из своих жен по отдельной хижине; это имеет место, например, у индейцев Южной Америки. Один серьезный исследователь, долго путешествовавший и женившийся на индианке в интересах детального изучения нравов гоахиров в Колумбии, сделавшись, таким образом, членом клана, дал мне очень ценные сведения из жизни этого племени. Гоахиры живут в полигамии, которая представляет собою большой интерес. Задумав жениться, гоахир получает предварительно согласие девушки и преподносит подарок родителям невесты, состоящий из большого количества скота. Но вместе с этим он должен расчистить участок леса, посеять на этом участке овощи и выстроить хижину. Получив с такими усилиями жену, он предоставляет ей в собственность это имущество, которым она и управляет, причем мужу присваиваются лишь определенные права на мужское потомство. Решив взять себе еще одну жену, он в другом месте должен проделать все по вышеуказанной программе, причем вторая жена ничего общего с первой не имеет. При таком положении вещей, благодаря самостоятельности каждой из жен и отдаляющему их расстоянию, ревность совершенно исключается. С своей стороны, жены гоахиров с большим уважением относятся к отечественным законам и сохраняют своему мужу безусловную верность. Полигамия на таких основаниях не может получать широкого развития, так как, независимо от больших затрат, муж обязан еще помогать каждой из своих жен в хозяйстве. При таком видоизменении полигамии сохраняется сравнительно высокое социальное положение женщины, ибо в то время, как мужчина каждый раз переходит от одной из своих жен к другой, каждая жена живет постоянно на одном месте, на одном хозяйстве, которым она распоряжается по своему усмотрению, и в обществе своего потомства.

Моногамия является господствующей у тех народов, у которых интенсивнее развился альтруизм, и где уважение к женщине стоит на должной высоте, как в Никарагуа, у даяков, андаманов и др. Здесь женщина пользуется почетом, участвует в общественных делах, и семейные взаимоотношения у них значительно приличнее. Женщина является также владычицей в доме у санталов и мундов.

Степень любовной страсти между супругами имеет большое значение в этом случае. Любовь, обусловленная чисто физической красотой, на почве чувственного стремления, отличается недолговечностью. Но когда в основу любви положены духовные преимущества, когда она базируется на гармония мысли и чувств, то не угасает даже и до глубокой старости. Бэн обращает внимание на то обстоятельство, что всякие иные страсти, как материнская любовь, ненависть, честолюбие, могут быть направлены на любое количество объектов, между тем как любви свойственно сосредоточиться лишь на одном объекте, которому приписывается превосходство над всеми иными объектами, в связи с чем и создается моногамия. Птицы и обезьяны, как мы видели, уделяют свою любовь одной только самке, причем смерть одного из супругов нередко влечет, за собою смерть от огорчения и другого. Последний факт безусловно верен в отношении обезьян и птиц, причем замена умершего супруга другим не уменьшала тоски оставшегося в живых. Самец обезьяны бизам (*Napale-jacchus*), вслед за смертью своей самки, закрыл глаза обеими руками и, не дотрагиваясь к пище, не двигаясь с места, умер. Самоубийства на почве любви имеют место у дикарей.

Это явление у человека мы в своем месте подвергнем еще обсуждению. Нужно отдать справедливость Вестермарку в его желании характеризовать свойство половой любви — концентрироваться на одном индивидууме, в качестве одного из наиболее важных факторов в пользу моногамии. Можно поэтому и ревность рассматривать как оборотную сторону этого же явления, а именно, как проявление глубокого гнева на единственное всей душой любимое, существо, оказавшееся неверным или неотзывчивым. Но мы не устанем повторять, что это именно одностороннее направление чувства, имеющее свою ценность для живущих обособленно, как хищные звери, семей, является совершенно неприменимым для большого общества, живущего в условиях солидарности. «Эгоизм вдвоем» чрезвычайно трудно сочетать с социальной солидарностью или человеческим альтруизмом. Это задача неразрешимая, но, во

всяком случае, очень замысловатая.

Из сопоставления всего нами приведенного мы можем вывести эволюцию моногамии в полигамию. Моногамия свойственна высшим обезьянам и низшим людям, которые не представляют собою каких-либо классовых отличий и объединены в весьма немногочисленные группы. Полигамия же идет рука об руку с развитием культуры, накоплением богатств и возникновением крупных земледельческих сообществ, в связи с классовым господством. Моногамия в древности была свойственна индийцам, которые впоследствии перешли в полигамию. Показателем перехода моногамии в полигамию является, между прочим, и первенствующее положение первой жены перед всеми последующими.

Однако, в связи с расширением культуры, уменьшается количество войн, период кормления грудью входит в свою норму, половое общение с женщиной во время ее беременности не рассматривается больше, как грех, и вместе с тем настолько улучшается положение женщины, что она не уподобляется уже старухе в сравнительно молодые годы, так как на нее не возлагается уже непосильный труд вьючного животного. Эти обстоятельства снова подготовили почву для моногамии. К этому нужно прибавить те свойства, которые дополнительно к ее природной красоте приобретаются женщиной, благодаря просвещению. Инстинкт деторождения ослабляется, ибо женщина и дети не представляют уже больше богатства. Вместе с тем женский труд успешно заменяется применением машин. Все эти обстоятельства, обуславливаемые достаточно высокой культурой, ведут снова к моногамии.

Моногамия более близка женской природе. Права женщины расширяются, и современному человеку, с его утонченными чувствами симпатии, неудобно уже применяться к полигамии. Вестермарк, в свою очередь, доказал уже, что полиандрия во всех случаях своего проявления представляет собою лишь исключение, причем под ее влияние могли подпасть лишь мягкие и флегматичные народы, не знавшие ревности и не чуждые некоторой степени культуры.

По Спенсеру, моногамия в будущем будет представлять собою единственную форму брака, Леббок же это будущее предсказывает полигамии. Вестермарк, однако, полагает, что при дальнейшем, аналогичном нынешнему, росте культуры, при большом развитии альтруизма, любовь будет все более и более облагораживаться, подготавливая почву для одной только моногамии.

Я не склонен видеть здравого смысла в занятии пророчествами. При торжестве культуры над проявлениями грубости, варварства и глупости, можно полагать, что ни один вид брачных отношений не сохранит своего первоначального облика. Примитивная моногамия, являясь как бы идеалом для хищного животного, ни в каком случае не уживается с теми могущественными социальными требованиями, которые диктует современность. Прошло уже навсегда и то старое время, когда, в силу необузданных нравов полудиких народов, совершались браки по покупке, и полигамия отдавала женщину в безответственное распоряжение мужчины. Человеческая природа не может мириться и с полиандрией, действующей противоположно инстинктам размножения, наличием ее может служить лишь верным признаком вырождения и гибели. Поэтому можно думать, что наиболее приемлемой формой брака в будущем явится своего рода добровольная моногамия, а в более редких случаях — и полигамия, но ограниченная взаимными обязательствами по отношению к деторождению и к родившемуся потомству. Полиандрия останется в качестве редкого явления или даже патологического фактора. В своем месте мы к этому еще вернемся.

16. Продолжительность брака.

Птицы в большинства случаев соединяются в брак на всю жизнь, а млекопитающие, кроме высших обезьян и человека, не больше, чем на год.

Продолжительность брака у человека колеблется в значительных пределах. Андманы, ведды и некоторые папуасы не признают развода ни под какими мотивами, и их разъединяет только смерть. Индейцы Северной Америки, наоборот, заключают брак лишь на определенный промежуток времени, а у виандотов так называемый пробный брак совершается всего на

несколько дней. В Гренландии брак разрывается спустя полгода, а у криксов действительность брака имеет силу лишь один год. Таким путем создается своего рода временная полигамия (переменная полигамия), благодаря которой отец не имеет никакого представления о своем потомстве. Ботокуды не признают никаких обрядовых сторон брака, который и продолжается у них недолго, причем достаточно незначительного повода, чтобы его нарушить. Это же можно было наблюдать в Квинсленде, Тасмании, на островах Самоа и т. д. У даяков и сингалезов молодые люди обоего пола успели уже по несколько раз вступать в брак, причем мужчина может неоднократно разводиться и снова сходить с одной и той же женщиной, имев, разумеется, в промежутках и других жен. Мужчины племени мантрасов женятся нередко по сорока-пятидесяти раз. Персидской женщине предоставляется, по желанию, выходить замуж на любой срок, от одного часа до девяносто девяти лет. В Египте менять жену можно ежемесячно, и, таким образом, года за два мужчина женится от двадцати до тридцати раз. Женщина негров Сахары считает признаком хорошего тона как можно чаще выходить замуж, считая неприличным слишком долгое брачное сожителство. Пробный брак имеет место также у абиссинцев, негров и др. Развод довольно часто практиковался у греков, римлян и германцев.

У некоторых народов, как диких, так и цивилизованных, мужу предоставляется право отказаться от своей жены. Гавасы смотрят на брак, как на слабо завязанный узел. Древние иудеи, римляне, греки и германцы, будучи мало-мальски недовольны своею женою, могли в любой момент прогнать ее.

Есть зато много диких племен (Вестермарк насчитывает их около двадцати пяти), которые почти не знают развода, и брак у них продолжается всю жизнь.

При наличии детей, брак всего реже поддается расторжению. Большинство народов обуславливает законное расторжение брака, главным образом, женским бесплодием и прелюбодеянием.

У народов культурных чаще имеет место брак на всю жизнь, чем у диких народов, как у ацтеков и др. Китайцы признают семь поводов к разводу: 1) бесплодие, 2) распутство, 3) пренебрежение к родителям мужа, 4) болтливость, 5) предрасположение к воровству, 6) скверный характер, 7) хронические болезни. Те же поводы признаются и в Японии. Однако, развод как в Китае, так и в Японии представляет собою редкое явление. Христианство раньше разрешало развод, который впоследствии запрещен был Триентским собором. Католик говорит: «Что соединено богом, того не должен разлучать человек». Есть дикие племена, которые легко допускают развод для обеих сторон, причем по различным причинам (пьянство, нарушение верности, мотовство и проч.), как мужчина, так и вообще обе стороны могут требовать развода.

Стремление к разнообразию, главным образом, обуславливает в Европе и в других странах причины развода, в то время как дети, наоборот, служат наиболее верным связывающим элементом. У дикарей принято возвращать отвергнутой жене все ее приданое, нередко добавленное частью общего имущества, иногда же с придачею и всего имущества. Если развод вызван был такими причинами, как измена со стороны жены, бесплодие ее и т. п., то все уплаченное мужем за жену возвращается ему целиком; этим и следует объяснить весьма редкое явление в тех местностях, где покупная цена женщины очень высока. Что касается детей, то после развода они могут оставаться то у отца, то матери. У китайцев, например, или у арабов, разведенная жена становится проституткой. Если брак обусловлен был предварительной любовью, причем муж и жена встречались часто до брака, то прочность его в таких случаях значительно больше.

Форма брака имеет влияние на долговечность его, откуда можно было бы предположить, что моногамным бракам принадлежит большая продолжительность, чем полигамным. Но на деле происходит иначе. Дело в том, что часто отсутствие средств вызывает моногамию, и мужчина путем частой перемены жен старается себя вознаградить.

Весьма возможно, что продолжительность брака у примитивного человека была не больше периода после рождения ребенка, или же двумя-тремя годами больше. Развитие культуры сделало более продолжительным и брак, ибо он обуславливался уже причинами более или менее высшего порядка, а не одной только физической красотой, половым влечением и инстинктом деторождения. В зависимости от мотивов этического (альтруистического) свойства, появились законы, взявшие брак под свою защиту, но стремление человека к

догматизированию видоизменяло их в безнравственные обычаи и религиозные бессмысленности. Христианская моногамия, в нынешнем ее виде, также обязана принудительному, хотя и носящему идеальный характер догмату римской церкви, причем последний резко не соответствует естественным условиям и потребностям половой жизни данного народа, а также и житейскому опыту. На такой почве и создается неудержимое стремление к свободе, между тем как психические побудители к постоянному моногамному браку идут рука об руку с процветанием культуры.

17. К истории внебрачных половых сношений.

У примитивных людей, равно как и у современных нам человекообразных обезьян, моногамный брак не является следствием каких-либо искусственных узаконений, а представляет собою продукт врожденного унаследованного инстинкта и грубой силы, и стало-быть, чистый продукт естественной эволюции. Уничтожив самца (мужа), победитель присваивал себе его самку (жену). Мы видели уже, что последовательными переходами от умыкания к покупке жен, в зависимости от нарождавшейся культуры, стали создаваться правовые нормы моногамного или лолигамного брака, являющегося, без сомнения, одним из первоначальных человеческих договорных общественных организаций. В таких общих, схематических чертах мы представляем себе положение вещей доисторической эпохи.

Понятия о половых сношениях вне брака неизбежно должны были, в качестве дополнения к брачному институту или же в виде его противоположности, сопутствовать понятию о самом браке, как только он вылился в социально-правовые формы мужского да владения или же более или менее равноправного договора между мужчиной и женщиной. Всегда на почве ограничения естественного закона, путем создания искусственных установлений, является противодействие со стороны естества. Суровые законы о браке как у примитивных, так и цивилизованных народов нередко каравшие пыткой и смертью измену супруга, никогда и нигде не в состоянии были удерживать половые страсти от естественного их развития в обход этого закона или же рядом с ним. Благодаря этому, создавались отступления в законе, исключения, смягчения. Но чтобы не поколебать самого брачного установления, чтобы поддержать его на должной высоте, половые сношения вне брака старались так или иначе опорочить, причем наиболее значительная доля пренебрежения предназначалась для женщины, являвшейся наиболее слабой и пассивной стороною.

Нельзя предаваться широким обобщениям, так как разнообразие нравов различных народов может создать почву для заблуждения, но и слишком большие подробности здесь не могут иметь места. Мы должны лишь резюмировать, что у низших народов одна только грубая сила составляла базу для брака, между тем как средние и высшие культурные сферы обеспечивали почву для правовых взаимоотношений, не всегда, правда, основанных на здравом смысле и нравственности.

Внебрачные половые сношения распадаются на две главные группы: на проституцию и конкубинат. Есть довольно много переходных пунктов, служащих связывающим звеном между этими двумя основными проявлениями, но в связи с обуславливающими их причинами они резко отличаются друг от друга. Проституция представляет собою род промысла, когда человек за вознаграждение продает свое тело. В конкубинате же имеют место в большей или меньшей степени свободные половые сношения вне брака, причем в качестве основы могут здесь служить и половой инстинкт, и предварительное соглашение или любовь, и, наконец, насилие.

Здесь, разумеется, может происходить весьма разнообразное сплетение и с денежными соображениями. Проституция и конкубинат свойственны были всем народам и всем культурным эпохам в качестве неизбежных спутников и оборотной стороны законного брака. Но они еще иногда окружались, благодаря регламентации, известным религиозным культом и этическим ореолом.

Каждая женщина Вавилона обязана была раз в жизни отдать себя в храме Венеры чужеземцу за вознаграждение. Публичные дома были учреждены еще мудрым Соломоном, причем заключающиеся здесь рабыни должны были содействовать охранению святости брака от

посягательств на него со стороны юношества. В Риме также существовали общественные (государственные), а также и частные публичные дома или лупанарии, причем функционировали и частные проститутки (*meretrices*). Проституция наиболее пышно расцвела в средние века, с связи с крестовыми походами. По рассказам, один констанцский собор привлек около 1500 проституток, которые обыкновенно передвигались вместе с войсками. Индийская девушка отдается жрецу, как представителю божества, причем она пользуется большим почетом в качестве служительницы в храме. Проститутками являются и китайские цветочницы, и танцовщицы с Явы, и японские девушки в чайных домиках. Наибольшим почетом и расположением в различных культурных государствах пользовались те из проституток, которые отличались исключительным умом и воспитанностью. Они отдавались лишь за очень крупное вознаграждение или же предпочитали не становиться в ряды проституток, а разорять каждый раз другого из обожавших их мужчин.

Типичным для представления о диких является следующее показание Риббо («Два года среди каннибалов острова Саломо», 1503 г.), рисующее нравы обитателей острова Саломо. Молодая, достигшая зрелости, девушка объявляется (публично) в один день «манготтой». Она может тогда иметь половые сношения с каждым, кто только этого пожелает, независимо от того, будет ли это белый или чернокожий. Чем больше таких сношений, тем больше и «честь». При этом она, во всяком случае, находит себе возлюбленного, который на ней и женится. Но уже с этого момента ее неверность карается смертью. (Следствие: эпидемии гонорреи).

Конкубинат отличается большей или меньшей свободой. Наложницы представляли собой большей частью рабынь или полурабынь, находившихся на содержании у богатых людей, которые искали в их обществе удовольствия, независимо от своих законных жен. Могучая сила капитала и в настоящее время создает такие же почти отношения. Отдельно стоит конкубинат, так сказать, высшего порядка, предоставляющий обеим сторонам полную свободу действий и не обуславливаемый какими-либо материальными соображениями. В древности эти формы также проявлялись в большей или меньшей степени своеобразно. Греческие гетеры также представляли собой наложниц, нередко вышедших из рядов проституции и продававших себя за деньги, но вместе с тем игравших роли подруг великих людей. Они жили в умопомрачительной роскоши, приобретали славу, особенно во времена Перикла, причем им даже воздвигались памятники. Фрина послужила моделью для статуи Венеры и предложила за свой счет воздвигнуть разрушенные стены города Фив. Таис была возлюбленной Александра и родила ему наследника престола, и т. д. Скучное образование греческих жен еще ярче выделяло умственные достоинства высокопоставленных гетер.

Демосфен в следующих выражениях резюмировал свой взгляд на положение этого вопроса в Греции и, в частности, в Афинах: «Мы обзаводимся женою, чтобы иметь законных детей и хозяйку в доме, на которую можно положиться: наложницы служат нам для услужения, а гетеры — для упоения любовью».

Потомство наложниц женатого человека во многих странах, как, например, в Японии, считается законным и приобретает те же права, что и дети от законной жены. Конкубинат, таким образом, приобретает форму второстепенного брака.

И в наше время не перевелись своего рода гетеры, с которыми мы сталкиваемся в различных общественных классах под видом куртизанок, содержанок, любовниц и фавориток королей и высших богатых классов. Они же бывают возлюбленными отважных мужчин или вампирами, умеющими использовать бесхарактерность богатых людей.

Нет недостатка и в фаворитах, которыми окружают себя высокопоставленные или богатые женщины, причем они представляют из себя как бы гетер мужского рода. Достаточное количество примеров в этом смысле давали женщины в качестве представительниц царствующих фамилий.

Патология также обуславливала во все культурные эпохи внебрачные половые сношения, носившие тот или иной упорядоченный или беспорядочный характер. Здесь наиболее видную роль играла гомосексуальная любовь, которую мы рассмотрим в главе VIII и которая занимала весьма видное место у иудеев, персов, этрусков и др., особенно же у греков. Философы Греции относились к этой форме любви весьма благосклонно, пока она не представляла собою обыкновенного вида проституции, а давала представление об идеальной гомосексуальной

любви. По мнению Солона, Аристида, Фидия и Сократа, не свободных, во всяком случае, от подозрения в том, что они имели непосредственное отношение к гомосексуальной любви урнингов (см. главу VIII), любовь между мужчинами должна стоять выше полового общения с женщиной, т. е. выше естественного проявления любви.

18. Итоги.

Примитивный брак, повидимому, отличался кратковременностью. Когда человек стал кормиться животной пищей и занялся охотой, брак стал продолжительнее. В качестве первоначальной общественной формы являлись не клан и не племя, а семья, причем люди унаследовали брак от высших обезьяноподобных предков. Человечеству не свойственен был промискуитет, несмотря на то, что всегда имели место достаточно свободные половые сношения до брака, при частой перемене жен.

Превосходство сил мужчины создало патриархат, имевший весьма гибельные последствия. В силу этого же превосходства и в связи с ростом культуры, происходила дальнейшая эволюция брака, создавшая брак по покупке и полигамию. Последняя все больше и больше вырождается в своем варварском проявлении. Высшей культурой обуславливается продолжительная и прочная любовь на этических основах, ведущая к более или менее свободной моногамии.

Права женщины много выиграли от развития культуры и развития брака. Она вышла из того состояния, когда была собственностью мужа, причем стали возникать брачные договоры, обуславливающие полное уравнение в правах обеих сторон. Вестермарк заключает, что и «история человеческого брака представляет собою историю союза, в котором происходила последовательная победа женщины над страстью, предрассудками и эгоизмом, свойственными мужчине».

19. Добавление. Раса и половая жизнь.

При наличности знаний этнографа, я сделал бы здесь попытку определить, влияют ли, и в какой именно степени, расовые отличия на половую жизнь людей. Необходимо, однако, обладать компетентностью специалиста-этнографа, чтобы иметь право взяться за такую ответственную работу. Предыдущий итог Вестермарка дает некоторые основные пункты для решения этого вопроса, главная трудность которого заключается в том, чтобы уметь отделить в нравах каждой расы то, что создано в связи с историческими преданиями и привычками, от всего того, что носит на себе следы непосредственно расовых особенностей. Возможность ошибочных выводов заставляет нас лучше молчать. Известны разговоры о пылкой крови южан, причем действительно можно констатировать большую половую страстность у народов жарких стран, чем у народов стран холодных. Однако, этого не следует считать отличительной расовой чертой. Особенно благоприятным объектом являются в этом смысле евреи, раса которых сохранилась почти во всей своей чистоте в различных странах и в различных условиях жизни. Свойственные им характерные черты проявляются и в их половой жизни, причем рядом с сильным половым влечением они обнаруживают и большую семейственность. Интенсивная половая жизнь свойственна и монголам. Племена Тибета, живущие в полиандрии, не знают ревности (филогенетически или в зависимости от нравов?). Полигамия тоже, очевидно, не относится к расовым особенностям, что подтверждается, например, жизнью мормонов, которые произошли от моногамных рас. Особенно интересно проследить эти отношения на расовом смешении Северной Америки. При беглом взгляде может казаться, что так называемое американизирование нравов этой разношерстной расовой смеси имеет влияние и на половую сферу, причем нет различия между обамериканившимися ирландцами, скандинавцами, французами, немцами и итальянцами. Но не нужно забывать, что это продукт лишь поверхностного наблюдения. Лучше удалось проследить половую страстность негров, которая отличается необузданностью и пылкостью, рядом с духовной их посредственностью.

Французы, живущие в восточных канадских провинциях и сохранившие всю чистоту своей расы, совершенно отличаются, однако, в половом отношении, что весьма удивительно, от населения Франции. Французы в Канаде чрезвычайно целомудренны, обладают чистотой нравов, ведут исключительно скромный образ жизни и располагают огромными семьями, нередко в пятнадцать-двадцать человек. Мы видим здесь резкое влияние всевозможных нравов и климатов на одну и ту же расу. Эти замечания по необходимости исчерпывают вопрос, но нет сомнения, что детальное изучение раскроет расовые особенности, лишь с внешней стороны замаскированные нравами и свойственные характеру индивидуумов. Проявление такого рода особенностей тем заметнее для каждой расы, чем больше она отличается от других рас и чем дольше она оставалась этнически изолированной. Об этом, впрочем, в следующей главе, VII (Филогения). Следует отличать у человека, равно как и у животных, более или менее постоянные разновидности от постоянных рас или подвидов, резко отличающиеся друг от друга. Не следует также смешивать в индивидуальных различиях человека результаты сравнительно недавних филогенетических комбинаций (конъюгации) с более глубокими расовыми отличиями. Музыкальные или немзыкальные индивидуумы могут, например, иметь место и у германцев, и у славян, но вместе с тем оставаться чистыми расовыми типами.

Глава VII Половая эволюция

Эволюция всякого живого существа происходит двояко: 1) его онтогения, или вся последовательность развития индивидуума, как такового, считая от зачатия вплоть до его естественной смерти, обусловленной старостью, и 2) его филогения, или развитие его через длинный ряд форм его предшественников, от первоначальной клетки, теряющегося в глубине геологических периодов, до настоящей его формы. По существу, онтогения зависит энергетически, соответственно законам наследственности, от филогении, но не в качестве сокращенного ее повторения, как это казалось Геккелю. Нынешняя половая жизнь под таким углом зрения основывается, таким образом, на свойствах, предудказанных филогенетически. Независимо от этого, происходит индивидуальная или онтогенетическая эволюция половой сферы каждой отдельной личности, причем в зародыше эта эволюция предудказана уже в основных чертах филогенетически унаследованными энергиями вида. Мы коснемся здесь вопроса в большей взаимной связи.

А. Филогения половой жизни.

Мы указали уже в главе II на филогению, или историю происхождения, а в начале главы IV мы дали краткое изложение филогении полового стремления. Мы замечаем, что первоначальный зародыш полового стремления заключается в делении клетки и конъюнкции ядер зародышевых клеток одноклеточных животных, — эти явления представлены были нами в главе I. В интересах интенсивного размножения живых существ, должно произойти смешение или скрещивание зародышей, что в состоянии лишь осуществиться, благодаря взаимному влечению разнородных зародышей. У многоклеточного индивидуума более сложный организм заключает в себе зародышевые клетки только одного рода, — причем носитель зародыша проявляет активную деятельность, внедряясь, другой же — пассивную, воспринимая, и сила притяжения или инстинкт стремления передается тогда всему организму.

В растительном мире, — и еще яснее в животном, в котором носители зародыша делаются подвижными индивидуумами, — и образовалось на этой почве половое размножение и половое влечение. Этим же обуславливается различие в половом влечении мужчины и женщины, равно как и различие в половой любви и других отражениях полового инстинкта в жизни человека, что указывалось нами в IV и V главах.

В связи с психологией половой жизни и ее сложностью у человека, мы склонны презрительно относиться к миру животных, именуя низшие проявления нашего полового

чувства животными элементами. Но причина здесь в том, что человеку представляется возможность, благодаря его устной и письменной речи, близко изучать психологию ближнего, создавая психологию вообще человечества. Животные же не в состоянии при помощи речи поделиться с нами своими внутренними чувствами, подробностями своей психологии. А аналогичные заключения являются здесь весьма рискованными. Судить можно лишь по поступкам животных. Конечно, необходимо считаться с тем, что мозг (а, стало-быть, и душа) животного более низкой организации, чем мозг человека, и можно отсюда предположить, что и половая психология и любовь животного проще и ниже, тем больше отличаясь от человеческой психологии, чем проще организован мозг данного животного. Это на деле и подтверждается сравнительной анатомией и биологией животных.

Но мы знаем, что сложность человеческого мозга, отразившись, без сомнения, на психических отправлениях его полового инстинкта в смысле их усложнения, не подействовала, однако, на них облагораживающе, а служила причиной отрицательных уклонений от нормы. Я сошлюсь здесь на главу VI и на следующую главу VIII (Патология), где будут представлены многочисленные примеры измельчания и вырождения человеческого полового инстинкта. Но и в сравнительной биологии животных мы находим разнообразные и ярко выраженные крайности полового инстинкта применительно к любви. Не будучи в состоянии дать здесь исчерпывающее изложение сравнительной биологии половой жизни, я укажу лишь на некоторые примеры.

Рядом с таким случаем, когда самка паука убивает и пожирает своего самца, мы видели такую привязанность друг к другу у самцов и самок некоторых обезьян и попугаев, что смерть одного из них влечет за собой и смерть другой, и наоборот. Мы встречаемся с удивительными и необъяснимыми приспособлениями. Особи женского пола у пчел и муравьев выделяют из себя третий пол, почти нейтральный, не знающий совокупления и в лучшем случае откладывающий неоплодотворенные яйца, обязанные своим происхождением девственному зарождению. То же мы видим у термитов, у которых не только самки, но и самцы дают работников, у которых атрофированы половые органы, но сильно развита голова. Однако, этот третий пол, который называют рабочим, не только владеет более сильным мозгом, чем особи с половыми функциями, но и носит в себе социальное отражение полового побуждения, заботясь, например, о потомстве, которое не им рождено (отсюда не исключаются и рабочие-термиты, происходящие от самцов). И вместе с тем, самцы у этих общественных животных (а у термитов и оба пола, если они основали колонии) являют собою почти идиотические крылатые половые органы, будучи неспособны к существованию после совокупления, причем или их убивают рабочие (пчелы) или же они умирают голодной смертью (термиты, муравьи). Но в то же время оплодотворенные самки представляют собою как бы машины для кладки яиц. У муравьев самка в начале жизни выделениями своего организма выкармливает несколько личинок до видоизменения их в рабочих, которые и будут уже в дальнейшем кормить самку и потомство.

Мы невольно приводим аналогию между половой и семейной любовью людей, с одной стороны, и верностью и привязанностью пары ласточек — с другой, когда мы видим обоюдные старания самца и самки, направленные на кормление и воспитание птенцов, причем ежегодно на старое гнездо прилетает одна и та же пара ласточек. Вместе с тем, у них же обнаруживается, хотя и в слабой степени, социальное общение, направленное по отношению к другим птицам и зверям, например, в случаях общего отражения нападающего хищника. Нам внушает, наоборот, хотя и без всякого основания, неприятное чувство отсутствие такой же привязанности к самке и потомству со стороны других животных, например, у собак и у кроликов, так как мы хотели бы и в них видеть проявление свойственных нам этических чувств. Из главы VI мы уже видели, что преимущественно половые сношения высших обезьян и примитивных людей имеют для нас филогенетическое значение, и я на эту главу и ссылаюсь. Мы интересуемся здесь раньше всего следующим вопросом: что именно и в каких размерах филогенетически внедрено в наши половые нравы и половые нравы наших предков, что здесь более ново и филогенетически менее обосновано и, наконец, что именно и в какой степени являет собою обыденные последствия нравов и привычки? Вникнув в этот вопрос, мы тотчас же убедимся в глубоко филогенетической обоснованности не только полового стремления, как такового, но и значительной части его коррелятивов и отражений. Мы обнаруживаем не только у примитивных людей, но и у обезьян и птиц как половую ревность, так и кокетство,

материнскую любовь (особенно же неосмысленную), супружескую верность и любовь. Мы, таким образом, не унаследовали от наших животных предков одно только низменное в половом побуждении, а, благодаря им, обладаем некоторыми благородными чувствами, обусловленными половым стремлением и относящимися уже к высшей социальной этике. Говоря вообще, в сложном сплетении наших чувств и инстинктов, наиболее древним по времени филогенетическим должно считать то, что всего глубже внедрено в человеческую природу. В обилии этих глубоких инстинктивных импульсов половой жизни мы можем встретить этически и интеллектуально весьма разноценные данные, как, например, возбуждение эротизма, *libido sexualis*, обусловленное запахом женских половых органов или же созерцанием эротических изображений — и вместе с тем проявление высшей любви и самопожертвования со стороны одного из супругов в пользу другого или потомства. Проституция же, брак при посредстве покупки, религиозный брак, осуждение рождений вне брака, права в супружестве и семье, — все это берет свое начало даже не в новейшей филогении, но в усвоенных со стороны обычаев и привычек различных народов. Здесь мы видим порочные отростки эгоизма, жаждущего получить наслаждение, стремление властвовать, мистицизма и тщеславия, а также и тех приемов, которые обусловлены были, за отсутствием лучших перспектив, все более и более усложняющейся жизнью. Исследования Вестермарка в этом случае очень поучительны (глава VI). Из среды всех бессмыслиц и противоречий, исторически и этнографически вызванных к жизни в браке, благодаря человеческим нравам и безнравственности, представляется возможным отобрать все то, что зиждется на моде и обычае, от всего глубоко и наследственно свойственного нашей природе, в качестве специально общечеловеческих свойств. Чтобы не повторяться, предоставляю читателю самому вникнуть, с точки зрения филогении, в факты, изложенные в главе VI.

Мы должны считаться еще с одной важной областью, являющейся промежуточной, а именно областью новейшей филогении или филогении разновидностей. Что касается глубоких инстинктов и потребностей вида, составляющих основные свойства всякого нормального человека, то они принадлежат давней филогении, и, как мы видели, основание их в животном царстве можно проследить чрезвычайно далеко. Имеется, однако, очень много особых весьма колеблющихся свойств, присущих в сильной степени одним людям, проявляющихся довольно слабо у других и совершенно отсутствующих у многих, — но, однако, не представляющих собою продукта обычаев или привычек, а глубоко внедренных в природу индивидуума. Эта средняя совокупность особенностей представляет собою результат новейшей филогении. Рядом с сильной склонностью к моногамии у одних мужчин, мы видим безусловно полигамные наклонности у других. Одним людям свойственен прирожденный эгоизм, другим — альтруизм, и в зависимости от этого находится и половая жизнь в смысле влияния на характер любви (но не полового стремления). И эгоистическому человеку присуща по отношению к супруге или супругу любовь, отличающаяся, однако, в значительной степени от любви альтруиста. Индивидуальные стремления и предрасположения создают массу нюансов. Наблюдаются случаи, когда любящий, щедрый и нежный отец семейства является в то же время лишенным совести общественным хищником, между тем, как наоборот, другой проявил себя с лучшей гуманной стороны в глазах общества, будучи одновременно тираном и бичом своей жены и детей. Такие парадоксальные последствия обуславливаются сочетанием различных индивидуальных задатков позднейшей филогении с воспитанием, нравами, известными привычками и пр. Эта же филогения имеет влияние на многие уже упомянутые душевные отражения полового стремления (глава V, а и б). Такие более или менее сильные проявления, как смелость, ревность, половое хвастовство, ханженство, ложный стыд, порнография, кокетство, мечтательность и проч. — зиждутся каждый раз на сочетании индивидуально-половых задатков с такими же в иных сферах чувства, ума и воли. Благодаря высокому развитию человеческого мозга и его изменчивости, половая индивидуальность каждого отдельного человека может сложиться весьма разнообразно. Эти оттенки не поддаются изложению. Но, считаясь с раз установленным принципом, можно определить в каждом отдельном случае половую индивидуальность данного лица. За последние годы (1898 — 1908) я наблюдал колоссальное количество больных и здоровых людей и с точки зрения сексуально-психологической. Но мне не приходилось наблюдать хотя бы двух вполне

аналогичных случаев. Даже каждый гомосексуалист обладает своими особенностями, соответственно которым и должно с ним обходиться. Уже в детстве приходится считаться с наследственно усвоенными задатками (характера), причем всегда можно будет обнаружить их позднейшую филогенетическую основу у предков, если известно происхождение данного человека. И не только во внешних признаках, как очертаниях лица и проч., но в характере и половых задатках можно обнаружить влияние сильных скрещиваний или же родственного полового общения. Люди должны быть сами поставлены в известность относительно этого и ничего не скрывать друг перед другом до вступления в брачный союз.

У современного среднего человека можно констатировать свойственные ему филогенетически сильное половое стремление, рядом с менее сильной половой любовью (которые сильнее у высшей обезьяны, чем у дикаря) и уж совсем слабой любовью социальной, не имеющей отношения к половой жизни — Однако, и с последней необходимо считаться, как завоевывающей с каждым днем все новые и новые позиции и долженствующей развиваться в согласии с половой жизнью. Возьмем развитие ребенка. Если он с детства «хороший», то в этом возрасте уже обнаруживает индивидуальные чувства симпатии (напр., сострадание) и долга, объекты которых не социального свойства. При ограниченной сфере влияния этих чувств, мы, с другой стороны, видим, что муравей, например, уже при рождении носит в себе социальное чувство долга, в котором человека должно лишь воспитать. Но его усвоение почти невысказано без наличности унаследованных чувств симпатии и долга. В противном случае человек усвоит лишь социальные фразы, не коснувшись социальных чувств.

Мы можем здесь принять во внимание еще отдельные пункты.

Моногамия, разумеется, представляет собою филогенетически первобытное и достаточно базированное явление, причем полигамия рассматривалась, как результат уклонения под давлением силы и богатства. Но филогенетическая моногамия не совпадает с современной религиозной моногамией. В силу первой из них, брак должен быть совершен сейчас же по наступлении половой зрелости. Культура же вбила клин между половой зрелостью и поздно допускаемым браком в лице неестественной грязи проституции, отражающейся и на браке. Филогенетическая моногамия основывается не на юридическом принуждении, а на свободном, естественном, инстинктивном и взаимном влечении, допуская в определенных случаях и перемену супругов. Исключением отсюда должны явиться известные обезьяны и попугаи, не переживающие супругов. Но не такова природа человека. Бездетная моногамия является лишь вспомогательным средством в интересах удовлетворения полового стремления. То же имеет место в случаях вступления в брак людей различного возраста, причем естественными коррективами на этот раз должна быть перемена супругов, развод или двоеженство.

Большинство извращений, которые будут рассмотрены в главе VIII, представляют собою печальное патологическое приобретение вида. Но у самцов высших млекопитающих мы встречаем иногда если не гомосексуальную любовь в ее чистом виде, то явления педерастии — при недоступности самки.

Считаясь с правильной основой естественного подбора, мы должны были бы видеть проявление нормального полового отвращения между различными видами животных, вследствие вредного действия крови и зародыша одного вида на кровь и зародыш другого. Мы при обсуждении содомии убедимся в том, что такое инстинктивное отвращение исчезает у людей в случаях патологических, при неудовлетворительном половом влечении или благодаря дурным привычкам. Филогенетически, вероятно, должно быть обосновано и инстинктивное отвращение к родственному скрещиванию, что, однако, как мы видели, трудно поддается доказательству.

На проявляемом женщинами некоторых стран половом домогательстве можно проследить, как иногда продукт внешних обстоятельств принимается за естественное филогенетическое явление (см. главу VI, 7) Половое домогательство мужчины в качестве носителя активных зародышей, вполне обосновано филогенетически и естественно, будучи свойственно, между прочим, всем диким племенам.

Дикарь, как мы видим, скорее рискует остаться без жены, чем дикарка без мужа, и этим обуславливаются, с одной стороны, распри и бешеные схватки мужчин из-за женщины и пассивность женщины — с другой. Благодаря культуре, все это приняло совершенно иные

формы, причем явилось возможным параллельное существование класса старых дев и класса проституток. Эти последние искусственно удовлетворяют низшее половое стремление мужчины. А между тем мужчине, вместо богатства, брак доставляет лишь заботы и хлопоты. И результатом такого положения вещей явилось то обстоятельство, что мужчина, прибегая к услугам полиандрических проституток, всегда располагает достаточным количеством женщин, между тем как женщине с трудом удается найти мужчину. На такой почве должны были прогрессировать ухаживание и кокетство девушки, что особенно и наблюдается, например, в Северной Америке. Здесь, конечно, мы имеем дело не с филогенетическим усовершенствованием высшей культуры, а с ненормальными последствиями половой неудовлетворенности женщин, рядом с половым пресыщением мужчин. Опасение засидеться в старых девах побуждает женщину взяться за ухаживание. Но при исчезновении этих ненормальных отношений ничего не останется и от вынужденного ухаживания женщины, которое, разумеется, не успело еще проникнуть в глубь ее половой филогении.

Мы не будем останавливаться здесь на различиях в филогении мужской и женской половой жизни, которые рассмотрены были нами в главах IV, V и VI. Нормальному и уживчивому человеку не трудно будет во всех проявлениях своей жизни, а в частности и половой, согласовать свои действия и чувства с установившимися нравами и обычаями, а также приспособиться в браке и к другой стороне. Но вместе с тем господствующие нравы легко смогут поработить такого среднего человека, который под их давлением не будет уже способным к восприятию новых идей. Такую нормальность и должно поэтому считать обладающей меньшей приспособляемостью или душевной пластичностью (свободой), чем это мы видим у высших, лишенных предрассудков людей.

Б. Онтогенез половой жизни.

Здесь мы прежде всего можем заметить, что как наружные, так и внутренние половые органы зародыша, а потом и ребенка на долгое время представляют не функционирующие задатки, хотя и организованные, но весьма малые и неразвитые. Половые железы увеличиваются, одновременно с остальным половым аппаратом, последовательно до периода возмужалости, когда они и приобретают способность функционировать. Половая зрелость для нашей расы наступает для девочек между одиннадцатью и восемнадцатью годами и между тринадцатью и восемнадцатью годами для мальчиков, со дня рождения. Но при этом коррелятивные отражения полового инстинкта в мозгу человека (см. гл. V) в большинстве развиваются раньше половых органов и даже полового инстинкта. Половой инстинкт может развиваться раньше, чем произойдет законченная формировка половых органов — или наоборот. В более редких случаях половой инстинкт может и вовсе отсутствовать даже у взрослого. Указываю здесь на главу VIII, III, 3, 4, 5 и особенно на случаи половой анестезии, гиперэстезии и парадоксии (7, 16, 17 и 28-й примеры из жизни, в конце главы V). Мы, конечно, эти непоследовательности полового инстинкта можем считать только патологическими.

Духовные различия, свойственные уже в раннем возрасте девочкам и мальчикам и аналогичные тем, о которых мы говорили в главе V, а и б, вполне естественны. Девочки любят наряды, стараются нравиться, кокетничают, ревнуют, влюбляются. В возне девочек с куклою уже заранее обнаруживается то инстинктивное чувство, которое впоследствии выльется в материнскую любовь и уход за детьми, хотя нет еще и намека на половые функции (напр., менструации) или половое чувство. Мальчики же стремятся обнаружить перед девочками свое геройство, силу, защищают их и пр. Рано обнаруживается у обоих полов половая ревность. Все эти явления основаны на бессознательных инстинктах в связи с половыми предчувствиями, обуславливающими детскую влюбленность. Мальчик влюбляется обыкновенно в портрет красивой женщины, те или иные части женского тела или туалета, девочкам же свойственно увлекаться смелым характером, манерой держаться, а также мужской красотой. В главе IV мы говорили уже об этих предчувствиях у молодых существ.

В половых органах происходят процессы, подготовляющие период зрелости, причем у мальчиков появляются эрекции, несмотря на то, что член еще мал. У очень маленьких, но

патологически предрасположенных или развращенных мальчиков наличие полового чувства может быть обусловлена трением головки или раздражением, вызываемым фимозом (см. главу VIII); у девочек же при раздражении клитора. Отсюда и происходит онанизм у детей (см. гл. VIII). Так как выделения семени в этом возрасте быть не может, то при онанизме происходят выделения других желез, что также обуславливает ощущения сладострастия. Отмечаются особенно замечательные парадоксальные случаи, когда происходит правильное совершение полового акта у маленьких мальчиков и девочек, несмотря на то, что у мальчика нет еще семени, а у девочки яйца, причем все строение половых органов находится еще в зародышевом состоянии. Эти случаи, без сомнения, патологического свойства, но вместе с тем весьма характерны, как непосредственные показатели филогенетически приобретенной, через головной мозг, независимости полового стремления от законченного развития половых желез. У кастрированных в юности мужчин (евнухов) не наблюдается полового влечения, но кастрация во время или после возмужалости не исключает полового влечения, эрекции и других наружных половых проявлений.

Отсюда важное заключение: наличие полового влечения не есть еще ручательство за его нормальность. В главе VIII мы видим роль не только наследственности, но и искусственного раздражения и дурных привычек в развитии уродливости полового инстинкта извращенности и излишеств.

Глава IV ознакомила уже нас с исключительно индивидуальными видоизменениями *libido sexualis* у обоих полов и половую потенцией. Считаясь с возрастом между двадцатью и сорока годами, как представляющим период наибольшей мужской потенции и *libido*, нужно сказать, что, в интересах рождения сильного и здорового потомства, более благоприятным является возраст до тридцати лет, а не после этого срока.

Наблюдается, что одновременно с развитием утонченности полового стремления происходит качественное улучшение половой любви. Это объясняется, быть может, уменьшением интенсивности полового стремления, если иметь в виду лишь нормальные мозги. В то время, как юность дает перевес любовному пылу и ярко выраженному *libido sexualis*, а также необузданным страстям и эгоизму молодости, более зрелый возраст обеспечивает более равномерную любовь. Не следует однако, смешивать любовь с проявлением *libido*. Для романиста, который спекулирует на эротизм, гораздо интереснее, разумеется распространяться о пожаре страстей и о любовных катастрофах, чем изображать лишнюю пикантности здоровую и спокойную любовь более пожилых супругов. Половое стремление и половая потенция пропадает у мужчины в возрасте между 60-ю и 80-ю годами, причем потенция угасает раньше *libido*, что и служит иногда причиной того, что старики прибегают к всевозможным извращениям, чтобы усилить свою потенцию или удовлетворить свое *libido*.

Эгоистические мужчины на такой почве в старости становятся весьма извращенными и пошлыми. Ловко оперируя любовной фразой, заменяющей у них любовное чувство, эти старые дон-жуаны являются весьма опасными соблазнителями. В этом случае облагораживающее влияние возраста в любви совершенно исключается.

Вестермарк видит проявление нормальных условий в том, что пожилой мужчина влюбляется в немолодую же женщину. Однако, мы часто видим, как старики влюбляются в молодых девушек, причем и эти последние, как это ни странно, питают страстное чувство к своим старым ухаживателям, ничего общего не имеющее с какими-либо материальными или честолюбивыми соображениями.

Пылкая любовь старика к молодой девушке, как это справедливо утверждает Вестермарк, представляет собою отклонение от нормы, как мы и увидим в главе VIII. При этом нельзя назвать нормальным и проявление любовной страсти со стороны девушки к старикам, что объясняется нередко ее истеричностью или способностью легко поддаваться внушению.

Люди, осуждающие брак, совершенно упускают из виду ту просветленную любовь, которая наступает в более пожилом возрасте супругов. Исключения отсюда только подтверждают общее правило.

Женщина созревает раньше мужчины, причем уже в восемнадцать лет девушка нашей расы достигает половой и брачной зрелости. Возраст между 18 и 25-ю годами наиболее для нее благоприятный для половых функций. Климактерический период, или угасание способности к

зачатию, происходит у нее в возрасте между сорока и пятьюдесятью годами. Период способности к зачатию у женщины, таким образом, значительно короче, чем у мужчины, прекращаясь, в свою очередь, и значительно раньше.

Женщина поэтому гораздо раньше обнаруживает свое развитие и высоту природных способностей. Развитие *libido sexualis* у женщины происходит одновременно с половой деятельностью, причем до этого половое стремление выражается лишь неопределенным томлением. Может случиться, что онтогенетически у немолодых женщин (в возрасте от 30 до 40 лет) *libido sexualis* будет наиболее интенсивным, благодаря чему они будут влюбляться в молодых людей. Эти случаи также далеки от нормы. В общем следует считать, что мужчина должен быть лет на шесть-двенадцать старше своей жены, причем женщина должна как можно раньше выходить замуж.

Половое побуждение отступает на задний план в половой онтогении нормальной женщины перед беременностью, родами, кормлением и воспитанием детей. На этой последней деятельности, соединившейся с нежностью по отношению к мужу, и зиждется, главным образом, счастье женщины.

Наблюдаются случаи, когда и у пожилых женщин сохранилось *libido*, несмотря на наступление климактерического периода, что обуславливается чаще ненормальными условиями. Принято с неприязненным чувством отзываться о старой женщине. Правда, такие причины, как неудовлетворенное половое стремление, оскорбленное самолюбие, а иногда и патологические факторы, могут выработать из пожилой женщины существо несимпатичное. Но серьезное воспитание женщины, улучшение ее социального положения должно будет подействовать благотворно в вышеуказанном смысле. Есть много старых женщин, которых можно привести в качестве социально-этического образца, благодаря их выдержке, благородству, пронизательности, здравому смыслу. Стареющая женщина, потерявшая своих близких людей, способна посвятить себя социальной деятельности с чрезвычайной энергией. Любовь, таким образом, обусловленная прежде всего филогенетически половым влечением и в расцвете жизни тесно идя с ним рука об руку, все более и более от него отделяется, становится самостоятельной и находит себе другие замещающие объекты.

Ребенку свойственна на первых порах вполне естественная эгоистичность, стремление сохранить свое собственное "я". Однако, и в этом возрасте наблюдается уже проявление чувства долга и сострадания. С наступлением половой зрелости, совпадает и эгоизм вдвоем, преследующий цели размножения вида. Но на старости эти стремления отпадают, и служение интересам общества является обязательным. Одновременно должно произойти видоизменение половой любви в высшую, просветленную, идеальную любовь. Только в силу таких соображений получит свое подтверждение основной биогенетический закон Геккеля: «онтогения представляет сокращенное повторение филогении». Наш первичный предок (одноклеточное животное) филогенетически знал только свои собственные интересы, вслед за чем последовало половое воспроизведение, в свою очередь, на первых порах без чувства любви, а потом и в сопровождении половой и семейной любви (у высших животных, птиц и млекопитающих); все эти переходы увенчались высшей социальной любовью, в виде солидарного чувства долга или альтруизма. У человека это не столь обнаруживается, как у некоторых животных, у которых социальные чувства появляются, разумеется, вполне инстинктивно (пчелы, муравьи). Мы можем отсюда извлечь естественный закон, обуславливающий развитие альтруизма в общественных организациях. У человека общественное единение хотя и подвигается вперед очень медленно, но социальные чувства людей должны в конце-концов взять верх.

Наши слабые филогенетические чувства симпатии не дают права строить на них обязательную социальную солидарность. Но нужно считаться с тем, что альтруист способствует процветанию общества в силу своих общечеловеческих качеств, причем влияние эгоиста совершенно противоположное. Является насущно-важным поэтому содействовать половому размножению первого типа и обрекать на бесплодие второй.

Глава VIII

Половая патология

Ссылаемся здесь на известное сочинение Краффт-Эбинга: «Половая психопатия», а также на труды Гавелока Эллиса, Гиршфельда и др., в которых приведены многочисленные наблюдения, которых мы здесь, однако, не будем касаться. Должно сказать, что, не считая венерических болезней, половые органы не играют роли в этом вопросе. Патологические процессы, имеющие сюда прямое отношение сосредоточиваются в центральной нервной системе и в большом мозгу, как непосредственном органе души.

Ненормальности половой жизни не имеют почти ничего общего с теми приобретенными острыми болезнями, которые поддаются лечению лекарствами и всякими иными врачебными мерами, а принадлежит психической организации, прирожденным свойствам головного мозга. Благодаря возможности установить резкие границы в патологии между здоровым и болезненным состоянием, публике, а также теологам, юристам и даже врачам, не образованным психиатрически, свойственно называть подлостью, низостью, грехом и преступлением такие поступки, которые явились только следствием унаследованных свойств. Лишь сегодня к моему врачебному совету обратился вполне порядочный больной, которого один германский врач прогнал, вместо лечения, со словами: «Это свинство, вы свинья, замолчите и уходите вон!» А между тем этот человек, будучи по натуре высоконравственным, не перестает бороться со своими извращенными половыми наклонностями. Большинство непосвященной публики склонно смотреть на вещи с точки зрения этого невежественного врача, а потому я и считаю необходимым, несмотря на отвратительность предмета, дать здесь место краткому очерку нижеописанных явлений, содействующих также и прояснению вообще полового вопроса.

I. Патология половых органов в общем.

Всякие ненормальности, действующие разрушающе на половые железы ребенка или препятствующие их развитию, обуславливают явление кастратов или евнухов, о которых уже было говорено. Обыкновенным явлением, например, можно считать крипторхию, состоящую в том, что тестикулы остаются в брюшной полости или паховом канале, не будучи в состоянии развиваться. Мужчинам также свойственна аспермия, в силу которой, при вполне развитых половых железах, семя лишено семенных телец (сперматозоидов). Таким мужчинам все-таки свойственна способность к обнаружению, хотя и в слабой степени, половых функций, сопряженных, разумеется, с бесплодием. И, наоборот, женщины, не имеющие, например, менструации, обладают нормальными яичками и могут забеременеть. Бесплодие обуславливается туберкулезом тестикул, воспалением их и опухолью и заболеваниями яичников. Органические заболевания центральной нервной системы, особенно поясничного мозга (сухотка, воспаление спинного мозга и друг.) обуславливают часто половую импотенцию.

Правильная эрекция может быть нарушена благодаря прирожденным уродливостям (напр., гипоспадия и эписпадия, или прирожденные бороздки на поверхности члена). Семя, благодаря онанизму, может иногда выбрасываться и произвольно, без эрекции, вместе с мочой и, во всяком случае, не сопровождаясь сладострастным ощущением (сперматоррея). Не следует приписывать этому явлению слишком много значения, так как оно скоро проходит.

Неприятною и часто встречающейся ненормальностью мужского члена следует считать фимозу, при которой, благодаря чрезвычайной узости крайней плоти, головка не может пройти, особенно при эрекции. Стягиванием крайней плоти обуславливаются воспаление и опухоли, причем головка не может уже пройти обратно. Такое состояние, называемое парафимозой, может быть очень опасным. Фимоза подлежит всегда оперативному удалению, всего лучше посредством полового обрезания.

У женщин неспособность к зачатию обуславливается многочисленными заболеваниями. Сюда относятся, между прочим, заболевания матки и влагалища, катарры и воспаления, действующие уничтожающе на семенные тельца. Матка может оставаться недоразвитой, что дает бесплодие.

Найдено недавно оперативное средство, обеспечивающее бесплодие, без сопряженного с вредными последствиями удаления яичников; это достигается тем, что прерывается связь яичников с маткой путем перемены положения маточных труб или перевязки их. Бывают случаи, когда необходимо оперативное удаление девственной плевы, оказавшейся слишком развитой и обнаружившей сопротивление совокуплению. Иногда женщина страдает вагинизмом, или сильно болезненными ощущениями при введении пальца или мужского члена в ее влагалище. Гермафродитизм людей всегда патологичен, причем он почти никогда не встречается в полной форме, — полная двойная функция одного и того же индивидуума существует лишь в воображении, а не в действительности. Известный гермафродит, который называл себя Катериной Гоманн и которого я лично знал, обладал очень коротким клиторовидным членом и настоящей тестикулой на левой стороне в большой кожной складке, напоминавшей срамную губу. Здесь мы, очевидно, имели дело с ясно выраженными мужскими свойствами, причем этот гермафродит, окрещенный женщиной, вступал в половую связь со служанками, имея семенные истечения и проч. Что касается его женской природы, то она была выражена довольно слабо. Но мы знаем и существование превратных коррелятивных половых признаков, когда у женщин появляются бороды, у мужчин сильно развитые груди и т. д. См. Гиршфельда, *Geschlechtsübergänge*, а также главу I и главу VIII, III, 7, б.

II. Венерические болезни.

Мы не дадим здесь исчерпывающей картины этого зла, дезорганизующего семью и общественные устои. Ошибочно думают многие, что эти болезни обуславливаются половым сладострастием и половыми излишествами, ибо здесь единственная причина лежит в венерическом заражении. Венерическая болезнь может быть схвачена, благодаря поцелую, порезу на пальце, прикосновению рта к стакану или другому предмету, которым пользовался раньше зараженный этой болезнью, грязному белью, а также скученной и бедной жизни. А между тем наблюдаются случаи, когда какой-нибудь отчаянный дон-жуан, незнающий меры в излишествах, избегает, однако, заразы, что зависит от осторожности, опрятности, но также и от удачи. И в то же время встречаешь человека, единственный раз согрешившего на своем веку, заразившегося и навеки загубившего свою жизнь. Заражением мужчина почти всегда обязан проститутке. Мы опишем здесь три венерические болезни с их последствиями. Сюда можно присовокупить и паразитов (площицы, чесоточный клещ), которые можно схватить во время половых сношений с нечистоплотными людьми (а также и без половых сношений). Впрочем, в настоящее время от этих последних легко отделаться.

1. *Триппер, или гоноррея.* Эта болезнь состоит в гнойном воспалении слизистой оболочки мочевого канала, обуславливаемом бактерией гонококком. При достаточно сильных болях гоноррея может вылечиться в течение двух недель, если обстоятельства этому благоприятствуют. Но воспаление может получить большое распространение, становясь хроническим. Горе тогда больному! На почве хронического триппера происходит часто сужение мочевого канала, задержание мочи, катарр мочевого пузыря (камень мочевого пузыря), а в еще более сложных случаях и заражение почечной лоханки и почки. Если триппер был раз перенесен, то его еще легче получить вторично; при хроническом же триппере воспаления могут иметь место и без вторичного заражения.

Для женщины последствия триппера являются особенно тяжелыми, причем у нее он труднее поддается лечению. Больные гонорреей проститутки заражают мужчин. Гонококки, прячущиеся во всех внутренних складках женских половых органов, часто служат причиной воспаления матки, маточных труб, иногда яичников. У таких женщин бесплодие неизбежно, при тяжких страданиях. На потомстве триппер отражается в том смысле, что обуславливает трипперное воспаление глаз, или бленоррею новорожденного, который должен пройти через зараженные триппером половые пути матери. Бленоррея иногда оставляет после себя белые рубчатые пятна на роговой оболочке, ведущие нередко к потере зрения. Больные гонорреей мужчина или женщина могут, в свою очередь, сами получить воспаление глаз, если неосторожно дотронутся глаза запачканным трипперным выделением пальцем. Триппер может

вести к бесплодию.

2. *Сифилис* представляет собою еще более ужасную венерическую болезнь, микроб которой остался пока еще необнаруженным. Но эта болезнь основательно изучена. Она изумительнее триппера. Начало ее сопровождается появлением незаметной опухоли с твердыми краями, появляющейся на половых частях или на губах и т. д. Однако, сифилитический яд не сосредоточивается на одном месте, как гонококки, а при помощи кровеносных и лимфатических сосудов разносится по всему организму. Спустя несколько недель на лице и на всем теле появляется сыпь. Лечиться отныне приходится всю жизнь, причем нельзя быть уверенным в окончательном излечении сифилиса, который неожиданно может проявиться там, где его меньше всего ожидали.

Сифилитические опухоли могут появиться в каких-угодно частях тела, разъедавая кости, разрушая внутренние органы, как печень, уплотняя легкие, делая хрупкими кровеносные сосуды и отражаясь на зрении. Сифилисом же обуславливаются и опухоли в мозгу и целый ряд нервных параличей.

Сифилис, в качестве наиболее страшного последствия, обуславливает мета-сифилис или парасифилис — сухотку спинного мозга (*tabes*) и общий прогрессивный паралич мозга (который неправильно называют размягчением мозга). При первой происходит разрушение спинного мозга, а при втором — головного. Обе эти болезни свойственны только сифилитикам, появляясь обыкновенно через пять до двадцати лет после заболевания, чаще же через десять или пятнадцать лет. Сухотка спинного мозга может продолжаться несколько лет, сопровождаясь мучительными болями и в конце-концов — смертью. При параличе головного мозга появляется мания величия, причем мозговые функции одна за другою парализуются, превращая человека в жалкую развалину, для которой смерть должна явиться спасением. Здесь можно видеть влияние прогрессивного сморщивания мозговой ткани на душевную и нервную деятельность человека.

Сифилис, оставаясь иногда скрытым в своем течении или же обнаружив в первом периоде весьма слабые симптомы, как небольшие сыпи, могущие быть принятыми за кожные, — протекает на первых порах незамеченным. Резкие проявления его в начальном периоде (первичный и вторичный сифилис) устраняются лечением ртутью и другими средствами, но лечение это не гарантирует для «вылечивавшихся» избавления от паралича, спинной сухотки и других аналогичных явлений в будущем. Заразительность опухолей особенно велика в первые два-три года болезни, но уменьшается с течением времени, и на четвертом году исчезает совсем. Опухоли не болезненны, не причиняют зуда и не препятствуют совершению полового акта, болезненность же может проявляться значительно позднее. Женившись спустя несколько лет после заболевания, сифилитик, может быть и не заразит свою жену, но даст потомство, которое умрет еще в утробе матери или при рождении, или же падет впоследствии жертвой унаследованного сифилиса. Вообще сифилитик оставляет своему потомству неисчислимое количество врожденных болезней, причем смертность среди детей сифилитиков чрезвычайно велика. Фурнье и другие специалисты предполагали, что болезненная наследственность может влиять вплоть до третьего поколения. Вообще же здесь несомненно имеет место бластофория. От таких браков могут, впрочем, родиться и здоровые дети, но они могут оставаться бесплодными. Проститутки и публичные дома делают то, что мужчин-сифилитиков гораздо больше, чем женщин, так как одна больная проститутка заражает массу мужчин. Мужчины же, в свою очередь, передают в браке венерические болезни своим женам, заражая, таким образом, все общество.

3. *Мягкий шанкр* — это третья форма венерических болезней. Твердый шанкр — это первая твердая опухоль на том месте, где произошло заражение сифилисом. Мягкий шанкр наименее опасен из всех венерических болезней, но и более редко встречается. Мягкий шанкр представляет собою достаточно крупную опухоль на половых частях, разъедающую ткани и образующую рану, которая, впрочем, зарубцовывается, и болезнь не влечет за собою никаких последствий.

На венерические болезни следует смотреть, как на самых ужасных спутников полового стремления. Но пока медицина, в союзе с мужским вожделением, потворствовала терпимости к проституции, трудно было рассчитывать на избавление от этого бича человечества. Организация

надзора за проституцией, с обязательным врачебным освидетельствованием, представляет собою зло, которое не дает и не может давать никаких благоприятных результатов. Лечению венерических болезней приписывают чаще слишком большое значение. Лечить их (см. главу XIV) можно лишь принятием мер против заражения. Есть немало весьма изящных и воспитанных женщин, видящих в сводничестве и регламентированной проституции спасение для своих дочерей, которые, таким образом, не будут подвергаться опасности со стороны вожделения мужчин. Такому взгляду на вещи можно было бы удивляться, если бы не проглядывало здесь внушение со стороны мужчин, остающихся в этом вопросе не только консерваторами и авторитетами, но и чаще всего замаскированными эротоманами. Мы весь этот вопрос рассмотрим в его совокупности в главе X.

Наиболее трагичным результатом венерических заболеваний следует считать перенесение их в семью, заражение целомудренной и чистой жены, которой остается лишь предаться порывам отчаяния. Французские писатели, как Брие (*Les avaries*) и Андре Куврер (*La graine*), в своих романах и пьесах изобразили последствия венерических заболеваний и наследственности в семье. В Вене среди народа господствует дикое убеждение, в силу которого от венерической болезни можно освободиться, если совокупиться с целомудренной девочкой не старше 11 — 12 лет. Можно себе представить, сколько несчастных жертв человеческого тупоумия и зверства насчитывается, благодаря этому мнению, среди местных бедных невинных детей.

III. Половая психопатология.

Половая психопатология находится в сфере полового стремления, в тесной близости к фетишизму (см. главу V, в), и даже им обуславливаясь. Здесь, разумеется, должно иметь в виду извращенное половое чувство и патологическую любовь на почве непосредственного умственного расстройства. Мы рассмотрим, здесь ряд ненормальных явлений, в зависимости от низших нервных функций.

Прежде всего я должен заметить, что все так называемые функциональные нарушения нервной системы, а, стало-быть, и души (психопатология), распадаются на три группы: 1) патологическое возвышение нормальной функции или сильную реакцию на раздражение; 2) патологическое ослабление или совершенное онемение этих функций и 3) аномальные функции или качественно ненормальные реакции на раздражение.

Ничего нового в себе невропсихопатия не заключает. Все ее проявления имеют свои корни в нормальном мозгу и нервной жизни, и то же происходит и в половой психопатии.

Очень важна здесь общая сторона вопроса. Мы имеем две формы ненормальностей полового чувства: наследственные и приобретенные, благодаря порочному образу жизни. Краффт-Эбинг, констатируя наличность этих двух форм, с негодованием обрушивается на последнюю. Однако, мы не можем признать правильность характеристики, применяемой в этом случае.

Прежде всего, нельзя здесь говорить о противоположности между извращениями наследственными и приобретенными, так как различие их, главным образом, проявляется в относительной интенсивности. Половая ненормальность может проявиться уже в первые моменты движения детской души, исходя как бы изнутри и вполне ясно характеризуя элемент наследственности или несчастного сочетания энергий в соединившихся зародышевых клетках родителей (Вопрос этот разработан мною в моей книге: «*Ueber die Hygiene der Nerven und des Geistes im gesunden und kranken Zustand*», 3 Auflage, 1908, особенно в главах IV, V, VII, VIII, X и XI). Но здесь следует считаться еще и с наследственными предрасположениями к определенной ненормальности, которая обусловит уже, в свою очередь, то или иное извращение. Так, наследственная внушаемость действует усиливающе на половой инстинкт, нормальный от природы, и вообще ненормально направляя его. Смутная склонность к гомосексуализму, благодаря случайной встрече, может сделать человека урнингом (об этом далее), но эта склонность, быть может, совершенно исчезла бы у того же человека, если бы он встретил на пути своем женщину, которую страстно полюбил.

Наследственное предрасположение не замедлит прорваться, если оно достаточно сильно,

и будет искать лишь удобного случая, если оно не очень сильно. Но при совершенном отсутствии его, оно не может быть вызвано никаким внешним воздействием, никакими дурными влияниями.

Затем, приобретенная порочность не может быть рассматриваема, как продукт злой или порочной свободной воли, но как гибельное следствие воспитания порочного предрасположения окружающими испорченными нравами. «Среда» людей обуславливает, в свою очередь, неизбежный *circulus vitiosus* из причин и следствий. В зависимости от наследственных энергий, создаются нравы, которые сами порождают порочные наклонности, образуя, при помощи бластофтории, новые наклонности. Индивидуумы составляют «общество», и выразить «негодование» по отношению к порочным равносильно поступку ребенка, который колотит обжегшую его печку.

Я заметил, что между многочисленными случаями ненормальности почти нет двух совершенно сходных между собою. Поэтому все шаблоны, педантичные правила и теоретические выкладки в этом случае не имеют ровно никакого значения. Каждый случай в отдельности подлежит внимательному и серьезному изучению, каждый человек и вся его жизнь (часто это два человека!) должны быть рассмотрены в деталях, причем наследственность будет поставлена во главе угла, — и тогда лишь можно будет делать соответствующие заключения.

Перейдем теперь к фактам.

1. *Расстройство рефлексов.* С вагинизмом у женщины, о котором мы уже упоминали, можно сравнить и приапизм у мужчины, представляющий собою чрезвычайно рефлекторное раздражение эрекционных нервов, в зависимости от исключительной раздражительности нервных центров эрекции. Следствием этого являются постоянные, чаще болезненные, но, во всяком случае, неприятные эрекции, не сопровождающиеся сладострастным ощущением даже при истечении семени. Расстройство также заключается в легкой раздражаемости, дающей слишком быстрое сладострастное возбуждение после неполной эрекции, с преждевременным истечением семени.

У женщины тоже может иметь место непродолжительный и преждевременный *orgasmus venericus*. Эти примеры, впрочем, скорее принадлежат медицине.

2. *Психическая импотенция.* Этот вид импотенции может иметь место у мужчины и при нормальных условиях, но чаще при условиях ненормальных. Заключается она в следующем.

Несмотря на полную нормальность полового аппарата, центр эрекции, под влиянием какого-либо противоположного представления, не в состоянии привести кровеносные сосуды в такое состояние, которое необходимо для эрекции. Так, страстно любящий мужчина, имевший только что половую эрекцию и собирающийся совершить половой акт, поддается неожиданно какому-нибудь представлению о невозможности совершить это или комичности положения, — и происходит моментальное ослабление эрекции, исключающее возможность совокупления. И половая страсть, обуславливающая эрекцию, будет и в дальнейшем мгновенно прерываться под влиянием этой неудачи и сопряженных с нею чувства досады и стыда. Импотентность такого рода возрастает при одном только опасении, что такая неудача может постигнуть. При этом эрекция может отсутствовать только при желании совершить половой акт с данной женщиной, иногда же она становится общей. С такого рода проявлением неспособности успешно может бороться лишь гипнотизм, лечение внушением, хотя она может пройти и самостоятельно.

При психической импотенции может иметь место случай, когда опасение за удачный исход полового акта ослабляет чувство сладострастия, благодаря чему истечение семени произойдет без ощущения сладострастия, или же эрекция сразу прекратится внутри самого влагалища.

Иногда прекращение или ослабление эрекции является следствием издавна практикуемого онанизма, причем *libido* может остаться или тоже исчезнуть.

Есть, с другой стороны, много стариков, семя которых не содержит уже больше сперматозоидов, но которые вполне еще потентны, т. е. способны к эрекции, выделяя простатический секрет.

Бывают случаи, когда (см. главу V, пример 9) ночные эротические видения сопровождаются поллюциями, которые, будучи продолжительными и упорными, могут обусловить импотенцию наяву. Такие случаи я лечил гипнотизмом.

Непосредственное отношение душевной организации к половому стремлению и совершению полового акта ярко подтверждается вышеприведенными признаками, дающими еще и другие разновидности расстройства у таких мужчин, которые в других отношениях вполне нормальны.

У женщины, конечно, не может быть импотенции, как таковой. Но и у нее могут быть перерывы в ощущении сладострастия, причем в некоторых случаях, как мы видели, половой акт может ей внушить и отвращение.

3. *Половая парадоксия.* Под этим разумеют проявление любви, чаще полового влечения, в несоответствующем возрасте. Однако, есть большая разница между парадоксией, обнаруживаемой в детском и старческом возрасте.

К детской половой парадоксии не следует причислять тех или иных видов онанизма, о котором мы еще будем говорить. Многим народам жарких стран свойственно развиваться гораздо раньше в половом отношении, чем народам холодных поясов, но все же раса в этом смысле имеет большое значение. У некоторых народов мальчики достигают зрелости 12 — 14 лет от роду, девушки же 9 — 10-ти лет; у других же половое развитие мальчика заканчивается лишь к 20-ти годам, а девочки — к 17 — 18-ти. Но и в пределах одной и той же расы, в зависимости от сатириазиса или нимфомании, чрезвычайное развитие полового инстинкта может иметь место и на 7 — 8-м году жизни у девочек, а в более редких случаях и у детей, не старше 3-х лет. Ломброзо приводит случай девочки трех лет, усиленно занимавшейся онанизмом; мне тоже известны два таких случая.

Мальчик 7-ми лет, сын женщины-сводницы и ненормального в половом отношении мужчины, не получив ни от кого никаких указаний, начал преследовать девочек своего же возраста, завлекать их в кусты и здесь совокупляться с ними самым правильным образом. Будучи помещенным в психиатрическую лечебницу, он пытался здесь то же самое проделывать и с мальчиками, причем обнаружилось, что в нравственном отношении он стоял чрезвычайно низко. Его половые органы несколько не представляли чего-либо ненормального, и, стало-быть, парадоксия его исходила лишь из головного мозга.

То же наблюдалось и у девочки 9-ти лет, которая приставала ко всем мальчикам своего возраста или моложе ее. Вызывая у них сильное половое раздражение, она таким образом довела до медленной смерти одного из своих маленьких братьев, другому же причинила расстройство мочевого канала. С мальчиками постарше она имела половые сношения.

Половая потребность, как мы уже упоминали, может сохраниться и в старческом возрасте довольно поздно, причем, в связи с влюбленностью, она может вспыхнуть на короткое время, обуславливая и потенцию.

Парадоксия старческого возраста дает в результате тяжелое заболевание головного мозга — старческое слабоумие (*dementia senilis*). Таких больных вполне неправильно считают преступниками. Мне случилось видеть проявление исключительного сатириазиса, при котором больной, помещенный в психиатрическую больницу, предавался здесь мастурбации в присутствии людей. У многих стариков половая парадоксия обуславливает влечение к маленьким девочкам, что является на суде лишь усугубляющим вину обстоятельством. Во многих случаях здесь обнаруживаются и половые извращения, о которых мы будем говорить дальше. Половая потенция составляет довольно редкое явление у таких стариков, чаще же они импотентны и возбуждаются видом оргазма у девушки. Нередки случаи, когда старики в начале *dementia senilis* влюбляются в красивых, но сомнительной нравственности женщин, которые находят способы эксплуатировать их самым бессовестным образом.

4. *Половая анестезия,* или прирожденная недостатка полового чувства или стремления. Половое чувство и стремление настолько связаны между собою, что они друг от друга неотделимы, хотя у взрослых может иметь место влечение без ощущения сладострастия.

Половая анестезия представляет у мужчины явление довольно редкое (см. главу V, примеры 7 и отчасти 5, 8 и 9). В данном случае речь идет не о какой-либо специальной ненормальности, а о полном ослаблении нормального чувства. Здесь происходит, в противоположность примеру 10, указанному в главе V, вполне нормальное развитие всех коррелятивных признаков, как бороды, мужского голоса и характера, способностей, силы воли и проч. Люди, страдающие половой анестезией, совершенно не сознают этого и могут попасть,

таким образом, в весьма неловкое положение, особенно, если вздумают жениться (см. главу V, примеры 7 и 8).

Я знал людей, у которых эрекция и семяизлияние обуславливались лишь одним созерцанием изображений голых женщин как наяву, так и во сне, но у которых тех же результатов не получалось от трения головки. Оргазм, таким образом, не являлся следствием трения полового члена, причем излившееся семя все-таки содержало живых сперматозоидов.

Половая анестезия в большей степени свойственна женщинам, и Краффт-Эбинг напрасно приписывает ее только невропатическим женщинам. Женщина может быть всю жизнь вполне здоровой и нормальной и все-таки оставаться холодной в половом отношении. Нормальное половое чувство у женщины является большей частью следствием высшей любви, желания иметь потомство и потребности в ласке. Холодная женщина отдается мужу «лишь по обязанности», не получая никакого чувственного удовольствия, но имея лишь душевное удовлетворение.

Наступая нормально в старости, половая анестезия может быть следствием разрушения половых желез, чрезмерных половых излишеств, иногда долгого воздержания, а также физических и душевных болезней,

5. *Половая гиперестезия*, или неестественное усиление полового стремления. Мы видели уже при рассмотрении детской парадоксии, что эта аномалия может быть врожденной. Мы знаем эту потребность у дон-жуанов и мессалин, причем она реже встречается у женщин, чем у мужчин. В этих случаях проявляется половая алчность не только при виде лица противоположного пола, но и при соприкосновении с принадлежащими ему вещами. На этом основании, с половою гиперестезией часто граничит и упомянутый нами выше фетишизм. Чувство насыщения при гиперестезии наступает лишь на незначительное время сейчас же вслед за оргазмом, вообще же она ненасытна.

Половая гиперестезия у женщин, равно как и *libido*, совпадает у них чаще с периодом менструации, но бывает и в другое время.

При отсутствии возможности естественного удовлетворения, чаще всего практикуется в этом случае онанизм, но привлекающими являются и всевозможные слизистые оболочки (задний проход, рот и т. д.), а также и предметы неодушевленные. Мужчину приводит в исступление вид всякой не очень уж противной женщины, причем грязные представления на эротической почве не покидают его ни днем, ни ночью. У мужчин высшая форма гиперестезии называется сатириазисом, а у женщин нимфоманией. У женщин мне приходилось наблюдать два вида половой гиперестезии. В первом случае они душой и телом стремятся к мужчине, о нем лишь думают, и мозг их вполне настроен согласно с инстинктом. Других же женщин низкие побуждения толкают к онанизму, и эротические сны мучают их беспрерывно. Но они не обнаруживают влюбчивости, и в отношении к мужчинам довольно холодны и вообще разборчивы. Таким образом, их мозг совершенно не участвует в деятельности низших нервных центров. Между этими формами, разумеется, имеется много переходных ступеней. Половая гиперестезия не исключает, однако, достижения глубокой старости при полном сохранении умственных способностей.

Будучи искусственно привитой, такая гиперестезия поддается лечению внушением. Но врожденная, с предшествовавшей ей детской парадоксией может быть устранена лишь при помощи кастрации, которую и необходимо рекомендовать при безусловно безнадежных случаях как в интересах индивидуума, так и общества.

6. *Онанизм* (мастурбация, или рукоблудие). Онанизм получил свое название от библейского Онана, сына Иуды и Шуа, внука Иакова. Отец предложил ему сожительство с вдовой брата и иметь с нею детей, что Онану не нравилось. Чтобы избежать этого, он раздражал половой член и изливал семя на землю, чтобы не иметь детей от сожительства с невесткой. «Это зло неугодно было богу», — говорится в Библии.

Неясное половое влечение дает смутные ощущения в раздражимых областях (эрогенных зонах) половых частей (особенно головки). При частых и все усиливающихся эрекциях у юноши, желание его находит исход в ночных поллюциях с соответствующими эротическими видениями или же в сладострастных ощущениях, являющихся следствием искусственного раздражения головки и сопровождающихся истечением семени. В последнем и заключается

онанизм, или рукоблудие. Трение члена у мужчины рукою или о мягкий предмет сопровождается эротическими представлениями обнаженной женщины или ее половых частей. Такая форма онанизма может быть названа онанизмом по нужде, так как не всегда является следствием ненормальности, а лишь средством на крайний случай. В расположенных уединенно войсковых частях, в закрытых мужских учебных заведениях, при отсутствии надзора, старшие прибегают иногда к удовлетворению половой потребности в anus младших, более полных или женоподобных товарищей. Это называется педерастией. На такой же почве происходят сношения с животными, например, коровами, козами и пр. О людях, прибегающих к подобного рода приемам, нельзя говорить, как о «нравственно погибших». Их часто заставляет прибегнуть к онанизму застенчивость, слабохарактерность, пренебрежительное отношение со стороны женщины, в то время как половая возбудимость их достаточно сильна. Такого рода онанизм по нужде является менее опасным, хотя и он отражается на психике индивидуума, обуславливая как душевное, так и нередкое физическое истощение. Ослабляется воля, ее способность к сопротивлению тем представлениям, которые влекут его к онанизму. Однократное истечение семени можно считать не более опасным для здоровья, чем ночную поллюцию, но, будучи сопряженным с нервными ощущениями, оно действует вне сомнения, на организм более истощающе. Однако, можно с уверенностью заявить, что результаты умеренного онанизма у достигших половой зрелости лиц слишком раздуваются многими врачами, примем трудно сказать, где начинается в этом случае эксплуатация и где кончается бездарность.

У мужчин нормальных половая потребность, как мы видели, отличается большей интенсивностью, чем у нормальных женщин, что усугубляется накоплением семени, возбуждающим сладострастие. Этого последнего нет у женщины, у которой по этой причине, между прочим, не может иметь места и онанизм по нужде, так как нет необходимости в облегчающем истечении семени. У женщин онанизм встречается реже, чем у мужчин, причем он может явиться продуктом случайного местного раздражения или же патологической возбудимости. Женщина онанирует, раздражая с этой целью клитор и вводя во влагалище твердые закругленные гладкие предметы, которые она двигает взад и вперед, подражая движениям при совершении полового акта. В других случаях она просто трет друг о друга скрещенные ноги. Для целей раздражения служит также и раздражение клитора лизанием (cunnilingus). Во всем этом нельзя видеть ту страшную опасность, о которой многие любят говорить, но все же мы здесь имеем дело с низменными извращениями полового инстинкта, которых следует избегать из уважения к самому себе. По-моему же, все виды похотливой «любви», ничего общего не имеющие с любовью в настоящем ее значении и граничащие лишь со скотским удовлетворением инстинкта, представляют собой одну из разновидностей онанизма по нужде. Сношение с проституткой можно было бы в этом смысле поставить еще ниже онанизма.

Вторая форма онанизма проявляется у детей, как следствие случайного раздражения, иногда благодаря фимозу у мальчиков (см. выше,) а у девушек — в зависимости от очень мелких глистов у заднего прохода и половых частей (охиури), причиняющих зуд. Такой онанизм сам по себе безвреден, но может обусловить весьма опасную привычку в дальнейшем, вследствие чего эти глисты и фимозы должны быть устранены.

При третьей форме онанизма дети перенимают его друг от друга, что наблюдается чаще в учебных заведениях. Дети, занимающиеся онанизмом до достижения половой зрелости, становятся хилыми, болезненными, ленивыми, неподвижными. В будущем они являются импотентами и склонными к половым извращениям. Надзор, движение на воздухе, увещания, — все это может действовать отвлекающе, но лучшими средствами для устранения привычного онанизма является любовь и нормальное половое общение.

Четвертая форма онанизма возникает самопроизвольно, благодаря наследственному предрасположению к психически-половой преждевременной зрелости и сатириазису или нимфомании.

Если не считать формы парадоксальной, связанной с неизлечимой половой раздражительностью, можно сказать, что все остальные вышеуказанные формы онанизма поддаются лечению, конечно, не строгостями и наказаниями, а ласкою, увещанием и

отвлечением к труду и умственной деятельности. Полезных результатов достигают в последнее время в окружных воспитательных приютах (Landerziehungsheime, см. гл. XVII). Здесь ребенок с того момента, как встает, и до тех пор, как ляжет, находится под неусыпным, разумным надзором и проводит время в труде, так что, ложась спать, моментально засыпает и не имеет времени думать об онанизме. Само направление, господствующее в школе, является энергичным противодействием усвоению дурных привычек.

К пятой форме онанизма мы отнесем упорный онанизм урнинггов, как людей, не имеющих никакого влечения к противоположному полу и, стало-быть, не могущих удовлетвориться нормальным половым общением, как естественном противовесом их дурной привычке.

Вообще же, если мужчине представляются эротические женские образы, то здесь мы имеем дело с онанизмом по нужде; если же образы будут мужские, то онанирующий, без сомнения, урнинг. Но онанизм наблюдается и у детей в таком возрасте, когда не может быть и речи о психо-половых отражениях.

Онанизм и ипохондрия. Онанисты имеют обыкновение жаловаться на загубленную жизнь свою, осыпают самих себя упреками и считают себя чуть ли преступниками. Нужно отдать справедливость и всем этим страшным книжкам об онанизме, не лишенным шарлатанской подкладки, а нередко на ней только основанным, умеющим эксплуатировать одновременно и страх, и эротические наклонности своих читателей. В этих произведениях онанист представляется в качестве субъекта, безвозвратно обреченного на гибель, как физическую, так и моральную.

Однако, здесь, как и в басне, когда обезьяна приготовила все для демонстрации картин волшебным фонарем, но забыла лишь зажечь фонарь, — забывают узнать подробности этого будто бы страшного онанизма. Результаты, благодаря этому, получаются следующие.

Онанисты представляют собою людей, наследственно обремененных, застенчивых, пугливых и наклонных к ипохондрии, чутко и болезненно относящихся ко всем своим ощущениям и склонных малейшее изменение в состоянии своего здоровья считать чуть ли не угрожающим их жизни. Встречаются субъекты, которые на почве мнительности готовы нормальные ночные поллюции принимать за самый страшный онанизм. Эти же субъекты, предаваясь онанизму, не склонны к злоупотреблениям, онанируя раз или два в неделю и, таким образом, не превосходя упомянутой нами лютеровской нормы. Но мы должны согласиться с тем, что ипохондрия в известной степени предрасполагает к онанизму.

Однако, эта категория онанистов не представляет собою наиболее распространенной формы. Есть много неумеренных онанистов, относящихся к категории страдающих половой гиперэстезией и вместе с тем далеко не представляющих собою жалкого существа, как это принято утверждать. Они становятся впоследствии дерзкими дон-жуанами, достаточно самоуверенными и ловкими, не уступающими другим в проказах и дурачествах. Утверждение, что «можно узнать по лицу и манерам занимающихся онанизмом», является просто неправдой. При рассмотрении половой гиперэстезии мы видели уже, насколько вредят себе такие рафогсе-онанисты; что же касается онанистов-ипохондриков, то здесь обыкновенно смешиваются причина и следствие, ибо половая ипохондрия предшествует онанизму, а не является его следствием.

Мы отсюда выводим два заключения; первое из них, — что половых ипохондриков необходимо лечить от ипохондрии, а не от онанизма, а второе, что наиболее усердные онанисты заключаются не в этой категории психически нездоровых субъектов.

Женщины в значительно меньшей степени подвержены ипохондрии, и особенно девушки; у них, стало-быть, нет места и половой ипохондрии. Но онанизму женщины предаются обыкновенно, не жалуясь, причем не следует думать, что это сопряжено для них с меньшим вредом, чем для мужчины. Правда, у них нет потери соков, как у мужчины, но нервное раздражение у них значительно больше и вреднее. Стыд в меньшей мере свойственен женщине онанирующей, чем мужчине, чем объясняется и меньшая у них угнетенность, сопряженная с онанизмом. Вместе с тем можно заметить, что у женщины раздражительность полового чувства прекрасно уживается с высокими этическими и эстетическими качествами души, даже с сильною волей. И, наоборот, в половом отношении холодная женщина может быть и безнравственной, предающейся излишествам без всякого ощущения сладострастия. Слагаемые,

дающие в половой сфере конечную сумму, отличаются, таким образом, исключительной сложностью.

7. *Извращения полового стремления*, или парэстезии полового ощущения. Это явление заключается в том, что половое стремление направляется не на соответствующие объекты. Исследование этого вопроса наиболее основательно сделано Краффт-Эбингом, которого мы и будем придерживаться в дальнейшем.

А. Половое влечение к лицам другого пола в извращенных проявлениях инстинкта.

а) *Садизм* (активная жестокость, соединенная с насилием и сладострастием). История дает нам многочисленные примеры жестокости, граничащей с терзанием жертвы и обуславливающей половое сладострастие.

Садизм обязан своим названием французскому маркизу де-Сад, посвятившему описанию сладострастия и жестокости несколько непристойных романов. Садизм в более слабой форме имеет место как у мужчин, так и у женщин, когда в моменты высшего ощущения сладострастия, при совершении полового акта, мужчина или женщина, сжимая в своих объятиях другого, кусают его или царапают. У Ломброзо мы встречаем описание скотских эксцессов у солдат, возбужденных боем и жаждой убийства. В этом случае мы имеем дело с обратным садизмом, так как экзальтация борьбы обуславливает экзальтацию сладострастия, а не наоборот, как это обыкновенно бывает при садизме.

У мужчины очень часто присоединяется то обстоятельство, что, будучи активной стороной, он сохранил еще в себе отголоски инстинкта борьбы его предков за обладание самкой и насильственного овладения самой самкой. Поэтому полное подчинение себе предмета своей страсти доставляет ему особое ощущение сладострастия. Проявление садизма возможно при сочетании двух благоприятствующих факторов: с одной стороны, патологически усиленной ассоциации сладострастия с потребностью истязать свою жертву, а с другой — отсутствия противодействующего облагораживающего начала, при наличности животной, эгоистической бесчувственности.

Садизм, по Краффт-Эбингу, является только врожденным, но соображения чисто житейского свойства, среди которых страх занимает первое место, действуют на первых порах умеряюще. И стоит лишь сложиться благоприятным обстоятельствам, чтобы он проявился во всех своих насильственных формах. При недостатке или полной потере нравственного чувства, когда садизм сопровождается высокой потенцией, сладострастие может превратить человека и в убийцу на почве того же полового извращения. Такие чудовища, как известный лондонский Джек-Потрошитель, считаются далеко не единичным. Убийца ощущает величайшее сладострастие в те мгновения, когда он изрезывает или закалывает женщину, которую ему удалось куда-нибудь завлечь. При этом некоторые еще до убийства или сейчас же вслед за ним совершают coitus со своей несчастной жертвой или же онанируют в их истерзанном труп.

Другие же для возбуждения своего сладострастия вовсе не нуждаются в совершении полового акта, так как одно созерцание ужаса, страдания и крови жертвы вполне удовлетворяет их вождление. Есть и такие садисты, которые рвут на куски и пожирают куски тела жертвы дикого своего сладострастия или же пьют ее кровь.

И здесь имеют место еще и общие виды полового извращения, в зависимости от которого некоторые садисты обращают все свое внимание на детей или же представителей своего же пола.

Садизм может быть направлен не только на живых людей. Есть садисты, S которые убивают животных и насыщают кровью убитых свое сладострастие. Другие секут и колют до крови проституток, при этом они систематически и медленно истязают свои несчастные жертвы. Наибольшее удовольствие доставляет им унижение женщин, и они для получения сладострастного ощущения могут удовлетвориться только одной видимостью покорности. Сладострастие у садиста повышается, если он при онанизме или совершении полового акта представляет себе кровавые картины, как плод его больной фантазии; есть такие садисты, которые ощущают половое удовлетворение благодаря тому, что пачкают грязью женщину и т. д.

б) *Мазохизм* (сочетание пассивно-переносимой жестокости и страха со сладострастием). Краффт-Эбинг увековечил это извращение названием по имени писателя Захер-Мазоха, романы

которого посвящены описанию этого извращения. Мазохизм — это полная противоположность садизму. Половое сладострастие у мазохиста достигает полной меры, когда не он других, а другие его унижают, оскорбляют, истязают, бьют хлыстом или палкой и вообще причиняют ему страдания.

Мазохизм может проявиться в полной мере или же частично. Мазохист в нормальном состоянии большей частью представляет собою существо, психически импотентное, и сладострастие его возбуждается и достигает полного развития, , сопровождаясь эрекцией и излиянием семени, только после перенесенных им истязаний и оскорблений. Здесь, как и при садизме, известные представления, хотя реально и не осуществленные, в состоянии заменить как фактические истязания, так и унижения, обуславливая все-таки желаемый результат.

Мазохизм, подобно садизму, является природным инстинктом. Уже в детстве будущий мазохист представляет себя перед воображаемой любимой женщиной непременно на коленях, причем она топчет его ногами, осыпает оскорблениями и всячески третировает. Мазохиста, конечно, не могут исправить телесные наказания, совпадающие с его извращенными вожделениями. «Исповедь» Руссо — это исповедь мазохиста. Поэтически-романтические представления у мазохиста причудливо сочетаются с половыми ощущениями, причем его умственному взору представляется прекрасная женщина, являющаяся его повелительницей и властно распоряжающаяся им — покорно и рабски любящим, преданным и готовым на все. Нормальное совершение полового акта не интересует мазохиста, не возбуждая в нем никакого сладострастного ощущения, и, во всяком случае, нуждается в соответствующих мазохистских представлениях. Мазохисты заставляют иногда проститутку сечь и топтать их ногами. В этом случае они носят название флагеллянтов. Некоторым мазохистам сладострастное ощущение свойственно при представлении, что женщина режет их или даже убивает. Вместо сношений с женами, они заставляют последних брить их, что связано для мазохиста с переживанием определенного цикла мазохистских идей. При наличии достаточного количества средств, мазохисты инсценируют сложные спектакли, в которых они являются перед лицом властных женщин, унижающих их в качестве подсудимых, связывающих их голыми и приговаривающих мазохиста к смерти. Воображение одной только такой картины достаточно для мазохиста, чтобы возбудить у него сладострастие.

Крафт-Эбинг вполне основательно замечает, что странные фантазии известного французского поэта Бодлера, изображающего свой труп висящим на виселице на острове Цитере и расклеиваемым птицами (см. Baudelaire «Fleurs du mal», «Un voyage a Cythere»), что фантазии эти базируются на сочетаниях садизма с мазохизмом, связанных поэтому с своего рода пассивно-половой некрофилией (см. ниже) к самому себе. Он выбирал себе для совершения полового акта наиболее противных женщин каких угодно рас, как китайок, негритянок, карлиц, великанш и рядом с ними наиболее манерных новых женщин, представляя собою вообще патологическую натуру. Случай Гаммонда, приведенный Крафт-Эбингом, является в этом смысле наиболее типичным:

Х., представляющий собою образцового мужа и отца нескольких детей, время от времени подвержен припадкам, побуждающим его отправляться в дом терпимости, где он выбирает двух-трех крепко сложенных девиц и запирается с ними. Обнажив совершенно верхнюю часть тела, он ложится, закрывает глаза, скрещивает руки и заставляя проститутку топтать каблуками его голую грудь, шею и лицо. Часа через два он чувствует себя вполне удовлетворенным, причем самочувствие его тем лучше, чем жесточе с ним обходились его истязательницы. Он одевается, потирает свои синяки и удаляется, чтобы через неделю-другую явиться сюда снова для повторения этой дикой манипуляции.

Крафт-Эбинг видит «замаскированный мазохизм» в тех случаях фетишизма, когда, в зависимости от фетиша, обуславливающего половое влечение, есть основание предполагать, что ощущается потребность в унижении перед женщиной. Таков фетишизм обуви и ноги. Сладострастие возбуждается у такого фетишиста, когда его топчут женские ноги и ботинки. Башмачок хорошенькой женщины вызывает у него сладострастие. Некоторые субъекты вколачивают себе в обувь гвозди таким образом, что они проходят через каблук насквозь и, причиняя боль, вызывают ощущение сладострастия. Возбуждение обуславливается у них вследствие одного только прикосновения к половому члену женских ботинок. На мазохиста

могут действовать возбуждающе даже женские выделения, в чем признался мне лично человек вполне религиозный, который склонен был приписывать свою извращенность собственной греховности. Он, между прочим, женился, думая таким способом избавиться от своей навязчивой идеи, но оказался импотентным.

Женщине мазохизм свойственен не так, как мужчине, а главным образом в области их нормальных половых чувств, соответствуя их пассивной роли. Женщине нравится муж сильный, повелительный, решительный. Ясно выраженных форм мазохизма у женщины почти не встречается.

Религиозный экстаз факиров и флагеллянтов совпадает с мазохизмом по аналогии, так как и здесь представляется, что мученичество откроет врата рая, сделает угодным богу и проч., что и обуславливает восторженное состояние.

И в мазохизме может иметь место половое извращение, при котором влечение направлено на свой же пол. Я знал одного господина, который испытывал сладострастные ощущения лишь благодаря полученной порции побоев, причем, еще будучи мальчиком, он всячески старался подвернуться под наказание, доставлявшее ему удовольствие (как Руссо). Драки вызывали у него эрекцию с эякуляцией, причем он всю жизнь свою не знал ни других половых раздражений, ни половой любви.

в) *Фетишизм* (возбуждение сладострастия, благодаря созерцанию какой-нибудь части тела женщины или предмета ее одежды, или же представлению о них). Это явление, роль которого мы рассматривали уже при мазохизме, отчасти свойственно и всякому нормальному половому инстинкту в той мере, в какой особенно возбуждающе на инстинкт многих людей действуют некоторые части женского тела, принадлежности одежды и пр. Патологического фетишизма не касаются поэтому те части тела, которые действуют нормально возбуждающе, как женские груди, половые части, точно также, как и представление о них.

Действительный фетишист представляет собою существо в высшей степени патологическое, причем все половое чувство его вращается в области ограниченного количества предметов, имеющих связь с женственностью. Сюда относятся чаще женские носовые платки, дамские ботинки, перчатки, бархат, из частей же женского тела — коса, руки, ноги и т.д. Но эти фетиши не являют собою того же, что и в нормальной любви, когда данная вещь по ассоциации идеи дает представление и о любимой женщине. Фетишиста совершенно не интересует та женщина, вещь которой он обожает. И ему достаточно одного созерцания фетиша, прижимания его к трепещущему сердцу или прикосновения к половым частям, чтобы получить эрекцию, сладострастное ощущение и излияние семени. Некоторых фетишистов возбуждают лишь недостатки женщин, как косоглазие, кривоножие и проч. Обрезыватели кос наиболее известны в этом смысле. Они мастурбируют отрезанными в толпе женскими косами и даже, вдохновляясь женскими волосами, сочиняют в честь их стихи. Фетишами могут быть и некоторые туалеты, но обувь стоит, как фетиш, на первом плане. Крафт-Эбинг приводит типичный случай психического отражения инстинкта такого фетишиста обуви: он возмущался выставкой дамских ботинок в витрине магазина, находя это безнравственным. Такие выставки заставляют краснеть многих фетишистов, которые, между тем, совершенно равнодушны к женской наготе. В январе 1906 года в Берлине задержан был срезыватель кос, у которого нашли дома не меньше 31 косы, срезанной им в толпе. Еще будучи мальчиком, он срезал косу у своей родной сестры. Фетишизм свойственен преимущественно мужчинам, но может иметь место и у женщин. Я видел женщин, которые приходили в высший экстаз на почве фетишизма, присутствуя при акте деторождения или встречая беременных женщин.

г) *Некрофилия*. Некоторые индивидуумы оскверняются в половом смысле при помощи трупов, что обуславливает у них сладострастие. Между ними, правда, много идиотов и душевно-больных. У большинства из них это выливается в форму фетишистского садизма.

д) *Эксгибиционизм*. Есть категория мужчин, удовлетворяющих свое половое влечение лишь при помощи мастурбирования в присутствии женщин. Они достигают этого тем, что прячутся где-нибудь в немногочленном месте или за кустом и при виде проходящей женщины стараются привлечь на себя ее внимание, показывают ей свои половые части и при этом онанируют. Цель считается достигнутой в смысле получения удовлетворения, когда они чувствуют на себе взгляд женщины. Опасаясь преследования, эти субъекты умеют очень ловко

скрываться вслед за изливанием семени. Но все же они, в конце-концов, попадают в руки полиции. И замечательно то, что ни общественное положение эксгибициониста, ни ожидающая его высокая кара не могут удержать его от такого опасного и бессмысленного удовлетворения полового влечения, при котором он даже не притрагивается к предмету своего вождления.

Встречаются также и женщины-эксгибиционистки в среде душевно-больных. Из них я лично наблюдал двух типичных эксгибиционисток. Но я затрудняюсь сказать, свойственна ли и не душевно-больным женщинам такая аномальность. При обнаружении такой склонности, женщина могла бы, во всяком случае, подвергнуться опасности.

Б. Половая склонность к лицам равного пола (гомосексуальная любовь и извращенное половое чувство).

Рассмотренные нами явления, несмотря на всю свою отвратительность, все же имеют в основе естественное стремление индивидуума к лицу противоположного пола.

В предстоящих исследованиях мы, наоборот, будем иметь дело с людьми, которых не только инстинкт, но и душевные отражения имеют в виду лишь свой собственный пол, причем пол противоположный внушает даже отвращение, в связи с представлением о половых сношениях. Здесь, стало-быть, мы встречаемся с любовью мужчины к мужчине и женщины к женщине. Но это явление не имеет ничего общего с обыкновенной заменой на крайний случай, как мы это видели при онанизме по нужде. Здесь может быть речь только о врожденной испорченности, при которой нормальное совершение полового акта становится почти невозможным.

а) Мужская гомосексуальная любовь. В то время, как вполне нормальным является обращение полового влечения на объект противоположного пола, приходится констатировать часто повторяющееся патологическое явление, в силу которого вся половая страсть и чувство любви направлены всю жизнь на мужских же индивидуумов. Этот вопрос, к сожалению, по настоящее время толковался очень неправильно, и лишь теперь делаются попытки к освещению вопроса как с точки зрения самих больных, так и психиатров. Один из этих больных, ассесор Ульрих, выступив открыто в печати в защиту гомосексуализма, присвоил своим сотоварищам название урнингов, сохранившееся за ними и по настоящее время. Нормальных же людей он назвал дионингами. По мнению Ульриха и его единомышленников, урнинги представляют собою вполне нормальный физиологический вид людей, причем их любовь должна быть также признана, как и нормальная любовь. Гиршфельд в последнее время также делал попытку изобразить урнингов в качестве разновидности отдельного типа. Такое мнение совершенно необосновано, будучи создано благодаря жонглированию словами и понятиями о болезни и здоровьи (Обращаю внимание на прекрасную статью Dr. Ernst Riidin: «Zur Rolle des Homosexuellen im Lebensprozess der Rasse» (Archiv für Rassen und Gesellschaftsbiologie 1904, 1 Heft, Berlin).

У урнингов первое детское движение полового чувства выражается тем, что в качестве мужчин они чувствуют себя по отношению к другим мужчинам женщинами. Им свойственны пассивная покорность, мечтательность, любовь к занятию женским рукоделием, женской одежде, причем общество женщин, родных им по духу, и является для них наиболее приятным. Урнингу в большинстве случаев не чужды сентиментальность, ханжество, кокетство, страсть к нарядам, блеску и роскоши. Половая потребность его проявляется довольно рано, причем сопряжена с сильным любовным романтизмом и направлена на мужчину, скорее нормального. Влюбленность урнинга чрезвычайна. Любовные письма, страстные признания и клятвы, ревность, — все это составляет отличительные черты урнинга. Мужчина, возбудивший «любовь» урнинга, действует на него привлекающе в половом смысле, причем урнинг испытывает желание стать его «женой». Но в большинстве случаев он встречает резкий отпор, угрозу судом, а нередко и шантаж, и поэтому приходится удовлетвориться урнингом же. Урнинги удивительно легко узнают друг друга. В начале своей половой жизни урнинг мечтает о любви к мужчине, видя в ней вполне естественное удовлетворение своих стремлений. Но со временем, когда он узнает о существовании другого рода нормальной любви, направленной на противоположный пол, урнинг ожесточается и вместе с тем сильно страдает. Открыть душу не перед кем, да и сопряжено нередко с опасностью, поэтому он предается онанизму. Узнав о

связи какого-нибудь другого урнинга, он присоединяется, если возможно, к этой связи, если его нравственный уровень позволяет это сделать.

Когда он обзавелся сочувствующим возлюбленным, урнинг не спешит воспользоваться, чтобы привести в исполнение род совокупления при помощи введения полового члена в задний проход. Вместе с этим возлюбленным они чаще предаются онанизму. Но большинство урнингов испытывают чрезвычайное наслаждение, когда другой мужчина вводит свой половой член в их задний проход, причем они, таким образом, являются пассивными педерастами. Некоторые урнинги признают лишь роль активную.

Урнинг видит свой идеал в разрешении законом брака между мужчинами. Не постоянство не свойственно урнингу, который склонен скорее к мужской полигамии. Половую любовь с женщиной урнинг считает низменной, недостойной и в лучшем случае пригодной лишь для размножения новых урнингов. Гомосексуальная любовь играла достаточно видную роль и в истории; урнингами были Платон и Сафо и, как предполагают, хотя это еще не доказано, и другие исторические величины (как Платон, Фридрих Великий).

Вместе с Краффт-Эбингом мы держимся того убеждения, что гомосексуальная любовь представляет собою продукт болезненности, причем урнинги обнаруживают психопатичность и в других отраслях. Это мне удалось проследить и лично путем наблюдений. Такие душевно-больные урнинги, как Людвиг II Баварский и другие больные, страдающие одновременно и *pseudologia phantastica* и гомосексуализмом — подтверждают тесное соседство уранизма с психозами.

Можно лишь согласиться с Гиршфельдом в том, что такого рода извращенное половое чувство и гомосексуальная любовь являются как бы частичным гермафродитизмом, причем половым железам и половым органам свойственны признаки одного пола, в то время как большей части головного мозга свойственны признаки другого. Патологичность, разумеется, при этом не исключается.

Урнинги, с которым, обыкновенно приходится иметь дело в больницах и на суде, отличаются цинизмом и развратностью, но этого нельзя сказать о всех урнингах. Мне лично известны многие из них, в жизни чрезвычайно порядочных, сгорающих от стыда за свое извращение, борющихся со своим неестественным влечением и готовых ценою жизни искупить свои страдания.

Уранизму свойственны две отрицательные стороны, возникшие из строгого преследования урнингов со стороны законодательства многих стран. Во-первых, урнинг, следуя советам и указаниям друзей и обнаружив свои признаки уранизма, спешит воздействовать на свою ненормальность при помощи женитьбы. Раньше, чем жениться, урнинг иногда посещает проститутку, делает не всегда удачную попытку к совершению полового акта, но утешает себя тем, что здесь он имеет дело с продажной любовью. Это, конечно, наибольшая нелепость и самый скверный поступок, так как ни в чем не повинная жена является очень скоро отвергнутой и покинутой. Урнинг третирует ее, приводит в дом мужчин-любовников, полового общения с ней не имеет, и в результате глубокий разлад, ведущий к разводу. Содействие таким бракам должно считать не в меньшей мере преступным, с чем и надлежало бы считаться закону, вместо того, чтобы преследовать любовные отношения между взрослыми урнингами.

Другим скверным последствием гомосексуальной любви являются покушения на вымогательство со стороны всевозможных мошенников. Урнинги обыкновенно встречаются у общественных писсуаров, в банях и пр. Специалисты вымогатели отлично знают все эти места и за плату вступают в сношение с урнингом. Но, узнав об общественном положении урнинга, они превращаются в вымогателей, грозя доносом, куда следует, в случае неуплаты им определенной суммы денег. Выбора для урнинга нет, — и он целиком попадает в цепкие лапы вымогателей, нередко платясь и всем своим состоянием, живя в вечном страхе за свою свободу и жизнь и платясь за то, что природный инстинкт влечет его к необыденным чувствам.

Молль, Краффт-Эбинг и Гиршфельд написали целую литературу об уранизме. Точка зрения закона на уранизм столь же строга, сколько и неправильна. Гомосексуальная любовь, не направленная на несовершеннолетних и невменяемых, безвредна, ибо не производит себе подобного потомства. При взаимном соглашении двух индивидуумов, она менее чревата последствиями, чем проституция, находящаяся под покровительством закона.

Иначе, конечно, обстоят дело, когда урнинг избрал своим объектом несовершеннолетних мальчиков, или же когда его уранизм сочетается с другими половыми парэстезиями, особенно же садизмом. Все цивилизованные страны Европы недавно лишь были возмущены ужасным случаем проявления урнингского садизма, в лице учителя Диппольда, совершавшего невероятные жестокости над отданными ему на воспитание мальчиками, из которых один был замучен на смерть. Охрана обоих полов со стороны закона от всякого рода половых злоупотреблений должна иметь место до семнадцатилетнего и даже до восемнадцатилетнего возраста.

С уранизмом связаны некоторые последствия, которые почти или вовсе не принимаются в соображение. Вполне нормальным считается в человеческом обществе, когда представители одного и того же пола купаются, спят и вообще проводят жизнь вместе. При этом в больницах для душевно-больных мужчины наблюдают за больными мужчинами, женщины — за больными женщинами. Разделение полов требуется и в силу обета целомудрия католического духовенства и монахинь. Но ведь упущен из виду уранизм, который всегда даст возможность урнингу безнаказанно удовлетворить свое половое стремление. Они охотно предпочитают профессию ксендза, надзирателя, особенно в психиатрических лечебницах, где неспособность больного жаловаться дает им совершенный простор. Особенно опасны урнинги в школах и еще больше и интернатах, где они совращают вполне нормальных детей.

Мы все время имели в виду чистый тип урнинга, но гомосексуальность может не всегда достаточно ясно проявиться. Краффт-Эбинг приводит психосексуальных гермафродитов, привлекающих оба пола и с обоими полами имеющих сношение. Мне лично был известен господин, который по отношению к своей жене был вполне potentен, но который вместе с тем изменял ей с другими женщинами и мужчинами и неоднократно привлекался к ответственности за разврат, педерастию с мальчиками и проч. Этот тип находил удовольствие как от сношений с женщинами, так и с мужчинами. Другой урнинг мечтал о мужчине со влагилицем, как об идеале.

Гомосексуализм у некоторых урнингов может быть и приобретенным. При этом вначале нет отступлений от нормального полового влечения к женщине. Но под влиянием взаимного онанизма или педерастии, неожиданно (см. внушение) или же постепенно появляется отвращение к женщинам, в связи с влечением к мужчинам. Можно, однако, сказать, что приобретенного во всех этих случаях очень мало, так как, без сомнения, мы здесь имеем дело со скрытым уранизмом, искавшим лишь благоприятного случая для своего проявления. С другой стороны, нормальный в половом отношении мужчина, хотя бы и соблазненный взаимным онанизмом или педерастией, всегда охотнее предпочтет нормальное половое общение с женщинами. Поэтому нельзя говорить об испорченности урнинга, так как его поступки являются следствием аномального полового психопатологического предрасположения. Мне представился случай прочесть роман (Руби), в котором урнинг восхвалял урнингскую любовь, дав о ней вполне правильное, хотя и слабое в литературном отношении представление.

Уранизм довольно распространен, и в некоторых странах, например, в Бразилии, а также некоторых европейских городах, имеются мужские публичные дома (Интересным является в этом смысле сочинение Каспара Вирца «Der Uranier (Urning) vor Kirche und Sohrift», Leipzig, Max Spohr, 1905. Автор является противником наказуемости гомосексуальной любви, трактуя вопрос с церковной точки зрения).

В своем весьма ценном «Ежегоднике» Гиршфельд доказывает, что урнинги представляют по своему телосложению переходную ступень между мужчиной и женщиной. Однако, можно найти и людей, вне сомнения, гетеросексуальных, но обладающих некоторыми то мужскими, то женскими соматическими особенностями. Гомосексуальность же является свойством психическим. Но от теории переходных ступеней ничего не останется, если принять во внимание, что на самом деле половая промежуточная ступень должна была бы ощущать бисексуально или гермафродитически, но отнюдь не гомосексуально. Поэтому, при наличии у данного человека вполне ясно выраженных половых отличий и полового влечения к своему же полу, — каким и является типичный урнинг, можно считать такое явление только патологическим или уродливым. У животных по настоящее время не обнаружено еще урнингов, не считая гермафродитов, которые и являются действительными переходными

ступенями, как и педерастия по нужде или по ошибке.

Большой интерес представляет собою результат анкеты, сделанной Гиршфельдом для определения относительного числа гомосексуальных, бисексуальных и гетеросексуальных мужчин среди данного населения. Из опрошенных 3916 мужчин оказалось 94, 6% гетеросексуальных (нормальных), 3, 9% бисексуальных и 1, 5% гомосексуальных. Последние и представляют собою настоящих урнинггов. В последнее время процесс Гардена-Мольтке иллюстрировал уже в достаточной степени отношение правосудия к гомосексуализму.

Здесь приведем случай полового извращения на психической почве или, правильнее, психического гермафродитизма при половой анестезии.

А. М., 22-х лет, сын деревенского пьяницы, имеет слабоумную сестру, с детства обладает слабым организмом, но с живым умом и совершенно нормальными половыми органами. С детства чувствует себя девочкой, не переносит общества мальчиков, не любит физической работы, но с удовольствием берется за всякий домашний женский труд. Особенно прельщает его женское платье, которое с удовольствием носил бы. Насмешки не помогают, равно как и увещание, так как он упорно считает себя девочкой. Принятые меры нисколько не улучшили дела, а в мужском костюме, который он носил, его принимали за переодетую девушку. Впрочем, он и носил под костюмом женское белье и корсет.

Тщательно исследовав этот случай, я обнаружил прежде всего, что у А. М. полная половая анестезия. Он содрогается при мысли о проявлении какого-либо полового чувства, причем ему одинаково кажется противной мысль о сношении как с мужчинами, так и с женщинами. При вполне развитых тестикулах и половом члене, он никогда не знал эрекции. Голос его напоминает голос евнуха. В этом случае половая анестезия находится в связи с психическим уклонением половых иррадиации личности. Этот весьма поучительный пример подтверждает, что психо-половая личность в состоянии иметь наследственное предрасположение в одном головном мозгу, без участия половых органов. Этот случай с А. М. не представляет обыкновенной наследственности, а алкоголическую бластофторию.

Блох называет «юнорами» аналогичные случаи у мужчин, когда половое влечение направлено на женщин, причем они сами психически чувствуют себя женщинами и стремятся одеваться в женское платье.

У Краффт-Эбинга мы находим такое характерное описание:

«Приводимая ниже заметка из берлинской газеты от февраля 1894 года дает, по-видимому, правильную характеристику жизни и нравов урнинггов»:

Бал женоненавистников. Почти все общественные слои Берлина располагают своими собраниями: толстяки, лысые, холостяки, вдовцы, — почему же должны быть лишены такого же собрания и женоненавистники? И вот эта человеческая порода, не могущая похвастать особыми милостями судьбы, на-днях давала свой бал-маскарад, причем билеты раздавались очень осторожно, чтобы обеспечить тесное собрание единомышленников. В большом танцевальном зале, куда мы зашли около полуночи, уже отплясывало лихо несколько пар под звуки хорошего оркестра. Дым от курения волнами заволакивал все пространство, мешая разглядывать толпу, среди которой мелькали маскарадные костюмы, фраки и бальные туалеты дам".

"Но что это? Промелькнувшая мимо нас дама в очаровательном розовом туалете пыхтит из сигары, как заправский драгун. А белокурая бородка ее слегка «заделана» румянами. Но и декольтированный «ангел», стоящий рядом с нею, в свою очередь усердно затягивается папиросой, — а мужские, грубые голоса их только трактуют о «проклятом табаке, который не дает дышать». Стало-быть, это просто мужчины в дамских платьях.

"У колонны неизбежный клоун обнял рукою безукоризненный стан балерины с белокурыми волосами, резко очерченным профилем и пышными формами. В ушах ее сверкают серьги, на шее кольцо с медальоном, руки и плечи полные и круглые. Но балерина вдруг резко поворачивается и невозможным густым басом, зевая, произносит: «Ты, Эмиль, сегодня невозможно скучен!» Увы! и балерина ничто иное, как мужчина!

"Подозрение наше возрастает, но мы продолжаем еще наблюдать. И вскоре обнаруживается, что все эти прелестницы, затянутые в пышные лифы, увешанные медальонами, з браслетах, серьгах и кольцах, в своих бальных туалетах, — все «они» в

обыденной жизни — приказчики, портные, парикмахеры, бухгалтеры, сапожники, кельнеры.

... "Но ведь не может быть, чтобы это был мужчина! Эта талия, этот бюст, эти классические руки, — все существо ее дышит безусловно женственным!

«Меня быстро просвещают, и я продолжаю разглядывать этих „дам“, усердно декольтированных, восхитительно кокетничающих, завитых и напомаженных, но представляющих собою все-таки мужчин! Имеются на этом балу, правда, и настоящие „дамы“, но мы не будем здесь распространяться об их достоинствах. Во всяком случае, они держат себя здесь совершенно изолированно, и женоненавистники с ними ничего общего не имеют».

б) *Женский уранизм*, или женская гомосексуальная любовь, вовсе уже не так редко встречается, хотя и проявляется публично значительно реже. Женская гомосексуальная любовь носит название amor lesbicus или sapphismus (лесбийская любовь, или сафизм); женщина же урнинг называется трибадой. Они удовлетворяют половое стремление взаимным онанизмом или же обоюдным cunnilingus. Женщина-урнинг чувствует себя мужчиной в обществе других женщин, рядится в мужское платье, обрезает волосы, любит верховую езду и вообще мужскую работу. Они могут обладать большой половой возбудимостью и сделаться женщинами дон-жуанами. Такие женщины устраивают оргии, соблазняя нормальных девушек и делая их своими любовницами. Они устраивают, подобно мужчинам, помолвки, дают обеты верности и, под влиянием алкоголя, предаются оргиям, не уступающим по своим эксцессам мужским. Ревность свойственна им в большей степени, чем мужчинам.

Особенность женского уранизма имеет свои корни в психическом отражении полового влечения женщины в меньшей степени, чем и мужчины, направленном на местное сладострастное чувство. Женщине-урнингу очень легко удастся соблазнить нормальную девушку, возбудив в ней романтическую любовь, сопровождающуюся поцелуями, объятиями, совместным спаньем и прочими нежностями. Девушка редко сознает уродливость таких отношений и надолго сохраняет свою влюбленность. Одна нормальная девушка была увлечена женщиной-урнингом, переодетой мужчиной, причем они были уже обручены. Но впоследствии это обнаружилось, и обманщица помещена была в психиатрическую лечебницу на испытание, где, уже будучи в женском платье, продолжала кидаться посещавшей ее «невесте» на шею, осыпая ее страстными поцелуями. Когда я выразил удивление по поводу непрекращающейся привязанности со стороны этой девушки, которую нельзя было заподозрить в ненормальности, она ответила весьма характерно: «Ах, доктор, но ведь я люблю ее и ничего не могу с собой сделать!» У мужчины, конечно, не может иметь место такая психическая любовь. Может случиться, что нормальная женщина соблазняется женщиной-урнингом и целый ряд годов вместе с ней предается эксцессам, (хотя сама она и не является патологической натурой). Одна женщина-урнинг, по ее собственному признанию, успела уже развратить или соблазнить около двенадцати нормальных девушек, безумно влюбленных, однако, в свою соблазнительницу. Краффт-Эбинг и приводит такие случаи (женщина-урнинг «граф Сандар» и его жертвы). Мужчина, таким образом, отделяет душевное стремление к другому мужчине от чувственного влечения, у женщины же экстаз сопровождается поцелуями, ласками и объятиями, причем душевное увлечение все время идет параллельно чувственному стремлению. Это и проявляется особенно энергично в отношениях женщин-урнингов к их жертвам.

В 1906 году умер известный политик, сподвижник Таманьи, который имел вполне мужской вид и три раза был женат! Лишь после его смерти обнаружилось, что он был — женщиной. Этот «господин», очевидно, был женщиной-урнингом.

Наследственное предрасположение к уранизму у женщины не всего можно отделить от лесбийской любви, вторично-приобретенной (хотя бы и платонической). Сафизм может быть очень легко привит эротической женщине или проститутке и, во всяком случае, не так трудно, как нормальному мужчине педерастия. Врожденный урнинг-женщина чувствует себя мужчиной и приходит в ужас от мысли о половом общении с женщиной. Такие индивидуумы, переодетые мужчинами, при исключительных случаях, могут целые годы провести на военной службе и т. д.

в) *Половое влечение к незрелым детям* (педерозис, или педофилия). Не решено еще, должен ли быть этот вопрос изолирован, потому что подавляющее большинство покушений на детей есть продукт старческого слабоумия или злоупотребления детской невинностью для

обычного удовлетворения полового влечения. Но мне самому приходилось наблюдать случаи, когда половое влечение было направлено только на детей, что и дает основание думать, что здесь мы встречаемся с патологической врожденностью. Для этой категории я предлагаю название педерозис. Краффт-Эбинг склонен был видеть в этот лишь один из видов разврата и назвал его *paedophilia erotica*. Приведу здесь характерный пример подтверждающий мое предположение.

Молодой талантливый художник, отличающийся нравственностью, чувствует с ранних лет половое влечение к детям, особенно к маленьким девочкам в возрасте от пяти до десяти лет, причем его волнуют платьица их, ножки и т. д. Подростки перестают его волновать, а мужчины и женщины вовсе не интересуют его, и он не имел никогда полового сношения. Иногда он, в зависимости от интенсивности своего полового чувства, даже влюблялся в маленьких девочек, но старался бороться со своим чувством. Эрекция и эякуляция вызывались у него, когда он ласкал девочку самым естественным образом, держа ее у себя на коленях. Чтобы успокоиться, он предавался онанизму, но это приносило ему мало облегчения. В результате он получил сильное нервное расстройство, отдавшись порывам отчаяния.

В другом случае влечение было направлено на мальчиков в возрасте от двенадцати лет до шестнадцати, а также и на девочек в этом же возрасте. Иногда, хотя и очень редко, женщины питают страсть к маленьким мальчикам.

г) *Половое влечение к животным* (содомия, или скотоложство). Такое влечение в патологическом смысле встречается довольно редко, причем к содомии прибегают лишь в случае отсутствия возможности нормально удовлетворить половое стремление или же благодаря неестественно сильной возбудимости и жажде разнообразия. Слабоумные и простачки, не встречающие сочувствия у девушек, находят удовлетворение в хлеву с коровой, за что и платятся тяжким наказанием пред лицом правосудия. Более утонченные развратники удовлетворяются через посредство коз, ощипанных птиц, кроликов и проч. Но половое влечение может быть направлено и патологически исключительно на животных, причем выбираются кролики, куры, гуси, гибнущие при этом, а также крупные животные, как собаки, козы. У женщин половое стремление к животным выражается в влечении к собачкам, которых они специально дрессируют для сокоупления или для лизания их клитора.

Мы затрудняемся, однако, видеть в этом страшнейшем из всех «содомских грехов», — если не считать мучений мелких животных, — ни такого страшного греха, ни признака преступления. Если смотреть на это с точки зрения человеческой и правовой, то должно в этом случае констатировать наиболее невинную форму патологического извращения полового влечения. Хотя фантазия человека и заклеяла этот вид извращения, но ведь нужно считаться с тем, что содомистские сношения с крупными животными не вредят никому и даже самому животному; потомства при этом, разумеется, не будет, и нет риска заразиться. Эстетическое чувство, может быть, при этом и страдает, но ведь сокоупление Леды с лебедем вдохновило не одного гения. С другой стороны, общество, без сомнения, только выиграет от того, что идиот найдет себе удовлетворение с коровой, вместо того, чтобы предоставить ему оплодотворять здоровую девушку и плодить идиотов. И трудно сказать, кто является более виновным на суде: содомист ли, никому вреда не причинивший, или судьи и доносчики, содействовавшие его осуждению. Когда христианский суд однажды осудил турка за содомию с козой, он заявил без резона, что коза принадлежит ему, так как он ее купил, и имеет право ею распоряжаться. Он так и не понял, почему его наказали. Но содомия может сопровождаться садизмом, причем мучения и кровь животного вызывают сладострастие.

Мы не будем здесь приводить еще целой серии болезненных извращений полового инстинкта. У мужчины, между прочим, наблюдается иногда слабость к женским статуям, которые вызывают у них мастурбацию.

8. *Половые ненормальности у душевно-больных и душевно-ненормальных (психопатов)*. Если присмотреться к населению психиатрической лечебницы, то можно всегда заметить, что женщины здесь отличаются большей возбудимостью в половом отношении, чем мужчины. Это возбуждение может проявиться, как в усиленной мастурбации, так и в сквернословии, чувственной влюбленности, требовании от врачей сокоупления, вспышках ревности и проч. Таким образом, в психиатрической лечебнице женская половая жизнь обнаруживается в самых

отвратительных своих проявлениях. Душевно-больные женщины склонны изображать из себя невест или даже жен каких-нибудь владетельных особ, Христа, бога, причем беременность и роды выступают в этом случае на первый план. Одна из моих пациенток уверяла меня, что я каждую ночь прихожу к ней для разврата, причем беременеет она от меня еженедельно. Она и прозвала меня за такую скорость ласкательно «быстрооплодотворяющим». И рождающиеся от нее сотнями дети, как она меня уверяла, подвергались мучениям, и она слышала их визг и плач. Другая больная требовала совершения полового акта от каждого посещавшего ее врача.

Замечено, что вполне спокойные и холодные женщины во время душевной болезни могут впасть в буйный эротизм, уподобляясь проституткам. Эротические женщины в буйном отделении обыкновенно царапают врача, делают попытки его целовать, ревнуют, щиплют.

А между тем в мужских отделениях тупой и равнодушный взгляд сопровождает вас чаще, если вы даже приходите в сопровождении женщины. Лишь изредка наблюдается проявление эротизма, причем больной занимается онанизмом и делает попытки к педерастическому акту. По мужским отделениям психиатрической лечебницы, если не считать самых буйных из них, любая молодая женщина может смело пройти, не рискуя быть задетой кем-либо из больных. А между тем в женских отделениях больные женщины пристают даже к посещающим их женщинам.

Вышесказанным наиболее ярко подтверждается приведенное уже нами соображение относительно того, что женское половое чувство сконцентрировано преимущественно в головном мозгу, а у мужчины в подчиненных мозговых центрах. Приводим здесь наиболее важные патологические особенности на половой почве у душевно-больных.

а) *Эротомания* (сатириазис и нимфомания), т. е. ненормальное возрастание полового стремления. Она имеет место при острых маниях, при самом возникновении прогрессивного паралича и старческого слабоумия и при других психозах. Здесь она выражается в виде половых эксцессов, непристойных разговоров и чрезвычайной мастурбации. Мы в своем месте касались уже конституциональных нимфомании и сатириазиса.

б) *Ощущение угнетенности и процессы отупения*, равно как и поздние стадии паралича и старческого слабоумия, вызывают половую анестезию и импотенцию. Прогрессивный паралич обуславливает иногда чрезвычайное *libido sexualis* при полной или частичной импотенции. Та же картина наблюдается и при алкоголизме.

в) *Страшные половые эксцессы* могут иметь место у помешанных, страдающих манией величия и манией преследования. Жертв своих, при страшной возбудимости, они безжалостно тиранят. Религиозные формы помешательства, в связи с религиозным экстазом, дают иногда в результате отвратительные оргии на половой почве. Один помешанный, выдававший себя за благочестивого и чуть не пророка, жил с одной молодой женщиной и ее матерью, состоял с ними одновременно в половых сношениях и проделывал всевозможные гадости, придавая им религиозное значение. Он в результате поджег дом, в котором находились эти несчастные жертвы его больной похоти. Некоторые помешанные, прибегая к фразам религиозно-аскетического содержания, увлекают несчастных женщин в интересах удовлетворения своей половой страсти. Наиболее опасными в этом случае нужно считать тех, помешательство которых еще не успело всплыть наружу, и которые на половой почве истязают своих жен и вообще несчастных жертв их полового психопатического извращения. Об этом, впрочем, можно было бы написать целые томы.

Мы должны здесь указать еще на частую форму патологической любви помешанных женщин, а именно — на систематический половой бред. У таких женщин любовь к мужчине сочетается с дикими бредовыми идеями и обманами чувств (ложными восприятиями). Предмет их любви воплощается в Христе или короле, причем себя они считают невестой Христа, королевой, повелительницей мира. Воображаемые лица не только совершают с ней, как ей реально представляется, половой акт, но и оплодотворяют ее, и она беременеет и родит воображаемое потомство. И вслед за этим начинаются сетования на то, что у нее отняли воображаемого ребенка, мучают и т. д.

Психические отражения половой патологии создают, как мы видим, представления, которые комбинируются с соответственными парестезиями и ложными восприятиями. Здесь большую роль играет так называемый обман воспоминаний, так как им никогда не приходилось

переживать всего того, на что они изливают свои жалобы.

г) *Патологическую ревность* должно считать одной из наиболее тяжелых аномалий в половой области у душевно-больных мужчин, особенно же у помешанных, у которых жены невероятно страдают, пока насильственная смерть не положит предела ее мучениям. Женщины душевно-больные и алкоголики также обнаруживают ревность в исключительных размерах. Признаки измены и «безусловные доказательства» вылавливаются из каждого взгляда, невинного слова и жеста подозреваемой женщины. Никакие соображения не принимаются при этом во внимание. Угрозы, брань, оскорбления, обвинения, — все это сыплется на несчастную при каких-угодно обстоятельствах, и в этом видят проявление «любви»! Однако, таким случаям имя — легион, у пьяницы же это является неизменным правилом.

д) Вышеупомянутые *половые парэстезии*, как садизм, мазохизм, фетишизм, гомосексуальная любовь имеют, конечно, место и у душевно-больных.

е) Наиболее ужасными *половыми преступлениями* являются те из них, которые совершаются идиотами или моральными идиотами, лишенными не только нравственных, но и вообще каких-либо этических сдерживающих начал. Следствием их слабоумия является изнасилование детей, убийства на почве сладострастия, чудовищные извращения и пр.

ж) *Ипохондрия*, в свою очередь, является продуктом ненормальности в половой области (половая ипохондрия). Ипохондрики иногда вдалбливают себе уверенность в том, что им свойственны ужасающие половые эксцессы, которых на самом деле и нет. Один женатый ипохондрик, крепкого телосложения, убедил себя в том, что половые излишества губительно отражаются на нем, вследствие чего совершал половой акт с женой не чаще одного раз каждые два-три месяца. Импотентность многих ипохондриков только и обуславливается тем, что они сами уверяют себя в своей импотентности. Некоторые воображают, что одержимы венерическими болезнями и проч.

з) *Особые и поразительные половые свойства* мы встречаем у истеричных женщин и мужчин. Истерия обуславливается у них болезненным самовнушением и слабым диссоциированием мозговых функций, причем одно какое-нибудь представление в состоянии осуществить у истеричного представившееся. На почве увлечения несбыточным они бессознательно или почти бессознательно придерживаются взглядов, диаметрально друг другу противоположных, и способны на такие же поступки. Любовь идет у них быстро на смену ненависти — и наоборот, причем одна и та же истеричная женщина, в зависимости от окружающих ее влияний, может сделаться воплощением добра или зла. Половые свойства ее проявляются такими же крайностями. Страстная влюбленность может толкать истеричку на какие-угодно эротические извращения, но вместе с тем она может оставаться и совершенно холодной и безразличной в половом смысле. В одном и том же сердце истерички могут уживаться рядом горячая половая страсть к предмету любви и совершенно холодное равнодушие по отношению ко всякому другому мужчине.

Подвергалось обсуждению мнение о том, свойственна ли вообще женщине способность дважды любить. В виду несомненно большого предрасположения женщины к моногамии, она будет любить скорее единственный раз в жизни, но не может подлежать сомнению и то, что та же любовь у истерички проявится одновременно по отношению к нескольким мужчинам — и в достаточно интенсивной форме; объясняется это тем, что ей вообще свойственно раздваиваться. Но она может от всей души возненавидеть того, кому недавно лишь дарила свою любовь, и полюбить всей душою человека, которого доселе ненавидела, — и все это в зависимости от тех внушений, которые в данный момент на нее воздействовали. Все вышесказанное в равной мере относится и к истеричному мужчине.

Этими же воздействиями обуславливается та или иная сущность любовных ощущений у истеричного субъекта, причем он может проявить свою любовь как в извращенном, так и в естественном виде. Я сам имел возможность наблюдать случай, когда молодая девушка, весьма интеллигентная, но подверженная истерии, влюбилась еще в молодые годы свои в другую девушку. Чувства ее в это время отличались ярко выраженной гомосексуальностью, оставаясь в любви к этой девушке исключительно на почве уранизма, сильным *libido sexualis*, и при совершенном безразличии к противоположному полу. Вслед за этим в нее влюбился мужчина, которому она ответила взаимностью, исключительно в силу свойственного женщине чувства

отзывчивости и пассивности. Но впоследствии она сама воспылала страстью к мужчине — и с такою интенсивностью, с какою она раньше дарила свою любовь своей возлюбленной. Оставаясь в высшей степени мечтательной, эта последняя любовь ее вместе с тем носила характер ярко проявленной чувственности. Таким образом, половое стремление девушки неожиданно по своей собственной инициативе снова вошло в свою норму. Значительно реже возможно аналогичное проявление непостоянства у истеричного мужчины, что объясняется характером его сексуализма, но строго разъединенными в нем душою и инстинктом, но оно все же может, в свою очередь, иметь место. На почве истерической фантазии, а также диссоциации, влечение у женщины может перейти в полиандрию, вообще ей очень редко свойственную. В этом случае она уходит от нормального женского типа, в большей или меньшей степени приближаясь к мужскому. Что касается же истеричных мужчин, то они в этом смысле приближаются к женщине не на почве усиления полигамного (полигинического) стремления, а в зависимости от большей диссоциации в ощущениях и мыслительной способности.

и) Душевно-ненормальным людям на почве патологии свойственна иногда и так называемая *воображаемая любовь*, не основанная, однако, на бредовых идеях. В этом случае психопатам обоих полов начинает казаться, что они сильно влюблены в кого-нибудь, причем прояснение вместе с уверенностью в том, что никакой любви на самом деле и не было, наступает значительно позже, после обручения или даже после свадьбы, когда ошибка уже не поддается исправлению. На почве таких самообманов, которые вовсе уж не так редки, происходят несчастные союзы, разрывы и разводы.

к) *Любовная деспотия* должна быть отнесена к одной из таких категорий патологической любви. Влюбленные психопаты терзают и истязают человека, который имел несчастье стать объектом их влюбленности, причем желания следуют друг за другом, страстные вспышки уступают место недовольству, ни на чем не основанная придирчивость выливается в резкие формы ни с чем не считающейся ревности. Так могут любить как истеричные мужчины, так и женщины-истерички, причем последние в этом смысле, пожалуй, встречаются чаще.

Нет вообще возможности исчерпать всесторонне вопрос о любви психопатов. При большей доступности людям разуметь все ее проявления, не было бы места столь часто, к несчастью, повторяющимся недоразумениям и ошибкам супружеских взаимоотношений. Мы упомянули уже о деспотии на любовной почве, которая может принять невероятные размеры. Указанная нами ревность (г) выливается в такие формы, которые граничат с болезненностью и готовы видеть измену семейным устоям в таких поступках супруга, которые отличаются полной невинностью. Одна женщина, которую я знал лично, не разрешала своему мужу запирается в уборной, так как она подозревала его в том, что он там скрывается с горничной. На другую женщину страшно влияло то обстоятельство, что совершенно незнакомая дама, сидевшая за общим столом во время обеда в ресторане, раза два взглянула на мужа этой болезненно-ревнивой женщины. Беглый взгляд мужа на улице в сторону разжигал ее ревность, вызывая соответствующие реакции. Впрочем, ревность в таких случаях проявляется еще уродливее, когда она свойственна мужу. Здесь очень плохо принимаемая и еще хуже проявляемая любовь служит источником невероятных мучений, терзаний, истязаний, подозрений. В супружеском союзе или среди влюбленных всегда может найтись один из супругов, разумеется, на той же психопатической почве, который будет изводить другого своей мнительностью, ни на чем не основанными страхами и опасениями, болевыми ощущениями и страшными эфемерными перспективами. Многим свойственна гиперэстезия (усиленная впечатлительность), благодаря которой ничтожный шум действует на них раздражающе, а всякое более или менее сильное впечатление на продолжительный срок выводит их из состояния равновесия. При таких условиях совместное существование делается чрезвычайно тяжелым, иногда просто невозможным. Болезненная впечатлительность, безгранично возрастающая, склонна во всем видеть личное оскорбление, злой умысел, зловерность и т. д.

У многих психопатов нет соответствия между их любовью и половым стремлением, что причиняет им большие страдания. При этом искренняя сердечная привязанность может считаться с половым безразличием или даже отвращением к совершению полового акта, которое в некоторых случаях сопряжено с болевыми ощущениями (это больше свойственно женщинам, у которых вагинизм обуславливает болезненность совокупления); в других же

случаях рядом с ярко выраженным половым стремлением замечается полное отсутствие любви, идущее рука об руку с ничем не прикрываемым эгоизмом (преимущественно у мужчин). Можно иногда наблюдать и достаточно искреннее чувство любви у иных психопатов, которые, однако, проявляют эту любовь несколько не лучше хищного зверя. Такого рода ненормальные личности или герои печального образа готовы в любой момент стрелять и убивать, сжимать горло любимой женщины или кромсать ее ножом, если она не сразу пошла им навстречу. Более же слабые, такого же склада мыслей, угрожают самоубийством, если их желание не осталось удовлетворенным. Патологический эротизм внушает нередко психопатам упорное и дикое преследование порядочных женщин оскорблениями и циническими выходками. Один такой полупомешанный, которого мне пришлось наблюдать, имел обыкновение посылать порядочной женщине письма, нередко открытые, с изображением женских половых частей.

На почве ревности женщине свойственны ненависть и мстительность, проявляющиеся с исключительной настойчивостью и энергией, причем хронический психопатический аффект приходит на помощь обыденному женскому упорству воли. Ей тогда ничего не стоит пустить в ход целую систему интриг, изобретений и комбинаций, которые собьют с толку судебный состав. При этом показания ее, далекие от действительности и базирующиеся, главным образом, на никогда не существовавших, но приходящих ей на память фактах, при сильном подъеме и драматическом изложении мыслей, — непременно возымеют свое действие. Разоблаченная драма дает в большинстве случаев остов обыкновенной половой страсти, на которую искусственно или бессознательно нагромождены различные мотивы благородного характера. Психопаты обоего пола могут при этом не только клеветать на другого, но и выдумать и про себя всякие уличающие их самих небывлицы.

Осужденная в 1908 году в Фрейберге (Саксония) Грета Бейер весьма тонким образом отравившая своего жениха, заручившись предварительно написанным им на ее имя завещанием, и предполагавшая сочетаться впоследствии браком со своим возлюбленным, представляла собою, по моему мнению, в полном смысле слова истеричку, лишенную всяких этических начал (морально идиотичную). Она ввела в заблуждение наблюдавших ее врачей, и единственным мотивом ее поступков была лишь половая страсть. Истеричность вместе с театральностью сопровождали ее до самой гильотины.

Иные болезненные признаки, навязчивые побуждения и представления занимают свое определенное место у них в половом их стремлении и проявлении любви. Навязчивые представления могут явиться следствием как любви, так и чувства неприязни, а также и других половых проявлений, причем некоторые в более слабой степени реагируют в подобных случаях, когда навязчивое представление остается пассивным, у других же, благодаря этому, покой навеки нарушен. При достаточной интенсивности навязчивых побуждений, они становятся опасными, обуславливая нередко и покушения в связи с половую страстью, ибо соответствующее представление влечет за собою стремление к определенным поступкам. В этом случае исходными пунктами могут служить как нормальное половое стремление, так и склонности к извращению.

Мы констатировали уже, в качестве характерного проявления половой патологии старческого слабоумия у мужчин (см. «Парадоксия»), их склонность влюбляться в детей. Здесь мы имеем дело с частным проявлением душевного возбуждения, обыкновенно совпадающим с возникновением этой болезни и нередко обуславливающим растление малолетних. Ненормальным в данном случае является то обстоятельство, что общество, а во главе его часто невежественные врачи, преисполняются «морального возмущения» по поводу поступков таких «развратных старичков». И, благодаря этому, подвергаются осуждению, презрению, а иногда даже и тяжкому наказанию такие люди, которые всю жизнь отличались порядочностью и безупречной во всех отношениях щепетильностью, но на склоне лет своих сделали жертвой ужасной мозговой болезни.

9. *Наркотические средства, особенно алкоголь, и половое стремление.* Психологическое проявление функционального паралича головного мозга, явившееся следствием наркотических средств, довольно близко напоминает органический паралич, вызванный последовательным процессом сморщивания мозговой коры, на почве прогрессивного паралича мозга. И в этом случае имеют место состояние блаженства, замедленные движения, завершающиеся полным

параличем, потеря представления о месте и времени и другие виды умственной диссоциации. Правильный взгляд на вещи применительно к самому себе, равно как и к окружающим явлениям, совершенно теряется, благодаря чему наркоман, например, видит себя в расцвете умственных и физических сил, причем весь окружающий мир представляется ему с наилучшей стороны. Ему мерещится наличность большой мускульной энергии, в то время как на самом деле он с трудом держится на ногах. Стремления, более или менее энергичные в начале наркотического состояния, быстро сменяются расслабленностью, безразличием и сонливостью. Таково же воздействие наркоза на половую сферу, причем одновременно с ослаблением потенции возрастает и *libido*, особенно вначале. «Пьянство усиливает, но вместе с тем и ослабляет приставање». «Оно усиливает вожделение и затрудняет его исполнение», говорит по этому поводу Шекспир («Макбет», акт II, сцена 2). Конечно, не все наркотические средства отличаются одинаковым составом и одинаковым действием. Но, говоря вообще, можно привести воздействие наркотических средств на половое стремление к следующим основным результатам: прежде всего возбуждение *libido*, изолирование всяких сдерживающих начал морального и интеллектуального свойства, сопровождающееся возрождением предприимчивости. Впоследствии прогрессивный паралич потенции, завершающийся исчезновением первоначального возбуждения.

Значение этих явлений станет особенно понятным, если принять во внимание все возрастающее потребление алкогольных напитков во всех культурных странах. Хотя здесь у имеется налицо интенсивно проявляющееся начальное возбуждение, но при близком исследовании нельзя не обнаружить уже в самом начале замедление половых функций и особенно чувственных раздражений. Эрекция при совершении полового акта в состоянии опьянения наступает не скоро, а одновременно происходит замедление развития сладострастных ощущений и даже истечения семени. Чем дальше, тем больше вялость, не позволяющая уже с такой легкостью совершать половой акт один за другим, как в трезвом состоянии. Если же опьянение продолжает усиливаться, то полная импотенция вступает во все свои права, что, однако, не мешает опьяневшему, вопреки действительному положению вещей, ощущать чрезвычайную потенцию, которая мерещится ему под влиянием наркоза.

Флирт, обусловленный соответствующей дозой алкогольных напитков, как известно, представляет собою ряд неловких, грубых, бессмысленных, надоедливых и бесконечно повторяющихся поступков. Алкоголическим флиртом должно считать и поведение подвыпивших мужчин, не дающих проходу женщинам во всяких общественных местах (см. гл. IV).

Благодаря алкоголическому наркозу, можно также, в качестве характерной особенности, наблюдать животную грубость полового стремления у человека. Те или иные высшие формы полового влечения совершенно отпадают, и на сцену выступают чисто чувственные стремления во всей их наготе и неприглядности, нередко даже у таких субъектов, которым в трезвом состоянии свойственны весьма деликатные и нежные чувства любви. В этом и следует видеть губительное воздействие алкогольных напитков на половое чувство человека, которое усугубляется, однако, следующими обстоятельствами.

Открывая широкую арену для проявлений животных стремлений и вместе с тем сводя на-нет высшие этические соображения и веления разума, алкоголь обыкновенно в сильной степени обуславливает патологическую сущность самого побуждения. Под алкогольным воздействием проявляются, иногда вызываются (находившиеся в скрытом состоянии) и, во всяком случае, усиливаются такие патологические явления, как большинство случаев эксгибиционизма, гомосексуализма, влечение к детям и прочие аномалии. Мне самому нередко приходилось иметь дело с проявлением половой парэстезии, при котором трезвое состояние сопровождалось вполне нормальными функциями, но уже легкое опьянение неизбежно обуславливало стремление к извращениям. Если заняться обстоятельнее изучением этого вопроса, то, я уверен, статистические данные обнаружили бы весьма крупную роль алкоголя в многочисленных случаях проявления извращения.

Не подлежит никакому сомнению факт, с которым особенно должно считаться, что острое и хроническое отравление весьма тяжело отражается на зародышевой плазме производителя. Отсылаю по этому поводу к сказанному в конце главы I о бластофтории. Исследования Беццола

за последнее время вполне оправдали господствующее мнение о том, что дети, зачатые в состоянии опьянения, отличаются худшими свойствами. Исходя из статистических данных переписи идиотов, произведенной в Швейцарии одновременно с всенародною переписью (в 1900 году), Беццолла доказал, что полученные, согласно переписи, 9000 идиотов были зачаты, главным образом, в два коротких периода, когда всего больше употребляется алкогольных напитков, а именно, во время сборки винограда, а также на маслянице. Он доказал, что наибольшее количество зачатий идиотов сейчас же после сбора винограда приходится именно на те из кантонов, которые специально занимаются виноделием. При этом «максимум зачатий» приходится как раз на такие периоды, когда у всех остальных людей оно представляет собою минимум, так как наибольшее количество нормальных зачатий приходится на начало лета. Отсюда мы можем вывести, что временное отравление алкоголем действует бластофторически и, стало-быть, зародышевая клетка, оставившая в алкоголизированном виде тело своего носителя, при успешной конъюнкции, не достигнет опять своего прежнего нормального состояния, потому что лишена уже «обмывания» через обмен веществ при кровообращении. Ее бластофторические отрицательные качества перейдут и на будущее существо.

В связи с вышесказанным мы можем указать на следующие индивидуально и социально действующие вредные воздействия наркотических средств, и специально алкоголя, в области половых функций:

а) Неразумные половые связи, как результат возросшего животного стремления и устранения этических и интеллектуальных побуждений: отсюда соращение девушек, проституция, рождение детей от производителей отрицательных достоинств и при неблагоприятных обстоятельствах.

б) Вызванные теми же причинами и усиливающиеся венерические болезни. На основании собранных мною статистических данных, из 200 случаев заражений венерическими заболеваниями 75% обусловлены были действием алкоголя, причем зараженные были в состоянии легкого опьянения и усиленной предприимчивости («Wien. Medizin. Wochenschr.», 1901, № 16).

в) В связи с теми же основаниями, различные невзгоды и катастрофы, как беременность вне брака, порывы отчаяния, самоубийства и т. д. Все это в зависимости от неразумного полового общения.

г) Преступления на половой почве, являющиеся следствием легкомыслия и приподнятого эротизма при возбужденных, хотя и весьма неуверенных двигательных функциях. Не обходится в этом случае и без участия ревности. Статистика указывает около половины до трех четвертей преступлений под алкогольным воздействием. Наиболее проверенные и непреложные данные статистики дают от 75 до 80 процентов всех преступлений против нравственности в числе всех, обусловленных алкоголем (статистика для Германии — Бер).

д) Возрастание, а иногда и причину возникновения извращений на половой почве.

е) Наследственную алкоголическую бластофторию, как следствие однократного опьянения, так и благодаря постоянному пьянству. Алкоголическая бластофтория, в свою очередь, обуславливает ряд психических отступлений и потомства, появившегося на свет при таких условиях, причем нравственные дефекты и половые извращения в этом случае неизбежны.

ж) Призрак ревности можно рассматривать, как верный признак хронического алкоголизма, причем он почти всегда сопряжен с наиболее зловещими результатами — насилиями, надругательством и убийствами.

з) Алкоголь неизбежно сопровождает проституцию и сводничество, целиком ему обязанные своим существованием, особенно в настоящем их проявлении.

и) Благодаря грубому эротизму, являющемуся продуктом употребления алкоголя, среди людей, независимо от месга их пребывания, устанавливаются безобразные формы флирта, граничащие с непристойностью и оскорбляюще действующие на непривычное око.

Здесь мы имели в виду, главным образом, мужчин, так как наши женщины значительно менее алкоголичны, чем мужчины. Но в то время, как на европейском континенте женщины действительно воздержаны относительно употребления спиртных напитков, — нельзя сказать того же самого и применительно к Англии, где алкоголизм неистовствует и дает результаты

самые ужасные. Проститутки же изъяты из этого общего положения, являясь повсюду, и везде алкоголичками. Спиртные напитки и являются, между прочим, одним из главных факторов соращения девушек в проституцию, причем на первых порах их гнусно опаивают, впоследствии же девушка сама одурманивается, чтобы не ощущать всего ужаса своего несчастного бытия.

Половое стремление женщины под влиянием алкоголя значительно видоизменяется и, во всяком случае, усиливается, причем, конечно, пассивная роль женщины исключает наличие потенции. Но, благодаря уничтожению препятствий психического свойства (любовь, чувство стыда), в зависимости от алкоголя, женщина перестает оказывать сопротивление мужскому libido. Этим объясняется, что всякая женщина, находящаяся под влиянием винных паров, легче уступает домоганиям возбужденного в половом смысле мужчины. Из нескольких поучительных случаев, которые мне привелось наблюдать, я приведу здесь наиболее характерный.

Одна молодая девушка, отличавшаяся красотой и свежестью, располагавшая солидными средствами, обвенчалась с человеком не отличавшимся особым благородством, но с добрым характером. Они иногда выпивали, но когда во время беременности врачи предписали ей пить побольше вина, она настолько к нему привязалась, что алкогольные напитки отныне стали ее страстью. Будучи большей частью пьяной, она, в конце-концов, стала отдаваться своим знакомым и чуть ли не первому встречному. Муж из материальных соображений не решался хлопотать о разводе. Когда она была помещена в психиатрическую больницу, находившуюся в моем заведывании, ее стали лечить прежде всего абсолютным лишением алкоголя. Раньше, чем я ее увидел, я представлял себе испорченную, погрязшую в разврате женщину, специализировавшуюся на заманивании мужчин, — и должен был разочароваться. Освободившись от пьяного угара, она представляла собою очень скромную, весьма приличную и воспитанную особу, которой стыдливость была свойственна в полной мере. Близкое знакомство с ее психическим состоянием заставило меня придти к заключению, что ее измена мужу основывалась вовсе не на собственном ее libido sexualis, а на том психическом безразличии и инертности, которые являлись у нее продуктом воздействия алкоголя. Она отныне изменила образ жизни и решительно прекратила употребление спиртных напитков. В продолжение многих лет она продолжала вести себя безупречно в обществе своего мужа, и когда я снова ее встретил, у нее на устах сияла улыбка счастья и благодарности.

Из этого примера мы убеждаемся в том, что половые излишества сами, в свою очередь, пагубно отражаются на характере, силе воли, чувстве стыда и других свойствах не только мужчины, но и женщины. Но здесь чрезвычайно важно считаться с причинами. Если в основе лежат врожденные данные, то и в весьма малой степени можно рассчитывать на исправление и получение благоприятных результатов. Если же дурные привычки усвоены и вслед за этим уничтожены, то ничего не останется от обусловленных ими последствий.

Можно иногда видеть женщин, предающихся пьянству, но холодных и неуступчивых в половом смысле. У других же, наоборот, пьянство сопряжено с отвратительными проявлениями эротизма, доходящего до нимфомании.

У кого сердце исполнено любви к человечеству, и кто считается не только с вышеуказанными последствиями алкоголизма, но и с остальным уроном, причиняемым им человеческому обществу, тот должен собрать весь наличный запас своих духовных сил и, допустим на полгода, дать зарок не употреблять ни под каким видом и ни в каком случае алкогольных напитков. Таким образом, он не путем произнесения громких фраз, а личным примером вступит в борьбу с социальным злом алкоголизма. И в этом случае он также убедится, как убедились уже многие воздержавшиеся, в том, что пользы от алкоголя он не имел ровно никакой, кроме вреда. Это и убедит его отказаться от употребления спиртных напитков навсегда. В новом свете предстанут перед ним люди, подвергающиеся самоотравлению алкоголем, и он с трудом поймет, каким образом и сам поддавался гипнозу столько времени, подражая другим и участвуя вместе с ними в этом социальном дурном обычае.

10. *Половые отступления и извращения благодаря внушению и самовнушению. Патогенное влияние аффекта. Психический анализ.* Мы должны здесь отметить исключительную роль гипнотизма или внушения в половой жизни. Этому, впрочем, будет посвящена особая глава, но и здесь мы уже можем сказать, что многие извращения на половой

почве, являющиеся не продуктом наследственности, а приобретенными, обязаны своим происхождением сильному внушению или самовнушению. Краффт-Эбинг, приводящий массу поразительных примеров, склонен подобного рода случаи отнести за счет половых излишеств или психопатии. Я включаю сюда и такого рода явления, когда человек, доселе нормальный в половом отношении, делается сразу патологически аномальным в половом смысле, под влиянием какого-либо сильного внешнего впечатления. Стоило, например, какой-нибудь эротической женщине в доме терпимости или другом месте возбудить половое влечение в мужчине как раз тогда, когда она обута в изящные, красивые ботинки. При этом могло случиться, что момент наивысшего полового волнения мужчины совпал с мгновением, когда его взор упал на ее ботинки. И уже с этих пор, благодаря ассоциации внушения, его будет постоянно волновать созерцание изящных дамских ботинок. Таким путем он превратится в фетишиста обуви, причем его больше уже не волнует женское тело, а возбуждающе действуют в половом смысле изящные ботинки женщины. Таким же способом может быть усвоено и половое извращение, если человек, до сего времени в половом отношении совершенно нормальный, будет присутствовать при каком-нибудь акте онанизма или педерастии, или даже представит их себе мысленно, но настолько, что такое представление неотразимо гипнотически повлияет на его психику. Тогда человек этот может лишиться своего естественного влечения к женщине и усвоить стремление к мужчине.

Мы должны, конечно, считаться с тем, что такого рода случаи могут иметь место преимущественно при природной истеричности и врожденной патологической внушаемости. Всевозможные усвоенные половые извращения и объясняются таким способом, но в этом мы будем искать и средства для их излечения. Во всех этих случаях исключается наследственное предрасположение к извращениям и твердо установлено лишь влияние внушения, иногда однократного, реже многократного. На моей практике я наблюдал подобного рода случай: весьма порядочный и страстно обожавший свою жену молодой человек, легко, однако, поддававшийся влиянию внушения, стал вдруг импотентным, благодаря только одному навязчивому представлению, причем импотентность сопровождалась у него и половой извращенностью. Он упорно вступил в борьбу с этим стремлением на патологической почве, не позволяя себе иметь половые сношения с мужчинами, но отчаянию его не было границ. Можно было бы при более близком ознакомлении обнаружить массу таких же примеров половой психопатии, обязанных своим происхождением, главным образом, влиянию внушения или самовнушения.

Возможны случаи самопроизвольного излечения таких аномальностей. Что же касается лечения, то оно, разумеется, сводится к внушению, являясь в этом случае вполне действительным. Мы не будем здесь вновь распространяться о тех или иных проявлениях ненормальностей, упомянутых уже нами в этой главе, так как вполне возможно как возникновение, так и исчезновение функционально-психических явлений в полной зависимости от внушения. Мы должны лишь окончательно остановиться на том, что наличие внушения или самовнушения будет вне всякого сомнения, когда человек, до сего времени вполне нормальный в половом отношении, начнет вдруг обнаруживать ненормальности, не истекающие из многолетних, часто практиковавшихся им привычек. На этот раз не представляется возможности провести резкую грань между внушением и самовнушением, так как посредниками в этих случаях являются наши органы чувств (зрение, обоняние, осязание, слух), восприятия которых объединяются с определенными положениями и мощными аффектами, основательно укрепляясь в мозговых центрах. Здесь могут иметь место и чистые представления, причем в наиболее редких случаях идет речь о сознательном или гипнотическом внушении со стороны, сделанном, стало-быть, со злым умыслом. В подавляющем большинстве случаев обуславливающими факторами служат лишенные всякого умысла внушения, положения или впечатления, исходящие как от других людей, так и от предметов, и толкающие на желание подражать, брать пример. То же может быть сказано и о самовнушении. В дальнейшем мы будем говорить о случаях сознательного влияния.

Брейер и Фрейд («Учение об истерии») впервые доказали, что у нервно-предрасположенных детей аффекты, а в особенности аффекты вследствие испуга или сексуального характера (половые покушения, онанизм и т. п.), при условии, что испуг привел

ребенка в смятение или бесчувственное состояние в той или иной степени, — такие аффекты оставляют после себя в подсознательной сфере так называемые психические раны, подобно тому, как при каждом соответствующем раздражении остается внедренным болезненный рубец. Они впоследствии совершенно или лишь отчасти сохраняются в сознании, в большинстве же случаев не оставляют по себе никаких следов, но обуславливают, однако, всевозможные нервно-душевные заболевания, как, например, боязнь пространства, манию преследования, истерические припадки и пр., которые, оставаясь большей частью неизлечимыми, в продолжение многих лет терзают больного. Путем повторного переживания причинного явления (так называемого комплекса), в особенности в состоянии гипноза, как это делают Франк и В. Фогт, вызывается или восполняется недостаточно проявившаяся тогда способность ассоциативного ориентирования, и болезнь может быть временно излечена. Это так называемый психо-аналитический метод лечения. Изыскивание такого комплекса требует много терпения. Эти комплексы не всегда полового характера и не могут быть установлены на втором или третьем году жизни, как того желает Фрейд. Но Франк того мнения, что многие случаи полового извращения приобретены таким путем, а при соответствующем наследственном предрасположении созревают. Я с ним вполне соглашусь и полагаю, что и заикание обыкновенно обуславливается травматически действующими аффектами детства. Заикание представляет собою ничто иное, как фобию речи.

В действительности травматическое влияние аффектов страха и их запечатление в подсознательной сфере мозговой деятельности принадлежит к области истерического самовнушения. Это лишь другая терминология для определения того же самого понятия. Новое, что дают нам исследования Брейера и Фрейда, состоит в нахождении психо-аналитического метода, откапывании и мечтаниях о патогенных (вызывающих расстройство) комплексах и доказательстве, что такие патогенные воздействия обуславливаются ранним (от 3 до 8 лет) детством.

Это чрезвычайно усложняет возможность определить, обусловлено ли данное половое извращение наследственной преимуществом или же личным предрасположением. Предположению о чисто наследственной преимущественности можно противопоставить воздействие аффекта в раннем детстве. Вопрос этот, однако, остается спорным, так как практика указывает на то, что только у предрасположенных к тому психопатов, в особенности у истериков, аффекты вызывают подобного рода заболевания (фобии, извращения и т. д.). Далее, необходимо констатировать, что психическая или невропатическая наследственность проявляется не в одной определенной, а во многих и даже всевозможных формах. Так, сын умалишенного может стать истериком или маниаком, но он в состоянии обнаружить склонность и к гомосексуализму или другим видам полового извращения. В свою очередь, сын такого субъекта с половой извращенностью будет склонен к гомосексуализму или фетишизму; при нормальном же половом развитии, он может быть одержим ипохондрией. Форма отклонения от нормы у наследственно предрасположенных к психопатии обуславливается иногда травматически-сексуально, или каким-нибудь другим образом действующим аффектом. Тут приходится считаться со всевозможными комбинациями наследственности и аффективной травматичности. Это дает весьма важные указания в отношении способов лечения. У предрасположенных представляется возможным, путем предубежденного и преувеличенного психического анализа, фиксировать или вызывать (внушать) комплексы.

11. Половые извращения, благодаря приучению. Подвергнутые здесь рассмотрению извращения полового инстинкта могут быть не враждебными и не продуктом предрасположения, а обусловлены приучением, особенно в том случае, если искусственно раздраженное половое стремление желает найти удовлетворение в разнообразии или в чем-либо необычайном. *Variatio delectat.* Есть к тому же причины, ведущие к ненормальным способам удовлетворения, например, при желании избежать оплодотворения (онанизм, введение члена в рот или в задний проход), или же заражение венерическими болезнями, а то и за отсутствием других естественных способов (особенно онанизм), или же, чтобы не подвергнуться наказанию. Алкоголь, в свою очередь, как это уже было отмечено, дает широкий простор для восприятия и проявления половых извращений. Само собою разумеется, что покупка и продажа девушек, так или иначе терпимые в государстве и возведенные в систему, в лице проституции и

сводничества, должны использовать все доступные способы в интересах завлечения и соответствующего раздражающего воздействия на своих потребителей. В силу этого, проституция и начинает представлять из себя высшую школу наиболее рафинированных половых извращений. Продукты свои она старается сбыть не только таким потребителям, которым врождена извращенность наследственно, но делает все от себя зависящее, чтобы искусственно распространить разврат и аномалии в среде людей, которым представление об извращенности совершенно чуждо. Если половое стремление, благодаря неумеренным приемам и злоупотреблению, успело несколько понизиться в своей интенсивности, то для его раздражения не останавливаются даже перед культивированием садизма и мазохизма.

При обнаружившейся импотентности некоторые несчастные ищут нового возбуждения в созерцании полового акта, совершаемого другими, и пр. Короче говоря, на основе искусственного насаждения лишнего смысла полового стремления зиждется клоака мерзости и свинства, существование которой энергично поддерживают приверженцы мамоны и вакха или иными словами, жадность и алкоголизм. При этом первая из них преследует лишь цели обогащения, второй же обуславливает раздражение на патологической почве и вырождение, уничтожая все препятствия этического свойства и сводя на-нет веления разума. Впрочем, заинтересованные прибегают к алкоголю весьма усердно, так как слишком ценят его незаменимое содействие.

Чтобы нас правильно поняли, мы твердо резюмируем:

а) что педерастия может иметь место и совершенно без всякого участия гомосексуализма и извращенной любви к своему же полу. Она, между прочим, может быть применена и к женщинам (*paedicatio mulierum*);

б) что онанизм в некоторых случаях может быть обусловлен только крайней необходимостью, причем при первом представившемся случае нормального полового удовлетворения он может исчезнуть бесследно;

в) на таких же основаниях может произойти возникновение и исчезновение содомии:

г) врожденный извращенный инстинкт вовсе не является необходимым условием в тех случаях, когда происходит растление малолетних: последнее может в большинстве случаев произойти и без наличности такого унаследованного извращения;

д) как лесбийская любовь (*amor lesbicus*) и *sunnilingus*, так и *coitus in rot* (*felatio*) — вовсе не нуждаются в гомосексуальной любовной подкладке или аналогичных унаследованных извращениях полового стремления.

Все эти приемы имеют наиболее обширное применение в домах терпимости, вообще же у торгующих собою женщин, а также в казармах, интернатах, монастырях и изолированных местах, где мужчины (а иногда и женщины) пребывают все время вместе, не соприкасаясь с представителями противоположного пола.

Исходя из самой сущности таких извращений, как садизм, мазохизм, фетишизм, равно как и эксгибиционизм, мы можем сказать, что они значительно реже представляют собою результаты такого рода приучения, так как основы их в весьма незначительной степени действуют привлекающе на нормальное половое чувство. Не могу в этом случае согласиться с Краффт-Эбингом, который склонен объяснить эксгибиционизм обнаружившейся импотенцией у слишком злоупотреблявшего развратом индивидуума или же бессознательностью эпилептика. Можно допустить наличность некоторых случаев, где эксгибиционизм базировался именно на такого рода высказанных им положениях, но в подавляющем большинстве случаев, мною обстоятельно исследованных, только унаследованный извращенный инстинкт давал соответствующие результаты. Отсюда исключается несколько случаев, которые обязаны своим происхождением алкоголизму, или же когда замечалась явная склонность, обусловленная тем же алкоголем.

Чтобы избежать путаницы, будем называть «половыми извращениями» те из них, которые обязаны своим происхождением эротической страсти к разнообразию и привычкам. Извращения, обязанные своим проявлением привычке, стоят в стороне от таких же наследственно усвоенных. Но все же создается известная непрерывная последовательность между чередующимися фактами, в зависимости от таких предрасположений, которые оставались все время необнаруженными, причем каждый отдельный случаи усложняется и

значительно труднее поддается исследованию.

Должно иметь в виду, что унаследованные извращения могут быть свойственны и людям безукоризненной нравственности, высокого ума и порядочности. Не подлежит сомнению, конечно, что в других отраслях они в большей или меньшей степени психопаты. Но их половая извращенность сопряжена для них с такими страданиями, стыдом и отчаянием, что у них нехватает решимости обратиться к содействию медицины, так как опасаются раскрыть ужасную тайну своей наболевшей души. Если же они решаются быть откровенными, то во всем росте своем встает облик страдальца, ежеминутно находящегося во власти порывов отчаяния и готового в любой момент прервать нить своего скорбного существования. Отличающиеся слабостью воли, цинизмом, эгоистичностью, а также этические идиоты не в состоянии бороться со своими инстинктами на почве извращения, в зависимости от чего и всплывают случаи, становящиеся достоянием гласности и суда. Но было бы непростительно ошибочно сваливать в одну грудку разнородные случаи и строить на них заключение о том, что цинизм — это общее свойство извращенных в половом смысле людей. С другой стороны, совершенно нельзя определить того количества извращенных в половом отношении людей, которое в скрытом виде заключается в среде старых холостяков, пессимистов, всяких оригиналов и других представителей обоих полов, особенно же мужчин.

Я уверен, что не впаду в ошибку, если буду утверждать, что при отсутствии элемента наследственности в данном половом извращении, если основой для него явились не скрытые задатки и не воздействие алкоголя, обусловившего алкоголическое ослабление мозговых центров, особенно воли, — то помощью внушения или психического анализа должны быть достигнуты благоприятные результаты в интересах устранения этого извращения. Таким образом, если мы сталкиваемся с рецидивистами на почве полового извращения, на которых не обнаруживает никакого влияния, ни внушение, ни всякое иное соответствующее воздействие, то мы, в чем я твердо убежден, имеем дело с такими субъектами, которые обременены наследственной извращенностью, или же наследственно предрасположены, или испортились, благодаря алкоголю. Если бы условия половой жизни были социально оздоровлены, то извращения более нормальных субъектов, не поддавшихся влиянию алкогольного наркоза, могли бы быть низведены до безопасного минимума. Если извращение обязано своим возникновением алкоголю, то, запретив употребление спиртных напитков, можно было бы его устранить, равно как и наследственное предрасположение уступило бы воздействию тех же мер, усиленных здоровым человеческим подбором. Результаты в этом случае можно было бы предсказать только благоприятные. Если говорить о таких извращениях, которые порождены внушением и самовнушением и которые большей частью усваиваются в специальных местах разврата или же подражательно, после изучения ненормальности у других, то и здесь предупредительные способы, в лице социального оздоровления, а также терапевтические приемы лечения внушением дадут свои хорошие результаты. Вполне понятно, что при наличии полового извращения полное воздержание от употребления алкогольных напитков является необходимым условием.

Глава IX

Роль внушения в половой жизни. Любовное упоение

Льебо и Бернгейм дали объяснение внушения и гипнотизма, открывшие эру в психологии человека. Но общество и даже большинство врачей и юристов, к несчастью, не дали себе труда усвоить его и по настоящее время готовы видеть в нем колдовство и мистику или суеверие, обман и шарлатанство. Объясняется это отсутствием способности у многих людей мыслить психологически и философски, правильно наблюдать над самим собою, а также ясно представить себе связь между душою и мозговою деятельностью.

(Я должен здесь, по необходимости, предостеречь против ошибки многих врачей, очень распространенной и сводящейся к тому, что гипнотизм считают противоположностью психотерапии и внушению в состоянии бодрствования. А между тем как гипнотизм, так и внушение в состоянии бодрствования должно считать однозначными; взгляд же в этом случае

таких врачей — напр., Дюбуа — следует считать карикатурой, обусловленной неправильно истолкованными психологическими явлениями. Как мы видели, патогенные эффекты и психические анализы относятся к отдельной главе учения о внушении и психотерапии). Я отсылаю здесь к моей книге: "Der Hypnotismus und die suggestiv Psychotherapie (funfte Auflage 1907), так как лишен здесь возможности вдаваться в детали. Но я считаю долгом разъяснить читателю сущность внушения, чтобы сделать понятным отношение его к половым чувствам.

Внушение представляет собою воздействие представления на головной мозг вообще и в особенности на некоторые роды его функций. Под функцией мозга мы разумеем всякое возникающее в нашем сознании представление. Из примера мы выясним связь игры наших сознательных представлений (цели наших мыслей) с так называемой бессознательной мозговой функцией. Основываясь на известных соображениях, о которых я здесь лишен возможности распространяться, ибо это заставило бы меня уйти значительно далеко (см. мою книгу о гипнотизме), — я даю название «подсознательного» всему тому, что принято называть бессознательным, — ибо мне кажется достаточно вероятным, чтобы не сказать безусловным, что наши нервные функции не могут быть совершенно бессознательными, но, показываясь нам таковыми, они все-таки контролируются родом внутреннего созерцания (или сознания), в известной степени подчиненного. Оно, правда, ускользает из области нашего обычного познания, соприкасающейся с процессом апперцепции (внимания). Но много наблюдений, преимущественно в гипнотических процессах, путем аналогичного вывода, доказывают наличность подсознания для функции мозга, принимаемой бессознательной.

Моя мысль сосредоточена на жене. Из этой мысли тотчас же рождается другая о путешествии, которое мы предпринимаем с нею через неделю, а последняя мысль, в свою очередь, обуславливает и представление о чемодане, который необходимо будет с собою взять. Таким образом, с невероятною скоростью зарождается три последовательных представления: 1) о моей жене, 2) о путешествии, 3) о необходимом чемодане. Здесь, стало-быть, как оно истекает и из учения схоластики, представление о путешествии возникло и явилось следствием представления о моей жене (которая будет мне сопутствовать), представление же о чемодане — продуктом представления о путешествии. Но последовательный порядок наших, сознательных идей вовсе не так легко находит себе объяснение, ибо в мозгу зарождаются часто и такие идеи, которые не имеют никакой логической связи с предыдущими и не могут служить следствием их, а также и других воспринятых внешних чувств. Незнакомство с нашим мозгом и его функциями допускало наличность свободно витающей, души и свободной воли, ничем не связанных с законом причинности и дающих тон нашей духовной жизни. Но это было основано лишь на незнании. Возьмем снова наш пример.

Почему мысль о моей жене вызвала соответственно мысль о путешествии? Ведь могли аналогично возбудиться (экфорироваться) и другие представления, и, действительно, возникновение мысли о путешествии базируется на других многочисленных подсознательных представлениях, т. е. подсознательных функциях моего большого мозга. Путешествие явилось моим намерением раньше, чем я о нем думал в настоящий момент, и в зависимости от этого в моем мозгу остались скрытые подсознательные впечатления (энграммы), как например, день отъезда, продолжительность путешествия и его назначение, заботы о хозяйстве во время нашего отсутствия, необходимых в дороге вещей, предстоящих расходов и проч. Мне чуждо было сознание всего этого в тот незначительный промежуток времени, когда мне предстала мысль о «путешествии» между идеями о «жене» и «чемодане». Но в этом случае вне сомнения их ассоциативная связь, т. е. крепкая связь скрытой подсознательной мозговой динамики в мозговых клетках и волокнах с идеей о путешествии, причем эти идеи вводят его в сознательную область внимания, ослабляя одновременно своим вмешательством проявление чистого чувства путешествия и препятствуя более сильному выступлению чувств и идей, в той или иной степени сопровождающих мысль о путешествии. В моем сознании явилось молниеносное представление о моей поездке, исчерпывающееся словом «путешествие». Целая цепь общих сложных представлений обнимается такою сокращенною формулой, благодаря речи, имеющей слова в своем распоряжении. Таким образом, «путешествие», моментально промелькнувшее в мозгу вслед за мыслью о «жене», не является следствием одной только этой мысли, а продуктом сплетения многих подсознательных нитей, обусловивших появление его в

области верхнего сознания и в определенном ее качестве. Но эти нити, в свою очередь, независимо от меня, дают особый характер другим идеям, обязанным, очевидно, своим происхождением идее о «путешествии», а именно идее о необходимом чемодане. В связи с идеей о «путешествии» могли возникнуть и другие, как представление о знакомых, которые встретятся в пути, о ближайшем городе и т. д. Почему же на первом плане чемодан? А по той причине, что забота о вещах стала наиболее интенсивной и моментально затмила собою все остальные ассоциации.

Мы убеждаемся здесь в том, что на самом деле три идеи «жена, путешествие и чемодан» не столько находятся в причинной связи друг с другом (хотя и сопутствуют друг другу в сознании), сколько обусловлены влиянием подсознательных чувств идей и прежних этапов воли, обязанных, в свою очередь, своим происхождением предшествовавшим разнообразным и сложным функциям моего мозга.

Это объяснение путем сравнения сделаем еще конкретнее и доступнее. Человек о чем-то кричит в большой, находящейся в движении толпе, желая обратить на себя ее внимание. Его голос, однако, хотя слышен находящимся близко около него, но совершенно замирает в возбужденной толпе. Давка увлекает человека против его воли и независимо от его сопротивления, в сторону теснящейся массы. Но если толпа станет и утихнет, то не только голос человека будет услышан, и он будет в состоянии пробраться через толпу, но возможно, что убеждением своих слов человек этот будет в состоянии увлечь ту же толпу или часть ее за собою. Таким же образом и проявление отдельной идеи зависит от того, возникла ли она в интенсивно-ассоциированном мозгу, находящемся в бодрствовании или же в дремлющем и бездеятельном его состоянии. Такой ассоциированный мозг и может быть сравнен с возбужденной толпой, неудержимо увлекающей за собою все в своем движении. Отдельная идея (как и отдельный человек) может как угодно стремиться занять первенствующее положение, но пока она не запаслась раньше достаточной властью над толпой (мозгом) усиливающейся еще благодаря воспоминанию, — до тех пор она будет увлекаться толпой, т. е. единичное действие ее будет сведено к нулю. Если же мозг пребывает в состоянии покоя или бездеятельности, то он в этом случае может быть уподоблен спокойной толпе, и идея, хотя бы даже совершенно новая для данного мозга и лишенная корней в памяти толпы, способна оказать влияние, обеспечить себе движение вперед и вызвать соответствующие следствия. Но если она уже раньше действовала на толпу увлекающе (т. е. при совокупности ассоциированных функций мозга) и толпа уже привыкла за нею следовать, то может случиться, что и на этот раз волнение толпы не повлияет на результаты воздействия идеи.

Отсылаю к сказанному в первой главе (стр. 17 и далее) о мнеме. Мнемическая теория Земона и в настоящем, случае способствует уяснению этих понятий. Мое сравнение, надеюсь, было понятно. Человек, внушающий другому или гипнотизирующий, должен прежде всего воздействовать на мозг гипнотизируемого таким образом, чтобы привести мозг его в состояние относительного покоя, создавая таким путем благоприятную почву для восприятия подлежащих внушению идей. Подготовительные дальнейшие внушения имеют целью усиление дремотного или сноподобного состояния покоя, чем, между прочим, ослабляются ассоциативные нити бодрствования. И вслед за этим гипнотизирующий, тоном, не допускающим возражения, отчетливо диктует то внушение (или идею), функцию которого ему желательно вызвать в мозгу подвергнувшегося гипнотизированию. С этой целью в его распоряжении должны быть все им же искусственно созданные ассоциации, принятые или непринятые чувства, решения и т. д. Влияние внушения в сильной степени уменьшается, благодаря имеющимся уже налицо противодействующим ему аффектам, чувствам или склонностям, независимо от того, будут ли они аффектами боязни, отчаяния, ненависти, печали, радости, любви или каких угодно других волнений. Может случиться, что данный мозг будет доступен влиянию каких угодно внушений, но он будет упорно противодействовать какому-нибудь внушению — в силу того, что симпатии его целиком направлены на что-нибудь противоположное. Было бы напрасным трудом стараться внушить любящей девушке ненависть и неприязнь к возлюбленному, ибо чувство половой любви значительно сильнее влияния внушения со стороны.

Однако, как мы уже констатировали, раз удавшееся внушение влечет за собою прочный

след в мозгу, в виде колеблющейся колеи, которую легче будет своевременно привести в движение (экфорировать). Этим и объясняется необходимость предварительного покоя мозга, чтобы внушение не встретило препятствий; но раз внушение сделано, оно окажет свое влияние даже и в том случае, когда мозг будет находиться в состоянии сильного возбуждения и интенсивно ассоциированных функций.

(Одну девушку, которую я раньше гипнотизировал, неожиданно постигло глубокое несчастье — смерть матери и сестры на пожаре. В припадке отчаяния она готова была на самоубийство. Но мне удалось загипнотизировать ее и настолько успокоить, что из всех членов семьи она единственная сохранила нужное хладнокровие).

Внушенное представление, что наиболее важно, прокладывает подсознательные следы, поражая и смущая внезапно наше сознание. Я внушил человеку, что у него будет чесаться лоб. И он будет чрезвычайно изумлен, когда почувствует зуд, не зная какими путями осуществилось мое предсказание. Моя власть над ним с этого момента усилилась, а мозг его стал доступнее моим словам я воздействию; сопротивление его будет уже значительно слабее, так как он непосредственно видел, что мои предсказания осуществляются независимо от того, касались ли они чувств или движений (даже и движения крови, когда заставляют покраснеть или побледнеть, или когда внушают менструации и т. д.). Таким образом, его мозг приучается уступать моему воздействию, разрешает врываться в его функции, то есть считается с ним как с диссоциирующей силой. Эта вера или эта «податливость» внушаемым идеям весьма заразительна: если В. загипнотизирован А., в присутствии С. D. E. F. G.... то и эти последние легче поддаются внушению и т. д. В этом и заключается причина массового внушения.

При этом не важно, будет ли внушение сопровождаться достаточно сильным субъективным чувством сна, или не будет. Чувство это обуславливается преимущественно наличностью при пробуждении той или иной степени амнезии (амнезия — это потеря воспоминания), которая является следствием случайного перерыва цикла воспоминаний в сознании. У способных к сильному загипнотизированию (сомнамбул) амнезия может быть вызвана или уничтожена при помощи одного только внушенного слова, т. е. может быть внушено, по желанию, забвение или, наоборот, воспоминание, с этим необходимо считаться, так как врачи, как мы уже говорили, за последнее время догматически констатируют различие между внушением в состоянии бодрствования и гипнозом, что говорит лишь о грубом незнании всей сути дела. Мы повторяем, что нет разницы между внушением наяву и гипнозом, или, иными словами, они друг от друга отличаются лишь внушением амнезии (или субъективного чувства сна) или же субъективного воспоминания сна, составляя противоположность воспоминанию о состоянии бодрствования и относясь к одинаковому состоянию.

Самовнушение представляет собою воздействие (т. е. без влияния других людей) самопроизвольно возникающих идей, которое может быть уподоблено влиянию внушения со стороны. Возникновение самовнушения следует приписать тому что какая-нибудь идея или чувство укрепляется в нашем мозгу, беря верх над всеми ассоциированными противодействиями и оказывая, как и внушение, энергичное влияние на какую-нибудь часть нервной системы и в одном каком-нибудь отношении. Достаточно вообразить себе только, что сна не будет — и это вызовет уже бессонницу. Одна только идея об импотентности обусловит у мужчины неожиданную вялость полового члена или же будет препятствовать эрекции, не допуская, таким образом, совершения полового акта. Мысль о зевоте в состоянии вызвать зевоту, идея о совершении полового акта может обусловить эрекцию и чувство сладострастия; мысль о стыде вызывает краску на лице, об ужасе — мертвенную бледность, о сострадании — слезы.

Но человек может бессознательно влиять на другого гипнотизирующе, вызывая, например, своей зевотой зевоту у другого, или же можно самому подвергнуться внушению в зависимости от созерцания каких-нибудь предметов или восприятия каких-нибудь звуков, причем эрекция, например, может быть обусловлена одним только видом принадлежности туалета любимой девушки, или же тошнота может явиться следствием запаха какой-нибудь еды, причинившей расстройство желудка. Если считаться с этими явлениями, то неизбежно обнаружится ряд переходных ступеней между самовнушением и внушением со стороны, причем внушающими будут также предметы и неумышленные внушения, исключаящие

какие-нибудь разделяющие грани между ними. Под действительным или умышленным внушением со стороны мы разумеем заранее обдуманное решение гипнотически влиять на другого, — это единственное определение. Сюда не входит разрешение вопроса о том, преследует ли внушающий интересы подвергшегося внушению (напр., излечение) или наоборот.

Важным для нас является лишь то обстоятельство, что сила внушения в значительной степени зависит от способности вызвать в подвергшемся внушению доверие и чувство симпатии. При обмане со стороны гипнотизирующего внушаемый все будет поддаваться влиянию до тех пор, пока ему не станет понятным обман, или же пока он его не почувствует. Здесь должно считаться с одним очень важным обстоятельством. Ум и логика могут подсказать человеку, что в этом кроется что-то неладное, что в данном явлении для него заключаются элементы вреда, и хотя этому «нечто» он будет посылать свои проклятия, но его все же будут тянуть к нему подсознательные инстинктивные чувства, чувства симпатии, как влечет мотылька на огонь или греческого пловца на призыв сирены. Мы лучше всего поясним здесь вышесказанное двумя следующими примерами.

Талантливый артист влюбился в интересную женщину, изменившую не только своему мужу, но и артисту и многим другим. Сознательно относясь к ее поступкам и в силу велений ума принимая все меры, чтобы освободиться от ее низменных чар, артист все-таки не в состоянии был противодействовать той силе, которая притягательно влияла на его половое чувство. Он обратился ко мне, чтобы при помощи гипнотизма освободиться от влияния этой любви. Мне не стоило труда убедиться в том, что мои попытки были бы бесполезны, но я все же приложил все силы, чтобы удовлетворить его желание. Но мои внушения, имея верного союзника в лице его ума, ничего не в состоянии были сделать в единоборстве с его чувствами, обусловленными половым влечением к истеричной соблазнительнице, — и результаты оказались нулевыми.

В другом случае интеллигентная девушка избрала объектом своей любви молодого холостяка, в свою очередь, достаточно интеллигентного, причем страсть ее была настолько велика, что она потеряла сон, аппетит и сильно изменилась за это время. Однако, благодаря частым встречам с предметом ее любви, она пришла к заключению, что они по характеру ничего общего друг с другом не имеют и совместная жизнь и в браке была бы почти невозможной. Исчерпав все силы своей энергии на борьбу с охватившим ее чувством, она обратилась ко мне с просьбой освободить ее при помощи гипнотизма от овладевшей ею любви.

Аналогичный опыт прошлого не предсказывал мне успеха и в этом случае, но я все же старался использовать все мое умение, чтобы добиться благоприятных результатов. И все же последствия оказались такими же отрицательными, как и в опыте с артистом. Можно было возлагать надежды и в этом случае только на разлуку и всеисцеляющее время.

Поучительность этих двух примеров весьма велика. Сильные чувства, заложенные в мозгу, могут уступить внушению лишь в том случае, когда умело удастся пробудить новые чувства симпатии, которые впоследствии усилятся и возьмут верх над прежними чувствами. Но в этом-то и вся трудность и щекотливость вопроса.

Чтобы гипнотически влиять на людей, должно стараться найти связь между внушаемыми идеями и чувствами симпатии, причем подвергающийся внушению получает такое впечатление, как будто не только воля гипнотизирующего, но его собственная диктуют ему данное стремление или желание, которое загипнотизированному чрезвычайно приятно или, по крайней мере, является неизбежным для него и обязательным. В чувстве, поддающемся влиянию, что особенно свойственно женщине, есть своего рода удовольствие, которое нередко сочетается с пассивными чувствами половой любви большей частью у женщин, но и у мазохистов-мужчин. Таким образом, врачу предстоит возбудить в подвергшемся внушению объекте чувства симпатии, при содействии которых ему удастся бороться с подлежащим искоренению злом. Такое стремление не является чреватых последствиями, если нет сексуального взаимодействия между гипнотизирующим и подвергшимся гипнозу; стало-быть, если нормальный мужчина подвергает гипнозу нормального же мужчину, нормальная женщина — нормальную женщину, урнинг — женщину-урнинг. При таких же условиях могут возникнуть половые чувства, с большим трудом устранимые, если своевременно не приняты

соответствующие предосторожности. Бывали случаи, когда такие половые чувства охватывали обе стороны и давали печальные осложнения на почве любви. Здесь можно привести, в качестве примера, историю Минского, который при помощи гипнотизма, привел одну истерическую баронессу в половое возбуждение и заставил ее поддаться его обаянию. Любовь эта не совпадала с желаниями баронессы, но, очевидно, благодаря гипнотизированию, произошло усиление чувств, в обыкновенном случае свойственных человеку в состоянии влюбленности. Здесь трудно определить границы между нормальной и душевной любовью. Гипнотизеру при таких условиях представляется широкая арена для злоупотребления. Одна старуха-спиритка, например, настолько сумела привязать к себе богатого и женатого молодого человека, что тот бросил семью и женился на старухе. Последняя, чтобы не потерять своего влияния на мужа, сама доставляла ему молодых женщин для полового общения. Когда возникновение любви обязано своим происхождением умышленному внушению со стороны, то под влиянием последнего, влюбившийся полон все время непонятого чувства принуждения, которое он и приводит впоследствии, когда дело доходит до суда. Чувствуется раздвоение личности, и раздражение полового инстинкта носит какой-то невольный, насильственный характер, причем он склонен оказывать сопротивление. Однако, и в этом случае возможны оттенки в большой степени зависящие от искусства гипнотизера. Если последний сумеет не обнаружить своего умысла, то чувство принуждения не выплывает на поверхность сознания. При неопытности же гипнотизера и истеричности гипнотизируемого лица, особенно женщины, — внушенная ей любовь может впоследствии превратиться в ненависть.

Обособленными являются те случаи, когда гипнотизер глубоко загипнотизировал женщину и совершил над нею без ее ведома половое насилие. Сопротивление со стороны жертвы, лишенной в этом случае личной воли, совершенно невозможно. Это, впрочем, входит в компетенцию юристов.

Нас больше интересуют первые случаи. Проявление любви на почве *libido sexualis*, в свою очередь, возбуждают *libido*, обуславливая обоюдные симпатии и действуя притягивающе, как магнетизм. Но внушение основано на победе над ассоциированным противодействующим подсознанием, в чем мы уже убедились. Кроме того, половые ощущения и чувства симпатии совпадают между собою в некоторых своих пунктах, так как в этих чувствах филогенетически заложены прямые или косвенные потомки полового чувства. Мы видим теперь, как много родственного между внушением и любовью. Я говорю родственного, но следует избегать называть его тождественным, так как внушение и любовь совершенно не совпадают друг с другом. Возможно, к счастью, восторжествование большинства больных, благодаря возбуждению чувств симпатии, при деятельном участии гипнотизируемого и подвергшихся гипнозу, над проявлениями болезни. Но двое могут, наоборот, ощущать чувства искренней половой любви друг к другу, и ни один из них не будет в состоянии загипнотизировать другого, особенно, если они долгое время находятся в близком взаимном общении (например, супруги), или находятся не на высоком уровне развития, или же, наконец, находятся не в большой зависимости от своего *libido sexualis*. Это должно быть основательно усвоено, во избежание ошибочных обобщений, могущих явиться следствием неправильно понятых моих утверждений. Внушенная любовь может быть очень похожей на вполне нормальную любовь, если сильно ассоциированный мозг стремится внушать более слабому мозгу другого пола чувства симпатии, осторожно связывая их возбуждением *libido sexualis*. Подвергшийся внушению может впоследствии опомниться, в том случае, когда у него исчезнет сила внушения, а в зависимости от обнаружившегося обмана, недобросовестности гипнотизера или от времени. При таких условиях любовь уступает место даже ненависти, на почве раскаяния, разочарования и злобного чувства. Или же может иметь место упорная борьба между сохранившимся *libido* и разочарованной любовью, что наблюдается и в обыденной любви человека.

Мы можем сравнить теперь вышеописанные явления с обыденными жизненными явлениями, носящими название угара любви. Мы сейчас же найдем здесь много совпадающих пунктов. Мужчина и женщина понравились друг другу. При этом, благодаря чувственному и духовному общению, у обеих сторон возбуждается симпатия и *libido sexualis*, причем каждое из этих чувств, в свою очередь, действует на другое возбуждающе. *Libido* склонно обрамлять каждый поступок любимого существа сиянием красоты и прелести, эта же окраска действует

усиливающее на симпатию. Тут очевидна роль взаимного внушения, которое в дальнейшем своем развитии и дает так-называемую «безумную страсть». Конечно, здесь все основано на взаимном оптическом обмане. Чем больше безумства, порывов, безрассудна и внезапности в такой влюбленности, тем меньше в ней знакомства с характером противоположного пола, тем скорее она базируется на иллюзиях. И при отрезвлении эта «любовь» не только развалится, но и уступит место равнодушию, если не отвращению и даже ненависти. Тут мы видим участие внушения в любви. Влюбленный также склонен неинтересную и злую девушку считать чуть ли не богиней, а влюбленная женщина принимать какого-нибудь эгоистичного и отвратительного дон-жуана — за идеал мужской красоты, как за гипнотизированный — глотать сырой картофель, считая его вкусным апельсином.

Эта родственность выступает особенно энергично в тех случаях, когда имеется налицо лишь односторонняя влюбленность, другая же сторона, на почве *libido sexualis*, является соблазняющей (отсюда исключаются грязные денежные соображения, как источник соблазна), но действующей весьма разумно, не теряя рассудка, а призывая лишь *libido* в соотрудники в интересах соблазна. В этом случае можно сказать, что соблазнитель играет роль внушающего, а соблазняемая сторона — роль подвергшейся внушению, конечно, если тут не было места расчету, страху, слабости или же добродушию.

Соблазнитель, в свою очередь, может находиться под некоторым эротическим влиянием, которое, разумеется, во всей своей интенсивности отражается на стороне соблазненной, все мысли которой, чувства и стремления совпадают с желаниями, внушенными соблазнителем. Любовь и преданность могут в некоторых случаях быть обусловленными одним только внушением, без участия *libido sexualis*. Законы и юриспруденция, к сожалению, не считаются с этими обстоятельствами. Не всегда роль соблазнителя-гипнотизера находится в руках мужчины; не подлежит сомнению, что Антоний, член триумvirата в Риме, был за гипнотизирован Клеопатрой, державшей его у своих ног. Таких Антониев можно было бы немало насчитать и в настоящее время, но их не должно принимать за нормальное явление.

Роль внушения в любви, таким образом, огромна, и на его основе и построены все проявления самоослепления в любовном угаре. Но мы должны, однако, констатировать, что любовное опьянение, лишенное разумных основ, с его внушениями на почве иллюзий, дает в результате человеку больше яда, чем счастья.

Я объясню это еще проще. Если два человека, достаточно серьезных и благородных, полюбили друг друга на честных началах и сумели вовремя не только оценить чувственную сторону своих желаний, но и изъять ее из своих взаимоотношений, посвящая каждый себя на изучение другого, то в результате любовный угар для них совершенно не опасен. Если одна сторона обнаружит перед другою наибольшее количество лучших качеств, то это обстоятельство лишь послужит к упрочению любви. Но если два эгоиста, строящих свою жизнь лишь на холодном расчете, будут охвачены сильным *libido sexualis*, то и у них может иметь место достаточно счастливый брак, если только *libido* их не переходит пределов животного инстинкта и не касается спокойных функций интеллекта. Здесь почти или совершенно не будет участвовать внушение любовной страсти. Трудно определить, часто или реже имеют место подобного рода случаи. Нельзя считать, во всяком случае, с мерилем изящной литературы, которая всегда склонна была уделять всю свою энергию изображению романтических чувств в неестественном их проявлении и в тесном соприкосновении их с элементами патологии. Что касается среднего человека, то он мало поддается влиянию любовного угара и на наслаждения половой любви смотрит приблизительно так же, как и гастроном на изысканное и любимое им блюдо. Это столь же непоэтично, сколько свойственно натуре человека, особенно же мужчины. Таких гастрономов, впрочем, немало и среди женщин. Такая половая связь, разумеется, лишена поэзии страсти. Можно ее рассматривать даже не как любовь, а как обыденное проявление мещанского полового наслаждения, аналогично стремлению к богатству, карьере, профессии и пр. Я, однако, буду энергично протестовать, если идеалисты с поэтической тенденцией или моралисты будут называть это проституцией любви, ибо нет речи о проституции в тех случаях, когда не имеет места покупка или продажа полового наслаждения. Если рассуждать здраво, то человек имеет такое же право на приятное удовлетворение своего полового инстинкта, но без высокого подъема своих чувств, как и на сытное и приятное удовлетворение своего голода и

жажды, — разумеется, пока это не сопряжено с вредом для другого. Конечно, в этом нет и намека на любовный пыл, который могуче потрясает всю душу, властно, в силу внушения господствует над всеми мозговыми функциями и захватывает часто и половой инстинкт, без которого, впрочем, может и обойтись.

Любовная страсть, конечно, претерпевает всевозможные видоизменения в зависимости от природы людей, которых она охватила. Ей свойственны и свирепость урагана и нежное баюкание зефира; она задевает нежнейшие струны в сердцах идеалистов и топчется грубо и глупо у пошлых людей. Мы уже дали в одной из предыдущих глав описание ее главнейших форм. Она ставит нередко влюбленного в смешные и нелепые положения, продолжающиеся все время любовного угара, причем, как мы уже видели, любовь эта может очень скоро перейти в противоположное чувство.

Действие внушения проявляется не только в сфере полового чувства, но и всей душевной жизни. Внушением в огромных размерах питается и эстетика, и искусство, чем, между прочим, объясняются и частые колебания мод. Эти модные течения действуют путем внушения на среднюю личность, рабски подчиняющую им свое умовоззрение. Известны попытки импрессионистов уверять, что листьям деревьев свойственна голубая окраска кобальта, который они применяли в рисовании. Такие же уродливости известны нам из других аналогичных случаев.

Не следует упускать из виду еще и того, что сказано нами в главе VIII, III, 10 по поводу половых ненормальностей и извращений, обусловленных внушением. Мы отсюда выводим, что половой инстинкт, который во всех видах может быть внушаем, особенно людям, легко подвергающимся гипнотизму, может быть сведен с прямого своего пути, в зависимости от влияний на почве извращенных идей. Если, например, фантазию мальчика, легко доступного внушению и особенно истеричного, будет косвенно возбуждать эротизм другого мальчика, то он станет его объектом. В связи с этим и может возникнуть гомосексуальная склонность, развиваясь на почве онанизма, педерастии и пр. Сила извращенного эротического представления, действующего путем внушения, обуславливает, между прочим, и ее продолжительность, например, при импотенции, онанизме, содомии и пр.

Но одновременно мы можем отсюда предположить, что внушение будет в состоянии воздействовать и на аномальности, исцеляя их или, по крайней мере, ослабляя. Если возможно раздражение или извращение полового инстинкта путем внушения, то, наоборот, представляется возможным заглушить его, ввести в нормальные грани, если только мы в этом случае не имеем дела с врожденным извращением. Что же касается слишком частых истечений семени, онанизма и извращенных инстинктов, то внушение может подействовать на них весьма благотворно, ослабляя их или даже и совсем устраняя. Но мы должны помнить, что раз удавшееся и не всегда надежное излечение, путем внушения, такого извращения, которое обусловлено наследственностью, не дает еще никакого основания содействовать браку (см. выше). Приводимый ниже случай из моей практики без сомнения, очень щекотливый, может с достаточной яркостью показать, как все зависит, главным образом, от доброй воли и осторожности гипнотизирующего. Одна молодая девушка, вполне порядочная и очень хорошенькая, страдала чрезвычайным половым раздражением. Кроме онанизма, она страдала еще эротическими сновидениями, в которых видела мужчин и животных, причем испытывала страшное волнение и ощущение сладострастия, такие же как и при совершении полового акта. Мужчине, конечно, чрезвычайно неудобно лечить такого рода случаи внушением. Но все же мне удалось достигнуть благоприятных результатов при помощи словесного внушения, а также местного применения магнита, действовавшего, в свою очередь, так же как внушение, причем не только устранен был онанизм, но восстановлена была работоспособность девушки и излечено ее нервное истощение. Она очень скоро в состоянии была возобновить свои занятия. При достаточном опыте удастся иногда загипнотизировать и в присутствии посторонних, что особенно рекомендуется делать. Впрочем, в настоящее время применяется во многих случаях психический анализ (см. гл. VIII, III, 10), когда при помощи одного только внушения нельзя придти к желательной цели.

Как уже было сказано, я в настоящем случае не преследую подробной разработки неисчерпаемой области взаимоотношений между внушением и половым инстинктом и

любовью. Но, удовлетворяясь вышеизложенным, хочу надеяться, что читатель окажется достаточно подготовленным к тому, чтобы в дальнейшем самостоятельно заняться этим вопросом и на конкретном случае проследить воздействие внушения.

Глава X

Половой вопрос в его отношении к деньгам и частной собственности. Брак по расчету, проституция, сводничество, кокотки и метрессы

1. Общее понятие.

Историческое развитие человеческого брака мы рассматривали в главе VI, как продолжение филогении, и констатировали, что брак по покупке и полигамия представляют собою своего рода промежуточную степень, но в то же время и отступление культуры в виде продукта развития человеческого общества и человеческого владения. И, действительно, когда человек, в качестве существа высококультурного и глубоко индивидуалистического, мечтающего о благосостоянии своей семьи, должен в силу обстоятельств жить среди других ему подобных людей и приходиться с ними в соприкосновение, — то, в виду разносторонности и свойственного ему индивидуального различия развития его умственных способностей, замечается, что отдельные индивидуумы, обладающие большим развитием и находящиеся в более благоприятных условиях, стремятся к владычеству над более слабыми и менее одаренными, с целью использовать их в своих интересах и интересах своей семьи. Уже у животных мы сталкиваемся с тонкими явлениями. Старые пчелы, например, называемые грабительницами, насильно овладевают плодами чужих работ.

У муравьев встречаемся мы с некоторым видом инстинктивного рабства, причем наиболее сильные разновидности их выращивают рабов из куколок, забранных ими у слабейших. Рабы эти впоследствии отдают свой труд похитителям. У некоторых млекопитающих (рогатый скот, некоторые породы обезьян) старые самцы или самки (в стадах коров) берут на себя главенство над всеми остальными. Зтим животным, конечно, чуждо представление о собственности применительно к неодушевленным предметам или живым существам, но уже изолированно живущие виды инстинктивно считают принадлежащим лично им жилище, ими обитаемое, сделанные на время запасы и даже участок окружающий место постоянного их пребывания.

Пчелы, осы и особенно муравьи имеют наиболее близкое представление об общей собственности, причем муравьи, например, считают лично им принадлежащим и подлежащим защите то дерево, на котором находятся травяные вши, служащие для них объектом питания.

Только человек на соответствующем уровне развития уразумел все те выгоды, которые могут ему представиться, благодаря владению землею, продуктами трудовой деятельности, а также и людьми (их работой). Мужская половина человечества, обладая большей физической силой, связала свои преимущества с удовлетворением полового стремления, благодаря чему более слабая женщина подпала под зависимость от мужчины, все более возрастающую. При таком положении вещей женщина стала предметом продажи и покупки, причем она легко могла быть обмениваема на любые принадлежности домашнего обихода, служа не только для удовлетворения полового стремления, но и в качестве ценной рабочей силы, в свою очередь рождающей новые рабочие силы, в лице будущего потомства. На этой базе и зиждется, если исходить из этнологии и истории, та купля-продажа, которая сочеталась с любовью или правильнее, с удовлетворением полового влечения. Мы указывали уже на то, как варварские народы, жившие в полигамии, умели использовать все преимущества из обладания многочисленными женами и потомством, причем они стали продавать их и покупать. Мы находим здесь много элементов, напоминающих представление о рабовладельчестве, которое во многих своих пунктах с таким порядком вещей и совпадает. Мы доросли уже до такого состояния, когда вышеуказанные приемы стали достоянием истории. Но роль презренного металла в половой жизни в наши дни настолько велика, что влияние его, может быть, создает нередко условия, нисколько не уступающие положению вещей, о которых мы только что

говорили. К тому же, как мы об этом уже упоминали в главе VI, жена и дети, при современных нам условиях утонченного существования, становятся все больше и больше недоступными, в качестве предмета роскоши, отнюдь не являя собою, как раньше, богатства. Это объясняется следующими двумя соображениями. Прежде всего социальные права женщины и ее ребенка находят себе все больше и больше защиты в зависимости от установившихся гуманных взглядов на права личности, причем злоупотребления со стороны мужчины, вполне естественные во времена патриархата, больше не находят себе места. Создается обязанность для главы семьи содержать семью и воспитывать потомство. Мы можем видеть еще только у бедняков признаки эксплуатации жены и потомства, которые работают на семью, но зато, наоборот, в богатых и образованных классах семья ложится тяжелым бременем на ее главу. При этом нередко наблюдается, что в стремлении как можно больше доставить удовольствия своему потомству, глава семьи взращивает его в довольстве, избыточных наслаждениях и бездеятельности, что весьма пагубно отражается на подрастающем поколении. Вместе с тем все недоступнее становится создать на здоровых началах приличную, без претензий семью, так как нравы все больше изнеживаются и жизнь усложняется. Одновременно известна та энергия, с какою мужчины, и особенно женщины, стараются превзойти друг друга своими драгоценностями, туалетами, комфортом, угощениями, приемами — и вообще внешней, показной стороной своей жизни. В связи с создавшимся таким путем положением вещей, масса человеческой энергии непроизводительно уходит на ненужные вещи и излишества. Таким образом, достигшая наивысшего развития культура создает рядом с классом купающихся в довольстве богачей и кадры бедняков, лишенных куска насущного хлеба, обуславливая также и борьбу с идеей о браке и сокращая «из экономических соображений» деторождение. Наркотические средства (алкоголь) пагубно отражаются на потомстве, причем в таком же направлении действует и односторонний нездоровый образ жизни. Внешний вид воспитанного в таких нездоровых условиях и выхолонного человека не обнаруживает, правда, внутреннего его состояния, но выражается это, главным образом, в его нервности, причем у него создается масса неестественных потребностей и притязаний. Такие люди, обыкновенно, значительно больше получают от общества, чем ему дают — между тем, как при нормальных условиях должно было быть совершенно наоборот. Исключительное бездельничанье, практикуемое женщинами Северной Америки, является наиболее печальным явлением.

Мы ознакомимся здесь со всеми теми результатами, с какими сопряжено вышеприведенное положение вещей для современного человечества применительно к его половой жизни. Результаты эти выражаются: во-первых, в браке по расчету, во-вторых, в проституции и сводничестве и, в-третьих, кокетках и содержанках, являющихся между двумя первыми промежуточной стадией.

2. Брак по расчету.

Брак по расчету может быть рассматриваем, как современная форма (наследственная) брака по покупке. В прежние времена покупалась жена и пускалась в продажу дочь. Ныне же сами продаются жене и приобретают за плату зятя. Это не носит уже, разумеется, такого характера, как раньше, ибо приобретающая и приобретенный не представляют собою взаимоотношений между собственником, с одной стороны, и приобретаемой вещью — с другой. Но зато нашему браку, основанному только на расчете, свойственны приемы низко-спекулятивного и эксплуатационного свойства. Мы о них, впрочем, не будем распространяться, так как они всем и каждому известны. Деньги — и только деньги, как начальное и конечное, заменяет в браке любовь, характер, таланты, гармонию взаимоотношений, здоровье духовное и физическое. Благодаря презренному металлу, масса людей теряет способность видеть и различать, не считаясь с тем, что здоровье, духовное и физическое, будущей подруги жизни представляет собою нечто более надежное, чем те средства в процентных бумагах, которые отложены про запас и будут впоследствии скоро и безрассудно истрачены страдающими болезненной наследственностью детьми. Таким образом, незнание законов наследственности, равно как и денежная алчность, обуславливает собою

появление на свет хилого потомства. И вместе с тем масса людей остается за бортом, не вступая в брак за отсутствием средств. Капитал старается использовать их, как рабочих, но не дает им возможности воспроизводить себе подобных.

Германская армия в этом смысле дает нам весьма характерное, и носящее в себе специальные признаки, явление: здесь офицеры, не располагающие собственным достатком, могут брать себе в жены только таких женщин, которые в достаточной степени обеспечены состоянием или рентой, ибо такой офицер должен жить и содержать свой дом «по чину». Это правило, которое тщательно мотивируется с точки зрения своей целесообразности, рельефно подчеркивает убогость наших нравов, преклоняющихся перед владычеством капитала и классовых предрассудков. При отсутствии средств, очевидно, не представляется возможности служить своей родине офицерам и располагать одновременно женою, не продав себя женщине со средствами и происходящей из определенной семьи. Говоря проще, офицеру не предоставляется права соединиться в браке по любви и стремлению своего сердца, если он случайно не располагает определенными средствами. Нельзя отрицать, что некоторые офицеры все-таки вступают в брак по любви. Но разрешение на вступление в брак дается не только при наличии определенных источников доходов у будущей жены, но и в связи с ее происхождением и той или иной степенью образованности. Правда, при значительных средствах вопросы образования отступают на задний план. Жене предстоит участвовать в офицерских балах, на собраниях и пр., и, разумеется, какое-нибудь простое ремесло, которым она занималась бы открыто, даже торговля для родителей, — все это в состоянии шокировать! Моя хорошая знакомая передавала мне характерный разговор между матерью и дочерью, слышанный ею в одном немецком городе. Дочь не могла остановиться на выборе жениха, которого ей наметили, и мать успокаивала ее в следующих выражениях: «откажи, пожалуйста, ему, если он тебе не по вкусу. Мы тебя неволить не будем, и средств у нас тоже достаточно. Когда тебе захочется впоследствии замуж, мы всегда будем в состоянии приобрести тебе за деньги офицера!»

Деньги в настоящее время занимают первенствующее место в тирании сословного брака. В прежние времена наибольшее значение приписывалось происхождению и знатности. Эти последние обуславливали с своей стороны владычество и состояние. Но и они на наших глазах уступили единственной власти денег. Если какому-нибудь человеку взбретет на ум вступить в борьбу со всеми подобного рода предрассудками, причем он обратится к прежним обычаям, будет носить обыденную одежду, производить работу собственными руками и садиться за один стол со своими слугами или же вовсе не будет их иметь, — то его постигнет всеобщее презрение со стороны так называемого лучшего общества. Каждый служитель в гостинице, каждый мелкий торговец будет смотреть на него свысока, с оттенком пренебрежения, называя его «неприличным», жадным, оригинальничавшим, который мог бы занять место среди психопатов. Поэтому вступать в борьбу с современными денежными тенденциями можно лишь соблюдая достаточную осторожность, особенно же в связи с браком. Если бы интеллигентный молодой человек, не располагающий средствами, вздумал, в интересах ограждения себя от проституции и всякой иной безнравственности, вступить в брак еще в звании студента, чтобы жить на первых порах со своею женою в одной комнате и на самых скромных началах, то мало нашлось бы интеллигентных девушек, которые пошли бы ему в этом навстречу. Необходимо следовать господствующим воззрениям и занимаемому положению, благодаря чему брак весьма часто является фактически неосуществимым. Однако, тому же студенту вполне свободно предоставляется жить с любовницей, ибо здесь являются доступными такого рода упрощения. Но можно ли себе здраво уяснить, каким образом окажутся удовлетворяющими для конкубината те самые средства, которые для брака были недостаточны? Мы намечаем нашу задачу здесь лишь в общих чертах, так как вернемся к ней позднее, но вместе с тем вскрываем перед читателем ту язву, которая губительно внедрилась в наши современные половые отношения.

Брак по расчету, разумеется, исключает всякое участие любовного элемента. Но не следует думать, что только вопрос о деньгах является исключительно доминирующим. Здесь могут быть приняты в соображение также и сословные интересы, приобретение известного имени, определенные приличия. Потерявший свое состояние дворянин может сочетаться

браком с богатой девицей буржуазного происхождения, чтобы, благодаря ее средствам, поправить свои дела, между тем как она лелеяла тщеславную мысль назваться дворянкой. В другом случае ловкая кокетка создает подобие любви, на самом деле не существующей, чтобы подцепить богатого супруга. Очень часты и такие случаи, когда обе стороны имеют виды на деньги или на ожидаемое наследство. Мужчина определяет точно стоимость той жены, которая ему, по его мнению, подходит, но он упускает из виду необходимость достойно оценить ее душевные достоинства. И все классы общества несут свои жертвы на алтарь денежного брака, причем результаты почти во всех случаях одинаково печальны. Какая-нибудь честная прислуга, много лет копившая и обеспечившая себе сбережение в несколько сот марок, отдает их вместе со своим сердцем мужу, который бросает ее сейчас же вслед за тем, как ему удалось прокутить эти кровные средства. Нельзя сообщать всех этих явлений, утверждая, что брак по расчету всегда безусловно несчастен в результате. Договор на денежной почве может носить в себе элементы безусловно честные, причем впоследствии явится и чувство любви, что особенно имеет место тогда, когда принимались в соображение, кроме денег, также и здоровье, характер и т. д.

Чтобы избежать банальности, мы оставим эту тему, которая в достаточной мере использована уже в наших романах и которую охотно треплют в обыденных разговорах. Мы выскажем лишь здесь наше скромное мнение, что на почве брака по расчету пышным цветом распускаются лицемерие, фальшь и всевозможные злоупотребления. Это и дает солидный повод называть такого рода брак более или менее удобным видоизменением проституции. Я никоим образом не желаю утверждать, что в наши дни брак по расчету чаще встречается, чем в прежние времена. Здоровым противодействием этому обычаю является большая свобода выбора, предоставляемая в настоящее время молодежи. В прежнее время дети нередко насильно принуждались к браку своими родителями. Зато в наши дни кандидаты на брак чаще пускаются на различные уловки, чем то имело место в старину.

3. Проституция и сводничество.

Проституция, как это явствует из главы VI, 17, представляет собою весьма старое установление, свойственное, в качестве верного стимула вырождения, всем культурным народам. И вполне естественно, что в тех местах, где женщины представляли собою объект купли-продажи, каким-нибудь из них, не отличавшимся разборчивостью в средствах, могла явиться идея повести дела за свой риск и уступить мужчине в временное пользование свои прелести, не поступая в его собственность через посредство брака. Благодаря чисто физическому превосходству, мужчина на низких ступенях культуры и сам дошел до этого взгляда на вещи, заставляя находящихся в его распоряжении женщин торговать собою в его же интересах. На этих основаниях родители и торговали своими дочерьми, а мужья женами. Современные нам проститутки при таком положении вещей (если принять во внимание подозрительный контингент их завсегдатаев) в любой момент рискуют не получить вознаграждения. Они и принимают меры в интересах защиты и с этой целью обращаются к мужчинам-любовникам (сутенеры) или же вступают в определенные договорные сношения с профессионалами (сводниками), старающимися из них извлечь для себя выгоду. Иногда законный муж, мать или отец играют роль этого сутенера или сводника. Вследствие этого сутенерство и сводничество всегда сопутствовали проституции. Проституция пользовалась большим успехом еще в глубокой древности, процветала и в средние века, особенно же вслед за периодом крестовых походов (см. главу VI, 17). Мы, однако, не предполагаем заняться историей вопроса, и для исчерпания нашей задачи мы можем удовлетвориться ознакомлением с положением современной нам проституции. Следует все же обратить внимание на то обстоятельство, что проституция весьма слабо или вовсе почти не развивается у некоторых примитивных народов или у таких наций, которые теперь только и развиваются и не испорчены еще в половом отношении. Свою организацию, дошедшую и до нас, проституция получила благодаря Наполеону I. Его взгляд на женщину, легший в основу его законодательства относительно брака и половых отношений, целиком отразился и на создании этой организации:

известно, что он считал необходимым подавление женщины, сведение к нулю ее прав и предоставление ей роли исключительно объекта наслаждений для сильного пола и орудия для размножения.

Я категорически напоминаю, что термин «сводничество» я применяю в данной книге лишь в смысле ремесленного сводничества. Немецкое же законодательство, например, наказует заключением в смиренном доме мать 30-ти летней дочери, которой она разрешила без протеста, в своем доме, совершение полового акта с ее женихом — родственником со стороны матери (Дорн). По моему мнению, это совершенно недопустимое понятие о сводничестве и относится непосредственно к конкубинату. Конкубинат же не подлежит преследованию со стороны закона, поскольку он имеет место между взрослыми людьми и не чреват какими-либо последствиями.

Организация проституции. Мы приняли во внимание те социальные условия, которые неизбежно создали организацию проституции с ее сутенерством и сводничеством. В главе VIII (II) нами рассмотрены были венерические болезни. Когда удалось вникнуть в сущность этого бича человечества, легко было установить его взаимоотношение с проституцией. Зародыши венерических болезней сосредоточены, главным образом, в мужских половых частях, во влагалище женщины и ее мочевом канале, и, таким образом, совершение полового акта зараженной с здоровым почти неизбежно заразит последнего. Мы можем отсюда заключить, что распространение заражения идет параллельно с увеличением числа взаимных половых сношений. Если женщина систематически вступает в половую связь со всякими, без разбора, мужчинами, то, естественно, становится все более и более возможным, что она от кого-нибудь из них заразится, причем, заразившись, она обязательно передаст заразу большему числу из тех мужчин, которые вслед за этим будут иметь с ней половые сношения. К несчастью, редко считаются с этим простым арифметическим расчетом, а обращают внимание лишь на его результаты. С другой стороны, почти не поддается установлению окончательное излечение сифилиса, который чрезвычайно заразителен в первую пару лет после заражения и распространен во всей крови больного. Поэтому опасными в смысле заражения являются не только большие, видимые для глаза язвы, но и едва заметные струпья слизистой оболочки во влагалище, во рту и т. д. Вместе с тем гоноррея для женщины почти неболезненна, как и у мужчины, когда она стала уже хронической, заражающие же зародыши (гонококки) весьма трудно поддаются уничтожению, так как укрываются в мельчайших изгибах и складках слизистой оболочки половых органов, проникая у женщины иногда даже в матку и становясь, таким образом, недоступными для лечения. Если при этом иметь в виду, что благодаря многочисленным складкам в женских половых органах они не поддаются всестороннему исследованию, хотя и при наличии тщательно изготовленных инструментов, что в связи с извращенностью, обычной для проституционного мира, слизистая оболочка рта проститутки почти никогда не свободна от венерической заразы, и что, наконец, нельзя предположить, чтобы любая часть тела проститутки была свободна от заразы — то сразу во всем своем объеме предстанет та страшная опасность заражения, которая заключается в омуте приобретаемого за деньги полового удовлетворения. Припомним случай, приведенный в главе IV, когда мужчина в течение 5 лет имел половые сношения с 2.000 женщин и при этом был болен венерической болезнью. Этот случай, правда, и выходит из пределов обыденности, но ведь многие к нему в большей или меньшей степени приближаются. Как могли проститутки при таких условиях оставаться здоровыми? Царь Соломон, имевший в своем распоряжении 500 жен, рядом с этим случаем, может служить образцом воздержанности. Должно было бы несколько ближе к сердцу принять полигамию наших денежных королей — в мнимо-моногамном христианском государстве.

Врачи наполеоновской эпохи, считаясь с этой опасностью, обратились к регламентированию проституции, довольно искренно видя в этой мере, если не полное устранение зла, то, по крайней мере, его уменьшение, ибо они были уверены в том, что проституция уничтожена быть не может. Мера эта сводится к тому, что на полицию возлагается следить за женщинами, предающимися проституции, и заставлять их вносить свои имена в установленные списки. Записанной женщине выдается билет и она отныне обязана в установленные сроки — от двух раз в неделю до одного раза в две недели — являться для

врачебного осмотра, причем уклонение ее от этого правила карается арестом или штрафом. Чтобы надзор сделать более осуществимым, проститутки стараются сосредоточить под присмотр сводника или сводницы в особых учреждениях или публичных домах, в которых врач легче будет контролировать проститутки. Дома эти, конечно, не должны были представлять собою государственных учреждений, и к находившимся в них проституткам, равно как и к самим домам, относится выражение «терпимость» («Maisons de tolerance»), чем подчеркивается, что все это рассматривается не как полезное для общества установление, а как зло, которое приходится терпеть. Но все же это относится уже к области тонких различий, так как все эти термины, как: допускать, патентовать, организовать, одобрять и даже защищать, более или менее тесно сплетены между собою.

Если государство готово мириться с существованием проститутки и домов терпимости, то неизбежно ему придется, через посредство своих соответствующих представителей, иметь те или иные сношения с проститутками и содержателями этих домов; стало-быть, оно с ними считается. Кроме того, его труды должны быть оплачиваемы.

Таким образом, создается такое положение, в силу которого проститутки и их содержатели делают соответствующие взносы деньгами государству и врачам. Но известна пословица: «кто платит, тот приказывает». Она не имеет сюда непосредственного применения, но определенный род взаимоотношений между платящим деньги и получающим их все-таки существует. Самым же важным является то обстоятельство, что содержатели публичных домов и занесенные в списки проститутки являются как бы государственным установлением, что не только придает им некоторое сознание собственного достоинства, но и в глазах людей известным образом возвышает их. Я приведу здесь два примера, которые весьма наглядно подтвердят, насколько организация этой аномальности на общественной почве упрочивает в неспособных к мышлению мозгах совершенно превратные понятия. Мой знакомый писал часто статьи, направленные против регламентации государством проституции. Какая-то женщина, не усвоившая себе ясно целей писателя, явилась к нему с жалобой на легкомыслие своей дочери, для которой она и просила содействия, в целях помещения ее в разрешенный правительством дом терпимости; наивная женщина присовокупила, что в государственном учреждении она будет совершенно спокойна за судьбу своей дочери. Одна содержательница дома терпимости в Париже просила в полиции разрешения, чтобы ее дом перешел в собственность ее дочери 19-ти лет. В качестве положительных достоинств ее дома она приводила честность и религиозность, в духе которых она его содержала, и, рекомендуя свою дочь, как лицо, успевшее уже основательно ознакомиться со всеми обычаями и порядками дома терпимости, она ручалась также и за честное и приличное ведение дочерью этого дела. Мы видим здесь достаточно глубокое проявление столь же свойственной человеку наивности, сколько и атрофированного сознания низости. Гюи де-Мопассан в своем рассказе «La maison Tellier» весьма тонко изобразил духовный мир проститутки, содержательницы дома терпимости и его клиентов.

Вышеуказанные причины делают то, что врачебный надзор, являющийся весьма мало надежным, все же утверждает в мужчинах лишнее правды сознание безопасности, которому они готовы быстро подчиниться, чтобы успокоить свои опасения и прибегать к утехам проституции. Между прочим, при врачебном надзоре заразившаяся проститутка удаляется из дома терпимости и в специальной больнице подвергается принудительному лечению, но этим на самом деле ничего или очень мало обеспечивается. Дело в том, что заражение проститутки происходит обыкновенно очень быстро. Девушка, однако, и ее содержательница стараются свести на-нет время пребывания в лечебнице, так как это не совпадает с их интересами, врач же при доме терпимости так или иначе живет отчасти вознаграждением этих двух категорий проституции и поэтому обязан, поскольку возможно, щадить питомцев «дома». На такой почве создается исключительное противоречие, так как полное излечение венерической болезни требует довольно длинного промежутка времени, между тем как оно не всегда является полным. Шанфлер ван Иссьельштейн, в качестве добросовестного голландского врача, решивший устранить и подвергнуть лечению всех действительно больных проститутки из данного дома терпимости, дошел до того, что отправлял в больницу на продолжительное лечение почти все население дома терпимости, которое при его проверке обнаруживалось поголовно больным. Такое поведение врача обусловило настолько серьезные волнения среди

проститутки, что врачу пришлось принять меры для защиты своей жизни. В больницах при обычных условиях обращается мало внимания на безусловное излечение больных проститутки, а залечивается все наружное, способное привлечь взор, прекращаются видимые трипперные истечения у женщины, которая вслед за этим освобождается из больницы. Что касается осмотра, то он производится весьма поверхностно, так как всестороннее исследование каждый раз проститутки сделало бы невозможным существование ни дома терпимости, ни проститутки, ни пользующего их врача.

Предлагался одно время весьма радикальный, но совершенно неосуществимый способ, в силу которого каждый посетитель дома терпимости раньше, чем иметь сношение с проституткой, обязан подвергнуться врачебному освидетельствованию! Такой способ, без сомнения, и спас бы обитательниц дома терпимости от заражения. Но представим себе фактическое приведение в исполнение этой меры! Те из постоянных посетителей домов терпимости, которые посещают их чуть ли не ежедневно, должны будут каждодневно же посещать и врача, что сопряжено будет с большей затратой времени и средств, чем посещение самого дома терпимости. И мы рисуем себе положение врача в тот момент, когда, благодаря преуспеянию данного заведения, пред его входными дверями образуется настоящий «хвост». Есть произрастания, которые могут пустить корни только в головах бюрократов.

Зато предоставленная самой себе частная проститутка, располагающая свободой по своему усмотрению, все же относится с несколько большим уважением к своей личности и в большей степени сохраняет и чувство стыда. Она удовлетворяется ограниченным кругом посетителей, среди которых выбирает тех, кто ей больше нравится. Когда же ей навязывается полицейское свидетельство, то она этим самым низведена уже в общественные парии, для которых стыд является излишнею роскошью. А публичный дом вытравляет и последние обрывки человеческого чувства.

Частных проститутки можно разделить на несколько категорий. К менее низкой из них относятся те проститутки, которые ищут себе клиентов на общественных вечерах, в ночных кафе и подобных местах, причем, как это уже и было отмечено, они располагают обыкновенно ограниченным кругом временных посетителей, которым отдаются за вознаграждение. К низшей форме частной проституции принадлежат уличные проститутки, которые ловят своих посетителей прямо с панели. Эти женщины, более или менее нарядные, дефилируют перед вами каждый вечер, а то и днем, по наиболее людным улицам города, стараясь так или иначе обратить на себя внимание встречаемых мужчин, что им чаще и удается. Проститутка жестом приглашает мужчину, который и отправляется за нею. В этом заключается «прием» для улавливания клиентов. Некоторые проститутки предпочитают ловить посетителей из окон своей квартиры и т. д. Все эти зарегистрированные проститутки, равно как и их действия, находятся под непосредственным присмотром полиции, которая все указанные приемы улавливания разрешает лишь тем, которые занесены в указанные списки. С этим соприкасаются и функции сутенеров, которые внимательно следят за посетителями в квартирах опекаемых ими проститутки. Если посетитель оказался неплатежеспособным, несговорчивым, буяном или вообще не понравившимся своим поведением, то он может не только быть избитым, но и лишиться, как своего кошелька, так и солидной части своего туалета. В отношении полиции сутенер берет на себя успешные обязанности шпиона в интересах проститутки. Он же по-своему содействует улавливанию клиентов. Есть еще и другие способы, при помощи которых сутенер может оказаться для проститутки полезным. Так, он, в качестве законного мужа, облегчает ее социальное положение, что является чрезвычайно ценным для чужестранных проститутки и сводней, которым грозит высылка из данной страны, но которые удачно спасаются под прикрытием такого местного «мужа». Такого рода субъекты представляют собою потерявших всякий нравственный облик людей, упорно не желающих работать и отлично устраивающихся на средства своих «жен». Есть сутенеры, выделяющиеся в своем мире половой потенцией и играющие роль действительных любовников у проститутки, которых они бессовестно обирают. Такие сутенеры пользуются громадным успехом у проститутки, которая никакого удовлетворения не имеет от полового общения со своим случайным посетителем, искусственно представляя лишь то сладострастие, которое она искренно ощущает в объятиях своего сутенера. Известно, что сутенеры представляют собою

подонки человеческого общества, нередко преступников, но проституция не могла бы функционировать без сутенерства. В то время как сутенер является не только эксплуататором, но и в других случаях другом и защитником уличной проститутки, содержатель дома терпимости направляет всю свою энергию исключительно на систематическое выжимание соков из своей жертвы — проститутки, находящейся в его распоряжении.

Дома терпимости имели, очевидно, целью свести на-нет уличную проституцию, причем, в зависимости от предъявляемых к ним требований и вкусов, их имеются различные категории. Домом терпимости заведует опытная, чаще, пожилая женщина, правой рукою которой является «супруг», во всех отношениях напоминающий собою «сутенера высшей марки». Дом терпимости является для проституток как бы пансионом, но, правильнее говоря, тюрьмой. Часть платы, вносимой клиентом, поступает в распоряжение проституток, которые обязаны пойти с любым из посетителей дома. Их чаще хорошо держат, прилично кормят и одевают в специального покроя платья, предназначенные для возбуждения похоти у посетителей. Конечно, одежда и питание идут за счет проститутки по самой высокой расценке, причем хозяйка принимает все меры к тому, чтобы проститутки всегда оставались у нее в неоплатном долгу. Это легко удается хозяйке, так как проститутке весьма трудно найти себе защиту и восстановить свои права. Таким образом, наружно как будто свободная, проститутка на самом деле является рабыней, закабаленной у своей хозяйки, и не имеющей возможности до тех пор оставить дом терпимости, пока она окончательно не отделается от своих долгов.

Нельзя провести резкой разделяющей линии между различными представительницами уличных проституток, обитательницами домов терпимости и кокотками, о которых будет сказано ниже. Девушка, в зависимости от различных соображений или случайностей, может перебраться из одной стадии в другую, причем она может этим самым «идти вперед» или же спуститься еще ниже.

Дома терпимости представляют собою еще одну опасную сторону, которую не следует упускать из виду. Обыкновенно принимается в соображение их организация, показная чистота, надзор врача и т. д. Но совершенно не считаются с той опасностью, которая заключается в упомянутом уже нами арифметическом умножении половых сношений. Частная проститутка не всегда принимает больше одного посетителя в один и тот же вечер и может, в случае желания, отказаться от других, между тем, как проститутка в доме терпимости зависит в этом смысле исключительно от воли и количества желающих ее посетителей и от усмотрения хозяйки. Нередки случаи, когда девушке приходится по двадцати и тридцати раз иметь половые сношения с посетителями, если позволить себе назвать половыми сношениями подобного рода ужасы. В некоторых случаях (наличность большого количества солдат, в Брюсселе уход рекрутов и т. д.) дома терпимости настолько перегружены, что проститутки берутся чуть ли не с бою, и сейчас же вслед за одним посетителем к проститутке является для половых сношений другой. Одна французская внепарламентская комиссия по урегулированию проституции получила следующие данные от мэра города Бордо, М. Ланде: по его сообщению, одна проститутка в продолжение одного дня приняла 82 (читай: восемьдесят двух) посетителей! «Главная опасность домов терпимости в том, добавляет в своем донесении г. Ланде, что проститутки там чрезвычайно заняты». Понятно, насколько возрастает опасность заражения при таких условиях, когда один только венерический больной может обусловить бесчисленное множество заражений остальных.

Бляшко статистически установил, что из числа всех зарегистрированных проституток ежегодно заболевает сифилисом в Париже 12, 2%, в Брюсселе 25%, в Петербурге 33, 5% и в Антверпене 51, 2%, среди которых свободно проживающих проституток насчитывается только 7% в Париже, 9% в Брюсселе, 12% в Петербурге и 7, 7% в Антверпене.

Делались попытки отрицать, что дом терпимости представляет собою тюрьму, но это не раз подтверждалось фактами. Это вполне очевидно во Франции, где полицейский облечен правом лишить свободы и препроводить в дом терпимости любую девушку, заподозренную им в проституции, хотя бы и оказавшуюся впоследствии совершенно невинной. Такого рода явления вовсе не представляют собою редкости. Впрочем, в распоряжении содержателя дома терпимости имеются еще и другие способы, дающие ему возможность распоряжаться проституткой по своему усмотрению. Сама девушка с большим трудом в состоянии снова

выйти на путь порядочной жизни. Но если бы она и пожелала сделать в этом направлении какие-нибудь шаги, или же если бы в этом ее заподозрили, то имеются испытанные способы, которые лишат ее навеки возможности освободиться. К последним принадлежит, между прочим, и международный обмен. Очутившись в чужом краю, не зная местного языка, девушка, разумеется, поставлена в еще худшие условия, чем дома. Содержатели домов терпимости поэтому и обмениваются довольно часто своими жертвами, чтобы вытравить из сознания последних мысль о бегстве. Таким образом, под различными обманными поводами, к которым относятся, между прочим, обещание хороших мест и пр., девушки из Швейцарии вывозятся в Венгрию и обратно из Венгрии в Швейцарию, немецкие девушки во Францию, французские в Англию, еврейки в Аргентину и т. д. Очнувшись по ту сторону океана, среди чужого народа, девушки теряют охоту бежать, не зная языка и не имея никаких средств. Содержатели «домов» не брезгают никакими способами, пуская в ход ложь, насилие и всякие соблазны, чтобы заставить девушку отправиться в чужую страну.

Одновременно с указанным положением вещей следует рассматривать и современную женскую работоторговлю (*Traite de blanches*), так как одним только взаимным обменом домов терпимости своими девушками не исчерпывается дело. Вся энергия сводится, главным образом, к тому, чтобы укомплектовать состав дома терпимости молодыми девушками, в возрасте от 12-ти до 16-ти лет. Хотя во многих государствах это предусмотрено законом, но их весьма легко обходят, дети же так или иначе соблазняются и основательно закабаляются далеко до того возраста, когда они будут уже в состоянии отдать себе самостоятельный отчет, чтобы принять меры против своего ужасного существования. В то же время всегда найдется немало таких скверных и нуждающихся родителей, которые более или менее охотно продадут своих девочек, убаюкивая себя перспективою счастья для детей, за службу которых родителям недвусмысленно уплачивается полностью вперед. Во время одного моего путешествия я имел случай лично наблюдать, как совершалась подобного рода продажа в Прессбурге двенадцатилетней девочки. Я совершенно напрасно и безрезультатно беспокоил такие важные персоны, как консула и посла, в интересах принятия должных мер. Факт трудно поддавался доказательству. Ребенка сопродала до Вены какая-то подозрительная женщина, которая довольно откровенно говорила о предстоящей карьере девочки, проданной в целях проституции. Я на личном опыте мог убедиться в том, насколько беспомощна единичная личность в борьбе с этим ужасом. Функции международной организации борьбы с международной торговлей женщинами настолько слабы, что о каком-либо влиянии ее говорить не приходится. Посредники по продаже живого товара всегда будут иметь в своем распоряжении достаточное количество тех или иных средств, при благосклонном содействии преступных родителей, которые обеспечат им успех предприятия. Можно, пожалуй, указать на непоследовательность правительств, с одной стороны, терпимо относящихся к домам терпимости, а с другой, преследующих людей, посылающих пополнить эти дома необходимым для них товаром. Легче увлечь маленькую девочку, которая вместе с тем наиболее нравится клиентам. Мы увидим в ближайшей главе, что положение служащих девушек в увеселительных учреждениях немецких государств нисколько не пригляднее службы проститутки.

Наиболее позорной стороной деятельности сводницы является систематическое насаждение разврата в сердце соблазняемой девушки. На сцену, в качестве деятельных факторов, выступают презренный металл, наряды, перспективы великолепных мест, а также и наркотические напитки. Простонародная девушка, предполагавшая только повеселиться, падает жертвой одурманивания вином. Раз девушка при помощи тех или иных приемов со стороны содержателя дома терпимости стала уже на скользкую дорожку, то чувство стыда, опасение позорной огласки побуждает ее продолжать в том же направлении, тем более, что на этом пути ждут ее туалеты, легкие заработки, хорошее питание и иные соблазнительные перспективы. Приучив девушку к постоянному половому общению, ее начинают вводить в высшую школу разврата, указывая ей все те приемы, при которых могут найти удовлетворение и лица с извращенным половым стремлением. Не ощущая никакого сладострастия, она обнаруживает его искусственно для усиления похоти клиента, производит соответственные движения, вздыхания и т. д., кроме этого, она удовлетворяет патологические извращения мазохизма и садизма (см. главу VIII). Хищники сводничества весьма успешно стараются использовать в

своих интересах не только подростков, но и девушек, соблазненных и впоследствии брошенных, а также и внебрачных детей. Нам могут указать, что проститутка носит в себе врожденные задатки отрицательного свойства, причем свойственные ей беззаботность и бездеятельность толкают ее на путь проституции; но мы отказываемся отождествлять легкомыслие и стремление к удовольствиям со специальными приемами, практикуемыми домом терпимости. Должно считаться также и с ролью алкоголя в этом случае, являющегося одним из деятельных сотрудников проституции. Без содействия спиртных напитков проституция в наиболее грубом своем проявлении была бы почти невозможна и носила бы, по крайней мере, более приличный и свободный облик. Соблазн прежде всего обуславливается пьянством, которое практикуется изо дня в день, заглушая голос стыда и самолюбия.

Были попытки в некоторых центрах (как в Гамбурге) организовать род проституции, заключающейся между частной проституцией и домами терпимости. С этой целью проститутки обязывались селиться в немногих отведенных для них кварталах и домах и являться для записи в полицию. Однако, ничего хорошего от этого нововведения не получалось, сконцентрировались лишь скандалы в одних и тех же местах. При этом содержатели таких домов немногим ушли от содержателей домов терпимости. Нужно потерять всякое представление о стыде, чтобы отдавать свой дом проституткам, живя таким образом на их доходы. Рядом с домами терпимости, которые так или иначе рассматриваются как государственные, имеют самое широкое распространение тайные дома разврата, которые ускользают из-под надзора государства. Есть масса хозяйств, располагающих потайными комнатками, в которых, как миниатюрных домах терпимости, разврат практикуется в широких размерах. Есть тоже не мало парикмахерских, табачных и мелочных лавок, которые под видом торговли успешно занимаются насаждением разврата. Промышляют собою и кафе-шантанные певицы и бродячие труппы. В мелочных и табачных лавочках происходит также торговля всякими порнографическими принадлежностями, изображениями полуодетых женщин и пр., имеющими преимущественный сбыт в среде подрастающего и школьного поколения.

Предполагается, что в Берлине около 30.000 проституток, в Париже 40.000, а в Лондоне 60.000. Конечно, не все эти женщины могут быть психопатологическими от природы.

Мы не будем распространяться, так как трактуемый вопрос слишком общеизвестен. Ясно обнаруживается в данном случае, как интересы наживы стараются использовать половое стремление мужчины, равно как и неустойчивость и необеспеченность женщины. Благодаря снисходительному отношению государства к проявлению всего этого безобразия, разврат мало-по-малу набирается храбрости, становится на ноги и растлевающе действует уже на органы правительства. Таким образом, развращающе влияют эти установления на органы власти, полицию и врачей, ведающих надзором в домах терпимости. Между тем, собственники увеселительных домов все больше и больше входят в свою роль важных особ, посещаются крупными местными администраторами и почтенными отцами семейств, что ведет, разумеется, к ясным для всех результатам.

Полиция отлично считается с тем обстоятельством, что, независимо от извращений на почве алкоголизма, в домах терпимости нередко скрываются преступники. Это полиции на руку, так как облегчает ей при помощи домов терпимости низшего разбора быстро находить след преступника или же его самого, с какою целью в домах терпимости имеются специальные сыщики, которым, в свою очередь, противопоставляются содержателями домов контр-сыщики. Дома терпимости представляют собою в этом смысле как бы школу для таких людей, которые то являются правительственными сыщиками, то привлекаемыми к ответственности преступниками, то, наконец, содержателями домов терпимости. Это те господа, которых бывший немецкий министр фон-Путткамер охарактеризовал «не джентльменами».

Довольно трудно вникнуть в психологию проститутки. Принято рассматривать ее как женщину, от природы предрасположенную ко всему дурному, или же, наоборот, как продукт нашего социального устройства. Односторонность этих мнений обуславливает вместе с тем и их ложность. Не раз организовывались специальные общества для возвращения на правильный путь падших женщин, проституток и пр., но усилия их почти никогда не давали благоприятных результатов, что, впрочем, объясняется довольно легко.

Мы видели уже, что женский мозг в большей степени подвержен влиянию половых

представлений и их видоизменений, чем мозг мужчины, к тому же он и отличается меньшей пластичностью, легче подчиняясь привычкам обыденности. Поэтому, практикуя с раннего возраста в сфере полового разврата, причем все ее помыслы и представления не уходят из области половых образов, женщина почти не в состоянии впредь избрать труд и общечеловеческие обязанности в качестве объекта своей дальнейшей деятельности. Возможны, конечно, отступления, подтверждающие лишь основное правило. Должно считаться с тем, что *libido sexualis* у женщины, возбужденное благодаря половому раздражению, усиливается впоследствии в зависимости от частого повторения и упражнения. Женщины от природы бездеятельные, лишенные воли, подверженные истеричности и быстро поддающиеся внушению, а также кокетки и нимфоманки сравнительно легко поддаются соблазну. Мы не говорим уже о бедности, которая иногда объясняет проституцию женщины, являющейся матерью детей и желающей утолить их голод таким способом заработка. Однако, такого рода исключения, которые можно встретить у восточных евреев и у городской нищеты, не являются основной причиной. Мы видим скорее косвенное влияние бедности, обуславливающей у бедных классов наиболее грубый промискуитет. Стыдливость совершенно не имеет места там, где в свалку едят, пьют и спят родители и дети, причем последние нередко присутствуют при совершении полового акта родителями и, таким образом, с самых ранних лет усваивают самое реальное представление о половых сношениях. Если принять в соображение окружающую их атмосферу, то станет вполне понятным, почему эти подростки быстро составляют себе представление не только о низменной, но и об извращенной половой жизни большого центра. Не много найдется таких пунктов, где можно было бы найти в среде нуждающихся масс четырнадцатилетних девушек, еще не лишенных невинности. Но та же бедность толкает родителей на эксплуатацию детей, в целях извлечения денежных выгод, что тоже достигается, главным образом, через посредство проституции.

Эти же обстоятельства почти в том же масштабе играют роль и в менее нуждающихся кругах в среде буржуазии, где денежная алчность косит свои жертвы. Вследствие эксплуатации работодателями труда и оставшегося в распоряжении девушки свободного вечера, ей в интересах поддержания своего существования, ничего больше не остается делать, как обратиться к проституции. Борьба за существование донельзя понизила заработную плату всех этих приказчиц в лавках, швей, модисток и девушек других профессий, которые не в состоянии свести концы с концами и в ответ на свои жалобы получают весьма недвусмысленные указания, что с такою наружностью, например, всякая молодая девушка сумеет отлично устроить свою судьбу, так как любой мужчина с радостью окажет ей содействие и т. д. Мы уже указывали на роль трактирных служанок, какую чаще навязывают им их хозяева. Нищета пролетариев толкает девушек в ряды проституток. Это мы видим, между прочим, из следующих данных, предоставленных в наше распоряжение де-Морсле из Женевы. В Париже 80% проституирующих занимаются еще и другим каким-нибудь ремеслом. Здесь в среднем мужчины зарабатывают на фабриках ежедневно 4, 20 франка, женщины же только 2, 20 франка, в домашних же заработках мужчине достается 2, 20 франка, в то время как женщина получает лишь 1, 10 франка, иногда же только и 90 сантимов. Каким образом может женщина прожить при таких нищенских заработках, да еще в Париже? Ответ: при посредстве проституции. В Лондоне, Нью-Йорке и др. дело обстоит еще хуже.

Приводим здесь выдержки из годового отчета ферейна Песталоцци в Вене, согласно которого можно судить, что в некоторых домах терпимости проституткам живется значительно лучше, что объясняется, вероятно, тем, что в распоряжение наиболее богатых потребителей приходится предоставлять такой товар, с которым обращались достаточно хорошо.

"К нам поступило в октябре 1904 г. дело Н., девушки 18-ти лет, из Тироля, которая состояла в Вене под контролем полиции нравов. В виду молодости ее и безрезультатности влияния со стороны отца, в смысле отклонения девушки от порочного образа жизни, нас просили обратить на нее наше внимание, попытаться снова ввести ее в лоно порядочной жизни и принять меры для обеспечения ее дальнейшей судьбы. Мы узнали, что девушка эта, принадлежавшая к многочисленной сельской семье, четырнадцати лет поступила служанкой в Инсбруке и здесь уже начала заниматься проституцией, продолжая дело это впоследствии и в Вене. Из ее объяснений в нашей конторе нам стало известным, что в Инсбруке она чувствовала

себя весьма нехорошо, так как ее эксплуатировала ее хозяйка и задерживала причитающуюся плату.

Девушка отличалась застенчивостью и импонировала своим поведением, но на свое положение она смотрела весьма серьезно, видя в проституции род ремесла, признанного законом. Ее родители, по ее словам, находясь в стесненном материальном состоянии, ничего не имели против выбора ею этой профессии, причем она не прерывала связи с ними, посылала им всегда часть своих заработков, и мать ее даже навестила в Линце.

Полицейский билет мог быть ей выдан только с разрешения родителей, но мать согласилась на это при условии, однако, что дочь ее останется по прежнему «приличной и благочестивой»; девушка относится с уважением к своей «gnadige Frau» (содержательнице дома терпимости) и обязана ей за доброту и внимательность по отношению «к пансионеркам»; дом, в котором она пребывает, очень «приличен» во всех отношениях; находится в нем двенадцать девушек в ее возрасте или даже моложе ее. Все эти девушки, если не считать одной сиротки в 16 лет, находятся в доме терпимости и занимаются своим «ремеслом» с ведома родных, которым они и посылают свои заработки. Что касается существования, то оно является очень приличным, если иметь в виду вежливое обхождение, наряды, пропитание, а также и приличный доход в 120-240 крон ежемесячных. Мы были поражены трогательной наивностью этой девушки, которая чуть ли не с благоговением говорила о своей «gnadige Frau», сжалившейся, между прочим, над своими двумя старыми «пансионерками» и оставившей их у себя на своем иждивении. Девушка имела также сутенера, которым была вполне довольна. Мы выразили готовность прийти на помощь этой девушке, если она решит изменить свой образ жизни, но она сперва не совсем решительно, но потом категорически отказалась. Она объяснила свой отказ тем, что ее, во-первых, не отпустит «gnadige Frau», но помимо этого, ей вовсе не улыбается перспектива совместной жизни с такими людьми, которые будут ей ставить на вид ее прошлое, между тем как здесь, при настоящих условиях, она не имеет повода жаловаться на плохие с чьей бы то ни было стороны отношения. Вдоволь до сего времени натерпевшись, она ни в каком случае не решится переменить свою привольную жизнь на то неизвестное, что готовит ей будущее вне стен дома терпимости.

Очевидно, этот случай совершенно не нуждался в нашем посредничестве. При этом молодая девушка отличалась настолько зрелым умом и установившимся взглядом на вещи, что наши попытки перевоспитать ее могли бы кончиться только сплошной неудачей".

Н. опасалась каких-либо исключительных мер, какие могли заставить ее покинуть дом терпимости. Мы сталкиваемся в этом случае с своеобразными моральными представлениями проститутки, которая соединяет в себе глубокую религиозность вместе с уважением к хозяйке дома терпимости.

Проститутки заключают в своей среде бесчисленное множество индивидуальных личностей, которые в массе и могут казаться лишенной стыда, отвратительной и алкоголической кликой, но все же нельзя утверждать, что все они от природы испорчены. Из них весьма многие, без сомнения, патологичны, представляя собою истеричек, нимфоманок и вообще психопаток. Есть также масса таких этически уродливых проституток, которых отличительные признаки — тупоумие, лень, лживость или же апатия, безволие, легкое подчинение какому угодно влиянию, внушению или соблазну. Все эти данные, как нельзя лучше, благоприятствуют интересам держателей домов терпимости. Многие девушки не сразу опускаются на дно болота, но постепенно к нему приближаются, причем раньше подвергаются соблазну, несут на плечах своих результаты ложного шага, начинают слегка знакомиться с миром легкомысленных, оплачиваемых деньгами связей, и все больше и больше опускаются вниз. Велика в этом случае роль рождений вне брака. Мы видели выше проституток, промышляющих собою по бедности, стыдящихся своего положения и заработка обращающих на свою семью. Есть и такие индивидуальные проститутки, правда, не в большом количестве, которые занимаются проституцией для проституции, из любви к искусству. Эти последние страдают прежде всего сильною половую возбудимостью, этически уродливы и видят для себя в этой профессии источник удовольствия. Таким образом, проституток можно встретить и в среде высших классов общества, носящих графские и княжеские титулы.

Разнообразие проституток создает, вполне естественно, и различные категории самой

проституции. Мы должны ставить на первом плане, в смысле наибольшего унижения, прикрытого иногда видимостью благополучия, проститутку из дома терпимости, так как здесь мы имеем в лице ее род инструмента для совокупления, которым бесцеремонно распоряжается содержатель дома терпимости. Из этих последних наиболее ужасными являются дома для солдат и низов населения, в которых содержатся «отбросы» проституции, состоящие из выслуженных старых проституток. Печальным образом такого рода может служить, например, солдатский дом терпимости в Алжире. Следующую ступень занимают те места проституции, которые сосредоточены в парикмахерских, некоторых угловых хозяйствах и т. п. Разумеется, опасность заражения здесь не в меньшей мере велика, но, благодаря меньшей зависимости проститутки при таких условиях и возможности скорее освободиться, она влачит здесь более приличное существование. Во всяком случае, хозяева, в виду нелегальности учреждения, не в состоянии проявить всю свою дикую власть по отношению к девушкам, как это имеет место в признанных администрацией домах терпимости. Уличная проститутка находится приблизительно в тех же условиях, так как она также зависит только от своего сутенера и квартировладельца. Но система полицейской регламентации, а также обязательный врачебный надзор и необходимость ловить клиента без всякого разбора прямо с улицы, действуют на них еще более унижающе.

И действительно, девушка должна потерять уже всякое представление о чувстве стыда, заменив его достаточной наглостью, чтобы выйти на улицу проституировать. Вслед за этой категорией идет уже стыдливая проститутка, прибегающая к содействию посредника и не решающаяся самостоятельно приглашать к себе посетителей или же попасть в списки полиции. Но в конце концов ей всегда угрожает эта роковая регистрация, которая сведет ее на амплуа уличной проститутки. Такие частные проститутки и представляют собою ту категорию, вслед за которой идут уже кокетки и метрессы, о которых речь впереди.

Здесь упомянем, кстати, о своеобразном проявлении у проституток скрытого у них чувства стыда (см. гл. V, б), а также и сознание чести. У них замечается, благодаря особому воспитанию, невозможный кодекс чести. Таким образом, проститутка из дома терпимости, например, чувствует глубокое оскорбление для своей «чести», если клиент желает прибегнуть к посредству кондома или пытается ее исследовать. В свою очередь, одна содержательница публичного дома пришла в ужас, когда ее знакомая разошлась с мужем из-за импотенции и половой анестезии, и т. д. Человек обязательно должен иметь объекты для своих природных чувств, хотя бы они и были превратными.

Мы уже доказывали, что контингент проституток представляет собою частью патологических индивидуумов. Эти патологические особенности возрастают, благодаря алкоголю и привычке к разврату, чем и обуславливается бессмысленная веселость проститутки, но вместе с тем и ее раздражительность, грубость и низость. Мы это особенно наглядно видим в венерических отделениях больницы, где выздоравливающая проститутка из дома терпимости, в продолжение некоторого промежутка времени находившаяся в вынужденном половом воздержании, не в силах бороться со своим половым влечением и прибегает к лесбийской любви со своими товарками по больнице или же голою вскакивает на подоконник, чтобы привлечь внимание мужчин. Обращение их с сиделками отличается несдержанностью и поразительной грубостью, что отравляет существование не только этим бедным женщинам, но и другим более порядочным проституткам, а также и тем женщинам, которые попали в эти отделения, не будучи проститутками.

Но что ждет в дальнейшем проституток? Им не представляется возможности слишком долго засиживаться в домах терпимости, особенно в тех из них, которые претендуют на звание высшего разряда, ибо здесь держат только молоденьких, цветущих и привлекательных девушек. Судьба их весьма интересна. Конечно, совершенно необоснованным является предположение, что уничтожение домов терпимости увеличило бы кадры уличной проституции, наличность же таких домов будто бы число этих проституток сокращает. Очевидно, ведь, что, благодаря постоянному обновлению состава девушек в домах терпимости, обитательницы их, в конце-концов, обязательно очутятся на улице. Многие проститутки становятся жертвами алкоголизма, сифилиса и т. д. Другие из них выходят на панель или же переходят в дома терпимости низшего разряда. Есть и такие, впрочем в ограниченном количестве, которые сами

превращаются современем в содержательниц публичных домов. Нередки у проституток случаи самоубийства и умопомешательства. Масса проституток, исчерпавших уже всевозможные средства для привлечения мужчины, не брезгают никакими недостойными ремеслами и занятиями. Их можно видеть в качестве мелочных продавщиц, сводниц, чистильщиц уборных, гадалок и т. д. Говорили одно время, что весь контингент старых женщин в Мюнхене, так называемых «Radiweiber» и «Nussweiber» (торгующих на перекрестках редиской и орехами), комплектуется бывшими проститутками. Иногда достаточно благоразумная и обладающая счастливою внешностью проститутка выходит и замуж.

Приступая беспристрастно к изучению несчастной жизни проститутки, с неприятным чувством сталкиваешься с немецким названием «девы радости» («Freudenmadchen»), не только звучащим горькой насмешкой, но и могущим вызвать краску стыда на лице всякого, кто прибегает к посредству проституции. Вникнув в истинное самочувствие продажной девушки, напевающей, повидимому, беззаботно кафешантанную песенку, или же отбросив искусственные приемы разврата, практикуемые проституткой, и вообразив себе те ужасы, которые довели ее до такой жизни, никто не станет эксплуатировать этого настроения, если в его душе тлеет хоть слабая искра сострадания к брату-человеку.

Если согласиться с мнением, что проститутки патологической природы, то будет еще правильнее, если мы скажем, что некоторые проститутки находятся на службе у патологии. Мы найдем непосредственную связь между уклонениями, описанными в главе VIII, и проституцией. Современная культура в этом отношении ушла весьма далеко, причем каждая патологическая извращенность полового стремления может, в случае желания, обратиться к услугам специального дома терпимости или, во всяком случае, вымуштрованных объектов. Мы приводили до сих пор только проституирующих женщин. Мы указывали также таких, которые обучаются исключительно для удовлетворения мазохистов, садистов и т. д. В их функции входит сечение мазохиста или предоставление самой себя в распоряжение садиста, а также воспроизведение тех или иных сцен жестокости или потери собственного достоинства. Имеются, правда, и мужские публичные дома, где для удовлетворения гомосексуальных мужчин имеются молодые мужчины, занимающиеся педерастией за соответствующее, разумеется, вознаграждение. По требованию утонченных развратников в их распоряжение предоставляются дети обоюго пола, но этот товар ценится очень высоко, причем в случае обнаружения такой деятельности можно попасть и на скамью подсудимых. Целомудрие девушки имеет тоже чрезвычайно высокую ценность, благодаря чему нередко гимен (девственная плева) девушки снова зашивается, чтобы иметь возможность снова получить приличное вознаграждение за ее мнимую невинность. Сопоставляя вышесказанное с резюме главы VIII, мы убеждаемся все более и более в том, что проституция в ее настоящем, как продукт своеобразной покупной полиандрии, представляет собою истинный позор нашей культуры, так как половое стремление мужчины приносится, очевидно, в жертву Мамоне. Нет недостатка в оправданиях проституции гигиеническими соображениями, а также необходимостью охранять порядочную женщину от покушений на нее мужчины и пр. Но на самом деле мужчина, благодаря ей, становится бабником, развращается до мозга костей, причем гибнет представление о естественных половых сношениях у юношества на почве любви, исчезают сама любовь и брак, который таким образом, становится недоступным и многим достойным женщинам — вся же половая жизнь общества направляется по новому ложному руслу. И между тем, ничего не осталось бы от проституции, если бы не было денег и алкоголя.

Наивный эгоизм, свойственный богатой девушке часто вполне бессознательно, приносит нередко крупный вред в этом случае. Обнаруживая стремление применить свои силы в труде, такие девушки устраивают исключительную конкуренцию бедным, действительно нуждающимся девушкам, так как берут на себя работы и службу за минимальное вознаграждение, в котором не нуждаются. Сведя до минимума заработную плату, они бессознательно толкают бедную девушку в объятия проституции. Первокласные торговые фирмы в Граце, например, продающие вышивки и предметы рукоделия, имеют специальных агентов для сдачи заказов дамам из высшего общества, которые берут какую угодно низкую плату и таким приятным способом зарабатывают себе на перчатки. Но не нуждающаяся

интеллигентная девушка в этом случае должна была бы требовать одинаковое вознаграждение (цену в зависимости от затраченного труда) или же вовсе не брать денег, посвящая свой труд интересам общества. Во всяком случае, они должны категорически отказаться от подобного рода недостойной конкуренции, благоприятствующей лишь падким на заработки фирмам и учреждениям. А между тем, какой пробел ощущается в труженицах, которые посвятили бы свой досуг обществу и общепользительной деятельности.

Психология проституции привлекла к себе внимание новейшей литературы. Мы ссылались уже на произведение Гюи де-Мопассана: *La maison Tellier*. Сюда же относится и «Нана» Золя, которая представляет собою пользующуюся успехом проститутку, очерченную знаменитым романистом в резких, хотя и односторонне-натуралистических формах. Здесь весьма ярко представлена эпоха второй Империи в лице различных кругов парижского общества и его развращенного образа жизни. Мы укажем еще в двух словах на движение, которое вызвано было функцией официальных публичных домов и получило название аболиционизма.

Одна энергичная и в высшей степени порядочная англичанка, мистрисс Жозефина Бутлер, ознакомившись со всеми изложенными выше подробностями, решила вступить в борьбу не только с публичными домами и продажей девушек, но и с самой системой попустительства и покровительства, оказываемых государством проституции. В основу борьбы была положена защита прав свободы женщины. Приняты были в соображение и те несправедливые взгляды Наполеоновского кодекса, в силу которых права женщины были сведены к нулю. Аболиционисты отрицают наличность у общества такого права, в силу которого оно могло бы, прикрываясь гигиеническими соображениями, насильно регистрировать проститутку, подвергать врачебному и полицейскому надзору и помещать, по желанию, в публичных домах. Они настаивают на выработке соответствующего законодательства применительно к публичным домам и прекращении покровительства, оказываемого им государством.

Среди возражений аболиционистам, между прочим, имелись и основанные на медицинской подкладке, причем, подчеркивалось, что обществу во всякое время предоставляется право изолировать людей, носящих на себе заразу, и точно так же, как оно уединяет оспенных и холерных больных, так оно заставляет лечиться и проститутку, зараженную венерической болезнью. К тому же проститутка, если принять во внимание ее низкое ремесло, вообще не может претендовать на какое-либо уважение.

Этот взгляд на вещи, если отнестись к нему слегка, может показаться даже весьма убедительным. Но более близкое ознакомление с положением вещей обнаруживает совершенно иное.

Прежде всего исключается сравнение с такими болезнями, как оспа и холера, которыми заболевают люди совершенно случайно, между тем как прибегающий к услугам проституции всегда имеет перед собою не только всю низость этого установления, но и грозящую ему ежеминутную опасность заражения. Стало-быть, общество берет на себя охрану благополучия и безопасности половых извращений заведомых дон-жуанов и разгульных субъектов. Правда, последние переносят заразу в семью и делают несчастными своих ни в чем неповинных жен, но такой взгляд на вещи является здесь неуместным, обуславливая весьма часто большие злоупотребления. Общество не может брать на себя защиту прав третьего лица, облегчая неблагоприятные и чреватые дурными последствиями поступки отдельных личностей. Его функции сводятся лишь к привлечению к ответственности, а потом и наказанию субъекта, причинившего кому-либо урон. В данном же случае одних (проститутку) заставляют вновь продолжать свое ремесло, которое признается вредным, между тем как другие (мужчины) остаются вне всякой ответственности. Государство не может потому лишь преследовать отдельных лиц, что их деятельность впоследствии окажется преступной, так как при таком взгляде на вещи не будет конца злоупотреблениям и превышению власти.

Отсюда изъятию могут подлежать лишь умалишенные и близкие им, а также преступники-рецидивисты, ибо здесь мы уже считаемся с постоянною опасностью, обусловленную ненормальным строением мозга у отдельного лица. Можно было бы поставить вопрос в том смысле, что проституция, мол, должна быть рассматриваема, как преступное действие, в виду торговли телом в интересах полового удовлетворения. Но в этом случае

подлежали бы, по справедливости, ответственности и наказанию не только торгующие собою, но и их потребители. Этот взгляд на положение вещей является единственно простым, справедливым и логичным. Но справедливо ли, когда на самом деле клеймо регистрации накладывается на одних только проституток, причем не только допускается их ремесло, но и создается подобие его организации, с выдачею патентов заведемо порочным людям, эксплуатирующим в домах терпимости все больше и больше опускающихся женщин? Здесь очевидное лицемерие и бьющее в глаза противоречие.

Мы находим оправдание такому положению дела в отдаленные времена; когда институт рабства считался только с вожделением, равно как и с произволом мужчин, имевших в своем распоряжении женщин, лишенных всяких прав. Но равноправие людей считается в настоящее время установленным фактом, не допускающим порабощения одной личности другою в культурных центрах. И пришлось притянуть сюда мотивы гигиены, чтобы прикрыть как-нибудь усовершенствованный, но все же пахнувший древностью варварский обычай.

К тому же умалишенные и даже преступники подвергаются известному воздействию, имеющему целью возможное их исправление, но ни в каком случае тела их не отдаются в распоряжение третьих лиц, для удовлетворения вожделения одних и алчных appetитов наживы других (сводников).

Если же мы примем в соображение статистические данные, то исчезнет и та гигиеническая подкладка, на которой зиждилось оправдание регламентации проституции и покровительства, оказываемого государством публичным домам. Преследовалась, очевидно, цель изыскания для мужчины здорового и не сопряженного с опасностью заражения совершения полового акта. Однако, мы не видим по настоящее время не только устранения этих страшных болезней, но и сколько-нибудь заметного их уменьшения. Мужчина, веря в безопасность, которой в действительности нет, соблюдает меньше предосторожностей, причем сама опасность заражения от умножения сношений возрастает в таких же размерах, в каких уменьшает ее надзирающий за проституткою врач. Нельзя говорить в данном случае и об исключительной добросовестности чиновников и врачей, на которых общение с местами разврата действует, во всяком случае, не облагораживающе. Содержатели домов терпимости всячески содействуют увеличению числа проституток, которые, из опасения полицейских придинок, в силу необходимости, переходят в ряды тайных проституток. Яма, таким образом, становится шире и глубже, но гигиеничность ее от этого не увеличивается. Можно, для подтверждения нашего взгляда, привести сравнительные статистические данные для тех стран, которые осчастливлены введением регламентации, равно как и для тех, которые регламентации у себя не ввели.

Мы видим тогда, что количество заражений при обоих способах почти одинаково громадно. Мы не хотим здесь вдаваться в подробности. Отсылаю интересующихся к изданиям союза аболиционистов (Zentralstelle, Rue St.Leger 6, in Genf). Наибольшим беспристрастием и толковостью отличается статистика Мунье (Голландия, 1889). В настоящее время точка зрения аболиционистов начинает привлекать к себе сторонников и среди врачей, причем все большие круги общества завоевывает та точка зрения, что пресловутая терпимость и регламентация проституции представляют собою совершенно ложные и несостоятельные способы для изолирования общества от опасности заражения венерическими болезнями.

Конечно, вопрос о проституции не сходит с очереди, благодаря одному только устранению регламентации, которое представляет собою лишь ближайшую цель аболиционистского движения. Как только удастся свести на-нет тесные взаимоотношения государства с интересами сводничества и проституции, тогда лишь и откроется перспектива для созидательной деятельности.

Мы в дальнейших глазах посвятим достаточно места определению и исследованию тех мер, которые должны уничтожить современные половые ненормальности, а потому, здесь на них останавливаться не будем. Но все же считаем необходимым указать на одно обстоятельство тем из защитников проституционной регламентации, которые, исходя из соображений гигиенического свойства. Эти последние подчеркиваю фанатичность и непрактичность аболиционистов, которые, благодаря отсутствию у них научной подготовки, стремятся во что бы то ни стало навлечь на общество лишь усиливающиеся венерические заболевания. Но это

соображение, как мы уже говорили, не имеет под собою почвы. Участие государства в судьбах дома терпимости и в вопросах купли-продажи женщин в целях разврата никогда не в состоянии будет уменьшить количество и интенсивность венерических заболеваний. Нельзя видеть признака гигиены и в поощрении государством извращенных половых сношений.

Мы видели уже, что дезинфекция проституток совершенно не оправдывает возлагаемых на нее надежд, особенно, если не произошло также дезинфекции или изолирования и зараженных мужчин. И, действительно, Франция, раньше прочих государств, введшая у себя регламентацию, имеет и наибольшее количество венерических больных. В Швейцарии же нет такого распространения болезней, хотя регламентация всюду и отменена, за исключением Женевы. Но и в этом городе не замечается улучшения санитарных условий, несмотря на то, что здесь сконцентрированы великолепные по своему внешнему виду дома терпимости. В Цюрихе же снова, по инициативе народа, отменена государственная терпимость. В нескольких городах, как в Биле, существуют еще публичные дома, хотя и официально запрещенные, и следовательно, не регламентированные.

Проводились и такие соображения, что уничтожение государственной регламентации должно обязательно повлечь за собою усиление преступлений против нравственности. Однако, здесь, очевидно, не считались с тем, что преступления против нравственности обуславливаются, главным образом, духовными ненормальностями (см. главу VIII), являются иногда результатами воздействия алкоголя, но не имеют никакой связи с тем или иным состоянием проституции. Это подтверждается фактами, разрушающими выводы сторонников регламентации.

Необходимо на первых порах озаботиться изданием соответствующих законов, строго преследующих сводничество. Его можно рассматривать только как преступление, ибо нельзя себе представить права купли-продажи тела другого человека, хотя бы и согласного на такую операцию, — причем это преступление должно быть приравнено к работорговле или ростовщичеству. При этом мы, очевидно, имеем дело с преступлением, посягающим не только на права частного лица, которое из чувства стыда в некоторых случаях и само будет содействовать сокрытию преступления. Рассматриваемое, как покушение против нравственности, оно должно преследоваться по инициативе самого государства, независимо от жалобы пострадавшего. И в действительности содержатель дома терпимости является представителем людей с наиболее непристойной репутацией. И в этих случаях могут иметь место такие проявления, которые будут приняты в соображение законом в интересах смягчения наказания. Мы преследуем лишь прекращение злоупотреблений и возможное исправление преступного лица.

Мы, однако, не можем рассматривать проституцию, как преступление, ибо здесь уже имела бы место наиболее грубая форма насилия. Никто не имеет права запретить взрослому индивидууму распорядиться по своему усмотрению своим телом, если, конечно, только не брать себе функций божества и не строить законодательных принципов на основах метафизики и религии. Но государству предоставляется право требовать, чтобы занимающиеся проституцией, независимо от своего пола, не посягали на общественную нравственность и не затрагивали интересов третьих лиц. При этом охота на клиентов на улице и те или иные «приемы», граничащие с половой провокацией, караются наложением денежных штрафов и на первых порах непродолжительным, а при повторениях и более долговременным лишением свободы, с обязательным исполнением каких-нибудь работ. Должно быть допущено право зараженного венерической болезнью предъявлять к заразившей стороне судебный иск о возмещении убытков. Хотя многие не признают этого права, но я нахожу вполне резонным наличность такого права, когда участие государства в делах проституции совершенно уничтожено. Если государство вменяет в обязанность каждой проститутке подвергать себя периодическому врачебному исследованию, то оно этим как бы взваливает на себя ответственность за безвредность половых сношений с опекаемой проституткой. И поэтому вполне последовательным будет для заразившегося жаловаться не на проститутку, а на государство или же, по крайней мере, на содержателя публичного дома, получившего патент от этого самого государства. Если же проституция свободна, то здесь мы имеем дело, очевидно, с договором чисто частного характера, при совершенно равных правах и обязанностях у обеих

сторон, и отвечает, разумеется, одна сторона, если урон нанесен ею другой, и если фактически он был констатирован. Я имею право предъявить иск к мяснику, накормившему меня испорченной колбасой, вследствие чего я заболел, но и он, в свою очередь, притянет меня к ответу за фальшивую монету, данную мною взамен его хорошей колбасы или за какой-нибудь иной причиненный ему вред.

Однако, вся суть далеко не заключается в этих паллиативах. Только основные социальные реформы в состоянии взять верх над проституцией и венерическими заражениями. На первом плане полная переработка современной возмутительной системы, в силу которой бессовестно эксплуатируются бедные классы, благодаря все понижаемой заработной плате. Рядом с этим должно быть приведено в исполнение основное видоизменение всего социального общежития. Вслед идет уничтожение потребления всяких одурманивающих средств, особенно же алкоголя. В-третьих, ложный человеческий стыд, связанный с половыми сношениями должен быть окончательно сведен на-нет. В-четвертых, подлежат самой широкой огласке, как опасность венерического заражения, так и средства для его предупреждения. В-пятых, должна быть возведена в обязательный принцип чистоплотность вообще и особенно во время половых сношений. И в-шестых, должно принять меры к достойному лечению венерических болезней в больницах, где совершенно не принимается во внимание стыдливость больного того или другого пола, который поэтому не сразу решается поручить себя уходу больничного персонала. Нужно считаться при этом с тем, что зараженная женщина не является уже обязательно и испорченной. Мы настаиваем на последнем по той причине, что в настоящее время венерические отделения больниц в сущности смахивают на небольшие публичные дома, но в весьма малой степени напоминают собою больничные учреждения. Это объясняется, разумеется, тем, что государство принудительно помещает сюда таких женщин, которых оно само же заклеимило позором регламентации и, благодаря этому, совместное пребывание с ними таких женщин, которые сохранили еще хоть малейшую искорку стыда, становится положительно недопустимым. Между прочим, в зависимости от этого, более приличные проститутки (а есть и такие) стараются не попасть в больницу, этим самым увеличивая лишь площадь заразы. Необходимо прежде всего более гуманное отношение в больнице со стороны служащего персонала, а также и разделение больных соответственно их поведению. В Италии уже приняты в этом отношении шаги, давшие благоприятные результаты.

Мне пришлось недавно прочесть сочинение М. К. Г. «Городские публичные дома», с предисловием д-ра Френкеля, профессора гигиены в Галле, того профессора, который не признает воздержания и рекомендует (конечно, умеренное!) потребление алкоголя. Анонимному автору мерещится благополучие человечества в сосредоточении всей проституции в городских управлениях! Я, конечно, воздержусь от опровержения этой «цинической этики на почве мамоны». Я, наоборот, рекомендовал бы ознакомиться с этим сочинением современного Солона, которое, нужно отдать ему справедливость, само же себя опровергает.

Мы считаем долгом высказать все-таки наше твердое убеждение в том, что хотя в наши дни можно лишь говорить об урегулировании и качественном улучшении проституции, но есть основание надеяться, что видоизменение со временем социальных условий, исчезновение власти денег и прекращение самоодурманивания алкоголем сведут на-нет проституцию и взамен ее дадут ту или иную форму конкубината, являющегося, во всяком случае, менее вредным по своим последствиям, — а потом и свободную любовь и брак.

4. Кокотки и метрессы (оплаченный конкубинат).

Обсуждаемая здесь группа не заключена в тесные рамки, а представляет собою переходную ступень от проституции к любовным сношениям вне брака или конкубинату. Она, впрочем, не совпадает с последним по существу в качестве оплаченной «любви», хотя этот симптом не дает основания для определенных ограничений, в виду своей неустойчивости. Все видоизменения этих форм находят себе применение преимущественно в Париже, где и носят названия соответственно местному аргю.

В немецких странах особенно печальна судьба трактирных прислужниц. Но, будучи

обусловлена нравами посетителей питейных заведений и вообще трактирным обиходом, она будет рассмотрена в следующей главе.

Кокотки представляют собою низшую стадию женщин, получающих вознаграждение и не относящихся к проституткам (раньше их называли лоретками, в настоящее время в Париже демимонденками). Они в большей или меньшей степени походят на тех из проституток, которые не потеряли еще чувства стыда и не занесены в полицейские списки. Они не прибегают к известным «приемам» охоты на уличного клиента. Не связываются с первым встречным мужчиной, а живут некоторый промежуток времени с одним каким-нибудь, ею выбранным, или же с несколькими. В этическом смысле выше ее стоит гризетка или «petite femme» парижских студентов и такого же рода людей. Здесь мы имеем нечто вроде свободного и кратковременного брака, носящего в себе элементы приблизительной верности. Гризетка (как и другие свободные проститутки) не рассчитывала исключительно на средства своего возлюбленного, а занималась какой-нибудь работой, шитьем, служила в магазине, и отличалась скромностью, но обзаводилась возлюбленным лишь в интересах приятного времяпровождения и с ним проводила свободное время, ночевала у него и приводила в порядок его хозяйство (комнату). Здесь, однако, наблюдаются всевозможные отступления. В настоящее время мужчина и его кокотки устраиваются в так называемых меблированных домах, занимая вдвоем комнату. Отсюда и подозрительная слава меблированных домов. «Связь» может быть еще облагороженнее, нося вполне интимный облик, причем девушка исполняет по хозяйству все обязанности, обшивая также и своего возлюбленного. Чувство любви во всех этих связях, хотя и отчасти участвует, но в весьма слабой степени, так как такого рода «браки» или связи весьма кратковременны и мужья меняются чуть ли не каждые две недели. Неудивительно, что свойственное женщине чувство любви при таком полиандрическом образе жизни быстро улетучивается. И в результате это так или иначе сводится к «роду промысла». Есть различные степени кокоток и гризеток, но они не связываются с людьми обеспеченными, а живут с мелкими буржуа, студентами, приказчиками, рабочими. Такие половые отношения вполне обыденны в крупных центрах, где друг друга никто не знает, и где возможна поэтому такая связь на непродолжительный срок, в маленьких же местах такие связи не могут иметь места.

Вслед за этими отношениями идут отношения метресс, которые граничат уже с конкубинатом на любовной почве, ибо метресса не всегда интересуется денежным вознаграждением. Гетеры у древних греков (глава VI, 17) в большей или меньшей степени походили на современных метресс, особенно тех из них, которые были подругами великих людей. Жорж Занд, например, представляла собою род гетеры, но в чистом ее проявлении, между тем как древние гетеры были чрезвычайно заинтересованы в материальном отношении. Метресса может получать вознаграждение или же быть на равных началах со своим возлюбленным, или же, наконец, даже содержать его. Иногда холостяк, желая сохранить свою свободу, обзаводится любовницей, которая следит за его хозяйством, исполняя функции жены. Они могут расстаться в любой момент. При этом женщина может совсем не брать вознаграждения или же брать только на свою жизнь. Продажи себя в полном значении этого слова нет уже в этом случае. Время договора может быть обусловлено или нет, но связь продолжается гораздо больше, чем с гризеткою или кокоткой. И здесь сразу проскальзывает влияние денег, так как мужчина будет значительно грубее с оплаченной любовницей, чем с такою, которая денег не получила. Если любовь метрессы покупается за деньги, то она немногим отличается от любви гризеток. Встречаются и замужние метрессы.

Нана у Золя отдает свою любовь за деньги только богатым людям, но в то же время она является сожительницей Фонтана, своего рода сутенера, и искренней, настоящей любовью дарит маленького Жоржа. Театральный директор Барденан в своем праве, требуя, чтобы его театр носил название дома терпимости, так как его функции скорее сводничьи, чем театрального директора. На этом примере, хотя и слишком ярком, мы можем проследить всевозможные переходы между всеми такими представлениями.

Отношения к метрессам со стороны женатого мужчины отличаются большей щекотливостью. Мы имеем здесь в виду оплачиваемую любовь. Метресса может быть у женатого мужчины лишь тогда, когда почему-либо порвалась связь между ним и его женой. Если же отношение к семье вполне сохранилось, муж тем не менее может иметь сношения с

проститутками в домах терпимости или со свободными, ибо последние ничего общего с его семейным положением не имеют. Это обстоятельство, между прочим, вменяется в заслугу проституции. Иногда, правда, и женатый может завести со стороны интрижку, причем предмет его увлечения будет, в свою очередь, называться «метрессой». Но материальные соображения здесь отступают на последний план. Может случиться, что целью такой интриги является разъединение мужа с его женой, причем возлюбленная стремится соединиться с ним в браке, желая, например, овладеть его средствами или же, наоборот, такие же виды имеет мужчина, старающийся увлечь замужнюю женщину. Поэтому и представляется довольно трудным найти различие между оплачиваемой метрессой, мессалиной и женщиной чувственной, материально совершенно незаинтересованной.

Потомство редко появляется у кокоток, гризеток и метресс, получающих денежное вознаграждение. Они значительно реже, чем проститутки, подвергаются венерическим болезням и стараются использовать свое большое развитие и опыт в интересах предупреждения появления потомства. Но если ребенок все-таки родился у подобного рода женщины, отдающей за деньги, то судьба его довольно плачевна, так как он представляет собою плод ненормальных отношений и, во всяком случае, является обузой. Принимаются все меры, чтобы предупредить его появление на свет, с каковою целью не брезгают соответствующими средствами, при благосклонном содействии специалистов. Если ребенок, несмотря на принятые меры, все-таки родился, то какая-нибудь делательница ангелов быстро отправляет его на тот свет. Но наблюдаются, конечно, и исключения, когда торгующая собою женщина обнаруживает самые высшие чувства материнской любви, в то время как дама из общества не останавливается ни перед чем, чтобы поскорее и без шума отделаться от плода незаконной любви. Иногда, впрочем, и замужние женщины прибегают к аборту, чтобы чувствовать себя более свободной.

Эта категория была упомянута нами лишь в виду ее денежной связи с упомянутыми раньше разновидностями, общим характером которых является продажность женского тела, а потому и их бьющая в глаза противоестественность. Само собою разумеется, что продажная любовь не есть любовь, а лишь недостойное обязательство, которое преследует исключительно удовлетворение низменного, животного стремления мужчины. Такие обязательства принимают и обратный характер, когда гомосексуалист или урнинг (см. гл. VIII) приобретает за деньги молодых людей, при помощи которых удовлетворяет свое ненормальное половое стремление, или когда к такому же приему прибегает нимфоманка, уплачивающая бедным, но красивым мужчинам за совершение с ней полового акта.

Несмотря на столь неприятное содержание всей этой главы, мы должны, однако, отдать себе отчет во всей ее роли и современном значении. Как проституция, так и брак по расчету и оплачиваемый конкубинат, рано ли, поздно ли и каждый из них своими специальными путями, обуславливают испорченность и вырождение, а в соединении с алкоголизмом, игрою в карты и денежной алчностью, серьезно угрожают культурному человечеству. Но проституция, организованная государством, является наибольшим безобразием и обязательно должна быть уничтожена.

У древних богиня Венера или Афродита представляла собою воплощение красоты и любви. В ней, плодovитой, чувственной, хотя и коварной, сосредоточились все натуральные желания человека, а с ними вместе и художественные и общечеловеческие идеалы. Но на наших глазах два низших божка стремятся стащить ее в болото, причем из них Бахус старается превратить ее в пошлую и грубую тварь, а Мамона, или золотой телец, силится сделать ее продажною особой. В то же время религиозный аскетизм, полный упрямства, зависти и ханжества, не потерял еще надежды натянуть на нее смирительную рубашку. Если современная культура в состоянии будет объединить все свои силы, чтобы одновременно стряхнуть с нее эту смирительную рубашку и вместе с тем освободить от деспотии таких двух отвратительных сутенеров, то богиня любви снова распространит свои яркие лучи по небосклону человечества и его благополучия.

Глава XI

Воздействие внешних условий на половую жизнь

Хотя воздействие внутренних побуждений у индивидуума в его половой жизни, обусловливаемой издревле филогенетически унаследованными стремлениями, и чрезвычайно велико, но, с другой стороны, без сомнения, в функциях человеческого сложного организма, с его филигранной мозговой деятельностью в сильной степени отражаются на половом стремлении и половой любви сила привычки и приспособляемость в зависимости от внешних жизненных условий. Мы уделим здесь наше внимание наиболее рельефным, имеющим сюда отношение, фактам, не освещенным еще в других главах.

Климат. Еще в конце главы VI нами приводилось мнение относительно зависимости половой жизни от климата, причем, как мы видели, наибольшая интенсивность ее обуславливалась и наибольшей теплотой в данной местности. Половая зрелость наступает обыкновенно очень рано в пределах между тропиками, и здесь нередки проявления и половых эксцессов. Нет основания говорить о каких-либо иных воздействиях климата. Но можно предположить, что роль климата в более холодных поясах, жители которых обречены на тяжелое и трудовое существование, отражается и на интенсивности их половой деятельности, уменьшая ее. Под жаркими лучами солнца, где нет надобности ни в отоплении, ни в созидании прочных построек, энергия и помыслы человека могут быть в более значительной степени направлены на его половую жизнь.

Сельская и городская жизнь, уединенность и общественность, фабричная жизнь. Половая жизнь человека находится в большой зависимости от общественных условий его существования. Мы выводим это из наблюдений над жизнью уединившихся людей, причем убеждаемся в том, что с продолжительным пребыванием в изолированном от людей состоянии характер человека становится угрюмым, настроение меланхоличным. Отсюда, правда, исключаются случаи, когда уединение вызвано желанием вдали от людской суеты подвергнуть обработке некоторый запас сведений. Но такой опыт не может претендовать на чистоту, так как сведения эти усвоены в обществе людей, и даже вдали от них, уединившийся мысленно ни на одну минуту не порывает связей с культурой, под воздействием которой он до сих пор жил. Если же мы возьмем такую личность, которая достаточно бедна в умственном отношении, или же юношу, то непосредственно убедимся в том, что уединение делает его диким, как бы вернет к примитивному сознанию, привьет ему нелюдимость и еще более сузит его умственный горизонт. Если взрослый человек, недалекого ума, фермерствует где-нибудь в уединении, то в результате у него наблюдается умственное расстройство, что наблюдалось, например, в С. Америке. Это я неоднократно слышал от моего покойного друга, профессора Е. Сегуина в Нью-Йорке, специалиста по нервным болезням. Между прочим наблюдалась и склонность к половым извращениям у тех людей, которые долго жили в одиночестве или в тесном кругу самых близких членов семьи. Такими извращениями были кровосмешение, содомия, педерастия и онанизм.

С другой стороны, мы замечаем проявление вполне нормальных половых отношений и вообще здоровых начал в среде земледельцев, живущих объединенно в деревне. Мы видели это в главе VI у французов, живущих в земледельческой Канаде, и мы наблюдаем это во всяком рациональном, самостоятельном земледельческом устройстве на основах справедливости по отношению ко всем звенам союза. В среднем, семья крестьянина дает в качественном и количественном отношении более интересное потомство, чем семья горожанина, в чем я имел случай убедиться непосредственно во время моей службы в качестве директора лечебницы для умалишенных. Обязанности служителей исполнялись горожанами весьма неудовлетворительно. Хотя они и быстрее ориентировались, но уже в ближайшее время обнаруживали отсутствие терпения, слабость характера и духовной и физической выдержки. Что же касается сынов деревни, то они, правда, отличались, на первых порах, неповоротливостью, аляповатостью, но, приспособившись, исполняли свои обязанности в высшей степени добросовестно. Более обширные наблюдения и приводят неизменно к одному и тому же выводу, что зародышевые основы у деревенского дитяти в среднем доброкачественнее, чем у городского. Благодаря воздействию окружающей среды, городской ребенок значительно раньше развивает свои природные данные, хотя бы они на самом деле во всех отношениях и уступали способностям деревенского дитяти. Не вникнув, таким образом, в

суть дела, можно делать ошибочные выводы. Одновременно сама деревенская жизнь обуславливает большее скопление физических сил в организме человека. Большой умеренностью отличаются и половые эксцессы в деревне, где они сводятся, главным образом, к конкубинату, супружеским изменам и значительно реже к проституции, которая не может получить распространения в тех местностях, где люди близко друг друга знают. Что касается половых извращений и вырождения, на почве наследственности, то близкое изучение алкоголизма утвердило меня в мнении, что этому последнему и связанной с ним бластофтории (см. главу I) они преимущественно и обязаны. Но деревенские условия значительно видоизменяются в зависимости от заработков, причем близость фабрик, горных промыслов и т. п. вносит с собою нездоровый элемент городской жизни, который здесь успешно прививается, давая результаты нередко весьма отрицательные.

Если мы ближе присмотримся к обществу крупного городского центра, то заметим, что оно составлено из многочисленных кружков, друг с другом почти не соприкасающихся и в интересы друг друга мало или вовсе не входящих. Каждую отдельную личность знают лишь в своем тесном кругу. Этим и обуславливается возможность разрастания скрытой порочности, находящей обильную пищу в неприиспособленных, антисанитарных помещениях, взвинченной жизни, разнообразных удовольствиях и всевозможных факторах, влекущих за собою ненормальное существование масс. У городского, особенно необеспеченного жителя как раз не хватает воздуха, света, широкой природы, движения. И в изобилии заменяют эти здоровые элементы жизни ночные искусственные увеселения, проституция, со всеми ее ужасающими подробностями, разврат. Воспитание детей становится весьма затруднительным и, во всяком случае, неудовлетворительным. К этому и сводятся условия существования беднейших городских классов, условия, служащие в настоящее время предметом всеобщего внимания. К наиболее губительным факторам должно отнести, рядом с проституцией и венерическими болезнями, и вопрос о жилищах для бедных, обреченных при современных условиях на самые низкие формы промискуитета.

Те же условия, быть может, еще более усугубленные, мы видим и в фабричных и промышленных центрах. Порча разъедает здесь людей, как со стороны плохих условий жизни, так и безобразных половых отношений. Здесь безраздельно властвует алкоголь, проституция и промискуитет, в связи с игрой и праздностью, быстрыми шагами приближая фабричные округа к полному вырождению. Я убедился в этом из изучения фабричного люда в кантоне Цюрих. Для службы в больнице, о которой упоминал я раньше, люди этого района оказались абсолютно непригодными, так как представляли собою буквально физических, умственных и моральных вырожденков, пригодных лишь для одного автоматического движения, заранее усвоенного, как, например, ткацкой работы, наматывания шелка и пр. Еще худшие результаты можно наблюдать в других районах, как, например, в среде городского пролетариата Англии (в Ливерпуле), варшавского еврейского пролетариата, жителей горных округов Бельгии и т. д. Здесь и речи нет о чувстве стыда, этических побуждениях и элементах здоровья. Фабричные девушки вполне могут быть уподоблены проституткам. В промышленных округах Бельгии, где алкоголь не встречает уже себе никакого соперничества, люди совокупаются ночью прямо на улицах, уподобившись пьяным кафрам Ю. Африки. Можно себе представить, в каких условиях пребывают здесь чистое чувство любви, вопросы семьи, воспитание потомства и качество этого последнего. Можно смело сказать, что крестьянский конкубинат и брак, в сравнении с вышеизложенным представляют собою идеал общежития.

Современные условия существования дают нам весьма характерное явление, заслуживающее внимания; это невероятное развитие способов сообщения, доступного для всякого вместе с гигиеной жилищ, благодаря которым город стремится перебраться в деревню, а деревня в город. Это обстоятельство ведет, разумеется, к тому, что и тот и другая начинают походить друг на друга, что не может не навести на приятные размышления. Мы видим это в современных американских городах, где каждая постройка представляет собою как бы виллу, окруженную растительностью и наводящую на мысль о деревне. Удобные средства сообщения сводят на-нет расстояния, но при большем еще их улучшении и удешевлении не будет надобности и в американском типе города, так как деревня будет располагать тогда всеми преимуществами города, однако, без его отрицательных, специфически городских

особенностей, и в том числе и промискуитета.

В деревне атрофируются естественные духовные задатки, чего, однако, не будет при усовершенствованных способах сообщения. В будущем, я думаю, жизнь культурного государства выльется в форму агрополиса (городской деревни или деревенского города), и создастся, благодаря этому, перспектива объединения духовной стороны человеческой жизни с более рациональной, а стало-быть, и более здоровой половой жизнью. Крестьянство, положенное в основу брака, имеет свои положительные стороны не только в том, что благодаря близкому знакомству друг с другом исключается опасность венерического заражения, но и в том, что создается здоровое потомство, необходимое в интересах счастливого брака. Церковь резко осуждает некоторые крестьянские нравы, сводящиеся, между прочим, к тому, что представители молодежи обоего пола вступают нередко в половые сношения до брака. Мы видим здесь те формы пробного брака, которые приведены нами у диких народов (см. главу VI). Во всяком случае, можно назвать лицемерием поступки людей, равнодушно проходящих мимо проституции и громящих крестьянство за его вполне естественные половые сношения вне брака. Условия сельской жизни весьма благоприятны для нормального развития детей, что прекрасно подтверждается дачными колониями, устраиваемыми для городских детей.

Нет, разумеется, недостатка и в отрицательных сторонах деревенской жизни, ведущих к вырождению, и к которым, главным образом, относятся эпидемия, зоб, малярия. К этим же факторам должно отнести и изолированность некоторых племен (химиллов-индийцев в Колумбии), обуславливающую отупение и измельчание, а также продолжительное кровосмешение и пр.

Однако, жизненные условия городского пролетариата еще хуже, причем его интересы довольно часто сплетаются и с интересами преступного пролетариата. Содержатели домов терпимости, преступники той или иной формации и весь этот темный люд усваивают себе особую точку зрения, в силу которой наиболее преступная личность считается у них и наиболее почитаемой. В таком именно смысле и присваивается ребенку термин «многообещающего». Если ребенок этой среды обнаружил какие-либо общечеловеческие наклонности, то его подвергают насмешкам, издевательствам, а нередко и побоям, как отрицательный с определенной точки зрения элемент. На обязанности общества и лежит стать на защиту интересов таких детей.

Нельзя говорить о влиянии всех этих вредных условий, как о чем-то неподдающемся воздействию. Здесь вместе с тем необходимо считаться еще и с другими вредными факторами. Обобщения следует делать с осторожностью, так как половая развращенность может с успехом иметь место и в деревне, в то время как и в городе нормальные половые отношения не представляют уже такой редкости. Если деревня успела достаточно алкоголизироваться, то она, пожалуй, будет стоять еще ниже чистого и трезвого, хорошо управляемого города.

Бродяжничество; семья Зеро. В «Archiv für Rassen — und Gesellschafts-biologie», 1905, приводится сообщение д-ра Иергера о нескольких поколениях пары бродяг (семья Зеро), тщательно исследованных. Констатировано, что все многочисленные члены этой фамилии неизбежно функционировали в качестве бродяг, воров, проституток и тех или иных вредных разновидностей общества. Все попытки исправить их не дали положительных результатов, так как эти люди покидали все места, куда их водворяли в целях исправления, и снова принимались за прежнюю жизнь. И только у некоторых можно было достигнуть более или менее благоприятных результатов, благодаря воспитанию. В этой семье крупную роль сыграли алкоголизм и вызванная им бластофтория.

Подробности можно найти в оригинале. Этот случай мог быть приведен так же и в главе VII, когда мы говорили о влиянии алкоголя, о бластофтории и наследственности. Трудно предположить, чтобы в такой непродолжительный период, как два-три столетия, можно было бы считаться с мнемическими процессами, о которых мы говорили в первой главе. Но и родоначальница этой семьи брала свое начало в какой-то бродячей семье Северной Италии. Я буду близок к истине, если скажу, что алкоголическая бластофтория вместе с неудачными конъюнкциями зародышей, явившимися следствием бродяжничества, и обусловили вырождение этой типичной семьи, энергично практиковавшей половое распутство и весьма поучительной в целях всестороннего изучения этого вопроса.

Американизм. Под этим названием я имею в виду то явление в половой жизни, которое укоренилось во взглядах общества Северной Америки и вызвано колоссальной денежной алчностью, или исключительным соревнованием на почве обогащения, доведенным здесь до невероятных размеров. Жизнь северо-американца, а особенно половая жизнь американки, отличается противоестественностью. Здесь земледельческий труд и вообще всякая ручная работа находятся в большом пренебрежении, как в глазах мужчины, так и женщины. На первом плане для труда и в целях производства все заменяется машинами, совершенствуется торговля, вводится централизация — и все это преследует, главным образом, мозговую деловую жизнь и соответствующие наслаждения. Всякий физический труд, и в том числе и земледелие, считаются унижительными и в глазах американской женщины, роняющим ее достоинство. Здесь сказалось, без сомнения, влияние прежнего рабства, когда всякие мускульные работы производились неграми, исполняющими, впрочем, эти обязанности и в настоящее время. Вместе с тем американская женщина (исключая французскую Канаду с ее чистыми нравами) заботится, главным образом, о сохранении своей девической свежести, готова отдать все за розовый цвет лица и не постоит ни перед чем для удержания в прежнем виде своих прелестей. Поэтому беременность и роды она считает для себя непосильным бременем, органически не вынося кормления детей и большого потомства. Нужно считаться и с тем, что прислуга в Северо-Американских Штатах после освобождения негров чрезвычайно повысилась в цене, благодаря чему развилось все больше и больше приспособление к отдельной жизни (boarding house). Это последнее обстоятельство, в свою очередь, дало женщине Северной Америки лишний повод принимать все меры против появления потомства и вообще разрастания семьи. В такой форме обнаруживающаяся эмансипация, будучи совершенно отрицательного свойства, обуславливает неизбежное социальное вырождение. Не будь иммиграции, арийская (европейская) смешанная раса Северной Америки, в зависимости от такого положения вещей, вымерла бы постепенно, уступив место наплыву китайцев и негров. Труд свойственен каждому мужчине и каждой женщине, равно как и их естественное предназначение, и раса, не желающая с этим считаться, падает жертвой. Женщина идеалом своей жизни должна поставить не чтение романов, лежание на кушетке, занятия, при нужде, в конторах и, главным образом, сохранение свежего цвета лица во что бы то не стало, — а стремление сделаться крепкой и здоровой, делить физический и умственный труд с мужчиной и производить как можно больше физически крепких и здоровых духом детей. И только при ограниченности духовных и телесных сил может иметь место и сокращение деторождения в каждом отдельном случае.

Трактир и алкоголь. Во избежание повторения того, что упомянуто было уже в главе I о бластофтории, в главе VIII, III, 9 а, о влиянии алкоголя на зародыши потомков, головной мозг и половую жизнь, а также в главе X о связи его с проституцией, — я приведу здесь только отрицательные результаты воздействия трактирной обстановки. Пьянство губительно влияет на всю половую жизнь, обуславливает, как мы это уже видели, наиболее противные формы проституции и жизни публичных домов, служа одним из деятельных факторов в интересах соблазна девушек и оказывая энергичное содействие всему этому ужасному ремеслу. Я укажу здесь еще на женскую прислугу портерных и трактиров, в целях обнаружения страшного влияния крепких напитков на половую жизнь. Мне по этому поводу пишет Юлиус В. Эд. Вундзам из Цюриха:

"Поражаешься при виде цинизма и наглости, какую обнаруживают по отношению к кельнершам даже представители культурных классов.

«Мужчина, который не разрешил бы себе чего-либо непристойного по отношению к служащей в магазине, совершенно не церемонится с кельнершей. И не только где-нибудь в мелких пивных, но и в первоклассных ресторанах представители различных свободных профессий, которые хотя бы и в состоянии опьянения могут держать себя благопристойно в обществе порядочной девушки, здесь не скупятся на такие двусмысленности и выходки, которые очень ясно определяют этические чувства подобных господ».

"Кельнерша вовсе не должна со своей стороны давать ему какие-либо авансы, так как у этих посетителей потребность в изрыгании грязи возникает самостоятельно и только в зависимости от того, что они видят перед собою «кельнершу».

"Скромная девушка подвергается насмешкам, причем хозяева, вообще равнодушные к

«сохранению приличий и тишины» в ресторане, не обращают однако, внимания на жалобу девушки, отдавая справедливость посетителю.

"Если в этом видеть, главным образом, результат воздействия алкогольных напитков, то нужно присовокупить еще и тот обычный взгляд на кельнершу, в силу которого она представляет собою ничтожное существо, заслуживающее, быть-может, галантного обращения, но без каких-либо нравственных оснований.

Журнал «Abstinenz-Rundschau» (Ред. Макс Варминг, Emilienstrasse 21, Hamburg-19) под заголовком «Бедствия кельнерш» дает в № 2-м следующие подробности у ужасного положения немецкой трактирной женской прислуги.

Кельнерши, без сомнения, должны быть отнесены к самым страшным жертвам действия алкоголя. Эта профессия сопряжена со страшной опасностью, и только в ограниченном числе гостиниц или трактиров можно натолкнуться на кельнерш, отличающихся безусловно нравственностью, остальные же в колоссальной массе своей задыхаются в грязной атмосфере трактира. При наличности смазливенькой наружности, молодая девушка безотчетно избирает себе это роковое ремесло, чтобы по истечении незначительного количества лет потерять весь свой женственный облик и сделаться моральным, если не действительным трупом.

Требования, которым должна удовлетворять кельнерша, действительно невероятны! Прежде всего физическое изнурение, благодаря десяти-шестнадцатичасовому рабочему дню. Столько же приходится работать даже и в придворной пивной в Мюнхене («образцовое» государственное учреждение), а *Vockbierzeit* требует и 17 рабочих часов. Столь усиленная работа обуславливает в такой степени упадок сил у кельнерш, что они в среднем вдвое больше болеют, чем всякий другой, и в конце-концов становятся кандидатками на чахотку. Но есть еще кое-что и похуже.

Вся работа кельнерши сводится к услужению другому полу и в такое время ночи, когда мужчина, ведущий «вольную» жизнь, является в ресторан уже в приподнятом настроении. А между тем, кельнерша не получает никакого содержания. В королевской мюнхенской пивной, например, служанкам не только не полагается ни содержания, ни помещения, ни завтрака, но они и сами должны еще уплачивать ежедневно по 1 марке 20 пфенингов за полоскание кружек, что составляет свыше 400 марок ежегодно! Приобретение и содержание в чистоте обязательных для них белых передников и салфеток также лежит на их попечении. Можно себе представить положение кельнерши в частной пивной, принимая во внимание требования, предъявляемые ей аналогичным правительственным учреждением. Кельнерше, таким образом, ничего больше не остается делать, как стараться возможно больше получать на чай, в виде единственного ее вознаграждения. Ей приходится также поощрять гостя к возможно большей выпивке, получая за это грошевые комиссионные от трактирщика. Ясно, что отношения к посетителям с ее стороны должны быть наиболее предупредительные, чтобы расположить их в свою пользу и получить все тот же «на-чай». И пока алкоголь все больше и больше овладевает волей и сознанием трактирного посетителя, кельнерше приходится платиться своей нравственностью в интересах получения «на-чай». Легко себе представить воздействие общества таких алкоголизованных мужчин на психику и нравственность девушки, обязанной проглатывать все двусмысленности и выслушивать такие вещи, на которые она, при других условиях и другой обстановке, ответила бы в меньшей мере пощечиной. В «Bayerischen Vaterland» недавно появилась статья далеко не приверженца трезвости, человека, расположенного к алкогольным напиткам, но называющего себя другом человечества и посвятившего себя изучению быта трактирной женской прислуги. «Я не в состоянии описать всего того, что здесь представилось моим глазам, — ужасается автор, — и я не преувеличу, если назову всех этих служанок ресторанов (как первого, так и второго класса) не только в столице, но и в других городах „белыми рабынями образованных холостяков, лишенных характера, и образованных женатых людей с обручальными кольцами в жилетном кармане“. Неудивительно, что трактирные служанки дают такую массу венерических больных, составляющих для Берлина 13, 5 процентов, причем для „так называемых“ кельнерш, прикрывающихся лишь этим названием, и 30 процентов, — и что на каждую пару кельнерш одна венерически больна».

В Германии поставкой кельнерш, носящей чисто торговый характер, занимаются специальные «агентства», причем в письменных и телеграфных сообщениях эти посредники

условно называют свой человеческий товар «ящиками» («Kiste»). В зависимости от внешних достоинств такой кельнерши и умения ее импонировать гостям, она характеризуется «ящиком недостаточно прочным или слабым, толстым или тонким, красивым, золотым и пр., который предлагается или требуется». Посредники обыкновенно получают за свои услуги по 5 — 10 марок от кельнерши и 10 — 75 марок от хозяина, зарабатывая таким путем массу денег. В Восточной Пруссии некоторые агентства «поставляют» от 100 до 130 кельнерш в месяц. Причем они «поставляют» не только в пределах Германии, но и во все части света. От этой стадии, когда кельнерша превратилась уже в товар, до положения проститутки один только шаг.

В зависимости от пьянства, мужчине сообщается не только чувственность и грубость, но и беспечность, легкомыслие, отсутствие предосторожности. Желая установить при помощи статистики связь между заражением венерическими болезнями и алкоголем (глава VIII, III, 9), я обнаружил непосредственное воздействие последнего в 3/4 случаев. К таким же результатам пришли д-р Лакер из Висбадена в своем реферате в Берлине: алкоголизованный выходит или выкарабкивается из кабака на улицу... проходит проститутка, начался торг, и катастрофа (заражение) готова, — а то и прямо из трактира мужчины спешат в публичный дом и здесь заражаются всем комплектом.

Благодаря трактиру, мужчина отрывается от домашнего очага. Мы видим, стало-быть, что одновременно с народным алкоголизированием совершается и его половое вырождение, на что должно быть обращено наибольшее внимания, ибо наименее благоприятной атмосферой для нормальной половой жизни является такая, которая пропитана алкоголем. Прирост населения находится в обратной пропорциональности с потреблением спиртных напитков, что особенно рельефно выступает в России при сопоставлении совершенно непьющих сектантов с остальной пьющей массой народа. Можно, впрочем, говорить о бластофторическом или повреждающем влиянии на зародыш не только хронического прибегания к спиртным напиткам, но даже и однократного опьянения, что, между прочим, подтверждается статистическими данными д-ра Беццола, нами уже упоминавшимися (максимумы рождения идиотов). Мы убеждаемся отсюда и из других источников в том, какие печальные результаты дает зачатие, сопровождавшееся состоянием опьянения. Я посвятил много материала вопросу о вырождении рас под воздействием алкоголя и привожу еще здесь труд Бунге «Alkoholvergiftung und Degeneration», Leipzig 1904, bei Johann Ambrosius Barth, а также мою книгу «Hygiene der Nerven und des Geistes». Stuttgart 1903, bei Ernst Heinrich Moritz, и весьма поучительные статистические таблицы Вилленегера и Штумп. Откажись люди от потребления алкоголя, возможно было бы тогда разрешение большой доли полового вопроса в наиболее благожелательном духе.

Богатство и бедность. В то время как в среднем состоянии культуры человечества обилие женщин и детей лишь увеличивало богатство состоятельного человека, мы в настоящее время сталкиваемся с новым положением вещей, в силу которого, одновременно с увеличением богатства, идет и уменьшение количества детей. И действительно, детей не считают уже больше источником благосостояния, а, наоборот, усложнившиеся требования культуры побуждают производить все большие и большие расходы на воспитание потомства. Но вместе с тем и женщина, в связи со своим социальным положением, старается избежать беременности. На ее физическую организацию влияет утонченный образ жизни, что, в свою очередь, ослабляет ее способность к деторождению. Американизм, о котором мы упоминали, в этом смысле дошел до патологических размеров, что должно считать болезненным продуктом нашей культуры. Мы здесь приходим к заключению, что при умеренном достатке, когда нет заботы о насущном куске хлеба, и гигиенические условия являются благоприятствующими, но когда все-таки приходится регулярно работать для обеспечения существования, — при таких условиях половые отношения, да и вообще жизненные отношения, проявляются в самом здоровом виде. На богатого развращающе в половом смысле влияют роскошь, извращение, лень, а также вредные привычки из детства. На бедняка же влияет скудное питание, нездоровая среда, отсутствие воспитания при наличии скверных примеров, причем на противоположных концах эти отрицательные данные совпадают как у бедного, так и у богача, ибо в омуте находятся как пользующийся, так и пользующийся. Это мы видим в игре, проституции, половых извращениях, где эксплуатирует бедняк, а эксплуатируем богатый, хотя,

с другой стороны, богатый поддерживает проституцию, оставаясь социальным выжимателем.

Половая жизнь вырождается, однако, не только у богачей и бедняков, но и у представителей среднего класса, благодаря все увеличивающейся легкости добывания средств, когда не брезгают никакими способами, лишь бы не прибегать к труду. А между тем только честным и периодическим трудом обеспечивается естественная и здоровая половая жизнь.

Если бы социальное благо человека могло быть обеспечено без приманки, какую для него является презренный металл, то половая жизнь немедленно вошла бы в свою норму, но трудно найти здесь соответствующий способ для практического проведения в жизнь.

Дворянство и сословия. На половой жизни не могли не отразиться так называемые сословные различия, которые и в настоящее время играют видную роль. Это проявляется, между прочим, в тех случаях, когда, в зависимости от тех или иных сословных предрассудков, устанавливается особый брачный кодекс. Благодаря весьма близкому скрещиванию среди высшего дворянства и владетельных особ, которым предписывалось соединяться в браке только между собою, получилось в результате вырождение. Прежде всего преследовалось сохранение чистоты «благородной» крови, что и достигалось до поры, до времени. Такого рода односторонний подбор, однако, чреват отрицательными результатами, причем обязательность брака в строго ограниченных сферах побуждала высшие сословия искать удовлетворения во внебрачном разврате. Таким образом, высшая знать и даже коронованные особы дарили свою любовь не девушкам, достойным и работающим, а артисткам двусмысленного поведения, балеринам, подверженным истерии искусительницам и другим искательницам приключений! С падением феодального строя дворянство лишилось своего *raison d'être*, но продолжает жить в сфере традиций, праздности и сохранившихся пороков, быстрыми шагами приближаясь к вырождению во всех тех случаях, когда отдельные члены его не успели проникнуться сознанием жизненной необходимости трудовой деятельности. Внебрачные связи дворянства дали потомство, отличавшееся весьма подозрительными достоинствами, но и., в свою очередь, удостоившееся впоследствии дворянства. Таким образом, с легкой руки коронованных особ и высшей знати, дворянства удаивались «недостойные» личности, главной и единственной заслугой которых было умение как можно низменнее разжигать вождление и волновать половое чувство. Естественно, что результаты такого подбора не замедлили сказаться в лице вырожденков, носивших в своих жилах не только «благородную» кровь дворянина, но и кровь (зародышевые энергии) «низших» людей, иногда же и заведомых преступников. Вырождение дворянства можно объяснить также и тем, что, обеднев в своей массе, дворяне нередко, в интересах позолочения своего фамильного герба, берут себе в жены богатых девушек, дочерей банкиров и др., не считаясь с наличием у своих будущих жен тех или иных умственных или физических дефектов. Все это в значительной степени усугубляется, благодаря традиционному презрению к труду, как источнику пропитания, унаследованному дворянством еще от средних веков и не находящему себе компенсации хотя бы в рыцарских выступлениях, в настоящее время не имеющих применения.

Своеобразные особенности на половой почве свойственны и другим сословиям, как, например, католическим священникам, не знающим брака. Последствия здесь получаются только отрицательные, так как прежде всего значительная часть интеллигентных сил общества обречена на бесплодие, и кроме того, в зависимости от этой особенности, процветает тайный разврат (тайная исповедь и пр.).

Военная и морская служба не остаются без влияния на половую жизнь, причем влияние это отрицательное. Здесь мы упомянем предварительно про ту отвратительную, невозможную и опасную форму проституции, которая так или иначе этой службой и поощряется. А между тем название солдатской потаскушки стало нарицательным. Но ведь одной такой зараженной девушки достаточно, чтобы жертвой заражения сделать целый батальон. Кроме этого, ощущая недостаток в половых сношениях или же вовсе не имея возможности к ним прибегать, солдаты легко поддаются половым извращениям и в том числе педерастии и онанизму. Таким образом, с запасом половых извращений и той или иной венерической болезнью солдаты являются домой, в свои родные края, женятся здесь и не только вносят деморализацию и заражение в свою семью, но и производят обремененное наследственностью потомство; не обходится, разумеется, и без деятельного влияния алкоголя. Весьма нездоровые плоды дает и то установление,

согласно которому небогатому офицеру предоставляется сочетаться браком обязательно с богатой женщиной, чтобы иметь возможность устроиться согласно званию. В норвежском торговом флоте, наоборот, мы видим, что офицерам разрешается жить на судах вместе со своими женами. Вообще нам полезно было бы ко многому присмотреться к Норвегии, в ее разрешении полового вопроса. Между прочим, характерным и вместе с тем заслуживающим особого внимания является правило, согласно которому, в интересах поощрения семейной жизни, жена, путешествующая вместе с мужем, вносит плату лишь в половинном размере!

Влияние прочих сословий на половую жизнь не выражается сколько-нибудь энергично, но вообще всякое подразделение на сословия отражается на ней неблагоприятно. Прежде всего, изолирование данного класса от всей народной массы и браки только в пределах этого класса дают неизбежные вырождения. И вообще положительный подбор не знает ни классов, ни иных отличительных признаков человека, кроме личных его достоинств, возвышающих его пред другими.

Индивидуальная жизнь. Ее влияние на половую жизнь вне всякого сомнения. Хорошее питание и умеренный физический труд влияют обыкновенно усиливающе на половое стремление, которое, наоборот, ослабевает при ограниченном питании, сопровождающемся непосильным мускульным трудом. Что касается умственной деятельности, то воздействие ее в этом же направлении различно. Один крупный ученый и психолог констатировал у себя всякий раз усиление полового влечения в зависимости от интенсивного умственного труда, но другие утверждают обратное. В общем, можно сказать, что сидячий образ жизни усиливает, а подвижной — ослабляет половое стремление. Конечно, здесь необходимо считаться еще с другими факторами. Алкоголь, как мы это уже наблюдали, уменьшает потенцию и усиливает, а также и извращает половое влечение. Что касается же других всевозможных искусственных средств, возбуждающе действующих, то влияние их выражается в другой форме, о чем мы, между прочим, упоминали уже применительно к порнографии. В связи с эротическими картинками, романами и пьесами специального содержания, кафе — шантанами и пр., создается нездоровая атмосфера, действующая одновременно раздражающе и извращающе. Эта среда легко захватывает людей, соблазняет их своей утонченностью и действует на чувство.

Особняком стоит здесь воздействие сожителства обоих полов. Как мы об этом говорили уже в главе VI, у совместно живущих мальчиков и девочек притупляется половое влечение между ними независимо от того, родные ли это или только приемные братья и сестры. Это же наблюдается и во всяких иных сферах жизни, когда совместное пребывание представителей противоположных полов в каких угодно отраслях человеческого труда носит непринужденный и свободный характер, как мы это видим, например, в школах, на полевых занятиях, в играх и пр.

Это правило, разумеется, допускает ограничения и отступления. При известного рода отношениях совместная жизнь, наоборот, обуславливает вредное половое раздражение и даже извращения. Причины заключаются в таких случаях чаще в потреблении алкоголя, а также и в психической ненормальности такого рода субъектов. Должно, например, считать весьма опасными опытами устройство балов в психиатрических лечебницах для представителей обоего пола с употреблением пива, как это допускается некоторыми заведующими психиатрическими больницами. Такие вечеринки могут давать лишь отрицательные результаты, между тем как благородное воздействие оказывало общение между собою душевнобольных, не прибегавших в собрании ни к спиртным напиткам, ни к танцам и взаимным сближениям, раздражающим лишь половое влечение у таких людей и без того подверженных уже извращению. У меня лечилась одна девушка, которая страдала сильным половым влечением, предавалась онанизму и подвержена была сильным припадкам на нервной почве. Свое состояние она приписывала тому, что ей, как телеграфистке, приходилось быть все время в обществе молодых людей, действовавшим на нее раздражающе, между тем как она оставалась без всякого удовлетворения.

Такие случаи, наблюдаемые довольно часто, наводят нас на очень важное заключение. Хотя весьма нормальной является совместная жизнь представителей обоих полов, но она должна дать в конце-концов нормальные же половые сношения между людьми, имеющими друг к другу влечение на почве любви. Но если происходит постоянное раздражение, не получающее удовлетворения, то результаты могут быть только отрицательны. В случаях

воздержания из религиозных ли или иных соображений необходимо изолировать себя в большей или меньшей степени от близкого общества представителей противоположного пола и вообще устранять от себя все то, что раздражающе действует на половое стремление. Менее возбудимые в половом отношении люди, конечно, поставлены в этом смысле в более благоприятные условия.

Отсюда обнаруживается, что при определенных занятиях, обуславливающих совместное пребывание лиц обоих полов, как служащих в магазинах, на телеграфе и проч., создается возбужденное настроение. Если же занятия происходят при постоянной односторонности и плохих окружающих условиях, как, например, у рабочих на фабриках, то половая жизнь от этого только страдает, причем почти безразлично, занимаются ли работой оба пола вместе или же во время работы друг от друга изолированы.

Печать, объявления и анонсы. Половая жизнь, между прочим, в известной степени зависит и от печати. Существует достаточное количество порнографических изданий, которые, покрываясь личиной искусства, посвящают всю свою энергию скандальным разоблачениям из области половых отношений, сенсационным процессам и насаждению нездорового эротизма. Одновременно происходит заполнение столбцов в отделах объявлений двусмысленными анонсами, вроде объявлений брачных бюро, меблированных комнат, всевозможных rendez-vous, просьб о займах и пр., не оставляющих никакого сомнения в их сексуальной подкладке. К такого рода приемам прибегают даже и всякие извращенные элементы (гомосексуалисты, садисты и пр.).

Единичные объявления шведских массажистов, парикмахеров и купальных заведений очень часто служат лишь прикрытием для проституции. Сюда же можно отнести и анонсы об оккультизме и пр. (см. гл. XIV в конце).

Интернаты. Совместное и продолжительное пребывание членов одного и того же пола в соответствующих учреждениях, носящих название интернатов, имеет свое специальное воздействие на половую жизнь. Сюда относятся, например, монастыри, закрытые учебные заведения, как французские лицеи, и пр. Здесь обитатели учреждения никогда не застрахованы от опасности усвоить гомосексуальные или онанистические наклонности. Поэтому и влечет в столь значительной степени всех гомосексуалистов или урнинггов (см. главу VIII, III 7 б) к такого рода учреждениям. Здесь они могут беспрепятственно удовлетворять свою извращенную страсть, чувствуя себя в спальной интерната так же, как нормальный мужчина на женской половине соответствующего учреждения. Так как с урningгами считались лишь как с людьми ненормальными, то при организации интернатов, мужских ли или женских, уранизм стоящих во главе их совершенно не принимался в соображение. Гомосексуалисты стараются также попасть в качестве надсмотрщиков или надсмотрщиц в психиатрические лечебницы, где им предоставляется скрытный, но широкий простор в половых сношениях с душевно-больными обоого пола без опасения гласности.

Не всегда, однако, необходима наличность врожденного гомосексуализма, чтобы стремиться к удовлетворению полового стремления с товарищами или товарками своего же пола. Это часто имеет место, как следствие повышенной чувственности или эротизма субъекта, причем мужчины удовлетворяются педерастией, женщины лесбийской любовью и вообще тот и другой пол взаимным онанизмом. В том или ином случае опасность всегда налицо, так как в массе всегда сможет очутиться хоть один индивидуум, который будет действовать разлагающе на всех остальных. Контроль вообще при таких случаях чрезвычайно затруднен, но наши интернаты не отличаются, к сожалению, идеальным надзором. Отрицательная сторона дела усугубляется весьма малой сердечностью взаимоотношений руководителей и воспитанников.

Пришлось бы слишком распространяться, чтобы исчерпать всевозможные воздействия окружающей среды. Но мы можем, однако, придти к заключению, опираясь на приведенные факты, что всякие крайности применительно к половому влечению, как аскетизм, с одной стороны, и эксцессы, с другой — обуславливают противоестественные результаты. Таким образом, половая жизнь нуждается только в нормальной обстановке. В любви не обходится без счастья и случая, причем действительно сплетение случайных обстоятельств может обусловить тот или иной характер любви. Но в силу велений нашей, так называемой, общественной нравственности, исправление ошибок в этом смысле сопряжено часто с непреодолимыми

препятствиями. И если будут здесь введены улучшения, то, без сомнения, сойдут на-нет несчастья на почве любви, причем неблагоприятное воздействие окружающей среды будет своевременно локализовано и исправлено при помощи тех способов, которые для данного случая окажутся наиболее применимыми.

Глава XII Религия и половая жизнь

Считая долгом оговориться, что под религиею я разумею здесь так называемое религиозное чувство, равно как и церковные догмы. По почину Шлейермахера, существовала за последнее время тенденция к особому выделению религиозного чувства, причем последнее определялось, как неопределенная смесь ощущений, выделяющая созерцание и чувство. Оно может быть рассматриваемо в качестве интуитивного представления о всей вселенной, приводящего душу в экстаз и растворяющего в себе наше собственное "я". Эта индивидуальная неопределенность чувства может быть использована для каких-угодно целей, но едва ли в состоянии дать какие-либо правильные результаты.

Нам представляется весьма интересный факт с точки зрения этнографии, в силу которого те обычаи, которые раньше входили в светский обиход, последовательно, на протяжении веков вводились в религию, причем их могли рассматривать как божественного происхождения или указания свыше, или в качестве определенных догматов, воздействия определенного культа и т. д. Здесь видное место занимали половые отношения. Мы можем во многих религиозных обрядах и обычаях проследить как бы символы видоизмененных обычаев половой жизни (в наиболее широком значении этого слова), причем некоторыми догматами предполагалось, очевидно, на почве религии создать обязательность определенного цикла половых обычаев. Половая жизнь, в свою очередь, должна была находиться под их непосредственным воздействием. Колдовство и знахарство находятся, таким образом, в интимном взаимоотношении. «Всякое колдовство происходит от страсти», сказал старый индеец этнографу Ф. фон-Мартиусу. Мы укажем здесь на несколько убедительных примеров.

У ведьм и на процессах о ведьмах эксцессы и извращения играют первенствующую роль. Мы убедились уже из главы VI в той непосредственной близости, в какой полигамия соприкасается с понятием о собственности и браком по покупке или продаже, чем, между прочим, она и обусловилась исторически. Когда же она вошла в религию, как в исламе или у мормонов, то оказала воздействие на всю общественную организацию этих народов и образ их мысли. Мы на деле не в меньшей мере полигамны, чем они, но в то время как мы опираемся на моногамную этику, они исходят из полигамных этических начал, причем и в том и другом случае предполагаются обязательные указания свыше. В связи с религиозными воззрениями некоторых приверженцев Будды, у них явилось необъяснимое представление о необходимости для жены немедленно следовать за мужем в могилу. Такое обстоятельство, разумеется, также отражается на половой жизни. Некоторые дикари наследуют своим родителям по женской линии, что, очевидно, связано с наиболее уважаемым положением женщины. Впоследствии этот обычай освящен был религией, хотя он, без сомнения, вполне естественно обусловлен был на первых порах большей близостью матери к потомству, чем отца, и практикуется у гоахиров Колумбии, живущих в полигамии. В такой же степени на светской подкладке введен был и обычай женитьбы мужчины на вдове умершего брата, что, очевидно, имело целью урегулирование брачных взаимоотношений. Но с течением времени и этот обычай взят был религией под ее покровительство. Обрезание у евреев носило на первых порах характер гигиенической меры, но впоследствии вошло в религию и заняло в ней не менее важное место, чем крещение в христианской религии. А между тем, роль обрезания сводилась, главным образом, к предохранению от венерических заболеваний и отчасти от онанизма. Католическая церковь, кроме безбрачия своих священников, о которых мы уже говорили, вводит в половую жизнь еще целый ряд установлений, приобревших догматический характер, регулирующих половые сношения и брак, и имеющих, без сомнения, крупное социальное значение. Догматически, например, устанавливается безусловное запрещение развода (что соединено

богом, того не разлучить человеку) и, таким образом, предрешается навсегда судьба брака, что обуславливает, в свою очередь, внебрачные связи всех вдов. Католическая церковь берет также на себя труд выработки мельчайших подробностей половых отношений в браке и считает, например, грехом, если женщина ляжет на мужчину, а не обратно. В величайших деталях выработаны указания и приемы при совершении полового акта, но с таким расчетом, что женщине уделяется самая пассивная и недостойная роль, мужчина же облекается какими угодно преимуществами. В католическом брачном союзе должно быть произведено столько детей, сколько только возможно, ибо какие бы то ни было предупредительные меры во время совершения полового акта не допускаются ни в каком случае. Здесь предоставляется остановиться или на полном воздержании (на которое должны согласиться обе стороны), или же на непрерывном воспроизведении потомства. Отказы в совершении полового акта как со стороны жены, так и мужа, в зависимости от его потенции, не допускаются. Такого рода указания, носящие обязательный характер, непосредственно и отражаются на браке католиков, на самой религии и на потомстве.

Тайная исповедь обращает на себя особое внимание. Знаменитый реформатор Канады — Хиникви, занимавший видное место среди католического духовенства и впоследствии перешедший в протестанство, в своем труде «*Cinquante ans dans l'église romaine*», на стр. 151, указывает все те предметы, которые должны быть упоминаемы духовным отцом в вопросах на исповеди духовных детей его. Хиникви достаточно компетентен в этом вопросе, и мы приводим здесь оставшийся без изменения латинский текст оригинала, причем многое отсюда упоминалось нами в главе VIII.

По Денсу, духовный отец должен предлагать на исповеди следующие вопросы:

1. Peccant uxores, quae susceptum viri semen ejirunt vel ejicere conantur. (Dens, vol. VII, p. 147).
2. Peccant conjuges mortaliter, si copula incepta, prohibeant seminationem.
3. Si vir jam seminaverit, dubium fit an femina lethaliter peccat, si se retrahat a seminando; aut peccat lethaliter vir non exspectando seminationem uxoris (p. 153).
4. Peccant conjuges inter se circa actum conjugalem. Debet servari modus, sive situs; imo ut non servetur debitum vas, sed copula habeatur in vase praepostero aliquo-que non naturali. Si fiat accedendo a postero, a latere, stando, sedendo, vel si vir sit succumbus (p. 166).
5. Impotentia, est incapacitas perficiendi copulam carnalem perfectam cum seminatione viri in vase se dubito, seu, de se, aptam generationi. Vel, ut si mulier sit nimis arcta respectu unius, non respectu alterius (p. 273).
6. Notatur quod pollutio in mulieribus possit perfici, ita ut semen earum non effluat extra membrum genitale. Indicium istius allegat Billuart, si scilicet mulier sentiat seminis resolutionem cum magno voluptatis sensu, qua completa, passio satiatur (Vol. IV, p. 168).
7. Uxor se accusans in confessione, quod negaverit debitum, interrogator an ex pleno rigore juris sui id petiverit (Vol. VII, p. 168).
8. Confessarius poenitentem, qui confitetur se peccasse cum sacerdote, vel sollicitatam ab eo ad turpia, potest interrogare utrum ille sacerdos sit ejus confessarius, an in confessione sollicitaverit (Vol. IV, p. 294).

Денс в дальнейших своих томах указывает на приличное количество таких же щекотливых вещей, относительно которых, по предложению этого казуиста, должны быть получены ответы от исповедующихся.

Не отстает от него и известный Лигори, который, не скупясь на достаточное количество грязных вопросов, сплошь проникнутых грубым эротизмом, находит нужным и советует на исповеди предлагать следующих два вопроса:

1. Quaerat an sit semper mortale, si vir immittat pudenda in os uxoris...? Venus affirmo, quia in hoc actu ob calorem oris adest proximum periculum pollutionis, et videtur nova species luxuriae contra naturam, dicta irruminatio.
2. Eodem modo Sanchez damnat virum de mortali, qui in actu copulae immitteret digitum in vas praeposterum uxoris: quia, ut ait, in hoc actu adest affectus ad Sodomiara (Uguori, vol. VI. p. 935).

Но перейдем от известного Лигори к другим. Книга знаменитого вормсского епископа Бурхарда также посвящена вопросам на исповеди. Книги этой в настоящее время уже нет. Но

много веков она служила руководящим элементом для римских священников, черпавших в ней неисчислимое количество вопросов. Денс, Лигори, Дебрейн и др. ссылались на нее, как на авторитетный источник для руководства современным священникам. Возьмем отсюда несколько примеров.

а. Для молодых мужчин:

1. Fecisti solus tecum fornicationem, ut quidam facere solent; ita dico ut ipse tuum membrum virile in manum tuam acciperes et sic duceres praeputium tuum, et manu propria commoveres, ut sic per illam delectationem semen projiceres?

2. Fornicationem fecisti cum masculo intra coxas: ite dico, ut tuum virile membrum intra coxas alterius mitteres, et sic agitando semen funderes?

3. Fecisti fornicationem, ut quidam facere solent, ut tuum virile membrum in lignum perforatum aut in aliquod hujus modi mitteres, et sic per illam commotionem et delectationem semen projiceres?

4 Fecisti fornicationem contra naturam. id est, cum masculis vel animalibus coire, id est, cum equa, cum vacca vel asina, vel aliquo animali (Vol. I, p. 136).

б. Для девушек или женщин (то же собрание, стр. 115):

1. Fecisti quod quaedam mulieres solent, quoddam molimen, aut machinamentum in modum virilis membri ad mensuram tuae voluptatis, et illud loco verendorum tuorum aut alterius cum aliquibus ligaturis ut fornicationem faceres cum aliis mulieribus, vel alio eodem instrumento, siue alia tecum?

2. Fecisti quod quaedam mulieres facere solent, ut jam supra dicto molimine, vel alio aliquo machinamento, tu ipsa in te solam faceres fornicationem?

3. Fecisti quod quaedam mulieres facere solent, quando libidinem se vexantem extinguere volunt, quae se conjungunt quasi coire debeant et possint, et conjungunt invicem puerperia sua, et si fricando prurium illarum extinguere desiderant?

4. Fecisti quod quaedam mulieres facere solent, ut cum filio tuo parvulo fornicationem faceres, ita dico ut filium tuum supra turpitudinem tuam poneres, ut sic imitaberis fornicationem?

5. Fecisti quod quaedam mulieres facere solent, ut succumberes aliquo jumento et illud jumentum ad coitum qualicumque posses ingenio ut sic coiret tecum?

Дебрейн посвятил этому же вопросу целый труд, предназначенный для молодых исповедников, причем там добросовестно указаны все виды полового разврата и извращений. (Maechiologie, ou traite de tous les peches contre le sixieme (septieme dans le decalogue) et le neuvieme (dixieme) commandements, ainsi que de toutes les questions de la vie mariee qui s'y rapportent).

Эта книга пользуется большим авторитетом в католической церкви. Мы берем отсюда только два нижеследующих вопроса:

Мужчинам:

Ad cognoscendum an usque ad pollutionem se tetigerint quando tempore et quo fire se tetigerint; an tunc quosdam motus in corpore, experti fuerint, et per quantum temporis spatium: an cessantibus tactibus nihil insolitum et turpe accidit; an non longe majorem in corpore voluptatem perceperint in fine inactum quam in eorum principio; an tunc in fine quando magnam delectationem carnalem senserint, omne motus corporis cessaverint; an non madefacti fuerint? ets., ets.

Девушкам:

Quae sese tetigisse fatentur, an non aliquem prurium extinguere tentaverint, et utrum pruritus ille cessaverit cum magnam senserint voluptatem; an tunc ipsimet tactus cessaverint? ets., ets.

Епископ Бостонский (С. Штаты) преосвященный Коприк среди многочисленных аналогичных указаний предлагает духовным лицам руководствоваться еще и следующими наставлениями:

Uxor, quae in usu matrimonii se vestit, ut non recipiat semen, vel statim post illud acceptum surgis, ut expeliatur, lethaliter peccat; sed opus non est ut diu resupina jaceat, cum matrix brevi semen attrahat et mox arctissime claudatur.

Puellae patienti licet se vertere et sonari, ut non recipiat semen, quod injuria ei immittitur, sed acceptum non licet expellere, quia jam possessionem pacificam habet et baud absque injuria naturae ejiceretur.

Conjuges senes plerumque coeunt absque culpa, licet contingat semen extra vas effundi; id enim per accidens fit ex infirmitate naturae. Quod si vires adeo sint fractae, ut nulla sit seminandi intra vas

spes, jam nequeunt jure conjugii uti. (Vol. III, p. 317).

Такими данными оперирует Хиникви — этот энергичный человек, которому удалось провести реформу воздержания от употребления алкоголя в Канаде. За всю свою продолжительную жизнь он, в качестве передового борца, отстаивал социально-этические реформы в духе христианства. Чрезвычайно полезно ознакомиться в оригинале с его вышеупомянутой книгой, написанной весьма содержательно. Он умер, когда ему было 90 лет.

Я цитировал официальную эротику исповеди по его книге, которую считаю наиболее верным и авторитетным источником. Хиникви не легко было покинуть католическую церковь, а сделал он это лишь после долгих лет душевного страдания и горьких сомнений. Он следующим образом начинает главу книги, о которой мы упоминали:

«С этой главой должны ознакомиться законодатели, отцы и мужья, после чего у нас возникнет вопрос, не должны ли они из уважения к своим матерям, женам и дочерям принять немедленно меры против тайной исповеди. Может ли девушка оставаться чистой в своих помыслах после такого обмена мыслей наедине с холостым мужчиной? Не есть ли это скорее путь к разврату, чем к жизни в браке?»

И это сходит с пера такого духовного лица, которое своими глазами в продолжение нескольких десятков лет имело возможность убедиться в развращающем влиянии тайной исповеди на женщин. Найдется, разумеется, немало людей, более или менее равнодушных в половом отношении, которые столь же безразлично будут относиться к порочной подкладке подобной исповеди. Но для них такая исповедь вовсе и не предназначена!

Я получил много энергичных протестов от католиков в ответ на такое толкование мною этого вопроса; в них Хиникви выставляется, разумеется, в самом скверном свете. Но эти попытки являются не достигающими цели, так как высокая порядочность Хиникви не подлежит никакому сомнению. Можно лишь предположить, что в более культурных странах, чем Канада времен Хиникви, тайная исповедь поставлена несколько осторожнее, причем здесь, может быть, духовник считается с тем, какие именно вопросы предлагать в каждом отдельном случае, и не обязан задавать девушке непристойные вопросы. Однако, ему всюду и везде делать это не возбраняется. Чтобы выяснить истинное положение вещей, я обратился к одной девушке-католичке, которую я знал уже давно, и которая отличалась безусловной честностью, порядочностью и солидностью. Не посвящая ее в причины моих расспросов, я получил в ответ, что исповедник иногда не удовлетворяется сделанными ему сообщениями, но считает долгом задавать еще вопросы от себя. Когда я спросил, касаются ли его вопросы и половых отношений, она ответила, что «главным образом». Я больше не вдавался в подробности. Но это показание, свободное от какого-либо внешнего воздействия, является наиболее характерным.

На почве такого сплетения половой жизни с догматом церкви можно заметить сочетание курьезного жеманства с тайным эротизмом. В некоторых католических монастырских пансионатах (например, монашеские пансионаты в Галиции) воспрещается воспитанницам приводить в чистоту свои половые части, так как это будто бы непристойно! В немецкой Австрии распятия в спальнях у монахинь завешиваются платком, «дабы Христос не узрел их наготы». Но это не мешало женским монастырям в средние века уподобляться домам терпимости, причем под прикрытием религиозного экстаза заведомых обманщиков или же истерически-эротических субъектов (того или другого пола) то и дело совершались половые оргии в самом извращенном виде. Всякий принудительный аскетизм дает всегда в результате извращения, в качестве «грех против природы».

Женщины готтентотов вытягивают у себя свои малые срамные губы. Восток дает нам искусственных евнухов. И при всяком отсутствии какой-либо связи между этими обычаями и религией, все же они освящены соответственной религией и только таким образом вошли в плоть и кровь народа.

Отсылаю к главе VI за аналогичными примерами. Но и из вышеприведенных вполне явствует склонность человека связывать свою эротику с религией, приписывая первой божественные источники и выдавая ее за продукт веления свыше. Половая жизнь принимает на себя, стало-быть, воздействие мистики в качестве догматизированного плода фантазии человека. Знаменательно, что освящение религией касается именно обычаев дурного свойства, между тем как другие обычаи базируются на гигиенических требованиях.

Однако, здесь можно всего правильнее видеть и сферу влияния патологии (см. главу VIII). Должно считаться с тем глубоко мистическим характером, какой в глазах некультурного человека, а особенно дикаря, имеет процесс воспроизведения. Конечно, им чуждо какое бы то ни было представление о зародышевой клетке, о конъюнкции — и зачатия вместе с родами приписывались чуду, воле какого-нибудь доброго или злого божества. К тому же проявление любви вместе с высшей точкой полового побуждения обуславливают собою экстаз, который может дать повод смешивать эротику с экстазом на почве религии.

Краффт-Эбинг подчеркивает это в своем труде о половой психопатии. И, на самом деле, происходит какое-то калейдоскопическое смешение религиозности, поэзии и эротики на почве юношеской, полной томления чувственности. Не свободна от половых представлений и жизнь святых, причем нередко в самой отталкивающей эротической форме. Известны ведь безумные оргии древних, а также и современных нам сект на почве той же религиозной обрядности. Таким образом, происходит какое-то триединое объединение мистики, религиозного экстаза и полового сладострастия, причем чувственность, не получивши удовлетворения, ищет его в религиозных мечтаниях. Вот некоторые примеры, приводимые Краффт-Эбингом из судебной психологии Фридриха (стр. 389).

«Монахиню Бланбекин, таким образом, постоянно мучила мысль о том, куда девалась частица, снятая при обрезании Христа».

«Признанная папой Пием II блаженной Вероника Юлиани, чтобы выразить высшую степень своего благоговения к небесному агнцу, укладывалась в постель с обыкновенным ягненком, которого ласкала, целовала и кормила своей грудью, выделявшей несколько капель молока».

"Внутренний жар часто сжигал св. Екатерину, которая в этих случаях растягивалась на земле и причитывала: «Любовь, о, любовь! больше я не в состоянии!» В эти моменты у нее проявлялась исключительная склонность к ее духовному отцу. Она однажды понюхала его руку, аромат которой проник ей в самое сердце, «аромат, способный своим приятным чувством воскресить мертвых».

"Св. Армелле и св. Елизавете была свойственна страсть в такой же мере по отношению к младенцу Христу. Испытания св. Антония Падуанского общеизвестны. Характерна в этом же смысле сохранившаяся молитва, которая гласила: «О, если бы мне посчастливилось обрести тебя, блаженный Эммануил, если бы ты очутился в моей кровати, какую радостью исполнились бы тогда мое сердце и мое тело! Приди же ко мне, приди, — и сердце мое пусть будет твоим жилищем!»

Отсылаю в дальнейшем к сказанному уже в главе VIII, III, 8. Душевнобольные, особенно женщины, очень часто обнаруживают отвратительное соединение эротизма с религией. Все эти обручения с Христом и пресвятой матерью, с богом или духом святым, на почве полового экстаза и воображаемого совершения полового акта (а на самом деле онанизма), а затем представления о беременности и родах относятся к этой же категории явлений. У французских психиатров мы находим даже специальный термин применительно к такому состоянию: «*deliré erotiko-religieux*». Все эти проявления, между прочим, очень легко увидеть непосредственно, посетив женское отделение психиатрической лечебницы.

Еще в незначительной степени исследовано то чрезвычайно важное исторически установленное обстоятельство, что лица безусловно психопатические и истеричные всегда воздействовали на судьбы народов, причем это могло быть объяснимо, главным образом, гипнотизирующим влиянием представлений на половой и одновременно религиозной почве. Еще в 1906 г. в одной из местностей Венгрии рабочий, душевно-больной и помешанный на религиозных представлениях, но вместе с тем и сексуально извращенный, имел «откровение» и повел за собою большое число женщин. Эта новая община должна была совершенно оголяться и сжигать свои платья в печи, расположенной посреди комнаты. Члены общины с исступленными взорами присматривались к дыму, подымавшемуся от горевших платьев, и в состоянии галлюцинации видели появлявшегося св. духа в сопровождении св. девы и хора ангелов. Девушки объявляли себя невестами Христа. Около десятка из них были признаны душевно-больными. Впрочем, история эта скоро раскрылась. Ко всему этому нужно отнестись достаточно вдумчиво.

Психиатр всегда считается с наличием у каждого душевно-больного известных религиозных или мистических представлений, которые, в силу этих идей, не выходящих из области бреда, воздействовали всегда на нормальных людей, или (да простится мне это выражение) на нормальное человеческое стадо. Характернее всего то, что сами больные находятся прежде всего под патологическим непосредственным влиянием их же собственных бредовых представлений, и притом в столь сильной степени, что вдохновляются до крайней степени, приобретают фанатизм пророков и развивают такую колоссальную энергию, которую единственно и оправдывается их колоссальное воздействие на массы. При этом безответственная самоуверенность, вера в собственную непогрешимость, пророческие приемы — все это настолько импонирует толпе, что она идет вслед за ним, экзальтированная и загипнотизированная, подчиняя свою волю и свои поступки желаниям и прихотям психопата. С безумием в этих случаях весьма часто сочетается и самый низменный эротизм, прикрытый, однако, религиозным экстазом и не обнаруживаемый окружающими, которые убеждены в чистоте всего их окружающего, ибо в этом же убежден и сам увлекший их психопат. У нормального человека чувство всегда главенствует над рассудком. Изображенные же выше личности и воздействуют, главным образом, на чувство, причем главными, непосредственно воздействующими факторами являются молниеносный взор, убийственный тон, но отнюдь не содержание сбивчивых, невнятных речей и непонятных учений. На этой почве и происходят довольно часто все эти увлечения пророками и мессиями небольшого калибра, святыми девами, а также и душевные расстройства, носящие названия инфекционных психозов (*folie adeux trois quatre*). В зависимости от некоторой доли организованности в деятельности пророка, а также от большей или меньшей невежественности его последователей происходит быстрое увеличение числа последних, обуславливая собою возникновение всевозможных сект и общин. Собрания этих сект нередко завершаются половыми оргиями, разумеется, на почве религиозного экстаза. Но у более культурных народов пророческая деятельность такого мессии не успевает пустить глубоких корней, так как его большей частью быстро, в силу необходимости, приходится на некоторое время поместить в психиатрической лечебнице. В наше время такие пророки не останавливаются, благодаря общедоступности печатания, перед печатной пропагандой своего учения (и делают это при худших обстоятельствах даже на свой счет). У меня имеется не малое количество такого рода произведений, полученных мною непосредственно от их авторов. Очевидно, их преследовало опасение, что они будут сочтены за людей ненормальных. В подавляющем большинстве им сделано откровение (по их бредовому представлению) самым богом, причем они уполномочены быть его представителями. Нет недостатка и в сопутствующих эротических элементах. Один психиатр определяет в своем печатном произведении свои половые чувства в качестве «психосексуального контакта через действие на расстоянии!» Другой дал богу наименование I. га. гу. и руководителя планет, которые являются мужскими и женскими существами. С такими проявлениями часто приходится сталкиваться в психиатрии, и они уясняют нам следующее:

В тех случаях, когда данная личность не представляет собою помешанного в окончательной форме, а только так называемого «полупомешанного» или истеричного, причем этот субъект от природы одарен умственно, дело может принять совершенно иной оборот. При наличии у него сильной логики, что встречается нередко в таких случаях, она в связи с бредовыми иллюзиями, способна принять такие формы, которые будут в состоянии воздействовать не на «нормальных только овец», но и на культурных в большей или меньшей степени людей. У данного субъекта, рядом с психологическими односторонними представлениями, могут возникнуть и общечеловеческие возвышенные идеалы. История дает нам примеры таких личностей, которые, таким образом, как выясняется, представляли собою не больше, как патологические натуры. Основным элементом их учения все же являлось сплетение религиозных начал с эротическими представлениями. Такая категория людей и представляет собою переходную ступень от безнадежно психопатических новаторов к гениальным личностям, обладающим, однако, нормальным душевным равновесием. Вообще же есть масса переходных ступеней между умственной ненормальностью, с одной стороны, и гениальностью — с другой, что обуславливает всевозможные толкования иногда противоположного свойства. Если гений и бывает иногда патологической натурой, то это ни в коем случае не дает права на

поспешное заключение, сводящееся к тому, что всякий гениальный оригинальный субъект считается "ненормальным, хотя бы в силу того, что он не считается с шаблонами, не признает рутины и стремится проложить самостоятельные тропы в области мышления. Приведем здесь несколько примеров. Я убежден, что Жанна д'Арк (Орлеанская дева) представляла собою гениальную истеричку, которая находилась под непосредственным воздействием собственных галлюцинаций. Восприняв всеми своими чувствами печальное состояние любимой родины и находясь под властью тайных голосов, являвшихся ей в многочисленных видениях, она — экзальтированная и верующая — повела Францию к успешной войне за освобождение. Обстоятельства ей, в свою очередь, благоприятствовали. С другой стороны, констатируется, что нравственность ее была выше всяких сомнений, причем на допросе инквизиции она рядом с ясным рассудком обнаружила и высоко-этические чувства. Ее любовь могла вылиться в экстатически-религиозное увлечение или же трансформироваться в преклонение перед ее собственной миссией, что вообще свойственно женщинам.

Томас Бекст представляет нам образец того, как могло совершиться внезапное превращение светского человека в аскетическое духовное лицо (разумеется, внешняя причина заключалась в назначении его архиепископом), причем, будучи другом и слугою английского короля, он сделался его энергичным противником. И здесь мы сталкиваемся со случаем самовнушения истерической личности, способного объяснить такие резкие противоположности. Мормонский пророк Смит, без сомнения, соединял религиозные представления с эротизмом, что и сказалось на полигамной организации основанной им секты.

Половые отношения занимали видное место и в учении Магомета, которому не чужды были видения. Апостол Павел был духовидцем, и Паскаль, Руссо, Наполеон не лишены были патологических особенностей в характере, что особенно проявлялось у Руссо в его половой области...

Половой вопрос не соприкасается непосредственно со всеми этими явлениями, но нам желательно было объяснить столь крупное влияние этих людей на людей и на историю. Половые воззрения таких лиц, отличаясь явной несообразностью, все же привлекают внимание, как мы это видим на примере Толстого. Если с такою личностью происходят неожиданные превращения с переходом из одной крайности в другую, то это может быть объяснено только действием внушения или самовнушения у лица с предрасположением к истерии на почве аффектов (см. главу IX).

Некоторые действия истерических людей и душевно-больных вполне определяют их ненормальности и в половом отношении. Не подлежит, например, сомнению, что римские императоры Нерон, Тиверий, Каракалла были садистами, и мучения их многочисленных жертв доставляли им половое наслаждение. История дает нам примеры садисток в лице Валерии Мессалины и Катерины Медичи. Известно, что последняя, прикрываясь религиозными мотивами, была вдохновительницей устройства Варфоломеевской ночи и вкушала удовольствие от созерцания убийства гугенотов.

Мы можем проследить также и наличие мазохизма, представляющего основу полового мирозерцания данной личности, возвышающейся над средним человеческим уровнем (Руссо), или же всевозможных сект, как факиры, флагелянты и т. д.

Мы можем, стало-быть, в зависимости от половых чувств данного пророка или основателя религиозного учения, определить и его религиозное нововведение, а также и базирующееся на нем нравственное учение. Обнаруживается поэтому нередко, что индивидуально различные чувствования должны подчиниться таким установленным деспотическим догмам, которые истязают в продолжение многих веков людей, чувства которых настроены совершенно иначе.

В каждой из религий обнаруживается идеализированный эротизм, или же идеализм, обвешанный эротизмом. Соломоновская Песнь Песней, подобно другим религиозным объектам, предварительно являлась светским творением, будучи и оставшись произведением чисто эротического характера, хотя ее и умудрились превратить в аллегорию Христа и христианской церкви. Известна пародия Гейне на Песнь Песней, написанная в едкой, но фривольной форме. Что касается строгих аскетов, неуклонно стремящихся к «умерщвлению плоти», то здесь нередко имеет место самое безобразное лицемерие. Таким образом, духовные лица, энергично проповедующие высшей формы аскетизм, оказываются в интимной жизни своей грязнейшими

развратниками. Осуждению тут не должно быть места, так как сила страсти слишком велика, а ярмо догмы слишком тяжело, чтобы человек всегда был в состоянии не считаться с такими двумя факторами, действующими в одном направлении. Разумеется, должна быть принята во внимание и возможность душевной ненормальности. Половая жизнь лишь выиграет в свете науки, так как не будет больше места лицемерию у людей, здоровых духом, люди же ненормальные скорее будут доступны для детального изучения.

Обращаясь к гражданской жизни, мы и здесь часто видим сплетение религии с половыми представлениями и проявлениями, выражающееся, например в религиозной брачной обрядности, свойственной многим народам. Нередко религиозная мечтательность, появившаяся более или менее неожиданно, служит прямым следствием разочарования в любви или любовной неудачи. Религиозность мы разумеем здесь, конечно, в наиболее страстном ее проявлении, всепоглощающую и в се удовлетворяющую, а не ту будничную религию, которая отдыхает все дни недели и лишь по воскресным и праздничным дням выползает наружу вместе с праздничным нарядом и настроением. Такова, впрочем, в настоящем религия многих, в отличие от того пламенного религиозного чувства, которое составляет ныне удел ограниченного меньшинства и которое, по всем признакам, доминировало в сердцах людей в прежние времена.

Есть масса указаний на то, что мечтательные чувства симпатии в наиболее сильном их проявлении, послужившие первоисточником для религии, а также внешние выражения экстаза, имеют в своей основе эротизм в той или иной форме или составляют его трансформацию. И такое проявление может происходить совершенно безотчетно, на основе чистейших стремлений. Однако, не следует думать, что этим только источником и исчерпывается возникновение истинного религиозного чувства.

Но религиозные чувства уже в христианстве, и особенно католицизме, при ближайшем ознакомлении, оказываются как бы сплетенными с эротизмом. Припомним мечтательное обожание Христа св. девами (Мария Магдалина, Мария из Вифании), святые легенды средневековые, а также отражение их в искусстве. Во всех картинных галереях мадонны изображены со взором, в экстазе устремленным на Христа или на небо. У Мурильо выражение его «Immaculata conceptio» столь же не чуждо высшего проявления любовного восторга, как и религиозного экстаза. У Корреджио «святые» созерцают святую деву с выражением в глазах только условно небесным, но на самом деле удивительно земным и человеческим.

Всякие секты, независимо от времени их происхождения, являются в большей или меньшей степени чувственными. Здесь можно привести былую половую распущенность перекрещенцев (анабаптистов) и современное половое восторженное состояние нравов Америки. Могут указать мне, что секты представляют собою патологические наросты на религии. Но на это возражу словами сектантов, которые заявляют: «наше возникновение явилось прямым следствием безразличия, охватившего вашу государственную религию, и лицемерия, с сухой буквою текста, не способных уже влиять на человеческое сердце. Мы являемся вестниками пробуждения, и на нас лежит обновление человечества». Сила религиозного внушения и заключается именно в таких данных. Я лично наблюдал в кантоне Цюрих последовательниц секты пастора Целлера в Меннедорфе. Пастор этот олицетворяет собою род пророка, берущего на себя излечение больных и силящегося подражать Христу и Иоанну Крестителю. Благоприятные случаи действительного исцеления, легко объясняемые внушением, он, однако, ставит в связь с чудом и в хрустении кости какого-нибудь перелома, как он объясняет, проводит исцеление. Истерические женщины массою окружали этого пророка, причем личность его, как таковая, заключала для них главные мотивы обаяния. Бывшие у меня на лечении в больнице некоторые из его поклонниц в восторженных отзывах о нем исходили исключительно из плотских побуждений. Приходится вообще сделать вывод, что отречение человека от своей природы и стремление к чистой святости нередко дают в результате одну только грубую чувственность, хотя и прикрывающуюся возвышенными фразами.

У швейцарского поэта Готфрида Келлера мы находим великолепно использованные мотивы эротизма на религиозной почве, между прочим, в его семи легендах. В его «Dorotheas Blumenkorbchen», например, жених Доротеи ревнует ее к жениху небесному, о котором она

бесперывно упоминает. Она в красивых выражениях представляет те ласки и любовь, которую окружает ее жених на небесах, прижимающий ее к своей любящей груди и преподносящий ей розу вечной жизни. Когда ее, по приказанию штатгальтера, подвергают пытке, растянув на железной решетке, под которою разгораются угли, она начинает испытывать мучительную боль. И в это время к ней устремляется ее земной жених с печальным возгласом: «ты страдаешь, Доротея». В этот момент Доротея как бы перерождается и с просветленным взглядом отвечает: «О, нет! как могу я страдать, когда я вся на розах моего жениха! Сегодня ведь наша свадьба!» Келлер указал здесь на влияние экстаза (гл. XVIII), обусловившее полную нечувствительность (анэстезию), наблюдавшуюся у многих мучеников.

У Гете мы тоже находим изображение эротически-религиозного экстаза. Это можно, между прочим, встретить в мистически-эротических обращениях анахоретов в последней сцене второй части Фауста:

Pater extaticus

(возносясь и опускаясь):

Вечный восторг живой,
 Пламя любви святой,
 Муки кипучей сласть
 Пенная божья страсть!
 Пусть я сгорю во прах,
 Пусть я сгнию в цепях;
 Бей меня на смерть, гром,
 Рухни, скала, кругом, —
 Плоть мою, тлен страстей,
 Всю умертви!
 Пусть лишь горит ясней
 Семя любви!

Doktor Marianu

(восхищенно):

О, владычица, молю:
 В шири неба синей.
 Соизволь, что я твою
 Тайну видел ныне!
 Соизволь, чтобы восторг,
 Крепкий в сердце мужа,
 Пред тобою я исторг,
 Вырвавши наружу!
 Крепки мы безмерно там,
 Где ты управляешь,
 И ты пламень сердца нам,
 Кротостью смиряешь.
 Мать, во славе без конца,
 Чистая девица,
 Богоравная, Творца
 Милостью царица!
 Пороку недоступная.
 Ты внемлешь с снисхождением,
 Когда душа преступная
 Приходит с сокрушением,
 Когда б не так, — падение
 Кого б не погубило?

И кто б достиг спасения
 Одной своею силою?
 Где те стопы, что устоят
 Или скользить не станут?
 А нежной лестию чей взгляд
 И слух чей не обманут?

Magna pectatrix
 (St. Lucae VII, 36).

Ради всей любви смиренной,
 У господних ног явленной,
 Ради слез, пролитых мной,
 Ради смешанных с слезой
 Мира струй благоуханных,
 Ради кос моих густых.
 Миро стерших с ног святых, —

Chorus mysticus:

Лишь женственность вечная
 Нас к небу подьмет!

Как я уже говорил, отсюда вовсе не следует, что религия зиждилась исключительно на половых чувствах, так как такой взгляд был бы в такой же мере односторонен, как и неверен. Происхождение религии базировалось, между прочим, еще и на необъяснимой загадке смерти и бытия, на ощущении бессилия, на утешении в горестях существования, на бессмертии души и пр. Но все же в религиозных традициях и внешней показной стороне весьма крупную роль играли эти эротически-половые основы, действовавшие возбуждающе не только на твердо верующего, но и на вновь посвященного.

(Можно сравнить, например, нижеследующее поэтическое излияние:

Возьми меня, собаку, за ухо,
 Брось мне кость милости
 И швырни меня, греховного болвана,
 На небо всепрощенья!

(Из книги песен Гернгутера).

Не содержа в себе ничего сексуального, это отталкивающее самоунижение напоминает нечто мазохистское, Оно в состоянии, во всяком случае, возбудить в мазохисте плотские вожделения и гипнотически повлиять на слабохарактерного).

Науке во всей ее чистоте и полноте и предстоит освободить половые отношения от ярма религиозной тирании и дать им их естественное место наряду с человеческой этикой.

Не отрицаю известного воздействия на чувства человека той религии, которая базируется на вере в откровение, на бессмертии души и на представлении о «рае для достойных» и «аде для грешных». И на самом деле, перспектива вечных мук в загробной жизни действует пугающе на многие слабые натуры, которые стараются взять себя в руки и согласовать свои поступки, поскольку возможно, с велениями нравственности. Если уверенность в том, что земная жизнь есть лишь подготовка к загробной жизни, достаточно сильна, то это, в свою очередь, может послужить источником многих похвальных и самоотверженных поступков. Но на этой вере одновременно основываются и продукты невежества, и слепой фанатизм, и нетерпимость, и тупая враждебность к законам человеческой этики? Должны ли мы строить жизнь человеческого общества на фата-моргана, на пустых мечтаниях и галлюцинациях мнимых продуктов и служителей божьих, большей частью невежественных, развратных и

честолюбивых, с легким сердцем создававших свое собственное благополучие на велениях божества! Мы твердо говорим: «Нет!»! Всемогущество вселенной вовсе не нуждается во всех этих непонятных и старых легендах, чтобы предстать перед сознанием человека, когда оно может это сделать при ослепительном сиянии дня. И единственно мы имеем достаточно твердое представление о человеческой этике, которая пусть и послужит для нас основной и руководящей частью религии.

В своем месте мы пришли к заключению, что в животном царстве чувства симпатии представляют собою филогенетические отклики первоначального их проявления, в виде чувств полового стремления. Аналогично мы видим, что и у людей чувство любви, не получившей взаимности или же потерявшей надежду, отчаивающейся и страдающей, находит себе исход в экстазе религиозности. Нас интересует вопрос, является ли такая последовательность неизбежным ходом вещей, или же тут может иметь место замещение этого чувства объектом общечеловеческого характера, без участия мистических начал. Если мы будем считаться с тем, что крайняя религиозность не всегда совпадает с чувственной любовью, то элементы человеческого возмущения тут, очевидно, будут уже налицо. При отрицательном же выводе, все же можно констатировать достаточное количество чисто человеческих идеалов, которые смогут переродиться в «религиозные», с таким же правом, как и мистика божественного откровения. Христианство носит название «религии любви», а апостол Павел ставит выше веры любовь к ближнему. Но ведь и любовь к ближнему может быть рассматриваема в качестве синтеза социальных чувств симпатии как к современному, так и грядущему человечеству? Разве она не может найти себе иного основания, кроме документа, стоимость которого покрывается райскими перспективами? И разве святость, иллюзии, экстаз не могут найти себе применения в более благородной и одухотворенной форме во имя общественных идеалов и будущих благ нашего потомства? И не представляется ли возможности на месте культа предков и прославления библейских сказаний воздвигнуть религию счастья наших преемников? Религиозный экстаз любви может быть, на самом деле, по моему мнению, использован в интересах общественного блага. Фанатизм, в нем заключающийся, обладает значительной энергией, способностью сдвинуть с места человеческую инертность. Но эта сила не должна быть предназначена для поддержания фантастических представлений, а для насаждения общечеловеческой религии любви в пределах нашего земного существования.

Глава XIII

Право в половой жизни

А. Общие понятия о праве.

Человеческое представление о праве является довольно своеобразным. Всякий считает долгом кричать о праве и свободе, но при этом имеет в виду лишь самого себя, не обращая внимания на то, что в интересах осуществления своих собственных «неотъемлемых» прав он ежеминутно посягает на чужие права. Свобода и право столь же красиво звучат, как понятия, сколько и непримиримы в практической жизни. Мое право на свободу в моем представлении, в смысле всестороннего проявления моего "я" в связи с моими чувствами, — есть нечто невозможное, т. е. неосуществимое без того, чтобы не нарушить прав и свободы всякого мне равного. Но люди не устают, тем не менее, распространяться в высокопарных выражениях на ту же тему, клеймят презрением и осуждают существующие общественные установления, подчеркивают отрицательные качества окружающих, но пасуют перед практической оценкой противоречий, обусловливаемых скрытым в них самих стремлением к свободе. Во всем этом следует видеть проявление инстинктивного, филогенетического чувства недовольства и протеста со стороны унаследованной нами и сильной еще в нас зверской породы, не удовлетворяющейся обязательным игом общественной жизни и не перестающей искать удовлетворения в безграничном просторе по лицу всей земли, уже достаточно тесной для человеческого рода.

Человеку, таким образом, свойственно желание расширить свободу своего "я" вне тех ограничений, которым он обязан подчиниться в силу социальной необходимости. Его природа еще довольно близка к природе животного, полукочевого, отчасти семейного, любящего охоту и власть, имеющего немало эгоистических потребностей наслаждения. И теперь в пределах отведенного ему пространства, он ежеминутно натывается на себе подобных и на такие же стремления и вождения, которые свойственны ему самому, и которые поработают его собственное "я". На этом и базируется его вопль протеста, который, однако, является необходимым в интересах выработки соответствующей формулы социального освобождения и применения ее в жизни. Эта нужда особенно сильно дает себя чувствовать в половом вопросе.

Что же тогда представляет собою человеческое право? Раньше, чем остановиться на формально установленных данных, мы подразделим собственно право с точки зрения психологической и общечеловеческой на две категории обособленных понятий: естественное право и право обычное.

Естественное право. Под ним мы разумеем относительное представление, а именно: право на существование и вытекающие из него условия. Но в зависимости от того, что на созданной, как полагают, божеством земле существование одной твари обуславливается гибелью других, то наиболее древним естественным правом каждого живого индивидуума является право пожирать другой индивидуум. В этом и заключается право сильного, причем абсолютное естественное право и представляет собою право сильного.

Мы займемся, однако, понятием об относительном естественном праве. Сюда относятся лишь определенные группы живых существ, причем и относительность эта двойная. В зависимости от этого понятия определенная группа индивидуумов берет себе право нарушать как угодно права других групп, но у нее уже создаются и известные обязанности каждого из индивидуумов по отношению к остальным членам той же группы, причем права этих последних охраняются им, как и свои собственные. Групповое право, стало-быть, представляет собою социальные права и обязанности. Наиболее совершенную организацию группового права у животных мы видим у муравьев. Здесь каждый участник группы (муравьиной колонии) может уничтожать и обижать все, не имеющее отношения к его собственной колонии (группе). В пределах своей же группы ему полагается корм, жилище, при праве на удовлетворение всех свои индивидуальных потребностей, но зато он обязан участвовать как в созидательной, непрерывной работе, так и борьбе, конечной целью которых является сохранение жилья, добывание корма, воспроизведение и защита от какого угодно воздействия со стороны внешнего мира. Все эти права и обязанности здесь стали вполне инстинктивными и, стало-быть, обуславливаемыми естественной организацией муравьев, независимо от воздействия каких-либо законодательных установлений. Здесь же не будет места и воплю обиды человеческого хищного зверя, в виду инстинктивности и сопряженного с чувством удовлетворения исполнения этих обязанностей. Если бы единичный муравей пожелал бы ничего не делать или только наслаждаться, то никто не стал бы его неволить, но у него этих желаний вовсе и не является. Только на почве такого социального самопожертвования и могло возникнуть общество муравьев, которое немедленно разрушилось бы при отсутствии такового.

Что же касается представления о естественном групповом праве у человека, то здесь мы сталкиваемся с значительностью и трудностью их возникновения. Впервые инстинктивное человеческое групповое право распространяется только на его семью и окружающую его среду, хотя и здесь уже имеется масса оговорок. Начинаются раздоры между членами брака и семьи, между братьями и сестрами, родителями и детьми, завершающиеся нередко отцеубийством, братоубийством и детоубийством. Если же выйти из пределов ограниченного круга семьи, то ведь и в настоящее время между отдельными личностями практикуются в самых широких размерах обман, воровство и еще худшие проявления зверского инстинкта, на почве же классовый борьбы допускаются не менее отвратительные злоупотребления... Частные интересы, стало-быть, всюду и везде берут верх над общечеловеческими. Мы видим, таким образом, торжество хищника в природе человека, при весьма слабом развитии инстинкта общественности в его мозгу. И если мы все-таки считаемся с наличием человеческих обществ, то происхождением последние обязаны почти исключительно навыку, но отнюдь не природным человеческим свойствам. В примитивные времена такие групповые единицы

состояли из маленьких общин, которые с своей точки зрения на все остальное человечество и весь мир смотрели, как на добычу. Наличие каннибализма подтверждает, что хищность была в более значительной степени свойственна первобытному человеку, чем его обезьяноподобному прародителю. Но общества объединились, причем сильные проглатывали более слабые, вкушена была сладость причинения страдания другим на почве властолюбия, и, наконец, пришлось считаться с ограниченностью всей земной поверхности. Тогда и создано представление о человечности, о правах личности: «*Homo sum et nihil humani a me alienum puto*» (я человек, и ничто человеческое мне не чуждо).

Можно отсюда заключить, что должна рассчитывать с течением времени на последовательное развитие относительность группового права у человека, вплоть до того момента, когда она станет достоянием всего человечества. С другой стороны, представляется довольно трудным установить понятие о человечестве, обнаруживающем способности к социальному образованию или цивилизации. Пропасть между высшими представителями человечества и низшими обезьянами чрезвычайно велика, и ни в каком случае не может быть переброшен мост для ныне живущих существ. Мы, однако, стали приходить к последовательному признанию за животными, близко стоящими к человеку, права на жизнь, но вместе с тем пришли к заключению, что есть некоторое количество современных человеческих рас (акка, ведды, негры), ни в каком случае негодных к усвоению нашей культуры. И настанет момент, когда придется выбирать между этими низшими расами и существованием нашим и нашей культуры. Мы не будем здесь останавливаться над проведением границы человеческой культуры или определением начала относительного группового права; мы не будем здесь задаваться вопросом, в каких именно пределах заключаются обязанности культурного человека по отношению ко всему миру остальных живых существ, в каких размерах ему предоставляется извлекать из них пользу, применять для работы, употреблять в пищу и даже истреблять, если это будет сопряжено с запросами его собственного существования. Этот вопрос почти решен применительно к растительному миру и к миру животных, ниже оранг-уаида. Что же касается людей и таких племен, которые расовыми отличиями стоят значительно ниже нас, то здесь трудно сказать что-нибудь в окончательной форме. Здесь необходимо считаться с этим расовым различием, так как, вне всякого сомнения, в интересах культурных рас развиваться в мирном соседстве, а не тратить энергию на взаимное истребление. Люди чувствительные не простили бы нам вышеизложенного мнения без этой научной оговорки. Мы не будем брать примера со страуса, прячущего голову в песок, а смело посмотрим грядущему в лицо, так как это единственный путь для приведения в исполнение полезного и хорошего. И тогда мы придем к заключению, что естественное право человека будет постепенно видоизменяться, превращаясь в комплекс социальных прав и обязанностей применительно к единой объединенной группе, которую будем называть культурным человечеством, и границы которой будут последовательно определяться практическим путем. Считаюсь, однако, с такой точкой зрения, естественное право не так скоро еще будет усвоено даже культурным человеком, носящим в себе инстинкты дикого зверя. Мы будем, поэтому, откровенны, если скажем, что «естественным» это право может быть названо лишь весьма условно.

Человеческое социальное право носит в себе элементы искусственности, причем на долю естественности приходится лишь ограниченное количество первоначальных прав и обязанностей, преимущественно в половой области. Сюда относятся инстинкты, в силу которых свойственно стремиться к сохранению семьи и ее защите. Мы отнесем сюда и право на существование, на труд и обязанность трудиться, а также право ребенка на вскармливание его матерью, на воспитание и защиту родителями, которым кормление детей вменяется в обязанность, а также обязанности мужа по отношению к жене, право на добывание пищи, удовлетворение полового стремления и т. д.

Можно насчитать еще целый ряд таких же групповых прав, которые, в силу своей необходимости, носят тот же термин «естественных». Сюда относится право владения жилищем, защиты своего существования от чужого посягательства, право мыслить по собственному своему усмотрению, однако, без навязывания своих мыслей чужим, а также обязанность относиться с уважением к жизни и собственности чужого, принимая на себя заботу

о нравственном и физическом воспитании юношества и т. д.

С другой стороны, если исходить из беспристрастного взгляда на вещи, возникает спорность таких общеизвестных прав и обязанностей, которые по настоящее время принимались за непреложные и, в силу этого, естественные. Мы имеем здесь в виду права и обязанности, связанные с церковью, религией, отечеством и национальностью, а также права военные и т. д. Относясь беспристрастно к вопросу человеческого развития, мы должны констатировать, что последние права и обязанности являются лишь историческими насильственными приобретениями ограниченных, искусственных человеческих групп. Здесь, очевидно, дело сводилось к совместной защите национальных и религиозных установлений, а также и к покорению других человеческих групп с целью использования их, что и обусловило такого рода относительные права и обязанности. В связи с этим, мы и подходим к следующей категории правовых представлений.

Обычное право. Это право, если рассуждать строго, вовсе не право. Под ним мы должны понимать объединение всех возможных и даже невозможных обычаев, благоприобретенных людьми в зависимости от местных и случайных отношений и освященных одной общей догмой. В состав его вошли такие неустойчивые понятия, как естественное право сильного, мистический элемент, страсти человеческие во всех их проявлениях и в большем размере половое стремление. Нелепость и необоснованность обычного права всего лучше иллюстрируется иногда различиями или же прямою противоположностью параллельных правовых представлений у различных народов. В то время, когда в одном месте многоженство является правом и установлением свыше, оно в другом будет преступлением. Таким же преступлением считается и единичное убийство, в то время как массовые истребления людей на войне возводятся в добродетель. То же можно сказать и относительно воровства и грабежей, преступных в мирном состоянии людей и считающихся честным осуществлением прав победителя. При монархическом образе правления преступным считается оскорбление величества, но стремление к единовластию в демократическом государстве, наоборот, строго наказуемо. Католику вменяется в обязанность, когда он это найдет нужным, прибегнуть ко лжи и *reservatio mentalis*, но строго воспрещается призывать имя бога, клясться религией при заведомой лжи. И одновременно, вне последней клятвы, всякая иная ложь считается не больше, как дурным делом или грехом, или чем-то недостойным (пусть слова твои будут «да», «да» и «нет», «нет»).

Как недуг злой, из рода в род
Свои права, узаконения
Упорно ряд веков несет
Одно другому поколенью.
Исчезнет мудрость, встанет зло...
И горе вам, рожденным ныне!
Чтоб право юное пришло,
О том не слышно и в помине!...

(Мефистофель в «Фаусте» Гете).

Обычное право различных народов изобилует многочисленными противоположностями, отсутствием последовательности, ненормальностью и деспотией, но не дальше ушли и мы с нашими обычными правовыми представлениями, исходящими из римского права.

Вслед за правом сильного человечество последовательно усваивало и новые правовые представления, причем во главе угла ставилось право воздаяния или мести, так называемый закон Линча, который гласит: «Око за око и зуб за зуб». Такое право мести следует считать вполне «естественным», вполне человеческим, правда, исходящим из полуживотного инстинкта, но благотворным в том смысле, что в первобытной форме и независимо от внутренних побуждений создается основа для равноправия людей в том случае, когда нарушены их интересы. Древнее право дает, однако, еще и другое представление искупления, обусловленное религиозной мистикой. Человек, благодаря свойственному ему чувству страха,

взвалил на себя божество, которое воображение его наделило всевозможными человеческими страстями, приписав ему способность возмущаться человеческими дурными поступками и свойствами. Благодаря этому человек решил для снискания расположения божества умиротворять его человеческими жертвами, причем на первых порах объектами являлись не непременно преступные элементы, а большею частью несчастные и ни в чем неповинные люди, подвергшиеся пыткам и приносившиеся в жертву лишь с одной целью успокоить вышедшее из состояния равновесия божество. Впоследствии этот обычай проникся некоторой гуманностью среды, причем возникло представление о возможности искупления. Таким образом, преступление искупалось соответствующим наказанием, — вплоть до смертной казни. Что касается современного уголовного права, то и оно в свою очередь смешивает такие два понятия, как искупление и возмездие, причем мы встречаемся с квалификацией преступлений, как направленных против божества или религии и в зависимости от этого подлежащих искуплению и наказанию. Здесь замечательно это смешение религиозных и правовых представлений.

Благодаря положению божества путем принесения в жертву животных и других даров, практикуемое многими дикими народами в виде благодарности, просьбы и по другим причинам, должно считать, в меньшей мере, странным. По-видимому, предполагалось удовлетворение вожеланий божества, которые люди антропоморфически ему приписывали.

Но все же уже в древности идеал права представлялся Фемидой, богиней правосудия, изображавшейся с повязкой на глазах и весами в руках. Назначение весов было, очевидно, символическое, для указания необходимости точного взвешивания права и нарушения его в каждом отдельном случае. Что касается повязки, то и здесь ею указывалось на беспристрастный образ действий судьи. В связи с господствовавшими в те времена представлениями о наказании и искуплении, такое символическое изображение женщины с весами было достаточно точным олицетворением права. Умы людей тогда еще не занимали такие понятия, как психология человеческой природы, душевные расстройства, связанные с уменьшением вменяемости, а также высшие общественные идеалы. Тот судья считался недостойным, который за вознаграждение подвергал наказанию невинного, освободив виновного от ответственности. В этом случае Фемиды освобождалась от повязки и пристрастно, но без трудности, надавливала на ту чашку, которую желательно было спустить. Но это не мешало слепой Фемиде быть безусловно непартийной, в каком-то отношении она и в настоящее время заслуживает уважения. Положение Фемиды значительно осложнилось в наши дни, благодаря успехам гуманности и знаний, а также психологии и психиатрии. И здесь она иногда освобождается от повязки, но отнюдь не в партийных интересах, а во имя справедливости, чтобы отчетливо составить себе мнение о людях. На первом плане уже не вопрос о том, совершен ли обвиняемым данный проступок, но является необходимым считаться с побуждениями и окружающими обстоятельствами. Человеческий мозг атакуется со всех сторон алкоголем, душевными аномальностями, воздействием внушения, страстями в такой степени, что часто возникает вопрос о вменяемости. К тому же является большое сомнение в том, насколько человеку свойственны свободный выбор и абсолютная свобода воли, которые считались непреложными с точки зрения устаревшего уголовного правосудия. Мы пойдем дальше и назовем такой взгляд на вещи полной иллюзией, обусловленной тем обстоятельством, что нам не свойственно сознавать отдаленное побуждение наших проступков, остающихся вне нашего сознания и поэтому нам неизвестных. Это было сформулировано еще великим Спинозой и всесторонне подтверждается современной наукой. Если предположить, что всякий поступок вызывается соответственной причиной, то и, естественно, наши заключения также будут находиться в прямой функции от деятельности нашего мозга, которые, в свою очередь, обусловлены будут унаследованными и усвоенными энграммами в качестве внутренних, сочетавшихся с внешними, причин. И если мы придем к заключению, что старая истина о свободе человеческой воли есть ложь в самой основе, причем эта воля представит собою видоизменяющуюся способность нашего мозга приспособлять свои функции к окружающей обстановке и людям (обществу); если мы будем считаться с тем, что воля наша находится в непосредственной зависимости от сочетания наследственных энергий (характера) с теми из них, которые действовали на нас во всю нашу жизнь, вместе с воздействием чувства рассматриваемого

момента, — то право, как таковое, и, между прочим, уголовное право предстанут перед нами в совершенно ином свете. Исчезнет представление о возмездии, являющемся варварским пережитком животных чувств мести, в сфере которых жили наши предки; исчезнет и искупление, как продукт дряхлого и мистического суеверия. Юридическая реформа в настоящее время это уже имеет в виду. Мы можем считаться, в связи с вышесказанным, еще с двумя основными причинами, дающими возможность оправдать существование права:

1) Обеспечение безопасности человеческого общества препятствием, воздвигаемым преступнику, в его дальнейшей вредоносной деятельности, причем определенное установление и законы предусматривают интересы общества, имея целью предоставление людям наиболее удобных и естественных условий существования.

2) Ознакомление с мотивами преступления и изучения всех различий между представителями сословий, в интересах усовершенствования людей и улучшения их общественного положения.

Здесь, как мы видим, в основу положено совершенное видоизменение тех правдивых представлений, которые не только достались нам в виде дряхлых форм, но и принадлежат современным гражданским правовым представлениям. Это видоизменение частью уже приводится в исполнение, причем изъято будет право из когтистых объятий одряхлевшей метафизически-религиозной догматики и в дальнейшем будет считаться лишь с прикладными естественными знаниями, определяющими личность человека, которому, между прочим, тогда лишь по справедливости и присвоена будет характеристика Линнея: «*Homo sapiens*». Прошла пора, когда юридика захлебывалась в прикладной метафизике, базируясь на варварских обычаях, суеверии и мистике, возведенных в догму. Пусть Фемида освободится от своей повязки, усвоит психологию и научные знания и начнет функционировать, не считаясь ни с партиями, ни с трудностью работы, но исходя лишь из основ человеческой справедливости.

Великий современный профессор уголовного права Ф. фон-Лист, который, как известно, обосновывается на естественно-научной почве, все же считается с тем, что наше общество, погрязшее в омуте предрассудков, должно лишь последовательно подготавливаться к такому положению вещей. В новейшее время известный юрист д-р Эрих Вульфен выпустил в свет сочинение: «*Psychologie des Verbrechers*», 1908, которое он заключает следующими словами: "Словом, повсюду и везде знаки и чудеса! Известный вопрос профессора Биркмейера, в Мюнхене, знатока классической уголовной школы: «Что ж тогда ф.-Лист оставляет от современного уголовного права? Этот вопрос отпадает сам собою. От современного уголовного права, если все указания не ошибочны, в будущем ничего не останется».

К выводам этого сочинения, заключающего в себе свыше 1000 страниц, я должен целиком присоединиться, так как я давно уже высказался в этом же духе. «Почему, когда и где заключают людей в дома для умалишенных? Сумасшествие, закон, мораль и карательные установления», в отчете цюрихского общества оказания помощи душевно-больным, за 1884 г. — и затем: *Ueber die Zurechnungsfähigkeit des normalen Menschen*, München, 1901.

Если половые чувства обуславливают наиболее сокровенные и священные данные для индивидуального счастья, то в такой же мере они находятся в тесной связи с общественным благополучием человека. В этой сфере представляется чрезвычайно затруднительным достаточно стройное сочетание общего блага с интересами отдельного лица, вследствие чего половые правоотношения меньше всего поддаются исследованию. Мы уже указывали на удовлетворение полового стремления личности, как на его естественное право, что и подтверждается выводом науки. Но в жизни это положение является очень часто роковым, ибо удовлетворение полового стремления не только непосредственно затрагивает других людей, но может отразиться и на большом количестве третьих лиц, причиняя больше вреда, чем удовольствия. Это зависит, главным образом, от воспроизведения, без наличия которого возможно было бы гармоническое сочетание индивидуализма с социализмом. Успешно сделав уже некоторые крупные культурные завоевания, современное нам право все же склонно еще основываться на варварском мнении о неравенстве полов в правовом отношении. Не отрицаем, что качественно душа мужчины и душа женщины все же различаются между собою. Но при отсутствии в нашем обществе бесполой индивидуумов, когда представители обоих полов должны совместно работать на социальной почве, никакие соображения не могут послужить в

пользу необходимости подчинения в правовом смысле одного пола другому. Даже считаясь с тем, что мозг мужчины тяжелее мозга женщины на 130 или 150 граммов, причем он изобретательнее и утонченнее, все же нельзя видеть в этом разумных данных для мужчины урезывать, сравнительно со своими собственными, социальные права своей половой подруги жизни или своей матери. Его ведь не пугают какие бы ни было приемы захвата со стороны женщины, так как он располагает превосходящею физической силой. На первом плане, поэтому, социальное уравнение прав обоих полов. Дети перестают в дальнейшем рассматриваться, как мы это наблюдали до сих пор (см. главу VI), в качестве собственности или полезных вещей. К этому и сводятся основные понятия в естественном половом праве. Животным совершенно чужды те злоупотребления, какие практикует человек применительно к своей семье. Мы рассмотрим теперь более специальные положения.

Б. Гражданское право и его аналогии (кроме уголовного права).

Гражданское право, вместе с государственным и общинным, имеет своим специальным назначением установление равновесия во взаимоотношениях людей. В его функции не входит наказание, в смысле искупления, и его не касается преступление, как таковое. Оно стремится установить социальную основу для регулирования взаимных договоров и обязательств, но оно соприкасается с уголовным правом в зависимости от представления о гражданском возмещении убытков и применении, в случае необходимости, административных принудительных мер. Это право в большей степени исходит из естественных соображений и имеет более тесное общение с потребностями и социальными условиями человека, — однако, и оно не свободно от влияния религиозной мистики и скверных обычаев, встречающихся в нем довольно часто. Мы, на этот раз, желаем разобраться, применительно к нашему вопросу, в том, что имеется налицо, и что является предметом желания. Впрочем, подробности законодательного свойства не будут здесь служить предметом наших рассуждений, ибо я не располагаю для этого достаточными сведениями специалиста, да и к тому же мы совершенно отвлеклись бы от нашей темы.

Брак и половые отношения, как таковые. Отсылаю к тому, что было уже приведено нами в главах VI, VIII, X, XI и XII, а также прошу считаться с изложенным в предыдущих главах. Совершение полового акта двумя индивидуумами, свободно на это решившимися и не причиняющими при этом никакого урона третьему лицу, должно рассматриваться в качестве частного дела, столь же обычного, как рукопожатие или поцелуй, и, во всяком случае, ничего общего не имеющего ни с гражданским, ни с уголовным правом. Этот принцип является непреложным, хотя в настоящее время он и подвергается всевозможным стеснениям. Ограничение индивидуальной свободы может быть тогда лишь предоставлено обществу, когда приведение в исполнение этой свободы сопряжено с нанесением ущерба кому-либо из его членов. Но свободное совершение полового акта людьми взрослыми и вменяемыми, поскольку он не сопряжен с дальнейшими результатами, не приносит никакого вреда ни обществу, ни отдельным его членам.

Однако, в практике права встречалось упорное противодействие этому взгляду. У многих народов, преимущественно у германских, конкубинат, или совершение полового акта вне брака, наказывается. Если же его и терпят, то, во всяком случае, относясь к нему недоброжелательно, причем женщина и дети являются здесь жертвами искупления. Несмотря на то, что приведенные нами раньше предписания католической религии в изложении Лигори, касающиеся подробностей совершения полового акта, и являют собою не больше, как предписания церкви, но все же их влияние на отношение в католическом браке довольно велико.

Что касается гражданского права, то совершение полового акта признается им исключительно в форме брака. Но последовательное видоизменение брака от полигамии (полигинии в узком значении) через моногамию к полиандрии и от кратковременного брака до обязательного соединения на всю жизнь (у католиков) или вплоть до практиковавшегося в Индии обычая, когда жена следовала в могилу за мужем, — было уже изложено нами в главе VI. Религиозные предания (сами являющиеся последствием варварских обычаев) занимают наиболее видное место в брачном праве, чем и объясняются те невероятные усилия, с которыми

принцип гражданского брака обеспечил себе право на существование в большинстве культурных стран. И в настоящее время церковный брак является единственной формой, господствуя, в качестве главного обычая, рядом с гражданским браком. Этим подтверждается, в какой мере сильны в нас предания, согласно которым, между прочим, брак рассматривается, как божественное установление или данный богу и не подлежащий отмене обет. Мы касались уже подробностей религиозных брачных установлений в главах VI и XII. Вполне понятно, что современная гуманно-социальная точка зрения допускает лишь возможность гражданского брака, причем формальности в браке, имеющие, отношение к религии, должны рассматриваться, как частное дело. Эти религиозные обычаи ничего общего с государством и обществом не имеют, и следует не жалеть ни энергия, ни сил для борьбы с ними, как государственными установлениями.

Вникнем же в сущность гражданского брака и ответим на вопрос, чем ему следует быть? В современном своем состоянии гражданский брак представляет собою как бы робкую пробу, сильно нуждаясь в усовершенствовании. Под этой формой следует разуметь договор между двумя представителями противоположного пола, преследующий цели совместного воспроизведения. Однако, и в этой форме закон берет на себя больше забот о взаимоотношениях супругов, чем об интересах грядущего потомства, которое, казалось бы, единственно и должно было бы привлечь к себе внимание законодателя. Кроме того, неизбежно чувствуется здесь еще и зависимость женщины, благодаря чему гражданский брак много теряет в своей принципиальности.

И действительно, в основу гражданского брака должно быть первым долгом положено как безусловно правовое равенство, так и такое же отделение имущества каждого из супругов. Совершенно ненормальным является такого рода порядок, согласно которому женщина за мгновенное любовное опьянение платится всем своим имуществом в пользу мужа. Впрочем следует надеяться, что это наследие диких времен совершенно исчезнет из нашего гражданского права. Однако, в тех случаях, где женщина располагает достаточными правами, она при наличии скверного характера, в свою очередь, будет вредить мужу, опираясь на общность имущества. Должно усвоить также и более правильный взгляд на функции женщины, как хозяйки в совместной жизни; причем ее работа не будет представлять собою чего-либо обязательного, а рядом с работой мужа внесется в ее личный кредит. Общность имущества должна быть вычеркнута из обихода, как безусловно вредная и лишняя гражданского правового смысла. Пока супруги объединены могучим чувством любви, общность эта будет практически осуществляться и независимо от легализованных форм. Но если семья раскололась, то общность имущества должна считаться, в свою очередь, больше не существующей, в интересах честно трудящейся стороны и потомства. При таком взгляде на вещи сведено было бы на-нет много отрицательного, вытекающего из брачных взаимоотношений, и даже при счастливом во всех прочих отношениях браке последний не мог бы страдать от расточительности кого-либо из супругов, могущей вредно отразиться на семье.

Продолжительность брака тоже играет важную роль. В тех случаях, когда брачный договор обуславливает абсолютную половую верность, развод, конечно, лишен всякого смысла, но, вместе с тем, какой несообразностью является насильное приковывание друг к другу двух людей, которые не желают и не в состоянии влачить вместе дальнейшее существование. Развод, в виду этого, нужно считать гражданско-правовой необходимостью, которая, разумеется, не представляет собою идеала, но является верным способом для прекращения разложения семьи.

Из причин, обуславливающих развод, на первом месте стоят венерические болезни, расстройство мозговых функций, неверность в браке и вообще порочный образ жизни, преступность, но, главным образом, постоянные раздоры и неуживчивость. Не редки случаи, когда развод бывает следствием бесплодия или импотентности, хотя, с другой стороны, полигамия или полиандрия, не принявшие слишком больших размеров, предпочтительнее развода. Мне вспоминается один случай, когда жена, вынужденная душевным расстройством своего мужа, получила развод и вышла снова замуж. Однако, она продолжала весьма аккуратно посещать его в психиатрической лечебнице и, когда его состояние несколько улучшилось, поместила его у себя вместе со вторым мужем, который, в свою очередь, считал это вполне правильным. При наличии детей развод значительно осложняется, о чем будет сказано ниже.

Если закон допускает возможность превращения брака во временный договор, то очевидно, мы здесь недалеко ушли от свободных любовных взаимоотношений. Чтобы избежать нежелательных последствий, мы должны принять во внимание все те причины, которые, независимо от появления потомства способны обусловить гражданско-правовое значение половых отношений. Гражданский закон может урегулировать правовые отношения и внебрачных детей, дав им права, одинаковые с родившимися в браке, что явилось бы лишь самым элементарным актом справедливости.

Тому же гражданскому праву необходимо запретить вступление в брак несовершеннолетних. Общество обязано вмешиваться в этом случае, так как незрелый ребенок сам еще нуждается в защите, и, во всяком случае, половые сношения являются для него преждевременными. Вообще же для девушек, моложе семнадцати лет и для мальчиков восемнадцати-двадцати лет половые сношения ни в каком случае не могут быть допустимы, в интересах здоровой социальной и индивидуальной гигиены, а стало-быть, и нормального гражданского права. Это же целиком применяется и к душевно-больным. Правда, это очень серьезный вопрос. И в самом деле: нужно ли насильственно отделить друг от друга такую пару, когда одна сторона душевно заболела, в то время как другая этого не желает? В Германии такой брак объявляется недействительным. Мы об этом еще будем говорить, но пока укажу лишь на то, что вредные последствия в таких случаях происходят, главным образом, от появления потомства. Поэтому важно лишь, чтобы в таком браке больше не рождалось детей. Вообще же будущему предстоит полное решение этого вопроса.

Мотивом для развода могут служить также такие физические недостатки, которые остались необнаруженными до вступления в брак. Однако, закон здесь считается лишь с интересами потерпевшей стороны и, если это нужно, предупреждает рождение калек. Но не в его компетенции высказывать свое мнение о половых отношениях и об их прекращении.

Важным является вопрос о прелюбодеянии, который, однако, тоже нуждается во вмешательстве со стороны закона. В связи с обнаруженным прелюбодеянием, пострадавшая сторона раньше всего имеет право на развод, получая и некоторые преимущества. Но при таких случаях браконарушений, когда, с согласия обеих сторон, они выливаются в бигамию или биандрию, ни гражданскому, ни уголовному закону здесь нет места. Под таким случаем мы разумеем такой, когда, например, супруги, в силу каких-нибудь личных соображений, желают продолжать сожитительство, но в связи с обнаруженной импотентностью или же бесплодием у одной из сторон, другой предоставляется право на половые сношения вне брака. В таких случаях интересы третьего лица или общества остаются незатронутыми, и стало-быть, правовое вмешательство является неуместным.

Сложным представляется разрешение вопроса, как быть в тех случаях, когда развода требует одна из сторон, но на нее не согласна другая, причем для развода мотивов не имеется. В этом случае почти ничего нельзя сделать в борьбе с капризами «бога любви». Закону при таком обороте дела следует считаться прежде всего и единственно с правом потомства от этого брака, причем на неверном супруге лежит и обязанность содержания семьи. Закону не подлежит охранять всякие гражданские права той стороны, которая не посягает на нарушение брачных отношений. Необходимость имущественного разделения сказывается здесь очень ярко. Но, с другой стороны, я не вижу смысла в поддержании брака, которого одна из сторон и знать не желает, так как практические результаты при этом сводятся к нулю. Здесь, во всяком случае, мы считаемся с моралью в тесном ее применении, но не с правом, и сердечная угнетенность продолжающей оставаться верною стороны будет вполне одинакова независимо от формы брака, законного ли или конкубината. И здесь закону делать нечего, если не считать попыток к примирению.

Здесь мы останавливаемся перед запутанными отношениями. Мы убедились уже в том, что необходимо во многих случаях ограничение права на удовлетворение полового стремления, как сопряженное с нарушением прав других лиц. Наибольшее осложнение заключается в том, что такое удовлетворение (не считая патологических случаев) нуждается в участии двух существ, из которых одно получает удовольствие, другое может считать его для себя оскорбительным или вредным. Этот случай входит уже в компетенцию уголовного права, при рассмотрении которого мы этого и коснемся. Но и гражданско-правовые отношения требуют,

чтобы свободное удовлетворение полового пробуждения обусловлено было лишь добровольным согласием на это обеих сторон. Здесь не могут быть допущены никакие отступления. Не только несовершеннолетние, но и совершеннолетние должны быть охранены от посягательства на телесное насилие, противное их воле. В установлении христианского брака имеется еще достаточно применительно к этому остатков варварства, причем закон заставляет женщину отдаваться своему властелину и повелителю в зависимости от его усмотрения. В этом заключается нечто противоположное мужской верности, лишь формальной в браке. Что касается женщины, то она даже при большой возбудимости в силу физиологических причин лишена возможности располагать таким же правом, и ее жалоба принимается лишь в соображение, когда может быть доказана абсолютная импотенция. Здесь мы видим, насколько неуместно со стороны закона вмешиваться в подробности половых отношений, и право неизбежно уступит место бесправию. Это предусматривается и в судебной практике и интерпретируется «супружескими обязанностями». Индивидуальное половое стремление чрезвычайно неустойчиво и насильное введение его в рамки моногамного законодательного установления не только бессмысленно, но и неосуществимо. Мы должны поэтому считать необоснованными мечтаниями взгляд на брачную жизнь Толстого, относясь однако с уважением к его этическим заключениям. Если мужчина, обладающий сильной чувственностью, сочетался в браке с холодной девушкой, для которой совершение полового акта является чем-то весьма противным, то в одинаковой мере бессмысленно навязывать мужу воздержание, а жене согласие на совершение полового акта. Здесь облегчить положение вещей могут лишь развод, конкубинат или бигамия, если нет места для взаимных уступок. При современном взгляде на вещи разрешается только развод, который, в свою очередь, будет жестоким, если имеется уже налицо беременность, или любимый ребенок, или же любовь и уважение между супругами, без связи с их половыми побуждениями.

Однако, все эти крайности могут быть умерены доброю волей. Не считаясь здесь с вопросами морали, а базируясь лишь на правде, мы желаем урегулировать вопрос в том случае, когда одна сторона постоянно желает, а другая этого не желает. Особенно роковым является здесь то обстоятельство, что половая страсть сосредоточивается на одном индивидууме, причем может случиться, что любовь будет отвергнута безапелляционно, что мы и видим каждодневно. Мы поэтому и полагаем, что не в интересах нравственности навязывать помощью религиозной проповеди, или поэзии, или всяких иных форм, ненарушимость любви в смысле моногамии, т. е. такого положения, в силу которого «женщина (и даже мужчина!) может и обязана лишь единственный раз в жизни любить». Такой жестокий взгляд на вещи должен быть категорически опровергаем, ибо он не страшен в сентиментальных грезах поэта, но является несчастьем для людей, которые видят в нем догму. На почве такого взгляда рождаются мученики, никому ненужные, явившиеся следствием смерти любимой стороны, болезни ее, а также семейного разлада и даже непризнанной любви. Внушаемость играет здесь крупную роль.

И действительно, если может быть по справедливости допустимо право отвергнуть половое посягательство другого, то с точки зрения закона и морали желающий любить, но не встретивший взаимности, может остановиться на другом выборе, который отнесется к нему более благосклонно. Однако, в настоящее время под гнетом общественного мнения люди охотнее остаются терпящей стороной, и на законе лежит обязанность урегулировать такую ненормальность.

Закон признает, что мотивами для развода могут служить дурное обхождение, повреждения в половой сфере, прелюбодеяние, преступность и половая импотенция, но и здесь общественное мнение производит свое давление, а между тем при вышеуказанных условиях возможно еще и требование гражданского удовлетворения, а то уголовного наказания. Чем-то невероятным является гражданский и особенно уголовный взаимный иск неразведенных супругов, у которых брак, само собою разумеется, должно считать фактически нарушенным, а дальнейшее его продолжение в меньшей мере скандальным.

Венерическое заражение является очень важным рассмотреть здесь с точки зрения гигиенически-гуманитарной. Если зараженный венерической болезнью совершает половой акт с другой стороной, этой болезнью не страдающей, то здесь мы встречаемся с ярко выраженным

преступлением, причем закон должен вознаградить потерпевшего на счет виновного, не освобождая последнего от наказания. В этом случае, очевидно, обмануто доверие, причем потерпевший имеет право жаловаться, но часто не делает этого из чувства стыда. Это и является на руку преступным элементам, тогда как наказание виновных служило бы вернейшим обеспечением против заражения венерическими болезнями и размножения обремененных наследственным сифилисом детей. Эти последние вообще не должны были бы появляться на свет, о чем и должны позаботиться сифилитически зараженные супруги, прибегая в этом случае, например, к кондому (см. главу XIV).

Мы коснулись уже тоже весьма замысловатого вопроса, имеющего в виду взаимоотношения гражданского права и проституции. Мы резко осудили какую бы то ни было попытку ее урегулирования и официального признания. Однако, каково отношение гражданского закона к свободной проституции, которая этически представляет собою колоссальное зло? Но пока сильно господство Мамоны, нечего и говорить об ее уничтожении, так как торговля телом обусловливается свойственной человеку продажностью, причем люди, привыкшие все получать за деньги, получают за соответствующее вознаграждение и согласие на совершение полового акта. Противодействие может быть только нравственное. Государству надлежит в связи с этим как можно скорее отвернуться от этой клоаки, перестав ее опекать и признавать, но направив всю свою энергию на уничтожение сводничества и каких бы то ни было общественных выступлений проституции, которая таким образом перейдет в сферу исключительно личных интимных взаимоотношений. И торговля собою можно надеяться, окончательно исчезнет с введением более справедливой организации трудовой деятельности, заработной платы, а также с прекращением употребления спиртных напитков.

Резюмируя вышеизложенное, мы заключаем, что последовательные реформы видоизменяют гражданский брак в наиболее свободный договор, имеющей целью половое сожитие. Закон поэтому должен вычеркнуть из сферы своей деятельности никому не нужную и даже вредную работу на выяснение половых отношений, заменив ее приведением в должный порядок обязанностей родителей применительно к их потомству. Тогда будет сведено на-нет различие между браком и ничем не связанными половыми отношениями, так как закон будет тогда заботиться не о сохранении полового установления, будто бы утвержденного богом, а об укреплении естественных отношений в семье, служащих к возвышению этических и социальных чувств. (См. главу X. Брак по расчету. Нельзя не улыбнуться, когда разрешают именовать утвержденным богом на всю жизнь установлением такие брачные союзы, как брак богатой девушки с купленным офицером или же собственницы публичного дома с сутенером. Впрочем, в прежние времена брак по покупке был обставлен еще хуже).

Предлагались всевозможные способы для наибольшего облагораживания существующих свободных половых отношений, причем указывалось на бессмысленное обыкновение присваивать замужней женщине другое титулование, чем незамужней, так как действительно можно было бы считать справедливым присваивать неженатому мужчине название «Herrlein», как и незамужней женщине «Fraulein». В зависимости от этого девушка, имеющая ребенка и во всяком случае не сделав этим ничего нехорошего, ибо она слушалась лишь велений природы, оставаясь при таком наименовании, носит на себе как бы клеймо позора. Одна женщина, которая имела от мужчины при свободной любви потомство из девяти человек и заболела душевным расстройством, на мое обращение к ней со словом «Fraulien» иронически ответила мне: «очень приличная „Fraulien“ с девятью детьми». Этот ответ может стоить доброго кодекса. Дети, на самом деле, представляют собою связывающий элемент в браке. При их отсутствии бессмысленным является вмешательство закона в эти брачные отношения, пока нет страдающей стороны, и ничто не могло бы препятствовать самой непритязательной организации гражданского брака. Мы коснемся в дальнейшем более существенной стороны этого вопроса. Уже в наши дни некоторые государства предоставляют право прибегать к законам о гражданском браке, устанавливая брачные договоры, обуславливающие разделение имущества и труда, а также определенные права и обязанности по отношению к потомству, и таким образом как бы вводится поправка в существенные пробелы законодательства.

Характерными являются стремления извращенных в половом смысле людей, особенно же гомосексуалистов (см. главу VIII, б), обручаться и вступать в брак с объектами их любви. Закон

с такими «браками» во всяком случае считаться не может, но, поскольку они не отражаются на интересах общества или частных лиц, закон не должен обращать на них никакого внимания, тем более, что и потомства ожидать не приходится.

Правовые отношения детей. Матриархат. Дети, как мы видели, представляют собою действительный, филогенетически и психологически обусловленный, связывающий элемент в браке и семье. Это настолько обосновано, что, как это уже констатировано в главе VI, многие дикие народности тогда лишь юридически признают брак, когда он дал уже потомство; причем бесплодная женщина даже у культурных народов заслуживает пренебрежения. Тем более должно считать ненормальным в правовом смысле тот пункт Наполеоновского кодекса, в силу которого возбраняется разыскивание отцовства. Если считаться со всеми высокими социальными, обязанностями, возлагаемыми на людей воспроизведением, то каким ненормальным порядком должно признать законное освобождение одного из родителей, в данном случае мужчины, от несения ответственности только по той причине, что не были приняты в соображение некоторые религиозные и законные формальности до зачатия. Но, может быть, вина мужчины при рождении ребенка вне брака значительно меньше, чем вина женщины, если вообще здесь может быть речь о проступке? Столь же позорно, сколь и курьезно, что французский язык дает внебрачным детям обозначение «*enfants naturels*» (между прочим, и в немецком «*natürliche Kinder*»)! Но тогда, быть может, детей, рожденных в браке, мы будем именовать «*surnaturels*», или неестественными. Позорно для нашего законодательства ни в чем неповинных внебрачных детей клеймить тем, что им предоставляется лишь в виде исключения присваивать себе фамилию матери, вместо фамилии отца. Если говорить о естественном праве, то дети, независимо от их брачного и внебрачного происхождения, должны быть уравнены в правах своих в социальном отношении, нося имя своего отца или матери, причем последнее было бы даже логичнее. Матриархат, наблюдаемый у дикарей (см. главы VI и XIX), так именно и поступает, являясь значительно более приличным, чем патриархат. Но должно допустить, что, вместе с признанием за женщиной ее социальных прав, исчезнут и преимущества одного лица в брачном союзе. Тогда, между прочим, на основе равноправия обоих полов, материнское имя, в интересах ясности и простоты, сделается вместе с тем и фамильным именем, но очевидна большая близость матери к ребенку, чем отца. Значительно реже является не установленным или сомнительным материнство (дети найденные, подменные или подкинутые), но оно значительно легче и чаще устанавливается, чем отцовство. Так при одновременных половых сношениях матери с двумя мужчинами, не всегда легко установить истинного отца. Если же исходить из тех попечений, трудностей и даже трат собственного организма, с которыми связано для матери рождение и воспитание ребенка, и которые совершенно чужды отцу, то присвоение ее имени потомству, в качестве фамильного имени, будет особенно справедливым. Наше законодательство с таким положением вещей, к сожалению, еще не считается, но мы должны их всячески подчеркивать, как способ для разрешения многих запутанных вопросов.

Природа так устроена, что при долгом беспомощном детстве ребенка кормление и воспитание его лежит на обязанности родителей. Мы не должны, поэтому, прибегая к неестественным социальным теориям, освобождать от этой обязанности человека, так как на этой почве возникли бы неизбежно промискуитет и связанное с ним социальное вырождение. И вообще социальные обычаи можно с большим успехом подвергать большим изменениям, если они только имеют своей базой неестественные, традиционные догмы моды, а также и привычки на почве религии. Но введение социальных установлений, идущих в разрез с самыми святыми натуральными, филогенетически свойственными человеческой природе, побуждениями, является глубокооскорбительным и вместе с тем чреватым плохими социальными результатами. Мы указывали уже в главах VI и VII, что людям в их половых отношениях филогенетически свойственна семья на основах симпатии между супругами, родителями и детьми, и в связи с этим внутренне действительная моногамия является наиболее естественными, высшими и лучшими сексуальными любовными взаимоотношениями, даже независимо от интенсивности, в особенности у мужчины, эгоистических полигамных стремлений. Мы считаемся при этом с многочисленными и разнообразными исключениями. При испорченности нравов наблюдаются безобразные отношения родителей к потомству, эксплуатация его,

толкание его на путь проституции и т. д., причем нередки случаи, когда почему-либо неудобные дети незаметно, но верно замучиваются на смерть. Отсюда очевидна необходимость для законодательства поспешить с выработкой таких установлений, которые исключили бы возможность насилия или злоупотребления со стороны родителей. Было бы полезно обратить внимание на предположения, сделанные законодательству Австрии по почяну Лидии фон-Вольфранг, преследующие защиту прав детей:

Lydia von Wolfring: *Wie schützt man die Kinder von Misshandlung und Verbiechen*, 1899; *Kindermisshandlungen*, 1902; *Absvkennung der Vaterlichen Gewalt*, 1902; ее же: *Beschränkung der Zivilrechte bei Gewohnheitstrinkern*, 1903; *Lindwirtschaftlich-gewerbliche Kinderkolonien*, 1904; *Die Ursachen der Verwalirlosung der Jugend*; *Die Kinderwissshandlungen, ihre Ursachen und die Mittel zu ihrer Abhilfe aus den Schriften des I. Oesterreichischen Kinderschutzkongresses*. 1907; *Die Schutzbedurftige Jugend und ihre Wohlfahrt* 1908.

Государство обязано взять на себя воспитание детей, явившихся жертвою дурного людского обращения, причем, водворив их в благотворительных учреждениях, но оно ни в коем случае не снимает ответственности с родителей по содержанию этих детей. Автор предполагает, как наилучшую меру, отдавать таких детей на попечение бездетных добросовестных супругов, в среде которых они найдут семейную обстановку. Здесь в основу положены также соображения педагогического свойства.

Но все же единственно нормальным останется такое положение вещей, при котором забота о потомстве будет лежать одинаково на обоих родителях. Помощь государства выразится в этом случае в организации школ, действуя даже, когда это нужно, принудительно, ибо на обществе лежит обязанность поднимать своих членов на общественный культурный уровень, причем власть родителей в этом случае не может действовать отрицательно. В функции государства, как мы видим, входит обязательное бесплатное школьное обучение. Вообще же власть родителей должна быть известным образом ограничена, причем должно исключить такие ненормальности, как извлечение пользы родителями из детей, а также практикуемые наказания, иногда переходящие всякие границы. О необходимости совершенного отменения физического наказания в школах нечего и говорить.

Государство должно следить за тем, чтобы родители непременно прокормили своих детей. Освобождение от этой обязанности не может быть предоставлено ни одному отцу (и также ни одной матери), независимо от их материального положения и их брачных отношений. При современном положении вещей ничего нет проще, особенно для человека, не располагающего собственностью, улетучиться, оставив своих детей на шее матери или же в распоряжении воспитательного дома. Если это был собственник, то его необходимо заставить принять все меры для обеспечения рожденного им потомства. Если же это был человек без средств, то он может соответствующей работой отслужить стоимость содержания. Это представит собою более верный способ для охранения супружеской верности и моногамии, более верный, во всяком случае, чем непосредственное вторжение закона в половые отношения. Стало-быть, родители, так или иначе, обязаны воспитывать своих детей.

Мое столь категорически высказанное утверждение встретит, без сомнения, отпор со стороны лиц, которые возьмут на себя отстаивать интересы бедных людей, не способных прокормить самих себя. Но где речь идет об обязанности, там, разумеется, и право. Если мы навязываем родителям определенные обязанности, то им принадлежат и определенные права. С успехами социализма восторжествует справедливость и в этом смысле. Когда человек будет иметь в своем распоряжении весь продукт своей трудовой деятельности, то он будет в состоянии и в половом смысле вести приличное существование. Но вместе с тем взваливание воспитания потомства на одних только родителей не является справедливым, так как параллельно бездетные люди будут себе «устраивать удобства жизни и вволю бездельничать на том основании, что отказались от счастья иметь потомство». С этой целью государство применяет поощрительные меры для семейств, обремененных детьми, и даже привлекает к несению определенных налогов бездетных или же холостяков, как это имело место раньше в Англии (1695 — 1706). Впрочем, там носятся с мыслью о вторичном введении этого налога.

Такой же характер имеет и упомянутый нами обычай в Норвегии на льготных условиях перевозить на кораблях женщин и детей. Впоследствии, с наиболее полным развитием

социальных реформ, человеку не представится больше надобности отлынивать от прокормления и воспитания потомства, так как будет обеспечено бесплатное школьное обучение, и государство будет заботиться об инвалидах, сиротах, больных и т. д. И мы снова обращаемся к Фемиде, освободившейся от своей повязки: «Прими же все меры, чтобы, благодаря естественно-научными социальным знаниям, твои весы остались бы вечно в действительном и справедливом равновесии».

Я допускаю возражение, что не всегда можно быть уверенным в истинном отцовстве. В этом есть доля истины. Однако, при предоставлении соответствующих прав женщинам и том воспитании девушек, основы которого указаны в главе XVI, положение вещей примет другой оборот. Отцовство, пожалуй, и в настоящее время нетрудно установить. Пусть будут усовершенствованные пути сообщения, облегчающие бегство преступника. Но ведь то же обстоятельство действует и в смысле возможности его обнаружить. В связи с возрастающей культурой человечества и улучшением международных отношений преступным элементам не будет больше места на земном шаре, и бегство, в целях освобождения себя от исполнения определенных обязанностей, не даст уже никаких определенных обязанностей, не даст уже никаких результатов. Все говорит таким образом, в пользу ответственности родителей в деле прокормления и воспитания потомства. Но ответственность родителей состоит еще в том, чтобы не плодить духовных и физических калек. По этому поводу говорили о запрещении брака, но очень сомнительно. Мы об этом в дальнейшем будем еще говорить.

Забота о сиротах, душевно-больных и т. д., приводимая уже и в настоящее время в исполнение, нуждается в усовершенствовании. Но одновременно наблюдается чрезвычайно вредное обыкновение, практикуемое многими общинами, сводящееся к тому, что бедные и брошенные дети отдаются на попечение и воспитание тому, кто требует за это меньшее вознаграждение. Отсюда и берут себе начало всевозможные злоупотребления (нищенство, покинутые дети и т. д.). Внебрачные дети падают жертвой, с одной стороны, жадности к деньгам, а с другой — полового лицемерия. По этим же причинам так часты детоубийства и вытравливание плода. Гражданскому праву, в связи с уголовным, надлежит принять все строгие меры к тому, чтобы подобного рода явления не могли больше иметь места.

С наступлением такой эры, когда эти предложения найдут себе осуществление в лице закона, брак и свободная любовь будут друг от друга отличаться лишь условно, причем лишь наличность или отсутствие брачного договора обусловят ту или иную форму. Моногамия в этом случае останется только в выигрыше, ибо исчезнет прежде всего позорная проституция, не будет больше места промискуитету, а явится свободная и крепкая условная моногамия, зиждущаяся на законах естества.

В настоящее время ведется упорная борьба между такими жупелами, как «принудительный брак на всю жизнь», и «свободной любовью». Это — преувеличение. Свободная любовь ни в каком случае не должна служить синонимом промискуитета или же освобождения от обязанностей относительно забеременевшей женщины и воспитания потомства. Мы же в данном случае исходим из естественнонаучных и социальных требований.

Формы и продолжительность брака. Во избежание повторения, отсылаю к главе VI. Этот пункт нами уже в достаточной мере освещен. Мы считаемся, конечно, с моногамией, как естественной формой брака, обусловленной продолжительным благополучием для всех членов семьи, но эта форма отнюдь не может считаться единственно благодетельной, исчерпывающей половые отношения, и думать так было бы равносильно приготовлению из нее правовой смирительной рубашки для всего человечества. Мы видим уже в истории и этнографии успешное развитие народов, живущих в полигамии, в то время как полиандрия дает весьма отрицательные результаты. Но и наша христианская моногамия далеко не чужда лживых основ и лицемерия, от которых не удалось спасти ее даже законодательным путем. При безусловном запрещении развода, как у католиков, он заменен был разделением стола, постели и дома, что, в свою очередь, усугубило лишь брачные раздоры. В то же время строгость моногамных законов дала выход людям к проституции, причем те же законы снизили до регистрирования сводничества. Такие примеры непосредственно указывают на бессмысленность принудительной моногамии, направленной к удержанию в определенных границах естественных наших стремлений. Массы не могут реагировать столь же покорно, как отдельные

личности.

Что касается полиандрии, то она возникла на почве бедности, обуславливая вымирание практикующих ее рас. К тому же нормальному мужчине в большей степени свойственна полигамия, чем полиандрия нормальной женщине. В некоторых случаях может быть оправдываема и полиандрия, так как немало есть женщин, которые, хотя бы и на патологической почве, будучи ненасытны в половом отношении, не в состоянии удовлетвориться одним нормальным мужчиной. И пусть тогда уделят ей свое внимание путем свободного соглашения любые дон-жуаны, ибо в противном случае для таких женщин широко открыт путь в проституцию (мы уже знаем о существовании проституткок-нимфоманок), при этом же и дон-жуаны будут отвлечены от нормальных девушек. Указывая на полигамию в главе VI, приводя различные формы ее, во многих из них не нашли столь унижительных элементов для женщины, какие можно было бы предположить из сравнения с мусульманской полигинией. Последняя теряет, главным образом, от варварского способа приобретения жен, как предметов торговли. Но при матриархате эти условия исчезают, и женщина, уравниваемая в правах с мужем, нечего не имеет против полигинии. Я беру себе право утверждать, что моногамный брак, в наиболее благородном его проявлении, будет в большей степени гарантирован установленной законом свободой, а также исполнением каждым из супругов своих обязанностей. При добровольной связи люди охотнее сойдутся и прочнее полюбят друг друга. Ничего не было бы страшного в том, если бы практиковались пробные браки в качестве кратковременных связей, заканчивающиеся разводом. И в настоящее время это сплошь и рядом имеет место, но лишь в более грубом проявлении, а между тем при таких браках закон первым долгом обеспечил бы вопрос относительно потомства. Можно возразить, что в интересах разнообразия легкомысленные люди будут прибегать к такой форме брака, не рождая детей, но это не будет большим вредом, так как будет разумнее, если эта порода сама себя обречет на вымирание. Мы тогда противопоставим два естественных стремления, из них первое — стремление к деторождению и второе — к половому удовлетворению. При желании удовлетворить первое из них, необходимо придется урегулировать второе, при содействии, где это нужно будет, гражданского законодательства. Нет никакого разумного и этического основания, чтобы, в связи с упомянутыми оговорками, законом были бы воспрещены при уравнивании полов полиандрия и полигиния в качестве предотвращающих мер.

Брак между родственниками. Отсылаю к сказанному в главе VI. Чтобы избежать вредных результатов весьма близкого скрещивания между людьми, необходимо, по-моему, совершенно воспретить брак или иную половую связь, имеющую целью получение потомства, между прямыми родственниками (особенно же между родителями и детьми), а также между братом и сестрой. Заботы законов относительно всего, что стоит дальше этих родственных связей, являются бессмысленной бюрократической стряпней. Браки между свойственниками, женитьба на сестре умершей сестры, — все это напрасно запрещается законом, между тем как у других народов такие браки носили характер почти обязательный. Нет также мотива для запрещения брака между дядями и тетками, с одной стороны, племянниками и племянницами — с другой, а также между двоюродными, причем вреда для потомства в таких случаях не обнаруживалось. Необходимо только избегать накопления унаследованных недостатков, которые исчезают при браке с посторонними. Впрочем, не следует практиковать слишком часто повторения родственных браков в семье, так как они очень легко накапливают фамильные недостатки.

Ограничения личной свободы социально вредных или социально опасных субъектов по отношению к половой жизни. Люди не всегда способны отличить болезненное и принудительное от здорового и умеющего приспособляться, впрочем отношение их к этим двум различным проявлениям страдает неточностью, — в этом заключается весьма фатальный элемент в социальной области. От него страдают не только гражданское законодательство, но и постановления административные. Масса, будучи страстной, впечатлительной и не умеющей отдавать себе отчета, создает нередко положения, друг друга исключаящие, вместе с тем обуславливающие и вопиющие несправедливости: она выражает свое негодование в ответ на проявления насилия, произвола, нарушение свободы и всякие иные ограничения, налагаемые компетентными людьми, которые сочли необходимым, в интересах общественной

безопасности, поместить в лечебницу человека душевнобольного, являющегося опасным для окружающих и лишь непосвященному кажущегося нормальным. Но, вместе с тем, если этот человек, оставшийся на свободе, действуя в состоянии безумия, совершит грабеж, убийство или какую-нибудь извращенную гадость, та же масса, вся обуреваемая чувством возмездия, будет настаивать на искуплении или наказании и даже не остановится перед тем, чтобы собственноручно разделаться с преступником. Положение психиатра, которого масса готова обвинить в желании засадить всех и вся в психиатрическую лечебницу, является в этом случае, довольно щекотливым, так как, во всяком случае, он не может рассчитывать на спокойное к нему отношение. Его единственной заботой является проведение в жизнь общечеловеческих мероприятий, преследующих охранение психических больных от самих себя и от посягательства со стороны других лиц, но, вместе с тем, и предупреждение возможности для этих невменяемых приносить вред окружающим. Но общество этого еще не усвоило, и в его распоряжении имеется немало представителей юриспруденции старой формации, которые не прочь прежде всего заpastись необходимыми мерами для защиты здоровых от врачей-психиатров. Этот взгляд на вещи со стороны, общества довольно усердно поддерживается и распространяется страдающими манией преследования, людьми ненормальными или полунормальными и даже печатью.

В такой атмосфере, действующей отравляюще на психиатра, ему приходится работать, и неудивительно, что необходимые усовершенствования от этого только тормозятся. Удивительно, как публика и юристы, не имеющие представления о человеческой психологии, берут себе смелость думать, что они защищают личную свободу (речь идет, конечно, о добросовестных людях, но отнюдь не о не стесняющихся средствами ходатаях), а между тем, из их поля зрения ускользает то обстоятельство, что, благодаря их стараниям, немало душевно-больных отсылается в карательные учреждения, в то время как другие, может быть, и более опасные, душевно-больные пользуются полной свободой, совершают возмутительные преступления и систематически мучают окружающих, среди которых невинными жертвами большей частью являются члены семьи. Такая недалекость толпы приводит в отчаяние психиатра, а между тем эта людская трусость делает то, что пощаженными остаются всего чаще насильники-изуверы, и, благодаря такому обороту, всевозможные алкоголики, садисты и страдающие другими извращениями продолжают угнетать своих близких — во имя торжества пресловутой личной свободы. А, между тем, то же общество, поддаваясь внушению дерзких и крикливых, в свою очередь, переносит свой гнет на слабых и уступчивых, лишая их свободы.

Здесь большую роль играют половые преступления и извращения, обязанные своим происхождением пьянству. Я выскажу здесь следующие мои соображения.

Нельзя ожидать благоприятных результатов до тех пор, пока изучение психологии и психиатрии не будет вменено в обязанность юристам и законодателям, и пока не будет установлен принцип детальной психиатрической экспертизы каждого закоренелого преступника и вообще опасных людей. Необходимо совместное и согласованное действие юристов и психиатров, причем, одновременно с ознакомлением с психологией, юристы будут клиническим путем изучать осужденных преступников. И в самом деле, можно ли братья за решение судьбы ближнего, не будучи посвященным в душевные свойства этих пасынков общества. Пусть юристы, которым дороги судьбы человечества, идут вслед за ученым знатоком права Францем Лист, в интересах осуществления реформ.

(Привожу здесь следующие труды: Delbriick, *Gerichtliche Psychopathologie*, 1897; его же: *Die pathologische Luge und der psychisch-abnorme Schwindler*, 1891. Forel: *Verbrechen und konstitutionelle Seelenabnormitäten*, 1907, Kolle: *Gerichtlich-psychiatrische Gutachten* (клинические экспертизы Фореля, 1894). Liszt: *Schutz der Gesellschaft gegen gemeingefährliche Geistesranke und vermindert Zurechnungsfähige*. Forel: *Die verminderte Zurechnungsfähigkeit*. 1899. Erich Wulffem: *Die Psychologie des Verbrechers*, 1908).

Очевидно, что необходимо принять все меры не только для борьбы с непосредственным вредом, причиняемым обществу подобными субъектами (например, садистами), всячески обезвреживать их, но и прилагать все усилия и средства к тому, чтобы предупредить развитие потомства таких лиц, зародышевая плазма которых в большинстве случаев бластофторически отравлена алкоголем. Оставляя первый вопрос в стороне, я позволю себе второму уделить

несколько слов.

Очень ревностные и ни перед чем не останавливающиеся сторонники реформ рекомендовали кастрацию, как одну из радикальных мер (например, Рюдин в последнее время). Это предложение было, однако, встречено всеобщим криком возмущения. Наше сверхчувствительное культурное общество не может ужиться с этой мыслью, тогда как кастрация была совершенно обыденным явлением у некоторых народов древности, а у мусульман практикуется и ныне, доставляя весьма преданных и безопасных гаремных прислужников. Даже папа не брезгал кастратами, пользуясь ими, как дискантами в церковных концертах, устраиваемых в Риме. С этой целью мальчики подвергались кастрированию в детстве. И лишь теперь папа Пий X желает это уничтожить. Войны последних времен, изуверства европейцев в Африке, Китае и т. д. обнаружили, на какие гнусности способна природа человека, в любой момент готового на убийства. В наше время кастрация допускается лишь по предписанию врача, в случае соответствующего болезненного состояния. Я должен здесь сознаться, что такая операция над душевнобольным преступником была произведена с моего согласия в моей лечебнице, причем больной, ощущавший боли в семенном канатике, лично настаивал на кастрации. Впрочем, я смотрел на такую операцию, как на предупредительное средство против появления у этого субъекта потомства. Таким же образом была кастрирована и истеричная девушка 14 лет, родители которой были своднями и проститутками, и которая, в свою очередь, уже бросалась на шею каждому встречному, получая от этого удовольствие. Впрочем, кастрация в то время применялась при лечении истеричных, хотя я имел в виду при этом социальную цель. В интересах уменьшения размножения испорченных и несчастных существ было бы полезно если не кастрировать, то, по крайней мере, производить такие операции, как дислокация труб, дающие в результате бесплодие, но не отражающаяся ни на яичниках, ни на *libido sexualis*. Что касается таких извращенных, как садисты, то кастрация в отношении к ним может считаться даже необходимой. И вообще, если психопатологическое состояние данного субъекта таково, что ему трудно считаться с велениями рассудка, то операция будет ему служить лишь на пользу, так как в противном случае, в интересах обеспечения окружающих, его придется изолировать и стало-быть, причинить ему еще большие неприятности.

Но применение такой экстраординарной меры рекомендуется в определенных, вполне выраженных, случаях, причем желательно, чтобы такого рода операции не возбранялись законом при наличии согласия больного. При настоящем же положении вещей, даже с согласия больного подвергнуться такой операции, врачу не всегда возможно идти ему навстречу, с точки зрения закона. Если такую операцию произвести в молодости, то общество будет освобождено от преступных по своей извращенности элементов. В тех же случаях, когда речь идет только о том, чтобы предупредить появление потомства, то дело может ограничиться применением известных предупредительных против зачатия средств, так как благодаря им достигается удовлетворение полового стремления, не сопряженное ни с какими последствиями. Поразительно, что во многих местах продажа средств для регулирования деторождения (кондомы и др.) воспрещена и даже преследуется, как нечто безнравственное. Об этом см. дальше, главу XIV.

Для нас здесь важно в принципе установить, что при современном положении вещей в браке создается благоприятная почва для рождения преступных и психопатических элементов и калек. Между тем как воспроизведение здорового потомства от нормальных физически и духовно людей, если не препятствуется, то, во всяком случае, затрудняется. Если человек безнадежно больной вступил в брак, то он может родить столько болезненных детей, сколько ему вздумается, между тем как здоровая и нормальная девушка, так называемый «перл», поступившая в услужение, встречает всякие препятствия к вступлению в брак, так как ее желают как можно больше эксплуатировать. Родивши же ребенка вне брака, девушка тотчас же лишается места и чести. Исходя из вышеизложенного, мы настаиваем на предоставлении наибольшей личной свободы людям нормальным и способным приспособляться и в то же время требуем наибольшего личного ограничения людей ненормальных. К этому и должны быть сведены функции гражданского права.

В прежние времена душевно-больным запрещалось вступать в брак, или же брак, уже

совершившийся, объявлялся недействительным. Конечно, такие меры не решают вопроса и объясняются господствовавшим мнением, что лишь брак обуславливает рождения и к таковым вынуждает. Однако, мы знаем, что это не обосновано. Что касается развода, то он допускается лишь в том случае, когда болезнь непосредственно констатирована. Между тем как весь ужас заключается в том, что в большинстве браков с ненормальной одной стороной, ненормальность эта, тяжело отражаясь на здоровой стороне, настолько незаметна, что остается не обнаруженной не только в глазах окружающих, но даже пред лицом суда.

(Немецкое гражданское право в следующих параграфах идет навстречу таким связям: § 1333 немецкого права гласит: «Брак может быть оспариваем супругом, если при совершении брака он ошибся в оценке достоинств противной стороны, своевременное знакомство с качествами которой, при уважении им к сущности брака удержало бы его от вступления в таковой». Там же, § 1353: «Супруги обязаны друг перед другом к совместному половому сожителству. Если при установлении совместного сожителства окажется, что одна из сторон злоупотребляет своим правом, — другая сторона не обязана подчиняться ее требованиям»).

Можно себе представить, сколько несчастий в таком браке, и сколько приходится переносить несчастной жертве его. Тем убедительнее приходится настаивать на вышеприведенном решении вопроса.

Швейцарским союзным судом, летом, 1905 года, вынесено весьма важное принципиальное решение. Слабоумный житель г. Базеля (30 лет) захотел вступить в брак, но мать ему этого не разрешила, с чем, между прочим, согласились как гражданский суд, так и следующая инстанция. Однако, сын апеллировал в союзный суд, который вынес специальную формулировку «слабоумия», которою сделано весьма важное ограничение права вступать в брак. Оказывается, с его точки зрения, что какая бы то ни было профессия или обнаруженные знания, ловкость в каких-нибудь отраслях, вообще же нормальность в определенных сферах, — все это не обуславливает еще прав данной личности на вступление в брак. Чтобы запретить его, достаточно обнаружения у данного субъекта даже очень неполного идиотизма. Государство, в целях охранения семейной жизни, должно не разрешать брака душевно-больным, равно как и было бы естественно вообще значительно сузить право жениться по соображениям физиологического свойства, чтобы не плодить обремененного болезненной наследственностью потомства. Такой взгляд на вещи в принципе своем может быть только приветствуем, так как начинает касаться самой сути.

Наследственное право. Связь этого права с половым вопросом лишь косвенная, но она имеет чрезвычайное влияние на рождение потомства. Бедный люд имеет всегда больше детей, чем обеспеченные классы, и это объясняется тем, что им, во-первых, терять нечего, и половые сношения являются для них единственным удовлетворением, в то время как способы предупреждения беременности им недоступны. Но вместе с тем они предполагают использовать свое потомство. При наличности же некоторых средств, люди стараются воздерживаться от расплодения большого количества детей, чтобы обеспечить имеющихся налицо от перспективы нужды. Поэтому и стремятся иметь лишь столько детей, сколько в состоянии будут воспитать и впоследствии снабдить «достаточным количеством средств». На этом и базируется, так называемая, французская «Zweikinder system». Печально в этом случае то, что дети, с точки зрения таких родителей, обязательно должны выйти на жизненный путь с известным количеством средств, причем личный труд их совершенно не принимается в соображение. Есть еще и такие взгляды у очень богатых лиц, которые опасаются плодить слишком много детей, не желая дробить своего огромного состояния и тем самым уменьшить значение семьи. Для ребенка, вполне естественно, сопряжено с вредными последствиями сознание, что его ждет всю жизнь обеспеченное существование, и труд, таким образом, не только не будет для него обязательным, но и услуги других людей, лишенных средств, всегда будут в его распоряжении. Однако, очень печально, когда будущность, наоборот, рисуется в весьма мрачных красках, когда воображение представляет длинный ряд годов упорного труда, дающего лишь средства к прозябанию. То же ощущает каждая личность, приходящая к заключению, что всякая упорная деятельность ее не даст обеспечения, как для нее, так и семьи, а вся предназначена для общества.

Интересы общества не в состоянии так воздействовать на человека, чтобы единственно

обусловить бодрость и жизнерадостность работы последнего, ибо глубоко засело семейное чувство в сознании человеческом.

В связи с такими отношениями, наследственное право начинает проявляться более или менее значительно. Была попытка путем введения прогрессивного налога на наследства отчасти эксплуатировать скопление в единичных руках богатств. Мне лично это кажется недостаточным. Не претендуя на точно сформулированное мнение, я спрашиваю, нельзя ли построить наследственное право на таких основаниях, чтобы потомство располагало лишь наследством вплоть до того возраста, когда оно будет уже в состоянии работать и зарабатывать, например, к 25 или 26 годам. Разумеется, к этому времени такие дети будут уже владеть и высшим образованием. Юноша не будет уже предаваться праздности, в надежде на унаследованные капиталы, а будет считаться с тем, что к определенному сроку продукты его труда будут служить единственным средством для его пропитания. Пусть меня не обвиняют в том, что я имею претензии на создание новой социалистической системы в связи с приведенной идеей, ибо такой взгляд на вещи неоднократно предлагался уже и раньше. Я преследую лишь уменьшение возможности извлекать пользу из чужого труда, причем на первом плане у меня обеспечение появления на свет дееспособного и здорового потомства. (На основании вышеизложенного разумеется совершенно новое этически-социальное положение, на основе которого будет построено новое семейное право с разумным воспитанием, всеобщим школьным образованием и пр. и пр. Но даже и при таких условиях все же будет налицо забота о юбетвенных детях, в зависимости от высоты культурного уровня человечества. Надлежит всякому социальному установлению иметь в виду такого рода культурное побуждение).

Неоднократно ставилось на вид, и вполне справедливо, что некоторые отрасли культуры для своей разработки и изучения требуют чрезвычайной затраты средств и в то же время в материальном отношении почти или совершенно не окупаются. Вполне понятно, что на государстве лежит обязанность взять на себя возмещение всех расходов, связанных с движением науки вперед, так как оно от роста этой культуры лишь выигрывает. И в данном случае его деятельность будет напоминать собою поощрительные приемы владельцев особ и меценатов, которые в прежние времена (и в настоящее время) содействовали материально процветанию науки и искусств. Государство в этом случае пойдет еще дальше, так как оно обеспечивает возникновение рабочих средств и рабочих центров, не обязанных частному покровительству, не всегда свободному от беспристрастия.

В. Уголовное право.

Уголовное право — это право наказания, которое истекает из понятий содеянного преступления и возмездия, причем последние основаны на представлении о свободе воли, неосновательность которой нами уже доказана под лит. А (общие понятия). Такой взгляд на вещи обуславливает некоторую сомнительность современного нам уголовного права, причем это, главным образом, объясняется тем, что наука права все время не считалась с успехами всех прочих знаний и человечности. Да и искупления базировались на мистике и на праве сильного, находящихся в тесной близости к чувству мести. Раз оно налицо, то наказанию подлежит слабейший по той лишь причине, что он есть слабейший: «*Vae victis!*» В свою очередь, созданное человеком по своему образу божество тоже возымело свои претензии на возмездие. Положив понятие о праве сильного в основу своего правового мировоззрения, человек испытывал страх вообще перед всеми вещами и явлениями (лес, ночь, молния, бури, звезды и т. д.), которые были для него непонятны, приписывая все это воздействию темных, а потом и высших сил. Таким образом, представление о добре и зле должно было у него отличаться большой своеобразностью. Разумеется, нашлись люди, которые сумели использовать такой взгляд на вещи и взять на себя роль представителей божества, чтобы судить людей, называя себя жрецами, королями, а потом и судьями. Большую роль сыграл фатализм, исключаяющий свободу воли, который мы могли видеть, например, у мусульман, между прочим, в лице их Гарун-аль-Рашида. Идея фатализма не вяжется с представлением о свободе воли, мышления и поступков, так как все заранее и неуклонно предрешено.

Я уже указывал (в «Die Zurechnungsfähigkeit des normalen Menschen»), что уголовное право может и не считаться со свободой воли. Категорический императив Канта не вяжется с ощущаемой нами свободой и ответственностью, ибо свойственно и душевно-больному чувствовать себя субъективно свободным, между тем как нормальный человек видит его неспособным. Пусть метафизика определяет вопрос о возможности безусловного предопределения (фатализм), нас это здесь не интересует. Но исходя из детерминизма, или закона причинности, которым определяются наши поступки, мы убедимся в том, что, в связи со сложностью наших мозговых функций, в большинстве случаев бессознательных, или, как мы уже определили, подсознательных, — мы будем иметь представление о наших решениях, как о свободных.

(Закон причинности сводится в конечном результате к закону энергии, который в данном случае гласит: «В области нашего относительного познания каждому действию соответствует одноценное противодействие; ничто не теряется». Из этого, однако, не истекает фаталистическое предопределение, так как нам ничего не известно ни о причинах возникновения, ни о конечных целях вселенной).

Но мы также видим, что человеческий мозг обладает способностью адекватно, т. е. в зависимости от окружающих обстоятельств, приспособляться к различным условиям существования. В этом смысле и должно понимать относительную свободу. Человек, наиболее свободный, скорее всего обнаруживает способность приспособления (Здесь идет речь об активном и сознательном приспособлении. Есть также пассивная приспособляемость, когда люди, как бы сделанные из теста, всюду и везде устраиваются, со всеми уживаются и, разумеется, отличаются весьма малой свободой, но и растяжимость их приспособления констатирует нечто вроде внутренней свободы, так как принуждение чуждо их сознанию). Однако, под высшей этической способностью к приспособлению, или под свободной, разумеется не та свобода, которая диктует волку в образе человека поступки лишь в его собственных интересах, но та свобода, которая направляет деятельность мозга на благо человечества. И понятно, что низкие страсти, ограниченный ум и слабая воля сводят на-нет свободу личности. Теоретическая вера в свободу воли тут не при чем. Человек, чрезвычайно связанный, ощущает субъективно чувство свободы, как и связанный в значительно меньшей степени. Получив наказание за совершение поступка, обусловленное его связанностью, он будет считаться с ним, как с несправедливостью, но, в свою очередь, и судья будет исходить из неправильных начал, применяя хотя и в скрытом виде, принцип возмездия, являясь как бы представителем божества и, во всяком случае, основывая свое решение на устаревших обычаях, тесно связанных с религиозными представлениями. Можно было бы сказать, что наиболее ясное представление о своей связанности характеризует тем большую свободу человека, ибо он считается со своими мозговыми функциями.

Уголовное право, таким образом, должно отказаться от своих основ и стать на научно-социальную точку зрения. Тогда оно и будет с честью защищать общество от людей, для него опасных и будет заботиться о личностях невменяемых. Пункты уголовного права в большей или меньшей степени совпадут тогда с правом гражданским. И, отрешившись от функций представителя божества, выносящего решения и наказания, судья будет олицетворять собою защитника и предохранителя.

Предполагалось, что наказания будут в состоянии внушить страхи прекращать преступления, воздействуя на слабую волю. Однако, обнаруживается заразительность насилия и грубости, причем совершенно несостоятельной оказалась теория наведения страха, так как человеку свойственно, что, между прочим, доказываемая и войнами, привыкать к преступлению, возмездию и крови. Благоприятно влиять может лишь внушение добрых и справедливых идей. Смертная казнь обезвреживает лишь преступника, а наши каторжные места заключения являются школами порока и преступности. А между тем, всякую тюрьму можно было бы преобразовать в воспитательное учреждение, согласно с основами психологии, что имело бы, без сомнения, только благотворные результаты.

История психиатрии и процессов ведьм подтверждает наш правильный взгляд. Не очень давно на душевно-больных смотрели, как на преступников или действовавших под непосредственным влиянием нечистой силы, причем, применительно к этому и выносились

приговоры. Впрочем, католики и теперь еще склонны считаться с наличием ведьм, которых не прочь были бы и судить. Упомянутые процессы и положили основу господствующим предрассудкам относительно психических больных.

И теперь еще мы полагаем, что судебный приговор обуславливает позор осужденного. В связи с этим мне кажутся особенно характерными слова, слышанные мною лично от бывшего директора каторжной тюрьмы, д-ра Гильом, в настоящее время состоящего председателем союзного статистического бюро. Во время одной из застольных бесед, он, прислушиваясь к различным мнениям, произнес следующее: «Знаете ли, господа, много преступников пришлось мне встречать за всю мою жизнь, всякий раз я делил их на две группы. Из них представители одной были, без сомнения, больные, остальные же — о, эти остальные! Углубляясь в самого себя, я невольно самого себя спрашивал: не следовало бы ли я им в аналогичных случаях?» Конечно, нельзя так резко разграничивать преступников, но основа здесь, безусловно, верна. Привожу книгу Ганса Лойсса («Aus dem Zuchthause»), полную многих поучительных вещей. Автор сам был в исправительной тюрьме.

Мы займемся теперь взаимоотношением половых проявлений с уголовным правом, в его настоящем и в его желательном будущем. Нам известны те странные мотивы уголовного права, которое считается с весьма странными половыми проступками. Так, например, тяжелая кара сваливается на голову какого-нибудь несчастного простачка, прибегнувшего под кровом темного сарая к удовлетворению своей половой страсти при посредстве жующей свою жвачку коровы, глубоко к этому равнодушной, ничего не потерявшей в своей стыдливости и не потерпевшей никакого урона. Никакого убытка не потерпел здесь и собственник этой коровы, хотя последнее не принимается в соображение судьей, ибо суровое наказание остается в той же силе, если корова принадлежала и самому содомисту. Но тогда здравый смысл задается вопросом: на каких основаниях наказывается поступок, не сопряженный с каким-либо вредом ни для человека, ни для общества, ни для самого животного? Очевидно, мы здесь считаемся с унаследованною религиозною мистикой, исходя из разрушения богом грешных Содомы и Гоморры. Но ведь бог наказал смертью и поступок Онана, — почему же закон не карает онанизма столь же сурово? В последнее время велся спор о том, в каких именно случаях следует наказывать провинившегося, если он лишь воспользовался задним проходом другого (педерастия), или наказанию подлежат всякие непристойные взаимные проступки. Иными словами, наказание определялось участием той или иной слизистой оболочки или кожи в удовлетворении извращенного полового стремления. Можно себе представить взгляд на вещи такого вершителя судеб человеческих, берущего себе одновременно функции физиолога, анатома и психолога! Насколько мне известно, в Германии подлежат наказанию половые отношения лишь между двумя мужчинами, но не между двумя женщинами. Уголовное право, как мы видим, исходит из мотивов, ничем не оправдываемых и построенных на пережитках мистики. В «Zeitschrift für schweizerisches Strafrecht» усердно защищалась против религии необходимость представления о преступлении! Рассмотрим теперь отдельные явления в связи с их истинною социальною ценностью.

В интересах сведения на-нет насилия, несправедливости и ничем не оправдываемых противоречий, вмешательство уголовного права возможно лишь при обнаружении действительного или ожидаемого вреда по отношению к отдельным лицам или обществу. Здесь должно считаться с наличием невменяемости, если таковая имела место, и со степенью ее интенсивности, т. е. совершил ли данный проступок душевно-больной или лишь отчасти больной, или же совершенно здоровый. Определив все обстоятельства дела, судья должен изыскать все способы, которые обеспечат обществу невозможность повторения таких случаев, а также подействуют на преступника в смысле его исправления. Если преступник алкоголик, то его должно поместить в соответствующую больницу, а потом содействовать его поступлению в общество трезвости, причем такие меры будут действовать вернее, чем меры наказания. Если же имеют дело с безнадежным рецидивистом, то неизбежен будет основательный надзор и лишение его некоторых опасных для других форм свободы. В этом случае руководящими указаниями могут служить основательное ознакомление с прошлым преступника, наказаниями, им уже назначавшимися, и всестороннее психологическое изучение его личности. Совместная деятельность психиатра и юриста является здесь особенно плодотворной. Уголовная сфера

может быть уже затронута и при нормальном совершении полового акта, если он обусловлен был насилием или хитростью (изнасилование, злоупотребление невменяемостью, воздействие внушением и т. д.). Разумеется, необходимы меры против таких преступлений, причем пострадавший должен быть соответствующим образом вознагражден. Во всяком случае, нас в большей степени интересует защита пострадавшего, чем смягчение наказания виновника преступления. В тех случаях, когда насилие вызвало беременность, закон должен разрешить искусственный выкидыш, так как навязывание деторождения женщине такими способами не может быть названо справедливым. Тот же взгляд на вещи должен быть применяем, когда половое злоупотребление касалось несовершеннолетних. Когда же женщина соблазнила несовершеннолетнего мальчика, то продукт этого соблазна в лице ребенка должен быть исключительно на попечении этой женщины, которой не разрешается и выкидыш, так как она сама сыграла роль соблазнительницы. Такое постановление, между прочим, оправдывается более тесной связью ребенка с его матерью.

В гражданском праве мы упоминали уже о случаях всяких заболеваний на венерической почве при совершении полового акта.

Кровосмешение. Под заголовком «Брак между родственниками» мы определили запрещение границы понятия о кровосмешении. Отсылаю также к главе VI. Наиболее вредные последствия должно видеть в случаях кровосмешения между родителями и детьми. Источники следует искать в ненормальностях на психической почве, алкоголизме, промискуитете или же изолированности семьи от остального мира. Так, его можно наблюдать у живущих уединенно в швейцарских альпийских хижинах. Приводимые здесь примеры представляют собою кровосмешение первого рода, подлежащее наказанию.

Грубый, пьяный муж непрерывно требовал от жены совершения полового акта. Чтобы избегнуть его приставаний, она отдала ему свою дочь для полового использования.

Погрязшая в пьянстве женщина прельщала своего сына, 17 — 18 лет, сбивая его на совершение с ней полового акта. Протестуя в глубине души против такого желания своей матери, сын убил ее, тоже предварительно напившись. Но в тюрьме он представлял собою образец добропорядочности, так как лишь алкоголь и соблазн толкнули его на совершение убийства.

Бывший присяжный заседатель рассказал мне о следующем случае, который подлежал его разрешению: А. Р., 50-ти лет, женатый на рослой здоровой женщине, отец 6 детей (девочки и мальчики в возрасте от 6 до 24 лет), обвинялся в половом изнасиловании всех своих детей; кроме того, ему ставилось в вину еще половое общение с животными, собаками и кошками. Его 18-летний сын совершал половые акты со своей матерью и сестрой. Вообще, во всей семье наблюдалось психопатологическое извращение.

Я имел случай наблюдать семью, которая состояла большей частью из слабоумных и душевно-больных и даже лечил ее. Здесь кровосмешение имело место среди всех членов семьи, между отцом и дочерьми, матерью и сыновьями, а также братьями и сестрами. Отсюда прямой вывод, равно как и из многих других наблюдений, что кровосмешение должно рассматривать не как причину, а как следствие ненормального и болезненного состояния. Это, во всяком случае, не исключает вредных последствий, но не в таких размерах, чтобы иметь большое воздействие на расу. Поэтому кровосмешение должно быть уголовно преследуемо лишь тогда, когда соvrращены были несовершеннолетние или психически больные, или же, когда имело место изнасилование. Но, во всяком случае, предохранением может служить то естественное отвращение, которое свойственно человеку к кровосмешению, причем, в интересах охранения от появления потомства, большую роль сыграет применение предохранительных средств. Если будет устранен алкоголизм, улучшен присмотр за психически больными и, вообще, видоизменены социальные условия человеческого существования, то кровосмешение все больше и больше будет сведено на-нет.

Должно упорно преследовать всякие покушения на несовершеннолетних, но и здесь необходимо считаться с наследственной извращенностью преступника или же злоупотреблением человека в нормальном состоянии.

Необходимо немедленно устранить от занятий с девочками ненормального в половом отношении учителя, который покушался на своих несовершеннолетних учениц. Но если он еще

к тому страдает извращенностью, то меры предохранения должны быть более серьезными. Так же должно быть запрещено гомосексуалистам преподавание представителям своего же пола.

Касаясь извращений на половой почве, которые приведены были нами в главе VIII, мы столкнемся с непоследовательностью и мистическим мировоззрением, положенными в основу нашего уголовного права. Здесь наказанию подлежат такие поступки на половой почве, которые не сопряжены с причинением кому-либо вреда или же обусловлены взаимным согласием участвовавших сторон. Если здесь может быть место моральным соображениям или вмешательству врача, то уголовному праву здесь делать нечего. Под такими случаями мы разумеем такие поступки, имевшие место между взрослыми, с доброго их согласия, без посягательства на интересы третьего, как онанизм, педерастия, мазохизм, фетишизм и т. д. Почему, например, должны быть преследуемы урнинги? Ведь общество выиграет лишь от того, что эти несчастные, вступая в связь между собою, не дадут обществу потомства. И наоборот, брак между гомосексуалистом и представителем противоположного пола мы должны рассматривать, как преступление, совершенное применительно к нормальной половине этой супружеской четы и их детям.

К тому же, мы видели уже какие злоупотребления практикуют подонки общества по отношению к урнингам, на почве преследования последних современным законом, что подтверждают Краффт-Эбинг, Моль и др., а также констатировано неоднократно и мною.

Пресловутый § 175 немецкого уголовного права и подобные параграфы законодательства швейцарских кантонов вредны по своему содержанию и подлежат уничтожению, и чем раньше, тем лучше. Кто в этом еще недостаточно убедился из крупного процесса Гарден — Мольтке — Эйленбурга, — тому уже, действительно, ничем не помочь. Наказуют и уничтожают несчастных людей, которых болезненное предрасположение тянет в омут грязи, и в то же время оправдывают отъявленнейших вымогателей. И в этом справедливость!

Но в тех случаях, когда удовлетворение извращенности возможно противно воле и во вред объекту, законом должны быть применены самые энергичные меры защиты, и не столько в интересах наказания извращенных индивидуумов, сколько для предохранения лиц, ставших их жертвами. На первом плане здесь садизм и растление. Дело значительно осложняется благодаря тому, что нельзя выжидать последствий и вмешаться лишь тогда, когда преступление имеется уж налицо. Но, вместе с тем, нельзя же, в самом деле, привлекать к ответственности человека лишь за то только, что ему свойственен данный инстинкт, против которого он, будучи во всех отношениях порядочным человеком, энергично протестует. Я имел дело, как врач, с человеком, которому было свойственно такое извращение, и его порядочность и этическое чувство удерживали его от непристойного поступка, и в отчаянии он искал выхода в онанизме и т. д. В таком случае, конечно, можно надеяться на самого больного, который не разрешит себе гнусности, но врач обязан взять с него слово, что он немедленно явится под наблюдение врача, как только сила воли ему начнет изменять. Нередки случаи, когда в борьбе с самим собою такой человек кончает самоубийством. В тех случаях, когда сдерживающего начала нет, и когда субъект спокойно искал возможности удовлетворения, против обнаружившегося преступления должны быть приняты психиатрические меры. Наблюдается, однако, особое умение, например, у садистов, скрывать свои поступки, и если поэтому один из них успел предстать пред лицом правосудия, то его необходимо изолировать на долгий срок. Может быть, здесь уместно и применение кастрации. Впрочем, последняя, может быть, вовсе и не представляет защиты от такого извращения, но все же могла бы быть рекомендуема, если цель будет хоть отчасти достигнута.

Что касается эксгибиционистов, то относительно них особенно трудно говорить что-либо, ибо прежде всего их вред исчерпывается лишь тем, что они обнажаются в присутствии женщин и стараются в их присутствии совершать мастурбационные действия, оскорбляя таким образом чувства стыдливости молодых девушек и детей. Строгость закона применительно к этой категории извращенных людей совершенно неуместна, так как нельзя говорить об исключительном вреде, приносимом созерцанием таких поступков, которые лишь смешны и внушают отвращение. Если таких людей непродолжительное время лечить в психиатрической больнице или же подвергнуть надзору, то результаты получаются благоприятные. Таков же должен быть взгляд закона на случай некрофилии или полового осквернения трупов, в тесном

смысле связанного с садизмом. Такие извращенные субъекты, или некрофилы, не будучи способны на совершение убийства, на почве садизма стараются надругаться над трупами, доходя даже до пожирания их частей. Нечего и говорить, что такие люди должны быть совершенно изолированы, в виду их крупной опасности для общества. Фетишисты же, если не считать их склонности к похищению облюбованных ими предметов, а также отрезывания кос у девушек, вообще безвредны.

Мы уже доказывали отсутствие оснований для наказуемости конкубината. Мы также касались и вопроса относительно необходимости вмешательства закона в проституцию, не считая, конечно, сводничества и торговли живым товаром, строжайше уголовно преследуемых. Торговля телом других людей, как разновидность работоторговли, должна быть строжайше воспрещена. Мы отсылаем здесь к главе XII. Также не подлежат преследованию публичные провокации, неблагопристойности и низости на половой почве.

Совершение полового акта не должно быть сопряжено с каким-либо насильственным действием и нельзя допустить такого права, в силу которого один человек мог бы заставить второго дать ему половое удовлетворение без согласия последнего. Конечно, здесь трудно точно провести разграничивающую линию, ибо жеманство может приписать даже невинному намеку чудовищные размеры, но все же должна быть предоставлена возможность для нормального ухаживания в связи с неизвестным представлением о приличиях, разумеется, если не состоялось специального соглашения (см. главу IV, Флирт).

Интересно исследовать вопрос относительно того, сколько можно себе позволить, если состоялось взаимное соглашение, не посягая однако на интересы третьих лиц. Наши нравы ведь отличаются в этом смысле достаточной свободой, причем более откровенный флирт мог бы считаться уже злом. Например, неприличные раздевания или совершения полового акта и т. д. в присутствии посторонних лиц, ни в каком случае нельзя разрешить, так как, между прочим, оно вызвало бы половое раздражение у детей, оскорбляя общественное приличие. Все сводится, очевидно, в данном случае к мерам полиции, имеющим целью защиту детей и женщин от приставаний на улицах, всякого рода оскорблений и покушений.

Указываю здесь на приведенное в главах V и VII по поводу порнографии. См. также главу XVIII. И в этих случаях установление точной грани уголовной наказуемости представляется весьма затруднительным. Нравы нашего общества сами открывают двери порнографии, но не то проявление ее опасно, когда мы видим ее выставленной во всяких витринах и на открытых местах. Наиболее опасной и проникающей в глубь души и сознания является та утонченная эстетическая порнография, которая приняла образ талантливо исполненных изображений эротических романов и пьес и таким образом под сенью искусства, а иногда и морали, забрасывает свои сети. Принято весьма ошибочно называть порнографическими такие произведения, как романы Золя или драмы Брие, которые открыто говорят о разврате наших дней, но ненормальность этого взгляда доказывается тем, что в таких сочинениях нет восхваления безнравственности, а талант раскрывает нам факты из действительной жизни, внушающие отвращение и ужас. Удалив картину Беклина (Наяды) из витрины, начальник полиции обнаружил не только ненужную стыдливость, но и отсутствие представления о безнравственном и порнографическом. Можно, конечно, говорить об эротическом действии на грубых невежд и таких произведений, что мы и видели у тирольских крестьян, которые, движимые моральным негодованием, уничтожали мраморные женские бюсты, выставленные на улице. Но все же ложной стыдливости не удалить эротики, которая всегда сумеет избрать себе кружные пути. Необходимо остановиться на чем-нибудь более благоразумном, чем обрушиваться на искусство и его изобразителей.

Иначе обстоит с порнографией. Половой порок представляется не с тем, чтобы подчеркнуть его отвратительность и печальные последствия, но лишь с целью его прославления, чтобы расхваливать его и привлечь как можно больше последователей. При этом безразлично, выставляется ли он дерзко на показ; скрывается ли он под покрывалом, устроенным таким образом, что видным становится именно то, что должно скрываться; проявляется ли он при блестящем освещении электричества, или полусвете мягкого будуара — во всех своих проявлениях или извращениях он рассчитан на подстрекательство, щекотание, соблазн, раздражение, совращение, похотливость и разжигание самых низменных стремлений.

В некоторых случаях порнографическое блюдо преподносится под соусом сентиментальности или морали, причем не только не исчезает вкус блюда, но его пикантность усиливается, благодаря такому противопоставлению. Это же, между прочим, дает возможность пороку беспрепятственно проникнуть в общество под прикрытием патента добродетели. При этом, имея в виду в результате ее победу, стараются все время придавать пороку такие пикантные прелести, которые действуют возбуждающе на человеческую похоть. Прикрывание порнографии подобием добродетели имеет целью улавливание наивных людей (яд, разумеется, все равно будет действовать), люди же, не столь наивные, смогут без стеснения открыто наслаждаться таким произведением. И представляется чрезвычайно трудным определить, где кончается чистое искусство и начинается торжество порока. Следует обратить особое внимание на такие преступления против нравственности и половые покушения, которые совершаются над психическими больными в расчете на их невменяемость. С этой целью, например, уринги определяются служителями в психиатрические лечебницы. Такие преступления должны быть наказуемы как преступления против несовершеннолетних, но и здесь, однако, необходимо считаться со степенью причиненного вреда и степенью вменяемости совершившего поступок.

Довольно трудно решить вопрос относительно прав женщины на ее потомство, а также аналогичных прав общества и его обязанностей. Во всяком случае, нет сомнения в том, что родившийся младенец находится уже под защитой общества, при этом строго караться должны как родительские злоупотребления, так и гнусная профессия тех делательниц ангелочков, которые за соответствующее вознаграждение, путем замаривания детей, отправляют их в райские края. Следует, однако, помнить, что такие случаи истекают непосредственно из современных социально-экономических отношений, а также обуславливаются беззащитным положением внебрачных детей и позором, выпадающим на их голову, благодаря свойственному людям лицемерию. Но как должен смотреть закон на плод, пребывающий в утробе матери, и каково должно быть его отношение к искусственно произведенному выкидышу? Мнения по этому поводу различны. Беременность, как следствие насилия, должна быть устранена при помощи искусственного выкидыша, как я уже об этом говорил. Вообще же принципиально выкидыши не должны быть допускаемы, если только совершение полового акта было с согласия обеих сторон и не предписывается врачом. Зародыш имеет все права на существование, причем рождение представляет собою лишь частный случай в его жизни после десяти месяцев беременности, считаемых в четыре недели, как и лунные. Ребенок может остаться жить уже на седьмом месяце.

В этом вопросе допускается много отступлений, однако, строгость со стороны врача является здесь особенно неуместной, так как ему раньше других надлежит решить вопрос о допустимости или недопустимости выкидыша. Ведь бывают случаи, когда беременность представляет собою бедствие для родителей и потомства, которым угрожает в этом случае какая-нибудь опасность. В супружестве можно разрешить искусственный выкидыш, если отец психически больной, или если забеременела идиотка, психически больная или подверженная эпилепсии. Разрешается выкидыш и в том случае, когда здоровье матери может пострадать от беременности, или же если ее неизлечимая болезнь обещает больное потомство. Все эти заключения, конечно, должны явиться следствием всестороннего, основанного на опыте обсуждения.

Одновременно с этим является необходимым упомянуть еще об одном, хотя и несколько щекотливом вопросе, касающемся возможности оставить в живых такое потомство, которое представляет из себя прирожденных калек или неизлечимых уродов. Закон обязывает нас не посягать на существование таких индивидуумов, которые поязились на свет кретинами, идиотами, гидроцефалами или без глаз и ушей, с уродливыми половыми органами и т. д. Может быть, настанет время, когда, заручившись согласием родителей и опираясь на весьма осторожно сделанную медицинскую экспертизу, можно будет помощью нечувствительного наркоза прекратить дальнейшее существование таких несчастных, не обязывая их к дальнейшей мученической жизни, только потому, что этого желает закон. Дряхлая религиозная догматика и здесь безраздельно властвует еще над законодательством, ибо мы видим, что содержатся колоссальные армии, предназначенные для уничтожения тысяч находящихся в цветущем здравьи людей, причем рядом с этим другие многие тысячи пропадают под гнетом голода,

проституции, алкоголизма и эксплуатации, — и одновременно настаивают на том, чтобы медицина, всеми имеющимися в ее распоряжении средствами, содействовала бы сохранению жалкого прозябания умственных и физических уродов. Воздвигаются специальные сооружения для идиотов и искренно выражают свою радость, когда многолетние сверхъестественные усилия пожертвовавшего собою персонала приводят к тому, что маленький идиотик может, как попугай, прошамкать несколько слов или что-нибудь намалевать на бумаге, — особенно же восторгаются, когда эти карикатуры на человека механически твердят молитву, устремив очи в потолок. Сопоставляя такие факты, мы видим всю горькую иронию, заключающуюся в наших, не чуждых гуманности нравах. Было бы благоразумнее, если бы эти, не жалеющие своих сил, воспитатели и учителя идиотов дали бы последним спокойно почить вечным сном, а сами дали бы жизнь своим собственным здоровым детям! Впрочем, это уже выходит из нашей области.

Различают искусственный выкидыш в первые месяцы беременности и в последние, причем при жизнеспособности ребенка искусственный выкидыш носит уже название искусственных преждевременных родов. Наказание будет большим в том случае, если такие роды имеют целью лишь возможность избавиться от потомства, что рассматривается, как детоубийство. Поэтому мать не должна иметь права единственно по своему усмотрению решать вопрос о выкидыше, а лучше прибегнуть к врачебному исследованию, тем более, что в нашем распоряжении в настоящее время имеется достаточное количество предупреждающих зачатие средств. И общество может поэтому требовать, чтобы мать не посягала на беременность, если таковая уже состоялась. При достижении матерью больших прав и большей половой свободы, искусственные выкидыши должны будут все меньше и меньше оправдываться, исключая мотивы медицинские или социально-гигиенические. Пока материнство вне брака клеймено позором, нельзя слишком строго порицать случаи прекращения беременности и даже лишения жизни новорожденных. Но в будущем должны наступить иные отношения, — причем нельзя будет считать позором никакую беременность, которую нужно было бы потому утаивать. Мне могут, конечно, указать мою непоследовательность, ибо каждому человеку, независимо от его пола, должно быть предоставлено по личному усмотрению распоряжаться своим организмом, так что уголовное право в данном случае не при чем, — однако здесь совершенно иное положение вещей. Ибо мы имеем дело не с одним только живым организмом, а двумя, иногда же и более (двойни и т. д.). Едва совершилось зачатие, зародыш, хотя и тесно связанный в своем существовании с существованием матери, все же располагает уже известными социальными правами, которые тем более нуждаются в защите со стороны общества, что зародыш сам не в состоянии отстаивать свое право. Что касается измены в браке, которая в настоящее время подвергается каре, то она только должна служить причиной к разводу. Мы видели уже отсутствие основания для принудительной верности. Осветив вопрос при изложении гражданского права, мы думаем, что уголовное право может вмешиваться в измену супружеской верности только в том случае, когда она сопровождалась какими-либо непосредственными преступлениями, не имеющими отношения к нашему вопросу. Уголовное право не может войти в обсуждение вопроса относительно той косвенной опасности, какую представляет дурная наследственность для потомства. Правда, гражданское право может кое-что в этом смысле сделать, и им уже кое-что и делается. Но в дальнейшем мы приведем иные средства, могущие обеспечить нам благоприятные результаты. Мы указывали уже на возможность и уместность кастрации в некоторых случаях, разумеется, весьма ограниченных. Я полагаю, что, опираясь на социальную этику, возможно таким образом разумно регулировать воспроизведение потомства, что мы уйдем дальше от правовых сомнительных корм, вредно отражающихся на свободе. Законы, к сожалению, всегда должно рассматривать, как зло, необходимое лишь в некоторых случаях, но очень часто не нужное.

Должен закончить тем, что необходимо сочетание уголовного и гражданского прав с административными мерами в интересах оберегания в половой сфере как отдельных личностей, так общества и грядущих поколений. Но это может быть выполнено лишь в тех случаях, когда резко проявленные человеческие слабости категорически мешают достижению таких же результатов добровольным путем при помощи этического и интеллектуального образования и воспитания.

Добавление к главе XIII

I. Случаи из судебной практики.

Приводимый ниже факт имел место в кантоне Сан-Галлен, в Швейцарии, в 1904 г. и, как таковой, в полной мере подкрепляет наши выводы. Фрида Келлер родилась в 1879 г. в Bischofszell'e, в кантоне Thurgau, от вполне приличных родителей. Мать ее отличалась кротостью и чувствительностью, отец же, весьма почтенная личность, был строг и вспыльчив. Среди одиннадцати сестер Фрида была пятой. Училась хорошо, но страдала головными болями вследствие воспаления мозга на четвертом году от роду. Обучалась ремеслу швеи и портняжному искусству, следя также за хозяйством дома. Впоследствии поступила в модный магазин в Сан-Галлене швеей, где ею оставались довольны и платили 60 франков в месяц содержания.

В погоне за большими заработками, она по воскресным дням исполняла обязанности помощницы в кафе, где женатый хозяин упорно приставал к ней со своими ухаживаниями.

Она вскоре перешла в новый магазин с ежемесячным окладом в 80 франков, но, когда ей было 19 лет, хозяин кафе, который давно уже на нее покушался, увлек ее под благовидным предлогом в погреб и здесь заставил ее ему отдаться, что повторялось еще два. В мае 1899 г. она разрешилась от бремени мальчиком в госпитале в Сан-Галлене.

Не утаив перед своими близкими всех вышеописанных подробностей, она старательно скрывала свой позор перед чужими. Что касается ее матери, то она весьма сожалела свою дочь, так как в свое время была поставлена в такие же условия, когда ей было 18 лет. Увлечший ее господин покинул несчастную, которая, разрешившись от бремени, убила ребенка, за что и присуждена была к тюремному заключению на 6 лет. Приговор суда объяснил ее поступок не нравственной ее испорченностью, а ложным стыдом. Между прочим, Фрида всего этого не знала. Что касается отца, то он позор дочери принял близко к сердцу, не хотел ей оказывать помощи и даже собирался выгнать на улицу. Ребенок помещен был в местном детском приюте. Соблазнитель делал ей весьма лестные обещания, взяв на себя заботу по содержанию ребенка, но выдал ей всего лишь 80 франков и вскоре совершенно исчез из города.

Суд не выяснил обстоятельств беременности, что не дало возможности привлечь соблазнителя к ответственности. Изнасилования, конечно, в данном случае не было, а имело место неожиданное нападение на духовно-беспомощную девушку и, по утверждению защитника, не могло быть и речи о «любвонной связи». Здесь было лишь совращение или неожиданное нападение. Впоследствии соблазнитель отрицал отцовство, но, очевидно, прибегал к неправде, так как он своими платежами и исчезновением непосредственно подтвердил свою виновность.

Необходимо было вносить за ребенка еженедельно 5 франков, и, кроме того, Фриде обходились стол и квартира у ее замужней сестры в 45 франков ежемесячно. По смерти родителей, Фрида получила от отца 2471 франк, которые, впрочем, целиком попали в руки ее брата.

Бедная девушка начала переживать очень печальные дни. Ей нехватает средств на содержание ребенка, и вместе с тем, чувство стыда не разрешает признаться в его существовании. И, наконец, ей предложено было приютом забрать ребенка в 1903 г. по достижении им предельного возраста (пять лет).

Что оставалось ей делать?

Несомненно, что навязчивые мысли, преследовавшие в то время Фриду Келлер, обуславливали ее ясно выраженное патологическое состояние, на которое вполне основательно, указал, между прочим, и ее защитник. Ей мучительно хочется сохранить тайну и вместе с тем содержать ребенка, но она не предпринимает в этом смысле никаких мер. Она не заботится о приискании более дешевого приюта, не хлопочет о большем жалованьи, не старается получить своих денег от брата, не советуется с замужней сестрой и даже не преследует соблазнителя, женатого человека, — все это в интересах сохранения тайны. Хотя в связи с законом, предъявление иска об отцовстве к женатому соблазнителю не представляется возможным (!) Но

все эти вопросы ее как-будто не интересуют, о чем она и заявила впоследствии на суде. И вот, с понедельника пасхи 1904 г., т. е. с той минуты, когда ребенку предстояло покинуть приют, одна лишь мысль медленно, но зловеще, начинает овладевать ее дезорганизованным и объатым страхом мозгом, мысль, кажущаяся ей единственным просветом в ее отчаянном положении, — мысль о необходимости избавиться от ребенка. Это навязчивое представление цепко овладевает ее разумом и, наконец, толкает ее на решительный шаг.

Несмотря на любовь к детям, Фрида своего ребенка не любила, хотя и аккуратно за него платила. Она его никогда не ласкала, не баловала, не целовала и, будучи в других случаях доброй и отзывчивой женщиной, весьма безучастно относилась к собственному ребенку. В начале апреля приют был ею извещен, что она вскоре примет ребенка.

За несколько дней до этого ее видели мечущейся по квартире в поисках за каким-то шнурком. Внешний вид ее говорил о придавленном внутреннем состоянии. Наконец, она решилась. Сестры ее были извещены, что ребенок ее будет отправлен к тетке из Мюнхена, которая ждет ее в Цюрихе. Схватив ребенка за руку, она отправилась с ним в Гагенбахский лес. Здесь в уединенном месте, она долго раздумывала, не решаясь на свое ужасное дело. Но, по ее словам, какая-то неведомая сила подталкивала ее. Вырыв могилку руками, она удавила ребенка шнурком и, убедившись в его смерти, зарыла трупик и обходным путем отправилась в отчаянии домой. 1-го июня приют был ею извещен о благополучном прибытии ребенка в Мюнхен, 7-го июня трупик после сильного дождя был найден на поверхности земли какими-то бродягами, 11-го того же месяца Фрида заплатила последний долг приюту за ребенка, а 14-го она была арестована. Фрида не переставала объяснять свой поступок неспособностью содержать ребенка, а также необходимостью соблюдать тайну, которая заключала в себе позор ее вынужденного материнства, обусловившего внебрачное рождение.

По свидетельству знавших ее, она отличалась кротостью, добротой, интеллигентностью, любовью к труду, скромностью, любила детей. Заранее обдуманное намерение было признано ею самой, причем она не высказала никаких забот в интересах смягчения своего преступления. Такие случаи по местным законам (ст. 133) заслуживают смертного приговора, каковой и был ей вынесен. Фрида Келлер при этом потеряла сознание.

Верховный совет Сан-Галленского кантона большинством всех против одного вместо смертной казни, назначил ей пожизненное заключение в каторжной тюрьме. В этом заключаются сухие факты, заимствованные нами из протоколов суда в местной газете и из великолепного отчета в «*Signale de Ceneve*» (господина А. де-Морзье).

И вместе с г. де-Морзье мы должны выразить свою уверенность в том, что вынося такой смертный приговор и не привлекая к ответственности действительного виновника преступления, закон как бы специально создан с целью уничтожить всякую веру в правосудие, которое может быть названо варварским и позором для двадцатого века. Но мы еще присовокупим следующее:

Fiat justitia, pereat mundus. Суд и присяжные сделали свое дело на почве закона. Здесь точка. И в этом правосудие.

Не подлежит сомнению ненормальность душевного состояния Фриды Келлер, находившейся под воздействием самовнушения или навязчивой идеи, что не особенно редко. Непоследовательность ее действий подтверждает это вполне основательно. При большей наличности в мозгах наших судей и присяжных основ психологического разума в ущерб обилию параграфов кодекса, они на почве сомнения в нормальности обвиняемой додумались бы хотя бы до психиатрической экспертизы. Но возникает вопрос: можно ли навязывать материнские чувства женщине, родившей плод нечаянного полового нападения? Я уже доказывал необходимость искусственного выкидыша в случаях изнасилования. Фрида Келлер имела достаточно основания не любить своего ребенка.

Не любя своего ребенка, даже питая к нему отвращение, что является необычным в материнстве, она этим подтверждала то обстоятельство, что половое удовлетворение было у нее украдено. Этот случай резко подчеркивает грубость и лицемерие наших взглядов в области полового вопроса, которые служат источником стыда, отчаяния и страха, — и только деревянные и высохшие сердца наших юристов и бюрократов могут сохранить в таких случаях олимпийское спокойствие.

Можно было бы принять за горькую насмешку эту милость для несчастной жертвы несчастной судьбы, выразившуюся в пожизненной каторжной тюрьме. Юстиция Сан-Галлена должна была бы, задумываясь, видоизменить закон и не оставить бедную жертву долго ждать своего освобождения.

Если встречается детоубийство, то чаще действительным убийцей является не мать, фактически убившая ребенка, но низкий отец, покинувший беременную или не пожелавший признать ребенка. В приведенном случае объединились, в качестве благоприятствующих фактов, наследственность со стороны матери, результаты воспаления мозга в детстве, беспомощность, нужда, чувство стыда, а также невозможное поведение отца, — что и сделало ее скорее жертвой, чем преступницей. Подробности дела указывают на то, что ребенок представлял для нее не только источник хлопот и огорчений, но был ей противен.

Но по какому пути женщина добрая, отзывчивая и вообще любящая детей может дойти до ненависти к собственному ребенку? Задавшись подобного рода вопросом, судьи, без сомнения, подумали бы основательнее над вынесенным приговором и, в силу веления своей совести, нашли бы действительных преступников в лице мужской трусливой грубости, лицемерия на половой почве и несправедливых законов.

Весьма своеобразно то обстоятельство, что, в связи с протестом соблазителя, направленным против печати, местный суд решил уже после вынесения приговора над Фридой К. (не могущего быть измененным) сделать дополнительное расследование, однако, без пересмотра самого дела! Этот господин удостоился чрезвычайного внимания, и вполне справедливым следует считать протест союза женщин в Арау, направленный против такого законодательства с такими приговорами. Когда каждая беременность и каждое рождение смогут рассчитывать на уважение общества, причем каждой женщине удастся в лице закона видеть защитника ее прав и охранителя ее детей, — тогда лишь детоубийства будут подлежать действительно строгому осуждению.

Дополнительные сведения в октябре 1908 г. О поведении Фриды Келлер в тюрьме вплоть до сего времени я получил следующие достоверные сведения. Вначале она содержалась в течение 6 месяцев в одиночном заключении. После этого она была переведена в качестве прачки в прачешную при тюрьме и отличалась хорошим поведением. В интеллигентных кругах города Сан-Галлена начинают возрастать в ее пользу симпатии. Так как уже раньше один мужчина (Айхеле), приговоренный к смерти, замененной ему пожизненным заключением в исправительной тюрьме, по прошению, был выпущен на свободу, после нескольких лет отбывания наказания, то можно надеяться, что и бедную Ф. К. постигнет та же участь.

В новейшее время, в 1908 г., произошел следующий однородный случай. «Мрачная картина развернулась третьего дня перед судом присяжных в г. Фрей-берге, по поводу детоубийства, в котором обвинялась 19-летняя сельская работница Коницеко из Силезии. Обвиняемой вменялось в преступление, что она предумышленно умертвила внебрачного ребенка, рожденного в 9 ч. утра 25 февраля в Лошковицах, причем она удушила младенца, засунув ему в рот и нос скомканный платок. Обвиняемая откровенно созналась. Как выяснилось при разборе дела, Коницеко, бедная сирота, поступила в имение работницей. Здесь она пала жертвой грубого насилия рабочего, ныне привлеченного по этому поводу к ответственности, который, между прочим, заразил ее при этом отвратительной болезнью. Благодаря этой болезни, она лишилась места и в своем несчастии, лишённая всякой поддержки, совершенно одинокая, без всяких средств к существованию, она в порыве отчаяния совершила это дело, приведшее ее на скамью подсудимых. Суд признал смягчающие вину обстоятельства, приговорил обвиняемую к двухлетнему тюремному заключению».

Как милостиво! Этот верх милосердия звучит злою иронией.

II. Из нового уголовного закона кантона Люцерн, от 5 июля 1906 г.

(доказательство отсталости наших законодателей).

§ 115.

(1. Богохульство). Кто преднамеренно и обдуманно богохульствует, вызывая этим общественный соблазн, подлежит двухгодичному заключению в смиренном доме.

В более легких случаях применяются исправительные меры.

§ 116.

(2. Осквернение святыни). Кто из ненависти или презрения к религии учинит насилие по отношению к св. дарам или дарохранилищу, будет считаться виновным в осквернении святыни и, смотря по учиненному соблазну, подлежит заключению в смиренном доме до шести лет.

В более легких случаях применяются исправительные меры.

§ 119.

(3. Извращенный разврат). Протivoестественное удовлетворение полового инстинкта при посредстве человека или животного, если этот проступок не учинен при нижепоименованных отягчающих обстоятельствах, наказывается заключением в смиренном доме до пяти лет.

Такое теократическое уголовное право в современном культурном государстве не нуждается в комментариях.

Глава XIV

Медицина и половая жизнь. Половая гигиена

Общие указания. Если богословие представляет собою вероучение о боге и загробной жизни, а право — кодифицированный сборник древних и новых обычаев и законов, то медицина, как говорят, является искусством, — искусством лечить больного человека. Указанные три дисциплины имеют в корне своем одно чувство и одно сознание. Человек пришел к религии и преклонению перед богом под влиянием страха пред темными, таинственными, непостижимыми силами и пред посмертною судьбою, ощущая вместе с тем незначительность собственных знаний и сил. Право обязано своим происхождением чувству справедливости и несправедливости, находящемуся в филогенетическом соотношении с чувством симпатии или совести, базирующейся на необходимости совместной общественной человеческой деятельности. Медицину обусловили ощущение боли и страх перед болезнью и смертью, смягченные сознанием, что страдания могут быть облегчены или же устранены. Но пока богословие, если изолировать его от самовластно захваченной им этики и учения морали, базируется на мистике, силясь красивыми фразами сделать из нее нечто человечески-натуральное, право же, игнорируя свое происхождение и конечную цель, ушло в толкование и применение параграфов закона, медицина вся жива живым человеком.

«Седа, дорогой друг, вся теория, и зелено златое дерево жизни». Эти слова Гете должны быть всегда памяты врачу. Чтобы устранить болезнь, т. е. ввести в норму нарушенные функции организма, поскольку это возможно, врачу необходимо знать нормальное тело и его жизненные отправления. Вследствие этого искусство неизбежно должно иметь под собою основу вспомогательных и экспериментальных наук, обуславливающих эти знания, и раньше всего, дисциплины анатомии и физиологии. В зависимости от этого в последовательном развитии медицины происходило и постепенное развитие ее вспомогательных наук. Благодаря медицине, приобрели интерес исследования таких скрытых жизненных познаний, как гистология, эмбриология, сравнительная анатомия и физиология, анатомия и физиология мозга и в новейшее время бактериология. Чем только не займется человек, чтобы охранить и починить свое дорогое я! Но углубление во все эти науки по той причине и поглотило столько места в медицине, что само искусство лечения отступило на второстепенное место, хотя оно не перестает играть самую видную роль в практике и всего больше импонировать естественнонаучно необразованной публике.

Это искусство довольно разноценно. Но оно проявляется в настоящем виде лишь в тех случаях, когда свободное от малейшей примеси шарлатанства, оперирует на основании выводов науки, так как неуч применит свой талант там, где этого не требуется, и пуская в ход ненужные в данный момент средства, шарлатан же сосредоточивает все свое внимание на капиталах больного. Наблюдаются странные сочетания истинного искусства с незнанием, знания с шарлатанством и искусством и знания с недостаточною искусностью. В идеале можно желать соединения знаний и искусности с честностью и отсутствием алчности. Бывают сочетания в лице одного и того же субъекта всех таких качеств, как невежество, бездарность, алчность и

шарлатанство. К сожалению, вышеприведенные слова Гете еще мало привлекают к себе внимание даже со стороны одаренных талантов и научно-подготовленных врачей. Есть немало догм и понятий в этой среде, которые воспитаны одряхлевшими гипотезами и предположениями, которым очень далеко до сходства с плодами зеленой ветки действительного опыта жизни. Есть масса врачей, являющихся в своем роде богословами, знающих лишь указку своего руководителя и пользующихся его очками взамен самостоятельного мышления и наблюдения. К таким больше всего принадлежат люди системы (гомеопаты, приверженцы натурального метода лечения и т. д.). Но всего более это положение вещей получает горькое возмездие в сфере полового вопроса.

Нам интереснее самоопределение медицины, как науки, которая, считаясь с далеким от совершенства искусством лечения, нашла для себя удобным прибегнуть к такому гигиеническому закону: «предупреждать лучше, чем лечить».

И тут предрассудки играют крупную роль в представлениях наших врачей применительно к половому вопросу, что наблюдается и относительно алкоголизма, причем здесь не обходится без некоторого воздействия религиозной этики и непоколебимого авторитета. Однако, медицина сделала свое большое дело, так как благодаря ей у нас представилось ясное понятие о половых отношениях человека с точки зрения естественно-научной и этически-социальной. Отношения медицины к половому вопросу, если посвятить им здесь место, значительно отвлекли меня от темы; отсылаю поэтому к главам I, II, III, IV, и VIII, которые имеют своим основанием медицину и естественные науки. Рассмотрев уже в главе VIII половую патологию, мы обратим здесь внимание на половую гигиену, которую, впрочем, оставим, в ее общей и социальной части, на конец главы, чтобы предварительно указать на некоторые неправильные взгляды врачей на половой вопрос.

В сказанном в главе X мы имели возможность убедиться в том неправильном и вредном взгляде, который поощряет врачебный надзор и регламентацию проституции, не только вредные со стороны нравственной и половой, но совершенно не отвечающие своему назначению и с точки зрения гигиены, в смысле предупреждения заражения венерическими болезнями. Слепо преклоняясь перед авторитетом раз навсегда учрежденного института, врачи брали вопрос с обратной стороны и полагали, что необходимо представление доказательства того, что свободная система должна пользоваться преимуществом пред государственной регламентацией. Но ведь приверженцы регламентации должны сами доказать улучшение дела, хотя бы в отношении предупреждения заражения, с тех пор, как государство взяло проституцию под свою высокую руку. И даже при благоприятном ответе можно было бы сомневаться в необходимости таких принудительных мероприятий. Но не только такого доказательства нет, но и желание собрать такие доказательства закончилось весьма печально. Таким образом, существование этой системы обязано не желанию уменьшить число венерических заболеваний, а объясняется влечением мужчин к излишествам и разнообразию в половой сфере. Однако, можно сомневаться в правах общества продолжать покровительствовать в интересах развратников и сластолюбцев такому недостойному институту, как сводничество, получившее патент от правительства, а также унижение женщины и еще большее сокращение ее прав. В этом и сказывается воздействие старых и ложных взглядов на вещи, что немало врачей, которые рекомендуют, в качестве одного из методов своего лечения, посещение проституток и публичных домов. Но ведь такое лечение представляет больше опасности, чем сама болезнь, для которой оно предназначено, и во всяком случае хуже онанизма, поллюций и пр. Что же касается всякого рода извращений, то в домах терпимости они у каждого из их посетителей получают лишь большее усиление.

Я привожу здесь письмо одного нервно-больного, которое может служить типом такого рода историй, имевших место у бесчисленного множества лиц.

"Мне тридцать один год. Я женат был 3 1/3 года и потерял жену два года тому назад, умершую от чахотки. Болезнь эта вскоре обнаружилась у моего ребенка, которого я должен был в течение 1, 5 лет лечить в санатории.

"Под влиянием перенесенного несчастья я почувствовал себя больным и долго не мог придти в себя.

"Я не сплю по ночам, а в продолжение дня безотчетно околачиваюсь по комнатам, не

будучи в состоянии освободиться от тоски и угнетенности.

"Ощущаю физические страдания, как тяжесть в голове, спазмы, сухость кожи, потерю семени.

"К сожалению, врачи не облегчили моих страданий. Меня кормили бромом и опиумом и лупулином от потери семени. Так как результатов благоприятных не получалось, то один врач посоветовал мне в качестве единственного средства получить половое удовлетворение. И вот, пренебрегши моральным чувством, я три месяца тому назад в доме порока, в объятиях проститутки, мнил найти себе исцеление от потери семени. Но взамен этого заразился гонорреей, от которой не освободился еще и по настоящее время, так как не помогают ни гоносан, ни вспрыскивания.

«Мое отчаяние не имеет границ и я не задумался бы перед самоубийством, если бы не обязанности, возлагаемые на меня моим несчастным ребенком», . и т. д.

Разумеется, в высшей степени бессмысленно запугивать людей преувеличением вредных результатов некоторых половых излишеств. В главе IV (половое стремление) нами приведена была норма вместе с правилом Лютера. Врач же может предложить следующее:

Если молодой человек по каким-либо соображениям еще не предполагает жениться, то должен стараться отвлекать свои мысли от всяких половых представлений, удовлетворяясь ночными периодическими истечениями семени, но отнюдь не прибегая к мастурбационному акту. Это же имеет отношение и к девушкам, которые в этом смысле поставлены в более благоприятные условия, так как в нормальном состоянии инстинкт их слабее и нет выделения желез, обуславливающих половое возбуждение. Если женщина не может владеть собою до брака, то ей необходимо соблюдать большую осторожность, но вовсе нет надобности разуместь в таких случаях проституцию (см. гл. IX, XII и XIX).

Роль моралиста или сурового прокурора совершенно неуместна для врача, к которому обратились по половому вопросу. К сожалению, часто практикуемые запугивания ипохондриков, онанистов и всяких извращенных людей дают самые скверные результаты. Весьма полезным является гипнотическое внушение при посредстве врача, которое весьма успешно воздействует, ослабляя половое возбуждение, слишком частое истечение семени и уменьшая случаи извращения. Часто в браке при моногамии много моментов, не разрешающих зачатия, как время после родов, после болезни и т. д. Врач в этом случае должен быть чрезвычайно осторожен. Запретив супружеской чете половые сношения, он поставил мужа в весьма неудобное положение, так как причинит ему страдания, если последний будет воздерживаться, что, между прочим, отдалит его от жены. Если же муж, в интересах удовлетворения своего полового влечения, обратится к продажным женщинам, то неизбежен риск заражения, которое может сделать семью несчастной навсегда.

Отсюда ясно, с какой осторожностью врач должен рекомендовать в браке воздержание. Мы затронем здесь, в связи с вышесказанным, принципиальный вопрос.

Половое воздержание успело возбудить вокруг себя массу всевозможных мнений, из которых крайние, конечно, должны быть исключены, как всякая крайность. Но можно сказать, что всегда господствовала тенденция чрезмерно преувеличивать вред от воздержания. Иногда это довольно трудно, но все же воздержание вполне возможно для обоих полов. Правильным поэтому является мнение медицинского факультета в Христиании, согласно которому заболевания действительно наблюдались, но не в зависимости от воздержания, а в связи с излишествами. Следует избегать обобщений, так как у нормальных в половом смысле людей воздержание может отразиться на их психике и душевном состоянии. Легко возбудимые в половом отношении переживают действительно тяжелые часы в борьбе со своим влечением. Хиникви, о котором мы уже упоминали, приводит случай с одним честным монахом, который, желая сохранить обет безбрачия, но не в силах совладать со своим возбуждением, вырвал рукой половые части. Такие факты не лишне было бы напомнить проповедникам морали, которые от природы имеют холодный темперамент или успели уже значительно состариться. Они тогда стали бы иначе смотреть на «безнравственность» результатов полового влечения. Одна нимфоманка, богатая и интеллигентная девушка, целомудренная, заявила, что отдастся проституции, если скоро не выйдет замуж. И вместе с тем, как странным должно казаться, когда люди с холодным темпераментом отправляются в публичные дома или обзаводятся

семьей, чтобы «сделать так, как другие» и избежать насмешек. Мне лично известен богатый образованный молодой человек, отправившийся под влиянием насмешек товарищей в публичный дом, заразившийся там сифилисом и спустя несколько лет павший жертвой прогрессивного паралича мозга.

Раньше совершение полового акта как у человека, так и у зверя совпадало с представлением о зачатии, но в настоящее время нет места больше для естественного подбора, и, стало — быть, на нас самих лежит обязанность избежать появления на свет несчастных уродов, и поэтому мы должны строго различать удовлетворение половой потребности от зачатия. Это непосредственно в интересах наших и нашего потомства.

Меры для урегулирования, а в случае надобности и предотвращения зачатия. В главах I и III мы изучили уже механизм совокупления и воспроизведения, который дал нам возможность убедиться в том, что вовсе не представляет большой трудности удовлетворять половые потребности без зачатия, с каковой целью воздвигаются препятствия для проникновения семенной жидкости в матку. Для этого имеются различные способы или предохранительные меры, как для мужчин, так и для женщин.

1. Меры предупреждения со стороны женщины.

Вслед за совершением полового акта женщина может промывать влагалище тепловатой водой с уксусом, которого берется от 3 до 5%. Такой способ может быть применяем даже в том случае, когда другое средство (которое применил мужчина) было не совсем достаточно или неудачно. Однако, такое промывание не служит верным предохранением, так как сперматозоиды могли уже успеть попасть в отверстие матки.

Утверждают, что совершение полового акта до менструаций не влечет за собою зачатия, но хотя, действительно, в это время зачатия реже, однако, полагаться на такое средство не рекомендуется.

Имеет применение также маленькая губка, пропитанная каким-нибудь дезинфицирующим составом, вводимая женщиной перед совершением акта в глубь влагалища и вытягиваемая оттуда за нитку вслед за совершением акта. Но и такой способ не надежен, так как сперматозоиды могут проникнуть в матку и независимо от губки.

Так называемые замыкающие pessaries, или замыкающие каучуковые кольца, вводимые женщиной каждый раз перед совершением полового акта и располагаемые перед маточным зевом, также не достигают цели, так как при неправильном их положении они не соответствуют назначению, между тем как семя при этом способе остается во влагалище. Женщина вводит кольцо при помощи ободка, несколько сжав его; во влагалище его устанавливают при помощи пальца, на что слудует получить соответствующие указания от акушерки. Кольцо должно быть извлекаемо перед менструациями и, вообще, часто подвергается чистке. В последнее время предлагаются к употреблению так называемые предохранительные «шарики», которые состоят из масла какао с хинином и глубоко вводятся во влагалище перед совершением полового акта. Я мало верю в надежность этого средства. Те же самые результаты дает влагалищный пульверизатор «Атекос» д-ра Густава (вдувание во влагалище порошка из смеси борной, лимонной и дубильной кислоты в соединении с гумми-арабиком и мукой). Все это ненадежно.

Таким образом, ненадежными являются все средства, которые будет применять женщина, так как приходится иметь дело с полостью влагалища, темной и глубокой, где ничего верного нельзя предпринять. Все это дает основание убедиться в том, что эти средства непригодны.

2. Меры предупреждения со стороны мужчины. Большое распространение имеет способ так называемого *coitus interruptus* (прерванное совокупление), который сводится к тому, что мужчина быстро извлекает половой член из влагалища перед самым моментом эякуляции, так что семя не попадает во влагалище. Такой способ чрезвычайно тягостен, отражаясь на получаемом удовлетворении, и ненадежен, так как может произойти опоздание.

Некоторые мужчины прибегают к *raedicatio mulierum*, который состоит во введении члена в прямую кишку женщины или же в каком-нибудь ином его раздражении (ртом и т. д.). Помимо ненормальности и отвратительности такого способа, он не годится потому, что не удовлетворяет женщину.

Самым простым и достигающим цели средством является непроницаемая пленка, которая одевается на мужской член, находящийся в состоянии эрекции. Тогда семя задерживается в

этой пленке, особенно если у основания пленки натянуть, в целях предосторожности, эластическое кольцо, не дающее пленке соскользнуть. Такие пленки называются кондомами или презервативами.

В ходу также каучуковые кондомы, имеющие у отверстия утолщенное и стягивающее кольцо. Однако, они действуют притупляюще на чувствительность головки, значительно уменьшают ощущение сладострастия, задерживая эякуляцию, и кроме того, ненадежны, так как могут прорваться. Имеются, однако, в продаже и лучшие сорта, которые меньше притупляют чувствительность, особенно если до применения ввести туда немного слюны. Каучуковые кондомы должны быть приготовлены из свежей резины, в противном случае они легко прорываются. Кондомы для головки, также приготовляемые из каучука и прикрывающие только одну головку, вряд ли приятнее, так как еще больше уменьшают чувствительность и весьма ненадежны. В настоящее время начали, поэтому, изготовлять, так называемые, цекальные кондомы из прямой кишки различных животных. Они носят название кондомов из рыбьего пузыря и, если отличаются прочностью и не очень тонки, то отлично соответствуют своему назначению. Необходимо только, в интересах предосторожности, одевать подобранное каучуковое кольцо сверх такого кондома, чтобы он не соскользнул и не покрывался складками. Перед применением его смачивают водой и вводят немного слюны. Таким способом устраняется ощущение постороннего тела у мужчины и женщины. Головку также смазывают борным вазелином. Лучше извлечь еще не совсем ослабевший половой член, осторожно снять кондом с кольцом и вымыть их в чашке, так как один и тот же кондом можно использовать несколько раз, если осторожно промывать его и высушивать между двумя тряпочками, а потом, вдунув воздух, прикрутить отверстие, оставив в таком виде до утра. Таким образом, он снова годен для пользования. Благодаря этому же способу определяется и годность его, так как, будучи проницаем, он не сможет удержать в себе воздуха.

Если кондомы очень тонки, то их можно натянуть один на другой. При обнаружившейся негодности кондома, необходимо сейчас же прибегнуть к упомянутому проспирцованию водою с уксусом. При соблюдении осторожности такой способ безусловно предупреждает зачатие. Женщина, не имеющая основания верить мужчине, может в свою очередь применить какое-нибудь из вышеуказанных средств. Мы обращаем внимание на важность всех этих подробностей, так как бедным людям недоступны слишком частые затраты. Хороший кондом допускает очень частое применение. В экстренных случаях, когда необходима полная гарантия против оплодотворения, рекомендуется одновременное применение кондома мужчиной и пессария или губки женщиной. При промывании же раствором уксуса в воде возможность оплодотворения совершенно исключается. При некотором навыке эта процедура не требует большой затраты времени и совершаются одновременно с раздеванием и одеванием.

Цекальные кондомы, приготовляемые из животной пленки, не притупляют ощущения наслаждения при совершении полового акта. Пьяные забывают всякую предосторожность и легко воспроизводят идиотов. Женщинам, которые не могут защитить себя от пьяных мужей, предлагается, по крайней мере, принимать меры предосторожности при помощи пессариев и тому подобных средств, а также промывания.

Обращаю вторично внимание на достижение дешевизны и практичности этих средств, которые, без сомнения облегчают условия нормального брака, исключают преждевременную беременность, не отражаясь на половом ощущении и на чувстве любви, и вводят таким способом дело размножения в соответствующее русло. Если же беременность для женщины безусловно опасна, то применением безвредной операции дислокации труб исключается навсегда необходимость в применении кондомов.

Практикуемое в последнее время совершенное вырезывание матки, при страданиях ее (exstirpation), разумеется, имеет следствием совершенное обесплоение женщины.

Высказывалось мнение, и особенно А. Пейером, относительно вредности кондомов. Но это не обосновано. Найденные им сперматозоиды в моче, что может иметь место в самых нормальных случаях, дали ему возможность построить целую теорию относительно нервного расстройства, которое, однако, сюда не имело никакого отношения. Но и другие врачи и простак рассказывают всевозможные небылицы о применении презервативов и при этом без всякой тени осведомленности на теоретической или практической почве.

Некоторые в своих утверждениях доходят до уверений, что женщина лишается ощущения излияния семени в устье матки! Как-будто какая-либо женщина может это чувствовать! Невероятно, в какие формы может вылиться предубеждение в интересах своего оправдания.

Патологические субъекты, не имеющие права плодить потомство, благодаря противозачаточным мерам, могут удовлетворять свое половое побуждение, не обогащая человечество уродливыми детьми. Те же меры предоставляют возможность молодым людям вступать в брак в такие годы, когда не имеется еще возможности содержать семью. Кроме того, можно таким способом заранее определить месяц рождения ребенка. Так, в жарких странах можно приспособить роды к осени. Одним словом, является, таким образом, возможность изолировать вопрос воспроизведения от удовлетворения полового побуждения. Мне могут возразить, указывая на то, что эгоисты совершенно откажутся от деторождения, но я в этом не вижу никакого несчастья, так как увеличится лишь число жизнерадостных людей, стремящихся к воспроизведению, которые и обусловят вполне добросовестное поколение.

Эти же меры в некоторой степени ограничат развитие проституции, так как половые сношения в меньшем количестве случаев повлекут за собою беременность, рождения и связанные с ними нередко роковые последствия. Если сюда присовокуплены будут реформы, которые упомянуты были нами в главе XIII, при рассмотрении гражданского права, то можно надеяться, что половые сношения примут более здоровые и нормальные формы. Можно указать также на относительную, но, конечно, не безусловную защиту при помощи кондомов от заражения венерическими болезнями (смотри ниже).

Вышеупомянутая операция у женщины может иметь место во всех тех случаях, когда женщине предстоит навсегда отказаться от деторождения (узкий таз, душевная болезнь, эпилепсия и т. д.).

Не верится, что у многих врачей настолько отсутствует чувство стыда, что они непосредственно толкают молодых людей в грязные объятия проституции, в то время как краска покрывает их лицо при упоминании о противозачаточных мерах. Таким образом, обыкновенно, и действуют привычка и предрассудок, давая место стыду там, где его не нужно, и одновременно оправдывая все достойное порицания и отвращения.

Правильное применение средств против зачатия представляет собою камень преткновения для всей индивидуальной и социальной половой гигиены, и святая обязанность врачей подробно ознакомиться с этим вопросом, рекомендуя и поощряя применение кондомов во всех соответствующих случаях. Вместо того, повсюду господствует предрассудок и рутина, значительная часть врачей подходит к этому вопросу с большим запасом теологических и догматических тенденций, чем даже теологи и боящиеся параграфа юристы, — и, по незнанию, или же на почве предрассудка, подвергаются заражению, жен же своих заставляют рожать детей сверх меры. Действительно, в этом случае они проявляют себя профанами. Побужденный Waadtland'ским обществом врачей, членом которого я состоял, реферировать на эту тему, после того как в Лозанне реферат на эту же тему вызвал всеобщее неудовольствие, я узнал, что некоторые из моих коллег предприняли против меня, хотя и безрезультатно, гонение. Это побудило меня, не считаясь ни с какими последствиями, еще энергичнее защищать мою точку зрения и привлечь их к ответу. Во время дискуссии (присутствовали исключительно врачи и в большом числе) никто не осмелился возражать против моих выводов. Все, наоборот, даже со мной соглашались.

Гигиена брака. Мы посвятили этому вопросу уже достаточно места в главах VI, X и XIII Б. Из того, что сказано было нами в главах IV и V, могут быть выведены наиболее важные физиологические и психологические условия брака. При условии заключения брака с согласия и сознательного отношения обеих сторон, когда не будут приняты во внимание ни материальные соображения, ни какие-либо источники противоестественного происхождения, ни давление религии и права, если еще при этом обеспечено будет равноправие обоих полов, — то на таких основах может вырасти нормальная взаимная любовь, рука об руку с половым влечением, которая обеспечит внутреннюю связь брака, причем обязанности по отношению к потомству представят собою в той же степени прочные внешние связи. При наличии благоприятной организации происходит слияние этих двух элементов, так как свойственное им социальное чувство долга, или совесть, тесно граничат и с обязанностью, вовсе не нуждаясь в

давлении закона. Рассмотрим еще целую серию вопросов на почве медицины.

В главе VII Б мы видели уже, что муж может быть старше жены на 6 — 12 лет, что особенно важно в постоянном моногамном браке. Объясняется это более ранним созреванием, но зато более ранним увяданием женщины в половом и умственном отношениях. Что же касается народов, живущих в полигамии, то здесь, правда, юные мальчики сочетаются браком с юными девочками, которых зато скоро бросают, чтобы обменять на новых юных жен. В нашем обиходе мужчина разрешает этот вопрос при содействии проституции. Развратившись еще в молодости физически и морально и к тому же нередко заразившись венерической болезнью, вступившей в брак склонен смотреть на брачный союз, как на подобие богоугодного учреждения, где роль няньки исполняется женой. Разумеется, трудно придумать такой медицинский рецепт, который указал бы здоровый путь для моногамии, так как полигамия в той форме, в какой она дошла до нас, приближается к жизни животных, проституция же во много раз отвратительнее. *Nic Rhodus, hic salta*, — скажет эгоист, признающий лишь систему «после нас хоть потоп», «ничего не помогает, поэтому не обратим на него внимания!» — легкомысленно отвечает малодушный. «Человек обязан сдерживать свои страсти», — возражает проповедник морали. Мы изберем средний путь и скажем, что при наличности у молодого человека энергии, могущей бороться с его половыми побуждениями, причем до двадцати пяти лет он будет в состоянии оставаться целомудренным, его выигрыш в жизни будет наиболее верным. При отсутствии предрассудков и имея в виду предохранительные от зачатия средства, он может, даже не располагая материальным обеспечением, сочетаться в браке с молодой девушкой. Последняя, в свою очередь, 17-ти или 18 лет, или даже 18 — 19 лет, может стать подругою жизни, так как к этому возрасту вполне развита уже физически и духовно. Разница в годах, таким образом, будет сохранена, и в таком брачном союзе обе стороны смогут успешно продолжать свое образование, поощряя друг друга в стремлении скорее устроиться своею семьей.

Мы уяснили себе уже основы счастья в браке, которое, как мы уже упоминали (см. главы V" б и VII Б.), зависит от умственного, душевного и полового взаимного приспособления, благотворно отражающегося на чувстве любви. Необходимыми условиями их совместного существования являются общие труд и стремления, готовность быть друг другу полезными и благотворное взаимное воздействие, ничего общего не имеющее с наставничеством или деспотией. Отчуждение не должно иметь места, Мы должны повторить (см. главу V, пример 12), что изолирование спален и постелей ведет к серьезным последствиям, которые, между прочим, обуславливаются и длящейся половой воздержанностью, за исключением, разумеется, таких случаев, как старческая импотенция или серьезная болезнь. Приводилась мысль о том, что женщина должна периодически и достаточно продолжительно отдыхать от половых сношений, и, действительно, в главе IV мы видели, что дикари иногда оставляют в покое своих жен целых два года после родов (все время кормления грудью), так как женщина за этот период считается «нечистой». Но это объясняется лишь тем, что полигамные племена в это время находят удовлетворение при посредстве других женщин. В нашем же моногамном браке необходимо не устраивать перерывов и, если это необходимо, то на непродолжительные сроки. С физиологической точки зрения эти перерывы могут иметь место только во время менструаций и после родов. Грубер полагает («Hygiene des Geschlechtslebens»), что необходимо для периода после родов не меньше четырех недель, но мы допустим даже все шесть недель, и даже в таком случае это будет вполне возможно для мужа. Что касается беременности, то она совершенно не может служить препятствием для половых сношений, причем лишь в более высокие месяцы беременности необходимо соблюдать осторожность, чтобы не принести вреда младенцу.

Для замужней женщины необходим достаточно продолжительный промежуток между двумя последовательными родами, причем должно пройти не меньше года между родами и ближайшим зачатием, стало-быть, не меньше двух лет между двумя родами. Цекальный кондом благоприятно разрешает этот вопрос в интересах здоровья матери и потомства.

Нельзя заранее определять общего правила для частоты совершения полового акта. Это должно быть обсуждено совместно, но норма Лютера (2 — 3 раза в неделю), которую мы своевременно приводили, очевидно, является наиболее правильной в цветущем возрасте.

Если женщина обладает холодным темпераментом, хотя и любит детей, то она не может навязывать воздержание мужу, если бы он даже не преследовал цели воспроизведения. И не только ей полезно до брака получить соответствующие сведения о половых отношениях, но было бы необходимо, во избежание разочарования и непоправимых шагов, взаимное ознакомление друг друга с потребностями и взглядами на половые отношения.

Если девушка имеет хоть малейшее представление о половых отношениях, хотя бы все время оставалась безусловно целомудренной и от природы нормальна, то все же она инстинктивно будет сознавать, как на нее повлияет мысль о совершении полового акта с тем мужчиной, который ей нравится. Мне рассказывала одна женщина с высшим медицинским образованием, вполне целомудренная, но, разумеется, основательно знавшая, благодаря своей профессии, половые отношения, что одно представление о совершении полового акта с каким угодно мужчиной внушало ей одно лишь отвращение. Но едва явился тот, кто пленил ее сердце, как отвращение это быстро уступило место страсти. Из этого случая, между прочим, подтверждается свойственная женщине моногамность. В главе XVII мы укажем, каким образом следует посвящать молодых людей в подробности полового вопроса. При настоящем положении вещей совершенно невозможно взаимное объяснение молодых людей перед обручением по поводу их отношений.

Выросши в атмосфере проституции, мужчина часто женится уже истощенный, с большей или меньшей импотенцией, так что в состоянии лишь раздражить свою молодую жену, но не удовлетворить ее. Это ненормальное положение вещей может быть устранено в зависимости от реформы в области половых отношений.

Различают патологическую, или истеричную, любовь, которая с внешней стороны выражается порывами страсти, но мгновенно превращается в ненависть при первом же совершении полового акта. Она свойственна обоим полам, но преимущественно женщине. На сцену выступают тогда такие объяснения: «Это было роковой ошибкой, — я никогда его не любила или не любил!» В таких случаях особенно ценными и, во всяком случае, благоразумными явились бы пробные браки и даже врачебные исследования, которыми могли бы определиться всякие ненормальности в строении женского организма (непомерно узкий таз, делающий опасными роды, и т. д.).

При следовании теории Толстого, т. е. при признании необходимости совершения полового акта лишь в интересах деторождения, девушка должна об этом своевременно предупредить своего мужа, при этом она должна разрешить мужу, в случае его несогласия, прибегать к услугам другой женщины или же отказаться от своей идеи. Я буду спорить, если кому-либо этот взгляд на вещи покажется безнравственным, так как я считаю возможным исходить лишь из основ разума и этики. Впрочем, этот вопрос слишком щекотлив, чтобы какие-либо нормы могли быть спокойно и систематически применительно к нему обсуждаемы, тем более, что наличность взаимной любви и привязанности всегда будет содействовать получению благоприятных результатов. Потворство инстинктам и страстям здесь менее всего желательно, и удовлетворенными будут вполне те, которые сумели избрать золотую середину. Важную роль играет и вопрос о рождении детей. Мы увидели уже, что тут возможна известная регулировка, и поэтому все заботы наши должны быть направлены на производство доброкачественных детей. Прежде всего важны, конечно, как духовные, так и физические особенности предков и родителей. Одновременно с развитым умом и физическим здоровьем одно из первых мест должен занимать хороший душевный склад, при наличности добропорядочности и энергичной воли. И на самом деле, ни умственные, ни физические преимущества детей не смогут покрыть их слабости, эгоизма и врожденной преступности. Такие дети (здоровенные каналы) являются истинным горем для честных людей, грибами-поганками для общества.

Отсылаю к сказанному о наследственности в главе I. Родители в момент зачатия должны быть вполне здоровы и ни в каком случае не пьяны, так как в таком случае потомство может быть бластофторически испорчено (см. главу I). Если родители очень стары, то и потомство более слабое.

Наблюдаемая в настоящее время тесная зависимость между деторождением и условиями чисто материального свойства достойна самого энергичного порицания. При наличности у

людей всех хороших данных душевного и физического свойства, их не должна пугать перспектива обилия потомства, ибо оно при действительно лучших своих достоинствах найдет возможность развить свои силы при каких угодно условиях. Падает в борьбе с жизнью лишь все то, что по природе своей недоброкачественно, и бластофторически повреждено. Мы не говорим, конечно, о случайностях жизненного пути, болезнях и пр. Но даже и при таких обстоятельствах от природы крепкий организм сумеет обнаружить больше стойкости и большее противодействие, если он только не будет ослабляться воздействием алкоголя, венерических болезней и пр. При естественных, не изломанных культурой условиях существования, как, например, у дикарей, дети являются не обузой, а богатством. Нам же недоступно и воспитание большого количества детей, так как нам не свойственно чувство меры относительно действительно нужных вещей, и большое тщеславие толкает на путь никому ненужной, дорого стоящей и лишь действующей развращающе роскоши. Энергия в деле воспитания должна быть направлена в сторону интеллектуальную, и к этому и сводятся, между прочим, функции государства.

Мы в этих случаях сталкиваемся с весьма щекотливым вопросом, который, однако, должен быть при более естественном положении вещей разрешаем совершенно просто. Два человека, связанные друг с другом искренней любовью, желают объединиться в браке и обращаются за советом к врачу, так как они страдают какой-нибудь болезнью (кто-нибудь из них или оба) или же наследственно обременены. И врачу вменяется в обязанность категорически воспретить брак из социальных соображений во всех тех случаях, когда кто-либо из них подвержен был душевной болезни или еще вполне от нее не оправился, носит в себе задатки туберкулеза или же не успел еще окончательно вылечиться от триппера. Я всегда придерживался такого образа действий.

При меньших осложнениях, но все же наличности сомнительности, когда можно все-таки предполагать, что потомство по своим качествам будет ниже среднего, брак может быть допустим с точки зрения медицины, но при условии неимения потомства. В таких случаях и проявляется особенно благодетельное значение предохранительных от зачатия средств, к которым такие супруги с плохим наследственным предрасположением и будут прибегать, усыновляя, при желании, здоровых сирот.

Но придирчивость и строгость, а также свойственный в таких случаях врачу пессимизм являются здесь совершенно неуместными, так как оказавшая некоторые признаки душевной болезни мать, а особенно какая-нибудь тетка, не могут воздействовать на следующее поколение в смысле запрещения ему плодиться. Указанная в главе I вероятность наследственности должна быть принята в соображение, и в связи с нею врач и укажет, следует ли ограничивать деторождение и в какой именно степени, причем он не должен и в этом случае предъявлять слишком строгие требования, а исходить из среднего уровня массы. Обратиться могут к врачу и люди высоко интеллигентные, но и обремененные наследственностью или психопатические лишь в самой незначительной степени. Врачу надлежит предложить им благоразумный образ жизни на основах гигиены и воздержания от алкоголя. Бесплодие, однако, здесь не является необходимым, так как можно рассчитывать, что потомство, даже и при наличности таких неблагоприятных условий, все же будет выше среднего уровня. Врач, таким образом, обязан не прибегать к обобщениям, а в каждом отдельном случае считаться со всеми имеющимися в его распоряжении фактами и обстоятельствами.

Мы чувствуем себя удовлетворенными, что отныне не представляется необходимым запрещать брак, руководясь лишь опасениями о судьбе потомства. Брак может быть отныне разрешаем хотя бы и психопатам, наследственно обремененным, людям ограниченным и с дурным характером, при условии бесплодности этого брака. Наиболее действительной в таких случаях является дислокация труб, произведенная оперативным путем. К сожалению, хирурги и гинекологи с большим трудом соглашаются оперировать, исходя из таких соображений или же по личной просьбе нуждающихся в этой операции. Они прибегают к этому в случаях местных каких-нибудь страданий, но ни наследственная обремененность, ни страдания на нервной почве почти не служат им побудительным указанием. И таким образом, мы сразу не лишим этих несчастных перспектив в жизни, не будем толкать их на путь проституции и пессимизма. Всякая жестокая мера отличается недолговечностью.

Врачебная тайна. Ни в какой области, может быть, этот вопрос не является столь щекотливым, но и вместе с тем столь затруднительным, как в области половой жизни, причем он успел породить уже различные точки зрения в разных странах. Франция в этом отношении ушла дальше других, и здесь, на почве соблюдения врачебной тайны, можно отказаться от свидетельского показания, можно содействовать укрывательству преступления и пр. Но зато в некоторых странах понятие о врачебной этике почти совершенно отсутствует.

При безусловной наличности таких обстоятельств, которые поставят в тупик при их разрешении, можно все-таки найти некоторые общие указания, которые будут положены в основу взгляда на врачебную тайну для каждого врача. Если врачу доверена какая-нибудь тайна, то он освобождается от моральной ответственности за ее распространение, если сами доверившиеся ему оказались в достаточной степени болтливими.

Конечно, необходимо считаться с вменяемостью или невменяемостью пациента. Если врачу доверил тайну какой-нибудь душевно-больной субъект, причем его идеи угрожают безопасности других лиц или же для него самого сопряжены с какими-либо вредными последствиями, то обязанность врача предупредить несчастье, но сделав это в соответствующем месте. Осторожность со стороны врача является наиболее главным условием. В применении к людям вменяемым, врачебная тайна должна быть в известной степени ограничена, причем в случаях, когда она безусловно угрожает интересам третьих лиц и общества, нельзя говорить о ее необходимости и смысле. Врач, например, обязан сообщить, не считаясь с желанием больного, о заболевшем оспой или холерой, во избежание эпидемии, и, очевидно, таким же взглядом на вещи обязан он руководиться и в аналогичных случаях жизни. Ему, таким образом, не может быть вменено в обязанность становиться соучастником содеянного преступления на почве соблюдения врачебной тайны.

Обратимся к примерам из половой жизни.

Молодой человек признается врачу, что имеет склонность к садизму или незрелым детям. Опасность этого человека для общества очевидна, что ставит в весьма неловкое положение врача, но все же нельзя принимать никаких мер. Приступив только к лечению пациента, без принятия необходимых мер для предотвращения его жертв, врач будет неправ. Но еще хуже поступит тот врач, который сделает так, как это было в изложенном уже мною случае, и, вместо ответа по поводу склонности пациента к извращенности, начнет на него кричать: «Вы свинья, убирайтесь подальше, а не то я на вас донесу». Так же нерационально поступил бы и тот, кто, не вдаваясь в подробности, донес бы на такого пациента. Врачу надлежит прежде всего детально изучить больного, определить размеры его извращенности и установить, является ли он действительно рабом наследственности, честно помышляющим о своем исправлении и готовым идти на все, чтобы превозмочь свое извращение, — или же это бессовестный эгоист, совершенно не считающийся с нравственной стороной дела и желающий лишь в данном случае выкрутиться из неприятного положения, — в обыденной же жизни уверенно прибегающий к извращенным приемам и, стало-быть, представляющий собою очевидную опасность для окружающих. Такие личности, которых довольно много, стараются чаще использовать врача в своих интересах. Желая и в этом последнем случае придерживаться принципа врачебной тайны, врач сделается как бы соучастником этого пациента. Но как поступать в каждом отдельном случае врачу — при наличности бесконечного количества переходных моментов между двумя этими вышеприведенными полюсами? Выяснение подробностей, как мы уже говорили, является первостепенным и необходимым, причем собственная некомпетентность врача обязывает его обратиться к содействию специалиста (психиатра или невролога) и вынести убеждение в искренности и добропорядочности пациента, в его желании побороть свою страсть и в том, что больному до сего времени еще не поддавался воздействию своего влечения, никому не нанеся вреда; врач примет все меры, чтобы оказать содействие больному и на дальнейшее время, и даст ему указание (кроме совета женитьбы) избавиться от своего состояния, и, если это окажется нужным, порекомендует ему даже (*horribile dictu*) онанизм и кастрацию. При этом он возьмет обещание с пациента немедленно явиться для поступления в лечебницу, как только почувствует снова, что больше не в силах бороться со своим извращенным влечением. Врачебная тайна при этом не должна быть нарушена. Такое отношение к больному всего вернее может благоприятно на него повлиять и обеспечить общество, чем судебные кары.

В худших случаях, когда больной окажется безнадежным, по собственной ли его воле или благодаря невозможности бороться, и в тех случаях, когда какое-нибудь преступление уже совершено, врачу лучше всего предложить пациенту поступить в психиатрическую лечебницу, в противном случае придется довести о нем до сведения властей, в виду большой опасности больного для общества. Если же последний решил взяться за рациональное лечение, то, разумеется, следует принять меры, чтобы он не подвергался преследованию. Вообще же врачебная тайна должна иметь определенные границы, вне которых молчание врача является уже соучастием, и психиатрическая лечебница в этом случае является наилучшим пристанищем для извращенного больного и исходом для врача, играя такую же роль, как и изоляционные бараки для оспенных и холерных больных.

Взяв наиболее тяжелую категорию извращенных больных, мы имели в виду их, как особенно опасных для окружающих. Но могут иметь место и такие случаи, как составляющие основу драмы Брие «Les avaries». Субъект с невылеченным сифилисом спрашивает сонета врача относительно женитьбы. Поступит ли честно врач, если он только отсоветует пациенту и будет безмолвно присутствовать при совершении такого несчастья, так как больной может его и не послушаться — исключительно лишь в интересах торжества врачебной тайны? Не лежит ли на его совести сказать больному: «Будьте осторожны! Если вы поступите несогласно моему совету, я посвящу в вашу тайну невесту или ее отца». Я полагаю, что это его обязанность. Но слишком осторожные действия в этом случае, применяемые обыкновенно к невменяемым, совершенно исключаются, и врач может прямо сказать:

«Конечно, в качестве врача, я обязан строго оберегать вверенную мне тайну вашего состояния, пока оно не посягает на интересы других. Но если вы после моих объяснений все же не остановитесь перед тем, чтобы погубить навеки девушку, надеясь на то, что врачебная тайна обязывает меня молчать, то я принесу в жертву долг врача социальному долгу. И отныне я приму все меры, чтобы помешать осуществлению такого несчастного поступка».

Так, но никак не иначе, представляю я себе долг уважающего себя врача. Аналогичный случай имел у меня место с одним молодым чахоточным человеком. Выказав ему мое категорическое мнение в ответ на его намерение жениться, я получил довольно дерзкий ответ, но тут же, не смутившись, предупредил, что все меры будут мною приняты, чтобы помешать этому браку. Этот молодой человек в конце концов женился на другой, которая хотя и была предупреждена мною, но была им увлечена. Я, во всяком случае, сделал свое дело.

Таким же образом, я думаю, должен поступить всякий врач, имея дело с больными, у которых невылеченный хронический триппер, душевно-больными, склонными к конституциональным половым извращениям и т. д.

В прежние времена урнингов старались излечить при помощи женитьбы, так как считали гомосексуализм приобретенным пороком, и нет недостатка и теперь в таких ничего не смыслящих врачах, которые советуют это делать. Есть урнинги, имеющие даже детей, хотя они относятся с отвращением к той женщине, которая имела несчастье выйти за них замуж, и продолжают сношения с мужчинами. Функции жены и сводятся к обязанностям старшей прислуги, которая должна родить пару детей. Будучи посвященным в перспективу такого брака, врач, разумеется, обязан принять по отношению к урнингу такие же меры угрожающего характера, какие нами приведены были выше.

Могут иметь место еще и такие случаи, когда субъект чувствует лишь некоторые недостатки свои, при наличии которых все же хотел бы жениться. При таком положении дела, получив самое искреннее признание, врач должен сказать следующее: «Хорошо. Вы могли бы сочетаться браком при таких-то и таких-то обстоятельствах, но во всем откровенно сознавшись вашей невесте (или жениху), так как в противном случае ваш брак, построенный на лжи, будет несчастным. Беру на себя поговорить с вашей невестой (или женихом)». Получая чаще разрешение на это, врач может сделать много добра и, во всяком случае, уменьшить количество несчастных браков. При этом для каждого частного случая может решаться вопрос относительно того, будет ли брак бездетным или нет.

Ко мне часто являлись одновременно жених с невестой с целью откровенно изложить те или иные обстоятельства и посоветоваться относительно возможности брака. При таких условиях, конечно, значительно легче ориентироваться врачу, и остается только пожелать,

чтобы такой способ стал бы практиковаться как можно чаще.

Мы коснемся здесь еще вопроса об искусственном выкидыше, но лишь вкратце, так как о нем сказано было в главе XIII В (уголовное право). В этом случае врачу необходимо считаться с целым рядом обстоятельств. Он должен взвесить и социальную сторону дела, причем появление на свет ребенка не всегда должно им отстаиваться, даже если последнему суждено стать калекой. Во всяком случае, должны быть приняты во внимание не только интересы матери, но и плода. Сохранение жизни появившегося на свет калеки необходимо, но, поскольку это доступно, лучше не давать ему родиться. Правда, что лишь после рождения возможно определять качество плода, но тогда уже жизнь даже самого уродливого младенца находится под прикрытием закона, и приходится делать все доступное.

Лечение половых болезней. В главе VIII мы уже сказали, что избежание венерических заражений будет единственным и наиболее верным средством их лечения. Но как же их избежать? Во-первых, не прибегать к услугам проституции; во-вторых, воздерживаться от алкоголя; в-третьих, соблюдать большую чистоту при половом акте и тотчас же после него (обмывание); в-четвертых, подвергнуть предварительному осмотру партнера; в-пятых, применять кондом (для избежания венерических заражений наиболее верным средством являются каучуковые кондомы, так как они легко могут быть промываемы и совершенно непроницаемы. Все же можно применять и цекальные кондомы, но не чаще, чем по одному разу каждый, опуская их в раствор сулемы); в-шестых, не целоваться с подозрительными индивидуумами; в-седьмых, прижигать иодом каждое возбуждавшее подозрение место (ссадины, пустулы и т. д.). Всякий мужчина, у которого крайняя плоть недостаточно открыта, должен удалить ее оперативным путем (операция удаления фимоза). Женщины должны перед самым совершением полового акта или тотчас же после него делать себе впрыскивания, в случаях появившегося подозрения, из тепловатого раствора (1: 1000) сулемы. (Для проституток, которые ежедневно имеют сношения со многими, это может, при частом повторении, повлечь за собою опасные последствия). Крайняя плоть мужчины представляет собою место, где задерживаются ураты. Поэтому обрезанные значительно реже подвергаются заражению, чем необрезанные. Мочеиспускание после совершения полового акта служит также к промыванию мочевого канала.

Крайне важно также предупредить всех людей своевременно, в молодые годы о той опасности, которую может представить для них заражение венерическими болезнями.

Мнения относительно лечения и течения сифилиса чрезвычайно расходятся. Между тем как большинство врачей еще и в настоящее время преклоняется пред ртутью и преподносит ей, без сомнения, слишком много лавров, — другие порицают применение этого препарата, видя в нем непосредственную причину сухотки спинного мозга и паралича. Замечательно, что у культурных народов упомянутые следствия сифилиса особенно резко проявляются у старых сифилитиков, у арабов же, например, это не имеет места, но зато последние чаще страдают сифилисом костей и кожи. Не объясняется ли это потреблением у нас в большем количестве алкоголя, большей умственной работой или лечением ртутью? Я приписываю это скорее влиянию алкоголя. В новейшее время лечение сифилиса успешно производится и без применения ртути, причем противники ртути утверждают, что характер сифилиса у нас в течение последних лет несколько изменился.

Что касается меня, то я могу, на основании долголетней практики, противопоставить всем догматическим утверждениям следующее:

1. Ртуть, вполне возможно, дает очень хорошие результаты в начале лечения болезни; при длительном же протекании сифилиса ртуть больше уже непригодна и, наоборот, дает даже обратные результаты. При лечении, так называемого метасифилиса (паралич, сухотка или табес), ртуть действует непосредственно вредно, отягчая состояние болезни.

2. Кажущееся излечение первичного сифилиса при помощи ртути или без нее ни в каком случае не препятствует появлению такого метасифилиса (даже через 20 и более лет).

3. Встречаются хотя преждевременные формы собственно мозгового сифилиса (сифилитические опухоли и заболевание сосудов), но действительный паралич и действительная сухотка спинного мозга являются исключительно продуктом первичного сифилиса (метасифилис). Имеются и псевдо-параличи и псевдо-табесы — формы

несифилитического происхождения. Но это другие, гораздо реже встречающиеся болезни, которые можно отличать от метасифилиса путем микроскопического исследования.

4. У невинной, целомудренной девушки (которая случайно заразилась сифилисом внеполовым путем) и у детей, не страдающих наследственным сифилисом, паралич мозга и сухотка спинного мозга никогда не встречаются.

Здесь не входит в наши виды особенно распространяться, так как мы имеем дело с вопросом исключительно медицинского характера, но примем во внимание лишь некоторые общие пункты. Мы видели уже в главе X, что стыд обуславливает неудовлетворительность лечения венерических больных. Поэтому необходимо наибольшее обеспечение тайны и уважение к чувству стыдливости в этом случае со стороны врача. Больницы должны быть специально с такой целью и приспособлены в смысле возможности лечиться в них, не называя своего имени и не давая никаких указаний относительно себя. Больные венерическими болезнями, особенно женщины, потому, главным образом, и избегают лечения, что опасаются, чтобы их не опознали. Конечно, потерявшая свой стыд особа несколько не считается с таким положением и если и стремится избежать больницы, то лишь из опасения потерять свой заработок, но более порядочные люди (и особенно женщины), очутившись в таком ужасном положении, со страхом представляют себе перспективу совместного пребывания в специальных отделениях больниц в обществе погибших созданий, не считающихся ни с наличностью стыда, ни с условиями приличия. Если тайна лечения, независима от средств больного, будет достигнута и обеспечена, число скрывающих свою болезнь уменьшится до крайнего минимума, что отразится, без сомнения, сокращающе и на числе заражений.

Можно, разумеется, прибегнуть еще и к посредству частного врача, но это не облегчает сохранения анонимности, в то же время обходясь довольно дорого. О кассах для больных здесь тоже не может быть речи. Необходимы в этом случае учреждения общего характера, которые сделают гораздо больше в интересах общества, чем необоснованная регламентация проституции, о которой мы уже говорили.

Таким же образом, чрезвычайно важным является лечение извращений на половой почве. Мы видели уже возникновение половых извращений в зависимости от наследственности, самовнушения и привычек порочного свойства. В последних случаях противовесом может служить лишь гипнотическое внушение, причем отвлекающе могут воздействовать косвенным путем и всякие иные средства, как физический труд, массаж, лечение электричеством. Если извращение усвоено привычкой и по нужде, как онанизм или неестественное влечение к своему же полу, то вслед за гипнотическим внушением в смысле исправления может воздействовать и брак.

Но здесь необходимо соблюдение осторожности при постановке диагноза относительно характера извращения, так как только педерастия и онанизм могут представлять собою, главным образом, извращение по нужде, за неимением более естественного. Еообще же, извращения на почве привычки встречаются значительно реже сравнительно с унаследованными извращениями. Мы не причисляем здесь к категории больных таких сластолюбивых субъектов, которые, в интересах ли разнообразия или же желая избежать потомства или заражения, разрешают себе противоестественные манипуляции, ибо они сами считают себя нормальными и к содействию врачебной помощи обращаться не считают нужным.

Все те случаи, которые требуют вмешательства врача, почти всегда патологического характера, принадлежат к извращениям наследственным (иногда же самовнушенным или аффективно внушенным). Брак в таких случаях не должен быть советуем. Гипнотическим путем Шренк-Нотцингу удавалось обратить вожделение урнингов мужчин на женщин (удалось это и мне). Но в этих случаях брак все-таки опасно было рекомендовать, так как не было твердой уверенности в достаточно длительном действии внушения. Я с своей стороны старался использовать все меры, чтобы отсоветовать урнингу жениться и, главным образом, плодить потомство. При господствующем современном взгляде на вещи со стороны закона урнинги, к сожалению, не могут вступать между собою в брак, что могло бы давать только положительные в социальном смысле результаты. Как уже было объяснено мною в главе XIII, я охотно присоединяюсь поэтому к тем моим коллегам, которые настаивают на отмене преследования

законом гомосексуальной любви и педерастии, обусловленной соглашением между двумя взрослыми индивидуумами. Такие извращенные субъекты должны быть предоставлены самим себе, пока они не приносят никому вреда, не посягают на общественную нравственность и не преследуют несовершеннолетних (содомисты, урнинги, мазохисты, фетишисты и пр.). Если же такой больной на почве стыда и невного расстройства обращается к содействию врача, то его следует лечить гипнотическим внушением, психическим анализом и отвлечением, причем вообще психическое лечение дает отличные результаты. Если установлено безошибочно, что извращение носит чисто усвоенный характер (не следует упускать из виду сочетание из унаследованного и усвоенного извращений), то можно допустить брак, а нередко даже и деторождение после того, как достигнуто уже полное излечение. Бездетный же брак извращенных на вышеуказанных основаниях, при сознательном отношении к нему обеих сторон, может быть вообще допускаем.

Поллюция, онанизм, половая гиперестезия и психическая импотенция поддаются лечению гипнотизмом. При нормальности полового инстинкта во всех остальных отношениях брак чаще может быть разрешаем.

За последнее время весьма усердно предлагался и даже расхваливался иохимбин против импотенции. Мне же приходилось считаться лишь с отрицательными результатами. Предлагались также в качестве вспомогательного средства для введения полового члена во влагалище дорогие аппараты (Эректор, Ультимо и пр.). Мне кажется, что наиболее удобным в этом смысле может явиться хорошо приспособленный и сделанный из хорошей гуттаперчи желобок, который заменит все эти восстановители эрекции. Впрочем, у меня недостает еще в этом случае достаточного количества наблюдений. Конечно, излечение импотенции должно быть установлено до брака и вне его.

При наличности же половой анестезии нет никакого смысла в браке, хотя бы она была и частичной, причем речь идет здесь о мужчине, так как половая анестезия ведь имеется налицо у каждой девушки, не знающей до брака *orgasmus venereus* и не могущей определить заблаговременно, в какой форме выразится у нее половой инстинкт. Если же половая анестезия будет свойственна женщине и во время брака, то ее наличность не отражается, во всяком случае, на совершении полового акта. Но, с другой стороны, может иметь место брак между обоюдными анестетичными девушкой и мужчиной, конечно, если «брак» будет представлять у них лишь союз на дружеских основаниях, без какой-либо половой подкладки, на исключительно платонических основаниях, какие разумеются чистой теорией. Но, к сожалению, анестетичный субъект совершенно не способен судить о наличности или об отсутствии полового влечения у других, как не способен судить слепой о красках, и поэтому ему свойственно ошибаться при выборе своей подруги для совместной условно брачной жизни. С этим обстоятельством врачу должно считаться.

Мы не имеем здесь в виду специальных указаний относительно лечения половых органов, но считаем долгом указать на практикуемую часто врачами-специалистами ошибку, состоящую в том, что, устремляя всю свою энергию на местное лечение, они не считаются с общими функциями головного мозга. А между тем, некоторые болезни могут быть устранены психическим лечением, путем внушения, как, например, расстройство менструаций у женщины, психическая импотенция, слишком частые поллюции, онанизм, обусловленный фимозом или глистами, и пр. Разумеется, не может быть оправдываема и противоположная ошибка, сводящаяся к пренебрежению лечением местных страданий.

Шантажное лечение. Страдающий человек теряет голову. Этим, в связи с эротизмом, и злоупотребляют вымогатели, которым глупость открывает неисчерпаемые источники, особенно же на половой почве. В этой сфере создалась особого рода промышленность, имеющая своим объектом патентованное и непатентованное мошенничество. Наводя страх на онанистов, извращенных и ипохондриков, эти вымогатели при помощи рекламы обирают людей. Даже на почве так называемого оккультизма зиждется страшный половой обман. Злоупотребление гипнотизмом в половых интересах также имеет место.

Все это несказанно способствует развитию сводничества, уводу детей и т. д. И лишь исключительное невежество массы и неосведомленность в половых вопросах, свойственная даже людям с салонным образованием, образуют благоприятную почву для произрастания этих

плевел. Почти ежедневно жалуются мне врачи по этому поводу. Но, в связи с современным состоянием закона, я всякий раз сильно рисковал, когда с фактами в руках собирался обнаружить такое мошенничество. Это требует настоящего разъяснения применительно к половой области.

Глава XV Половая этика или половая мораль

Не легко указать разграничивающую линию между моралью и правом. Прежнее представление о праве, в связи со взглядом на судебную кару, как на искупление, должно было обеспечить более правильное определение этих разграничивающих линий, но оказывается, что, базируясь на религиозно-метафизических догмах, устаревшее право вторгалось в пределы этики, осуждая несоблюдение религиозных и моральных современных обычаев, как мы это видели в главе XIII, и санкционируя те лишённые нравственного основания и несправедливые поступки, которые исходили из религиозных соображений и ими рекомендовались.

Если же мы примем право в качестве установления для оберегания интересов общества и отдельных лиц от всяких вредных поползновений, то мы обнаружим связь его с этикой, которую отрицает целая догматическая школа. И ведь, что представляет собою этика, действительная человеческая мораль?

Предлагалась, правда, и догматическая этика в виде собрания будто бы божественных заветов. На этой почве создались веления, исходившие из религии и отличавшиеся нередко бесчеловечностью. На таких основаниях нередко проявлялось слишком резкое противодействие этики мнимобожественного откровения человеческой этике. Вообще же каждой религии свойственны ее специальные указания. Когда бог малайцев предписывает им сожрать сердце врага; когда Иегова отличается мстительностью и ревностью, искушая Авраама принесением в жертву своего сына, избивая через своих посланных народ и истребляя весь мужской род при помощи потопа; когда Аллах возводит фатализм в систему, предписывая уничтожение христиан и не разрешая употребление спиртных напитков, между тем как Христос проповедует любовь к врагу и разрешает употребление вина (даже превращая воду в вино); когда индусский бог велит вдове умершего пойти за мужем в могилу, и ряд других богов требует человеческих жертв, — в зависимости от всего этого должно констатировать, что такой калейдоскоп религиозных этик не дает оснований для стройных согласованных выводов. Непосредственно в области полового вопроса религиозные предписания вступают друг с другом в противоречие, как полигамия и моногамия, левират и проч.

Мы поэтому уступим мораль на почве религии жрецам всевозможных исповеданий, как получающим ее, по их уверениям, непосредственно от бога, и займемся человеческой моралью. Однако, формальная догматика будет нами исключена, а приняты в соображение лишь обыденные человеческие взаимоотношения. Связь ее с правом нами уже установлена, причем несомненно и ее соприкосновение с гигиеной (медициной). Если между этикой и гигиеной возникает почему-либо трение, то это обуславливается тем, что имелась в данном случае в виду лишь индивидуальная, а не социальная гигиена (Под социальной гигиеной в обширном смысле я разумею не только гигиену данного общества в защиту слабых, но и всеобщую расовую гигиену, представляющую собою наиболее понятную социальную гигиену. Что касается Плетца, то он в «Archiv für Rassen und Gesellschaftsbiologie» дал более тесное понятие о социальной гигиене. С точки зрения дидактики он прав. Но я стараюсь объединить эти понятия, так как, по моему мнению, лучшее представление о социальной гигиене ставит на первую очередь ядровые расы). Врачу же необходимо считаться именно с социальной, а не индивидуальной точкой зрения, или же гигиенические удобства индивидуумов должны у него отступить перед гигиеническими интересами общества. Не должно быть никакого внутреннего разлада между такой социальной гигиеной и человеческой этикой.

Что же представляет собою мораль или этика? Этика с чисто теоретической точки зрения является определением элементов хорошего и дурного в поступках человеческих, в качестве же морали, практически, обязывает делать все хорошее и избегать плохого. Однако, что должно

понимать под хорошим и дурным? Хорошее в представлении одного — является дурным в глазах другого. И слова Гете:

"Я силы мощной часть,
Что вечно жаждет зла и все творит добро"

навсегда останутся верными. Если, в свою очередь, скажем: «что часто творят добро, думая о зле», то правильно укажем на то, как наши побуждения не всегда согласуются с вытекающими из них поступками, которые и должны быть отделены от этических побуждений!

Мы можем дальше убедиться в том, что один и тот же поступок, хороший для одного, будет дурным для другого. Если волк сожрал ягненка, то это хорошо для волка, но дурно для ягненка. Мы часто извлекаем хорошее из того, что дурно для другого, и, стало-быть, мораль может быть только относительной, причем не представляется возможности обнаружить абсолютно положительных или абсолютно отрицательных сторон ее. В наших взаимоотношениях мы стремимся лишь уменьшить это зло и увеличить добро, поскольку возможно. Из практических соображений не представляется, например, даже возможным равнодушно присутствовать при чрезмерном размножении многих рас, безнадежных, однако, в смысле своего умственного состояния, ибо нам может угрожать в конце концов вытеснение этими расами. Одна и та же вещь может причинить нам раньше неприятность, а потом удовольствие, и наоборот, как например, наставление или же чрезмерное удовлетворение лакомки, ощущающего сперва удовольствие, а потом неприятность.

Мы определяем отсюда относительность наших моральных обязанностей, которые теоретически состоят в социальном благе и предъявляемых им требованиях к отдельным личностям, а практически в успешном проведении их в жизнь как отдельными индивидуумами, так и условиями общества. На почве социального блага каждый должен воспитывать в себе добрую волю и чувства альтруизма, причем все роды словесных поучений должны уступить делу и жизненным примерам.

Высшей целью этических функций является деятельность в интересах грядущих поколений.

Если усвоить себе альтруизм и эгоизм достаточно правильно, то в них можно видеть лишь относительную противоположность. Строить основы нашего существования на одном только принципе эгоизма столь же неразумно, как бессмысленно принимать все меры для проведения в жизнь одного только альтруизма. Кормящие своих товарищей медом из своего желудка пчела или муравей, очевидно, ощущают при этом удовлетворение, таким образом, идя навстречу своим альтруистическим инстинктивным стремлениям. Но человеку еще далеко до одинакового ощущения радости при процессе получения и давания. Человек, жертвовавший своею жизнью или страдающий за родину, семью, науку, очевидно, испытывает некоторое удовлетворение, толкающее его на определенный поступок. Принимая все меры к тому, чтобы природный хищнический инстинкт человека ввести в естественные нормы, более или менее совпадающие с проявлением альтруизма, мы последовательно обеспечиваем нашему потомству земной рай, который, впрочем, будет весьма относительным, но все же более интересным сравнительно с нынешним положением вещей.

Человечество в сильной степени нуждается в хорошем наследственном качестве, воспитании воли и характера подрастающего поколения. Состояние варварства, выражающееся апатией, грубостью чувства, безволием, невежеством и суеверием, все еще свойственно нам независимо от недостаточного воздействия школы, а также религии, не приспособленной более к современному положению вещей.

В «Гамлете» Полоний говорит:

"Это выше всего; будь сам себе предан,
И отсюда следует, как день за ночью: У
тебя не будет фальши ни к кому".

Это глубокие, истинные слова, заключающие в себе этическое начало, но для

практического их осуществления нужно обладать соответствующим характером.

Эта естественная человеческая мораль даст нам фундамент для половой этики или морали, причем мы легко ее себе усвоим, рассматривая в связи с нею все, что изложено было в предшествующих тринадцати главах. Без зависимости с побуждениями, обусловившими данные поступки, мы можем считать их социально положительными, или полезными, социально нейтральными или безразличными, и социально отрицательными, или вредными. Но даже в ограниченной сфере применительно к одному или нескольким другим субъектам один и тот же поступок может быть хорошим (положительным), дурным (отрицательным) или же безразличным. Этика, разумеется, считается прежде всего с побуждениями, обусловившими поступок. Но при отсутствии этического чувства человек не в состоянии творить что-нибудь социально положительное, между тем как человек ограниченный и не имеющий представления о вещах, исходя из самых благородных мотивов, учинит что-нибудь весьма отрицательное в социальном смысле. Вместе с тем на почве тщеславия и мести может быть составлено «великодушное завещание», приносящее большую пользу обществу, но вредящее отдельному лицу. Побуждения могут также быть обусловлены эгоистическими соображениями, но из тех же соображений в практическом их применении приносить другим пользу.

Альтруисты представляют собою категорию людей, в которых чрезвычайно мощны этические положительные чувства, которые они и стараются так или иначе приложить к хорошим социальным делам. С другой стороны, чистый эгоист — это индивидуум, который всю силу своей личной симпатии направляет на самого себя. Этическое безразличие эгоиста продолжается до тех пор, пока он не затрагивает интересов других. Но и альтруизм немыслим без некоторой доли эгоизма. И если говорить об идеале социального чувства, то нужно его разуместь во взаимодействии эгоизма и альтруизма, удовлетворяющим потребности общества. Особняком стоит этически испорченный или реально проявляющийся эгоист, составляющий в этом смысле отрицательный элемент. Чистый эгоизм, разумеется, является почти неосуществимой редкостью, так как неизбежно на почве стремления к самоудовлетворению создаются столкновения с интересами окружающих лиц. Социальный порядок на чистом эгоизме, рекомендуемый некоторыми, поэтому фактически не возможен.

Половая этика находит себе основу на этих соображениях. В этическом смысле половое стремление является безразличным. Но смешение понятий, обусловленное исключительно недоразумениями, сделало то, что понятие о «нравственности» вообще, как о моральном, и моральное поведение (в смысле безупречности его применительно к данной догме) в половой сфере начали считать почти совпадающими. Если мы возьмем полового анестетика, то он, без сомнения, будет весьма «нравственным» в половом смысле человеком, но в жизни он может быть испорченным до крайности. Мы не можем здесь этически оценивать его половое равнодушие. Если же урнинг не покушается на целомудрие девушки, то это тоже не вменяется ему в моральную заслугу и т. д. Но на почве полового стремления создаются чрезвычайные иногда столкновения с этикой, ибо получение наслаждения обуславливается пользованием другими людьми. Отсюда исключается фетишизм (и, разумеется, содомия), так как при пользовании неодушевленными предметами в этом случае или услугами животных не затрагиваются пределы морали. Половая этика в представлении различных людей встречает весьма разнообразную оценку, как мы это видим, например, в осуждении предохранительных от зачатия средств такими лицами, которые очень усердно отстаивают проституцию. Считая рождение ребенка вне брака преступлением против нравственности, тот же человек не останавливается перед сомнительной нравственностью, с какою связано непрерывное рождение его женою детей, с опасностью для ее здоровья. Есть и такие моралисты, которые не дают, молодому человеку освятить браком свои отношения к возлюбленной, советуя отделаться от нее и от внебрачного плода деньгами. И вообще, на почве лицемерия, мистики, педантизма, предрассудков, моды, определенного шаблона, нравственности и алчности создаются начала, которые ни в одной точке своей не соприкасаются с этикой. Безнравственность при этом выступает под прикрытием морали. Каковы же должны быть основы этики в половой сфере? На почве свободы от предрассудков можно дать следующий ответ.

Первое положение сводится к тому, чтобы «раньше всего не вредить», второе же, чтобы «всеми мерами приносить индивидуальную и социальную пользу». Таким образом, формула

социальной морали выразится следующим положением: «твое половое побуждение и половое действие не должны сознательно приносить вред отдельным индивидуумам и особенно обществу, а содействовать, по мере сил твоих, повышению счастья и ценности».

Вполне понятно, что во всех областях инстинктивной жизни и алчности, в особенности же в половой сфере, умение владеть собою принадлежит к наиболее важному этическому требованию и обуславливается воспитанием характера и воли. Человек должен уже с юных лет приучаться управлять своими инстинктами и страстями, чтобы достигнуть таким путем единственно действительной относительной свободы, которая делает жизнь достойной и осмысленной. Уже исходя из этих причин, необходимо рекомендовать нормальному человеку половое воздержание. Но особенной заслугой или жизненной целью воздержание не может считаться.

Каждый социальный человек должен стремиться к возможно правильному использованию своего полового инстинкта и умения любить, в интересах его собственных и всех окружающих. Если он сумеет довести эту задачу до конца, впереди его ждет полное удовлетворение, — сознание честно исполненного долга. Во всех своих поступках он должен не упускать из виду, например, следующих образов:

1. Плохой от природы субъект, поддавшись мгновенной страсти, обещивает девушку, наделяет ее внебрачным младенцем и бросает на произвол судьбы. Его поступок как с этической, так и с точки зрения эгоистической, безусловно отрицательный и подлежит обсуждению; обольститель наносит непоправимый вред совращенной им девушке, да и себе приносит больше вреда, чем пользы.

2. Побуждаемая религиозно-этическими соображениями, мечтательная девушка связывает свою судьбу с беспутным пьяницей, в целях его спасения. Лишь в редких случаях такое самопожертвование окупается достигнутыми результатами. Отрицательный с точки зрения эгоизма поступок этот, будучи идеальным по своим альтруистическим мотивам, все же еще предосудительнее в социальном отношении. Такая женщина, спасая от гибели одного человека, совершает тяжкое преступление перед своим будущим потомством, на котором этот акт самопожертвования отразится крайне отрицательными последствиями.

3. Наследственно тяжело обремененный и импульсивно психопатический субъект, при сильном половом стремлении, соединяется в браке с хорошею девушкой в интересах воспроизведения. Положительный с точки зрения эгоизма поступок, рассчитанный на удовлетворение своего "я", является этически отрицательным по отношению к хорошей женщине, становящейся несчастной, и (в большинстве случаев) к потомству, которое унаследует дурные задатки.

4. Одаренный способностями, трудолюбием и идеалистическим взглядом на вещи, при отличном физическом здоровье, субъект находит себе соответствующую подругу жизни. Не гонясь за легким существованием, они задаются целым рядом социальных задач и вместе с тем производят столько потомства, сколько это можно, чтобы не повредить здоровью матери. Здесь идеально сочетались положительный альтруизм с положительным эгоизмом.

Такое счастливое сочетание не всякому, разумеется, доступно, но половая этика может быть налицо и при менее благоприятствующих обстоятельствах. Нервные субъекты или физически слабые лица, заключая бездетный брак, могут иметь в виду целый ряд социальных задач, усыновляя чужих сирот. Положительная этика, по-моему, не пострадает, если когда-нибудь в будущем, при сочетании браком нормального и ненормального индивидуумов, второй из них разрешит первому производить потомство при содействии третьего нормального лица.

Составив себе ясное представление о половой этике, всякий найдет способы ее осуществить, творя положительное добро, избегая зла и удовлетворяя естественные склонности, разумеется, не на почве дурных или извращенных стремлений. Это первым долгом исключит участие в такой социальной гнусности, как публичные дома, проституция, с которыми он будет бороться. Стараясь не вредить в половом смысле всякой другой личности, он примет все нужные меры в случаях невольной ошибки.

Заповеди Моисея в двух местах касаются половой этики:

Седьмая заповедь: не прелюбодействуй.

Десятая заповедь: не желай дома ближнего твоего, не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.

Но одиннадцатая заповедь Христа гласит: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя», выражая устои, какие приличествуют и современной этике. Более полная формулировка современной этики может быть сведена к следующему: «Тебе вменяется в обязанность любить человечество больше, чем самого себя, и свое счастье провидеть в его будущем счастье». На этом базируется указанная нами раньше заповедь социальной этики.

Заповеди Моисея рассматривают женщину как собственность, которая, под страхом божьей кары, неприкосновенна для чужого с точки зрения исключительно собственности. Но, уравниваясь в правах с мужчиной, женщина требует уже иных отношений. Мы вывели уже возможность иногда нарушения обета в браке, без нарушения половых этических начал.

Но половая этика человека должна стремиться к сдерживанию эротически-полигамных побуждений, всегда могущих повредить счастью других. Очень редки случаи, когда такой вред не обнаруживается (см., например, Гюиде-Мопассан «Mouche» и А. Куврер «La graine»).

В стремлении воздействовать на чувственность читателя, наши романы заняты описанием экстраординарных случаев на почве взаимоотношений полов, не могущих служить базой для социальной этики. Средний человек далек от тех ужасов на почве страсти, которыми его наделяют, не убивается и довольно быстро (даже женщина) утешается. Требование безусловной верности до и после гроба также не совпадает с половой этикой, представляя лишь эгоизм пары. Супружеская верность, заключая в себе безусловно положительные элементы, теряет всю свою прелесть в искусственном преувеличении, так как создающийся культ преклонения перед одной личностью исключает остальные объекты всего мира, к которым относятся чуть ли не с презрением.

Чувства альтруизма у человека, как мы уже говорили, будучи прямыми или непрямыми, представляет собою филогенетические отзвуки полового стремления и особенно половой любви. (Мы согласны с тем, что объединение индивидуумов одного и того же пола основывалось на филогенетическом развитии животных, равно как и человеческих обществ. Но непосредственно чувства симпатии, создающие возможность дружественного общения, являются отзвуками первоначального чувства симпатии индивидуума к индивидууму на почве полового влечения). Тайна половой этики, таким образом, основана на альтруизме в половой сфере, выражающемся не этическими формулами, а поступками. Такая этика пока еще недоступна человечеству, которое питается проповедями самого этического содержания, продолжая оставаться глубоко эгоистичным. Этика не может существовать без социальной деятельности.

Было время, когда велась борьба за жизнь против природы, зверей и враждебно настроенных людей. Первые мотивы борьбы отпадали, а борьба с людьми превратилась в колоссальные войны, нелепость которых становится все более и более очевидной. Если в свое время Гектор или Винкельрид не отделял чувства любви к своей жене от чувства любви к родине, то сын века аналогично посвятит, себя борьбе за социальное благо. Мужчина и женщина в этом случае должны идти рука об руку, причем социальная работа благотворно отражается на них самих, обуславливая высокую мозговую деятельность и здоровый дух в здоровом теле. Даже ограниченный ум совершенствуется в такой деятельности, приспособляясь все более и более к социальным функциям.

Может ли человек при такой жизни взять на себя инсценировать такого рода головомные произведения, какие навязываются ему бульварною литературою? Если это человек нормальный, то, «разумеется, нет»! Нужна патологическая подкладка, чтобы этические стремления личности не в состоянии были повлиять на ее половые побуждения.

Нами указывалось уже на необходимость не какой-нибудь работы, а социальной. Всевозможные однообразные занятия, в какой угодно отрасли, обуславливают односторонность мозга, атрофию этических чувств и исключительность в любви (не в половом стремлении). На таких основах нередко пара эгоистов (а иногда и несколько) дружно эксплуатирует общество. Их верность друг другу и специальное понимание счастья обуславливаются удачею в делах. Ну, а потом? При иных условиях, когда личные интересы слились с интересами общества, собственное счастье ощущается интенсивнее, но и несчастье не отражается на расположении

человека, находящего себе утешение в служении интересам общества, не ожидая взамен ничего от людей, так как привык пренебрегать своими личными стремлениями.

Нельзя говорить о недостижимости хороших привычек. Есть люди, занимающие весьма скромное социальное положение и все-таки имеющие вполне ясное представление об альтруизме, который исповедуют. В главе XVII мы говорим о мерах для развития в этом направлении ребенка. Трудно, разумеется, получить альтруиста из человека, предрасположенного исключительно к эгоистическим проявлениям. Воспитание в известном направлении дает хорошие результаты и при устранении таких отрицательных фактов, как власть алкоголя и денег.

Кроме всего этого, правильный подбор должен быть положен в основу интересов человечества, причем только ряд столетий даст плоды сознательного в этом смысле отношения людей к своим обязанностям. Но человеку свойственно развить энергичную деятельность лишь в тех случаях, когда он видит близкие и непосредственные результаты для своего милого "я". При других же случаях выступает на сцену вялость, апатичность, и человек, сам ничего не делающий в интересах реформы, говорит о других людях, «что они очень плохи, и их с места не сдвинешь». Пример. Какой-то гимназист задался целью устранения алкоголизма и ревностно в продолжение пары лет работал в этом направлении. Сделавшись студентом, он на почве нескольких неудач сразу бросил свою работу, заявив, что «движение против алкоголя лишено будущего». И лишь спустя несколько лет он сознался в том, что ушел от своей деятельности лишь потому, что не желал прослыть оригиналом. Но узнав, что движение идет вперед и без него, решил взяться снова за эту работу. Люди быстро воспаляются и решают, что все должно вокруг них столь же быстро и ярко загореться. Если этого не случилось, то они быстро сами же тухнут. У них нехватает личной силы воли, чтобы продолжать ходить своей собственной дорожкой.

Воспитание детей, к сожалению, носит на себе те же следы. Человек весьма медленно и инертно двигается вперед в этой области, чтобы усвоить все лучшее и применимое к жизни.

Мы отошли в сторону, так как рассматриваем такое проявление любви (см. главу V), которое относится к этике вообще. Но уже и на этой почве создается преграда для социально вредных извращений естественного полового стремления. Половая этика не должна создаваться под угрозой религиозных кар и из-за перспективы райских наслаждений. Отсылаю к главам X, XI, XII и XIII. Половая жизнь качественно улучшится, если, минуя мистическую и религиозно-догматическую этику, почувствует под собою этику общечеловеческую, считающуюся с нормальными требованиями человека и счастьем его потомства.

Брак для нас должен представляться в качестве нормального удовлетворения иолового стремления, но и вместе с тем этической специальной школы жизни. ие распадаясь на отдельные только проявления. Половая связь между супругами укрепляется на почве разделения труда, равноправия и совместной социальной деятельности. Их работа для обеспечения своего счастья заставит их относиться с уважением к счастью других. Исчезнет ненормальность и фальшь в супружеских взаимоотношениях, свободных от воздействия догмата религии и вмешательства священника. И даже смерть покажется естественным результатом использованного и удовлетворенного жизненного существования.

Есть немало ограниченных субъектов, не считающихся с возможностью осуществления такого идеала, который действительно окажется недостижимым для людей испорченных, неинтеллигентных, погрязших в наслаждениях. Но такой идеал осуществлен уже лучшими человеческими созданиями. Необходимо поэтому в таком духе и воспитывать детей (см. гл. XVII) и улучшать их путем подбора:

«Аллах не должен больше творить, ибо мы создаем его мир!»

В моей брошюре «Половая этика» я ближе высказался по этому вопросу. Эта брошюра вместе с настоящей книгой, подверглась нападению со стороны д-ра Ф. В. Ферстера (*Sexualethik und Sexualpädagogik, eine Auseinandersetzung mit den Modernen*, Kempten. Kosel 1907). Я мог бы удовлетвориться ответом Ферстеру со стороны Юлиана Маркуса (*Die sexuelle Frage und das Christentum*, 1908). Но здесь уместно сказать несколько слов.

Ферстер, который был раньше дарвинистом и монистом, испытал некоторую эволюцию вправо, сделавшую его «почти католиком». Вся его этика сделалась изобличающе

теоретически-дуалистической и практически мистическо-аскетической. Примеры: «Природа демонична и должна быть управляема сверхъестественными силами»... Они славят традицию и замалчивают ее исправления на почве науки. «Дух и плоть противопоставляются друг другу». «Человек бесхарактерен и таковым, останется, пока он будет смешивать природу и дух» (благодарю покорно!)... «Религия представляет собою сверхприроду» и т. д.

При этом Ферстер крючок. Он замалчивает всю патологию, почему-либо ему неудобную. Он говорит в красивых выражениях о добром старом времени, как будто этому времени не свойственны были в такой же мере половые эксцессы и бесхарактерность, как и нашей эпохе. Он обвиняет меня в желании забракковать всех слабых путем естественного подбора и воспитывать совершенно противоположное. Он говорит, что я преувеличиваю, желая играть в «провидение». Он осчастливил нас патологическим провидением, перед которым мы должны молитвенно преклониться! Совершенно верно, г. доктор! Мы должны снабдить себя разумом и наукой вместо того, чтобы слепо полагаться на мистическое, крайне проблематическое провидение.

Несмотря на его добрые намерения и все хорошее в его практической этике (напр., воспитание воли путем самообладания) я все же сожалею Ферстера и прямо предостерегаю от него. Он не считался с тем, что наука не допускает пристрастия, предрассудков и предпосылок. И ныне, в XX столетии, он трубит отступление к устарелой, полуварварской, источенной червями этике, которая плодами своими давно бы себя осудила, если бы люди не были бы так бесхарактерны и не поклонялись бы своим старым идолам.

Он ставит мне в укор мое желание, путем техники предохранение от зачатия, лишить человечество его последних благодетельных этапов, обвиняя в покровительстве распутству, утонченности и искания наслаждения. Здесь перед вами авторитетный принцип людей, наводящих других на определенную мысль, отказывающих всем в званиях и выставляющих себя единственными защитниками морали. Таким образом, признавали опасными и противными морали все открытия как книгопечатание, солнечную систему Коперника, железные дороги, телеграф и т. д. Конечно, все может быть использовано в худом смысле. Можно при помощи динамита разрушать поместья и жизни, а ножами убивать. Но следует ли из этого, что больше не должно применять динамита для прорытия туннелей и ножей при хирургических операциях? Скрывать средства для регулирования деторождения — это безумство, малодушие. Должно, наоборот, обучать человечество применять их для получения благоприятных результатов.

Приложение к главе XV Два случая.

Среди критиков первого издания моей книги (Schmidts Jadrbucher der Medizin. 1905) умерший уже в настоящее время женоненавистник д-р Р. И. Мебиус, автор труда «Physiologischer Schwachsinn des Weibes», пишет между прочим:

«Можно иногда опасаться, например, благодаря покровительству Фореля интересам аболиционистов, когда он мечтает о „равноправии“ полов. Отдельные пункты здесь действительно заслуживают удивления, как например, психология полов: мужской интеллект больше; при различии чувств у полов они отличаются одинаковой силой; воля женщины сильнее (ибо она проявляется интенсивнее в хозяйстве)!»

Не считаясь с такою наивною мотивировкой, которую навязывает мне Мебиус в моем труде и которой на самом деле здесь нет, я не считаю нужным оправдываться перед этой «критикой» и в виде ответа привожу лишь поучительный случай, сообщения которого я обязан г. Юлиусу Ф. Эд. Вундзаму в Цюрихе, ручающемся за верность его передачи. На этом случае можно проследить, какую внутреннюю ценность представляет собою наша современная половая мораль.

"Мой родственник, молодой австрийский морской офицер, вместе со своими приятелями, будучи в Тунисе, отправился в дом терпимости. Здесь одна девушка, едва увидев офицера, громко вскрикнула и убежала к себе, запершись на ключ и не желая выходить до тех пор, пока

не убедилась в том, что вся компания эта ушла. Но молодой офицер, сильно заинтересованный, спрятался за портьерой и дождался прихода девушки в залу. Каково же было удивление моего родственника, когда он в этой девушке узнал дочь одного приличного господина из того города, из которого он сам был родом.

Застигнутая врасплох, девушка в слезах поведала офицеру свою горькую судьбу, взяв с него слово не раскрывать ее тайны.

По ее словам, она вступила в любовную связь с офицером, служившим в гарнизоне их города. Отдавшись ему и скоро почувствовав, что готовится быть матерью, она сообщила об этом своему возлюбленному, который, не задумываясь, перевелся в Триест! Родители узнали о состоянии дочери лишь значительно позже, когда скрывать уже больше не представлялось возможности.

Семья сурово отнеслась к несчастью дочери и выгнала ее на улицу. Бедная девушка отправилась в Триест, чтобы здесь найти защиту у своего соблазнителя. Но ее постигло жестокое разочарование. Офицер заявил ей, что не может ни жениться на ней, ни взять ее к себе, а предлагает лишь деньги, с тем, чтобы она избавила его от дальнейших «хлопот»! Она в презрении отказалась от предложенной суммы.

Не имея возможности вернуться домой и не располагая свободными средствами, девушка решила отправиться на поиски за местом. Но последние месяцы беременности не разрешили ей свободно располагать собою. Она обратилась к одной женщине, бывшей у них когда-то кухаркой и вышедшей замуж за трактирщика в Фиуме, с просьбой ее приютить в настоящем ее положении. У этой женщины она и поселилась, помогая ей по хозяйству и разрешившись преждевременно от беременности мертвым ребенком. Оставаться здесь больше не представлялось возможности. Какой-то агент, часто посещавший трактир, предложил ей устроить ее в немецкой семье в Генуе, где она предполагала изучить также французский и немецкий языки. Но эта «немецкая семья» оказалась публичным домом, откуда девушка впоследствии попала в Тунис.

Здесь она провела целый год, успев уже наполовину отупеть, начиная покоряться своей судьбе, так как все пути были пред нею закрыты. Отчаяние девушки, встретившей моего родственника и сразу перенесшейся в атмосферу бесследно для нее минувшего прошлого, не поддавалось описанию.

Он старался на нее воздействовать, предложив оказать помощь через местное консульство, но перспектива позора останавливала ее пред мыслью о возвращении домой.

Мой родственник обратился к соблазнившему ее офицеру с указанием на его долг, но не удостоился даже ответа. Он же без ее ведома выхлопотал для нее место бонны в Вене в одной знакомой семье. Он не сообщал, конечно, никаких подробностей, но писал лишь, что девушка эта жертва неудачной любви, брошенная своим соблазнителем, ушедшая из родного дома и нуждающаяся в заработках. Сообщить о том, как пала несчастная, он не решался, опасаясь натолкнуться на известные воззрения на этот счет со стороны буржуазной семьи. Да и самой девушке после этого было бы неудобно.

Девушка не соглашалась снова войти в круг порядочных людей после своего столь глубокого падения и переживала чрезвычайные страдания.

Но мой родственник не пожалел своих сил, чтобы постараться убедить ее в возможности исправления.

Были приняты все меры, чтобы хозяин не мог узнать истинной причины посещения офицера и желания его освободить девушку, так как в противном случае девушка увезена была бы в какой-нибудь другой дом терпимости.

Заплатив все причитавшееся за девушку в доме терпимости, офицер должен был пустить в ход угрозу, чтобы добиться ее освобождения.

Девушка встретила в Вене весьма радушный прием. Что же касается моего родственника, то он ее уже больше после этого не встречал.

Мой родственник на первых порах с ней переписывался довольно усердно, причем получал от нее благодарственные письма за выпавшую на ее долю спокойную, счастливую жизнь. Его знакомая, у которых помещена была девушка, тоже отзывалась о последней в самых лестных выражениях.

Но впоследствии, за дальностью расстояния, переписка совершенно прекратилась. Вернувшись из путешествия и посетив в Вене семью, где помещена была девушка, родственник мой встретил здесь довольно холодный прием, а на вопрос о рекомендованной им девушке получил в ответ выговор за помещение в порядочном доме падшей женщины, бывшей до этого, как ему самому было известно, в доме терпимости.

Ей было оказано полное доверие, как собственной дочери, и не имели основания быть ею недовольными. Она совершенно скрыла свое прошлое, которое лишь, благодаря случаю, открылось после того, как она пробыла в этой семье больше года.

А «случай» этот состоял в том, что хозяйская дочь, будучи в гостях в Триесте, познакомилась с капитаном N, и вскоре с ним обручилась. Когда капитан приехал в Вену представляться родителям невесты, он увидел здесь их бонну и чрезвычайно смутился. Смущена была и девушка, попросившая даже позволения не выходить из своей комнаты под предлогом нездоровья. Капитан уехал на следующий же день, а спустя несколько времени от него получилось письмо следующего содержания. Он в письме объяснил причину своего смущения при встрече с бонною. Эту девушку знал он давно, она из порядочного дома, но рано пошла по скользкому пути. Сам он видал ее впоследствии на подмостках кафе-шантана в Триесте, а товарищ ему сообщил, что девушка эта находится в доме терпимости в Тунисе. Он, разумеется, убежден в том, что родителям его невесты неизвестна вся эта история, ибо ее в таком случае и не приняли бы в семью, но он, как жених, не может отнестись равнодушно к тому, с кем его невеста ежедневно проводит время.

Это письмо было прочитано моим родственником. Капитан N. и был тем офицером, который когда-то соблазнил несчастную девушку.

Конечно, согласно желанию капитана, девушка была тотчас рассчитана, причем ей предложено было жалованье за месяц вперед.

Капитан милостиво указывал в своем письме, что девушка эта, во всяком случае, представляет собою «жалкое создание, заслуживающее снисхождения».

«Что касается девушки, то она, не вдаваясь в подробности и сознавая свою кину, сейчас же ушла, отказавшись, однако, от месячного гонорара из гордости и высокомерия».

С тех пор она исчезла с горизонта знавших ее людей.

Родственнику моему так и не удалось ее найти.

Таким образом, он не в состоянии был спасти несчастную девушку, но зато избавил хозяйскую дочь от брака с этим капитаном".

К этому рассказу Вундзама мы прибавляем: «Пусть страдальчество этой несчастной благородной девушки способствует тому, чтобы наша постыдная лицемерная официальная мораль в половом вопросе заменилась бы новой!» Этот случай для нашей обычной половой этики можно поставить в pendant к случаю Фриды Келлер в правовом половом вопросе.

Следующий второй случай совершенно лишен трагизма первого: я мог бы сказать, что это было сатирической комедией, так как счастливый исход его также представляет собою традиционный конец всякой комедии. Но он не менее поучителен и сообщен мне из источника, заслуживающего безусловного доверия.

Один военный врач встретил в доме терпимости девушку, которая при виде его упала в обморок.

Он узнал в ней дочь из одной его знакомой знатной семьи.

Врач привел девушку в чувство, пошел с нею в ее комнату и здесь узнал от нее все подробности ее быстрого падения.

Она жила в уединении со своим овдовевшим отцом в замке и все время проводила в праздности. Отец ее часто отсутствовал из дому, уезжал на охоту, а дочь, оставаясь постоянно одна, дала себя увлечь одному из служителей замка.

Отец, узнав об этом, немедленно упаковал ее вещи, выделил ей ее материнское наследство и, посадив на железную дорогу, исчез с ее горизонта, оставив ее на произвол судьбы. К сожалению, злые люди оказались легче на подъем, чем добрые самаритяне. У неопытной девушки быстро забрали ее приличные деньги, а ценные вещи были промотаны или украдены. И в один прескверный день открылся, после долгих мытарств, печальный путь в публичный дом, где она и пребывает по сие время.

Ознакомившись со всеми этими подробностями, военный врач отправился к содержательнице дома терпимости, которая сообщила ему, что девушка чрезвычайно задолжена. Но врача осенила счастливая мысль. Он вынул случайно оказавшийся в его жилетном кармане гардеробный номерок и таинственно показал его содержательнице. Эта приняла предъявленную ей жестянку за ордер тайной полиции и быстро назвала действительно причитающуюся ей сумму долга. Врач уплатил — и увез освобожденную девушку в крупный город, где поместил ее продавщицей в большом магазине.

С этого момента знатная девушка вела себя безукоризненно. Она вышла впоследствии замуж за мелкого чиновника, и была примерной хозяйкой. У нее больше не было основания кого-либо ненавидеть, кроме ее высокопоставленного отца, о котором не желала больше знать.

Глава XVI

Половой вопрос в политике и политической экономии

Политика, к сожалению, всегда преследовала своей целью только власть и деньги (Речь идет, разумеется, о политике капиталистического строя. — Прим. ред.) И лишь с несказуемыми трудом и невзгодами одержали победу свобода и человеческие права. Политическая экономия, с своей стороны, представляет науку, изучающую народное хозяйство и условия его существования. В связи с историей, статистикой и результатами наблюдения она старается определить законы, которым подчиняются отношения производства, потребления и распределения добра, труда и заработной платы, общественной организации народов, народного здоровья, а также, в числах, отношения народонаселения, прироста и убыли, рождений и смертей и проч. Не будучи достаточно компетентным, не буду разбирать здесь деталей затрагиваемого вопроса. Наука эта, как соприкасающаяся с политикой, мало считалась с естествознанием, хотя за последнее время замечается в этом отношении переход к лучшему. В 1894 году Тилле писал: «За последние пять лет сделано было удивительное открытие, не снисшееся ни Адаму Смиуту, ни Мальтусу, ни Кобдену, состоящее в том, что народ образуют не продукты и не страны, а люди. Это на самом деле представляет собою нечто новое, хотя, без сомнения, теперь, когда это открытие уже сделано, всякий заявит, что было ему известно еще раньше». Наука начинает интересоваться гигиеной рас. Учение об эволюции, применительно к политической экономии, мы встречаем у Коньетти де-Мартис (*Le forme primitive nella Evoluzione economica*, 1881). По той же дороге пошел и профессор Е. Швидланд в Вене в его интересном труде о потребности и жадности психологии человека: «*Die psychologischen Grundlagen der Wirtschaft*». (*Zeitschrift für Sozialwissenschaft*, 1895). В прежнее время принималось в соображение лишь количество, а не качество людей, причем человек в качестве образа и подобия божьего, мог родиться только хорошим. Все же его физические и нравственные уродства приписывались его грехам и свободной воле. Вырождение «до третьего и четвертого поколения» считалось за кару бога в ответ за грехи отцов.

Тираны древних и новейших времен всегда считали людей лишь орудием для осуществления своих стремлений, пушечным мясом. Назначая премию для матерей, имевших большое потомство, Наполеон, очевидно, желал лишь обеспечить достаточным количеством солдат своего сына. Его мало занимала духовная сторона рождающегося поколения. В человеческом подворе особенно губительно отражаются войны, которые уничтожают лучшую часть населения, оставляя ему в живых инвалидов и больных. Войны, таким образом, непосредственно отражаются на половых человеческих отношениях, вредя не только количественно, но и качественно.

Политическая экономия, которая дает нам ряд правильных цифр, указывает, те экономические условия, при которых получается прирост или убыль населения, представляет все-таки лишь суммарные результаты, не освещая нам причин. А между тем, необходимо считаться с эмиграцией и иммиграцией, привычками народов и т. д. Известно, ведь, что *post hoc* (после этого) не значит еще *propter hoc* (поэтому). Мы выясняем такие своеобразные подробности: если остальные условия одинаковы, то не прибегающее к спиртным напиткам население оказывается более плодовитым, чем такое, которое в большей или меньшей степени

злоупотребляет алкоголем, что можно, между прочим, непосредственно видеть в России на воздерживающихся от пьянства сектантах. Принимая же во внимание и качественное бластофорное воздействие алкоголя на потомство, мы вместе с Гладстоном, Дарвином, Кобденом, О. Контом и другими придем к заключению, что привычка к алкоголю является большим злом для человечества, чем война, голод и чума, вместе взятые. А между тем, слепые экономисты готовы видеть в продуктах производства спирта источник народного благосостояния. Сколько затрачивается энергии, земли и сил на добывание этого губительного продукта, не дающего никакого питания, не представляющего пользы, если не считать аптекарского и промышленного применения, но имеющего главной своей целью телесную и духовную порчу человеческого организма. Было бы смешно, если бы не было так грустно, следить за средоточенностью, с какою чиновники высшего ранга и ученые определяют акцизные доходы со спирта, экспорта его и импорта, монополии фабрикации и пр. Бюджет государства, как это ни необъяснимо со стороны, регулируется при содействии отравления народа алкоголем, причем господствует убеждение, усвоенное авторами этого способа и навязываемое другим, что в такой системе заключается политико-экономический подвиг. Но в действительности соки и здоровье народа повергаются на алтарь Молоха, который, взамен полученного разрешения питаться мозгами масс, охотно предоставляет в распоряжение казны легко доставшиеся средства. Такой вид политической экономии заслуживает лишь названия «лжи и надувательства». Воздействие этого на половую сферу и наследственность не будет когда-либо достаточным оттенять самым энергичным образом.

Что касается количества населения, то в этом смысле существуют совершенно противоположные взгляды на вещи. Иным рисуется счастье масс в неограниченном увеличении числа их членов, причем они, как и Бебель, утверждают, что земля в состоянии будет прокормить еще невероятное количество людей, если достаточно целесообразно будут использованы все ее клочки и части. Нас не прельщает этот необычайный китайский идеал, рисующий себе все лицо земли в качестве унавоженного картофельного и пшеничного поля, с кроликовым человеческим расплодом на нем. Есть, однако, основание полагать, что усилив свою культуру, китайцы и по своей собственной инициативе превратят весь мир в такой человеческо-кроликовый приплод, если нами своевременно против этого не будут приняты меры.

С другой стороны, мы имеем дело с идеалистами, носящими название неомальтузианцев и считающими количество земных обитателей слишком большим, вследствие чего они и борются с половым их приростом. Один из известных английских неомальтузианцев (д-р Драйсдаль) заявил мне, например, в своем письме, что произведение мною на свет больше четырех детей, является преступлением. Эти неомальтузианцы, в свою очередь, обращают все свое внимание на количество, упуская из виду качество, базируя на этом довольно наивные вычисления. Ими рекомендуется также применение предупреждающих зачатие средств. Но они не соблюдают при этом никакой последовательности. Прежде всего они апеллируют к наиболее интеллигентным, умственно выше стоящим слоям общества, обуславливая таким образом стремление к уменьшению необходимых обществу представителей лучшего качества, между тем как негры, китайцы и еще ниже стоящие слои населения не будут считаться с такими суровыми постановлениями, что даст в конце-концов противоположные результаты. У северо-американцев и новозеландцев, сильно придерживающихся неомальтузианства, понижается чрезвычайно число рождений и уменьшается количество лучших рабочих элементов, в то время как происходит сильное размножение негров и китайцев. То же мы можем видеть и во Франции, где руководятся недальновидными экономическими соображениями. Хотя во Франции число смертей превышает число рождений, но все же неомальтузианцы еще недовольны!

Эти противоположности, бессмысленные с первого же взгляда, могли бы давно уже уступить место целесообразному и благоразумному подбору. Неомальтузианство и следует предлагать дурным низшим расам, отличающимся болезненностью, неспособностью и тупоумием. И, наоборот, наиболее интенсивное размножение настоятельно необходимо рекомендовать более сильным, здоровым, обладающим высшими качествами. Я вижу в этом обстоятельстве косвенный особенно важный политический момент, может быть, более важный,

чем все остальное. Результаты выясняются при этом, разумеется, весьма медленно, и о них можно будет судить лишь по истечении нескольких столетий. Но при таких только условиях обеспечено будет лучшее будущее нашему потомству. Настанет период, когда человеческое население на всей земле дойдет до более или менее постоянного состава. При соответствующем улучшении его качества и сведении на-нет отупения пролетарских масс, обусловленного голодовками и нищетой, неомальтузианское учение будет иметь свой смысл и в применении его к лучшим элементам общества. Если людям не грозит в результате китайское отупение, то рациональный подбор будет практиковаться и нашим потомством. Одаренный человек больше дает обществу, чему него берет, и с точки зрения политической экономии являет собою известную ценность. Духовный же или физический урод потребляет больше, чем всостоянии дать, и применительно к политической экономии дает недочет. Я отсылаю здесь к выводам Ф. Гальтона (Eugenik), приведенным в главе XIX.

Мы видели из главы VI, как последовательно обычаи, обязанные своим возникновением человеку, преобразуются в составные элементы религии. Религия и политика, на беду человечеству, всегда взаимно дополняли друг друга, чтобы делать зло. Безбрачие священника, например, имеющее в своем основании религиозную политику, содействовало обеспложиванию более развитой умственно части католического населения, без сомнения, отразившись на нем отрицательно.

Мы уже говорили об установленном Наполеоном I безобразном запрещении разыскивать отцовство. Такими постановлениями и обуславливаются искусственные выкидыши и развращенности мужчин, между тем как здоровье семьи и нормальность половых отношений мы определили лишь при условии правильного исполнения обязанностей родителями относительно своего потомства.

Политическая экономия, как и всякая политика, преследующая благо людей, имеет целью содействие появлению наиболее счастливого, полезного, здорового и работающего потомства. Все возрастающее количество благоустроенных и научно-поставленных больниц, лечебниц для душевно-больных и идиотов, приютов и пр., говорит о культуре и любви к человечеству. Однако, должно считаться с тем, что непрекращающиеся попечения наши о человеческих руинах, явившихся следствием социальной бестолочи, подтачивают живые силы цветущего и трудолюбивого населения. Наибольшей человечностью отличается такая деятельность, которая направлена на уничтожение зла в самом корне его, в интересах полного прекращения появления на свет умственных и физических уродов. Эта часть вопроса, впрочем, не интересовала наших политиков и экономистов, так как не предвиделось возможности самому же и вкушать от продуктов такой деятельности. Человека, посвятившего себя таким высшим интересам, могли называть фантазером, странным, может быть, даже не совсем нормальным субъектом. Вся энергия уходила на показную гуманность, поворачивавшуюся в ту сторону, откуда страдания доносились наиболее громко. Починка руин отвлекла от самого разрушителя, давно уже подлежащего ответу.

Ликург в Спарте, этот великий законодатель, хотел провести половой подбор законодательным путем. Он мечтал о превращении спартанцев в сильный народ, так как физическая сила считалась тогда идеалом людей. Но он отдавал предпочтение закаливанию, не рекомендуя работы. Заботясь об устранении нездорового и слабого элемента из среды народа, он не мог еще опираться на мало известные в то время законы природы. Но и при достаточной неорганизованности: и неполноте этих законов Ликурга, ему удалось все-таки сделать спартанцев очень сильным народом.

Законы Ликурга не допускали для спартанцев прав на земельное владение, а также и каких-либо излишеств. При простом образе жизни, постоянном питании своей черной похлебкой, они в частых упражнениях приобретали силу и гибкость. Брак был для всех обязателен, устои же семьи были непоколебимы. Уродливое и слабое потомство удалялось или попросту выбрасывалось. Однако, этой организации свойственно было два основных недостатка.

Прежде всего житель Спарты представлял из себя воина, но отнюдь не работника, а скорее аристократа, хотя и мрачного и закаленного. Презирая работу, он оставлял ее целиком илотам, которые, благодаря этому, усиливались насчет его ослабления. Благодетельное

воздействие труда на мозговые центры не было еще известно в те времена Ликургу и его ближайшим советникам. Затем, вся энергия спартанцев уходила на воспитание физической силы, ловкости, мужества, суровости и умения приспособляться, между тем как ум и его развитие, чувства и какие-либо высшие стремления оставались в пренебрежении. Такая односторонность Ликурговой системы, направленной только на физическое развитие народа, в ущерб умственной его деятельности, пренебрежение, оказываемое труду, — и вообще приемы воспитания, не совпадающие с общими формулами органического развития, обуславливали неблагоприятные результаты. Спарта впоследствии, между прочим, пала главным образом жертвой пренебрежения этими законами. Поставив себе целью исключительно власть, спартанцы со всех сторон навлекли на себя ненависть, что и отразилось впоследствии на самом их существовании. Но такой опытный прием непосредственного применения человеческого подбора является наиболее замечательным на протяжении всей человеческой истории.

Мы располагаем в настоящее время гораздо большим количеством реальных данных для успешного решения этого вопроса, но зато нет желания проявить активную деятельность у тех людей, которые стоят во главе правления над остальными людьми. Высшие социальные идеи совершенно ступсывались у них перед экономическими вопросами и стремлением к власти. Лучшие перспективы вырисовываются лишь в каком-нибудь чрезвычайном социальном потрясении.

Ou est la femme? — обыкновенно спрашивает француз, останавливаясь перед чем-либо запутанным в политике и в жизни. Этот вопрос может быть поставлен несколько шире и глубже: «в чем заключается половая побудительная причина?» Людские проступки, независимо от положения данной личности, в большей степени, к сожалению, зависят от ее чувств и страстей, чем от рассудочных соображений, т. е. велений ума и логики. Но половые чувства любви, ревности и ненависти стоят в этом случае на первом плане. Этим и объясняется то обстоятельство, что половые страсти и их психические проявления в подавляющем большинстве случаев, непосредственно или косвенно, играют наибольшую, нередко зловредную роль во всех сферах человеческой деятельности. На почве ревности жена профессора не допустит талантливого человека к занятию соответствующего места в высшей школе или же проведет туда не по заслугам своего фаворита. Известна роль метресс и куртизанок в политике, особенно при автократическом образе правления. Положение вещей не всегда может зайти так далеко, завершившись трагическим скандалом, как при убийстве сербской королевской четы. Незаметные и незначительные обыденные явления могут нередко сыграть очень крупную роль. И судьбы народов очень часто зависели от половых интриг высокопоставленных особ. В этом мы можем убедиться из официальной истории народов, но действительная история могла бы дать нам значительно большее количество фактов. Беря за исходную точку вышеизложенное, всякий мыслящий человек сам будет в состоянии иллюстрировать наши заключения примерами из известной ему жизни прошлого и политики настоящего, независимо от той области и сферы, которую он изберет объектом своего исследования. Независимо от экономических общественных отношений, хотя бы и в должной мере урегулированных, нельзя поручиться за то, что в любую минуту не вторгнутся половые страсти в социальную жизнь, внося сюда полную дезорганизацию. Избегнуть нежелательных последствий можно лишь соответственным воспитанием обоих полов, направленным к повышению их социальной совести, причем личные половые ощущения повлияют на дурные социальные проявления. Мы, таким образом, и обнаруживаем проникновение полового вопроса в политику и социальную жизнь. Но с последовательным устранением вредного влияния презренного металла исчезнут в большей или в меньшей степени и те противосоциальные воздействия, которые имеют лишь отдаленную связь с половым побуждением.

Такое положение вещей в большей степени будет зависеть от правильно проведенной в жизнь женской эмансипации, при непосредственном участии женщины в разрешении социальных вопросов. При такой совместной деятельности наиболее рельефно выступит вся серьезность социальной жизненной проблемы. Половая жизнь, как таковая, не будет уже больше препятствовать социальному прогрессу, а оказывать ему возможное содействие, так как исключено будет на этот раз стремление к эгоистическому наслаждению, которое уступит место существованию на основах труда. В тех местностях, где женщине предоставлено право

голоса, она сумела уже доказать свое умение ориентироваться в социальных интересах. Мне укажут на большую консервативность женщины и на ее приверженность к рутине, но у нее, по-моему, берут зато верх чувства симпатии к благородным, социально мыслящим и социально функционирующим представителям противоположного пола (см. главу V б). Кроме того, очень ценны с точки зрения успешной социальной работы ее настойчивое стремление к цели и самоотвержение. В своей статье, приведенной выше, Швидланд требует, в интересах политической экономии, всегда проводить грань между необходимостью и жадностью. Пределы необходимости и излишества не поддаются точному практическому определению. Мы, например, считаем необходимостью такие вещи (матрац, удобное помещение, чистота и т. д.), которые наши предшественники называли принадлежностями роскоши. К тому же желания людей отличаются вообще беспредельностью и ненасытностью. Если вполне обосновано стремиться к осуществлению вполне нормальных желаний, то освящение всякого вожделения является прежде всего несправедливым.

Должно обязательно проводить грань, как я это указывал в другом месте (*Hygiene der Nerven und des Geistes*), между хорошими и дурными «надобностями» и вожделениями. При этом хорошими будут те надобности, которые обуславливают здоровое существование и вообще побуждение к социальной деятельности, плохими же будут те из них, которые вредно влияют на жизнь и здоровье отдельных индивидуумов или же пагубно отражаются на интересах целого. Вторая указанная категория принадлежит уже к области излишеств, т. е. к жадности, а может быть, и к порокам. Среднее место принадлежит нейтральным желаниям, как, например, равнодушие ко всему красивому.

В некоторых вещах, составляющих объект человеческого вожделения, заключается непосредственный вред, как алкоголь и наркотические вещества. Вредными могут оказаться и другие предметы, когда они превращаются в ненужную роскошь, как обжорство, половые эксцессы, денежные средства, украшения и т. д. Половые объекты занимают весьма видное место среди предметов вожделения. Если султан или паша обзаводится большим количеством жен, то это, например, представляет собою социально вредную роскошь, гранича с посягательством на права других. Это нами уже раньше рассматривалось. Я желал лишь, присоединяясь к Швидланду, указать здесь на то, что, основываясь на политической экономии, является важным устанавливать точные грани, независимо от их относительности и объективности, между вожделением и необходимостью.

Глава XVII

Половой вопрос в педагогике

Сравнив факты, приведенные нами в главах IV, VI, VII и VIII, мы несомненно придем к заключению, что половые ощущения и половое стремление каждой личности состоят из двух категорий элементов: 1) из таких элементов, которые являются унаследованными и в виде задатка филогенетически приносятся с собою (наследственная мнема), и 2) из элементов, усвоенных за весь период человеческого существования, благодаря влиянию внешних раздражений, привычки и упражнений. Из них принадлежащие к первой категории пребывают на первых порах в состоянии покоя в человеке, будучи зародышевыми энергиями и задатками его и относясь к человеческому характеру. Большинство их активно проявляется с наступлением половой зрелости, причем они продолжают уже в дальнейшем развиваться в зависимости от внешних влияний и усвоения их личностью и ее волей или головным мозгом. Вторые же из них являются следствием влияния на первые эротических раздражений и привычки или упражнения. Педагогика относительно первых совершенно бессильна, так как они образовались уже раньше, и представляют собою лишь базу для педагогического искусства. Педагогика может заняться лишь соответствующим направлением таких унаследованных половых задатков в наиболее целесообразное и обеспечивающее хорошие результаты русло. При наличности безусловно извращенных задатков, как вполне определенные гомосексуальные стремления, садизм и т. д., этическому воспитанию ничего больше не останется делать, как, по возможности, стараться влиять на характер и ослаблять половое раздражение, качество же его

не сможет быть изменено, и на это не следует возлагать никаких надежд. Если же дело приходится иметь с нормальными средними задатками, то воспитание может иметь весьма благотворное влияние в интересах сведения на-нет патологических уклонений и естественного правильного развития влечения.

Мы убедились, особенно из главы VII, в том, что постепенное приучение к определенным впечатлениям чувств ослабляет эротическое их воздействие, между тем как на эротизм, *libido sexualis*, исключительно возбуждающе влияют некоторые необычные зрительные и другие впечатления и представления, имеющие отношение к противоположному полу. Людям свойственно повторять одну и ту же ошибку при воспитании ребенка, а именно: навязывать ему свои представления (представления взрослого). Элементы, возбуждающе действующие на взрослого в половом отношении, совершенно не трогают ребенка до достижения им половой зрелости. На этом основании представляется возможность совершенно свободно рассуждать с ним на тему об определенных вещах, не рискуя воздействовать на него в половом отношении. Если же ребенок научится смотреть на половые отношения и все сюда принадлежащее, как на нечто естественное и обыденное, то впоследствии и любопытство его и эротизм будут иметь гораздо меньше пищи, за отсутствием в них прелести новизны. Привыкнув постепенно к голому телу взрослого, ребенок находит вполне естественной наличность половых органов и не будет удивляться, когда современем у него появится растительность на половых частях. Но на основе ложного стыда и при отсутствии представления о половых вещах ребенок приходит в сильное возбуждение и испытывает стыд, благодаря появившимся у него волосам, что вместе с тем служит и источником эротического раздражения. Это еще значительно связано с первыми менструациями у девочки и первыми истечениями семени у мальчика. Непроницаемая пелена, которою изолированы все представления, имеющие то или иное отношение к половой сфере, не только внушают ребенку страх и опасения, но и возбуждает любопытство, усиливая пробуждающийся эротизм. Это и служит причиной совершенно неподходящего ознакомления ребенка с интересующим его вопросом, благодаря посредству скверных людей или испорченных уже товарищей, а также из наблюдения за совершением полового акта животными, чтения соответствующей литературы и пр. Такое ознакомление в виде реальных дурных результатов обуславливает онанизм или иной род полового извращения, а также посещение проституток. То, что называют невинностью, или наивная неосведомленность ребенка, является особенно привлекательной в представлении жаждущих сладострастия мужчины и женщины, испытывающих особый род наслаждения от сведения с пути ребенка. Родители очень редко считаются с результатами того пренебрежения, с которым они относятся к наивным вопросам из половой сферы, предлагаемым ребенком, причем отделяются обыкновенно недомолвками, туманностями и ложью. С удовольствием ссылаюсь здесь на мнение интеллигентной матери семейства г-жи Шмидт-Йегер (*De l'education sociale de nos filles*, Lausanne, Maison du peuple, 1904), вполне мною разделяемое. Вот приблизительно ее рассуждения:

Подавляющее большинство матерей дает воспитание своим дочерям до брака, но можно ли найти достаточно целесообразный образ подготовки! Разумеется, нет, ибо еще и в настоящее время игнорируются необходимейшие знания, которыми должна располагать будущая супруга и мать, так что длинный ряд столетий молодые девушки, выходя замуж, не имеют представления о своих собственных естественных функциях и обязанностях. Им дают поверхностное представление э стряпне, шитье и ведении хозяйства, но половая сфера и вся ее роль остаются для девушки совершенно неизвестными. В Цюрихе открылась недавно школа для сиделок, проходящих курс ухаживания за роженицами. Здесь же допускаются к обучению и такие девушки, которые, не готовясь в сиделки, пожелали бы ознакомиться практически с госпитальным курсом, чтобы иметь возможность в своей родной семье оказаться полезными в случае надобности, при болезни кого-либо из ее членов, особенно же когда окажутся в семье новорожденный или роженица. Было бы чрезвычайно полезно всюду и везде ввести такое нововведение. Как не умеючи, аляповато и ничего не понимая берется молодая женщина за все эти незнакомые ей функции, и как дорого ей стоит нередко это незнание! У людей в настоящее время положение вещей в этом отношении значительно осложнилось, и нельзя уже рассчитывать на один только инстинкт, как у животных, который подскажет, что делать при

ухаживании за вновь родившимся потомством. Доктором медицины в Цюрихе г-жей Гильфикер недавно внесен в этом смысле еще более совершенный проект, нуждающийся уже в санкции законодателя. По ее мнению, рядом с военной службой, предоставленной в распоряжение мужчины, в интересах, между прочим, развития его мускульной силы, было бы желательно установить и для девушек, не занятых какою-либо другой профессией, по достижении ими 18-ти лет, однолетние занятия в больницах, приютах, женских клиниках, народных школах и пр. Женщины получили бы, таким образом, социальное образование, непосредственно в их интересах, причем все эти учреждения, в свою очередь, имели бы достаточный контингент необходимых руководящих сил. Почему одним лишь мужчинам вменяется в обязанность несение социальной службы?

"Можно ожидать энергичного противодействия в ответ на это революционное предложение. Раньше всех будут оскорблены в лучших своих чувствах буржуазные матери, которые никогда не смогут допустить, чтобы их дочери ознакомились с такими вещами и понятиями, которых ни в каком случае не должна знать девушка до ее замужества. О, святая простота! Почему же скрывать? Не разумнее ли последовательно готовить к браку наших дочерей, давая им точное представление о браке и связанных с ними функциях и обязанностях. Желание так или иначе уйти от объяснений и разъяснений, обыкновенно наблюдаемое в этом случае со стороны родителей и воспитателей, должно назвать хотя и бессознательным, но все же преступлением. В то время как мужчины вполне осведомлены относительно того, что ждет их в браке, девушка, благодаря господствующим нравам, блуждает в потемках незнания, нередко губельно отражающегося на всей ее будущности. Кому первому пришла в голову эта лишенная разума мысль, в силу которой целомудренной девушке вменяется в обязанность, в момент приступления к своим половым функциям уже в качестве жены, не иметь никакого понятия об их естественном значении и о предъявляемых к ней определенных требованиях. С точки зрения уголовного закона, наказуемым считается поступок, при котором человеку навязывается действие, истинная природа и результаты которого для данного субъекта остались неизвестными. Какой же каре подлежат тогда родители, предоставляющие своих дочерей в распоряжение мужей, которые, в свою очередь, требуют во что бы то ни стало истинных невест? Некоторые женщины склонны указывать на непривлекательность брака, лишенного известных предшествующих иллюзий. Но было бы очень печально, если бы в этом возрасте не было бы вообще иллюзий в каких угодно областях. Причем благотворными и здоровыми являются те из них, которые обязаны своим происхождением самой юности, но сюда не могут быть отнесены фантастические представления, резко расходящиеся с действительностью, что может дать лишь в результате нежелательное разочарование. Если вплоть до брака жить вне времени и пространства, то неизбежным следствием будут неприятные потрясения. А между тем, рациональное воспитание, в связи с разъяснением половых отношений, могло бы предупредить не один случай жестокого разочарования, переживаемого слишком доверчивыми женщинами, причем одновременно повысились бы и этические представления мужа. При ясном представлении девушки о том, что ждет ее по ту сторону замужества, она озабочится требованием более прочных гарантий от своего будущего мужа с соответствующим отчетом и о его прошлом.

Мы можем, однако, предсказать уже и в настоящем неуспех оппозиции нашим взглядам, так как уже и современные девушки склонны выйти из-под влияния рутины и стремиться к свободе. Было бы полезнее, быть может, пойти им в этом смысле навстречу и дать им соответствующие предостережения? Немало родителей с легким сердцем отпускают своих дочерей на службу, совершенно не считаясь с тем, что может сделать неосведомленность и доверчивость такой девушки, при столкновении ее с опытным и бессовестным дон-жуаном. Не упоминаем уже о западнях, приспособляемых сводниками (гл. IX). Получив соответствующее представление о половых отношениях, девушка, в свою очередь, влияла бы благотворно на окружающую ее атмосферу специфически женского горя. Она, например, не стала бы больше с презрением относиться к незамужней матери или аналогичной несчастной, но постаралась бы внести луч света и помощи в такого рода случаях и, не базируя своего будущего на ненужных на этот раз иллюзиях, задалась бы более облагороженными видами на будущее.

Но чем же и когда начать? Разумеется, не перед самым венчанием, а исподволь в детстве.

Все теории сводятся к тому, что не должно говорить детям неправду и должно внушить детям доверие к словам родителей и обыкновение, в свою очередь, говорить одну только правду. Все подробности полового вопроса, разумеется, не могут быть объяснены ребенку, но если всякий раз считаться с его возрастом и утвердить его во мнении, что на все вопросы он всегда получает правдивые ответы, то он, когда это нужно будет, удовлетворится и таким ответом: «ты еще очень маленький и не поймешь этого; мы тебе объясним, когда будешь старше».

Каждому ребенку неизбежно придет в голову мысль осведомиться у матери, если он только с ней откровенен, как появляется на свет ребенок. Ответ на этот вопрос тем облегчается, что ребенку приходилось видеть это в домашнем обиходе у животных, насекомых и пр. Должно ли скрывать от ребенка, что появление на свет человеческого потомства аналогично тому же, что наблюдается и в мире животных? В этом случае исключены всякие косвенные представления, питающие впоследствии наш эротизм. Детям в большей степени свойственна наблюдательность, чем это нам кажется. Одна девочка, которой рассказывали историю о журавлях, сказала как-то своей матери: «а я очень рада, что у бабушки скоро появится ребеночек». Когда мать пришла в ужас, ребенок ей объяснил: «у бабушки такой же большой животик, как у кошки», которая должна была скоро иметь котят. Г-жа Шмидт, которая ручается за этот инцидент, присовокупляет, что уже будучи 10-лет от роду узнала от подруг, что ее вновь родившаяся сестра вовсе не принесена журавлем, а рождена матерью. Соблазн у нее нисколько не возбудился, благодаря этому открытию, но она в значительной степени потеряла доверие к родителям.

"Дети удовлетворяются на первых порах объяснением того, откуда появились их маленькие братики и сестрицы. Но вслед за этим их начинает уже интересовать сам факт образования существа в утробе матери, и в разъяснители выбирается ими обыкновенно заслужившее у них доверие лицо. Здесь и выбирается благоприятный момент, когда представится возможность объяснить наиболее просто непосредственно совершение полового акта. Г-жа Шмидт приводит условия, при каких ей представилась необходимость впервые объяснить это своим детям. Ее сын 8-ми лет с двумя старшими сестричками поспорили относительно птичьего двора, в котором девочки находили совершенно излишним пребывание петуха, не кладущего яиц. Мужская гордость мальчика побудила его взять петуха под защиту, причем он заявил, что он уверен в пользе, приносимой петухом, но не знает, в чем именно она состоит. Мать, к которой дети поспешили за объяснением, просто сказала им, что куры могли бы нестись и без петуха, но такие яйца не дают плода, так как петух должен дать наседке свое семя; если бы не было отца — петуха, то и не появилось бы деток-цыплят. Это объяснение чрезвычайно польстило гордости мальчика, и он по-детски логично заключил: «тогда и у нас без папы не было бы детей?» Получив на это положительный ответ, дети успокоились и вернулись к игре. Ботаника и зоология также заключают в себе элементы для объяснения, которое, однако, в таких случаях затрудняется. Г-жа Шмидт полагает, что школа могла бы взять на себя объяснение воспроизведения людей в такой же форме, как и размножение растений и животных. Это и было бы наилучшим решением задачи, разумеется, при наличии достаточного такта у учителя и учительницы. Полезнее при этом, если половой вопрос разъясняется детям таким образом, что с мальчиком говорит отец или воспитатель, а с девочкой — мать или воспитательница. Г-жа Шмидт вполне основательно приписывает наблюдаемую у родителей в этом случае щепетильность не твердому какому-либо убеждению, а невозможности более или менее прилично справиться с объяснением вопроса. Наблюдается также, что мать ни в каком случае не заговорит о половых сношениях с ребенком неосведомленным, но позволяет себе довольно двусмысленно трактовать эти тему с теми же детьми, едва она заметила, что дети нахватились известных понятий со стороны.

К сожалению, этот вопрос занимает лишь ограниченное количество педагогов, причем воспитание детей большей частью предоставлено таким скверным посредникам, как недобросовестные слуги, развращенные товарищи, а также порнографическая литература и пр. На этой почве создается взаимное недоверие между родителями и детьми, педагогами и воспитанниками. Если половые извращения усвоены слишком рано, или преждевременно развилось ненормальное половое побуждение, то и здесь вредными окажутся ложный стыд, проповеди на почве морали, строгие взгляды и т. д., — все это должно уступить место

искренности и любви. Если же продолжать способ отвиливания, то в результате получается лишь отчуждение, ложь и лицемерие, представляющие собою одно лишь зло".

Такова г-жа Шмидт. В дальнейшем она, подобно нам, настаивает на необходимости для девочки изучения какой-нибудь профессии, которая обеспечит ей в тяжелых случаях жизни кусок хлеба и спасет от необходимости избрать первое подвернувшееся замужество или даже проституцию, в интересах избежания голода и нужды. Она же присовокупляет, что во взаимоотношениях супругов хозяйская работа жены и уход ее за детьми должны учитываться наравне с профессиональной деятельностью мужа вне дома.

В новейшее время наблюдается некоторое освободительное изменение в мировоззрении, по крайней мере, в теории, и весь мир начинает говорить о необходимости разъяснения юношеству полового вопроса. Нечего прибавлять, что считаю необходимым в такой же мере половое просвещение мальчиков, как и девочек. Положение первых не может быть, конечно, осложнено опасностью неудачного брака или беременности. Но и соблазны на пути мальчика значительно больше. Раз избрав скользкий путь, мальчик с трудом сможет снова свернуть на правильную дорогу, хотя бы и независимо от полового заражения. Я считаю долгом обратиться с предложением ко всем родителям и воспитателям, аналогичным предложению г-жи Шмидт, сделанному ею матерям и наставницам. Не упускайте момента и не выжидайте до тех пор, когда мальчики будут находиться уже под скверным воздействием или же увлечены любопытством на почве эротизма. Большую роль в деле совращения мальчиков играют не только испорченные товарищи, но и нередко взрослые женщины, подверженные эротизму.

Приводимый ниже отрывок из письма одной дамы ко мне весьма знаменателен.

"У меня было пятеро детей, трое мальчиков и две девочки, которым я, по представившейся необходимости, дала нужные объяснения в половом отношении. По многим приметам, я однажды заметила, что сын мой переживает переходное время. Он стал пуглив, замкнут и огорчен недостатком у него особенных талантов и т. д. Мой муж не обращал внимания, и я вынуждена была взяться за дело. На первых порах это оказалось нелегко. Я внутренне сознавала, как ошибочен и противоположен наш метод воспитания, и что приходится теперь плыть против течения. Впечатление, произведенное на мальчика, было поразительное, он как бы всплыл. Он дал мне возможность заглянуть в его детскую душу, как в открытую книгу. Тема была всесторонне исследована, и в конце концов он мне сказал: «Мама, каким счастьем было бы для человечества, если бы матери преодолели ложный стыд и непринужденно говорили бы со своими детьми о таких естественных вещах. Ты, мама, не имеешь представления, как все перевирается и какие омерзительные вещи приходится слышать от товарищей». И это должно составлять защиту против величайшей опасности в жизни! — Когда я должна была разрешиться от бремени моим меньшим ребенком, мне было страшно тягостно охранять эту тайну от моей 14-летней дочери! Я взяла ее к себе и в соответствующей форме дала ей нужное разъяснение. Вначале она вся преисполнилась радости. Она почувствовала себя весьма польщенной, что я считаю ее настолько взрослой и достойной, чтобы говорить с ней о таких серьезных вещах. Но потом она мне заметила: «Однако, мама, ведь это все так просто и красиво; почему же нам не говорят об этом до того, как получаем в школе такие отвратительные разъяснения».

Из всего сказанного и из вашей уважаемой книги явствует, что при помощи естественного и здорового разъяснения нам дана возможность располагать счастьем человечества и сделать его еще более счастливым и здоровым. Но большинство родителей и учителей остаются перед лицом этого вопроса совершенно беспомощными. Среди них я знала очень много весьма рассудительных людей.

Здесь мы должны принять во внимание несколько существенных педагогических направляющих указаний.

Интеллект и чувство в человеческом мозгу внутренне соединены, что обуславливает проявления воли, причем эти последние, в зависимости от их интенсивности и продолжительности, обратно влияют на функции мозга. Весьма ошибочно, потому, предполагать возможность непосредственного догматического и теоретического раздельного воздействия на три проявления человеческой души: интеллект, чувства и волю. Ошибается школа, если остается при мнении, что способна воздействовать исключительно на интеллект

ребенка, предоставив заботу о чувствах и воле ребенка родителям. Лишенным всякого смысла является также стремление оказать давление на чувства, особенно этические, и на совесть, прибегая к моральным наставлениям и наказаниям. О, эти моральные указания, обучение нравственности при помощи теории, — они являются отбросами человеческого духа. Как будто представляется возможным внедрить в мозг ребенка совесть и чувство альтруизма при помощи отвлеченных догматических образов, в то время как он способен усвоить лишь все конкретное. Почти в каждой семье раздаются одного и того же смысла, в одних и тех же выражениях раздражительные или патетические упреки со стороны родителей, которых дети почти не слышат или же встречают враждебно, с плачем и возражениями. Но, во всяком случае, их душа не участвует в этом споре. Со стороны это производит впечатление шарманки, автоматически разыгрывающей мелодии. Такая мораль не только не исправляет детей, но, может быть, приносит им даже вред.

Родители же под маской «исправления детей», очевидно, дают лишь волю своему собственному приподнятому состоянию. Но дети все это, в большей или меньшей степени, сознательно отлично понимают и оказывают соответственное противодействие. Между прочим, эти привычки усваиваются и ими, побуждая к напуску друг на друга «морали» и, таким образом, подражая, как обезьяна, родителям. Влияет здесь этический пример, а не теоретическое учение.

Действительное воспитание на почве этических начал и этического влияния на детей состоит в самом обращении с ними, в том, как с ними говорят и какое проявляется непосредственное к ним отношение. Симпатия в детской душе, и доверие к близкому человеку у ребенка вызывается теплым чувством, искренностью, убедительностью и твердостью. Воспитание в этическом смысле должно сопровождаться не бездушным догматом морали, а теплым чувством альтруизма, проявляющимся как на словах, так и на деле. Если ученый будет читать самые лучшие истины сухим, скучным и безразличным тоном, то воздействие его на слушателей будет почти ничтожным. Последние, с трудом скрывая зевоту, вполне справедливо предпочтут ознакомиться с содержанием лекции непосредственно из книги. Но если лектор сумел вложить в слова свою душу и огонь, то все сказанное им запечатлевается в мозгу. Почему? По той причине, что в первом случае мы имели действие интеллекта, не сопровождавшееся чувством, во втором же случае — одушевление, действуя путем внушения, увлекает слушателей, расширяет их интеллект и даст в результате больше, чем та же наука, взятая только памятью, но не воздействовавшая на сердце. «Что не исходит из недр сердца, то до сердца не доходит», — говорит немецкая поговорка. Но еще труднее оно усваивается головой. Воспитание воли также нуждается в непрерывной деятельности, причем ребенок с ранних лет должен исходить в своих стремлениях из основ бескорыстия и благородства, без перспективы вознаграждения или кары. В основу воспитания следует положить систему деревенских воспитательных приютов, впервые учрежденных Редди в Англии, а потом введенных Литцом в Германии и Фреем Цубербилером в Швейцарии и практически осуществляющих идеи Руссо, Песталоцци, Оуэна и Фребеля. Психологически образованный педагог с большим удовольствием наблюдает систему воспитания в деревенских воспитательных приютах в Гаубинде (Тюрингия) или в Гларисегте у Шгенборна на Боденском озере и в Шелли у Лозанны (д-р Виттоц). Дети здесь не могут нахвалиться своей школой и являются действительными друзьями и товарищами своих воспитателей. Здесь одновременно закаливается организм, образуется ум, усваиваются знания и воспитываются чувства и воля. Учебники заменены великими произведениями писателей, дающими не только знание, но и действующими одушевляюще на чувства. Нет томительных уроков и грозных экзаменов, действующих удручающе на сознание, но взамен учение поставлено таким образом, что усвоение происходит одновременно с переживанием усваиваемого. Изучение входит в плоть и кровь ребенка, становится его собственностью, но не обременяет его мозга и памяти в качестве постороннего тела. Наказания применяются с таким расчетом, что являются нормальным результатом содеянного проступка.

Мальчики и учителя вместе моются и вместе раздеваются. Что касается полового вопроса, то его рассматривают откровенно, благопристойно, как нечто вполне натуральное и само собою понятное. На почве такого взаимного доверия, и отношении между учениками и учителями при

физическом и умственном труде, без применения спиртных напитков, создается лучший и наиболее верный предупредительный способ противодействия мастурбации, несвоевременной половой зрелости и другим усвоенным половым извращениям. Конечно, таким школам не дано воздействовать на унаследованные патологические половые стремления. Можно сказать, что нигде нельзя встретить таких интернатов, которые в этом смысле давали бы такие же благоприятные результаты, ибо при проявлении у мальчика полового извращения, это сейчас же становится заметно. Отсылаю здесь к труду Вильгельма Фрея: «Landerziehungsheim», 1902, и к моей книге «Hygiene und der Nerven und des Geistes» 1903, где мною также обсуждался этот вопрос.

Что недоступно было по настоящее время ни педагогии, ни обучению — это умение оценивать людей. Ценность личности в социальном смысле образуется из соединения двух труп факторов: унаследованных задатков (умственных и физических) и способностей усвоенных благодаря воспитанию или обучению. Если данная область лишена унаследованного задатка, то всякие попытки воспитания и обучения дают в конце — концов отрицательные результаты. Самые лучшие основы атрофируются, если не было подходящего обучения и необходимых упражнений, в более благоприятном же случае результаты будут значительно хуже тех, которые могли бы быть. Роль унаследованных задатков чрезвычайно велика не только в смысле усвоения знаний, что составляет, очевидно, точку зрения и господствующей школы, но во всех сферах человеческого существования, главным же образом, в душевной. Такие хорошие задатки, относящиеся к воле, чувству, суждению, фантазии, как раньше всего упорство, сознание долга, наличность совести, умение владеть собою, логическое мышление и способность отделять действительное от ложного и делать сочетания в сфере мышления и эстетики, — являются значительно большими человеческими ценностями, чем умение быстро воспринимать и усваивать и примерная память на слова и предложения. А между тем, наша школа, от первоначальной до самой высшей, в своих школьных испытаниях, главным образом, с последними способностями лишь и считается. Удивительно ли поэтому, что, в связи с таким лживым и пристрастным критерием, высшие официальные общественные положения, а также и преобладающая часть неофициальных первостепенных положений достаются наиболее сухим плодам, самым обыденным помогающим субъектам, воспринимающим лишь чужие мысли и преклоняющимся перед авторитетами? Если имеются налицо хорошая память и талант усвоения, то это вполне доступно и без содействия сеньорен-конвента и духовных или масонских орденов! Если же нет таких способностей, то люди, нередко самые талантливые и даже гениальные, пропадают или же избирают наиболее извилистые пути, теряя массу энергии и времени. Омертвевшие, догматические, наизусть заучиваемые правила, которыми заполняют детскую голову, нередко фальшивы, неудобопонятны или неточны. Все это гнездится в памяти, как чуждое тело, и впоследствии для удаления и исправления всего этого хлама необходимо затратить больше усилий, чем для того, чтобы в самом начале создать восприимчивое наивное мирозерцание. Мне стоило больше усилий для того, чтобы освободиться от насильно навязанной мне анатомии мозга, чем для изучения действительной структуры мозга непосредственно на трупе. В сельских воспитательных приютах д-р Герман Литц установил на самом деле достойную подражания систему социально-психологического определения достоинств воспитанников. Для оценки результатов избраны прежде всего два масштаба: а) оценка индивидуальная: совпадают ли всегда и во всем успехи ученика с его способностями? б) объективная: считаясь с нормальным средним человеческим масштабом, т. е. отличны ли, хороши ли, посредственны ли или плохи его успехи? И вслед за этим обращается внимание за различные сферы психологических и человеческих функций, что может иметь место только в таких именно школах, в которых воспитывается человек целиком.

I. Результаты со стороны организма: здоровье, болезни, вес организма, ловкость, хождение, бег, плавание, велосипедный спорт, игры, лыжи, гимнастика, борьба.

II. Поведение: порядок, чистота, пунктуальность; опрятность в содержании школьных тетрадей. Во внешних отношениях и т. д.

III. Результаты этические и религиозные:

а. Поведение относительно: 1) родителей (корреспонденция), 2) воспитателей, 3) других учеников, 4) третьих лиц, 5) самих себя.

б. Любовь к правде; усердие и сознание долга; надежность при распоряжении как своею, так и доверенной собственностью; внушает ли доверие? добросовестен ли? Чувства солидарности, отсутствие алчности.

в. Сила: 1) этического чувства, 2) этического разума, 3) этической воли.

IV. Результаты интеллектуальные:

а. Практические занятия: садоводство, сельские занятия, столярное искусство, работы токарные, слесарные и кузнечные.

б. Искусство: лепные работы, рисование, писание, красноречие, декламация, инструментальная музыка.

в. Знания: 1) литературно-гуманистические, 2) физико-математические и естественные. (Не привожу здесь общеизвестных подробностей).

V. Результаты общие:

а. Сила: 1) характера, 2) организма, 3) интеллекта, 4) способности наблюдения, 5) фантазия, б) суждения.

б. Оценка: 1) практических, 2) художественных, 3) научных преуспеваний.

Если приложить такой масштаб к человеческой ценности воспитанника, то она выразится совершенно иначе, чем при измерении масштабом обыденных школьных требований. Такой способ оценки дает возможность предсказать с значительно большей, хотя все же и относительной, достоверностью, что представит собою в будущем данный человек, причем некоторые пункты Литцовской схемы могли бы быть несколько видоизменены. Нужно ли сюда присовокупить, что в таких школах не полагается экзаменов, так как вся жизнь здесь — сплошной экзамен.

Правильный сознательный человеческий подбор представится возможным основать лишь на фундаменте правильной оценки людей.

На нескольких исторических примерах мы убедимся в том, насколько несостоятельна оценка людей, производимая нашей обыденной школой. Самуэль Смайльс в своей «Самопомощи» («Self-Help»), которую я убедительно рекомендую всякому прочесть, приводит следующие подробности: художники Пьетро ди-Кортон и Томас Гвиди получили в юности названия — первый из них — «Ослиной головы», а второй — «Томаса неуклюжего». Ньютон был одним из худших в своем классе. Жан Свифт срезался на экзамене в высшей школе в Дублине. На Шеридана смотрели в школе как на «неисправимого лентяя». О Вальтера Скотте проф. Эдинбургского университета Дальзел выразился: «Он глуп — и глупым и останется». Чаттертон отправлен был обратно своей матери из школы с аттестацией: «Глупая голова, которая ничего ровно не обещает в будущем». Поэт Берне и Жорж Стефенсон, изобретатель локомотива и основатель железнодорожного дела, выделялись в школе лишь «в качестве атлетов». Наполеон и Веллингтон были довольно «печальными учениками». Улисс Грант носил в детстве название «useless Grant» (ни к чему не годный Грант). Джеймс Уатт был скверным учеником и т. д. Причину этих фактов должно искать не только в запоздалом развитии, как поясняет это Смайльс, но, главным образом, в том отвращении, которое внушает наша школа самостоятельно мыслящим умам, не желающим перегружаться, когда на них надвигается пустой балласт бессодержательного хлама, заучиваемого назубок, нередко бессмысленного и даже полного противоречий.

Начинают понемногу понимать во всех областях, что не может быть никакого вреда в совместном воспитании обоих полов, а скорее достигаются полезные результаты как в половом, так и в этическом смысле. Для высших школ это уже практически осуществлено, а также и в школах для маленьких детей и первоначальных училищах, — лишь средние учебные заведения обнаруживают еще в этом смысле стойкую сопротивляемость. Но уже в Голландии, Италии и Винтертуре (Швейцарии) в гимназиях без всяких вредных результатов введено совместное обучение, которое обуславливает лишь, наоборот, отличные успехи. Совместное обучение энергично защищается в последнее время г-жей Майкки Фриберг из Финляндии, которая ссылается на отличные результаты, достигнутые в этой стране. Опасаются полового возбуждения. Но это заблуждение, так как благодаря привычке ежедневно сталкиваться, сидеть рядом и пр. притупляется половое раздражение. Запретный плод выходит уже из области раздражающего, так как он перестал быть запретным и может быть рассматриваем весьма

близко.

Мы, конечно, не желаем этим сказать, что мальчик и девочка в интернатах должны пользоваться общими спальнями или мыться совместно. Мы еще не достигли такой чистоты нравов, как у индианки, упомянутой нами в главе VI и полагавшей, что неблагопристойно являться в платье перед чужими, в то время как она обыкновенно ходит голой. Но мы касаемся здесь не интернатов, а совместного воспитания обоих полов в общественных школах.

При упоминании о воспитании по настоящее время приводят ту мысль, что существует отличие природы и призвания женщины от природы и призвания мужчины, и, стало-быть, поэтому в основу должно быть положено и другое воспитание. Но здесь мы возразим, что предметы, которыми мы располагаем, объекты знания человека и его функции, — вообще все предметы, подлежащие нашему умственному восприятию, одни и те же. Если нельзя говорить о католической и протестантской химии, католических и протестантских растениях, животных, горах и озерах, то таким же образом не может быть и речи и о предметах «для девочек» и предметах «для мальчиков». Может измениться лишь система усвоения, понимания или использования их человеком. Поэтому представляется возможным говорить в таком смысле о католическом или французском искусстве, о протестантской литературе и пр. Языки так же заучиваются, причем француз, родившийся в Германии, усвоит немецкую литературу, а немец, родившийся в Париже, — французскую. Поэтому материал для изучения можно считать общим для обоих полов, и должно рассматривать, как несправедливую и непроизводительную растрату энергии, организацию более плохого издания этого материала для женщины и плохого ей преподавания.

Каждый предмет изучения должен преподаваться с наибольшей полнотой и как можно лучше, независимо от пола, который его будет воспринимать, и независимо от самого предмета, из которых некоторые считаются специально женскими, как например, шитье, варка, хозяйство и т. д. Каждый пол, в зависимости от своих специфических способностей и своего гения, должен усваивать, перерабатывать и, по возможности, применять в жизни весь материал. При этом, определенный минимум преподавания будет обязательным для всех; другая же часть преподавания, имеющая отношение непосредственно к индивидуальному развитию, будет считаться факультативной (в зависимости от способностей и желания). Далее, в той части совместного преподавания, которая носит обязательный характер, можно некоторые детали знания вменить в обязанность одному полу, сделав их факультативными для другого (как шитье и геометрия) Но, говоря вообще, факультативным будет считаться все то, что выходит из границ обязательного обучения, и всякому представится возможность по своему усмотрению выбирать себе свое занятие, как это и практикуется в настоящее время в высших учебных заведениях. При таких условиях каждый человек, независимо от своего пола, будет, как в свободной природе, определять свои пути и в зависимости от своих природных способностей воспринимать и преобразовывать объекты знания.

Г-жа профессор Фукс, урожд. фон-Вольфринг, основательно знакомя с Россией, сообщает мне: «В России (и в русской Польше), где женские средние учебные заведения около четырех десятков лет находятся почти на таком же уровне, что и мужские гимназии, замечаются два фактора, резко расходящиеся с положением вещей в Западной Европе. Прежде всего, благодаря дешевой и хорошей школе, женщины средних классов здесь серьезнее смотрят на жизнь и обнаруживают больше тяготения к социальной и научной деятельности и больше собственной инициативы, чем современная западно-европейская женщина, иногда же даже чем и их соплеменники-мужчины. Кроме того, что наиболее достойно удивления, так это тот факт, что здесь мужчинам совершенно чуждо пренебрежение, которое оказывают на западе женщине. Гимназист признает в лице гимназистки равного себе товарища (иногда даже считает ее выше себя), между тем как в Западной Европе воспитанник первого класса 10-ти лет с достоинством ощущает свое превосходство над девочкой, которая будет учиться меньше его и, стало-быть, меньше его знать. Усвоив такой взгляд уже на школьной скамье, мужчина в Зап. Европе не может освободиться от него уже всю свою жизнь. В России профессора единогласно уже больше 30-ти лет тому назад настаивали перед правительством на необходимости предоставления женщинам высшего образования, освободив последних от длинного пути петиций. А между тем в Германии и Австрии желавшая продолжать свое образование женщина

должна была постепенно и упорно отвоевывать каждый университет, каждый факультет, чуть ли не каждого профессора, точно неприятельскую позицию. В России не могли себе представить, на каких основаниях девушка, готовившая в среднем учебном заведении почти те же уроки, вдруг оказывалась неспособной продолжать и дальше усваивать науки в стенах высшей школы. Мы смотрим на стремления женщин Зап. Европы, принимающих все меры к насаждению высших школ для женщин, но не заботящихся о повсеместных дешевых средних школах для девочек, как в России, как на усилия людей, приступивших к постройке дома с возведения крыши. В России обучение девочек в женских гимназиях стоит от 30 до 40 рублей ежегодно».

Мне остается приветствовать эти замечания проф. Фукс и целиком к ним присоединиться. Мы можем чему-нибудь научиться и у России. Нашим гимназиям и вообще средним школам необходима полная реформа. Я уверен в том, что совместное обучение мальчиков и девочек составляет основной базис такой реформы, причем оно должно быть доступнее в смысле платы и рациональнее, чем в русских женских гимназиях.

В области половой педагогики мы сталкиваемся с одним, к сожалению, превратно усвоенным, но очень важным понятием относительно прирожденного полового извращения. С очень печальными последствиями сопряжено обычное мнение, будто каждая половая ненормальность представляет собою усвоенный порок, заслуживающий чрезвычайного порицания и вызывающий нравственное негодование. Молодежь на таких основаниях усваивает ложные взгляды, а родители и воспитатели, благодаря этому, вводятся нередко в заблуждение. Мы говорили уже в главе VIII о безобразных проявлениях половой патологии, которые должны быть хорошо известны родителям и руководителям. Но это еще не все. Явления извращения относятся уже к далекому детству, и должно пройти очень много времени до тех пор, пока ребенок, наследственно извращенный в половом смысле, придет к заключению, что его любовные стремления рассматриваются другими, как неестественные, подлежащие даже наказанию. Ненормальные стремления подрастающего ребенка в их психическом отражении являются для него наиболее святыми, близкими и интимными, составляя объект надежд и борьбы и не совпадая с наклонностями и природой его товарищей. На этой почве создается взаимное непонимание между ним и окружающим его, причем его склонности вызывают насмешки и отвращение. Страх и стыд борются у него с извращенными желаниями. И только впоследствии, по наступлении половой зрелости, извращенный начинает постепенно убеждаться в своем обособленном положении среди людей. В сознании своей изолированности и одиночества без просвета в будущем, он каждый раз все больше и больше убеждается в том, что его стремления и чувства чужды другим людям, высмеиваются ими и рассматриваются не только как нечто достойное презрения, но и порицания и даже кары, так что свою страсть он должен скрывать, как совершивший преступление. При наличии слабого и импульсивного характера, сочетавшегося с достаточно смелым, рано обнаружившимся половым стремлением, он легко теряет голову, сбивается с прямой дороги, особенно, если ему обстоятельства в этом случае благоприятствуют в лице уступчивых объектов или же одинаково извращенных товарищей. Таким образом, юных гомосексуалистов можно видеть уже в средних учебных заведениях, а девочки урнинги довольно ловко соблазняют своих подруг в пансионах и т. д. Сосредоточив свое внимание на такого рода явлениях, часто имеющих место в средней школе и завершающихся нередко скандалами, всякий серьезный и беспристрастный человек придет к заключению о необходимости, хотя бы только по этой причине, или же главным образом, по этой причине, давать детям возможно раньше представление о половых отношениях как в интересах гигиены, так и разума и этики. Если родители и воспитатели в достаточно непринужденной и свободной форме, при наличии необходимого приличия, стараются при случае касаться этого вопроса в разговоре с детьми, то последние постепенно усвоят себе здоровое понятие о своих половых свойствах. В этом случае проявляются равнодушие девушки в половом отношении, или же ее ранние эротические склонности и стремления. Способ разъяснения в таких случаях должен быть неодинаковым, так как в первом случае возможность свободного обмена мыслей значительно больше, почти не представляя никакой опасности, между тем как в другом случае необходимо соблюдение большой осторожности, чтобы не вызвать раздражения полового стремления,

причем, главным образом, подчеркивается опасность венерического заражения, рождения детей вне брака и соращения недостойными личностями. Могут, разумеется, встретиться на таком пути различные извращения у подростков, начиная уранизмом, с предпочтением мальчиков девочкам, и кончая даже садизмом. У мальчиков может обнаружиться слишком раннее и слишком интенсивное проявление полового побуждения; наибольшее же внимание должно быть обращено у обоих полов на онанизм. Если наблюдения производят особенно тщательно, то у мальчиков можно будет иногда обнаружить и гомосексуальные склонности, а также значительно реже и другие извращенные побуждения, как садизм, мазохизм, фетишизм и проч.

Практические результаты и польза таких наблюдений сводятся к тому, что прежде всего извращенный в половом отношении ребенок будет подвергаться и в дальнейшем особому наблюдению и, во всяком случае, не попадет уже в интернат, где искушение и соблазны более возможны и часты. Мы уже говорили, что гомосексуалист в мужском интернате чувствует себя так же, как нормальный в половом отношении юноша, попавший в спальню для девочек, однако, на такую опасность почти не обращает должного внимания. Но если установлена несомненно извращенность, то не следует рассматривать данное лицо, как преступника или человека, одержимого пороками, а лишь как ненормального и на нервной почве больного субъекта, заключающего в себе опасность как для самого себя, так и для окружающих. Он должен быть подвергнут лечению, но одновременно следует принять все меры, чтобы такой больной не послужил источником заразы для других. Касаясь специально гомосексуалистов, мы устанавливаем необходимость наблюдения за ними и лечения их до достижения половой зрелости и совершеннолетия. После этого периода они могут создавать свои собственные города, дарить друг другу кольца и даже вступать между собою в брачные союзы, что им особенно нравится; все такие безобидные вещи они могут делать по своему усмотрению. Взрослый нормальный человек, имеющий ясное представление о половых вещах, всегда сумеет обезопаситься от них, но ребенок нуждается в этом случае в защите взрослых от возможных половых покушений со стороны гомосексуалиста, и эта защита должна целиком лежать на обществе. Однако, общество и само не в состоянии принять активные меры в этом направлении до тех пор, пока оно не будет посвящено в исчерпывающие подробности и не даст возможности своей молодежи ознакомиться с положением вещей вышеуказанным образом. Обнаружив те или иные формы извращения, особенно же такие проявления его, как садизм и унаследованную половую склонность к детям, оно должно принимать самые энергичные предохранительные меры, которые, в случае надобности, могут быть доведены и до полной изоляции. В борьбе с онанизмом, кроме внушения, нет лучшего способа, чем тот, который практикуется, в смысле воспитания в деревенских школьных приютах, причем наибольшее значение имеют постоянные физические упражнения, в связи с умственной возбуждающей деятельностью. При последовательном применении такого воспитания с детства наблюдается вообще более позднее, уравновешенное и спокойное проявление полового стремления, дающее в этом случае всегда благоприятные результаты и благотворно действующее на всю дальнейшую жизнь человека. Мы, однако, видели уже из главы VIII, что онанизм может явиться следствием различных побуждений и обстоятельств, и с этим следует считаться в каждом отдельном случае.

Своевременное посвящение детей в сущность половых отношений имеет свою хорошую сторону, еще в том, что служит для их собственного успокоения. Не мало молодых людей обоего пола, предающихся отчаянию, часто задумывающихся и впадающих в меланхолию, благодаря совершенно неправильному представлению о половых отношениях. Они сталкиваются, с одной стороны, с порнографической грязью, в то время как их родители не открывают глубокого секрета, с другой же стороны, половое стремление энергично предъявляет свои права и настаивает на удовлетворении. С началом истечения семени, явившегося у юноши непроизвольно или вызванного искусственно, начинают появляться одновременно и чувства боязни и стыда, осложняясь опасением всевозможных болезней, порочности, развращенности и всяких иных страхов. Предоставленный самому себе юноша, сгорающий от стыда и умирающий от страха, только в минуту самого большого отчаяния решится поделиться с врачом или отцом. Если натура сама по себе достаточно нервная, с склонностью к меланхолии или ипохондрии, то от такого состояния до самоубийства один только шаг.

Необходимо обратить внимание на существование, особенно у нервных детей, рубцов под влиянием аффектов (глава VIII, III, 10), т. е. на патогенное влияние душевных аффектов, в особенности аффектов страха, половых возбуждений и аттентатов, чтобы, по возможности, предупредить их дурные последствия, проявляющиеся в виде фобий, мании преследования, заикания, истерических припадков и т. д. Энергично рекомендуя во всех этих случаях индивидуализацию, я настоятельно предостерегаю от догм и шаблона. Дети крайне разнятся друг от друга, и то, что на одного действует благотворно, является для другого отравой.

Одновременно с ознакомлением детей с половыми отношениями, можно также ввести их в понятие о наследственности, а также и о тех веществах, которые губительно отражаются на зародыше, и о венерических болезнях. И в этом, стало-быть, заключается положительная сторона раннего разъяснения детям половых отношений. Но все время необходимо строго следить за тем, чтобы при объяснении не имело места возбуждение эротизма как у объясняющего, так и у детей, и чтобы вообще не было сказано ничего лишнего. Но разъяснение также имеет свои положительные результаты лишь в том случае, когда оно не становится постоянным. Внимание ребенка должно быть отвлечено, по возможности, от всего, что имеет отношение к половым вещам, с каковою целью вводятся в жизнь ребенка иные интересы и привязанности, как например, к труду и т. д. На первом плане, разумеется, энергичное противодействие эротической литературе, порнографии, проституции и проч. Можно, однако, наблюдать, что некоторые скромные сочинения, так называемые, хорошие романы и разные театральные пьесы, имеющие большой успех у дам за свою приличную с внешней стороны форму, заключают в себе слегка замаскированный эротизм и, как мы об этом уже напоминали, еще энергичнее действуют на половое побуждение, чем наиболее откровенные, проникнутые реализмом, сочинения Золя, Брие и даже Гюи-де-Мопассана (если не считать иллюстраций к некоторым изданиям Золя и Мопассана).

Мне передавал один врач, что крестьянские дети в той местности, где ему приходилось жить, стараются подражать совокупляющимся животным, делая, в свою очередь, попытки к совершению полового акта во время купанья и т. д. Таким проявлениям следует тщательно противодействовать. Но и здесь нельзя говорить о какой-либо большей извращенности или испорченности у крестьян, чем у горожан. И если своевременно будут сделаны, особенно девочкам, ласковые указания и предостережения, то это подействует наиболее благотворно. Лучших результатов можно будет ожидать, когда наша культура отделается от воздействия алкоголя, и когда прекратится эксплуатация трудящихся элементов в городах и деревнях. Между прочим осторожность у девочек вырабатывается именно благодаря этим попыткам со стороны мальчиков. Как, однако, назвать приговоры австрийских судей, назначавших тюрьму и каторжные работы четырнадцатилетним мальчикам за совокупление с девочками тех же лет и за оплодотворение их? Имело ли в данном случае действительно место наказание виновных? Или надеялись таким путем воздействовать исправляюще на этих детей?

Роль католической исповеди в педагогическом отношении весьма отрицательна. Может быть, некоторым священникам, достаточно порядочным, и удастся более или менее деликатно изложить все те вопросы, которые должны быть предлагаемы на исповеди по предписанию Лигори, и в этом случае действительно не будет или почти не будет вредных последствий для неиспорченного молодого человека. Но ведь всякий верующий католик все же будет и должен считаться с тем, что священники остаются людьми и, к тому же, не всегда достаточно благородными и тактичными. И в связи с таким положением вещей исповедь превращается в своего рода развращающее установление, каким она является в громадном большинстве случаев. Мы приводили уже в главе XII наиболее поучительные опыты гениального и этически высоко стоящего бывшего католического священника, патера Хиникви.

Приведу здесь также следующий поучительный случай: один стыдливый господин заметил купающихся вместе маленьких деток обоего пола и объявил им, что это непристойно. Но из них маленький мальчик возразил щепетильному господину: «можем ли мы различить, кто из нас мальчик или девочка, когда мы все без платьев». Из этого наивного, но меткого ответа можно вывести, к каким отрицательным результатам может повести доброе этическое намерение, которое как раз и направит дремавшие доселе мысли по новому эротическому руслу и послужит причиной дальнейшей испорченности.

Недавно одно преступление вызвало толки о том положении вещей, при котором в настоящее время учителям и воспитателям предоставляется возможность удовлетворять свои садистические наклонности при помощи телесного наказания вверенных их попечению детей. Еще сохранился в памяти случай с домашним учителем Диппольдом (Диппольд был, собственно говоря, студентом и частным руководителем, но не профессиональным учителем), подвергавшим, на почве садизма, страшным истязаниям двух мальчиков, находившихся у него в обучении, причем один из этих мальчиков был замучен до смерти. По сообщению (с указанием имен) «Рабочей Газеты» в Вене, заслуживающему безусловного доверия, в одном миниатюрном немецком государстве владетельный князь собственными руками производил экзекуции всякий раз, когда в его владениях какой-нибудь ученик приговаривался к сечению розгами. Газета приписала эту страсть садистическому извращению высокопоставленной особы. В аналогичном случае какой-то человек, выдавая себя за полицейского, немилосердно сек бедных ребятишек в продолжение нескольких лет, пугая их судом, если они пожалуются на него. Дело это обнаружилось благодаря смелости одного из подвергшихся такому сечению мальчиков. Садизм, стало-быть, не всегда выражается в убийстве истязаемой жертвы, а может вылиться в форме более или менее жестокого сечения или истязания (духовного или телесного). Такие истязания могут иногда лишь дополнять половое сладострастие у патологических субъектов, которые лишь отчасти извращены. Это обстоятельство, на которое до сего времени обращали весьма мало внимания, лишней раз говорит в пользу окончательной отмены телесного наказания в учебных заведениях, так как извращенные пускают в ход всевозможные хитрости, чтобы получить удовлетворение. Лицемерие служит в таких случаях непроницаемой маской, вводящей в заблуждение окружающих, хотя бы и богатых опытом, — это имело место в случае с Диппольдом и во многих других. Между тем, школьное сечение ребенка является лишь прямым варварством, не только не приносящим никакой пользы, но и чреватым нередко вредными последствиями. Для культуры является позором сохранение розги в стенах учебного заведения, в то время как она отменена даже и в применении к каторжникам. Но мы часто видим, как истязуют детей, и особенно пасынков и рожденных вне брака, родители и опекуны, причем истязания эти в своих отвратительных подробностях находят чаще под непосредственным воздействием полового извращения и алкоголизма. Приведем новейшее сочинение Лидии Вольфринг (*Das Recht der Kindes; Vorschläge für eine gesetzliche Regelung. Allgemeine österreichische Gerichtszeitung 1904; die Kindermisshandlungen, ihre Ursachen und die Mittel zu ihrer Abhilfe aus dem I. Kinderschutz-kongress Wien, 1907*). Автор, преследуя защиту прав детей, приводит ряд мер, необходимых для применения к тем из родителей и опекунов, которые сами совершают наказуемые проступки по отношению к своим детям или питомцам, или заставляют их самих совершать наказуемые проступки, или же не принимают мер для защиты их от злоупотребления со стороны третьих лиц (последнее имеет место при конкубинате, вдовстве и пр.). Меры эти следующие:

1. Лишение родителей или опекунов их власти по отношению к детям и назначение (конечно, другого) опекуна.
2. Отобрание детей, если это будет признано нужным.
3. Назначение второго опекуна в тех случаях, когда оставшийся в живых супруг снова вступил в брак или же конкубинат.
4. Лишение родителей своей отцовской власти (а иногда и матерей) в случае, когда они, не побуждаемые к тому нуждою, предоставляют материальную сторону воспитания детей частной или общественной благотворительности.

Все эти предложения не имеют прямой связи с нашим вопросом, но при точном применении их не было бы места и половым злоупотреблениям. В этом случае уместно вспомнить меры, принимаемые потерявшими стыд родителями, отдающими своих детей в пасть проституции. В связи же с указанным здесь № 4, мы можем указать на главу XIII. Такие родители, независимо от отнятия у них детей, должны насильно производить какую-нибудь работу, назначенную для покрытия содержания этих детей.

Приходится, к сожалению, констатировать, что приведенный очерк половой педагогики будущего находится еще далеко от своего осуществления. Деревенские школьные приюты, которые могли бы быть взятыми в качестве примерных образцов для грядущей

государственной школы, встречаются пока очень редко; и во всяком случае, разумная половая педагогика сможет осуществиться лишь тогда, когда государство и народ ясно уразумеют половой вопрос, независимо от всяких предвзятых мнений и предрассудков. Пока же каждый из нас предоставлен самому себе. В зависимости от их собственного желания, дано в этой области много сделать как родителям, так и воспитателям. Но раньше всех те молодые люди, которые чтут социальные реформы, должны отказаться от пустых фраз и показной стороны дела, а, проникнувшись глубоким убеждением, проявить себя активной работой в сфере половых отношений, чтобы на развалинах старых, противных человеческой этике догм построить основу для новых половых реформ, т. е. оказать деятельное противодействие бракам по расчету, брачной формальности, общности имущества, проституции и пр., пропагандируя словом и делом правильный половой подбор, воспитание и т. д. в границах, указанных выше.

Глава XVIII Половая жизнь и искусство

Искусство представляет колебание нашей жизни чувств в гармонической форме. (Филогения искусства представляется еще весьма туманной. Взгляд Дарвина, желавшего приписать его половому соперничеству, в такой мере притянут здесь за волосы, несмотря на обычное остроумие великого исследователя, что нет возможности с ним согласиться (см. также: Lameere, «L'evolution des ornements sexuels». Bruxelles, 1904). Аристотель видел в искусстве принципы прекрасного подражания Мроф Карл Гросс, в своей блестящей статье, опровергающей, между прочим, воззрение Дарвина (Die Anfänge der Kunst und die Theorie Darvins, Hessische Blätter für Volkskunde band III, Heft 2 und 3), указывает особенно на принцип самоизображения, объектирование своего же внутреннего возбуждения (удовольствие у животного, доставляемое собственным голосом). Стремление производить движения и игры, состоящие из движений (мы видим такие игры и у муравьев), представляют собою первых автономных создателей искусства. Гросс склонен приписывать возникновение искусства специально у человека религиозному экстазу или вообще проявлению экстаза. Гросс говорит: «Конечно, искусство, которое зиждется на влиянии на чувство, первым долгом постарается использовать область, наиболее богатую чувствами (половую область)». По Гроссу же «эротическое имеет значительно большее значение в более развитом искусстве, чем в известном нам первобытном». Мы в этом и соглашаемся с Гроссом, так как в действительности первобытная эротика была слишком обнажена, слишком общепонятна, слишком чувственна и слишком очевидна, чтобы быть в состоянии в такой степени волновать и затрагивать чувства, как у культурного человека; это уже дает мне основание рекомендовать Гросса, так как факты, в лице примитивного искусства, заключающего в себе мало эротики, являются непосредственным подтверждением сказанного). Чем тоньше ассоциация искусства с элементами познания, тем возвышеннее и активнее его проявление. Но энергия его воздействия обуславливается еще и силой, приводящей в колебание наши чувства. Искусство прибегает к помощи диссонансов не только в области музыки, чтобы, благодаря контрасту, сильнее подчеркнуть гармонию чувства и непосредственно, путем разнообразия, влиять на впечатлительность. Изображая отвратительное, оно создает влечение к красивому. Но искусству надлежит быть самопроизвольным, внутренне правдивым, без всякой деланности и интеллектуальной или моральной навязчивой тенденции. Положительное чувство эстетики весьма относительно и в большей степени обуславливается филогенетическим приспособлением человеческих чувств, а также привычками и нравами. Так, навозный жук испытывает, без сомнения, большое удовольствие от ощущения навоза и его запаха, но у нас они вызывают только отвращение. Впрочем и среди людей встречаются такие своего рода половые навозные жуки, которые ощущают удовольствие от запаха испражнений. Урнингу мужчина кажется прекраснее женщины. Дикий человек и крестьянин видят красоты в таких вещах, которые сыну культуры и утонченному жителю города кажутся отвратительными, и т. д.

Не будет поэтому удивительным то обстоятельство, что искусства во всех своих проявлениях касаются, главным образом, той области, которая всего энергичнее воздействует

на жизнь, человеческих чувств, а именно — на половую любовь. В музыке выражаются половые чувства и их психические отражения, в виде звуков томления, страсти, торжества, печали, разочарования и отчаяния, экстаза, подчинения и проч. В скульптуре и живописи основной темой, не изменяющейся и неиссякаемой, является то же чувство любви во всевозможных его проявлениях. Но, главным образом, в беллетристике половая любовь двиходит до своего апогея, восторженно празднует победу и предается оргиям. Почти не найти таких романов и театральных пьес, в которых не первенствует половой вопрос. Мы здесь имеем в виду не шаблонные любовные происшествия и драмы на эту же тему, тошнотворно повторяющие одни и те же сентиментальные и обгрызанные мотивы и все еще влияющие на чувства толпы, которая далека от чисто художественной культуры. Высшему искусству свойственно уметь изображать чрезвычайно тяжелые, но и утонченные и роковые по своей запутанности моменты в области человеческих половых чувств и их проявлений, что сочувственно отражается на самых глубинах души и человеческих тонких настроений. Сошлемся на таких поэтов, как Шекспир, Гете, Мюссе, Гейне, Байрон, Шиллер, Мопассан, музыкантов, как Моцарт, Бетховен, Вагнер, Шуман, Леве и др., художников, как Тициан, Мурильо или Беклин, скульпторов, как греков, или как современная французская школа (Родэн и др.). Искусство и интеллект не противопоставляются друг другу, между ними существует такая же связь, как и между мышлением и чувствованием в мозгу человека, хотя каждая сфера и пръявляет свою независимость. В каждом художественном изображении в основе хранятся интеллектуальные элементы, точно также, как каждое чувство обыкновенно основано на определенных представлениях.

Внешний мир, жизнь и деятельность всех времен служат художнику в качестве материала для его творения; его произведения обыкновенно отражают в себе интеллектуальные течения, взгляды и приобретения его века, причем внешние приемы искусства облегчаются, благодаря успехам, делаемым наукой и техникой. Но отделявание материала в целях превращения его в законченное целое, в единое, стройное действие, в гармоническое настроение, а также уметь исключить из материала все наносное, побочное, строго определить наиболее существенное, обязательное, типичное, благодаря чему отдельный, характерный случай в художественном освещении превращается в символ общечеловеческого и обще-важного, близкого всякому восприимчивому человеку — все это входит в функции творческого художественного гения, или пластической фантастической силы его чувства.

Истинное искусство само по себе нельзя считать ни нравственным, ни безнравственным. Здесь имеет место *omnia purga puris* (для чистого все чисто). Грязная душа отразит в себе всякое творческое произведение, равно как и все высшие этические проявления, в виде уродливой или порнографической литературы, между тем как благородная душа увидит в нем олицетворение своих возвышенных идеалов. Конечно, не вина в этом искусства или данного произведения, а качества и восприимчивости отдельных индивидуумов, благодаря чему наиболее красивые и достойные произведения искусства вызовут у грязных эротических натур омерзительные половые представления, между тем как люди с чистыми намерениями, будут реагировать совершенно иначе.

Опираясь на такие основные факты, мы должны считаться еще и с другими, являющимися для нас важными. Есть много человеческих произведений, которые крейсируют под флагом искусства, но в высшей степени мало заслуживают такого названия. В то время как очень мало действительно высоких художников, можно насчитать необъятное количество мазунов. Это, конечно, не подлежит никакому сомнению. Есть немало таких, которые никогда не устаивались поцелуя музы, не имеют представления ни о достоинствах, ни о серьезности искусства, представляющего для них в лучшем случае лишь дойную корову, — но все же упорно эксплуатируют это искусство, которое им не дается, заменяя его всякого рода «искусностями» и, в целях наибольшего получения денег и достижения дешевого успеха, апеллируя не к благородным человеческим чувствам, а к низменным стремлениям толпы.

В этой сфере с наибольшей силой и проявляется эротика, играя весьма печальную роль. Всякое средство, рассчитанное на раздражение низменной чувственности, сколь угодно грязное, пускается в ход, чтобы обеспечить себе успех у массы. Сюда относятся и фривольные песенки, и недвусмысленные романы, и театральные пьесы, изображения с неприличным содержанием,

лишенные, однако, и намека на что-либо художественное в своей основе, но в изобилии выбрасываемые на жизненный рынок, чтобы возбудить низменные эротические побуждения массы и извлечь в результате из ее карманов как можно больше презренного металла. И всему этому с легким сердцем придают название «искусства». В таких произведениях нередко восхваляют низменный разврат, во всех его видоизменениях и развращениях. Наиболее печальные результаты такого явления следует видеть в том, что грубая пряность такого грязного «искусства» отражается губительно на вкусах толпы, сводя на-нет природную восприимчивость к действительному, облагораживающему искусству. Хотя бы и с риском прослыть мономаном, я еще раз энергично подчеркну, что основой для вырождающейся восприимчивости к искусству и его лучшим проявлениям, как это основательно установлено, является денежная испорченность и распущенность на почве алкоголизма. Я здесь с предвзятой мыслью указываю на восприимчивость к искусству и его лучшим проявлениям, ибо функции настоящих художников не исчерпываются только тем, что они будут творить, а необходимо, чтобы плоды их творчества отозвались бы соответственно в толпе и в публике, т. е. чтобы были последними усвоены. Одно здесь необходимо дополняет другое, как спрос и предложение. Если способность к восприятию народа к произведениям искусства понижается, то соответственно падают и достоинства таких произведений, точно также, как и наоборот. Уважаемый проф. Беренс, директор художественно-ремесленной школы в Дюссельдорфе, вполне согласился с нами, в печатном труде подтвердив губительное влияние алкоголя на искусство (Peter Berhens. «Alkohol und Kunst» Verlag von Deutschlands Grosslage II, J.O.G.T. 9., Hambourg). Считая этот факт непреложным, мы возьмемся теперь за самый щекотливый и главный вопрос, а именно: как провести грань между действительным эротическим искусством и порнографической мазней? В то время как некоторые крикуны, фанатически-аскетически настроенные, в своем отстаивании морали, решатся разбить или сжечь любое произведение искусства с оттенком эротизма, принимая его за порнографию, найдется немало апостолов вырождения, которые возьмут под свою защиту, под покрытие искусством любую разновидность порнографии. Какой же из критиков искусства возьмет на себя определить истину?

Я хочу привести здесь лишь пару примеров. Когда в одном незначительном и ханжеском уголке Тироля были выставлены нагие, хотя и ничего собою не представлявшие бюсты и статуи, крестьяне их уничтожили, так как почувствовали себя оскорбленными в лучших чувствах своей стыдливости и узрели в изображении обнаженного человеческого тела причину для возбуждения, разврата (см. главу XIII). И было бы напрасно тратить слова по их адресу: «Вы относитесь к таким умам, которым стыдно своей собственной природы, ибо они живут только сверхъестественным». Это же в равной степени могло бы быть применено и к приведенному уже нами начальнику Цюрихской полиции, который приобрел в свое время своеобразную славу, благодаря удалению с витрины «Игры волн» Беклина, узрев в купающихся наядах опасность для нравственных устоев цюрихских обывателей.

С другой стороны, вне всякого сомнения, что бал нагих или полунагих (*bal des quat' z'Arts*), который дается ежегодно художниками и их натурщицами в обществе их ближайших друзей, и который завершается половой оргией, выходит уже из сферы искусства, целиком относясь к действующему развращающе и подлежащему скорейшему прекращению половому цинизму.

Я отношу к области мошенничества всякие попытки придавать названия искусства каким угодно видам хотя бы и превратной или патологической порнографии. Разумеется, художественные натуры, обладающие слишком бурными чувствами и даже иногда патологически раздраженные, находят себе извинение за свои половые противоположности, непостоянство, капризы и эксцессы в любовном чувстве, все это оправдывается темпераментом, свойственным художнику. Но если порнография специально культивируется и вводится в систему, а также цинично прокладывают себе дорожки в жизнь общества всевозможные половые оргии, то их сюда отнести ни в каком случае нельзя, так как здесь нет совершенно элементов искусства. Не должно сваливать в одну кучу личные особенности, патологические слабости и эксцентричности художника, который нередко и сам становится жертвой своей слабости, — вместе с искусством и его продуктами, не возводя их, во всяком случае, в норму и нечто обыкновенное.

Нам, однако, приходится нередко иметь дело со скрытым проявлением эротизма, причем он имеется налицо там, где его всего менее можно было ожидать, как например, в благочестивых тенденциозных произведениях и приличных по внешнему впечатлению романах. Здесь эротизм проявляется в полной форме, хотя такие произведения и приобретаются старыми девами и благочестивыми лицами для укомплектования библиотек и даже рекомендуются в качестве примерного чтения. Такие произведения, как мы уже говорили, способны действовать ненормально раздражающе на половое чувство в значительно большей степени, чем откровенные вещи Золя и т. д.

Одному остроумному человеку принадлежит следующее выражение: «У нагой статуи наиболее неприличным является фиговый лист, а не скрытое под ним». И вполне понятно, что все эти изваянные, нарисованные, а также написанные и высказанные в разговоре фиговые листья действуют возбуждающе на похоть независимо от тех добрых в своей основе намерений, с которыми они были применены; они действуют, как газ и трико, предназначенные скрывать, но через которые скрываемое отлично просвечивает, действуя возбуждающе на чувственность еще в большей степени, чем откровенная нагота. Вообще же эротизм, как будто бы скрываемый, обнаруживает свое влияние более сильно, что и принимается в соображение всеми этими организаторами балетов и аналогичных зрелищ, прибегающих с определенными целями к содействию газа и трико. На всемирной выставке в Париже я видел эротический танец аравийской женщины, носивший название «danse du ventre» (танец живота) и подражавший в соответственных движениях живота, бедер и поясницы движениям женщины во время совершения полового акта. Я, однако, склонен думать, что такая циническая пантомима не в состоянии была эротически влиять интенсивнее, чем туалеты наших дам на балах и вечерах, отличающиеся утонченностью и слишком энергичным декольте, или чем религиозно-экстатические сцены, описанные ли или в своем месте изображенные (см. главу XI). Но вышеупомянутый танец имел место под ярлыком «этнологии», и присутствовавшие при нем приличные дамы по такой уважительной причине ничем не сочли долгом морально реагировать.

Я приведу здесь пример в подтверждение того, что не всегда представляется возможным разграничивать искусство с порнографией. Я ссылаюсь уже неоднократно на романы и особенно новеллы Гюи де-Мопассана, которому удалось создать, быть может, самое высшее, что до сих пор произведено в сфере тонкой психологии любви и полового стремления. Его произведения (за незначительными исключениями), с моей точки зрения, ни в каком случае нельзя признать порнографическими, хотя в них и можно натолкнуться на весьма рискованные подробности. Порнографии тут нет по той причине, что произведения эти истинно человеческие, и все недостойное и безобразное не выставляется в качестве чего-либо соблазнительного, хотя произведения, конечно, лишены морализирующих выводов автора. И в том-то и следует видеть старый ловкий прием эротического пустосвятства, что запретный половой плод в соблазнительных образах преподносится под просвечивающей личиной слов и выражений, исполненных внешнего негодования и благочестия. Порок подвергается суровому осуждению, но вместе с тем изображается в таких формах, что читатель захлебывается. Этого, конечно, не найти ни у Мопассана, ни у Золя. Половая испорченность и разврат, выставляемые на показ у этих писателей, скорее наводят на печальные размышления и, во всяком случае, вызывают отвращение. Но издатель Мопассана посмотрел на дело совершенно иначе, преследуя, главным образом, конечно, интересы рекламы и сбыта. И произведения Мопассана были снабжены им такими изображениями, что жалко становится автора. Сказанное может быть иллюстрировано и следующим противопоставлением. Эротические стихотворения Гейне могут быть сравнены с романами Мопассана. При этом можно различить некоторую порнографическую черту у Гейне, хотя искусство его чрезвычайно утонченно, но ему изменяет нередко этическое чувство, свойственное произведениям Мопассана.

Много эротики и наготы в искусстве греков, отличающемся высокими качествами и утонченностью, но мы здесь не видим безнравственного воздействия, ибо выступает (особенно в скульптуре) сама красота в чистом виде, в сочетании нередко с первобытностью. Легко убедиться в этом из взгляда на античные греческие статуи, прочесть у Гомера историю Ареса и Афродиты или же идиллию Лонгоса о Дафнисе и Хлое. Развращающее влияние сказывается не

в наготу, не в натуральном изображении вещей, относящихся к половой сфере, а в грязных побуждениях автора и его нечистых, часто корыстных намерениях. С другой стороны, необходимо считаться и с тем, что и совершенно чистое в нравственном смысле произведение искусства способно порнографически воздействовать на того субъекта, кто имеет обыкновение на все накладывать печать своей собственной испорченности и безнравственности, видя во всем лишь низкое проявление и гадость. Правда, в древние времена, особенно в позднейшем Риме, половые сферы не были свободны от порнографии и циничной грубости. Это в значительной степени подтверждается, между прочим, и изучением развалин Помпеи, а также и фактами из истории. Такие явления обыкновенно сопровождают упадок наций. К тому же, крайне поучительны и интересны сообщения Штолля (*Das Geschlechts-Jeben in der Yolkerspsychologie*) об этнографическом распространении «непристойности» в ее различных оскорбительных, мимических, графических и пластических формах проявления. Она не чужда ни одному народу, свойственна всем эпохам, потому что обусловлена самой природой человеческого эротизма.

Кому же судить? Кому определить, где заканчивается искусство и начинается порнография, или в какой мере возможно проявление эротизма в искусстве для публичного выставления? Я не считаю себя настолько компетентным, чтобы дать вполне определенный ответ на столь щекотливый вопрос. Но высказываю свое мнение, что с уничтожением владычества презренного металла и алкоголя значительно устранился социальная опасность порнографии, или даже, может быть, совершенно исчезнет. Крайности, во всяком случае, должны быть избегнуты в обоих направлениях. Если порнография проявляется совершенно открыто, независимо от всякого участия искусства, в качестве голый пошлости, то общество, разумеется, обязано принять немедленно должные меры. Но при наличности художественной оболочки, необходимо, считаться в каждом отдельном случае с художественными достоинствами данного произведения, с теми нечистыми побуждениями, которые более или менее открыто положены в его основу, и, взвесив спокойно все обстоятельства, вынесли то или иное решение. Необходимо также считаться с заведомо развращающим влиянием на массу всяких будто бы произведений искусства или «художественных» выставок, демонстрируемых, например, во всех этих *Tingel-Tangel*. Современное наше искусство заключает в себе много вреда еще и благодаря тому обстоятельству, что в нем преобладает патологическое направление, что особенно важно в половой области. Я упоминал уже о французском поэте Бодлере. Эротическое искусство отнюдь не должно представлять собою лечебницу для всяких извращенных субъектов, которые выставляются героями, занимают центральное место в произведениях и готовы вообразить, что являются особенно интересными и ценными представителями человечества. Их ненормальность находит лишь обильную пищу в таком положении вещей, которое нередко заражает и здоровых людей. Можно назвать патологичными весьма приличное количество современных романов и художественных произведений. Выводятся фигуры, рекомендуемые в качестве непосредственных типов любовной и половой сферы, между тем как место им лишь в психиатрической лечебнице или же в сумасшедшем доме, где они обыкновенно встречаются. Иногда же изображаются и такие субъекты, которые существуют лишь в патологическом мозгу автора. Можно не навязывать искусству морализирования, но художник никогда не должен терять из виду высокую социальную миссию искусства, сводящуюся к возвышению человечества и вдохновлению его идеальными стремлениями, вместо того, чтобы топить его в болоте. Величайшие художники именно и уразумели эту миссию, и их мастерские произведения носят на себе такой отпечаток. Отрицание своих прав современными дегенератами есть поэтому ничто иное, как гнилая оговорка.

Искусство располагает большею мощью, ибо чувства управляют людьми и притом, что особенно важно заметить, в более значительной степени, чем холодные выводы рассудка. Искусству надлежит быть здоровым. Если оно не допускает воздействия какого-либо морального хлыста, то оно должно вечно иметь в виду свою обязанность подыматься в небеса, куда и иносказательно указывает дорогу смертному, прислушивающемуся к его авторитетному голосу, но пусть они будут небесами не суеверия, а наиболее счастливого будущего для человечества. Искусство поэтому не должно нарочито обессиливать свою вечную тему — любовь, трактуя ее лишь в определенных, стесняющих границах, и может даже не избегать

эротических пряностей в тех случаях, когда это требуется художественной правдой, но ему нельзя проституировать, отдавшись в распоряжение низости и вырождения. Самому художнику предоставляется определить, какими путями он будет в состоянии достигнуть соответствующих результатов, так как не нам давать ему в этом смысле указания.

Впрочем, позволю себе дать совет некоторым современным нашим художникам: как можно тщательнее избегать всякого рода научных специальных произведений в поисках за материалом, когда они думают творить, прибегая к социально-эпическим, медицинским и вообще научным темам. Пусть они лучше, беря пример с Мопассана, стараются сами переживать все, что желают изобразить; в противном же случае художественная сторона произведения может исчезнуть у них из-под ног, и они превратятся в тенденциозных теоретиков, неважных ученых, плохих моралистов или социальных политиков, потеряв, во всяком случае, право на звание хороших художников. В «Пчеле» Метерлинка заключаются большие достоинства не потому только, что он сам по себе крупный писатель, но еще в потому, что он непосредственно ознакомился с жизнью пчел и, таким образом, творил на основании своих собственных впечатлений, а не прибегая к книжным компиляциям.

Независимо от прекращения развращающего воздействия денег и алкоголя, можно также рассчитывать на устранение дурной порнографической эстетики, благодаря повышению эстетического вкуса массы. В настоящее время положительно вызывает отвращение у обладающего здоровым эстетическим вкусом эта глупая, лживая, неестественная на почве эротической похоти сентиментальность, которая находит столь широкое распространение в плохих изделиях ремесленного происхождения, приподносимых широкой массе под громким названием «искусства». Но отвращение это играет роль благодетельного духовного лекарства, и нельзя согласиться с взглядом строгих аскетических душ, полагающих, что настоящая этика не имеет ничего общего с искусством, причем все моральное должно быть безискусственно. В этом мнении коренится глубокая ошибка, благодаря которой бессознательно поощряется порнография, ибо трезвенная сухость отталкивает человечество к противоположному полюсу. Совершенствование человечества обусловится эстетическими, равно как и этическими чувствами, в гармоническом сочетании с интеллектом и волей.

Пусть не отказано будет мне в разрешении сделать одно замечание, не имеющее, правда, непосредственного отношения к настоящей главе. Предлагавшиеся из одного лагеря, между прочим, и мною меры против забеременения для урегулирования деторождения, причем исходная точка была безусловно социально-гигиенической и этической, были осуждаемы в качестве безнравственных или же антиэстетических. При таком вмешательстве в функции природы нарушаются поэзия любви, равно как и нравственные основы; к тому же воздвигается препятствие и для естественного подбора.

На это я отвечу с различных точек зрения.

Прежде всего нет основания утверждать, что не может быть прочности в искусственном вмешательстве человека в функции природы. Если бы такое мнение было справедливо, то земной шар и по настоящее время облечен был бы первобытным лесом, и потребности человека не нашли бы никакого отклика в растительном и животном мире. Пропали бы все эти насаждения и культурные поля, вместе с домашними животными, чего на деле не наблюдается. Замечается, наоборот, стремление естествоиспытателей сохранить для будущего некоторые виды редких и интересных представителей животного и растительного царства, которые в настоящее время фауна за фауной, флора за флорой уступают энергичному и эгоистичному натиску человека, совершенно исчезая с лица земли. Изыскиваются, и довольно безрезультатно, меры для воспрепятствования такому делу разрушения. Нам, людям, наоборот, удалось доказать, — правда, грубо, в ущерб совести, искусству и поэзии, — что успешно имеем возможность вмешиваться в функции природы.

Не буду приводить опять этику. Я доказал уже в главе XV, как прихрамывает наша обыденная половая этика, а также, принимая во внимание сказанное в главе XIV, обосновал безусловную необходимость противозачаточных средств для истинной социальной половой этики.

Что же касается опасений, основанных на соображениях эстетического свойства, то, пожалуй, с первого взгляда можно было бы предположить в этом некоторую долю истины. Но

тут приходится уже спорить о вкусах. Очки, например, эстетичностью не отличаются, но употребление их не отразилось на поэзии любви и без них нельзя в настоящее время обойтись в соответствующих случаях. Прибегают к посредству очков даже великие художники. Это почти в равной мере относится к одежде, велосипеду и массе других вспомогательных средств, к которым прибегает человечество. И чувство эстетики страдает только от непривычности и новизны предмета. Но, привыкнув к данным вещам, о них перестают и думать. Ведь считают же эстетичными и корсет, уродующий грудную клетку, и ботинки с острыми носками! У меня господствует убеждение в том, что за неэстетичность был осужден своими товарищами и тот первый человек, который поехал верхом на лошади. Если говорить о деталях совершения полового акта, — то и в них заключаются эстетические дефекты, которые весьма незначительно возрастут от прибавки кондома. Справедливость таких возражений, как мы видим, не может быть признана, причем предубеждение может быть приписано исключительно непривычке.

Глава XIX

Обозрение прошлого и будущие перспективы

Под утопиями можно разуметь такие идеальные проекты социального устройства в будущем, которые, будучи обязаны своим происхождением человеческой фантазии, не имеют под собою реальной и здоровой почвы, составляют противоположность данным человеческого опыта и лишены поэтому каких-либо шансов на их осуществление. Однако, такие консервативные филистерские умы, которые живут лишь предрассудками и преклонением перед авторитетами, считают утопическим всякий идеал, который не обязан своим происхождением древним устоям, привычке, нравам или авторитету. Это является грубою ошибкой, которая могла бы свести на-нет какой угодно социальный прогресс, если бы с ней постоянно считались.

Есть идеалы будущего, вполне достижимые, но бывшие неведомыми для прошлого. Нельзя в этом отношении признать правым Бен-Акиба в его афоризме, что нет ничего нового под луной. Международные мировые сношения, всемирный почтовый союз, уничтожение крепостного права, вскармливание детей искусственным путем, телефон, беспроволочный телеграф и пр., — все это достигнутые уже результаты, которые раньше человечеству даже и не снились. Можно ли поэтому считать утопией хотя бы общий всемирный язык или прекращение в дальнейшем войн между цивилизованными народами? Всевозможные расы уже в настоящее время владеют английским языком, и всем доступно изучение эсперанто. На территории больших стран, как Германия и Франция, давно положен уже конец прежним местным войнам между отдельными государствами, феодалами и пр. (а в маленькой Швейцарии даже сословиями и кантонами). Нельзя ли на этом основании предполагать возможность и дальнейшего человеческого объединения? Только предрассудок может это отрицать. На каком основании должно считать утопиями устранение наркотических веществ, действующих отравляюще на массы, как алкоголь, опиум, индийская конопля и пр., или на социальную экономическую реформу, вводящую более справедливую (как общественную), т. е. полную, оплату труда? Что касается меня, то я такие вещи считаю не только вполне осуществимыми для человечества, но даже и необходимыми в интересах дальнейшего его успешного развития. И лишь предвзятость старого толка, обусловливаемая инертностью чувства, оказывает им противодействие, подвергает осмеянию, принимая их за утопии, ибо, благодаря своей близорукости, она совершенно не считается со значительно видоизменившимися человеческими социальными соотношениями, или же дает им незначительную оценку, не будучи в состоянии изменить своим старым идолам.

На каком основании, наконец, должно принять за большие утопии рациональные нововведения в половой области, чем достигнутое уже в настоящее время искусственное вскармливание младенцев, не могущих пользоваться грудью матери, или чем современное нам победоносное шествие хирургии, серотерапии, предохранительные прививки и т. д.? Как близорукие и дальнзоркие прибегают к посредству очков, а лишенные зубов пользуются вставными зубами, в такой же мере люди с унаследованной порочностью или же больные могут

применять кондомы, чтобы не производить потомства, причем пользование подобного рода средствами дает возможность матери отдохнуть нужное количество времени между двумя последовательными родами.

И. Блох (Половая жизнь нашего времени) упоминает об одной крайне поучительной и точной статистической анкете относительно 100 браков среди всех сословий Вены, произведенной д-ром Антоном И. Гросс-Геффингером. (Судьбы женщин о проституции в связи с принципом неразрывности католического брака и т. д. Leipzig, 1847). Доценту морали в Цюрихе, д-ру Ф. В. Ферстеру мы рекомендовали бы поближе ознакомиться с этой статистикой.

Среди них насчитывалось: 48 несчастных браков, 36 безразличных браков, 1 добродетельный брак, 0 добродетельных и ортодоксальных браков.

30 женщин были несчастны по вине мужа, 12 — по собственной вине. Среди тех же 100 браков было: 14 намеренно неморальных, 51 распутных и легкомысленных, 2 совершенно вне всякого подозрения.

Гросс-Геффингер исследовал тем же способом еще 200 случаев (а всего 300), которые дали вполне тождественные результаты. Опросный листок в каждом отдельном случае приводил положительно в отчаяние, но все же претензии составителя крайне скромны. Приблизительно половина всех браков абсолютно несчастлива, большая же половина очевидно деморализована. Нравственность меньшей части не состоит в соблюдении супружеской верности, 15% промышляет развратом и сводничеством.

Но не повсюду, однако, положение вещей так печально. Все же картина эта попадает в точку в отношении крупных центров. Такова лицемерная мораль нашего христианского моногамного брака, и всякий честно мыслящий признает необходимость коренной реформы его. Ждать ухудшения в сравнении с тем, что есть, вряд ли справедливо.

Бросим снова взгляд на первые восемнадцать глав этой книги.

а. В главах I до V мы имели возможность ознакомиться с естественной историей, анатомией и физиологией половых органов, а также с нормальной психологией половой жизни.

б. В главе VI мы кратко изложили, придерживаясь преимущественно Вестермарка, этнографию и историю половых отношений человеческих народов.

в. В главе VII мы стремились как проследить зоологическую эволюцию половой жизни (филогению) наших животных предшественников, так и дать краткое изложение индивидуального развития половой жизни человека от рождения его до смерти. Мы таким путем стремились представить наиболее понятными две корневые группы наших нынешних половых восприятий — наследственную, или филогенетическую, и индивидуально приобретенную, или приспособленную мнему.

г. В главе VIII мы дали описание болезненных извращений половой жизни, ибо они чреваты значительно большими последствиями для наших социальных отношений, чем это принято думать, и сопряженные с ними опасности и их причины должны быть всегда пред глазами, чтобы можно было с ними успешно воевать.

д. В главах IX до XVIII мы, наконец, показали отношения половой жизни к наиболее важным областям человеческих чувств и интересов, к внушению, деньгам, собственности, внешним жизненным условиям, религии, праву, медицине, этике, политике и политической экономии, педагогике и искусству. Мы при этом касались также и связанных с ними общественных установлений и нравов.

Если мы сопоставим все получившиеся данные, то будем в состоянии сделать отсюда ряд заключений, которые разделим на две группы.

А. Отрицательные данные: прямые или косвенные источники половых скверных положений и соответствующих социальных безнравственных поступков, удаление которых настоятельно необходимо. Та трясина, в которую свергнула человечество полукультура, дав ему возможность значительно легче удовлетворять свое легкомысленное и беспредельное стремление к наслаждениям, питается, в свою очередь, этим же стремлением к наслаждениям, которые становятся объектом вымогательства и удовлетворения денежных интересов. Но в конечном результате существует антагонизм между постоянной погоней индивидуума за удовольствием и наслаждением с одной стороны — и интересами и надежным существованием общества — с другой. В этом и состоит узел осложнения. Такая страсть к наслаждениям

должна быть пресечена при помощи наиболее совершенной социальной организации, причем социальные данные, в качестве альтруизма или социальных стремлений человека (этические чувства), должны быть улучшены. Мгновенно может быть достигнуто лишь первое. Но мы видели, что и второе может постепенно подготавливаться для будущего, ибо мы должны считаться с обоими подобного рода факторами спасения.

Нам представились здесь наиболее важные корни полового вырождения, которые обусловлены нашей полукультурой. Речь идет именно о полукультуре, так как культура наших дней еще чрезвычайно далека от совершенства и, во всяком случае, лишь с внешней стороны успела соприкоснуться с массой. И действительно, высококультурные представители человечества гораздо скорее преодолели детские болезни культуры, чем невежественная масса, — и это обстоятельство должно было обусловить наше мужество и возрастание доверия к будущему, когда действительная высшая культура будет находиться во всеобщем распоряжении. Обнаруженные корни полового вырождения имеют иногда лишь косвенную, иногда же и непосредственную связь с половой жизнью. Против всех них должен быть объявлен беспощадный поход, и война не должна быть прекращаема до тех пор, пока они не сведены будут на первобытный, нормальный минимум. К главным из них относятся:

1. Первый источник полового вырождения, обнаруженный в историческом развитии человечества и его половой жизни, мы видели в главе VI, равно как и главе X. Он проявляется в старании человека использовать другого, в стремлении к обладанию богатством и господству, составляющим причину сперва похищения, а потом и покупки жен, проституции и всех тех свойственных нашему веку утонченностей, которые насаждают половое наслаждение в связи с господством, обусловливаемым деньгами. Поклонники Мамоны совершенно напрасно пытаются утверждать, что их божок — золотой телец — представляет собою высшую побудительную силу к труду, являясь вместе с тем и двигателем культуры. Мы имеем возможность всякий раз убеждаться в противоположном. Деятельность гениальных тружеников мысли, людей науки, изобретателей и художников обусловливается исключительно идеальными стремлениями. Но вслед за тем появляются на сцену из своих темных нор жрецы Мамоны, зорко следящие за новыми открытиями и усовершенствованиями, и не только присваивают себе продукты деятельности истинных творцов и изобретателей, чтобы на их счет накопить себе богатства, но и нередко присваивают себе и чужую честь заслуги изобретения, чтобы гордиться ею без всякого на то основания. Кражи духовные сочетаются с денежными, — и в этом заключаются геройские выступления «мамонизма». И как ловко он при этом работает! А между тем, он представляет собою единственный двигатель человеческой деятельности и в связи с него и культуры! Мы этому не верим. Разумеется, на почве непрекращающейся конкуренции, в стремлении к наживе, создается кипучая деятельность. Но такое стремление к труду, возникшее в качестве непосредственного следствия жажды наживы и наслаждений и не брезгающее никакими средствами для достижения своей цели, представляет собою нездоровую предприимчивость. Необходимы другие первопричины человеческой деятельности, и, к счастью, они имеются налицо. Должно только обнаружить их и пустить в ход, ибо без трудовой деятельности не будет ни культуры, ни социального прогресса, ни счастья.

Таким образом, первым основным корнем человеческого полового вырождения является возведение в культ золотого тельца, использование накопленных богатств в интересах эксплуатации чужой деятельности с исключительно себялюбивыми, индивидуальными побуждениями. Сюда и относится приобретение за деньги жен, браки по расчету, проституция и все их сопровождающее. Пока не будет окончательно удален этот корень, человечество не сможет рассчитывать на здоровые половые отношения. На этом основании первой нашей и наиболее важной задачей, в интересах оздоровления и приведения в норму наших половых отношений, хотя бы и не непосредственным путем, является борьба с современным манчестерством, или преувеличенным правом собственников располагать частными капиталами, причем право это находится под покровительством закона и дает в своем применении ряд злоупотреблений. Если иметь в виду простоту и солидность воспитания, главным образом относительно брачных и семейных устоев, то в качестве достойного подражания образца может быть указана семья лютеранского деревенского духовенства, и приносящая соответственные плоды.

2. Употребление наркотических ядов, сделавшееся привычкой, и, главным образом, алкоголя, обуславливает, как мы уже видели в главе VIII (§ III, 9), равно как и в главах X и XI, тяжелое физическое и моральное вырождение человечества, причем это отражается не только на индивидуумах, подвергшихся действию наркотических веществ, но и на их зародышах, а впоследствии и на их потомстве, В этом-то и состоит бластофтория. Но бластофтория по существу своему находится в тесной зависимости от половых процессов. Благодаря ей, индивидуальное влияние прибегания к наркотическим и вообще ядам передается из поколения в поколение. И единственное радикальное средство для борьбы с таким явлением имеется налицо, причем применение его не сопряжено ни с какими трудностями, если бы не рабское упрямство человека и его зависимость, с одной стороны, от привычек и предрассудков, а с другой — от капитала и стремления к наслаждениям. Всякого рода наркотические средства, и раньше всех алкоголь, должны быть навсегда устранены из обихода, в качестве средств потребления и применяться лишь в качестве лекарственных препаратов в аптеках, спирт же еще в промышленных целях. Все зло, главным образом, заключается в том, что наркоз, действуя парализующе на мозговые центры, при более умеренном его воздействии, когда развязывается только язык, но уже известным образом нарушен правильный ход мыслей в мозгу — наркоз этот обуславливает ощущение человеком чего-то приятного, доставляющего ему удовольствие и становящегося, в силу привычки, предметом «страсти», более или менее сильной, к опьяняющим средствам, к которым он все больше и чаще прибегает. Большинство же из этих средств, и алкоголь на первом плане, действуют раздражающе на половое влечение, большей частью в животной форме, что обуславливает, в свою очередь, при ослабленной потенции, весьма грязные и бессмысленные эксцессы. Нельзя положительно найти какое-либо полезное показание относительно потребления опьяняющих веществ, между тем индивидуальный и социальный вред, в сильной степени выраженный, всегда налицо.

Обществами трезвости объявлена социальная война потреблению всех видов ядов, опасность которых установлена уже опытом. Нам остается пожелать им достижения благотворных результатов во всех местностях и в период ближайших лет с таким же успехом, который достигнут уже в некоторых северных странах. И тогда исчезнет и второй основной корень вырождения полового стремления: половой жизни.

3. Третий источник, служащий причиной половой ненормальности, исчезнет вслед за уравнением женщины в правах с мужчиной. У животных нельзя проследить каких-либо прав собственности самца на самку. Природа ни в каком случае не дает нам прообраза рабских установлений, в силу которых один пол против своей воли подчиняется другому. Даже самцы у муравьев, вполне зависящие от работников, в силу своего физиологического чрезвычайного духовного убожества, все же не знают никакого ига и в случае желанья, могли бы в любой момент эмансипироваться. Мы опровергли уже господствующее мнение о духовном превосходстве мужчины над женщиной, доказав его вздорность и неосновательность. Благодаря эмансипации, женщины отнюдь не сделаются мужчинами, но им отданы будут их человеческие — я пошел бы еще дальше — их животные естественные права. Эмансипация вовсе не отнимает у женщины ее работу и не отучит ее от труда. Женщина ни в каком случае не должна быть избалованной, изнеженной комнатной собачкой или же вьючным истомленным животным для мужчины. Женщина должна стать самостоятельной в обществе, в зависимости от ее естественных предназначений. Весьма важной является ее половая роль, являющаяся действительно выдающейся и обеспечивающая ей право на определенные требования к социальной жизни. Не будем здесь повторяться, после сказанного уже в главе XIII, но все же кратко заявим, что при осуществлении женщиной ее прав и обязанностей в обществе (само собою разумеется, в соответствии с разницей пола), т. е. при дальнейшем воздействии женщины, сообразно с ее гением и с такой же интенсивностью, как и мужчина, на судьбы общества, — исчезнет и третий основной корень современных половых ненормальностей. И нашим третьим главным требованием на этом основании и является полная женская эмансипация, в чем мы целиком соглашаемся с такими мужчинами, как например, Вестермарк и Шарль Секретан. Как нами приведено уже было в главах XIII и XVII, нет основания опираться на различие полов, чтобы предоставить только мужчинам пользование социальными и политическими правами. Мы видим, что совершенно одинаковыми являются для обоих полов

окружающий мир и существа, обуславливающие наше духовное и физическое существование в той мере, в какой оно вне нас. И если в суммарном выводе гении одного пола и превосходит гений другого, то это не может послужить хоть сколько-нибудь разумной причиной лишения этого другого права на свободное существование и социальную деятельность в соответствии со своими талантами. Нет, конечно, никакого сомнения в том, что оба пола различны, но всякое покушение одного пола на права другого, при своей искусственности, отражается на свободном развитии обоих полов, так как каждому предоставлено священное право, в зависимости от своих интеллектуальных особенностей, по-своему воспринимать мир и совершенствовать свое я, не сводя на-нет свои умственные функции, чтобы уподобиться животному в хлеву. И только право сильного, воспитанное на слепых и бессмысленных предрассудках, разрешит себе не признавать такого ясного положения вещей. И в действительности, нельзя провести никакой аналогии между ограничительными мероприятиями, устанавливаемыми законодателями применительно к женщине, фактически нам не вредящей, и теми ограничительными законами, которые справедливо применяются в отношении отдельных лиц, покушающихся на интересы других в целях удовлетворения собственного эгоизма и нарушающих таким образом права других лиц и общества.

4. Можно указать еще на неприятеля, энергично задерживающего всякие мероприятия в интересах осуществления реформы. Но он в такой мере внедрился в человеческую природу, что постепенное его сведение на-нет может быть обусловлено лишь медленным качественным улучшением человечества. Я имею здесь в виду всю эту массу пережитков, предрассудков, суеверия на почве мистицизма, догматов религии, мод и пр. Пришлось бы стать на путь распространенных проповедей морального направления, если бы мы задались здесь целью громить порок, обязанный своим происхождением и развитием одному лишь свойству людей обоготворять и свято чтить все, что осталось для него в минувшем, давно прошедшем.

Мы взамен сошлемся на Шиллера (смерть Валленштейна, акт I, сцена 4):

Валленштейн:

"...враг
 Невидимый, что борется со мною,
 В груди людей, что страшен для меня,
 Лишь трусостью своею молодухной —
 Вот этот враг опасен мне. Не то
 Грозит бедой и вызывает ужас,
 Что видим мы живым и мощным, нет —
 Ужасна и опасна только пошлость
 Ничтожная, то вечное вчера,
 Которое существовало вечно.
 И вечно возрождается, и вновь
 Жить будет завтра, ибо живо нынче.
 Да! из рутины создан человек,
 Кормилицей ему была привычка,
 И горе тем, кто у него в дому
 Дотронется до утвари почтенной
 Старинных лет, наследья дорогого
 Его отцов!.. Что прожило года,
 То действует, как сила освященья;
 Что старости покрыто сединой,
 То для него божественно. Будь только
 Владетелем — и право за тобой,
 И сохранит ненарушимо свято
 Его толпа.

Самые низменные человеческие страсти, зависть, ненависть, тщеславие, скопидомство,

сладострастие, сплетни, властолюбие, лень и *tutti quanti* — пользуются услугами предрассудка и веры в авторитетность, «вечное вчера», мистику и т. д., в связи с сознательным или бессознательным лицемерием, а также более или менее ясными софизмами, чтобы окружить себя почтенною мантией священной старины и ссылаться в своей пошлости на непреложные авторитеты древности. Таким путем достигалась возможность не только оправдывать, но и восхвалять какую угодно низость! Мне вспоминается характерный спор, которого я никогда не забуду, на борту трансатлантического парохода, с французскими дворянами-католиками. Они упорно, не отступая ни одной пяди, утверждали необходимость безобразнейших половых эксцессов, неслыханных парадоксов и бессмыслиц, ни на чем не основанных. Человек со стороны, лишенный предрассудков, мог бы с уверенностью утверждать, что эти почтенные люди дурачатся. Но они все время оставались глубоко серьезными, с такой же уверенностью, с какою, например, приверженцы дуэли защищают свой бессмысленный кодекс чести.

Я питаю уверенность в том, что лишь введение научного, духовного элемента и здорового индуктивного и философского образа мыслей в наших школах и в человеческой среде сможет положить предел бестолковому попугайничанью и тупоумному отстаиванию известных взглядов, берущих свое начало в благоговении перед тупыми предрассудками и изречениями людей, возведенных в авторитеты.

Я не буду возвращаться снова к обсуждавшейся уже у нас теме о необходимости борьбы с предрассудками и старыми взглядами на вещи в половой сфере. Все эти источники зла, имеющие свое отрицательное значение и во всех других сферах человеческого существования, могут уступить лишь под натиском истинных знаний и свободного всеисчерпывающего воспитания характера юношества. Но такая борьба существенно необходима, и на это я обращаю особое внимание. В этих целях благотворно подействовало бы, если бы ученые выползли из своих кабинетов и озарили бы светом знания темную неурядицу человеческого общества. Ученые обязаны деятельно участвовать в социальной борьбе уже только для одного того, чтобы не потерять представления о вечно человеческом, благодаря исключительному увлечению своею специальностью.

Предлагаемые в дальнейшем постулаты имеют в виду опасности и извращения более частного, местного характера.

5. Мы упоминали о порнографии в главах V, X и XVIII, а в главе XVII подчеркнули громадную опасность ее для нормального развития половой жизни юношества. Хотя порнография и черпает свое начало в стремлении к наживе и в дальнейшем им и поддерживается, но нужно считаться и с тем обстоятельством, что мужской эротизм, в свою очередь, идет навстречу этому стремлению. В зависимости от этого, не включая искусства в заранее предначертанные рамки, должно считать социальной обязанностью борьбу со всякими порнографическими проявлениями большого, низкого и грязного эротизма, а также и с самим эротизмом. Половое стремление человека, в среднем, отличается значительно большею интенсивностью, чем это нужно для удовлетворения социальной потребности рождений, и совершенно не представляется надобности воздействовать на него искусственно, разжигая, прививая и усиливая, сколько только возможно. Таким образом, в число требований должно быть включено и противодействие порнографии. Необходимо, однако, иметь в виду, что с порнографией можно бороться косвенно и даже с большим расчетом на успешный результат, если только будут исполнены четыре раньше приведенные требования, причем соответственно повысятся идеальные взгляды и утончится эстетическое чувство. Репрессивные меры могут в этом случае оказаться менее продуктивными и будут применяться только к наиболее худшим продуктам порнографии.

6. Лишь *pro memoria* укажу здесь на то, что злоупотребления половой жизни на политической почве должны быть, без сомнения, устранены точно так же, как вредное воздействие половых факторов в политической сфере, особенно же какое бы то ни было безосновательное вмешательство государства в половую жизнь, при помощи законов и циркуляров, и другой род насилия по отношению к естественным половым стремлениям человека, брачной жизни и т. д.

7. Потом весьма важной является упорная борьба с патологическими вырождениями полового стремления и венерическими болезнями. Мы об этом подробно говорили уже в главах

VIII, X, XIII и XIV. Патологию полового стремления сопровождают и преступления на половой почве. Здесь почти неизбежно приходится сталкиваться с проявлением ненормальностей человеческого мозга, причем ни устранение их у данного субъекта, ни воздействие какими угодно наказаниями не могут дать желательных результатов. И только лишение свободы дает относительное улучшение, так как при этом общество освобождается от опасных элементов, носящих в себе признаки вырождения. Должны быть приняты возможные меры, чтобы такие индивидуумы не размножались в потомстве, и вообще должно быть принято во внимание указанное нами второе требование.

8. После всего этого приходится еще иметь в виду очень важный вопрос, который нами уже приводился, сводящийся к тем мерам, которые культурное человечество обязано принять в виду грозящей ему опасности со стороны низших человеческих рас, которые при чрезмерном сравнительно размножении, угрожают превзойти количественно культурные нации. Эта опасность, без сомнения, имеется налицо. Но для правильной ее оценки совершенно недостаточно, не вдаваясь в подробности, поставить в одну сторону все дикие племена и всех варваров, а в другую культурные народы. Дело обстоит значительно сложнее. У многих диких племен замечается быстрое вымирание, благодаря ничтожной плодовитости. Европейцы привили им развращенность нравов, алкоголизм, венерические болезни, и дикие племена гибнут, не будучи в состоянии противодействовать; сюда относятся, например, ведды, краснокожие Сев. Америки, малайцы и друг. Негры же в этом смысле составляют яркую противоположность, так как отличаются исключительной живучестью, умением приспособляться ко всякой культуре и при этом сильно плодятся. Однако, только утописту может казаться, что негры могут преобразоваться в высшую цивилизованную расу без филогенетического видоизменения, требующего для своего осуществления бесчисленного количества тысячелетий. Не считаю возможным распространяться на эту тему, но достаточно сказать, что за такой сравнительно продолжительный срок пребывания негров в Америке под воздействием культуры они могли бы обнаружить свою способность сохранять ее и совершенствоваться в дальнейшем. Но на деле мы наблюдаем, что подвергшиеся влиянию цивилизации негры Гаити, предоставленные своей собственной судьбе, снова углубляются в злейшее варварство, таким же образом относясь и к полученному ими в свое время христианству. Но мы наблюдаем и с другой стороны, с какой быстротой, при наличии лишь зародышевых энергий, японцы и без христианства отлично усваивают нашу культуру. Также интенсивно подвигаются вперед по пути цивилизации и южные славяне, стряхнувшие с себя фаталистически обессиливающее турецкое иго.

По плоду определяют и ценность дерева. Японцы представляют собою культурную нацию, и к ним должно относиться, как к культурному народу, негры же являются некультурными или же способными лишь занять низшие ступени цивилизации. Не беру на себя решить, а могу лишь поставить вопрос относительно того, насколько в состоянии монгольская, а также и еврейская расы смешаться с индогерманскими культурными народами, не вытесняя последних и не истребляя их мирным и последовательным путем. Если бы мы имели дело только с японцами, то не было бы надобности распространяться. Что же касается китайцев и некоторых других монгольских племен, то они, без сомнения, представляют собою опасность для белых рас, которую не заметить может только слепой. Нужно иметь в виду, что эти народы могут удовлетвориться вдвое или втрое меньшим количеством пищи, меньшим объемом воздуха, произведя значительно больше потомства и будучи трудоспособнее, чем мы. Взаимоотношения между этим вопросом и половым вопросом становится вполне очевидным. Возможно, что удастся впоследствии найти тот или иной исход и установить какой-нибудь *modus vivendi* с китайцами и вообще моноголами. Но для нас более опасной является их кровь, чем их оружие. Китайцы, правда, могут гордиться своей высокой и древней культурой и многими такими добродетелями, о которых мы еще и понятия не имеем. В некоторых отношениях они нас превосходят (см. Ф. Рихтгофена, о Китае, а также «*Etische Umschau Juni-Septembr, 1900*») Однако, при склонности их к застою, жестокости и чрезвычайному распложению приходится считаться с весьма печальной перспективой для человечества, если эта мирная раса когда-нибудь мирным же путем вытеснит все остальные расы.

Чтобы правильно решить этот вопрос, не должно поступать, как француз Ле-Бон,

бросивший на чашку весов одни лишь расовые особенности, фатально уделив им определенные значения, но и не наоборот, ожидая всего от воспитания и социальной организации. Обе группы факторов должны быть тщательно исследованы и предусмотрены. Необходимо также и прежде всего над всем производить опыты, воспитывать у нас в европейском духе новорожденных монголов, а затем подвергать их испытанию в собственной культурной среде.

Положительные данные. Устранение приведенных в ненормальностей и опасностей создаст благоприятную платформу для существования в будущем более идеальных и здоровых половых отношений. Последние претендуют при этом на специальные меры, предупреждающие благофторическое вырождение зародыша и патологические половые отношения вообще; далее они требуют действительного здорового любовного единения, лишённого влияния предрассудков и материальных соображений и более стойкого, чем гипноз, любовного увлечения. Они требуют, наконец, регулирования прав и обязанностей родителей в отношении родившегося потомства, приноротив их к требованиям гуманности и интересам общества. Мы убедились уже в том, что все это не может осуществиться, если мы не обратимся к содействию искусственных вспомогательных средств, до сего времени находившихся под запретом или же применявшихся не с соответствующими целями; мы имеем здесь в виду принципиальную разницу, получившую уже реальное осуществление, между удовлетворением полового стремления и деторождением. Если у растений и у животных эти два понятия безусловно неотделимы, то у человека, наоборот, под влиянием культуры и социального развития создались совершенно новые условия и потребности, значительно отличающиеся от того, что было до сих пор. Та грубая борьба за существование, которая проявляется у различных видов животных, для человека, можно констатировать, отошла уже в область преданий. Человеку в настоящее время приходится лишь еще энергично бороться с бактериями и тому подобными мельчайшими живыми существами. Схватки между людьми и людьми или же борьба между разрастающимися нациями, очевидно, также приходит уже к вожделенному концу, ибо она приводит ad absurdum. И неужели нам предоставлено будет «бессмысленному естественному подбору» {выродившемуся у человека под влиянием культуры в противоестественный стимул регресса), т. е. грубому случаю, болезни, голоду, войне, детоубийству — поручить как количественное, так и качественное упорядочение рождаемости в будущем — как раз в такую эпоху, когда, благодаря науке и технике, человечество все успешнее борется с теми же несчастными случайностями, болезнями, смертностью и голодом? Заложённое в нас интенсивное половое стремление не соответствует уже больше потребности рождений и возможности прокормления потомства, а потом и запросам его на подобающее для человека существование, ибо потомство это уже не падает больше жертвой детоубийства, эпидемий, диких зверей, беззащитного существования или же войн, как это имело место у первобытных племен. Однако, мы не в состоянии влиять на половое побуждение в смысле его изменения, в то время как от нас вполне зависит урегулирование и улучшение достоинств рождающегося потомства. Такие элементарные истины не допускают никаких возражений и способны противостоять каким угодно предрассудкам, догмам и утверждениям о существовании непреложных законов природы. Под последним мы разумеем тот ограниченный круг понятий, которые только может воспринять наша скромная способность познания, полагающая, что данное в природе законно. Мы, не задумываясь, сейчас же формулируем строгий закон, пред которым уже преклоняемся, между тем как основательность подобного рода «законов» подлежит частой проверке при помощи вновь определившихся истин. А между тем факты пред нами и убедительно заявляют о своем существовании; мы располагаем вспомогательным средством, дающим нам возможность предупреждать зачатие путем применения предохранительных мер. Мы и должны к нему обязательно прибегнуть, но, разумеется, применяя разумную осторожность, в тех только случаях, когда это диктуется настоятельной необходимостью, и иметь всегда в виду рождение возможно большего количества детей при сочетании умственной силы и этических начал с физическим здоровьем. Это то, что Франсис Гальтон назвал Eugenik (воспроизведение хорошего или хорошее воспроизведение). Eugenik — новое искусство, с которым мы должны ознакомиться на научной почве. Этим мы решительно выступаем против неомальтузианцев, которые, не делая никаких разграничений, попросту стремятся к сокращению числа воспроизведений.

Человеческий подбор представляет собою, как мы это видели в главе XIV, принцип, который поведет еще нас к отдаленной цели. Этот принцип проложит себе дорогу не по принуждению закона, а благодаря всеобщему обучению. Мы доказывали уже, в главе VI § 8 (половой подбор), большую разборчивость женщины в половом отношении, которая у дикарей, например, с большей снисходительностью относится к проявлению силы и героизма. Благодаря значительно видоизменившимся нравам, современная интеллигентная и культурная женщина отдает предпочтение не столько физической силе, сколько духовным преимуществам и превосходству или гениальности мужчины. Благодаря такому положению вещей, мы имеем руководящую нить в желательном половом подборе, причем лишний раз доказывается неотложность основательного ознакомления женщины с областью половых сношений. И женщины интеллигентные будут энергичнее и успешно отстаивать, разумеется, человеческий половой подбор.

Считаю долгом повторить, что мы отнюдь не стремимся образовать новую человеческую расу, своего рода сверх-человека, а имеем в виду лишь последовательное устранение испорченного под-человека, сведя на-нет источники бластофтории и обеспечив добровольное бесплодие у тех индивидуумов, которые являются носителями дурных зародышей, но, с другой стороны, воздействуя на лучших людей, более полезных в общественном смысле, более здоровых, в смысле наибольшего их размножения. При тщательном ознакомлении с явлениями бластофтории, а также в связи с законами наследственности, можно получить полную уверенность в том, что дело это вполне возможно. Мы видим, например, как интенсивно повысилось качество собак с того времени, как выводятся хорошие породы, в ущерб дурным! Не наблюдаем ли мы, как известные фамилии и крупные человеческие группы всегда выделяются мягкостью своего характера, любовью к труду, интеллигентностью, идеальными стремлениями, что объясняется тем обстоятельством, что они в продолжение многих поколений и веков заботились о сохранении этих качеств, поддерживая, при помощи правильного подбора, без постороннего влияния, свой семейный или расовый тип? И нельзя ли легко проследить, как в других фамилиях или у народностей из рода в род передается склонность к мошенничеству, лени, лжи и низости? Нуждающихся в наиболее рельефном доказательстве отсылаю к труду д-ра Иергера о «семье Зеро» (см. главу XI). В этом случае подвергались тщательному наблюдению гибельные последствия бластофтории и скверной наследственности у многочисленных потомков одной и той же семьи на протяжении почти двух веков. Такие истины могут быть опровергаемы лишь в религиозном ослеплении предрассудками. В зависимости от разнообразия наших скрещиваний, при патологических вырождениях может, разумеется, случиться, что атавизм обусловит экфории хорошего потомства у дурных производителей и плохих родителей. Мы указали уже в главе I (Мнема и пр.) на причинную связь между этими явлениями. Мы должны быть осторожны при обсуждении таких явлений, чрезвычайно обманчивых при поверхностном их изучении. Какие же человеческие типы должно энергичнее воспроизводить?

Мы начнем с отрицательного определения и укажем, какие типы не следует производить. К ним необходимо отнести людей с преступными наклонностями, душевно-больных, тупоумных, невменяемых, с недостаточно развитыми эротическими потребностями. Зло, причиняемое такими субъектами, отягчающими общество зародышами с болезненными задатками, огромно. Зачастую люди способные, они, в виду влечения к наркотическим веществам (алкоголю, морфию и т. д.), приносят вред путем бластофтории. В данном случае более уместны меры для отучения от пользования наркотом, чем изолирование субъектов, прибегающих к нему.

Ко второй категории относятся индивидуумы с наследственным предрасположением к туберкулезу, рахитизму, физические уроды, гемофилы и другие, которые, в виду своих наследственных недостатков и физического недоразвития, неспособны производить здоровое потомство.

Наоборот, более желательны в смысле воспроизведения люди, полезные обществу, отличающиеся любовью к труду, ровным, добрым характером, уживчивые и услужливые. При наличности еще трезвого рассудка и ясного ума или творческой фантазии, толкающей их в направлении создания той или иной художественной ценности, в этом случае они тем более

желанны, как воспроизводители будущего поколения. Те или иные физические недостатки, не особенно значительные, не могут быть приняты в соображение. Несокрушимая настойчивость в стремлении к намеченной цели, не граничащая, конечно, с деспотическим властолюбием, соответствует достоинству, которое должно быть всячески культивируемо. Должно различать такие понятия, как сила воли и импульсивность, из которых последняя является скорее противоположным свойством, но, обнаруживая чрезвычайную стремительность при осуществлении мгновенных решений, кажется посторонним проявлением воли.

Еще и в настоящее время очень часто, к сожалению, производится ложная оценка духовной ценности молодого человека, причем исходят из старых привычек, руководясь лишь школьными испытаниями. Но для успешного выдерживания экзаменов необходимо прежде всего обладать хорошою памятью и способностью быстрого усвоения, на что, главным образом, и обращается внимание. Следствием является то, что запоминаются отголоски учителей, которые представляют большей частью из себя ничтожество, между тем как совершенно не считаются с глубиной ума, оригинальностью, творческими задатками, выдержкой, честностью, чувством ответственности и обязанности. Чтобы дать себе ясное представление о социальном достоинстве человека, необходимо, как мы об этом уже упоминали при описании деревенских школьных приютов в главе XVII, дать прежде всего оценку свойствам его воли (энергия и выдержка), чувств (чувства симпатии и долга), творческой фантазии и т. д., причем память и усвоение должны отойти на второй план, ибо на жизненной арене упомянутые раньше качества имеют непосредственное применение, характеризуя пригодность человека. Но экзамены неспособны даже судить об интеллекте, так как здесь значительно большую роль играют фантазия, умение приспособляться и комбинировать, могущие скорее вывезти, чем память. И неудивительно, когда после этого разводят руками, убедившись в том, что «первый ученик», на которого возлагалось столько надежд, оказался полнейшим ничтожеством, в то время как будто бы неспособный ученик оказался крупным талантом или, во всяком случае, полезным для общества человеком. И вслед за этим ударяются в фатализм и заявляют, что «никому не дано знать, во что сформируется впоследствии данный субъект». В этом мы видим лишь своего рода фетишизм, который обуславливается неправильностью произведенной оценки юношества. Правда, возможно такое стечение обстоятельств, как болезнь или другие причины, которые значительно видоизменяют первоначальные хорошие задатки, превратив их даже иногда в совершенно противоположные, но все же было бы значительно меньше ошибочных предсказаний, если бы прибегали к указанному рациональному способу оценки молодежи. Необходимы были бы также и психологические исследования развития отдельных личностей в зависимости от их различных возрастов и результаты сравнить. Тогда социальная ценность человека могла бы определяться с еще большею и желательною точностью.

Ослепленные культурой и благосостоянием, многие, даже ученые, отрицают деятельное вырождение нашей расы. Они не учитывают того, что мы питаемся за счет культурных приобретений наших предков, благодаря чему глупыш или человек слабого здоровья может создать больше, чем деятельный и сильный человек в прежние времена. Одним словом, они смешивают готовые продукты культуры, которые так значительно облегчают нашу работу, с унаследуемой индивидуальной ценою отдельных личностей. Далее, они считают вздутые животы и красные лица признаком силы и здоровья. Они упускают из виду понижение числа годных к военной службе, поражающее увеличение числа невропатов, психопатов, душевно-больных, страдающих туберкулезом и т. д.; не обращают внимания на все ухудшающееся качество наших зубов, нашего скелета, на возрастающую непригодность наших жен к вскармливанию детей и т. д. Мы, во всяком случае, доказали, что не половые эксцессы, сами по себе, являются причиной всему этому, а потребление алкоголя (или опиума и т. д.), несоответствующий половой подбор — бедственная фабричная жизнь, сифилис и т. д. Но против политики страуса, прикрывающей или отрицающей свои язвы, мы вынуждены энергично протестовать. Не культура, сама по себе, ведет нас к вырождению, а прежде всего ее блюдолизы.

Искусственный человеческий подбор вызывал возражения, причем указывалось на слабость искусственно выведенных различных растений и домашних животных. Но эта слабость обуславливается тем обстоятельством., что при искусственном подборе мы вовсе не

интересуемся тем или иным состоянием растений и животных в их свободной жизненной борьбе, а преследуем лишь наши собственные выгоды, причем выводим лишь такие породы, которые нам принесут больше пользы, как жирные английские свиньи, еле способные к передвижению, и т. д. Человеческий же подбор будет преследовать лишь выгоды личности, в качестве индивидуального и социального существа. Мы имеем здесь дело не с утопическим предположением, а с фактами, результаты которых могут быть когда угодно проверяемы на нашем обществе, поскольку мы не будем только ослеплять себя предрассудками.

Франсис Гальтон, в своей статье о способах улучшения человеческой расы при тех социальных условиях, при которых мы в настоящее время живем (Smithsonian Institution 1902), занялся серьезным исследованием этого вопроса, желая установить закон изменений, прибегая для этого к теории вероятностей. Такой наблюдающийся повсюду закон сохраняет свою силу для случайности, или для большого количества мелких, иногда противоположно действующих причин, влияющих друг на друга в обратных направлениях, и в конечном суммирующем выводе лолучаются маленькие цифры для обеих крайностей и большие для среднего. Но при наличности достаточного количества односторонне действующих сил, целое в конечном результате переместится в одну или другую сторону. Гальтон доказывает, что этот закон имеет одинаковую силу как для физической величины, так и для социальных отношений и психического проявления субъекта. В каждом обществе можно будет найти несколько очень хороших людей, очень скверных и много посредственных. Но если какая-нибудь общая, интенсивно действующая причина, как например, пристрастие к алкоголю, алчность к материальным выгодам, в большей или меньшей степени умаляет отдельные ценности, то целое значительно понизится по годности, и наоборот. Путем покровительства полового размножения высших категорий и удерживания от такового низших можно, как указывает Гальтон, повысить средние ценности. По этому же вопросу недавно был прочтен интересный доклад проф. Жюлем Аманном в Лозанне на заседании Лиги нравственного воздействия. Он справедливо указал на то, что отмена Людовиком XIV Нантского эдикта (1685), вызвавшая переселение лучших представителей гугенотов в Швейцарию и Германию, способствуя подъему нравственного уровня стран иммиграций, губительно отразилась на интересах Франции.

Мне становится крайне тяжело, когда я сталкиваюсь с деятельными, работоспособными, в социальном отношении крайне полезными людьми, которые, в угоду нашим общественным предрассудкам и нравам, обречены на бесплодие. Такие люди должны были бы жениться как можно моложе, производя достаточное количество потомства. При таком несчастном стечении обстоятельств, когда одна из сторон окажется бесплодной (бесплодие чаще встречается у женщин), благодаря чему вторая сторона тоже будет обречена на бесплодие, необходимо принять меры против такого вреда при помощи бигамии или конкубината, находящих себе одобрение в лице закона и нравов (См. Andre Couvreur, La Graine). У меня нехватает достаточно энергии настаивать на необходимости компенсации сокращения размножения несчастных и негодных элементов, а также и отдыха для женщины между каждыми родами, — тем наиболее интенсивного размножения людей, отличающихся способностью, здоровьем и лучшими задатками. Весьма грустным является тот факт, что в наши дни насчитывается такая масса очень славных, трудолюбивых и могущих быть полезными девушек, которые невольно пополняют собою ряды старых дев лишь благодаря отсутствию материальных средств, если они только не предпочитают броситься на шею первому встретившемуся бездельнику. Было бы, быть может, рациональнее разрешить в определенных рамках свободную полигамию, при сохранении одинаковых прав для обоих полов, вместо того, чтобы равнодушно присутствовать при бесплодной гибели стольких здоровых задатков. Ссылаясь здесь на приведенные уже нами в главе XIII обязанности родителей по отношению к своему потомству, а также государства применительно к лучшим производителям, можно быть уверенным, что практические результаты такого способа сказались бы уже на протяжении одного только столетия, разумеется, если бы единичные опыты превратились бы в массовый обычай, — и потомки наши через ряд столетий послали бы нам свою искреннюю благодарность. Они будут преисполнены удивления по тому поводу, что происходят, как и мы, от таких же диких предков, заключавших в себе такое изрядное количество алкоголиков, преступных элементов и людей ограниченных. Непосредственное участие мистики, с номенклатурой «религии» в проявлении половой жизни

будет иметь в их глазах такое же значение, как в наших, например, грубое идолопоклонство или вера в колдунов у диких народностей. Они будут в такой же мере поражаться нашему алкоголизму со всеми его последствиями и проституции наших дней, в какой мы не находим слов для выражения своего удивления при виде в музее средневековых орудий пыток или же знакомясь по книжным источникам с проявлениями инквизиции, с процессами о ведьмах и их всеожжжениями. Многие читатели, быть может, назовут такое сравнение мое парящим в областях фантазии и гиперболическим, ибо они находятся под непосредственным воздействием современного образа мыслей и положения вещей и нуждаются в достаточном количестве опытов, наблюдений и сравнений, чтобы перенестись мысленно к образу мыслей давнопрошедшего или же в атмосферу определенных моментов будущего. Я просил бы таких скептиков, не нашедших возможности сразу принять мои уверения на слово, ознакомиться с содержанием «Ключа к хижине дяди Тома» Бичер-Стоу (не самого романа). Эта книга заключает в себе многочисленное количество документальных данных, характеризующих эпоху негритянского рабства до американской войны за освобождение. Ознакомившись с тогдашним положением вещей, и прочтя, например, одну из часто встречавшихся тогда в газетах реклам о перворазрядных собаках и щенках, дрессированных для поимки рабов, причем приложенный рисунок наглядно изображал сцену поимки собакой убежавшей негритянки, — вникнув в эти людские взаимоотношения, всякий согласится в результате, что я утверждал не без основания. Невероятное в наше время, с нашей точки зрения, в то время считалось в порядке вещей. И благочестивое духовенство было тогда на стороне рабства, как оно, впрочем, и в настоящее время держит под своим покровительством алкоголизм.

Мне предстоит еще краткое объяснение педагогической реформы, являющейся наиболее положительной рядом с человеческим подбором как в половой сфере, так и во всяких других областях (см. главу XVII). Я прошу иметь здесь в виду главу XVII в связи с главой XIII. Как мы видели, главной основой для человеческого счастья является хорошее качество человеческого зародыша, причем это относится не только к половой области, но и ко всяким другим областям, но все же его еще недостаточно. Если представляется возможным получить из сравнительно плохих зародышей, путем воспитания, более или менее порядочных индивидуумов, то, наоборот, может еще скорее случиться, что филогенетически хорошие зародыши, в зависимости от вредных и наблюдательных воздействий, будут онтогенетически погублены. Внимание общества должно быть целиком поглощено правильным, всеисчерпывающим физическим и умственным развитием подрастающего поколения. Должно иметь место гармоническое развитие интеллекта, чувства и воли, а также характера, альтруизма и эстетики, в связи с определенными принципами, аналогичными тем, которые положены в основу деятельности деревенских школьных приютов, упомянутых нами в главе XVII. Если имелась налицо хорошая наследственность, то необходимо, чтобы плод ее получил бы полное развитие, обусловливаемое соответствующим воспитанием и трудом. Если же наследственность была не особенно благоприятной, то должны быть приняты, по крайности, все меры для всестороннего развития лучших задатков, которые в этом случае не дадут плохим наклонностям главенствовать в мозгу. После этого общего указания, , отсылаю к главе XVII. Выразим пожелание, чтобы повсюду наши школы одухотворены были той идеей, которую заповедали им такие люди, как Руссо, Песта-лоцци, Редди и Литц. Но, несмотря на безусловно положительные стороны рациональной педагогики, не следует ею настолько увлекаться, чтобы потерять из виду подбор, которого она ни в каком случае не в состоянии заменить. Ее цели исчерпываются ближайшими перспективами, она имеет в своем распоряжении уже готовый в настоящий момент существующий человеческий материал, который предполагается использовать; однако, самой педагогике не дано хоть сколько — нибудь изменить в благоприятном смысле качество будущего зародыша. Но, посвящая молодежь в подробности социального значения подбора, она в состоянии подготовить почву для практического его осуществления.

Утопия в связи с идеалом брака будущего.

Внешнее существование личности хотя и обуславливается в большинстве случаев

воздействием импульсов настоящего, но внутренняя его жизнь запоминается воспоминаниями о прошлом в связи с наследственной мнемой. Одно и другое определяют наши заботы о будущем. Но прошлое не должно, однако, служить тираническим и суровым надсмотрщиком нашего внутреннего мирозерцания, являясь лишь услужливым и послушным справочником переживаний всего человечества и его собственных, помогающим ему при облюбовании новых идеалов и разумных решений.

Идея брака будущего предвидит людей, уже с детства посвященных в сущность естественных половых отношений и опасностей, сопровождающих их; далее, она понимает людей, воспитание которых было свободно от воздействия алкоголя и других наркотических средств, имеющих право претендовать на полное использование продуктов своего труда, для поддержания жизни своей собственной и семьи, не капитализируя их, однако, т. е., не обращая их в источник доходов или отчуждая их в пользу других, т. е., не созидая из них орудия для использования чужого труда в своих личных интересах. Представители обоих полов должны быть воспитываемы в постоянном сознании, что труд является неоспоримым условием жизни. Воспитание девочки и мальчика ведется на разных для обеих сторон основаниях, причем им внушается разница предстоящих жизненных путей, обусловленных наличием половых и индивидуальных особенностей. До 16 лет, а иногда и позже, они посещают народную школу, где им дается стройное систематическое образование в интеллектуальном, физически-техническом, эстетическом и социальном направлениях. Не запугивая их страданиями ада, не предвещая им бессмертия в загробной жизни, им внушают, что жизнь должна быть преисполнена чистых идеальных стремлений. Им не устают твердить, что только добросовестное выполнение возложенных на них жизненных задач, соответственно индивидуальному влечению, равно и ревностное сотрудничество на пользу общества и отдельных членов его, может дать им полное удовлетворение. Далее, их воспитывают в пренебрежении к пустому времяпровождению, мишурной роскоши и личной собственности, направляя вместо этого все их честолюбие на качественное и количественное улучшение произведенной работы.

Таким образом подготовленные, они освоятся с мыслью, что пользование чем-либо должно быть заслужено, и не будут претендовать даже на питье и на еду, не дав какого-нибудь возмещения взамен. И вот, в зависимости от индивидуальности, в том и другом возрасте, у них начнет проявляться половое влечение. Закаленные с юных лет в борьбе со своими инстинктами, приученные подчинять свои страсти интересам общества, они не сразу сдадутся своему влечению. Да к тому же они знают, в чем дело; не сомневаются, что их терпение не будет подвержено длительному испытанию, что могут непринужденно совещаться по поводу переживаемого ими чувства с воспитателями и близкими, не смущаясь даже противоположного пола. С какими же результатами придется нам считаться при таком состоянии дела?

Будет происходить весьма раннее проявление наклонностей. Все эти расчеты, практикующиеся в настоящее время и втайне обсуждающийся вопрос относительно материальных средств, социального положения, сословия и пр., исчезнут с горизонта человеческого; не будут больше прибегать к маскированию своих внутренних побуждений искусственными приемами вежливости; оставлены будут впредь без пользования те окольные пути, к которым прибегали взамен честного отношения к основному вопросу, в целях всестороннего его выяснения, не будут направлять всю свою энергию на выделение своих преимуществ в интересах ослепления противоположной стороны, но будут избирать в каждом отдельном случае откровенность, для которой не встретится больше препятствий. Будут посвящать друг друга в подробности относительно видов на будущее и подвергать испытаниям взаимные отношения, верность и искренность, не считаясь со злословием. Сношения между обоими полами станут значительно проще и доступнее, ибо прежде всего обе стороны будут вполне посвящены во все подробности относительно половых вещей и, кроме того, нравы будут отличаться значительно большей свободой. Тогда, пожалуй, не потребуется непосредственных половых сношений, чтобы безошибочно определить, насколько совпадают друг с другом два данных темперамента в половом отношении. Свободный обмен мыслями с обеих сторон еще до брака, взаимное изучение характеров и взглядов на вещи и пр. сразу дадут возможность судить о перспективах брака, о предполагаемой его прочности. Наступит пора,

когда возможно будет уже вполне спокойно и свободно, не считаясь с устарелыми традициями, обсуждать вопросы о наследственности, а также о рождении и воспитании детей. И такое положение вещей, без сомнения, будет больше граничить, с основами морали, чем практикующийся у нас обмен мнений между «благовоспитанными» обрученными, не имеющими возможности говорить о тех вещах, о которых им всего полезнее было бы толковать, а взамен этого вертящихся вокруг да около. Если более талантливый молодой человек будет продолжать больше учиться, то это нисколько не отразится на его возможности вступления в брак. Он уже 24-х лет сможет пожениться на девушке 18-ти лет и продолжать свое учение до 25-летнего возраста. В зависимости от простоты нравов они удовлетворятся и незамысловатостью домашнего хозяйства; что касается же воспроизведения, то разумное применение предохранительных средств даст ему возможность на пару лет отсрочить вопрос о деторождении.

В какие же формы выльется тогда брак непосредственно? Раньше всего в самой сильной степени сократится совершенно излишняя роскошь и исчезнут условности внешнего характера. Труд мужа и жены станет общим и обязательным для обеих сторон, причем каждый из них будет применять свои силы в своей области труда, которого известная доля будет посвящена потомству. Что касается непосредственного воспитания потомства, то и отец будет принимать в нем непосредственное участие, поскольку он для этого окажется способным, и в большей степени, чем мать. Это имеет место и в настоящее время. Равноправие женщины и матриархат (см. главу XIII) нисколько не отразятся на брачных устоях в смысле их ослабления, но сделают отношения в браке более высокими и глубже коренящимися. Это все отразится на внешнем блеске, который постепенно сведется на-нет. Исчезнут официальные приглашения и угощения, со всякими обстановками и никому ненужными осложнениями. Все это предоставлено будет в удел богатых лентяев, могущих тратить время и деньги без всякого смысла. Если же пришел в дом друг или знакомый, то он является желанным гостем, садится без церемоний за стол, если только есть чем его угостить. Соответственная реформа коснется и одежды, которая станет более целесообразной, простой и совпадающей с требованиями гигиены. Взамен же с особою интенсивностью воцарятся искусство и эстетика в сочетании с исключительной чистотой. Искусством нельзя считать пышность и роскошь, которые всегда больше совпадают с чванством, будучи в некоторых случаях даже совершенно противоположными искусству. Мне приходилось видеть очень скромные маленькие квартирки рабочих, отличавшиеся, однако, исключительно чистотой и богатством эстетического вкуса; я и сам нередко жил в таких квартирках (см. главу V).

Если, в зависимости от трудовой деятельности супругов и количества детей, необходима будет посторонняя человеческая помощь, то положение прислуги в домашнем обиходе выльется в совершенно иные формы. Служащие в доме, располагающие одинаковыми социальными правами и получившие такое же воспитание, как и члены семьи, будут занимать в ней такое же место, как и в настоящее время незамужняя сестра, тетка или бабушка. Они не только будут делить трапезу за общим столом с членами семьи, но и принимать активное участие в радостях, печали и работе семьи, являясь членами одного и того же класса людей. Не будет такой работы, которая будет считаться более унижительной, грубой или недостойной сравнительно с другими работами. При бесплодном браке супруги будут усыновлять детей из многодетных семейств, а также сирот и т. д., но они могут, по взаимному соглашению, в вышеуказанных случаях, руководясь и социальными соображениями, оба прибегнуть к конкубинату, который можно в данном случае сравнить с бигамией. Однако, это будет совместно и вполне открыто обсуждаться, причем не сумевший победить свою ревность получит развод.

Мы не должны забывать, что историческое филогенетическое приспособление обоих полов друг другу в брачном союзе уготовило духовно-сексуальное дополнение «друга подругой и наоборот. Несмотря на все несоответствия и недоразумения, оно все же способствует половому единению и помогает приспособлению характеров.

При несчастливом же браке, если характеры оказались друг другу совершенно не соответствующими, то брак или половое общение могут быть расторгнуты, при условии, что отношения к потомству со стороны обоих родителей будут урегулированы со стороны закона.

Обе стороны после этого получают полную свободу вступить в новый брак по своему усмотрению. И можно предсказать, что это будет случаться не чаще, чем в настоящее время, особенно же при наличии потомства, так как в последнем случае развод обыкновенно представляет собою большие неудобства.

Труд, в сочетании со стремлением к достижению социальных идеалов, будет представлять собою наиболее естественное отвлечение от полового влечения. Основными факторами, обуславливающими односторонне это влечение в крупных центрах, являются ничегонеделание, стремление к роскоши и порча нравов, доводящие в результате до вырождения, что и наблюдается в современных беллетристических сочинениях у героев как одного, так и другого пола. Труд же обладает свойством действовать на любовь освежающе, давая мало досуга для супружеского несогласия.

Взамен высокомерного подымания на смех нашей утопии, можно было бы сделать попытку практически ее осуществить. Если характер данной личности отличается достаточной независимостью, то добрая доля указанной программы может быть осуществлена и в настоящее время.

Искусство долго любить. За 7-й год издания в № 30, страница 240, «Simplicissimus'a», под заголовком «Хозяйка», мы видим две карикатуры на тему из семейной жизни. На одной из них нарисована женщина, в изодранном капоте, вооруженная веником, грязная и неприглядная; она в таком виде ласкает и целует своего супруга, который при этом обнаруживает не особенно много восторга, причем лицо его выражает отчаяние человека, принудительно проглатывающего отвратительную еду. Рядом стоящий ребенок ободран не менее матери. Под этим изображением красуется подпись: «Так она одета для своего мужа».

Второе изображение дает нам вид той же женщины, стоящей на пороге своей квартиры, расфранченной и принаряженной, с ненормально высоко стянутой грудью, в шикарном причёске, при наличии всех тех искусственных сооружений и способов, которые женщина считает долгом пустить в ход для усиления своего настоящего или, только воображаемого очарования. Ребенок также принаряжен, елико возможно, а в дверях видна пришедшая в гости дама. Под рисунком написано: «А так для приема».

Сатира дает нам в этих двух изображениях весьма важный отдел психологии любви в ее проявлении в моногамном браке. Истинная любовь, как мы это уже констатировали, проявляется лишь после того, как рассеялся первый любовный угар. Мы говорили уже, что гармоническая любовь, в наиболее интенсивном ее проявлении, зиждется на отражениях искренних чувств, — но сюда входит, однако, и половое влечение, которое должно находиться в тесном общении с вышеупомянутыми чувствами за все время продолжения половой любви человека. После этого срока достаточно будет уже и одних чувств симпатии.

Есть немало людей, не могущих избежать одной, весьма крупной ошибки в браке: как только брак оформлен священником и гражданскою властью, едва защелкнулась за ними задвижка, они сразу приходят в состояние безразличия и целиком отдают себя во власть бессмысленных привычек, прихотей, наклонностей, слабостей и инстинктов. Предъявляя возможно больше требований к противоположной стороне, другая сторона, в свою очередь, дает как можно меньше, рассуждая в таком смысле, что «теперь он мой, или она моя», и, стало-быть, нечего теперь особенно стараться перед своим, а следует направить все свои старания на посторонних. Таким образом, едва улетучился угар половой любви, как жена потеряла для мужа свои притягательные стороны, и он расточает свои любезности другим, влюбляется в других, навязывая свои прихоти жене; последняя же, в свою очередь, бросает заботу о том, чтобы попрежнему нравиться своему мужу, а все силы своего очарования приберегает для улицы, вечеров, приема гостей, выездов и пр.

Мы знаем, что человеку трудно отрешиться от своей природы на слишком продолжительный срок, так как ему в чрезвычайной степени свойственны те особенности, которые им унаследованы. Но все же существует определенное умение быть приятным в жизненном обиходе, и умение это является следствием привычки и воспитания, будучи необходимым даже для бедных супругов во взаимных их отношениях. «Воспитание» и «самовоспитание» должны продолжаться всю жизнь. Вышеприведенное пугало на столбцах «Simplicissimus'a» было бы весьма полезно отпечатать в большом количестве экземпляров и

преподносить его молодоженам перед вступлением их в совместную жизнь. Должно особенно ценить продолжающееся долгое время взаимное половое влечение, сочетавшееся с проявлением высшей любви и взаимного уважения, так как такие условия обеспечивают продолжительную совместную любовь супругов в браке, исполненную счастья. Необходимо поэтому принять все меры к тому, чтобы эта связь не ослаблялась и не прекратилась. Женщина, например, должна не опускаться и махнуть рукою на свою внешность, а принять все меры к тому, чтобы ее милое и грациозное умение, на почве природного кокетства и любви к мужу, проявилось бы наиболее интенсивно. Она сделает все от нее зависящее, чтобы не переставать возбуждать интерес и внимание мужа, в качестве наиболее симпатичного центра семейного существования, причем она не упустит из виду ни сзоего домашнего туалета, ни даже подробностей спальни обстановки и интимных сторон супружеской любви. И с каждым днем она будет к себе снова и снова привязывать. Отсюда, конечно, исключается всякого рода грубые приемы чувственного характера или извращенного кокетства. Их должны заменить тонкий такт и деликатность, в связи с природным инстинктом приличия, свойственные благородной женственности, и даже в большей степени, в среднем, чем мужской природе.

Муж, в свою очередь, берет на себя всеми зависящими от него средствами содействовать этому проявлению любовной и жизненной игры, не выходящей из пределов домашнего очага. Его рыцарские отношения к женщинам вообще должны быть не менее, если не более, интенсивными по отношению к его подруге жизни; его привычки, которые стеснили бы других, должны быть сдерживаемы им и в кругу родной семьи; пред лицом своей семьи он не должен показываться, как духовно, так и физически, в качестве зевающей и тоскливой особы, облаченной в халат и туфли, с удовольствием сваливающей на голову бедной жены все те неприятности, которые перенесены были вне дома при каких бы то ни было обстоятельствах, но которые там невозможно было обнаружить. Если жена не принимается за экономку или за детородную машину и существо «годное для постели», т. е. для чисто животных потребностей, то всегда можно будет это избежать. Но при таком взгляде он мог бы удовлетвориться любой продажною женщиною, что и наблюдается в большом числе случаев. Конечно, при таком низком взгляде на достоинство жены, не особенно редко встречающемся, нельзя говорить о счастье в данном супружестве, но все же не должно упускать из виду, что только высокий взгляд на жену, являющуюся подругою в жизни, недостаточен, если связь происходит лишь на почве чистой духовной симпатии.

Продолжительное и полное счастье в любви и браке создается на почве духовной любви, все время сопутствуемой половою любовью. Это нужно понимать в том смысле, что обязанности мужа сводятся не только к уважению жены, с которою он связан неразрывными брачными узами, и которая представляет для него сочетание домашних и женских добродетелей, но она должна оставаться для мужа все той же богиней, какой она являлась раннею весною взаимной любви в ореоле девичьей прелести. Необходимо, чтобы не прекратилось чисто физическое тяготение мужа к жене даже по истечении известного периода совместной супружеской жизни, и горячие объятия жены должны всегда служить для него источником счастья. Это вполне возможно и уместно при наличности чувств симпатии и благородной любви, положенных в основу брака и продолжающихся и после того, как миновала молодость. Тогда и наружность ее, как и весь ее духовный облик, будут казаться всегда просветленными, и она будет для него той богиней, какою являлась и на заре ях любви.

Разумеется, жена в этом смысле всячески идет навстречу, удовлетворяя все его требования, основанные на справедливости, законности и эстетике. Если же у нас не обнаружится желания или умения это сделать, то муж, при его склонности к полигамии, может оставаться равнодушным к женщинам, которые ему понравятся, и не быть в состоянии устоять в тех случаях, когда он встретит сочувствие. Большую роль играют здесь привычка и фантазия. Мы должны посоветовать, особенно мужчине (хотя и у женщины это может иметь место) следующее. Если чувственная страсть влечет его к другой женщине, причем он не чувствует себя в силах бороться, ему рекомендуется призвать на помощь свою фантазию и мысленно представить себе свою жену обладающей всеми теми привлекательными чертами, которые его прельстили в другой. Это большею частью и удается. Благодаря этому возрастает его половая страсть к жене, которая, в свою очередь, будет к нему относиться значительно

теплее. И в результате может произойти, что тот самый всепожирающий огонь любви, который грозил испепелить их семейный очаг, послужит лишь для его укрепления. У Гете это в первой части его «Wahlverwandtschaften» носит, правда, название духовного прелюбодеяния, но я склонен в этом видеть лишь духовную верность браку, подкрепленную чувственным элементом.

Если любовь носила характер искренности и взаимности, то подобного рода потрясения в любви действуют лишь в качестве большей скрепляющей силы. При таких условиях не только супружеское ложе вновь обретет заблудшую любовь, но исчезнут создавшиеся недоразумения, и в брачную жизнь вольется обновляющая струя любовного желаяния и более интимной привязанности. Супружеская жизнь, питаемая таким образом, может превратиться в вечную весну любовного чувства, причем все больше и пышнее будут распускаться новые ростки и исчезнут шипы под влиянием совместного дружного настроения счастливой жизни. В этих целях должна не прекращаться борьба со своими слабостями и отрицательными сторонами, на почве эстетической деятельности, причем должно быть обращено внимание на то, чтобы в браке никогда не ослабевал культ богини любви. Вполне понятно, что перемена возбуждает половой инстинкт, а привычка притупляет его. Необходимо принять меры, чтобы предупредить значительное притупление; в этом отношении рекомендуется, если не совершенное разъединение спальных комнат, то хотя бы изолирование кровати мужа от кровати жены.

Матриархат. Должно, в связи с семейными отношениями, иметь в виду одно, важное обстоятельство, о котором мы уже отчасти говорили в главе XIII (гражданские права детей). В зависимости от власти отца и вытекающей из условий, патриархата, явилось обыкновение давать семье название по отцу. В этом, кроме ненормального элемента, кроются еще и нередко отрицательные результаты. В общем, родившееся существо наследовало, очевидно, столько же зародышей от своего отца, сколько и от матери, но в действительности ведь во многих других отношениях мать гораздо ближе ребенку, чем отец. И те племена, которые уступили первое место в семье женщине (не только в смысле наследования ее имени, но и во всем прочем), очевидно, более трезво отнеслись к голосу природы. Это и есть те народности, которые придерживаются матриархата. Права эти на ребенка приобретаются матерью предпочтительно перед отцом, хотя бы в силу одного только того обстоятельства, что она в продолжение долгих девяти месяцев вынашивает ребенка под своим сердцем; а вслед за его появлением на свет связана с ним значительно больше, чем отец. Детям, на основании этого соображения, должна была быть присвоена фамилия их матери. При этом общим правилом следовало бы установить принадлежность детей, при разводе супругов, только матери, за исключением каких-либо особых обстоятельств, которые побудили бы суд вынести в частном случае иное решение.

Наше современное культурное настоящее не дает права предположить возможность возвращения к матриархату в таком его проявлении, какое он имел в прежние времена. Точно так же как господство патриархата не могло бы быть не сопряжено с большими и частыми злоупотреблениями, благодаря единоличной власти патриарха над всеми его потомками, так и было бы нерационально такую же власть предоставить любой старой бабке или прабабушке. Матриархат мы понимаем здесь в том смысле, что, кроме предоставления фамилии матери потомству» в семье управление домом будет сосредоточено лишь в руках жены, представляющей собою на самом деле ядро семьи. От этого, можно надеяться, не увеличится число браков, в которых муж будет находиться под башмаком жены. В зависимости от своей мужской мощи, мужчина может не опасаться господства над собою. При обнаружившемся трении в семейных отношениях муж всегда сумеет в любой момент покинуть дом, и, в виду такого соображения, жена всегда будет считаться с необходимостью не отравлять совместного существования. С другой стороны, и муж будет помнить о необходимости сдерживающего начала, так как господство в доме не будет уже сосредоточено в его руках, причем на его попечении будет лежать участвовать продуктами своей трудовой деятельности в содержании семьи. Я резюмировал бы все необходимое в этом отношении в таких постулатах:

1. Имя потомству по женской линии.

2. Исключая те случаи, когда жена теряет свои права по неспособности, вследствие скверного обращения или умственного расстройства, или когда об отобрании у нее детей делают постановление судебные установления, — ей одной предоставляется право власти над

потомством, и также опеки, пока оно в нем нуждается.

3. Жене принадлежит домашний очаг, и она им управляет. При этом ее управление хозяйством на равных правах противопоставляется профессиональной деятельности, в интересах заработка ее мужа.

4. Пока брак остается в силе, мужу предоставляется право располагать жилищем, уходом и услугами своей жены — в виде компенсации за все, что он вносит в семью, защищая ее, в случае надобности, сотрудничая в хозяйстве и возвращении потомства и внося нужные средства.

5. Кроме тех средств, которые идут на предметы хозяйства и воспитания, все остальные средства мужа и все его состояние находятся в единоличном его распоряжении, точно также, как и всякие средства его жены зависят лишь от ее усмотрения. Развод влечет за собою также и раздел имущества с предоставлением потомства в исключительное распоряжение матери, кроме вышеприведенных случаев. Пока отец обладает работоспособностью, он должен участвовать своей долей в прокормлении и воспитании потомства, от него родившегося и еще не совершеннолетнего.

Само собою разумеется, что последние от 2 до 5 пункты имеют обязательный характер лишь в том случае, когда не могло состояться полубовного соглашения, так как при благоприятных обстоятельствах в браке каждой супружеской чете предоставляется по своему личному усмотрению устанавливать свои взаимоотношения. Женщина более слабая и не расположенная к ссорам будет следовать указаниям своего мужа, более сильного и обладающего большим опытом. Нельзя утверждать, конечно, что и развод будет носить такой мирный и незамысловатый характер, но он протечет лучше, во всяком случае, чем теперь. В деле разрешения неизбежных споров и недоразумений решающее слово будет предоставлено суду, и если функции его будут сосредоточены в руках не только мужчины, то и права женщины будут обеспечены. Немало, конечно, найдется случаев, когда тот или другой супруг окажутся неспособными или недостойными воспитывать свое потомство, — но эти случаи представляют собою исключение.

Нельзя, конечно, рассчитывать на то, чтобы указанные нами пожелания скоро нашли себе осуществление при господствующем взгляде на вещи и *vis inertiae* большинства людей, и тем менее возможно рассчитывать на инициативу в этом смысле со стороны властвующих элементов. Но мы можем задаться вопросом относительно того, не доступно ли и в настоящее время, в зависимости от существующих законов, осуществить приведенные идеалы в браке и вне его? Мне пока представляются два пути.

Прежде всего, как на это указано было в главе XIII, представляется возможным устанавливать такие брачные договоры, в силу которых обязательным становится разделение имущества; в связи же с местными законами могут найти осуществление и другие из высказанных постулатов. Так, например, соответствующими пунктами контракта жена закрепила бы за собою право собственности на дом, заведывание им и проч.

Во-вторых, мы видим, что дети, родившиеся вне брака, носят уже в настоящее время фамилию своей матери, но ведь к этому и сводятся высказанные нами пожелания! Стало-быть, не прибегая к названию создавшегося положения конкубинатом, представляется возможным при посредстве частных договоров привести в исполнение высказанные нами соображения. Правда, на первых порах потребуются усилие воли, чтобы пойти против течения и всосавшейся в плоть и кровь общества рутины, особенно же, если с этим будет сопряжена потеря доброго имени. Нельзя рассчитывать и на особенно благожелательное отношение на первых порах к таким союзам и со стороны законодательства. Но свободные супруги при некоторой настойчивости и прямолинейности добиваются, наконец, того, что прежде всего жену будут величать «Frau», а не «Fraulein». Если такие союзы начнут учащаться, то общество современем в силу необходимости будет с ними считаться, признавать их право и, не ставя их ниже всякого другого брака, относиться с уважением к ним и к рожденному в таком союзе потомству. Фамилии вступивших в такой союз могут вместе сочетаться. Таким образом, если фрейлен (фрау) Мюллер вступила в свободный союз с г. Мейером, то ее могут называть фрау Мюллер-Мейер, а его г-ном Мейер-Мюллером.

Преследую ли я цель в этом случае констатировать, что благодаря таким отношениям

настанет рай на земле и будет достигнут идеал, несмотря на то, что наследственные свойства человека остались без изменения? Читатель, хочу надеяться, не сочтет меня таким наивным, если он все время только внимательно следил за развитием моих мыслей. Разумеется, будут проявляться и тогда низости, грубости, интриги, тупоумие, ненависть, зависть, ревность, лень, неуравновешенность, негигиеничность, сплетни, грязь, прихоти, безрассудство и т. д. Но вступление их не будет уже столь деспотическим, и они не будут находить себе извинения, а будут приниматься меры против таких дурных и патологических личностей, которых будут стараться устранить при посредстве целесообразного подбора, гигиены и воспитания.

Но, с другой стороны, будет предоставлена большая свобода для нормального развития честных, независимых и выдающихся людей. Им не придется уже исполнять обязанности пасынков у власти и капитала, предрассудков и деспотии. Не будет им вменено в обязанность, хотя бы и лицемерно, исповедывать навязываемые религиозные и социальные догматы, а каждый будет действовать сообразно со своими убеждениями. Власть не может тогда уже попасть а руки лишенных совести аферистов. Условная ложь покинет тогда атмосферу брака и половых отношений. Патологическая форма чувств, больше с внешней стороны не подавляемых, будет обуславливаться лишь действительно патологическими задатками, так как внешнее воздействие, особенно же денег, будет, по возможности, устранено. Тогда исчезнет сама собою и проституция, как лишившаяся главной своей базы в лице денежных интересов. Вероятно, будут иметь место половые эксцессы, но и они будут сдерживаться, сколько возможно, трудовой деятельностью, которая станет отныне неизбежною.

Здесь считаю уместным привести без пропуска следующие заключительные слова Фридриха Альберта Ланге из его «Истории материализма» Leipzig, J. Baedeker, VII Auflage, 1902), написанной им в 1874 г. (III издание), за год до своей кончины:

"Наша критика завершается как раз в такой момент, когда вся Европа охвачена разрешением социального вопроса; в этом вопросе, как на обширной арене, очевидно, столкнулись в решительном сражении все революционные элементы знания, религии и политики. Будет ли это сражение лишь схваткой умов или же, словно землетрясение, разнесет по миру остатки минувшей эпохи и повлечет за собою миллионы жертв, но новой эпохе не суждено одержать окончательную победу, если она не станет под знамя бессмертной идеи, которая сведет на-нет эгоизм и в качестве новой цели выдвинет совершенство человека в человеческом сообществе — взамен неустанного труда, который своей основой имеет лишь личные интересы.

"Разумеется, можно было бы ожидать меньшей жестокости в предстоящей борьбе, если бы можно было рассчитывать на то, что руководящие элементы сумеют считаться с человеческим развитием и неизбежностью исторического процесса; можно надеяться, что в отдаленном будущем великие преобразования в среде человечества не будут сопровождаться огненными и кровавыми потоками. Конечно, мысль была бы достойно вознаграждена за свою кропотливую работу, если бы то, что должно неизбежно совершиться, могло бы приблизиться к нам без ужасных жертв, и сокровища культуры перешли бы в новую эпоху без роковых потрясений. Но на это надеяться трудно. Мы не будем закрывать глаз на то, что усиливаются сильные партийные страсти и возрастает борьба личных интересов, ускользя из области теоретического наблюдения. Но можно все-таки утешить себя тем, что наши стремления не пропадут бесплодно. Есть счастливые натуры, которые угадывают момент; *но мыслящий исследователь не вправе молчать никогда, хотя и знает, что его услышат только немногие* " (Подчеркнуто автором).

Нам понятен пессимизм Ланге тридцать лет тому назад. Но в настоящее время перед нами открываются новые горизонты, более отрадные и понуждающие к социальной работе. Но и в настоящее время остается в силе пророческое предсказание Ланге. *Или социализм будет этическим, или его вовсе не будет.*

И мы, в свою очередь, за истекшие 30 лет в этом убеждены.

Приведенные нами утопии мы не считаем, однако, новыми. Мы поставили себе лишь задачу, путем исследования всех предлагаемых решений, найти среди них то, которое, правильно разрешая половую проблему, всего ближе соответствует тем социальным условиям, в которых находится нынешний homo sapiens. Свойственные нам половые сношения почти

всеми единодушно признаются отжившими, но никто не решается уйти от этих устаревших форм, столь далеких от идеала. Поскольку наши «утопические» идеи утопичны, мы предоставляем судить благосклонному читателю и читательнице. Пропустив наши мысли сквозь призму личных убеждений и склонностей, пусть он даст свое беспристрастно обдуманное суждение.

Выходом из создавшегося положения могут служить две альтернативы: или предавшись пессимизму и фатализму, привести нашу расу к совершенной гибели, или же путем своевременного напряжения сил и энергии ввести ее на путь новой, радостной и деятельной жизни. Избравшему последнее решение предстоит трудная борьба с алкоголем, капиталом и всеми другими предрассудками, которые, опутав нас в своих сетях, усыпляют нашу подозрительность и недоверчивость призрачными идеалами.

Другая обычная иллюзия состоит в переоценке наследственных индивидуальных ценностей внутри нашей расы, вызванная ослепительным блеском наших культурных успехов. Мы забываем при этом о двух главных положениях:

1) что наши знания и успехи зиждутся на трудах наших предков и, собранные в библиотеках, музеях в виде тысячи инструментов и других произведений культуры, всегда готовы к нашим услугам. Далее, некоторые технические изобретения уже сами по себе (печать, железные дороги, телеграфы и т. д.) дают нам возможность каждый проблеск мысли, хотя бы и самый скромный, распространять повсюду с значительной быстротой, чего не могли делать наши предки. Этим объясняется, почему в прежние времена погибали многие гениальные идеи, почему в наши дни ограниченный человек может создать больше, чем великий мыслитель старых времен;

2) что наши вклады в переданные нам культурные сокровища представляют собою продукт относительно немногих дельных и трудолюбивых мозгов; в массе же народы состоят из необразованных, духовно инертных, ищущих лишь наслаждения варваров, которые, предоставленные своим собственным силам, не только не ведут культуру к прогрессу, а, напротив, способствуют ее окостенению и движению назад. Caveant consults.

Конец.